

НАСЛЕДИЕ КЕЛЬТОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ

ГЕЛЬМУТ БИРКХАН

КЕЛЬТЫ
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

КЕЛЬТЫ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Перевод с немецкого

АГРАФ
Москва

УДК 94:[902/904+930.85](364)"-05/05"
ББК 63.3(0=48)+63.48(=48)+63.521(=48)
Б64

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым
коммуникациям в рамках Федеральной целевой
программы «Культура России»
Издано при поддержке Австрийской Академии Наук

Оформление серии художника

А. Осеновой

Перевод с немецкого

Н. Чехонадской

Информационный спонсор –
радиостанция «Эхо Москвы»

Биркхан, Гельмут.

Б64 Кельты : история и культура / Гельмут Биркхан ; пер. с нем.
[Нины Чехонадской]. – М. : Аграф, 2007. – 512 с. –
(Серия «Наследие кельтов»). – ISBN 978-57784-0346-8

Агентство СІР РГБ

Ни одна культура доисторической Европы не вызвала в последние четверть века столько интереса и не казалась такой волшебной, как кельтская. Книга Г. Биркхана о кельтах, которую вы держите в руках, представляет собой попытку рассказать об истории кельтов на протяжении более тысячи лет – с V в. до н.э. до V в. н.э. Значительное место отводится археологическим открытиям последних лет в Германии, Австрии, Швейцарии.

Г. Биркхан – известный филолог, действительный член Австрийской академии наук, автор десятков научных трудов; он постоянно принимает участие в научно-популярных передачах австрийского телевидения и радио.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

© Издательство «Аграф», 2007

© Биркхан Г., 2007

© Чехонадская Н., перевод, 2007

9 785778 403468

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда автор выпускает из рук рукопись, особенно столь обширную, то для него это — повод дать себе отчет в том, чего он, как ему кажется, достиг и что ему не удалось. Автора мучает совесть, и он спрашивает себя, нельзя ли было что-нибудь сделать лучше. Словом, в этом настроении смешиваются неуверенность и гордость, скорбь от расставания с любимым произведением и благодарность — как отдельным людям, так и целым учреждениям.

Как бы обширно ни было это чувство, надо все же заключить его в узкие рамки предисловия. Это чем-то похоже на расставание с любимым человеком в суеде вокзала или аэропорта: хочется еще что-нибудь сказать, вспомнить что-то из пережитого вместе, но и время, и место позволяют лишь вымолвить несколько слов благодарности.

В предисловии, однако, и гордость, и самокритика должны остаться в душе автора. Он поставил свое научное «дитя» на ноги, и дальше оно должно идти само. Автор может только лишь надеяться, что оно заинтересует читателя и найдет своих — не слишком суровых — критиков.

Мне вспоминается то время, когда я в первый раз столкнулся с кельтской культурой. Я думаю о двух прекрасных годах, проведенных в Абериствите, о первых поездках автостопом по кельтской стране. Перед моими глазами встает все то прекрасное, что было позднее: счастье, которое дарили мне постоянные поездки по Бретани, Корнуоллу, Шотландии, Ирландии. Вспоминается и длительная работа в этой, столь зачаровавшей меня, области науки: исследования средневаллийской традиции об Артуре, лукаво-жизнерадостное увлечение ирландскими святыми, приносившие столько радости выступления по телевидению по кельтским вопросам, то огромное впечатление, которое произвела на меня выставка «Кельты» в Венеции, которая, в конечном счете, и дала начало этой книге.

Со всеми этими воспоминаниями связана и благодарность тем, кто помогал мне в моих кельтских исследованиях: моему старому другу Прончису Мак-Кане и Дублинскому Институту продвинутых исследований (последнему в особенности за любезно предоставленное гостеприимство), а также многим

коллегам и друзьям-исследователям. Я назову лишь кельтологов Д. Эллиса Эванса, чья научная симпатия сопровождает меня уже четверть века, а также Дорис Эдель, Карла Хорста Шмидта и Стефана Циммера. Не забуду я и Патрицию де Бернардо Штемпель (чья самоотверженная работа корректора стала мне доступна лишь после завершения веретки); там, где было возможно, я вставил ее дополнения, обозначив их как [dBSt]. Я также благодарю историка Герхарда Добеша за полезную информацию, патриарха кельтской нумизматики в Австрии — Роберта Гебля, с которым меня связывают многие годы совместной работы в кельтологии, и не в последнюю очередь моих коллег-археологов, — начиная с геттингенского времени до тех друзей, с которыми я столь плодотворно работал в Вене, особенно Отто Х. Урбана и Хервига Фризингера, — за их дружеские советы и помощь. Не забуду я и полезные и вдохновляющие замечания археолога Джона Коллиза к двум главам моей рукописи. Я благодарю Хервига Вольфрама, который отчасти причастен к возникновению этой книги и с деятельным участием наблюдал за ее ростом, а также многие научные издательства за готовность издать эту книгу. Однако прежде всего я благодарю Австрийскую Академию Наук за неоднократные поощрения моих исследований и издательство Академии за печатные работы, которые были осуществлены с щедростью и пониманием.

Я благодарю Карин Лихтблау за огромную помощь в составлении библиографии и утомительную работу над указателем и корректурой, а также г-на Пюнтера Циммермана и г-жу Ульрике Хирхагер, и в особенности Эрмину Кауфнер, за тщательный и педантичный, как всегда, просмотр первого компьютерного набора. Я хотел бы особо упомянуть своего друга-историка Харальда Кравинклера, чья деятельность оказалась для меня столь полезной. Он не только критически проработал всю рукопись и устранил всевозможные небрежности, но и обогатил мою аргументацию новым методологическим термином (*см. вторую часть этой работы*).

С особой радостью приношу сердечную благодарность моему коллеге из Инсбрука — Вольфгангу Мейду, который с огромной компетентностью и столь же великой самоотверженностью просмотрел рукопись и в ряде мест спас меня от

фактических ошибок и несуразиц. Я очень ценю то, что большой ученый, который сам является как чрезвычайно плодотворным с научной точки зрения автором, так и очень занятым издателем, нашел время для того, чтобы столь основательно поработать над рукописью своего коллеги.

И я также должен с любовью поблагодарить свою жену, которая с самого начала моих кельтологических исследований в Аберистивите разделяла мою симпатию к кельтам и всегда с пониманием принимала участие в моей работе. Воспоминаниям о том времени, которое мы провели вместе в Уэльсе, я хотел бы посвятить эту книгу.

Вена, Имболк¹, 1996 год

Г.Б.

¹ *Имболк* — один из четырёх главных праздников кельтского календаря — 1 февраля.

В дальнейшем все примечания и пояснения в квадратных скобках принадлежат переводчику. Там, где квадратные скобки принадлежат автору, поставлена помета Г.Б.

[В Приложении к переводу приведены данные о русских переводах цитируемых Гельмутом Биркханом источников и литературы, которые нами нередко использовались. В то же время многие переводы античных и кельтских источников, цитируемых автором, были сделаны русским переводчиком с языка оригинала (в основном датского и древнеирландского), кроме особо оговоренных случаев. Иногда при этом авторская интерпретация смысла источника расходилась с интерпретацией переводчика этой книги или русского переводчика античного или средневекового источника. Такие моменты специально не оговариваются, если только эти расхождения не влияют существенно на смысл авторского текста].

ВВЕДЕНИЕ

Кельты... Die Kelten, the Celts, les Celtes, i Celti... Ни одна культура доисторической Европы не вызывала в последние четверть века столько интереса и не казалась такой волшебной, как кельтская.

Посвященные кельтам выставки, проходившие, в частности, в Риме, Милане, Болонье, Венеции, Лугано, Цюрихе, Базеле, Берне, Генте, Франкфурте, Майнце, Розенхайме, Утрехте (назовем лишь некоторые города) – привлекли тысячи посетителей.

Важные и впечатляющие археологические находки, такие, как кольцо из Эрстфельдера (Швейцария), могила князя из Хохдорфа в Вюртемберге, галльские надписи, посвященные магии и культу, длинный кельтиберский текст, в котором речь идет о правовом положении религиозного участка, зачаровали как специалистов, так и широкую публику, и помогли углубить наши знания о кельтской культуре.

На книжном рынке появились пышные иллюстративные альбомы и увесистые каталоги выставок. Научный сборник о «кельтском самосознании» (который обогатил любопытной статьей сам Сальвадор Дали)¹ стоит рядом с целой библиотекой описаний кельтских языков², научными или популярными трудами о кельтских святых, об ирландских миссионерах и ирландской учености³. Студенты Венского университета выпускают в «самиздате» научный журнал «Бренн. Австрийские кельтские исследования (*Brennos. Studia Celtica Austriaca*)». Полки книжных магазинов заполнили книги о кельтской религии и мифологии (весьма различные по качеству), сборники всевозможного фольклора, беллетристика, бездна эзотерической или просто слегка бредовой литературы «ню-эйджа»⁴ и

¹ Сборник «Celtic Consciousness» содержит множество серьезных (и не слишком серьезных) статей, в том числе и важную статью Сальвадора Дали.

² В особенности Gregor (1980); Macaulay (1992).

³ Szövérfly (1970), I, S. 501ff. («Irische Dichter am fränkischen Hof»), 625ff. («Sedulius Scottus und Iren um 850»); Esposito (1988); Esposito (1990); Medialität (1992), в том числе и множество работ о литературе островных кельтов в раннее Средневековье; в последнее время также Krahwinkler (1994).

⁴ Consciousness S. 217ff. («Celtic Vision in Contemporary Thought and Art»); Graves (1962); Lengyel (1991); Markale (1989); Sils-Fuchs; Vescofi (1988); в журнале «Brennos» появилась постоянная рубрика «Инквизитор эзотериков», в центре внимания которой – всевозможные измышления «кельтских эзотериков».

«комплекса смерти и бездны»¹, комиксы и детские книжки². Любителей и знатоков кельтов влекут к себе как оперы³ и фильмы — и о кельтах как таковых, и по мотивам «фэнтези», — так и море разлитое «кельтской» фольк- и поп-музыки — как подлинной, так и не очень. Появился даже мюзикл, который его создатели окрестили «друидически-мистическим»⁴. Современные художники и дизайнеры перенимают стиль латенских украшений и миниатюр из островных кельтских рукописей.

Кельты — «таинственный народ» — стали модным товаром, который очень и очень неплохо продается практически повсюду, — как в том, что касается серьезной науки, так и в том, что относится к моде на «кельтскую» эзотерику. В общем, в отношении кельтов мы стали весьма «продвинутыми» и знаем (или думаем, что знаем), чем мы им обязаны.

Тенденции современности: национализм, политика сохранения малых стран, децентрализация — нашли в кельтском партикуляризме своего рода «встречный проект» противодействия централизованным, империалистическим великим державам. На кельтов проецируют представления о политической и общественной жизни, которые скорее отражают желаемое,

¹ Praxis Geschichte, S. 12. Здесь же размышления о значении узлов, ленточных орнаментов, змей и черепов в символике рокеров и в других областях молодежной культуры.

² Pinet (1977/78); Stoll (1978); de Kerekhove, Asterix Against the Romans, в: Conscience, S. 585ff.; Verweyen (1991); Maier (1994), S. 30f.; Praxis Geschichte, S. 40ff., где особо обращается внимание на анахронизмы.

³ Начиная с «Короля Артура» Генри Пёрселла (1691), через «Норму» Винченцо Беллини (1831), «Тристана» (1857–59) и «Парсифаль» (1877–82) Рихарда Вагнера вплоть до «Мерлина» (1884, 1906) Эриха Вольфганга Корнгольда и «Верцингеторига» Жозефа Кантелуба (1930–32). Как бы для того, чтобы дополнительно подтвердить сказанное, совсем недавно (в 1996 году) на Брегенцском фестивале была позвращена из небытия давно забытая опера «Король Артур» Эрнеста Шоссона. Эта опера, законченная в 1895-м и впервые поставленная в 1903 году продолжает музыкальные традиции Вагнера и Массне. В основном в ней рассказывается о Ланселоте; опера заканчивается гибелью королевства Артура и уходом короля.

⁴ 25 сентября 1992 года в Волькерсдорфе (Северная Австрия) был поставлен мюзикл «Ариан» (по-падлийски на самом деле — «деньги», чего авторы, видимо, не знали). В постановке были использованы предания об Арианроде и, соответственно, Таллесине. Однако при этом загадочный герой пьесы носил имя кельтского божества грома — Таранне, в то время как его соперник в борьбе за руку прекрасной Ариан именовался Гвидионом и славился своим умением владеть мечом, хотя в подлинной легенде Гвидион играет роль интеллектуального трикстера.

чем действительное, как, например, идеи европейского единства, представление о матриархате. Экологическое сознание, религиозные потребности и стремление к магии и тайным знаниям идентифицируют себя в кельтах, что порой выглядит довольно странно. Так, на одной большой выставке кельтов особо выделили в качестве «людей леса», хотя в кельтской религии священные рощи не имели какого-то особенно большого значения по сравнению с религиями других древних народов Европы. На самом деле все было совсем наоборот! Ни один другой народ древности не занимался такой хищнической разработкой своих лесов, как кельты, специалисты по переработке руды, кузнечному делу и мастера керамики!

Принято считать, что французы славятся остротой ума, немцы — особой деловитостью, итальянцы — неукротимой жизнерадостностью, ну а кельты — фантазией и фантастикой¹. Однако то, что кажется нам фантастическим, зачастую на самом деле является лишь архаичным: это то, что давно исчезло в крупных культурных центрах Средиземноморья и в остальной Европе благодаря греко-римскому просвещению, рационализму и технике, но сохранилось у кельтов на самой окраине континента.

Вспомним о нескольких характерных примерах восприятия кельтов в XIX столетии — Артуре, друидах и Оссиане², — а также о начале научного исследования кельтов в современном смысле этого слова.

В XII веке людей зачаровывали архаические картины инициаций, образы «иного мира» (и пути туда), а также образ женщины, слабо представленный в античной и христианской культуре. Благодаря художественному посредничеству французских поэтов зародились зерна будущих романов об Артуре и Тристане³, так называемая «*matière de Bretagne*», тематика которой осталась актуальной и в современном мире вплоть до сегодняшнего дня, как показывают две оперы Рихарда Вагнера, мировой успех «Туманов Авалона»⁴, такие комиксы, как «Принц Железное Сердце» («*Prinz Eisenherz*») и множество фильмов⁵. Эти темы, которые часто именуют «сказочными», однако, являются таковыми отнюдь не потому, что они вышли из сказок, а потому, что европейские народные сказки выросли из тех же самых архаических корней. Представления о вознесении души в иной мир отражаются в средневековой литературе видений⁶ и сохраняются в «Божественной комедии» Данте. Хотя рыцарские романы, как и

видения, конечно, были наполнены новым духом, однако ход действия, так сказать, «тело» в них осталось кельтским. И если бы эта основа не была такой притягательной, то не возникло бы потребности вновь и вновь перерабатывать эти сюжеты и, перерабатывая их, объяснить мир.

В начале Нового времени на Британских островах впервые возник «научный» интерес к кельтам, прежде всего (что вполне понятно) как к неотъемлемой части прошлого родной страны. «Дикари», с которыми британцы познакомились в Америке и других частях света — обнаженные, татуированные охотники за головами, — напоминали им о том, как могли выглядеть их собственные предки. Хорошо известен рисунок Джона Уайта (конец XVI в.) который в ренессансном стиле изобразил та-

¹ Это представление о кельтах было тесно связано с очерком «О поэзии кельтских рас» (*Essai sur la poésie des pees celtiques*, 1859) бретонца Эрнеста Ренана и распространилось благодаря таким работам, как Grierson (1901), p. 27ff., особенно 33, Maier (1994), S. 276.

² Об этом см. замечания одного из корифеев кельтологии — Рудольфа Турнейзена: Thurneysen (1914) = Thurneysen (1991), II, S. 159ff., в особенности о характере языка и литературы островных кельтов (S. 163ff.).

³ Об артуровских романах см. «Артуровскую библиографию»: *Arthurian Bibliography I; Arthurian Bibliography II*. Не во всех работах, которые здесь цитируются, кельтский элемент выдвигается на передний план, хотя, конечно, кельтское происхождение самого Артура никем не оспаривается. Вместе с тем наблюдалась существенная тенденция связывать вслед за Джеймсом Фрэйзером отдельные религиозные мотивы артуровских романов с архаическими культами Средиземноморья. Она проявилась в первую очередь в работах Патона и Уэстона: Paton (1903) в первую очередь приводит параллели с культом озера Нема; Weston (1906); Weston (1913); Weston (1920); Lewis (1932). Другие авторы, напротив, выделяют кельтский миф в культ как основу артуровских легенд: Schoepperle-Loomis (1913); Brown (1916); Kittredge (1916); Bruce (1923); Loomis (1927); Loomis (1938); Brown (1943); Talbot (1950); Chambers (1964); Der arthurische Roman; Alcock (1972); Barber (1972); Lange (1972); *Arthurian Tapestry*; Darragh (1981); Bromwich (1983); *Legend of Arthur*; Lozacheur (1981). Сегодня в основном признается приоритет кельтских корней. Дальнейшая литература посвящена у: Maier (1994), S. 29f., 103f., 140f., ан. Не все работы одинаково серьезны. Особенно следует остерегаться: Markale (1976).

⁴ [«Туманы Авалона» (*The Mists of Avalon*) — роман американской писательницы Марлон Шиммер Бродли (Bradley)].

⁵ Сюда относятся и отдельные темы кельтского происхождения, как показала выставка в Мюнхене (25 октября 1995 — 21 января 1996), организованная Баварским национальным музеем и посвященная теме Грааля («Артуровская романтика в искусстве XIX века»).

* Dinzlacher (1986); Dinzlacher (1989a); Dinzlacher (1989b).

туированного с ног до головы пикта с отрубленной головой врага¹. Ничуть не меньше впечатляет рисунок «Плетеный идол» («The Wicker Image») из книги «Britannia Antiqua Illustrata» [«Иллюстрированная древняя Британия»] (1676) Эйллетта Сэммса. Здесь показана та самая сплетенная из прутьев и пустая внутри фигура, о которой упоминал Цезарь: в таких «идолах» галлы сжигали приносимых в жертву людей².

Ранних любителей древностей прежде всего интересовали друиды. Уже в 1532 году Жан ле Февр сочинил трактат «О древних галльских философах, именуемых друидами» («*Anciens Philosophes Gaulois appelez Druides*»). Здесь он прежде всего пытался связать кельтов с библейской историей, изображая друидов чем-то вроде ветхозаветных патриархов. Джон Обри (1626–1697) причислил мегалитические памятники Британии к культовым сооружениям друидов, а Стоунхендж считали главным храмом кельтских жрецов³.

В XVIII веке обращение к кельтской тематике возникло как реакция на рационализм эпохи Просвещения. На этот раз использовались уже не британские, а ирландско-шотландские источники⁴. Новыми героями стали Фингал, его сын Оссиан и сын Оссиана — Оскар, а героинями — возлюбленная Фингала Агандекка и невеста Оскара Мальвина. Их сентиментально-патетические приключения разворачивались на туманной земле Теморы, среди каменистых вересковых пустошей, в таинст-

¹ Иллюстрации см., например, в: Henderson (1967), вкладка I, рис. 2. Другие иллюстрации Лукаса де Хеере (Lucas de Heere, 1575) см. в: Piggott (1975), S. 129, рис. 85.

² См. в: Piggott (1975), S. 111, рис. 78. Г-жа доктор Карин Лихтблау указала мне на фильм ужасов «Плетеный идол» («The Wicker Man», режиссер Робин Харди, Великобритания, 1973). Действие происходит на отдаленном острове в Шотландии, где и в наши дни сохранился некий друидический культ плодородия. В конце сержанта, который вел следствие, сжигают в «плетеном идоле» вместе с другими жертвами. Илл. см. в: The Celts (1991), S. 672.

³ Об этом см. прекрасные книги Пигготта: Piggott (1968), S. 123ff. и Piggott (1989).

⁴ О Шотландии как кельтской стране см. Thomson (1986); об Оссиане ср. van Tieghem (1917) с очень интересным введением; Stafford (1988). Хорошее введение в необъятную литературу предлагает Maier (1994), S. 219ff. Издания: Ossian (1926); Ossian (1995). Существует прекрасный старый немецкий перевод фон Роде: von Rhode (1827). [Обзор русских переводов и нечернышающую библиографию за 1768–1833 годы можно найти в книге: Левин Ю.Д. Оссиан в русской литературе. Конца XVIII—первая треть XIX века. Л., 1980. Современный русский перевод: Макферсон Д. Поэмы Оссиана / Изд. подг. Ю.Д. Левин. Л., 1983].

венных пещерах (одну из которых Феликс Мендельсон-Бартольди изобразил в музыке: ор. 26 — «Пещера Фингала»), а также в пиршественном зале Селмы, оглашаемом звоном арф. Гениальная подделка — эпопея шотландца Джеймса Макферсона (1736—1796) — открыла Европе новую, «наивную» (как выразился Шиллер) поэзию гомеровского типа, а вместе с ней — и новое, романтическое ощущение природы и мира, окрашенное в трогательные лирические тона.

Иоганн Готтфрид Гердер говорил, что чувствительно-печальный голос Оссиана «нежен, как звук арфы», который «ускользнул» из могилы: «Голос Оссиана... словно в волшебном зеркале рисует нам картины древних подвигов и нравов, но и больше того — самые мысли, самые чувства народов на этой ступени культуры, в таких местностях, при таких обычаях доносятся до нас и находят отклик в душе и сердце. Оссиан и соратники его больше скажут нам о душе древних гэлов, чем любой историк, — они для нас словно трогательные проповедники гуманности, какая живет в человеческом обществе, как бы просто оно ни было устроено. Нежные узы и тогда связывают сердца, и печаль звучит в каждом звуке»¹. Как известно, Оссиан оставил глубокий след в заключительной части «Вертера». Сам Гёте позднее вспоминал об этом увлечении Оссианом в «Поэзии и правде» (*часть III, книга 13*): «Оссиан заманил нас в «дальнюю Фулу», где, бредя по бесконечной серой равнине, среди замшелых надгробий, мы видели вокруг себя лишь траву, колеблемую нездешним ветром, а над собою — небо в свинцовых тучах. Лунный свет превращал в день эту каледонскую ночь; погибшие герои и угасшие девы обступали нас, а под конец вырастал перед нами еще и призрак Лоды в грозном ее обличе»². При этом сами кельты стилизовались под образ «благородного дикаря».

Опера также не обошла кельтов стороной. Когда в 1831 году в Милане поднялся занавес и началось первое действие «Нормы» Беллини, зрители оказались в священной роще друидов. Камень и дуб друидов были, естественно, посвящены богу (!)

¹ Herder Ideen, S. 683 [Здесь и далее русский перевод Гердера цитируется по изданию: Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / Пер. и примечания А.В. Михайлова. М., 1977. С. 461–462].

² [Перевод Н. Ман цитируется по изданию: Гёте И.-В. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Т. 3. Из моей жизни. Поэзия и правда. М., 1976. С. 492].

«Ирменсулю»¹. Жрица этого «бога» носила абсолютно верхне-немецкое имя Адальджиза (Адальгиза), а подруга жрицы и провидицы Нормы именовалась, соответственно, Клотильдой. Очевидно, либреттист Феличе Романи не слишком хорошо ориентировался в кельтском мире!

XIX век также стал временем подъема исторической науки, археологии и возникновения современного языкознания.

В области истории интерес к кельтам, как ни странно, невозможно отделить от интереса к их величайшему врагу. Уже в позднем средневековье монархи бредили гением Цезаря. Карл Смелый приказал регулярно читать ему «Записки о галльской войне», а представитель Габсбургов – Карл V – вдоль и поперек испишал свой экземпляр Цезаря пометками. По его инициативе вице-король Сицилии Фердинанд Гонзага послал во Францию ученую комиссию, которая должна была изучить места боев Цезаря. В результате появилось 40 планов, которые были изданы в 1575 году. Современник Карла V – султан Сулейман II – приказал разыскивать издания «Записок о галльской войне» по всей Европе, а затем сравнить их и подготовить турецкий перевод, чтобы ему ежедневно читали его вслух. Усердными читателями и переводчиками Цезаря были и французские короли – Генрих IV, Людовик XIII и Людовик XIV. Среди других любителей Цезаря можно назвать королеву Швеции Кристину, которая написала «Размышления о жизни и деяниях Цезаря» (*Reflexions sur la vie et les actions de Cesar*), а также Наполеона I, который уже на Святой Елене продикувал «Краткий очерк о войнах Цезаря» (*Precis des guerres de Cesar*), опубликованный в Париже в 1836 году².

Однако особое значение великий полководец имел для Наполеона III: в предисловии к написанной им двухтомной биографии Цезаря, изданной в 1862 году, Наполеон III опирался на пример Цезаря, как на своего рода прецедент для собственной власти³. Исследование исторической правдивости «Записок о

¹ [Ирменсуль (правильнее Ирминсуль) – идол в виде деревянного столба, почитавшийся у саксов. Уничтожен Карлом Великим во время похода на саксов в 772 году].

² Napoléon III, S. VII.

³ «Цель, которую я ставлю себе при написании этой истории... это доказать, что Провидение вызывает к жизни таких людей, как Цезарь, Карл Великий, Наполеон, дабы очертить народам путь, которым они должны следовать, отметить печатью их гения новую эру и в несколько лет исполнить работу многих веков. Счастливы те народы, которые понимают их и следуют за ними!»; Napoléon III, I, S. VI.

галльской войне» было лишь частью всей этой мистики власти императора и узаконения его правления. В особенности это касается изучения мест сражений, которые, как можно понять из «Титана» Жан-Поля (XIX, 83)¹ можно было в 1801 году, как в случае с Авентиком (Аваншем), распознать лишь по окраске травы. История была, если можно так выразиться, переиграна: в то время, как французы считали себя наследниками древних галлов – друзей свободы и любителей переворотов (что и доказала Великая Французская революция), их император Наполеон III был не только «Цезарем сегодня», но и настоящим галлом, современным Верцингеторигом, в честь которого было сооружено немало бронзовых статуй². Самая известная из них стоит на Мон-Оссуа близ Алезии и изображает князя арвернов с чертами лица самого Наполеона III³.

Заступы археологов застучали не только во Франции. Раскопки в Гальштате с 1846 по 1863 год показали наличие 980 погребений, хотя ученые и не торопились приписывать их кельтам. В моравской Бычьей Пещере близ Брно в 1872 году были обнаружены следы страшного ритуала жертвоприношения эпохи гальштата. Однако находки из Ла Тена (с 1869 года) ознаменовали начало первой настоящей научной кельтомании, о чем мы можем прочесть в потешной истории «деревни на сваях» в романе Ф.Т. Вишера «И еще один» («*Auch Einer*», 1879)⁴. Здесь Вишер впервые смешивает представления своего времени о свайных постройках Женевского озера с близкой к мифу островной традицией о происхождении поэта Талиесина. Все вместе выглядит как пародия на «ученый роман» в культурно-исторической упаковке из жизнерадостного юмора.

В середине XIX века Иоганн Каспар Цейсе (1806–1856) стал основателем кельтской филологии. В последующие десятилетия кельтская филология утвердилась в Оксфорде (1877, Джон Рис), Париже (1882, Анри д'Арбуа де Жюбенвиль), Берлине (1901, Генрих Циммер) и Дублине (1903 – дата основания

¹ [Жан-Поль (Жан-Поль Рихтер, 1763–1825) – немецкий романист и критик. В 1801 году появился второй том его романа «Титан».]

² Перечислены в Maier (1994), S. 327, где можно также найти литературу о галльском наследии французов.

³ Abb. in: Praxis Geschichte, S. 44, Abb. M14.

⁴ [Фридрих Теодор Вишер (1807–1887) – немецкий поэт и писатель.]

«School of Irish Learning» [*«Школы ирландских исследований»*])¹. Вклад немецкоязычных — не только немецких, поскольку Рудольф Турнейзен был швейцарцем, а Юлиус Покорный австрийцем — ученых в кельтологию был так высок, что эту науку долго называли «немецкой». К несчастью, верно и то, что кельтологию использовали в пропагандистских целях против Англии и Франции, и в этом качестве она попала и в арсенал нацистской идеологии². Французам кельтскости было не занимать: ведь они в течение всего Средневековья и в Новое время именовали себя «галлами» (даже сегодня национальная французская марка сигарет именуется «Голуаз» — «Галльские»), и у них возникла некая кельтская «мания величия», «кельгомания», из-за которой все, что ни попадя, стали считать «кельтским». Это помешательство перекинулось и на Германию, где возникла соответствующая «германомания». Одновременно родились и близнецы-сестры: германофобия и кельтофобия. Научные плоды этого противостояния сегодня могут нас только позабавить³.

Как и следовало ожидать, интерес к кельтам, кельтология и кельгомания на Британских островах также были связаны со скрытым или явным национализмом, то есть борьбой «кельтских» народов за независимость. Героическая бриттская королева Боудикка еще с шекспировских времен стала персонажем драмы и (под более привычным именем «Боадисея») — героиней британского национального мифа. С 1902 года изваяние королевы работы Томаса Торникрофта украшает Вестминстерский мост в Лондоне. Вполне понятно, что национальное осознание своих кельтских корней было связано и с идеологией ирландской борьбы за свободу⁴, а основание Республики Ирландии (1921) оказало положительное влияние на кельтологию в целом. Однако не следует забывать и о том, что ирландский — государственный язык молодой республики, президент которой Дуглас Хайд сам был выдающимся филологом и этнографом, — оставался родным языком лишь для ничтожной части ирландцев.

¹ Ср. подробные ссылки у Maier (1994), S. 191f. Нидерланды также внесли свой вклад в развитие кельтологии; речь идет о работах Г. ван Хамела, Т. Хогзена, Марге Драк, Х.П.А. Оскампа, Дорис Эдель и других; см. Schneiders — Veelenturf (1992).

² См. об этом статью Райнера Люйкена (*Reiner Luyken*) «Кельтский язык — тайное оружие» (*«Keltisch als Geheimwaffe»*) в: Die Zeit, Nr. 30, 19. Juli 1996, S. 30.

³ Ср. Evans (1982), p. 237, где можно найти дальнейшую литературу.

⁴ О национализме см. Power (1991), S. 79; Kuter (1986).

Ведь из множества знаменитых писателей Ирландии в Новое время все прославились своими произведениями, написанными на английском языке. Величайший из ирландских писателей современности – Джеймс Джойс – вообще не понимал ни слова по-ирландски (а Дилан Томас – по-валлийски). Основанная Хайдом и другими в 1893 году «Гэльская лига» (*Conradh na Gaeilge*) должна была помочь справиться с этой ситуацией. Да и у других народов, которые оставались к 1900 году кельтскоговорящими – валлийцев, бретонцев, шотландцев и жителей острова Мэн, – кельтские языки постепенно исчезают вплоть до сегодняшнего дня (мэнский язык уже умер). Тем не менее, среди эмигрантов в Новом Свете тут и там существуют общины носителей кельтских языков, по большей части валлийцев, хотя встречаются и бретонцы (в США и Аргентине)¹.

В общем и целом, политика централизации и нетерпимости по отношению к национальным меньшинствам ускорила гибель кельтских языков. Особенно часто орудием языкового гнета становилось школьное образование: «...Времена, когда за одно бретонское слово, произнесенное в школе, застигнутому на месте преступления школьнику вешали на шею деревянный башмак, которым его били в конце дня» закончились «чуть больше 30 лет назад»². Аналогичные истории рассказывают и о Шотландии и Ирландии. Еще в 1784 году Гердер писал о языке валлийцев и бретонцев: «Но сохранились лишь его неопределенные остатки; и хорошо, что язык этот остался в книгах, потому что, как и все языки изгнанных со своих мест народов, он неизбежно должен погибнуть и погибнет прежде всего в Бретани»³. Но все-таки Гердер был излишне пессимистичен: ведь и сегодня, спустя двести лет, даже и бретонский язык еще не совсем замолк. Кроме того, кельтское наследие вошло в словарный состав и структуру господствующих английского и французского языков.

Конец XIX–начало XX века стало горячим временем сбора этнографического урожая, коллекционирования лексического запаса и записи диалектов. Полевые исследователи, которых

¹ Keltologen; Proceedings (1986), S. III; Bock (1996), S. 20, говорит, что в 1970 году в США 32 722 тысячи человек указали бретонский как свой разговорный язык; отдельные данные о количестве носителей языка в наши дни.

² Bock (1996), S. 20.

³ Herder Ideen, S. 685 [С. 463].

ирландцы называли «Gaeligores», рассыпались повсюду: и «теперь на дорогах часто можно было видеть благородных господ, как молодых, так и старых, которые обращались на корявом малопонятном ирландском к бедным ирландцам и задерживали их, когда те шли в поле». Вот так Фланн О'Брайен в своем романе «Поющие Лазаря» («*An Béal Bocht*», 1941)¹ забавно описал, как один немецкий кельтолог (может быть, сам Генрих Циммер?) сделал с помощью граммофона аж часовую запись хрюканья... одетой по-человечески свиньи, принимая эти непонятные звуки за какой-то совершенно необыкновенный диалект гэльского. Ученые в Берлине заявили, что «они никогда не слышали столь поэтичного, сильного и малопонятного ирландского, и что не следует беспокоиться за ирландский язык, покуда в пределах Ирландии слышна подобная речь». Была даже назначена целая академическая комиссия для дальнейшего исследования этих «языковых образцов». Это, конечно, точка зрения сатирика...

При всем при том уже в XIX веке проводилось и много серьезной собирательской работы. Наверное, первыми такими учеными антикварами были ирландские монахи раннего средневековья, благодаря чьим усилиям, научному любопытству и объективности сохранилась львиная доля древних островных кельтских саг. Однако сейчас следует отместить словесные фантазии (так называемые *ghostwords*) таких лексикографов, как Уильям Оуэн Пью и уж совсем бредовые выдумки более ранних ненаучных кельтоманов. Предполагают, что с тех пор, как на Британских островах и в Ирландии появились кельты, были и странствующие певцы (барды) — во всяком случае, их работы засвидетельствованы еще с раннего средневековья². Традиция бардов сохранялась непрерывно на протяжении всего средневековья вплоть до нового времени. Ежегодно проходившие валлийские собрания бардов, которые с XVI века и до сего дня

¹ [Русский перевод: *Майлз на Гапалинь* (Бриан О'Нуаллан). Поющие Лазаря, или На редкость бедные люди / Пер. А. Коростелевой. СПб., 2003. Далее роман цитируется в этом переводе.]

² О рецепции древневаллийской поэзии: Evan Evans, *Dissertatio de Bardis*, 1764; John Davies, *Antiquae Linguae Britannicae Rudimenta*, 1621; Rhys Jones, *Gorchestion Beirdd Cymru* («Труды валлийских бардов»), 1–5, 1773. Эти ссылки взяты из книги: Taliessin — Ancirin. *Altwalisische Heldendichtung*, übers. M. Rockel, Reclam, Leipzig 1989, S. 174.

именуются «эйстеддфод» («сидение»), естественно, стали особым полем деятельности для кельтского самосознания. Особую возвышенность придал этим встречам бардов Иоло Морганнуг (= Эдуард Уильямс, 1747–1826): он связал их со свежесозобретенным культом кургана («горседд»). С помощью поддельных рукописей (так называемые «рукописи Иоло»), которые почти столетие ученые принимали всерьез, его друидический культ обрел свои корни в глубинах времен, и корни эти простирались якобы в первобытную историю Британии, к самому Стоунхенджу. По образцу германских рун Иоло изобрел некую древнебританскую систему письма под названием «coelbren» («древо-жребий»)¹, которая до сего дня украшает новоязыческое святилище в Абериствите.

Особенно интересным представителем этого друидического культа, возрожденного с таким воодушевлением (правда, не имевшим ничего общего с научной истиной), был доктор Уильям Прайс из Ллантрисанта (1800–1893), который позировал в изобретенном им самим одеянии друида, принес в жертву огню своего маленького сына Иисуса Христа², и сам велел себя

¹ Iolo Manuscripts. A Selection of Ancient Welsh Manuscripts, transl. Taliesin Williams (ab Iolo). Llandoverly 1848, S. 617ff.

² Интересная параллель из наших дней: 11 ноября 1992 года австрийская ежедневная газета «Курир» под сенсационным заголовком «Я – друид и должен был убить» сообщила о попытке человеческого жертвоприношения (с. 17). «Друид» – 23-летний безработный Стефан Д. – появился на свет четыре миллиона лет назад без рук и без ног, и снова родился уже в наши дни (видимо, на сей раз с конечностями). Зачав ребенка, он передал свою жизненную силу супруге, а она в свою очередь – ребенку. Только убив 8-месячного сына, Д. мог вернуть себе свою собственную жизнь. На полицейском допросе в Санкт-Пёльтене он объяснил: «Я – друид и у меня есть право ревать вопросы жизни и смерти» (видимо, намекая на свидетельствование Цезаря о друидах – ВС, VI, 16). Это учение он перенял в кругу некоего «друида Раборна» (мне известно, как его зовут в реальной жизни) в Лоосдорфе близ Мелька. Д. утащил своего сына в лес близ Лаймбаха на Остронге (Вальдфиртель, Нижняя Австрия), два раза ударил его в спину ножом и положил ребенка на своего рода каменный «алтарь». Вслед за этим он был задержан. «Друид Раборн» (от английской гетто-«возродившийся») и теперь регулярно проводит друидические курсы с болезненными порой ритуалами, однако эти курсы, как показывают автомобильные пикники на 1 мая («Белтане»), достаточно хорошо посещаются. Этот же самый друид является королем «кельтского племени», состоящего примерно из 700 человек, которое обитает в пещерах под швейцарским горным массивом Бернина...

кремировать по друидическому обычаю¹. Наряду с хорошо известными, официальными, так сказать, бардами, в Уэльсе возникло и «друидическое» объединение вольных каменщиков («*Albion Lodge of the Ancient Order of Druids*»), в которое в 1908 году был принят Уинстон Черчилль².

Если смотреть с языковой точки зрения, то между эпохой латена и сегодняшним днем наблюдается совсем немного кельтского культурного континуитета. Поэтому приходится обращаться к более древним собраниям. Некогда богатые и цветущие народные обычаи вымерли в XIX–XX веках, а традиция и местные предания вымирают уже в наши дни. Если в Ирландии спросить тридцатилетнего фермера о местных легендах или какой-то описанной в книгах археологической находке,

¹ [Уильям Прайс, конечно, не убивал своего сына, а лишь кремировал его останки. В возрасте более 80 лет Прайс связал свою жизнь с 18-летней девушкой по имени Гвендлин Ллевеллин, и у них родился сын, которого отец назвал Иисусом Христом (по-валлийски *Iesu Crist*). Ребенок умер в возрасте 5 месяцев в январе 1884 года, и Прайс по «друидическому» обычаю решил кремировать тело. Разразился скандал. После дли-тельного судебного процесса суд признал кремацию законным способом погребения, создан, таким образом, прецедент. После этого у Прайса родился другой сын, которого он также назвал Иисусом Христом и дочь Пенелопа Элизабет.]

² См. иллюстрацию в Piggott (1968), S. 180, илл. 126. Менее эксклюзивным является орден друидов, образец заявления о вступлении в которой мне недавно прислали из Сассека. Здесь есть три ступени: барды, оваты (неправильное образование из греческой транскрипции кельто-латинского *vates* «прорицатель, поэт») и друиды. Посвященный в «оваты» приобретает целительные силы и изучает литературу о короле Артуре, «друиды» занимаются в первую очередь Артуром, мифами о святом Граале, тройными «друидическими узлами» и «змеевым яйцом». Когда завершатся все инициации, которые посвящаемый проходит поодиночке или вместе с другими в священной роще, свеженепеченный друид получает право открыть свою собственную священную рощу. Судя по всему, развитие экологической ответственности и закладка священных рощ являются главными целями этого ордена, чей просpekt можно получить всего за 15 долларов. В летнее солнцестояние — кстати, эта дата не имела никакого значения для древних кельтов! — в пространстве вокруг Стоунхенджа (вход внутрь самого памятника для «друидов» теперь запрещен) и на Гластонбери-Тор разворачивается весьма существенная непопываемая эзотерическая деятельность, которую, конечно, никоим образом нельзя поставить в вину кельтам. Здесь всё едино — что Бхаван, что Мерлин. Для Гластонбери и деревеньки Тинтажел кельтско-артуровский туристский ширпотреб и вся связанная с этим эзотерическая трескотня стали существенной статьёй дохода.

тому придется обратиться к своему отцу, хотя бы даже нужный вам мегалит находился прямо на земельном участке, принадлежащем его собственной ферме. Если спросить школьника, то он тоже, как правило, ничего не знает¹. В устах женщин традиция обычно сохраняется дольше, чем у мужчин. В Ирландии говорят: «Все это ушло вместе с феями» («*It all went out with the fairies*»). Правда, сейчас мы можем заметить, что плач по исчезающей традиции — также достаточно банальная тема. Однако банальности очень часто оказываются правдой². Да, и сегодня проводится массовое паломничество на Кроах-Патрик (в графстве Мэйо), которое носит характер народного праздника, и «козляная ярмарка» (*Puck Fair*) в Киллорглине (графство Керри). Собравшийся в поход турист может подумать, что перед ним — народный обычай в полном цвету, однако он должен помнить о том, что раньше существовали сотни таких паломничеств и праздников и что на сегодняшний день все они исчезли, кроме очень немногих. Помимо этого, мне не кажется, что все паломники на Кроах-Патрик знают традиции этой священной горы.

Научный анализ погибающей или погибшей традиции может оказаться настолько увлекательным, что приводит к появлению новой литературы. Это происходило с германской литературой в эпоху романтизма, так было и в Ирландии с литературным течением «кельтской зари» (*Celtic Dawn*), или «кельтского возрождения», из ведущих представителей которого можно назвать Уильяма Батлера Йетса (1865–1936), леди Августу Грегори (1852–1932) и ЛЕ (=Джордж Уильям Рассел, 1867–1935), которые также сыграли свою роль в борьбе за освобождение Ирландии и в политической жизни Ирландской республики³. Саги уладского цикла о героях «Красной Ветви»

¹ Это наблюдение основано на том, что мне приходилось видеть на Британских островах. В Бретани в последнее время я не был.

² Шарман (1992), S. 97f. Однако правда и то, что при постоянном исчезновении, например, 10% традиции, оставшаяся ее часть становится все меньше и меньше, но никогда не достигает нуля, и поэтому какие-то небольшие остатки традиции всегда сохраняются: они могут быть утрачены, но все-таки еще живут.

³ Отак называемой *Celtic Dawn* см. раздел «Modern Celtic Nationalism: Literary and Political» в: *Consciousness* p. 371ff.; O'Leary (1994); Macrae (1995).

в Эмайн Махе, которые, в противоположность рассказам о Фингале и Оссиане, исчезли в средневековье из устной традиции, обрели почти магическую притягательную силу. Уже в 1911–1912 году Оливер Шеппард создал бронзовую статую умирающего героического юноши Кухулина (который, однако, при этом выглядит очень милостиво). Сейчас она находится на Главпочтамте в Дублине, как трагическое напоминание о жертвах борьбы за освобождение страны. В 1925 году появилась пьеса «Кухулин. Эпос-драма гэлов» Т. Грея, своего рода многочасовая пьеса-мистерия с соответствующими декорациями, которые во многом превосходили Виланда Вагнера¹. В особенности трогательная сага об одной из главных героинь эпоса – Дейдре (у Оссиана – «Дартула») стала одной из любимых тем для поэтов всего мира².

В 50-е годы XX века профессор древне- и среднеанглийского языка Джон Роналд Р. Толкиен (1892–1973) из картин потустороннего мира и племен эльфов создал свой личный кельтский мир, прежде всего в романной трилогии «Властелин колец» («*The Lord of the Rings*», 1954f.). Филолог Толкиен был пленен магией языка и письма. Как он сам позднее признавался, громадное впечатление произвело на него изучение средневаллийского – древнего языка Уэльса, звучание которого вдохновило его на сочинение названий мест и имен эльфов, и который он именовал своим истинным «внутренним языком»³. Дуализм Толкиена – с одной стороны добрые хоббиты и эльфы, с другой – злобные властелины колец и воинственные орки, оказался родственным мировоззрению молодежного движения 60-х годов с его мечтой о мире и Вудстоком и до сих пор живет в зародившихся в США «ролевых играх». Толкиен остерегался конкретных словесных и сюжетных параллелей, однако в структуре языка и действия романа ясно выступает кельтский элемент. Прототипом его историй можно считать древнеирландский жанр *echtrae* (путешествий-приключений в ином мире), точно так же, как вышедший в 1726 году

¹ [Виланд Вагнер (1917–1966) – внук Рихарда Вагнера, художник-декоратор и режиссер-постановщик опер своего дела.]

² Maier (1994), S. 97.

³ Chapman (1992), S. 243ff.

из-под пера ирландца Джонатана Свифта (1667–1745) рассказ о вымышленных приключениях Гулливера неотделим от древнеирландского жанра *imtgata* (рассказов о плаваниях на чудесные острова).

Мода на Толкиена — толкинизм («толкинутость») — до сих пор остается последним крупным «вторжением» кельтов в современную литературу: в наше скоростное время средств массовой информации его влияние можно сравнить с более долговременным влиянием Оссиана. Однако даже когда эта волна уходит, в наших душах остаются кельты — великие фантасты, сказочники и бунтари: мы помним о кельтах в мировой истории — несмотря на быстрые военные успехи, в целом они всегда оказываются побежденными и сегодня являются национальным меньшинством с присущим ему экзотическим очарованием; о кельтах — вольнодумцах, «обкутившихся» магическими средствами, с помощью которых они получают нечеловеческую силу, как морячок Попай, Астерикс и Обеликс; о кельтах — всплывающих тут и там чудаковатых человечках, подозрительно похожих на крестьян из Южной Баварии, которые творят всевозможные бесчинства в двух романах Герберта Розендорфера¹; о кельтах — властелинах чудес (как друид Панорамикс) и проклятий (как более тысячи кельтских святых, которые хотя и фигурируют в календарях, но, однако, не были причислены к лику святых Ватиканом).

Гердер как-то сказал: «Согласно обычному ходу вещей, характер народа стирается постепенно: отпечаток снашивается и его бросают в переплавку — время обратит его в мертвую массу или очистит, придав новую четкость»². Нет никаких сомнений, что кельты принадлежат именно к тем народам, которые кажутся бессмертными и, согласно доброму старому учению друидов, постоянно перерождаются все в новых и новых обликах.

Книга о кельтах, которую вы держите в руках, представляет собой попытку показать кельтов в период времени, который

¹ [Герберт Розендорфер (р. 1934) — немецкий писатель швейцарского происхождения, автор нескольких романов. На русский язык переведен его роман «Письма в древний Китай».]

² Herder Ideen, S. 685 [Гердер, с. 463].

простирается от наиболее ранней, только предположительно считающейся кельтской фазы гальштатской культуры, до V века н.э., то есть охватывает более тысячелетия. Совершенно очевидно, что только при самоограничении и строгом отборе автор мог проработать такое огромное количество материала. При наличии практически необозримого множества литературы, естественно, возникает вопрос: имеет ли эта новая книга о кельтах право на существование? Ответ напрашивается сам собой: не существует нового и достаточно подробного общего очерка, в котором были бы затронуты все области кельтской культуры и который мог бы послужить всем, кто интересуется кельтами, в качестве введения в предмет¹. «В дальнейшем я хотел бы понимать культуру в наиболее широком значении этого слова, как сумму социального и экономического строя, системы норм и свойственных ей легитимирующих представлений, моделей языка и мышления, коротко говоря — как сеть детерминантов, в широкой мере определяющую мышление и действия лиц, принадлежащих к определенной культуре»². Упрощая и обобщая, можно сказать, что культура — это совокупность всех коллективных обычаев и норм.

Но может ли такой смелый замысел — отразить всю кельтскую культуру — удался одному человеку в наше-то время коллективных трудов?.. Ответ на это должна дать сама книга. Все зависит от того, смогу ли я слить воедино результаты отдельных исследований: однако при этом я отдаю первоисточникам предпочтение перед мнениями ученых. Цель этой книги —

¹ Далее я называю некоторые важные работы, которые, однако, не заполняют упомянутого мною пробела, поскольку они либо слишком широки, либо, наоборот, охватывают какую-то одну область, ориентированы исключительно на историю или археологию, либо слишком коротки, либо устарели. Конечно, моя книга не заменяет таких работ, как Jullian (1919); Jullian (1926); Hubert (1950a); Hubert (1950b); Grenier (1945a); Grenier (1945b), однако в некоторых важнейших вопросах она может их дополнить. То же самое можно сказать и о Duval (1952); Chadwick (1963); Chadwick (1970); Dillon — Chadwick (1967); Powell (1958); Duval (1977)... От специалиста, знакомого с научной литературой, не укроется, насколько я обязан этим публикациям, даже если я не даю на них прямых ссылок.

² Galsterer (1979), S. 453, со ссылкой на: P. L. Berger — T. Luckmann, Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. 4. Frankfurt, 1974. Одианазоне кельтской культурологии ср. Sterckx (1990—91).

объединить исторические, лингвистические, этнографические и археологические данные, следуя методу «слов и вещей». Хотя к этому методу можно относиться и критически¹, однако нельзя отрицать, что если исследователь вещей и исследователь слов работают над одним и тем же объектом, они неминуемо должны начать диалог и что другие люди имеют право знать, каким образом результаты этих исследований дополняют друг друга.

Представляется очевидным, что при той цели, которую я себе ставлю, невозможно обработать все результаты различных наук и что необходим определенный выбор. Естественно, легко возникает опасность, что филолог пройдет мимо данных, полученных специалистом по первобытной истории или недооценит их значение, особенно, когда он (как, например, я) должен полагаться на совет и критику коллег. Точно так же и археологу было бы трудно иметь в виду традиции героических саг островных кельтов и привлекать их данные там, где это необходимо. Я понимаю, что таким образом обнаруживаю перед критиками слабое место моей книги: действительно, скажут они, ведь автор забыл упомянуть о галыштатском погребении в каком-нибудь там Обердыренмате-на-Тухлинге и о латенском месте для жертвоприношений в каком-нибудь Плюй-де-Воляй и ни слова не сказал об ирландской традиции о скисшем молоке, которая живет и поныне и, наверное, восходит еще к доисторическим кельтским временам...

В лингвистике благодаря сенсационным находкам последнего времени появилось много нового, однако не все результаты можно считать надежными. Если ученый, как я в этой книге, хочет скорее изложить достоверные, а не спорные данные, тогда он должен решить для себя, будет ли он делать реверансы каждой новой шляпке капризной мадам Этимологии или останется верным классическому стилю. С другой стороны, не всегда нужно ограничиваться старыми шляпками!

¹ «Отношения между археологией и сравнительным языкознанием все еще остаются натянутыми и, в чём я почти не сомневаюсь, – в общем и целом неплодотворными»; Evans (1982), S. 231. Я бы не был так пессимистичен. Критика требуется тогда, когда результаты, полученные одной наукой, грозят уничтожить или затемнить выводы другой.

Хотя большинство читателей, разумеется, поймет, что я не мог обойтись без строгого отбора материала, некоторые могут, тем не менее, указать на то, что в моем изложении не везде четко отражены пространственные и временные координаты. На самом деле это очень важный момент, который требует объяснения. Проблема прежде всего в том, что информация источников неравномерно распределена во времени и пространстве, и с наибольшей ясностью этот фактор проявляется в главах о кельтской религии и повседневной жизни.

В общем и целом я исхожу из того, что в долгосрочной перспективе в древности, когда жизнь была не такой быстрой, как в наше время, религиозные феномены (как, например, почитание какого-то типа божеств или определенный культовый обычай) не так уж быстро менялись. Ведь если мы видим, что какое-то явление, имевшее место у островных кельтов и зафиксированное впервые только в средневековье, в существенных своих чертах может считаться частью архаического индоевропейского наследия, то мне кажется вполне естественным, что это явление существовало и в скрытый от нас древнекельтский период между средневековьем и индоевропейской эпохой (если только нет данных о том, что островная кельтская традиция возникла уже вторично). То же самое получается и если традиция античных авторов и надписей согласуется с данными по островным кельтам. Таким образом, я пишу «кельты могли» или «у кельтов было...», имея в виду при этом, естественно, только то, что данное явление наблюдалось где-либо в кельтских областях, хотя бы это явление у островных кельтов и не сохранилось. Те островные кельтские традиции, которые не имеют никаких древнекельтских или доказанных индоевропейских параллелей, я упоминаю лишь в исключительных случаях — если они существовали в тот промежуток времени, которому посвящена эта книга, и только тогда, когда у меня есть причина считать их архаическими. Разумеется, при этом я опираюсь на собственное мнение. Если есть вероятность, что явление, о котором идет речь, существовало на Британских островах до V в. н.э., то оно, безусловно, относится к тематике моей книги. Более точно мои критерии оценки поздних традиций изложены ниже.

То же самое можно сказать и о материальной культуре. На-

пример, я упоминаю находки бритв эпохи галльштата и раннего латена, собственно латена и из Галлии — свидетельство того, что у их владельцев были ухоженные усы. Из этого можно сделать вывод, что ножички-бритвы были известны и в эпоху Цезаря, хотя бритв этой эпохи найдено не было. Таким образом, я считаю, что у меня есть право с большой долей вероятности утверждать, что «древние кельты» с VII века до н.э. по V век н.э. пользовались бритвами. Пример, конечно, банальный. Однако если мы обратимся к вопросу о боевых колесницах в Ирландии, то проблема окажется намного более серьезной и поэтому более спорной.

Когда я говорю о древнекельтской культуре и системе ее норм, тем самым я имею в виду в первую очередь религию, которая, согласно Цезарю, имела для галлов огромное значение, и особенно — четко очерченную военную систему ценностей, которая запечатлелась и в рассказах античных авторов, и в островной кельтской традиции. О системе норм, принятой у кельтских торговцев, ремесленников, крестьян и рабов, мы знаем очень мало. В последнее время появились более детальные исследования древних правовых памятников Ирландии и Уэльса. Из-за недостатка места я привлекал эти источники весьма ограниченно; наиболее детально я обращаюсь к ним, рассматривая вопрос о социальном положении женщины. Еще не проводились сравнительные исследования древних правовых норм, которые, безусловно, позволят выявить множество архаических черт, и прежде всего сравнение с древнеиндийским правом, данные которого привлекались лишь частично, прежде всего в том, что касается наследственного права. Однако в данной области мне недостает компетенции.

Если моя работа по истории культуры имеет определенный уклон в сторону истории религии, это происходит еще и потому, что эта сторона культуры уже давно была в центре внимания исследователей. Здесь наука может опираться на сотни имен кельтских богов, известных нам по тысячам надписей, на обширную традицию островных кельтов и великое множество археологических источников, число которых постоянно растет в результате новых, часто сенсационных, открытий. Более того, я полагаю, что именно религиозная сторона кельтской культуры будет особенно интересна моим читателям, и поэтому

в данной работе я был вынужден несколько обуздать свои собственные интересы¹.

Такое научное изложение неминуемо должно содержать в себе и некий научный «балласт», который будет, так сказать, привязывать его к земле и не даст нам улететь в безграничные эмпирии фантазии. Чтобы сделать эту книгу более читаемой и более привлекательной для простого читателя, этот «балласт» облечен в форму примечаний и приложений к отдельным большим главам. И здесь я заботился не столько о полноте, сколько об отборе материала: я зачастую ограничиваюсь только одной ссылкой — ссылкой на новую работу, из которой заинтересованный читатель может узнать о предыдущих исследованиях по данному вопросу. Некоторые гипотезы, которые еще не выдержали «испытания огнем» научной критики, я также отнес в примечания или вовсе умолчал о них. Короткие цитаты из античных авторов, надписей из CIL (Corpus Inscriptionum Latinarum), а также указания на современные названия мест и регионов я включил в текст в скобках. Там, где в этом обширном культурно-историческом исследовании я был вынужден смотреть на одни и те же вещи под разным углом зрения и, следовательно, упоминать о них в разных главах, даются отсылки на соответствующие главы. Чтобы облегчить читателю поиск, я указываю и номера страниц (даже если при этом текст зачастую выглядит не так уж гладко). Из-за недостатка места я вынужден был в «Указателе имен, слов и понятий» ограничиться лишь самыми важными ключевыми словами.

Если моя книга поможет не только предостеречь рядового, не посвященного в кельтологию читателя от поспешных суждений, но и подтолкнуть его к дальнейшим изысканиям, пробудить в нем интерес, а впоследствии и любовь к кельтской культуре и если кельтолог обратит внимание на эту книгу и сочтет ее интересной, — я буду считать, что моя работа удалась.

¹ Schmidt (1986c) разработал план четырех- или пятитомной кельтской энциклопедии, в которой кельтская мифология должна была занимать 5% объема (5% занимало и ремесло), в то время как языку должно было отводиться 12%, изобразительному искусству — 8%, археологии — 15%, и обществу — 5% (S. 22f.). При этом вполне можно считать, что большая часть «археологии», «изобразительного искусства» и «общества» также будет содержать материал, имеющий отношение к истории религии, и «мифология» (представление о мифологии в собственном смысле этого слова можно получить только из островной кельтской традиции) с ее 5% занимает сравнительно высокое место. Друиды, места жертвоприношений, охота за головами и т.п. не относятся к «мифологии» в собственном смысле этого слова.

Кельты глазами античных авторов

С точки зрения эллинов, кельты или галлы были частью западного варварского мира, который, как считали древние астрологи, находился под знаком Овна¹. «Варварами» называли людей, которые не говорили по-гречески — «так, чтобы каждый мог понимать их», а только бормотали неведомо что и, в общем и целом (поскольку они не принадлежали к восточным варварам — таким, как персы и индийцы), были очень примитивными, культурно отсталыми — словом, совершенно «дикими». Однако это не исключало ни того, что при определенных обстоятельствах они могли обладать и благородными качествами, ни того, что они своей наивной и благородной невинностью, здоровьем и силой представляли живой контраст культурному пессимизму упадочнической средиземноморской интеллигенции. Почти так же представляли себе люди античности скифов, а позднее — германцев², хотя эти народы считались еще более дикими, чем кельты.

Как же в Средиземноморье представляли себе типичного кельта?³

Выглядит он просто страшно: громадное, мощное тело со светлой или красноватой кожей, светлые или рыжие волосы, спутанная шевелюра, упрямое выражение лица и дикий, пристальный взгляд. Голос глубокий, громкий и всегда звучит угрожающе, даже если кельт настроен достаточно дружелюбно⁴. У кельтской женщины тоже сильное тело: она наделена дикой красотой, у нее рыжие или белокурые волосы. Со сверкающими глазами, набычив шею и скрипя зубами, она размахивает своими огромными белыми мускулистыми руками. Защищая своего супруга, которому равна по силе, она раздает удары и пинки, словно выстрелы из катапульты⁵. Жены кельтов плодovitы,

¹ Manil. astr. IV, 791ff. = GLQFM I, S. 260ff. [Русский перевод см. в кн: *Марк Манний. Астрономика. (Наука о гороскопах) / Пер., вступ. статья и комм. Е. М. Штаерман. М., 1993*] (*прим. перев.*). Об «астрологической антропологии» см. Ptol. apotel. II, 2f. = GLQFM III, S. 236ff.

² Об этом см. GLQFM I, S. 22; Strabon VII, 1, 2 = GLQFM I, S. 230ff.

³ Чтобы не плодить лишних примечаний, я буду делать ссылки только на самые необыкновенные высказывания. В целом см. Kremer (1994) и Brown (1996). На эту работу указал мне Эрих Поппе.

⁴ Diod. VI, 31; Amm. XV, 12, 2.

⁵ Amm. XV, 11, 1; Diod. V, 32, 2; vgl. Cass. Dio epit. LXXII, 3, 4 (описание Боудикки).

любят детей и хорошо кормят грудью. Дети рождаются седыми, и только потом цвет волос у них становится таким же, как у родителей (!). С детства они закаляются с помощью холодной воды¹ и легкой одежды. Неприветливая родина кельгов хранит огромные людские ресурсы: это *vagina gentium*, из которой галлы постоянно стремятся на теплый юг.

Кельт всегда чрезвычайно тщеславен: он высоко ценит красивую, даже роскошную одежду, а еще больше — пышные украшения, его ребяческая жадность к ним вошла в поговорку. Еще ни один кельт не умер от скромности. Напротив, кельтам свойственно высокомерие, и в случае успеха их заносчивость становится просто нестерпимой.

Кельты всегда очень воинственны. Воспитанный с детства в строгой дисциплине, в поединке кельт показывает высочайшую отвагу. Он чистосердечен, но в то же время вспыльчив и горяч. Кельт бесстрашен, он легко впадает в боевую ярость и кипит отвагой. В то же время, заболев, он разражается плачем². Однако его героизм граничит с идиотизмом: желая испытать свою доблесть, кельт, стоя на берегу с мечом в руке, спокойно ожидает прилива, чтобы сразиться с волной. В таких битвах погибает больше кельтов, чем в сражениях. Поскольку родина его находится в северных краях, кельту свойственна большая отвага при нехватке ума, и он даже вообще не способен думать и рассуждать³. Как правило, кельт легковверен, наивен и легко попадает на удочку. Вообще он всегда нерешителен, ненадежен и лжив, постоянно замысливает социальные перевороты, а в битве, оказавшись в опасности, он склонен к тому, чтобы сдаться и бросить товарищей на произвол судьбы. Насколько страшен, как правило, кельт при первой атаке, настолько же легко, в конечном счете, его победить, поскольку в нем нет стойкости (совсем другое дело — малорослые кельтиберы: они необыкновенно выносливы, и их трудно покорить). Галл не боится смерти в битве. Он очень любопытен — расспрашивает всех чужеземцев о новостях и на их основании принимает спонтанные и необдуманные решения⁴. Кельты любят собираться в кучу и часто сражаются за своих соседей, если им кажется, что тем причинена несправедливость.

Любопытство кельта — это признак интеллектуальности. Из него проистекает желание и способность учиться⁵. Острый ум —

сильная сторона кельта. Он с наслаждением изоощряется в хитроумных дискуссиях⁶, хвастливых спорах и тех темных, метафорических речениях, на которые галлы большие мастера. Бритты не могут быть кельтами — для этого они слишком примитивны⁷. В сущности, кельт добродушен: один галльский князь хотел сбросить императора Августа в пропасть во время его перехода через Альпы, однако не смог решиться на это, увидев спокойную веселость императора, которая настроила его на миролюбивый лад⁸.

¹ Погружение новорожденных в холодную воду сразу после перерезания пупка считалось варварским обычаем. Предполагалось, что если ребенок не может выносить холода, sneeet, у него начинаются судороги и он погибает, то он вообще недостоин того, чтобы его растить. Соран, однако, рассказывает (II, 12, 1 = GLQFM III, S. 182f.), что этот обычай существует только у германцев, скифов и некоторых греческих племен (ср. Гален: Galen. de sanitate tuenda I, 10 = GLQFM III, S. 256ff.). То, что у кельтов детей закалывают холодной водой и они ходят в легкой одежде, стало общим местом у античных авторов.

² Cic. Tusc. II, 65, где речь, однако, прежде всего идет о кимврах и кельтиберах.

³ Aristoteles, pol. 1269 b 26; 7, 7 p. 1327 b 23ff. (= GLQFM I, S. 52ff.); eth. Nic. 3, 10 p. 1115 b 26ff.; eth. Eud. 3, 1 p. 1229 b 28; Kall. h. IV, 173f., 184; Эфор (в: Страбон VII, 2, 1). Аристотель ставит недостаток интеллекта у кельтов в зависимость от холодного климата: «Племена, обитающие в странах с холодным климатом, притом в Европе, пренебрежены мужества, но недостаточно наделены умом и способностями к ремеслам. Поэтому они дольше сохраняют свою свободу, но не способны к государственной жизни и не могут господствовать над своими соседями» [«Политика», VI, 1 = 1327 b 23–27. Перевод С.А. Жебелева цитируется по изданию: Аристотель. Сочинения. В 4-х тт. Т. 4. М., 1984. С. 60]. Подобные и весьма детальные отзывы о строении тела, темпераменте, уме и т.д. кельтов оставили Витрувий (de arch. VI, 1, 1ff. = GLQFM I, S. 196ff.), Гален (de temp. II, 5 = GLQFM III, S. 254ff.) и другие. Странное испытание мужества на берегу моря, которое Филол приписывает германцам (somn. II, 17, 121f. = GLQFM I, S. 292ff.), находит поэзию островную кельтскую параллель в так называемом «инициационном диалоге» в «Мелвассе и Гвенхиввар», где Мелвасс подчёркивает, что он в тяжелых доспехах обходил берег или брод при полном приливе (подвергавсь опасности утонуть в наступающем потоке?); Birkhan (1989), II, S. 110f. Возможно, что здесь идет речь всего лишь о наивно-магическом представлении, подобном тому, что якобы было у персов: если верить историческому анекдоту, персидский царь Дарий приказал высушить море в качестве наказания.

⁴ Caes. BG. IV, 5.

⁵ Caes. BG. VII, 22.

⁶ Cato Senior frag. 34 Peter.

⁷ Strabon IV, 5, 2.

⁸ Sueton Aug. 79.

Но те же кельты известны своей закоренелой жестокостью. Разве они не страстные охотники за головами, разве не наслаждаются страшными человеческими жертвоприношениями? Кельт — кровожадный воин, и он убивает не только всех мужчин в захваченном поселении, но и всех мальчиков и всех беременных женщин, о которых какой-нибудь провидец скажет, что они беременны мальчиками¹. Вынужденный каннибализм кельтам также не чужд, а уж на самом западе и севере он, судя по всему, обычное явление...

Главный порок кельтских женщин (на которых их мужчины совсем не обращают внимания) — это их эротическая распущенность. В Британии вообще царствует инцест. Однако многие женщины весьма целомудренны и горды². Основной порок мужчин — это гомосексуализм, который прямо-таки свирепствует среди кельтов, а порой и выдается за добродетель, но прежде всего — пьянство. Ведь каждый кельт — прирожденный алкоголик!

Вот наиболее существенные из ходячих представлений о кельтах. Естественно, они, как и все банальные истины, очень односторонни и полны обобщений, и поскольку, конечно, кельты рассматривались как враги, они не только не всегда объективны, но и зачастую носят резко негативную окраску. Многое в них напоминает мне то представление, которое бытовало о русских во время и после Второй мировой войны. Бросается в глаза противоречие в оценке умственных способностей. Здесь становится очевидным: чем лучше знают врага, тем лучше его оценивают. Аристотель, Каллимах и другие греки считали кельтов глупыми и тупоголовыми, а Марку Порцию Катону Цензорину, который лично был знаком с кельтами Северной Италии, был хорошо известен их острый ум и любовь к изощренным речам (*argute loqui*). Благодаря Посидонию затем появился совсем другой, «настоящий» портрет кельта, который, однако, не был свободен от некоторых обобщений.

То, как появляются такие ходячие представления, изучают с

¹ Strabon IV, 6, 8, со ссылкой на племя ликатон (*Licates*) на р. Лех.

² Жены кимбров (германцев) просили после победы римлян принять их в орден весталок, чтобы они могли хранить свое целомудрие. Когда в этом им было отказано, ночью они повесились (Val. Max. VI, 1, ext. 3 = GLQFM I, S. 292f.).

точки зрения сравнительной культурной антропологии. Тот факт, что кельты не могли быть абсолютно едины в расовом отношении, поймет каждый, кто увидит рядом невысокого, черноволосого валлийца и длинного, рыжеволосого и веснушчатого шотландского горца; об этой разнице писал еще Тацит (Агрикола, 11). Бесспорно то, что во всех ходячих представлениях «нет дыма без огня»: и действительно, в некоторых районах Ирландии и в Шотландии встречается больше рыжих и рыже-белокурых людей, чем в других областях Европы. Однако следует заметить, что в Новое время в Шотландии и в Ирландии существовали те же самые негативные предубеждения насчет рыжих людей, что и в других странах Европы. В поэмах «Оссиана» благородные герои всегда черноволосы или белокуры, а злодеи — рыжие¹. Новые антропологические исследования, прежде всего измерения черепов на скелетах эпохи гальштата и латена, позволили только выявить, что наличествует некий «биологический континуум» от гальштатского до латенского времени. При этом утверждается, что кельты из восточной группы показывают большую «высоту черепа», чем «центральные» и «западные» кельты, а кельтское население Британских островов якобы в отношении своего «долихокранического индекса длины-ширины отклоняется от среднего типа общей группы»². Сделать вывод, что это результат влияния докельтского субстрата, было бы очень легко — и преждевременно. Совсем другой вопрос, можно ли принять ту «удивительно гомогенную картину возникновения кельтских групп», о которой говорится в процитированной мной работе, если смотреть на проблему извне, «макроскопически» (тогда здесь цвет глаз, волос и кожи действительно имеет такое решающее значение), и отличается ли чем-нибудь эта картина от столь же весьма гомогенной картины возникновения, например, германцев³. Однако самым важным мне кажется другой

¹ Ossian, S. 9.

² Klug (1986), S. 239f.

³ К сожалению, том «Этиогенеза» не содержит никакого общего обзора единичных результатов. Для любого человека, который, как и я, незнаком с антропологическими методами измерения и не может оценить их информативность, практически невозможно сравнить и сопоставить результаты отдельных исследований (по кельтам, германцам, италикам, иберийцам, финно-уграм и т.д.) и оценить, в какой мере то «единство» отдельных этносов, которое подчеркивается в другом месте в этой работе (S. 170, 280), является существенным по сравнению с результатами, полученными в отношении других этносов.

вопрос: когда говорят, что допустимо делать обобщения по поводу всего кельтского этноса на основании измерений всего 504 (!) черепов¹, то не имеем ли мы дело с возвратом в печальное прошлое, которое с научной точки зрения уже является пройденным этапом, и не имеют ли язык, религия и стиль искусства более решающего значения для кельтского самосознания и чувства кельтского единства?

Интересно проследить, как средневековые авторы перенимают такие ходячие представления и передают их дальше. Особенно отчетливо это заметно у Гиральда Камбрийского, труды которого Чапмен сопоставляет с «Алексиадой» византийской принцессы Анны Комнины (1083—ок. 1153): она не только называет западных участников Первого крестового похода не иначе, как «кельтами», но и употребляет все расхожие «кельтские» штампы при их описании². По образцу древнегреческой традиции французские крестоносцы, входящие в Константинополь, хвалятся, что они не боятся ничего, кроме падения неба³.

Напоследок процитируем двух авторов Нового времени. Иоганн Готфрид Гердер в 1784 году дал следующее контрастное описание кельтского характера⁴:

«Известное государственное и военное устройство было присуще им, но в конце концов они потерпели поражение от римлян, потому что раздоры между их правителями толкнули их к гибели; не лишены были галлы и естественных знаний и искусств, насколько они отвечали степени их развития, и, конечно, как и все варвары, они тем более не лишены были души народа — песнопений. Песни в устах бардов посвящены были доблести, они славили подвиги предков. По сравнению с Цезарем и его войском, вооруженным всеми римскими военными

¹ Из латенской восточной группы (восток Австрии, Венгрия, Чехия) представлены результаты по 128 черепам, из западной группы (Британские острова, континентальное побережье Атлантики) — по 118, из центральной области (юго-запад Германии, северо-запад Австрии, Швейцария, восток Франции) — 80; Klug (1986), S. 226f. Хоть я и профан в антропологии, осмелюсь все-таки усомниться, действительно ли эта выборка позволяет сделать статистически достоверные выводы.

² Ср. Chapman (1992), S. 182ff.

³ Niketas Choniates 2, S. 166.

⁴ Herder Ideen, S. 681f. [C. 461].

искусствами, галлы были, конечно, полудиким племенем; но если сравнивать их с другими северными народами, включая и некоторые немецкие племена, то они уже не кажутся полудикими, а по ловкости, по легкости характера, а, наверное, и по усердию в ремеслах, по культуре и политическому строю они превосходят их; ведь как немецкий характер в некоторых своих чертах до сих пор похож на описание немца у Тацита, так и в древнем галле, несмотря на все изменения, можно узнать галла поновее».

Теодор Моммзен в 1856 году в третьем томе своей «Истории Рима» остановился на завоевании Галлии и удостоил кельтскую борьбу за свободу и самих кельтгов следующих слов¹:

«Существованию кельтского народа наступил конец. Политическое крушение его стало фактом — об этом позаботился Цезарь — а национальный распад его начался и неуклонно прогрессировал. Это была не случайная гибель, которую иногда готовит судьба даже способным к дальнейшему развитию народам, а заслуженная и в известной степени исторически необходимая катастрофа. Это доказывается уже ходом последней войны, будем ли мы рассматривать ее в целом или в частности. Когда началось установление иноземного господства, ему оказывали энергичное сопротивление только отдельные области, да и то преимущественно германские или наполовину германские [имеются в виду белги, треверы и эбуроны. Когда же иноземное господство было установлено, все попытки свергнуть его либо предпринимались крайне неразумно, либо — в большей мере, чем это допустимо, — были делом отдельных выдающихся представителей знати и поэтому немедленно и окончательно прекращались со смертью какого-нибудь Индугиомара, Камулогена, Верцингеторига, Коррея. Характерно, что осадная и малая война, в которой обнаруживается обычно вся нравственная глубина народных войн, в кельтской войне всегда приводила лишь к самым жалким результатам. Каждая страница кельтской истории подтверждает суровые слова одного из немногих римлян, умевших не презирать так называемых варваров, что кельты смело бросают вызов будущей опасности, но присутствие духа изменяет им перед настоящей. В могучем вихре истории, беспощадно сокрушающем все народы, которые не окажутся как сталь твердыми и вместе

¹ Mommsen (1904), III, S. 298ff. [Русский перевод цитируется по изданию: Моммзен Т. История Рима. Т. III: от смерти Суллы до битвы при Тапсе. СПб., 1995. С. 196—197].

с тем как стали гибкими, подобная нация не могла долго существовать. Континентальные кельты заслуженно подверглись той же участи под властью римлян, которую их соплеменники на ирландском острове до наших дней переносят под властью саксов: раствориться в качестве фермента будущего развития в другой национальности, превосходившей их в государственном отношении. Расставаясь с этим своеобразным народом, можно еще напомнить, что в рассказах древних авторов о кельтах на Луаре и на Сене, едва ли отсутствует хотя бы одна из тех характерных черт, по которым мы привыкли узнавать нынешних ирландцев¹. Мы встречаем здесь нерадивое отношение к сельскому хозяйству, любовь к пирам и дракам, бахвальство (вспомним повешенный в священной роще арвернов после победы под Герговней меч Цезаря, на который с улыбкой смотрел в этом священном месте его мнимый прежний обладатель, приказавший заботливо оберегать это драгоценное достояние); речь, полную метафор и гипербола, намеков и причудливых оборотов; забавный юмор, примером которого является правило, что тому, кто прервет публичного оратора, полиция вырезает большую и заметную дыру в платье; любовь к песням и сказаниям о делах минувших дней и бесспорную ораторскую и литературную одаренность; любопытство — ни одного кунца не пропускали, пока он не расскажет среди улицы все новости, которые он знает или не знает, — и безумное легкомыслие, с которым делались практические выводы из полученных таким образом сведений, вследствие чего в более благоустроенных кантонах путешественникам под угрозой строгой кары было запрещено сообщать непроверенные известия кому-либо, кроме официальных властей; детскую религиозность народа, видевшего в священнике отца и во всем спрашивавшего его совета; исключительную глубину национального чувства, благодаря чему все соотечественники — почти одна семья — противостояли иностранцам; готовность восставать и составлять банды под руководством первого попавшегося вожака, а вместе с тем полную неспособность сохранить непоколебимое мужество, чуждое как заносчивости, так и малодушия, подмечать подходящую минуту для нанесения удара или для выжидания, вырабатывать какую-либо организацию, строго военную и политическую дисциплину или хотя бы выносить ее. Всюду и во все времена мы видим всю ту же нацию, ленивую и поэтическую, неустойчивую и простосердечную, любопытную, легковверную,

¹ [В оригинале Моммзен употребляет пренебрежительную кличку, данную ирландцам англичанами — Paddy (Патрик)].

[радушную], способную, но никуда не годную в политическом отношении; поэтому — то и судьба ее оставалась неизменно та же».

В основе этого пассажа лежат фаталистические представления вроде знаменитого *volentes fata ducunt nolentes trahunt* [желающих судьбы ведут, нежелающих — тащат] Сенеки (...«заслуженная и в известной степени исторически необходимая катастрофа»...). Этими безжалостными словами о народах «как сталь твердых и вместе с тем как сталь гибких», Моммзен выражает свою веру в Пруссию, в национальное дело, в великий путь будущего немецко-прусского единства, который, как считал этот либеральный почитатель Цезаря, историк и политик, уготовлен его государству. Такие фигуры, как Ганнибал, Верцингеториг и (наконец) Цезарь, играют в его исторической картине роль трагических благодетелей. Эти герои «должны были сражаться не только против врага своей родины, но, прежде всего, и против антинациональной оппозиции оскорбленных эгоистов и вспугнутых трусов, которая является неизменным спутником вырождающейся цивилизации. Своим местом в истории он обязан не сражениям и осадам, но тому, что он пыгался дать этой разваливавшейся и погрязшей в национальной раздробленности нации в своем лице средоточие и точку опоры... Судьба дарит погибающим народам их последнего великого человека, словно последние лучи солнца, пробивающиеся сквозь тучи на закате пасмурного дня»¹. Историк Моммзен видел свой предмет глазами Моммзена-политика (так же, как и Дройзен и Трейчке) — «*cum ira et studio*»², как сказал в 1838 году Генрих фон Зибель³. Сегодня, когда уже прошло полвека с тех пор, как последний «тысячелетний рейх» встретил свой позорный конец, и совсем недавно распалась другая великая держава, слова Моммзена нельзя читать без смущения, и мы можем лишь посмеяться над нашим неисторичным историком, который одарил древних арвернов понятием о национальности образца 1850 года.

Однако сам лозунг «без гнева и пристрастия» дожил до наших дней, и сегодня он актуален как никогда. Мы уже так привыкли

¹ Цитируется по: Wucher (1968), S. 84f.

² [-С гневом и пристрастием]; имеется в виду знаменитое кредо римского историка Тацита — «без гнева и пристрастия» («*sine ira et studio*»).

³ Wucher (1968), S. 24ff.

видеть в колониальных державах разбойных эксплуататоров третьего мира и принимать сторону «туземцев», герильи и борцов сопротивления, что мы — для Моммзена, преклонявшегося перед гением Цезаря, это было совершенно невысказано! — и здесь на стороне галльских оппидумов и галльского ополчения. В противном случае культурный феномен Астерикса был бы невозможен. Долгое время бытовавшее телеологическое понимание истории, согласно которому «варварство» сменяется более мягкими обычаями и более высокой культурой, а в конце концов — и цивилизацией, где в каждой семье по две машины, цивилизацией с компьютерами, «хай-фай», генетическими экспериментами и непоколебимой верой в то, что люди будут работать все меньше и меньше, а жить все лучше и лучше, — предполагало, что нашествие галлов на Италию было угрозой для высших культурных ценностей, равно как и германское «переселение народов». Сегодня большинство читателей, для которых написана эта книга, с подозрением смотрят на якобы столь высокие ценности цивилизации и культуры, к которым мы стремимся, а варварские народы обрели совершенно другую эмоциональную значимость.

В то время как для Моммзена судьба кельтов была назидательным примером из области любви к свободе и национальной раздробленности, представление о кельтах в девяностые годы XX века существенно изменилось; мы больше обращаем внимание (если отвлечемся от националистических течений самих «кельтов») на «духовную», как теперь любят говорить, сторону кельтской культуры. Наш скептицизм по отношению к телеологическому пониманию истории и так называемым «благам» нашего технократического века влечет нас в объятия филиппинских целителей, индийских гуру, сибирских шаманов и индейских знахарей. А почему бы не обратиться и к древним друидам? И вот так кельты, на большую религиозность которых обращал внимание еще Цезарь, в современном, ориентированном на прибыль «обществе благосостояния» стали своего рода непреходящей ценностью, указывая на то, что оно, это общество, является исторической случайностью, как написал об этом один из организаторов выставки «Золото гельветов» (Цюрих, 1991)¹:

¹ Helvetier (1991), S. 14.

«Современные преобразования в сегодняшнем общественно-религиозном сознании способствуют восприятию кельтских элементов, тем более, что сегодня насущную тенденцию определяет не вера в технократический прогресс (которая находит свой образец скорее в римской культуре), а экологическое сознание. Именно этим и привлекает кельтская культура... С другой стороны, в этом можно увидеть и некую потерю связи с реальностью, когда малоизвестная область начинает заполняться фантастическими подробностями».

И, вопреки одностороннему восприятию кельтов в неоязычестве эзотерическо-магических кружков как образца индивидуалистического эгоизма и идеологии самосовершенствования, добавлю следующее:

«Говоря о кельтах, следует вспомнить о свойственных им циклических представлениях о мире, которые были очень далеки от сегодняшней погони за новым и стремления к неизведанному. Личность в меньшей степени должна была стремиться к индивидуальному развитию; достижения отдельных людей в области искусства не выходили на первый план: скорее перед нами ремесленное совершенство в строго определенных рамках».

Мир обузданных демонов кельтского искусства — против необузданных демонов нашей современности?..

Кельты, галлы, галаты: определение понятия «кельты»

Кельты — это племена и племенные союзы древней Европы, которые в общем и целом отличались от других племен и племенных союзов единой материальной (латенская культура) и духовной культурой (понимаемой как совокупность коллективных обычаев и норм). Среди этих «других» — италики, этруски, венеты, иллирийцы, греки, иберы, лингуры, баски, германцы, пикты, фракийцы (даки и геты) и скифы. Мы называем только важнейшие племена, с которыми кельты поддерживали связи.

Кельты были далеки от того, чтобы создать «империю» вроде основанных на письменной культуре восточных и средиземноморских держав. Однако греки и римляне воспринимали их

как определенную, единую в культурном отношении группу племен, которые отличались от скифов и фракийцев¹. Согласно схеме географического мышления греков около 350 года до н.э. эллинский (и в какой-то мере уже эллинистический) мир был окружен «варварами»: на юге жили «эфиопы», на востоке — инды, на севере — скифы, а на западе — кельты². Эту западную (согласно более древнему представлению, скорее северо-западную) область, подвластную кельтским племенам, называли Κελτική, или, как говорит Ливий, *Celticum*. Это был окруженный океаном огромный регион, из которого порой вырывались разбойничьи толпы варваров, но в то же время это была и важная область торговли. После нападения кимвров и тевтонов греки и римляне вынуждены были внести поправки в свои представления: между кельтами и скифами обнаружилась переходная область «кельтоскифов» (Plut. Mar. XI, 6f.)³, а со времен Цезаря вместо «кельтоскифов» стали говорить о германцах. В греческом культурном пространстве германцев продолжали называть «кельтами»: даже во время крестовых походов так именовали телохранителей византийских императоров — скандинавов и англичан⁴.

Задачей этой книги является более точно определить и показать именно эту «относительно единую материальную и нематериальную культуру», причем верхней временной границей рассматриваемого периода будет конец римского господства в кельтских провинциях *imperium Romanum*. Такую границу я выбрал не только из чисто практических соображений, но еще и потому, что V веке н.э. был поистине судьбоносным временем. В середине V века произошла христианизация Ирландии, в Галлии утвердилось франкское королевство, в Арморике поселились бретонцы. С отступлением римлян из Британии произошел своего рода откат к древнекельтскому образу жизни. В то же самое время в островных кельтских языках произошел целый ряд революционных изменений, которые придали сегодняшним кельтским языкам их совершенно особый характер. Так как на Британских островах, несмотря на частичное

¹ Об этом см. Kodderitzsch (1993).

² Так у Эфора; см. GLQFM I, S. 50f.

³ Ср. Dobesch (1995), S. 53ff.

⁴ Ср. Niketas Choniates I, S. 265.

римское завоевание, сохранилась своеобразная кельтская культура¹ и во многих местах она существует и поныне, по крайней мере в том, что касается языка, то было бы легкомысленно отказываться от такого источника знаний, как сохранившаяся с эпохи раннего средневековья богатая традиция Британских островов, особенно если мы будем привлекать эту традицию для нашей работы со всей необходимой методической осторожностью.

Нижнюю границу рассматриваемого нами периода очень трудно определить, поскольку чем дальше мы идем назад во времени, тем меньше можем охватить нематериальную культуру, так что под конец археолог, анализируя свои находки, спрашивает себя, действительно ли эти сосуды, фибулы, колесницы и мечи являются «кельтскими» в полном смысле этого слова. По сути, кельты как таковые от него ускользают. Джон Коллиз справедливо отмечает, что заимствование керамики может как иметь экономические причины, так и свидетельствовать о делении племен и о каком-то другом родстве или просто одинаковом образе жизни². Однако это проблема не одной кельтологии: хотя широкая публика зачастую представляет себе кельтов как таинственный, «пришедший из тьмы» народ, та же самая проблема наблюдается и у исследователей германцев и славян. Только опираясь на методологически сомнительное, необдуманное сопоставление языковых и археологических данных, можно теперь говорить о возникновении кельтов уже около 2000 года до н.э.³

В общем и целом, существует проблема привязки этнических (т.е. и языковых, религиозных, социальных...) общностей (кельтов, например) к археологическим провинциям⁴. Этнография учит, что критериями этноса могут считаться различные культурные параметры: наряду с одеждой и украшениями, кулинарными традициями, прическами, типами домов, музыкой

¹ О кельтской идеологии на британских островах ср. Charman (1992), особенно р. 70ff.

² Collis (1994), S. 129.

³ Об этом – мягкая критика у Evans (1982), S. 233ff. В связи с его определением кельтов Powell (1962), S. 105ff. также анализирует возникновение понятия о кельтах.

⁴ Об этом (с характеристикой наиболее важных для этой дискуссии исследований) см. Fischer (1986), S. 213ff. Можно было назвать ещё Чайдда и Бонн-Пимперу.

и танцами, религиозными представлениями, это и язык, который все же не играет более важной роли, чем другие аспекты культуры¹. Мы должны осознавать, что когда мы говорим о языке как о важнейшем критерии «кельтскости», то при этом мы кладем во главу угла то, что для самих кельтов, возможно, казалось не таким уж важным (например, потеря индоевропейского *r в большинстве позиций). Может быть, с их собственной точки зрения решающее значение имели прически или определенный вид татуировки. Что было важно для средиземноморских народов, показывают их традиционные представления о кельтах. Существенную роль должно было играть самосознание народа, выразившееся в политической активности (как уже заметил Рейнхард Венкус, опираясь на работы Вильгельма Эмиля Мюльманна). Однако в доисторическое время, представленное только археологическими данными, эту политическую деятельность трудно распознать: можно только заметить, что перенимались те или иные элементы материальной культуры. Поэтому в свете истории очень трудно достичь определенного представления о кельтах, тем более что у них самих его не было! Случилось так, что два племени заключали договор против третьего, заручаясь при этом поддержкой не-кельтского (и даже не-германского) союзника против соседнего народа, который мы считаем кельтским. Если бы у нас было достаточно фактов, то следовало бы скорее написать историю каких-нибудь арвернов или секванов, а не кельтов вообще.

Тем не менее очевидно, что распространение уловимой для археологов материальной культуры дает определенное, хотя и не единственное, указание на определенную степень самосознания и потребность в самоидентификации. Принадлежность кельтов к латенской культуре с XIX века остается неоспоримой, однако далеко не везде, где обнаруживают латенские предметы, говорили по-кельтски и поклонялись (например) богу Лугу. Почему племя или группа племен не могли перенять материальную сторону латенской культуры, но при этом сохранить свое этническое своеобразие (например, язык или религию)? Достаточно примеров тому дают Альпийская область, племена ретов, лигуров, венетов, паннонийцев и иллирийцев, а также область так называемого «северо-западного блока».

¹ Mühlmann (1985), S. 19; Cp. Zimmer (1990), S. 21.

Можно считать, что там, где кельтские названия в надписях не встречаются с большой степенью частоты, хотя и использовались предметы в латенском стиле, широкие массы населения не говорили на кельтском языке — он применялся лишь в модных именах¹. Такая ситуация прежде всего была, видимо, в паннонско-иллирийском пространстве. Говорить в таких случаях о «кельтском языке» было бы самонадеянностью: если мы не можем заполнить слово конкретным, детальным содержанием, то не исключено, что это всего лишь отдельное слово, пустое название.

Бывало и наоборот. Страна арвернов была классической кельтской областью, ядром антиримского героизма, где все вожди, начиная со времен Цезаря, носили вполне понятные галльские имена, а «программное» имя «Кельтилл» содержит в себе название всех кельтов — словом, «кельтейшей» из всех кельтских областей. Однако здесь не было найдено почти никаких латенских вещей. Да и говоря об Ирландии, где классические галльштатские и латенские находки весьма редки, можно задать вопрос, насколько «кельтскими» были ирландские кельты². Если говорить об исторически засвидетельствованной «кельтскости» галлов, то связь кельтов с латенской культурой также представляется сомнительной (о галльштатской я вообще молчу), как сомнительно и предположение, что западная область распространения галльштатской культуры сыграла решающую роль в этногенезе кельтов. Будущее покажет, имеет ли эта идея, одним из сторонников которой в последнее время является Джон Коллиз, право на существование. Мне кажется, что принятие этой идеи должно было бы немедленно повлечь за собой широкомасштабное переименование, которое коснулось бы и этой книги: тогда она должна была бы называться: «Народы латенской эпохи, их предшественники, наследники и соседи».

Если мы попытаемся определить понятие «кельты» с помощью языковых показателей и других нематериальных данных традиции, то обратное распространение этого понятия на период времени, для которого таких свидетельств у нас нет, всегда

¹ Ср. подобные же мысли у de Hoz (1992), S. 233.

² Mac Eoin (1986).

будет сомнительным¹ — даже тогда, когда мы вместе с Кристофером Хоуксом станем весьма неопределенно говорить о некоей «кумулятивной кельтскости»². Наши суждения будут наиболее оправданными в тех случаях, когда у нас имеются прочные текстуальные свидетельства, которые можно объективно оценить с лингвистической и исторической точки зрения³. Поскольку, когда мы говорим о наиболее ранних языковых свидетельствах, речь все время идет об именах (именах гор, рек, областей, народов и людей), ономастика приобретает особое значение. Ономастика важна для исторического периода, как в плане статистических изысканий типа исследований Лео Вайсгербера, которые позволяют более точно установить структуру населения, так и в плане семантических исследований, благодаря которым мы можем лучше представить себе ведущие идеологические установки⁴. Анализ имен, как правило, переданных не-кельтами, а также существенных с культурно-исторической точки зрения заимствованных слов затрудняется тем, что звуковая система исходного языка и языка-посредника (одного или нескольких) значительно отличались. Слыша кельтское слово, кто-то — быть может, носитель другого кельтского диалекта или вообще другого языка — изменял его; затем оно доходило до жившего в Средиземноморье древнего автора, который также переделывал его для греческих или римских ушей и произношения, потом оно с помощью совершенно для него неподходящей римской или греческой орфографии попадало на папирус, с которого в средние века, пройдя еще несколько промежуточных ступеней, оно переходило на пергамент, с которого печатаются уже наши, современные издания. Если принять во внимание все эти возможные источники ошибок, то можно вообще потерять всякую веру в такую передачу информации и остается только дивиться

¹ Как и следовало ожидать, по этому вопросу, которым следует задаться в начале любой книги о кельтах и их истории, существует практически необозримая дискуссия. Введением в проблему могут послужить рассуждения и библиографические указания Szabó (1986), S. 58ff., которые, однако, относятся прежде всего к ситуации в Восточной и Центральной Европе.

² Hawkes (1972).

³ Об огромном значении языковых свидетельств для определения этнической принадлежности ср. Evans (1982), S. 233.

⁴ Литература по этому вопросу огромна. Элементарные сведения можно найти в: KGP; GPN; GKAR; Evans (1982), S. 239f.

тому, что дошедшие до нас через эти античные источники свидетельства нередко находят себе подтверждение в других, независимых античных традициях или в собственно кельтских данных.

Обращаясь к имеющимся у нас двум единственным языковым свидетельствам о ранних кельтах на Бриганских островах, рассмотрим сначала состояние источников. Речь идет о переданных якобы через посредство Пифея из Массилии (около 325 года до н.э.) названиях Ἰέρνη «Ирландия» (у Avien. Ora mar. 110ff.; Strabon II, 4, 1) и Ὀρκας (у Diod. V, 21, 3), что, очевидно, связано с названием «Оркады». Считалось, что форма этих названий может быть древнее, чем сам Пифей, — предположение, которое можно принять лишь с оговорками. Название Ирландии встречается также в сочинении *De mundo* в составе (псевдо)аристотелевского корпуса (3, р. 393b 13)¹.

Эти «языковые свидетельства галльских кельтов» основаны на следующих предположениях:

1) Этимология предполагает, что в обоих топонимах фигурируют индоевропейские основы с *p*, которое в этих позициях исчезло: Ἰέρνη возводится к и.-е. **epi-uerja* «огороженная» или **riuerja* «жир», Ὀρκας к и.-е. **porikos* «свинья»², что должно в переносном смысле означать кита — точно так же, как ср.-в.-н. *merswîn* означает дельфина (ср. шотландское гэльское *Orcaib* «у свиной»)³;

2) что название было передано без изменений от Пифея, который писал уже в латенское время, через более поздних авторов, таких, как Страбон, Диодор и Авиен;

3) при этом *Ora maritima* (130ff.)⁴ Руфа Феста Авиена (около 380 г. н.э.)⁵, — сочинение, которое якобы основано на руководстве для моряков (*Periplus*; περίπλους), составленном приблизительно в 540—530 гг. (что никоим образом нельзя считать доказанным), или на путевых заметках карфагенянина Гимилькона

¹ Сопоставление форм топонимов см. у Rockel (1989b), S. 35f.

² Schmidt (1991), S. 2.

³ Ср. Carmina Gadelica II, S. 342.

⁴ Имеется русский перевод: Авиен Руф. Описание морского берега / Пер. С.П. Кондратьева // ВДИ, 1939, 2.]

⁵ Об этой работе см. недавнюю публикацию: Tomaschitz (1994), S. 13ff.

(V в. до н.э.)¹, — приобретает значение основного свидетельства, поскольку эти сведения якобы относятся к тому времени, когда финикийцы закрыли доступ в западное Средиземноморье (около 500 г. до н.э.)²;

4) что (если все эти предпосылки верны) кельтскость названий мест на Британских островах имеет какое-то значение для ситуации собственно в ареале гальштатской культуры.

Если предположение №1 неверно, то и все дальнейшие следствия из него также оказываются неустойчивыми! То же самое можно сказать и в том случае, если формы имен у Аввиена, который писал 700 лет спустя после Пифея, являются не вполне правильными. Сохранилась лишь одна-единственная рукопись *Ora maritima*, и ныне она утрачена. Все современные издания основываются на первом издании, которое вышло в 1488 году.

Когда же кельты действительно появляются в исторической литературе?

Это точно не известно, однако весьма вероятно, что в конце VI века до н.э. Гекатей из Милета (также автор гальштатского времени) упоминал название «кельты» в связи с Массалией (Μασσαλία, ныне Марсель), Нарбоном (*Narbon*) и городом *Nyrax*, местоположение которого пока не определено. Однако

¹ Об этом см. Duval (1971), I, S. 177f. Гимилькон (в *Avien. ora mar.* 130ff.) уже знал кельтов, как врагов лигуров, однако локализовал последних совершенно неверно — к северу от Эстримнид (островов Силли, островов Ла-Манша или полуострова Бретань); речь могла идти о бельгийском, нидерландском, германском или датском побережье Северного моря; Duval (1971), II, S. 593ff.; Tomaszczak (1994), S. 16ff. Направляется мысль о порче текста. Хотя сам Аввиен (совершенно без всякого логики) и упоминает о лигурах, мне кажется, что Б. Андрее несколько преувеличивает, когда в *The Celts* (1991), S. 61 вычитывает из этого места следующее: «этруски, которые, начиная с VI в. до н.э., были изгнаны кельтами из долины По...». В любом случае нельзя поддержать столь раннюю датировку. Можно вспомнить о том, что первое этрусское изображение кельта на фалинском штампе в Боннском академическом музее искусства (см. иллюстрацию в *The Celts* [1991], S. 62) датируется только первой четвертью IV в., что признает и сам Андрее, ср. Beazley (1947), S. 96ff. Эта датировка прекрасно соответствует тем датам, которые мы находим у Ливия и Полибия.

² А именно тогда, когда вскоре после 564 года после битвы при Алалини (на Корсике) плавания греков в Тартессе (к западу от Гибралтара) были сильно затруднены карфагенянами, а затем такие плавания и вовсе прекратились.

здесь нам приходится опираться на поздние цитаты у Стефана Византийского¹. Спорной является и обнаруженная в 1981 году этрусская надпись из Черветери, где фигурирует имя посвятившего — *celthe*; речь может идти о племенном наименовании «кельт», употребленном здесь в качестве личного имени².

Зато вне всякого сомнения — два упоминания о кельтах у Геродота. «Отец истории» мимоходом упоминает о месте расселения кельтов, а именно, сопоставляя Дунай с Нилом и неизвестное верхнее течение Нила с известным верхним течением Дуная, истоки которого находятся в стране кельтов близ «Пирены» (II, 33). Позднее (IV, 49) говорится о том, что кельты, в стране которых находятся истоки Дуная, являются (за исключением кинетов) самым западным народом Европы.

Мы совершили бы ошибку, если бы подумали, что Геродот считал, что та самая «Пирена», у которой находятся истоки Дуная, расположена в Пиренеях³ — хотя Аристотель, как мы увидим, также неправильно понял это место. Поскольку кинеты обитали в Испании, то здесь Геродот свидетельствует только о некогда очень широкой области расселения кельтов, причем принимает во внимание не только их язык, поскольку название «Пирена» никоим образом не может быть кельтским. Скорее всего, речь идет о средиземноморском обозначении какого-то важного для греческого экспорта центра, например, Хойнебурга, древнее название которого нам не известно. То, что истоки Дуная мыслились расположенными на туманном севере, а не в западных Пиренеях, свидетельствует и Пиндар (Ol. III, 13ff.): он передает любопытную легенду, согласно которой Геракл принес олну в Грецию «от теннстых истоков Дуная», расположенных неподалеку от северного племени гипербореев⁴.

Вместе с упомянутым у Аристотеля названием *ορη τῶν Ἀρκυρίων*, лингвист оказывается на более твердой почве. Это важное место звучит так: «С Пирены (это хребет в стране кельтов, [в стороне] равноденственного захода) стекают и Истр, и

¹ GLQFM I, S. 44f. Свои сомнения высказывает Duval (1971), I, S. 176; извешено и скорее в пользу первого упоминания у Гекатея: Tomaschitz (1994), S. 5f.; ср. также Dobesch (1993a), S. 26.

² Ср. Lejeune in RIG II/1, S. 3f.

³ GLQFM I, S. 46ff.; ср. Fischer (1972). См. об этом также G. Dobesch, в: The Celts (1991), S. 35. Иначе: Dobesch (1993a), S. 27. Ср. также Tomaschitz (1994), S. 8f.

⁴ GLQFM I, S. 46f.

Тартесс. Последний [впадает в море] за Столпами, а Истр, пересекая всю Европу, [впадает] в Евксинский Понт. Большинство других рек течет на север с Аркинийских гор; в этих краях это самые большие горы по высоте и протяженности»¹. При этом название «Аркинийские горы», совпадающее со знакомым названием «Герцинский лес», указывает на Шварцвальд² (согласно Полю-Мари Дювалю — Альпы)³; в то же время это название может указывать и на германское среднегорье с его ответвлениями в Чехии и Польше⁴. Однако Аристотель (384—322) жил уже в латенское время.

Между тем кельты взяли Рим, разрушили этрусские города и поселились в Верхней Италии. Очевидно, что с кельтами, которые, помимо всего прочего, выступали и как наемные солдаты, теперь связываются вполне конкретные представления. Часть ходячих представлений о кельтах возникла, видимо, именно в этот период. Еще чаще теперь встречаются упоминания о кельтах и в исторических сочинениях⁵. С возникновением кельтской угрозы для македонско-греческого мира зарождается новая, типично эллинистическая манера писать о кельтах: появляются мифологические генеалогии и этимологии⁶. Разрабатываются запутанные теории «этногенеза»: «кельты» или «галаты» становятся потомками титанов, циклопов, а также и Геракла, который очень часто выступал в качестве предка эпонимных героев или героинь (ср. Diodor IV, 19; V, 24). «Кельтику» облекли в некий экзотический ореол. Кельтская тема нередко возникала в картинах, литературных сравнениях и поэтических экскурсах. Особенной популярностью в этом отношении пользовалась

¹ Meteor. I, 13, p. 350 a 36 = GLQFM I, S. 54ff. [Русский перевод цитируется по изданию: Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т.3/Вступ. статья и примеч. И.Д. Рожанский. М., 1981. С. 468. Здесь пояснения в квадратных скобках принадлежат переводчику с древнегреческого — Н.В. Брагинской].

² Сомнение в кельтскости этого названия гор, которые высказывает Evzls (1982), S. 245, я считаю излишним, особенно если иметь в виду семантический аспект, а именно то, что речь идет о названии лесистых гор. Можно, однако, согласиться с тем, что внутри самого кельтского языка существовали определенные варианты: иногда н.-е. *-r* исчезало, иногда замещалось на *ku-*.

³ Duval (1971), I, S. 191.

⁴ О протяженности Герцинского леса см. Rübekel (1992), S. 64ff.

⁵ Об этом см. Dobesch (1993a), S. 31ff.; прекрасное сопоставление источников у Tomaselitz (1994), S. 7ff.; ср. также Kremer (1994).

⁶ Об этом см. Dobesch (1995), S. 35, 40ff.

традиция о проверке отцовства посредством вод Рейна. Именно о таком «джентльменском наборе» писал Гораций, когда в своем руководстве для начинающих поэтов он с упреком говорил о том, что к велеречивому вступлению то тут, то там «пришивают пурпурные тряпки», — такие, например, как описание роши, алтаря Дианы или бури на Рейне (ars 14ff.). Однако именно такому маньеристскому стилю Лукана мы обязаны описанием жуткой священной роши, а также упомянутыми только у него именами галльских богов.

После скудных намеков у Геродота одним из основных авторитетов по истории кельтов и кельтиберов является греческий историк Полибий из Мегалополя (ок. 200-120 до н.э.), чья история в 40 книгах сохранилась лишь отчасти. Однако в ней кельты показаны весьма детально, хотя Полибий и не касается вопроса их переселения в Италию. Одним из источников Полибия послужили сочинения римского историка Фабия Пиктора, который сам участвовал в ряде сражений с гезатами¹.

Еще более важным источником наших знаний о позднелатинской культуре кельтов был стоик Посидоний из Апамеи (135—51 до н.э.), который достаточно долго прожил на юге Франции, прежде всего в Массалии, но при этом посещал и свободную Галлию, знакомился там с галлами и получал информацию о них от своих друзей-гостеприимцев. В то время как обычная античная этнография состояла в основном из переписывания, компиляции и пустопорожних рассуждений, в лице Посидония перед нами предстает ученый-энциклопедист, который старался основываться на собственном опыте и проводил исследования на местах. Его сочинение по галльской истории и другая важная для нас книга — «Об океане» (Περὶ Ὠκεανῶν) — оказались утраченными, за исключением нескольких небольших фрагментов. Однако в античности эти книги внимательно читали, и поэтому кое-что из того, о чем рассказывал Посидоний, можно восстановить². Является спорным, действительно ли Гай Юлий Цезарь, который был примерно на поколение младше Посидония и, как получивший

¹ Tomaschitz (1994), S. 47ff.

² Этому вопросу посвящено детальное исследование Tierney (1959/60); Malitz (1983); Dobesch (1995), особенно S. 59ff. и литература в примеч. 219.

греческое образование римлянин, конечно, знал исторические сочинения философа, пользовался ими для своих описаний Галлии и ее населения. Я соглашаюсь с Герхардом Добешем в том, что использование Цезарем Посидония в виде прямого заимствования не доказано¹. Слишком различными были интересы греческого энциклопедиста и римского политика, для которого этнография ради нее самой была совершенно чужда. К тому же повторение чего-то такого, что каждый образованный римлянин и без того мог прочитать у нашего ученого грека, совершенно противоречило бы установке Цезаря на то, чтобы добиваться литературного успеха благодаря экономии используемых средств. Поэтому в основном он должен был ограничиваться той информацией, которую Посидоний упустил, изложил слишком коротко или которая уже успела устареть и нуждалась в новой трактовке.

Цитаты из Посидония с характерным для них богатством деталей мы находим у Диодора Сицилийского (Diodorus Siculus), который в своей всемирной истории, доведенной до 54 года до н.э., также говорит о кельтах², и у египтянина Афиней из Накратиса, который в III веке н.э. составил «Пир мудрецов»³. Еще один важный автор, использовавший Посидония, — географ Страбон (63 до н.э.—19 н.э.), происходивший из города Амасии в Малой Азии (Понт). В «Географии» он часто и подробно описывает как кельтов, так и галатов на своей малоазийской родине, а также кельтиберов, бриттов и материковых кельтов вообще.

Очень важны для нас и латинские историки Тит Ливий (59 до н.э.—17 н.э.), источником для которого, как зачастую предполагают, служило утраченное историческое сочинение (*Origines*) Марка Порция Катона Цензорина⁴, и Помпей Трог (конец I в. до н.э.), чья всемирная история дошла до нас лишь в сокращении⁵. Это особенно прискорбно, так как сам Помпей Трог был кельтского происхождения (точнее, из племени во-контиев) и, естественно, сообщал многое из первых рук, на

¹ Dobesch (1989a), S. 36ff.

² О его сочинении см. Dobesch (1995), S. 78ff.

³ {Русский перевод: Афиней. Пир мудрецов. В пятнадцати книгах. Книги I-VIII / Изд. подг. Н.Т. Голицкевич и др. М., 2003}.

⁴ Он мог пользоваться также Тимагеном и Посидонием: Tomaschitz (1994), S. 45f.

⁵ О характере этого труда в сравнении с сочинением Ливия см. (1993a), S. 370ff.

основании еще живой традиции Южной Галлии, прежде всего различные исторические новеллы-анекдоты вроде истории о якобы украденном в Дельфах сокровище. Можно думать (хотя, на мой взгляд, это точно не доказано), что и эти авторы также иногда пользовались Посидонием.

Однако с Цезарем представление, которое бытовало о кельтах в образованных кругах, меняется. Работа Посидония при этом отнюдь не устарела: она рассказывала о культуре, которой, в общем и целом, уже больше не существовало. Культурно-исторические сведения Посидония сохранили свою внутреннюю ценность как этнографические курьезы (например, у Афиней).

Наряду с этими авторами нашими важнейшими авторитетами являются Корнелий Тацит (ок. 55–116 или 120 н.э.), написавший биографию своего тестя, завоевателя Британии Юлия Агриколы, а также уроженец Малой Азии историк Кассий Дион (ок. 150–235 до н.э.) и Аммиан Марцеллин (вторая половина IV в. н.э.). Последний, ссылаясь на жившего в эпоху Августа историка Тимагена, передал ряд сведений о происхождении кельтов, опираясь при этом якобы на учение друидов¹. Иногда мы будем привлекать и сведения многих более мелких и/или более поздних авторов. В общем и целом, с течением времени информация становится все более точной и достоверной, прежде всего когда она исходит от очевидцев, как, например, рассказ Тацита о деяниях своего тестя в Британии. Хотя кое-где встречаются и рецидивы. Так, у Прокопия (b. Goth. IV, 20) мы находим любопытное сообщение: оказывается, в VI веке до н.э. Британия еще не была знакома с лошадьми!

Теперь, обозрев наиболее ранние этимологические сведения о кельтах и перечислив наиболее важных для кельтологии древних авторов, снова вернемся к археологическим данным!

С каким трудом даже очень известный археолог справляется с понятием «кельтскости», показывает следующий пассаж:

«Можно предположить, что народы, говорившие по-кельтски и пользовавшиеся железом, присутствовали в Шотландии еще с VII века до н.э. О присутствии этого кельтского населения свидетельствуют в основном их укрепления, поскольку

¹ Об этом см. новую работу Tomaschitz (1994), S. 18ff.

именно им мы можем приписать многие (хотя отнюдь не все) шотландские хиллфорты, окруженные как каменными стенами, так и земляными валами и рвами. Детали конструкции и техника постройки оборонных сооружений, использованные в этих укреплениях, наряду со скудными находками внутри них подтверждают это предположение». Еще одним аргументом служат небольшие размеры большинства доримских укреплений, которые вполне подходили для «князьков» (*petty chieftains*) «фрагментарного кельтского общества»¹. Как специфический признак «кельтскости» этих крепостей приводится наличие «глазированных фортов». Можно спросить: неужели другие народы или племена, не говорившие по-кельтски, не могли перенять этот принцип постройки крепостей, и должны ли мы, поскольку к востоку от Манчинга никаких «глазированных фортов» не наблюдается, на этом основании сомневаться в кельтскости, например, бойев? (То же самое можно сказать и о «воротах-клевнях»² и других тому подобных «деталях конструкции» и «техниках постройки оборонительных сооружений», которые мы не будем здесь упоминать.) Небольшие размеры сооружений совсем не обязательно указывают на кельтов — ведь пока мы не можем утверждать, что общество докельтских народов было менее «фрагментарным». Однако Пигготт почему-то остерсгается делать выводы «от противного» и не считает немногие сооружения с большой площадью (например, Трапрэйн-Ло в Восточном Лотиане) некельтскими из-за их крупных размеров. Далее Пигготт допускает, что тип оборонительных сооружений, который уже прошел проверку на пригодность, мог употребляться до самой послеримской эпохи, в то время как, с другой стороны, находки могут указывать на то, что на севере и западе (Британии?), особенно в районе пограничья (Юг Шотландии), стены укреплений и деревянные сооружения, которые лежат в основе «глазированных фортов», должны восходить к VIII веку³. (Были ли и они кельтскими,

¹ Piggott (1982). S. 67.

² |Имеются в виду особой формы насыпи перед воротами крепости, которые должны были помешать осаждающим подойти непосредственно к воротам и облепить осажленным обстрел врага|.

³ |Судя по всему, здесь имеется в виду VIII век до н.э.|.

ничего не говорится¹.) Позднее мы узнаем, что укрепления, в которых использовалось много валов и рвов, а также сочетание рвов и отвесной стены, существовали одновременно с переходом от мастерских, где изготавливали бронзовые изделия, к мастерским, работавшим с железом, «однако эти два процесса не обязательно связаны»². Где же тогда подлинно «кельтский» элемент в этих укреплениях?

Следует еще один аргумент: поскольку в хиллфортах лишь изредка находят следы поселений, то из этого должно следовать, что они прежде всего служили убежищами в моменты опасности, и значит «как и любые варварские войны, войны кельтов прежде всего состояли из набегов и стычек, неожиданных налетов; внезапным и непредсказуемым образом сражающиеся меняли свои намерения». Все эти суждения могут что-то значить только в том случае, если мы будем убеждены в кельтском характере этих хиллфортов. В противном случае — почему докельтское население, о котором мы совершенно ничего не знаем, кроме того, что оно существовало, должно было в меньшей степени практиковать этот «варварский» тип войны?.. Затем Пигготт переходит к формам домов, которые были круглыми, как и в других областях Британских островов, а также в кельтской южной Германии, Чехии, Австрии и Венгрии. Круглая форма сама по себе не является показателем «кельтскости», но, скорее всего, означает, что традиционные виды построек сохранялись в Шотландии и в эпоху хиллфортов.

Затем следует обобщение: «Поселения и оборонительные сооружения показывают, что у нас есть данные о существовании в Шотландии с VII века до н.э. общества с правящей аристократией, возможно, говорившей на галло-бриттском языке и владевшей техникой постройки укреплений, домов и ферм, распространенной в других областях Британии...»³. Мы явственно наблюдаем старания археолога подкрепить свои рассуждения ссылками на лингвистические данные (а мы уже знаем, что таковых не имеется), а также ссылками на соответствия тогдашней ситуации в Британии. Однако все это достаточно легковесно, поскольку никто не может сказать, что тогда,

¹ Piggott (1982), S. 69.

² Piggott (1982), S. 69.

³ Piggott (1982), S. 72f.

в VII веке¹, в Британии уже жили кельты. «Кельтскость» может считаться реально установленной только тогда, когда будут показаны отчетливые и существенные соответствия не только с бриганским материалом, но и с данными по материковым кельтам. Это мы отчетливо видим как раз в случае с «глазированными фортами», поскольку они были отнюдь не свойственны всем континентальным кельтам.

Мы можем сказать только следующее: имеется некоторое множество M отдельных, имеющих отношение к делу археологических находок в Шотландии (a, b, c, d), из которых большая часть встречается также в Британии в собственном смысле слова. Во французско-южногерманской области существует некое множество N (состоящее из элементов d, e, f, g, h), из которых элемент d («глазированный форт») перекрывается с M. Если пойти дальше на Восток, то перед нами будет множество O, элементы которого (g, h, i, j, k) лишь отчасти перекрываются с пучком элементов N, и т.д. Сомнительная возможность назвать множества M, N, O «кельтскими» опирается только на то, что в тех областях, где мы сталкиваемся с этими элементами, в историческое время говорили на кельтских языках, и древние авторы сообщают, что там, дескать, живут кельты (галлы, галаты...). Именно поэтому, по моему мнению, нужно опираться преимущественно на языковые данные и именно поэтому в этой книге я говорю о кельтах только тогда, когда языковая принадлежность носителя данной культуры к кельтам по меньшей мере вероятна. А о Британии и Шотландии в VII веке до н.э. сказать этого отнюдь нельзя! Из предположительной языковой принадлежности их обитателей к кельтам в римское время отнюдь не следует, что так и было и в предшествовавшие эпохи.

Естественно, особенную трудность представляет этническая интерпретация гальштатской культуры², прежде всего ее восточного ареала. Именно ее зачастую приписывали менее известным народам, таким, как иллирийцы или венеты³, а в

¹ [Имеется в виду — «до н.э.»].

² Об этом см. Angeli (1970a), S. 27ff.

³ Об истории этой проблемы см. Angeli (1970a), S. 32ff. Зеель (S. 38) делает следующее обобщение: «Таким образом, область гальштатской культуры ограничивалась реками Сона, По, Сава, Дунай, Ваг и на севере — германским среднегорьем. В период раннего железного века в этой области обитали многие народы; среди них с VI в. до н.э. надежно засвидетельствованы кельты, венеты и иллирийцы».

прошлом веке иногда даже германцам (об этом повествуется в юмористическом рассказе Вильгельма Раабе «Кельтские кости»¹). Однако поскольку во многих местах наблюдается доказуемое непрерывное развитие западного ареала гальштатской культуры от гальштата к латену, что уже давно выявлено (и продолжает выявляться) трудами таких археологов, как Жозеф Дешелетт, Петер Гесслер, Георг Крафт, Эрнст Вале, Вольфганг Киммиг, Курт Биттель, Стюарт Пигготт, Конрад Шпиндлер², то трудно сомневаться в том, что носителями, по крайней мере, части гальштатской культуры в VII–VI веках были кельты или «протокельты» (=«пракельты»)³. Сегодня большинство археологов и кельтологов придерживаются допущения (основанного скорее на общем впечатлении континуитета, нежели на конкретных примерах), что уже в гальштатскую эпоху существовали кельты (или «протокельты»). От этой точки зрения не отказываюсь в данной работе и я⁴, хотя это и противоречит заявленному выше принципу приоритета языковых критериев, и, естественно, особое внимание здесь отведено латенской культуре, кельтская языковая принадлежность которой выглядит более убедительно.

¹ Этот текст (который сегодня кажется несколько нудноватым) очень четко поясняет, какие возможности для разрабачивания гальштатских находок существовали непосредственно после их обнаружения.

² Ср. общий обзор у Fischer (1986), S. 215, и Tovar (1986), S. 71; см. об этом также Schefold (1949/50), S. 11, Anm. 2 (о Якобетале).

³ Среди языковых признаков кельтского можно назвать, как уже говорилось, бесслезное нечезношение и. -e. -r почти по всех позициях, а также ряд других явлений, которые отличают кельтский от других индоевропейских языков. «Протокельтами» я называю таких «до-» или «пракельтов», в языке которых эти явления еще не определились или продолжали происходить. Термин «общекельтский» я употребляю не как элемент периодизации: «общекельтским» я считаю все, что свойственно для всех кельтских языков вообще, как, например, утрата и. -e. -r, а также корень, обозначающий «господство», «земля»: **glati-* (др.-ирл. *flaith*, нидл. *gwlad*, др.-корн. *gulat*, ср.-брет. *gloat*), «мутации» и т.п.

⁴ В последнее время возможность считать гальштатскую культуру кельтской вызывает из того, что и последнюю фазу культуры поздней бронзы позднего бронзового века также считают кельтской и поэтому говорят даже о «кельтском тысячелетии» (с 1000 года до н.э.). Такое понимание рекомендуется даже для преподавания истории. Языковые данные при этом считаются совершенно несущественными; Praxis Geschichte, S. 4.

В тех ареалах, где уже существовала гальштатская культура, а затем в результате переселений в латенское время произошло наслаивание кельтов на автохтонов, население вследствие этого стало превращаться в («настоящих») кельтов (так случилось в Британии в ареале «аррасской» и «эйлсфордской» культур). В восточном гальштатском ареале мы не можем с самого начала рассчитывать встретить «пре-»¹ или «протокельтов», однако и не везде мы встречаемся и с некогда вездесущими в научных работах иллирийцами и венетами. Когда мы видим, что древние названия племен, как, например, «диких» генавнов или «неукротимых» бревнов (Hog. carn. 4, 14, 10f.), определяются как «иллирийские» (Strabon IV, 6, 8), то это ничем нам не помогает, поскольку мы не можем ближе сопоставить эти названия ни с какой другой языковой семьей (в том числе и с албанским языком, который сегодня в основном считается потомком иллирийского). В ходе экспансии латенского времени и эти области стали кельтскими в узком смысле этого слова и, следовательно, также должны быть включены в наш обзор.

А вот у археологов, как всегда, свой взгляд на вещи: на словах они заявляют, что восточно-гальштатский ареал нельзя непосредственно причислять к кельтскому миру, но когда они организуют музей, где выставлен «кельтский» инвентарь, или хотят рассказать о повседневной жизни кельтов, то они отнюдь не отмахиваются от гальштатских находок и даже нередко с удовольствием пользуются изображениями на сидулах², где столь выразительно отражена повседневная жизнь. В последней части этой книги, там, где описана повседневная жизнь, я не скрою от моих читателей и этот материал (как, например, поединок на «гантелях»). Но тем не менее здесь я вынужден повесить табличку «Осторожно!» — кельтская принадлежность этих источников намного менее достоверна, чем

¹ «Пре-кельтами» можно было бы назвать древние племена Европы, в языке которых еще не появилось характерных для кельтского изменения и который еще не развился в «протокельтский», но чьи потомки впоследствии стали «протокельтами». Такое употребление этого слова походило бы на то, как если бы галло-римлян, обитавших во Франции, стали бы называть «пре-французами», что вообще-то было бы возможно — ради простоты и с чистого «этногенетической» точки зрения.

² [Сидула — тип бронзового сосуда в виде ведра с дугообразной ручкой].

источников из области западно-галльштатской и латенской культур.

Наконец, еще одно слово по поводу до сих пор не решенной проблемы¹ — как же различные обозначения кельтов связаны друг с другом? Еще с первых упоминаний о них у греков (у Гекатея или Геродота) кельты, которые населяли западную «Кельтику» («Κελτική»), именовались «кельтами» (Κέλτοί). Кельты, напавшие на северную Италию, назывались, однако, «галлами» (*Galli*), и именно этот термин и употребляли римляне (за исключением Цезаря) как обычное название всех континентальных кельтов². У Тимея из Тавромения в IV веке до н.э. впервые появляется название страны «Галатия» (Γαλατία), которое якобы происходило от Галата, сына Циклопа и нимфы Галатей³, о чем, возможно, рассказывалось в эпической поэме Каллимаха, сохранившейся лишь во фрагментах⁴. Несомненно, эта «генеалогия» является продуктом «ученой народной этимологии», которая удобным образом связала популярный образ белокожего великана-варвара с греческим словом «гала» (γάλα) — «молоко», с именем циклопа а также мифическим персонажем — Галатеей. От корня *gal-* произошло и установившееся между тем название страны — Галлия. Распространенная форма имени галлов с суффиксом *-ai*, видимо, была свойственна только грекам и, возможно, самими кельтами не употреблялась.

На деле, этимология названий «кельты» и «галлы» сравнительно прозрачна. Неясность заключается лишь в том, что в индоевропейском языке имелось около десятка корней, которые могли лечь в основу этих названий. Как кажется, самое вероятное объяснение греческого «кельтой» и латинского *Celtae* — это индоевропейский корень **kel-*1 «подниматься, высокий».

¹ Fisher (1986), S. 209 f.; и недавно Evans (1994), p. 310, с критикой в адрес Чепмена.

² Я бы не стал придавать особенно глубокого значения терминологическому различию у Диодора (V, 32), у которого галлы отличаются от кельтов тем, что первые живут у Атлантики, а вторые — от Герцинского леса до Скифии.

³ Об этом см. подробно у Dobesch (1993a), S. 35 f.

⁴ Tomaschitz (1994), S. 137.

Ближайшее соответствие названию «кельты» — это литовское *iškeltas* «поднимать» (от *kelti* — «возвышать»¹, сравни также латинское *ex-cellere* «выдаваться», *celsus* «высокий», которое восходит к расширению **keld-*). Название же «галлы» и «галаты» восходит к корню **g(h)al-* «мочь», и также обозначает «могучие», «властные» (?)². Существенная для французов связь с латинским словом *gallus* «петух» — всего лишь старинная «народная этимология», которая встречается еще у Светония (Vitellius 18). Таким образом, эти названия обозначали их носителей как «рослых» или «возвышенных» и «сильных». И то и другое выглядит вполне осмысленно и может быть как самоназванием, так и названием, данным соседями. Мне кажется примечательным, что у кельтов, судя по всему, не было этноцентрических названий племен, которые обозначали бы собственное племя как «людей как таковых» и «отсекали» соседей как «злодеев» (ср. германское наименование квалов) или «заик» (ср. греческое «варвары»).

Проблема лишь в том, что неясно, как именно соотносятся эти названия друг с другом. Какое из них обозначает более узкое понятие, какое — более широкое? Может быть, речь идет о распространении первоначально узко ограниченного названия племени: ведь говорил же Страбон (IV, 1 14), что кельтами первоначально называли только людей из окрестностей Нарбона и считал, что это название или благодаря славе кельтов или

¹ Об этом корне см. IEW S. 544; GPN S. 332. Другая этимология (см. GPN S. 333) возводит слово «кельты» к индоевропейскому **kel-2* «ударять, бить», и в качестве сравнения приводит германское **help/ð* — (как в древневерхненемецком *hilti* «битва» и т.д.), что, однако, должно восходить к **keldh*. Расширение *t* — может обозначать или отлагольное прилагательное со значением «убитый» или абстрактное существительное; и то и другое имеет мало смысла. Мне лично кажется допустимой (хотя и не слишком хорошо документированной) возможность, что речь идет об основе **kel-5* «(по)гонять»; тогда ср.-н.-н. *hilde*, *hille* «быстрый, усердный» могло бы быть наиболее близким по форме образованием (IEW S. 548). Уже совсем странно выглядит распространенное в популярной литературе утверждение, что *keltai* означает «скрытый народ» (*the hidden people*) — видимо, из-за нежелания друидов пользоваться шлемностью, и, таким образом, сооставляется с др.-ирл. *ceitid* «прятать», причастие от которого, однако, звучит как *cléth*. Насколько правдоподобно для кельтов значение «скрытые (люди)», читатель должен решить для себя сам!

² *Galli* < **gal-n-*; ср. IEW S. 351. Возможно, сюда относятся и река под названием Галл (*Gallus*) в бесплодной области галатов.

потому, что жители Массалии были лучше всего знакомы с этим племенем, перешло на других «галатов» (*Γαλάται*). А может быть, «галлы» были чем-то вроде авангарда обитавших где-то в сердце Центральной Европы «кельтов», которых последние вытеснили и так они впервые попали в Италию? Или наоборот, галлы «гнали» перед собой кельтов?»¹ Эта проблема стала источником бесконечных умозаключений, остроумие которых никак не связано с их вескостью.

Тем не менее было представление о том, что «кельты» и «галлы» фактически являются различными обозначениями одного и того же «народа». Это отчетливо заметно, например, в речи Полибия: если он следует греческим источникам, то он говорит о «кельтах», если римским — то о «галлах». Напротив, в устах римлян название «галаты» постепенно закрепилось за кельтами, обитавшими в Малой Азии, в то время, как греки достаточно последовательно называли галльских кельтов пояснительным названием «кельтогалаты», а кельтов на востоке, в своем собственном регионе — «элленогалатами». Наконец, можно высказать заостренную и парадоксальную формулировку: если бы римляне не покорили кельтов, то сегодня мы не знали бы ничего ни о кельтах, ни о галлах!

В то время как по меньшей мере одна часть или племя материковых кельтов когда-то, судя по всему, сами называли себя «кельтами» или «галлами» (и это имя потом было обобщено — ср. французское название немцев *les Allemands* — «алеманны» — или беотийское *Γραικοί* в устах латинян как обозначение греков), хотя мы и не знаем, от каких именно племен пошло это название, островные кельты, очевидно, так себя не называли, и, как правило, так не называли их и другие. Лишь эллинистическая лексикография выстраивает здесь некую генеалогическую связь: внезапно в роли отца дочери-эпонима *Keltō* возникает

¹ Об этом см. также Dirkzwager (1975), S. 99. О проблеме в целом см. в последнее время работу: Dobesch (1993a), S. 38f., 107ff. Я склонен рассматривать проблему названий «кельты» и «галлы», точно так же, как и проблему названия «германцы», — в свете Тацита (Germ. 2; ср. Rübke [1992], S. 167ff.). Согласно ему, это название первоначально относилось к первому племени, которое перешло через Рейн, потом распространилось на все племена на правом берегу Рейна — так что и здесь первоначально существовали два племени. К историческому времени оба эти племени, видимо, давным-давно исчезли.

некий Бретанн (*Bretannos*)¹. Столь очевидное для нас сегодня понятие, что до прихода англосаксов обитателями британских островов были кельты, в общем и целом восходит к раннему Новому времени, а именно к Джорджу Бьюкенену (1506—1582) и его политическим целям². Примерно то же самое произошло и со словом «германцы». Хотя оно и было (если было) самоназванием в совсем небольшой области — германская языковая принадлежность которой, кстати, сомнительна, — посторонние наблюдатели, в нашем случае еще римляне (Тацит), применяли это наименование к обитателям Скандинавии, хотя те сами это слово не употребляли. Если рассмотреть вопрос с точки зрения доиндоевропейского субстрата на Британских островах, то можно сказать: сегодняшние ирландцы, шотландцы, валлийцы, бретонцы и даже швейцарцы могут с тем же правом (или неправом) называть себя «кельтами» (или «гельветами»), как и обитатели Шлезвиг-Гольштейна, Дании, Норвегии и т.д. — «германцами»³. Вопрос о кельтской принадлежности решается обществом; мы не знаем никаких специфических и существенных физико-антропологических соответствий между корнуэльцами, валлийцами, бретонцами, ирландцами, шотландцами и «гельветами»⁴.

Название *Britannia* со всеми его вариантами, производными и сокращениями (*Brittania*, Πρεττανία, *Prydyn*, *Prydain*, air. *Cruithen* «пикты», *Britton*, *Brittia*, bret. *Breiz*) и суффиксами, в которых появляются то долгие, то краткие гласные, пока остается не-

¹ Цитаты см. в Dobesch (1995), S. 46. Можно сравнить этот рассказ с рассказом, который, как утверждал Тимаген, происходит из традиции друидов — что часть населения Галлии пришла с самых отдаленных островов в Океане (Amm. XV, 9). Принимая во внимание значимость британских друидов, это свидетельство приобретает дополнительный вес. См. также Dobesch (1995), S. 49.

² Collis (1995).

³ Можно вспомнить о беззаботной манере англичан называть все германские народы «Germans», то есть «немцы», становясь, таким образом, на точку зрения Якоба Гримма. О самооценке сегодняшних валлийцев, ирландцев, шотландцев и бретонцев как «кельтов» см. культурно-антропологическое исследование М. Шарман (1992).

⁴ Шарман (1992), S. 88. Разумеется, порой на основании некоей языковой мистики в языке ищут и расового сознания: «...Гэльский, язык, который включает в себе, может быть, две тысячи лет опыта ирландского народа и который остался достаточно близким корням национального сознания»; Power (1991), S. 79.

решенной проблемой¹. Знакомое нам название острова Британии — «Альбион» происходит, видимо, от пракеельтской основы **alb-* «белый, светлый», которая сохранилась также в валл. *elfyddl* «мир». Впервые это название возникает у псевдо-Аристотеля (*De mundo* 3), затем у Плиния (N.H. IV, 102). Позднее оно отражается в древне-ирландских *Albu, Alba*; этим словом обозначается прежде всего Шотландия, но затем в результате путаницы оно начинает применяться и к Альпам. В Новое время, с появлением в Шотландии сепаратистских и националистских движений, еще более резко выступают на первый план пикты (*Picti*). Этот народ впервые возник в истории Британии в III веке н.э., но, возможно, отразился в упомянутых у Тацита (Agr. 10f.) «каледониях». Древнеирландский этноним *Cruithin* и валлийское название *Prydyn* также родственны, поскольку в кельтских языках «пикты» обозначаются как «бригты как таковые». С VI века возникает пиктское королевство, которое погибло в IX веке. Вскоре после этого пикты исчезают из истории. Поскольку от пиктского (помимо нерасшифрованного символического письма)² сохранились только скудные остатки (почти одни только собственные имена), но при этом он оказал свое влияние на ирландский гэльский, оценка этого языка остается очень спорной. Иногда пикты именуются носителями какого-то древнебриттского языка (даже кельтского), иногда — индоевропейского, но докельтского, иногда их вообще считают доиндоевропейским населением³. В этом случае пикты могут быть единственным известным нам по имени реликтом доиндоевропейского субстрата на Британских островах. (Здесь я должен торжественно попросить прощения у моих ирландских читателей за то, что я в своей книге простоты ради причисляю их «Изумрудный остров» к Британским островам!)

¹ Впервые название *Britannia* засвидетельствовано якобы в одном демоническом заклинании начала I тысячелетия до н.э., где слово *pretan* употребляется как название острова, которое предположительно привозили в Египет из Корнуолла (Pauly, s.v. Britannia). Об этимологии названия бригты в Британия см., например, Vendryes (1940b); Dillon — Chadwick (1967), S. 18; Fleuriot (1980a), S. 51f. Об обозначении бретонцев у островных кельтов (*Litavii, Letavii*) s. Fleuriot (1980a), S. 53f.; о названиях *Cymro, Cymri* Fleuriot (1980a), S. 55.

² Carver (1999), S. 18ff.

³ Ср. об этом Macalister (1940), S. 184ff.; Wainwright (1955); Laing — Laing (1993); Nicol (1995).

КЕЛЬТСКИЕ ЯЗЫКИ

Он понимал, что по-настоящему хороший ирландский отличается большой сложностью, а самый лучший ирландский должен быть практически неразборчив...

(«Помощие Лазаря, или На редкость бедные люди»)

Мы уже знаем, что язык является одним из важнейших критериев оценки этноса, и видели, что вопрос о «галыштатских кельтах» в конечном счете упирается в проблему языковой принадлежности. Язык — это тот аспект культуры, который является наименее спорным, когда ставится вопрос о кельтском континуитете. О «кельтском» как о языке можно сказать то же самое, что и об этническом термине «кельты» и «галлы», — это общий термин, которым у средиземноморских народов обозначались — вместо названий отдельных племен — все западные варвары. В этом смысле то, что мы сегодня вместо «арвернский», «эдуйский» или «тектосагский» говорим «кельтский» или «галльский», всего лишь историческая случайность. Вообще понимание того, что ирландский, шотландский, гэльский, мэнкский, валлийский, корнский и бретонский являются «кельтскими» языками и тем самым связаны с языком островных кельтов, — вещь далеко не сама собой разумеющаяся. Впервые эту мысль высказал Джордж Бьюкенен (1506—1582), хотя уже Тацит (Агрикола, 11) утверждал, что языки бриттов и галлов похожи. Данная идея была расширена и добилась всеобщего признания благодаря работе Эдуарда Ллюда «Британская археология» (*Archaeologia Britannica*, 1707)¹. Позднее Адольф Хольцман, ученый, пользовавшийся авторитетом среди пионеров сравнительного языкознания, в своей работе «Кельты и германцы» (*Kelten und Germanen*, Stuttgart, 1855) определил различия между этими двумя

¹ Powell (1962), S. 105.

народами, а также признал связь между языками континентальных и островных кельтов¹. Научное исследование кельтских языков, в котором, как я уже говорил, значительное участие принимали немецкоязычные ученые, началось с «Кельтской грамматики» (*Grammatica Celtica*. Leipzig, 1853) Каспара Цейсса. Сегодня «кельтология» или «кельтистика», которая наряду с кельтскими языками изучает кельтские литературы, археологию, первобытную и древнюю историю, историю кельтского искусства, права и религии, является признанной во всем мире научной дисциплиной². В последние четверть века значительный импульс для изучения языков островных кельтов дали сенсационные находки языковых памятников; значительный вклад в эту дисциплину внесли (в алфавитном порядке) Хавьер Де Хоз, Мишель Лежен, Вольфганг Майд и Леон Флерио, Карл Хорст Шмидт, Д. Эалис-Эванс — и это еще далеко не полный список. В 1918 году Жорж Доттен попытался представить известные в то время данные под амбициозным заглавием «Галльский язык, грамматика, тексты и словарь». Сейчас его заменила вышедшая не так давно работа Пьера-Ива Ламбера «Галльский язык: лингвистическое описание и комментарий к избранным надписям» (*La langue Gauloise. Description linguistique, commentaire d'inscriptions choisies*, Paris, 1995) — обратите внимание на более скромно сформулированный подзаголовок. Работа Ксавье Деламарра «Словарь галльского языка» (*Dictionnaire de la langue gauloise*, Paris, 2003) заложила основы для создания галльского (этимологического) словаря.

В этой главе читатель познакомится с некоторыми отличительными особенностями (древне)кельтского языка (или

¹ Evans (1982), S. 237.

² Ср. Rockel (1990); и прежде всего Schmidt (1986c), где предложен план четырех- или пятитомной «Кельтской энциклопедии», а также проект культурологического «пособия» у Sterckx (1990–91); о немецкой кельтологии: Schmidt (1993). О Цейссе и его исследовательском методе, а также о новых перспективах изучения континентальных кельтских языков ср. Eichner (1989).

языков)¹, а также временным и пространственным делением кельтского языкового пространства.

Известно, что кельтский принадлежит к индоевропейским (и.-е.)² языкам, самым западным представителем которых он является. Предполагают, что именно поэтому в кельтском особенно хорошо сохранились некоторые архаизмы, унаследованные от индоевропейского праязыка. Позднее мы увидим, что эта точка зрения находит свое подтверждение также в религиозной истории и общественной организации кельтов³. Долгое время утверждалось, что внутри индоевропейской семьи ближайшими к кельтскому являются италийские языки (оскско-умбрские и латино-фалисские). Общность, например, с латинским языком проявляется не только в словаре (здесь есть и много кельтско-германских соответствий) но и в фонетике и

¹ Старейшее собрание — «Alt-celtischer Sprachschatz» (AcS) в трех томах (1896—1907), работа венца Альфреда Хольдера (1840—1916) — сейчас уже устарело благодаря новым находкам. Кроме того, уже для того времени книга Хольдера содержала много такого, что не могло быть кельтским и что Хольдер сознательно включил в своё собрание по принципу «лучше слишком много, чем слишком мало». С другой стороны, никакой другой словарь пока не может заменить AcS, который содержит наряду с континентальным кельтским материалом древнебритский и огамический. Там есть не только известные на время его составления надписи, но и все места из древних авторов, где речь идет о кельтах в самом широком смысле этого слова. В AcS есть много ошибок, которые Хольдер исправил во второй части третьего тома, а также добавил новые находки, что, однако, ему удалось сделать в 812 столбцах только для слов от A до Conf. Общая новая доработка для всего AcS, который содержит 4554 столбца, составила бы при том же «темпе прироста» около 3313 столбцов: общий объем составил бы 7867 столбцов, то есть около 4000 страниц! Таким образом, в основу всех древнекельтских исследований лег мощный фундамент, который, однако, требовал перестройки. В своем DAG Джонуа Уотмоу попытался создать собрание имен с разделением по регионам, которое должно было включить в себя как известные на тот момент галльские надписи, так и современные названия мест, восходящие к кельтским. Пока DAG существовал только в виде микрофильма, пользоваться им было нелегко. Но и после того как эта книга появилась в печатном виде, работать с ней все равно тяжело и утомительно. Общий указатель всех предположительно древнекельтских имен типа TPG остаётся насущной необходимостью, однако сейчас, в наше время компьютерных технологий, эта мечта уже не кажется неосуществимой. По сути дела, такой проект уже планируется: Zimmer (1993). К сожалению, его осуществление отложено на неопределенный срок. RIG делает галльские надписи достоянием науки. Дальнейшую литературу о древнекельтских источниках см. у Eska — Evans (1992), S. 35f; Lambert (1995).

морфологии, что гораздо важнее⁴. Особенно впечатляют соответствия в морфологии, как, например, следующие: окончание пассивного залога и отложительных глаголов на *-r* (др.-ирл. *-sechetar* «они следуют» так же, как лат. *sequuntur*), образование будущего времени с помощью *b* (др.-ирл. *rannfid* «он разделит» как лат. *amabit* «он полюбит»), образование субъюнктива с помощью *-ā* (др.-ирл. *ber(a)id* из **berāli* как латинский конъюнктив *ferat*). Окончание родительного падежа единственного числа у основ на *-o* в основном⁵ *-ī* (галльское *Dan-potalī* «Даннотала», [«принадлежащий Данноталу»]), которое в то время господствовало и в гойдельском, как и в латинском

² В оригинале вместо принятого у русско- и англоязычных лингвистов термина «индоевропейский» Г. Биркхан употребляет слово «индогерманский». Термин «индогерманский» перестал употребляться в применении к индоевропейским языкам после Второй мировой войны по чисто идеологическим соображениям, тем отчасти и обусловленным замечаниями Г. Биркхана. В основном тексте мы предлагаем сохранить более привычные для русского читателя названия «индоевропейский» и «индоевропейцы».

Мы не собираемся здесь в деталях полемизировать с понятием «индоевропейский», который в 1813 году ввел Томас Янг, а впоследствии употреблял и Франц Бопп. Скажем лишь, что с научной точки зрения он не выдерживает никакой критики, а что касается его «политического» содержания, он также более чем сомнителен, ибо в «индоевропейские» можно зачислить целый ряд языков, носители которых (или их духи) справедливо протестовали бы против этого. Я назову только тюркский, венгерский, финский, эстонский, саамский, баскский и мальтийский: среди мертвых языков важнейшие — этрусский, лигурский, иберийский и, возможно, окцетский. Термин «индогерманский», который впервые употребил в 1810 году датский географ Конрад Мальте-Брюн, указывает на самых северных и самых южных носителей языков этой группы. Если кто-то по идеологическим соображениям ни под каким видом не хочет произносить слово «германский», то он должен был бы вместе со Стеном Коновым употреблять термин «тохаро-кельтской» — но имени самых восточных и самых западных носителей этих языков, а уж никак не «индоевропейский», оставляя при этом без внимания языковые меньшинства! Ср. об истории терминологии у Zimmer (1990), S. 7, Anm. 1.

³ Однако если говорить о таком «окраинном» положении тохарского, индоиранского, хеттского и италийского (не говоря уж о германском, балтийском и славянском), то этот аргумент полностью обесценивается, ибо где же тогда должна находиться «серелина»?

⁴ Vedratsuk (1986); критика с хорошим обзором истории вопроса у Schmidt (1991), особенно S. 6ff.

⁵ Существование родительного падежа на *-o* в кельтиберском также спорно; Schmidt (1991), S. 12; см. обобщение у Eska — Evans (1992), S. 34.

языке¹. Соответствует и превосходная степень на *-is-am-o-* (галльское *Rigisamos* «самый царственный» как латинское *maximus* < **magisamos* [самый большой])². Деponentное окончание на *-r* считается индоевропейским наследием, которое сохранилось не только у италиков и кельтов, но и у тохарцев и хеттов, и оно не является [общим] нововведением, что могло бы говорить о близком родстве двух языковых групп. То же самое можно сказать и о конъюнктиве на *-ā-*, который должно время считался итало-кельтским нововведением. Родительный падеж на *-ī* известен также в мессапском языке, но зато его не было в кельтиберском. Что касается признаков будущего времени — латинского *-b* и ирландского *-f*, то привести к общему знаменателю их никак не удастся. Мне не совсем понятно, в какой степени образование превосходной степени, являясь вторичным, может передаваться от одной языковой группы к другой³. Вместе с тем есть и языковые признаки, которые свойственны кельтскому и восточным индоевропейским языкам, но не италийским. Во всяком случае, гипотеза об особо близком родстве кельтского языка с италийскими, что предполагало бы их особое совместное развитие, сейчас уже отброшена и пока не заменена какой-либо другой подобной гипотезой.

Естественно, фонетика, морфология и синтаксис кельтского языка уже далеко отошли от индоевропейского. Об этом свидетельствует значительное число признаков. Однако, что касается древнейших языковых свидетельств, то, как мы уже видели, речь сначала идет прежде всего об отдельных названиях, как, например, название «Герцинский лес», а не о «настоящих»

¹ В именительном падеже множественного числа основ на *-o* в пракельтском следовало ожидать окончания *-oi*, как в *Tanotaliknoi* (надпись из Брионы) — «сыновья Данотала», что в галльскую эпоху перешло в *-ī*, как и *casidani* «наблюдатели» (?). Кельтский разделяет окончание *-oi* с греческими, балтийскими, славянскими и латинскими языками. Однако то, что в латинском *-oi* также развилось в *-ī* — всего лишь совпадение (ср. древнелатинское *poploe* = *populi* «народы»). Напротив, в кельтиберском именительном падеже множественного числа на *-os* (ср. также окончание звательного падежа множественного числа в древнеирландском) сохранилось образование на *-es*, как и в древнеиндийском и германском.

² Evans (1982), S. 252; Schmidt (1991).

³ Schmidt (1991), S. 17, 19.

текстах. Отсюда следует, что критерии для определения, что и каким образом является «кельтским», могут быть только фонетическими. Может показаться забавным, что определение «кельтскости» основывается в основном на индоевропейском **p*, которое в кельтском бесследно исчезло (в начале слова и между гласными)¹. Там, где в латинском, греческом и древнеиндийском есть *p*, а в германском *f*, в кельтском согласный отсутствует: лат. *piscis*, нем. *Fisch* соответствует древнеирландскому *iasc* «рыба»; лат. *pater*, греч. *πατήρ*, древнеинд. *pitá*, др.-в.-н. *fater* отвечают галльскому *atrebo* «отцам» и древнеирландскому *athir*, а др.-в.-н. *fedara* «перья» находит в древневаллийском *eterin* «птица» такое же соответствие, как и латинское *porcus* в среднеирландском *orc* «свинья». В лепонтийском, по мнению некоторых специалистов, можно наблюдать лишь последние следы наличия *-p-*². В текстах, которые определенно являются кельтиберскими, никакого *p* не сохранилось. Тот, кто написал: «Боюсь, что настанет день, когда кельтологи должны будут научиться жить с *-p-*»³, должен был бы указать, какой другой признак можно считать таким же древним, таким же надежным и, прежде всего, столь же подкрепленным фактами, чтобы он мог считаться таким же характерным критерием древнейшего кельтского языка.

¹ Но не перед *t* и перед *s*. И.-е. **kaptos* (лат. *captus* «пленный», герм. *haft-*) соответствует древнекельтское **kaxtos* (произносится [ˈkaxtos]), что отражается в древнеирландском, валл. «раб», и, возможно, указывает на то, что *pt* сначала перешло в *ft*, затем в *xt* (ср. нидерл. *achter* и англ. *after*, люксембургское *Echternach* наряду с *Efternach* (715?). Разные сочетания *sp* и *ps* представляется более сложным и ясно в британской и гойдельской ветвях разными путями: *sp-* дало древнеирландское *f-*, которое, однако, лепировалось в *f-*, в валлийском *f-* (нововаллийское *ff-*); между гласными *-sp-* совпало с *-ps-*, что дало галльское *-ks-* (*x*), британское (валлийское) *-ch-*, однако в ирландском *-s-*; галльское *Uxello(-dunum)* «Высокая (-крепость)» (с греч. *βύλη*) соответствует валлийскому *uchel* «высокий», но др.-ирл. *uasal*. Редукция *p* проходила через стадию билабвиального спиранта [ʃ], следы которого, как считают многие специалисты, еще сохраняются в лепонтийском.

² Например, на камне из Престино (VI в. до н.э.) где стоит *uvato-*, что, возможно, происходит из пракеельтского **urato-* или **upsato-* (валл. *uchaf*) «высший». В этом случае является последним остатком *-p-* или *-ps-*; см. de Hoz (1992), S. 225. Вальфганг Мейд (в личном письме) выразил убеждение, что речь идет о «переходном звуке».

³ Untermann (1987), S. 74.

Конечно, существуют и другие фонетические характеристики кельтского, такие, например, как отражение индоевропейского *ei* как кельтского *eī* (в латинском и германском — *i*), индоевропейского *e* как кельтского *i* (в латинском и германском — *e*), индоевропейского *ō* как кельтского *a* (но в латинском и германском — *o*). Однако эти процессы, очевидно, произошли уже позже потери *p*. В лепонтийском еще частично сохранилось *ei*¹, как и в кельтиберском, где, возможно, сохранилось (при некоторых условиях ударения) и индоевропейское *eī*. Далее мы встретим другие примеры звуковых изменений.

Как и в некоторых других индоевропейских языках, в кельтском придыхательные смычные *bh*, *dh*, *gh*, которые в индийском, греческом, латинском и германском сохранились, как отдельный ряд, слились со старыми звонкими смычными и отражаются, как *b*, *d*, *g* и т.д., однако рядом с лабиовелярными при чередовании места артикуляции (*g^{uh}* > *g*, aber *g^v* > *b*).

Очень характерно также развитие слогаобразующих плавных (*l, r*) и носовых (*p, m*). Там, где в латинском появляется *or*, *ol*, а в германском *ur*, *ul*, в кельтском перед смычными и сонантами появляется *ri, li*, или (перед гласным и *-s*) — *ar, al*. Так галльское *rito-*, валлийское *rhyd* «брод» соответствует латинскому *portus* «гавань», немецкому *Furt*; аналогично галльское *briga* «город», *Brigantia* соответствует германскому *Burg* и *Burgund-*; однако галло-римское *carrus* (< **karsos*) и древнеирландское *carr*, валлийское *car* «повозка» соответствуют латинскому *carrus* (< *cursus*), германскому **hursa-* «бегун», «конь» (современное английское *horse*, немецкое *Raß*). Появление *ri* должно быть даже древнее, чем потеря *p*. Имя богини-матери *Ritona*, которое, возможно, означает «защитница брода» встречается у древних обитателей области Трира — треверов — также в форме *Pritona*, которая, как свидетельствует сохранившееся *p*, кельтской не является, но, тем не менее, пережила переход *r* > *ri*. О носовых см. ниже.

Если слово не содержит никаких звуков, которые указывали на какие-то специфически кельтские звуковые изменения, тогда его до поры до времени нельзя признать кельтским. Это можно

¹ Eska - Evans (1992), S. 33.

сказать о таких личных именах, как *Bergonia*, *Cottios*, *Donnos*, *Ehivus*, *Gedus*, *Nanos*, *Nanto*, *Samotalus* и сотни других. Хороший пример — собрание кельтиберских имен и комментарии к нему, составленные Марией Лурдес Альбертос (1979). Однако во многих случаях такие имена все-таки позволяют определить «кельтскость». Для этого им нужно найти этимологическое соответствие в других кельтских языковых материалах, где мы можем объяснить словообразование и где есть приемлемый смысл. Таким образом, можно предполагать, что такие имена, как *Cottios* (производное от *Cottos* — к бретонскому *koz* «старый»), *Donnos* (к древнеирландскому *domn* «коричневый, темный» или к галльскому *dona* «?» из надписи из Ларзака), *Nanto* (к = **Nantos* древнеирландское *Nét*, имя бога войны) и *Samo-talus* (к древнеирландскому *sam* «лето» и валлийскому *tal* «люб?»), являются кельтскими. Однако и другие имена также вполне могут быть кельтскими, хотя для того, чтобы это утверждать, нужны серьезные основания. Читатель, наверное, готов возразить: ведь может быть много таких галльских основ, которые в островных кельтских языках вымерли или их там вообще никогда не было. В общем и целом это правильно, и новые находки галльских и кельтиберских текстов — тому подтверждение: их лексика далеко не всегда находит себе островные кельтские соответствия¹. Для имен, которые остаются необъясненными посредством таких «внутрикельтских» сопоставлений, следует, рассмотрев состояние источников для данного конкретного случая, с осторожностью выстраивать индоевропейскую реконструкцию. Следует поставить и вопрос, из какой области происходит данное имя, насколько велик в этой области процент других кельтских имен и названий, нельзя ли найти этимологию этого имени, опираясь на другие, более известные языки древней Европы, и не находит ли

¹ В надписи из Ларзака содержится, например, слово *duxtir* «дочь», которое было во всех островных кельтских языках заменено другим словом. На лепидинтском камне из Престино одно имя содержит элемент *kozis*, который, как предполагают, связан с и. -е. **ghostis* «чужеземец, гость» (лат. *hostis*, нем. *Gast*) — слово, которое в кельтском исчезло; de Hoz (1992), S. 226. Сюда же относятся такие распространенные слова, как, например, галльск. *ieuru* «посвятил, освятил», *uisnot* «сделал» (в надписях из Ля Грофесенка), *tub(θ)os* «сумма» (*θ*) — там же, и другие. Об этой проблеме см. ссылки у Eska — Evans (1992), S. 48.

оно своих четких параллелей в лишь отчасти исследованном омуте «остаточных и фрагментарных языков» (*Rest- und Trümmersprachen*) — таких, как лигурийский, иберийский, лузитанский, ретекский, «иллирийский» и т.д.

Внутри собственно кельтского можно (как, кстати, и в италийских языках) выделить две диалектные группы, которые отличаются передачей в них и.-е. лабиовелярного звука k^v (произносилось [kw]). В то время как в q -кельтском [kw] первоначально сохранялось (писалось как *qu*, *Q*), а позднее отражалось как *c* (произносилось [k]), то в p -кельтском оно перешло в p , так что после потери и.-е. p эти диалекты приобрели новое p . Различие между q - и p -кельтским было хорошо известно из повседневного опыта самим носителям кельтских языков, там, где они могли встречаться друг с другом (например, в южном Уэльсе). Кормак, сын Кулленана, епископ Кашеля и впоследствии король, впервые высказал такое теоретическое наблюдение в 900 году. «Индоевропейский лабиовелярный» k^v был частично унаследован, частично, еще в докельтское время, у тех племен, которые впоследствии стали кельтами («протокельтов»), возник вторично из еще сохранившегося индоевропейского p — процесс, который испытал также и протолатинский. Соответственно, индоевропейское $*penk^v eu$ «5» превратилось в латинском в *quinque*, а в протокельтском и пракельтском в $*k^v en k^v e$, которое в Q -кельтском первоначально сохранялось, в то время как в P -кельтском перешло в *petpe* (как, впрочем, и в прагерманском, где позднее оно звучало как гот. д.-в.-н. *fimf*). Конечно, дистактная ассимиляция $p...qu > qu...qu$ произошла не без исключений: в то время как в части кельтских языков и.-е. $*perk^v u$ «дуб» перешло в $*k^v erk^v$ (как в латинском *quercus* < *querquos*), что позднее сохранилось в имени священного источника *Aquis Querquernis*, в других случаях p -, как обычно, было утрачено, не перейдя до этого в k^v . Название «Герцинского леса» (правильно: $*erkunjo$ -), а также засвидетельствованная у Аристотеля параллельная форма *arkunio* показывает типично кельтское падение p - в начале слова¹.

¹ Об этом в последнее время см. Rübekel (1992), S. 67f.

Переход $k^p > k$, очевидно, является результатом делябиализации перед соединительной гласной *n*-суффикса.

После того как решающие новые находки обогатили наши знания о кельтиберском и галльском языках и лепонтийский был признан кельтским языком, классификацию кельтских языков можно попытаться представить в уточненном виде таким образом¹:

Q-кельтскими языками являются кельтиберский² и гойдельский; отдельные черты (в отдельных областях?) сохраняются также в галльском. Под гойдельским понимается галльский язык Ирландии и Шотландии, а также вымерший в 50-х годах XX века мэнкский язык на острове Мэн. Для интереса следует упомянуть и новоирландско-английский тайный язык, который, однако, долгое время считался более древним, чем он является, — а именно открытый в 1876 году американским журналистом Чарльзом Д. Линландом «шелта» (*minkers' torri*), то есть язык «тинкеров» (жестянщиков), которых теперь политкорректности ради именуют «путешественниками» или «скипальцами»³.

R-кельтским языком является (в основном) галльский, а также рано отделившийся от других кельтских языков и архаичный лепонтийский (язык культур Голасекка и Орнавассо в области Лаго-Маджоре и озера Комо)⁴, галатский язык Малой Азии⁵ и бриттский (который нередко называют также британским, британским и тому подобное) на Британских островах (следы его, наряду с гойдельским, сохранились и в

¹ См. родословное древо в Schmidt (1986b), S. 232; Schmidt (1991), S. 10f.

² Об этом см., в числе других, Lejeune (1955); Albertos (1979); Evans (1979a); Zeman (1979a); Schmidt (1979); Schwertek (1979); Beltrán – Tovar (1982); de Hoz (1986); de Hoz (1988); de Hoz (1992); Eska – Evans (1992), S. 30ff.; Meid (1993), S. 93f.

³ Macalister (1937), S. 18ff. первым понял, что шелта не является древнекельтским диалектом. О тинкерах и их языке см. обобщающую работу Coull (1985). Собственное обозначение «странников» на их собственном *minkers' torri* (= *Tinkers' story*) – *jack of the droms* «демон, трикстер дороги» (от греч. δρόμος). Уже это показывает межэтнический характер этого тайного языка.

⁴ Написан в RIG II/I, S. 3ff.; о лепонтийском см. Eska – Evans (1992), S. 43ff.; de Hoz (1992).

⁵ Об этом Weisgerber (1931b), Schmidt (1994).

Ирландии)¹. Среди бриттских языков различают древнебриттский, вымерший уже в средневековье кумбрский (древний язык северной Британии, южной Шотландии и Камберленда)², а также очень близко связанный с ним валлийский (также кимрский, кимврский), на котором сегодня говорят в Уэльсе; далее вымерший в XVIII веке корнский³ и — судя по всему — возникший на основе раннего древнекорнского в результате смешения с реликтами галльского бретонский язык, который до сих пор сохраняется в Бретани (Арморика) в виде различных диалектов. Пиктский язык в Шотландии засвидетельствован лишь спорадически, в до сих пор нерасшифрованном символическом письме, и поэтому о нем известно слишком мало, чтобы его можно было с уверенностью классифицировать с лингвистической точки зрения. Нередко его считают реликтовым доиндоевропейским языком Британии.

Таким образом, разделение кельтских языков на континентальные (галльский, лепонтийский, галатский, кельтиберский)⁴ и островные (бриттские и гойдельские) не совпадает с разделением кельтских языков на *Q*- и *P*-кельтские.

Несколько лингвистических примеров помогут прояснить упомянутые выше лингвистические отношения:

P-кельтский и *Q*-кельтский на континенте и Британских островах:

Числительные — галльск. *pempe* «5», *pinpetos* «пятый», др.-валл. *pimp* — и др.-ирл. *cóic*, *cóiced* отчетливо показывают

¹ Ср. теорию вторжений О'Рахилли.

² От которого сохранились только имена, если только героическая поэзия Анейрина (или Нейрина) и Таллесина не существовала на этом языке. Стихотворения этих бардов с их весьма архаичными формами слов и синтаксиса считаются, однако, в основном «древневаллийскими». В любом случае кумбрский язык не так уж сильно отличался от валлийского.

³ Ellis (1974), S. 147ff. Имеется мощное движение за возрождение этого языка, которое связано в первую очередь с именем Генри Дженнера. Вокруг последней «носительницы корнского» Доли Пенрит (ум. в декабре 1777) возникло множество легенд; ср. также Pool (1975), S. 26.

⁴ В общем помогает ориентироваться в проблеме работа Eska — Evans (1992).

рефлексы *k^henk^he, u-etos; точно так же галл. *petor* — «4» в *petorritum* «четырёхколесный», др.-валл. *pedwar* против др.-ирл. *cehair* от *k^hetwor. Аналогично *mak^hos дает наряду с галльск. Мар, др.-валл. *mar* и с другой стороны гойдельское огамическое MAQ(Q), др.-ирл. *mac(c)* «сын»; индоевропейскому постпозиционному союзу *-k^he «и» (ср. латинское *Senatus Populusque*) соответствует лепонт. *-pe* (*LaTumarui SaPsuTai Pe* «Латумару и Сапсуге») против кельтибер. *kie* (*ToCoiTos Cue SarniCio Cue* «и также Тогойтий, а также Сарникий»)¹.

Хотя деление кельтских языков на *P*- и *Q*-кельтские действительно достаточно важно, является спорным, может ли оно служить основой не только для феноменологического, но и для генеалогического диалектного членения. В кельтском языкознании стало прямо-таки хорошим тоном пускаться по этому вопросу в дискуссию и указывать на то, что значение этого «раскола» не следует преувеличивать² — и принимать его, открыто или негласно, за основу деления языкового пространства. Сомнение в релевантности деления на основе лабиовелярных следует приписать прежде всего тому факту, что галльский язык в этом отношении не кажется единым, и при этом неясна логическая основа для распределения *p* и *q*. В то время как «лошадь» (и.-е. *ek^hos) в галльском, как и следовало ожидать, называлась *epos (ср., например, *Epona*), в календаре из Колиньи странным образом возникает название «лошадиного месяца» *Equos*. Можно было бы думать о сакральном архаизме, однако это объяснение не проходит так легко в отношении названия реки Сены (*Sequana*) и племени секванов (*Sequani*)³. Напротив, жившие на той же Сене *Parisii* (или те, кто их так называл) явно были обычными *P*-кельтами. Как мы увидим, *q*-кельтский

¹ Ср. Schmidt (1979), S. 103; Schmidt (1986b), S. 240; Meid (1993), S. 112.

² Например, Evans (1986b), 109.

³ *Sequana* должна относиться к и.-е. *seik^h — «течь»; Покорный считает это название «гойдельским или венецско-иллирийским» (IEW 893). Закономерная с точки зрения фонетики нулевая ступень корня с *p*-, вероятно, лежит в основе *Sèvre* < *siparis, которой отвечает в качестве гойдельского соответствия ирландское название реки *Sechaig*. Дальнейшие примеры см. в de Hoz (1992), S. 233. О проблеме сохранения *k^h* см. (1995), S. 111.

элемент в Галлии долгое время старались объявить источником гойдельского в Ирландии, особенно альпийский народ *Quariates* («люди котла?»), чье название, однако, считается «лигурийским» или в любом случае не кельтским. Когда в последнее время и название народа *Volcae* попытались сопоставить с индоевропейским табунированным названием волка **wlk^uos¹*, то, как кажется, все твердо установленные и общепринятые фонетические изменения полетели кувыркком, поскольку, конечно, при регулярном развитии галльское слово должно было звучать как **ulipos* или **ulpos* — однако не так должно было обстоять дело с табуированным словом, для которого существуют другие «звуковые законы» или, скорее, никакие законы не писаны — ибо при каких правильных звуковых изменениях *f* может превратиться в *ks* (как в *Teufel* > *Deiksel*)?² С другой стороны, нужно избегать соблазна, опираясь на отдельные разбросанные источники, приписывать галльскому слишком большое единство. Было бы совершенно нереально, если бы от Арморики до скордисков Белграда существовал единый галльский континуум без диалектов!³ И Страбон (IV, 1, 1) говорит о том, что внутри самой Галлии имелись диалектные варианты. Уже за то, что мы лучше знаем такие языки, как лепонтийский и кельтиберский, мы должны благодарить случай. Буквально завтра может обнаружиться корпус надписей, который способен разрушить все наши прежние представления о диалектном членении континентальных кельтских языков или галльского.

Какова бы ни была ситуация в Галлии, для Британских островов деление на гойдельскую и бриттскую языковую группу в любом случае оправданно и никем не оспаривается, хотя

¹ К этому — поддержанное McCone (1985), S. 171ff. предположение Гуйонварха. Rubekeil (1992), S. 61; ср. Koch (1990), S. 13. Алт. 43. Другое объяснение этнонима *Volcae* содержится в Jenkins (1990), S. 66: из постулируемого *ad hoc* на основании валл. *gwach* «сокол» **wl-k^u* «хищная птица»; к этому предположению склоняется, видимо, также Lambert (1995), S. 34.

² Ср. также далее о лепренионах [Ругательство *Deiker* или *Deiksel* как эвфемизм вместо *Teufel* «черт!» употребительно в некоторых южногерманских диалектах].

³ Evans (1982), S. 235.

великое расхождение обеих языковых ветвей началось уже в V–VI веках н.э. В связи с этим интересно, что гойдельский еще во время христианизации Ирландии не имел никакого *p*-, с помощью которого можно было бы адекватно передавать лат. *p*-. Имя самого святого Патрика (ум., возможно, ок. 460 [?]) было перенято первоначально в форме **k^hatrik*- (отсюда *Cothraige*), позднее произошло «обратное исправление» по латинскому *Patricius* в ирл. *Pátraicc*. Лат. *presbyter* превратилось в ср.-ирл. *crimther* (огам. *QRIMITIR*). «Пасха» и сейчас называется *cáisc* (из лат. *pascha*), др.-ирл. *corcur* — это «пурпур», а *cland* «дети, клан» происходит из латинского *planta* «растения». Британское название «протектора» *Voteporigis* (Gen.) фигурирует в огамической надписи как *VOTECORIGAS* (скончался он, видимо, около 550¹). В валлийском *p* также возникло уже после VI века посредством более новых латинских заимствований или же в редком сочетании звуков *b + ā* (то есть ленированное *s*; см. ниже).

На этот важный с точки зрения истории языка период приходится возникновение огамического письма. Поскольку в нем также нет *p*, то оно должно было зародиться в области, где говорили на гойдельском языке. По лингвистическим показателям временем возникновения огама *terminus post quem* и является V (возможно, уже IV) век². Во всяком случае, в нем еще различаются *S* и *Q*, латинское *p* заменяется обоими этими согласными и лениция еще не проведена. Поскольку древнейшие огамические надписи, возможно, восходят еще к концу IV века (хотя этому и нет конкретных доказательств)³ и изобретение огама, во всяком случае, является делом дохристианской эпохи (тогда почему же во время миссионерства его сразу не заменило латинское письмо?), то следует предполагать, что традиционная система знаков и запоминания с помощью зарубок была объединена с надстройкой латинской граммати-

¹ Schmidt (1986b), S. 238.

² Так в недавней работе Prósdocimi - Solinas (1991), S. 51; McManus (1991), S. 40f. же предполагается IV или V в. Ср. уже LHEB S. 156f.

³ Ср. McManus (1991), S. 97.

ческой теории¹, что могло случиться как в западной Британии, так и в южной Ирландии. Соответствующее культурное влияние имелось и в Ирландии уже со II века н.э. Можно вспомнить о сравнительно многочисленных римских находках в Ирландии, особенно о штемпеле окулиста. Вполне можно считать, что какой-то друид-модернист, стремившийся к нововведениям, пришел к изобретению огамического алфавита с помощью римского грамматиста. Либо следует предполагать проникновение дохристианской латинской образованности в Ирландию (к этому предположению, видимо, склоняется Дэмиэн Мак-Манус)² или искать корни огама в той части Британии, где говорили на гойдельском языке — как полагал Кеннет Джексон³. Таким образом, мы приходим к эпохе поселения десси в Пемброкшире.

¹ Римские грамматиканы (Варрон, Квинтилиан, Донат) делили буквы на три категории: гласные, полугласные и немые, причём названия букв-полугласных начинались с *e*- (*ef, el, em, en, er...*), а немых — на *-e* заканчивались (*be, ce, de, ge...*). Это деление *cum grano salis* прослеживается и в построении огамического алфавита. Этому посвящено важное исследование Thurneysen (1937), S. 202ff. В работе автор высказывается против Гельмута Арнтца и других подобных попыток произвести огам из рунического письма (S. 199ff.). Наиболее сильный аргумент в пользу рунического происхождения — это передача *ng* с помощью отдельного знака и название букв особыми словами. Происхождение *ng* остается пока неясным. Против рунической теории, однако, решительно говорит то, что в огамическом письме было только 5 гласных, и в нем не различаются *t* и *th*. Распределение букв по отдельным группам, напоминающее «ветви» рунического алфавита, как кажется, скорее проистекает из соответствующей классификации у латинских грамматиков (особенно Доната): McManus (1991), S. 27ff. Напротив, связанные с деревьями названия букв огамического алфавита должны иметь ритуальное происхождение.

В том же году, что и исследование Турнейзена, появилась монография Макалистера о тайных языках Ирландии. В огаме, который, по его мнению, был изобретен в Галлии под влиянием греков, он видел переданный через друидов «импорт» — теория, которая ныне отвергнута; Macalister (1937), bes. S. 28ff.; Вандриес в Vendryes (1952), S. 247ff., напротив, подчеркивал архаические черты мнемотехнического способа, основанного на числе 5, и ставил огамический алфавит в один ряд с древнеевропейскими способами хранения и передачи информации, такими, как зарубки, узлы и т.д. Обобщение более новых точек зрения и перечень названий огамических букв (так называемый *beitheluis* по названиям двух первых букв) см. у Sutherland (1994), S. 205ff. Ср. Также Rockel (1989b), S. 38ff.

² McManus (1991), S. 41.

³ LHEB S. 156f.

Во многих случаях неясным остается значение названий огамических знаков (Beithe, Luis, Fern).

Слоговые носовые и плавные: уже говорилось, что во всех кельтских языках *r* и *l* дают *ri* и *li* или *ar* и *al*. В развитии *r* и *l*, однако, проявляются некоторые диалектальные различия, а именно, в гойдельских языках (как в латинском) появляются *en* и *em* или *in* и *im*, в то время как во всех других кельтских языках, в том числе и в *q*-кельтском кельтиберском, фигурируют *an* и *am*¹. Таким образом, граница (изоглосса) этого явления не совпадает с границей по расщеплению лабиовелярных. Привативный префикс, и.-е. **q-*, которое у нас [в немецком] фигурирует как *un-* (*un-gut*, «нехороший»), в латинском как *in-* (*in-fans* «не-говорящий» = «ребенок»), в гойдельском (гэльском) также звучит как *in-* (др.-ирл. *in-derb* «не-уверенный»), а в других языках как *an-* (валл. *an-hil* «без семени» = «бесплодный»).

Документально засвидетельствованы следующие языки и диалекты:

Лепонтийский язык известен с VII века до н.э. лишь отрывочно. Он записывался на так называемом «алфавите Лугано» — одном из вариантов североетрусского алфавита; в нем не было звонких смычных и поэтому кельтские *b*, *d*, *g* передавались как *p*, *t*, *k* (лингвисты пишут *P*, *T*, *K*)². Один из наиболее «словоохотливых» текстов (пластинка из Веригате) выглядит так: *PelKui : Pruiam : Teu : Karite : iſos : KaliTe : Palam*, что возможно, переводится: «*Deu* поставил для Белга здесь *Pruiam*, и он же воздвигнул *Palam*»³.

¹ Meid (1993), S. 83. В последнее время и кельтиберский на основании новых находок считается *en*-диалектом («proto-Bendisch»); de Hoz (1992), S. 227f., 230.

² Ср. Lejeune in RIG II/1, S. 4; Lambert (1995), S. 20f.

³ Согласно Lambert (1995), S. 21; см. также Uhlich (1997). Что касается значения слова *Pruiam*, то его часто сравнивали с галльским *briva* «мост», однако вокализм здесь представляет проблему, ср. Delamarre (2003), s. v. *briva*. *Palam* обычно считается названием надгробного камня, однако я предпочел бы, имея в виду валлийское *hâl* «возвышение, вершина горы» (< **bhla*), принять значение «курган». *Karite*, возможно, первоначально означало «делать твердым, утверждать, ставить» (к и.-е. **kar-* «камень»). *iſos* с *Tau gallicum*, возможно, восходит к **istos* (ср. латинское *iste* «этот»). **Belgii* («классическое» галльск. *Belgā*) неразрывно связано с названием племени *Belgae* и обозначает, возможно, человека, «раздунвшегося» в воинском экстазе. *Devo(n)* — это краткая форма имени, образованного с галльским элементом *devo-*, «Бог».

Галльский язык засвидетельствован с V века до н.э. отдельными именами, с конца III века до н.э. — надписями, сначала в Верхней Италии северозетрусским алфавитом, затем в заальпийской Галлии, в Нарбоннской провинции — греческим, в Лугдунской Галлии — латинским и в области Пиринеев — также иберийским алфавитом¹; в последнее время были обнаружены и некоторые более длинные тексты². Как пример галльскоцизапийской надписи северозетрусским алфавитом я приведу латинско-галльскую билингву из Тоди (Умбрия)³:

Сторона А: [ategnatei drvtei f] coi]sis drvtei f frater eivs minims Locavit et sTatvit*: aTeKnaTi TruTiKni KarniTu arTuaOKoisiss TruTiKnos

Сторона В: [ategnati drvti f] ... c]oisiss drvti f [frater eivs [m]inimvs locav [] [e] [st]atvitqvi : [aT]eKnaTi TruTi[K]ni [Ka]r]niTu loKan Kof]i]sis [Tr]uTiKnos

Сторона А (латинский текст): «(Могила) Атегната, сына Друта; Койс, сын Друта, его младший брат, воздвиг это и установил это». Галльский: «Койс, сын Друта, поставил *artuaš* Атегнату, сыну Друта». На стороне В текст такой же, однако здесь *artuaš* заменено *lokan*. Очевидно, здесь речь идет о каком-то обозначении «гробницы».

Примером нарбоннской надписи служит надпись из Везонья-Ромен⁴: «Сегомар, сын *Villū*, житель города Нима, основал *Bitisama* (для Белисамы) это место культа».

Как пример надписи латинским шрифтом я приведу надпись из Сазерья, хотя ее трактовка и представляет некоторые проблемы⁵:

¹ Памятники, написанные иберийским письмом, см. в: МЛН II, S. 73f. Из-за алфавита эти данные становятся особенно неопределенными: нацарапанное на кратере слово *ahoko* могло означать *Adbogios* (S. 101), *anetlike* на гавелке — **AneXitikos* (S. 118) и т.п.

² Эти надписи были опубликованы в RIG; подборка текстов всех наиболее важных памятников имеется в Lambert (1995), S. 71ff; см. также Meid (1992). Языковой материал, кроме того, доступен в AcS и DAG, а также в Billy (1993), Jufer - Luginbuhl (2001), Delamarre (2003). Грамматикой может служить Lambert (1995).

³ Lambert (1995), S. 74ff.

⁴ Lambert (1995), S. 84f.

⁵ Lambert (1995), S. 95.

SACER PEROCO IEVRV DVORICO VSL M «*Sacer*, петрукорий, основал, согласно своему обету, охотно эти ворота». При этом *PEROCO* должно быть сокращенной формой от *Petrocorios* (название племени, сохранившееся в имени «Перигор» – *Périgord*). *DVORICO* вместо ожидаемого **dvoricon* показывает исчезновение признака винительного падежа в позднем галльском.

Совершенно особую загадку представляет множество надписей из Глозеля близ Виши (департамент Аллье). Они были обнаружены в 1924 году крестьянином Эмилем Фраденем во время пахоты: сотни глиняных табличек, сосудов, камней и костей с надписями неизвестным письмом вызвали большой переполох, в том числе даже процесс против Фрадена и Антуана Морле, который первым в 1927 году обратил внимание на эти надписи¹. В суде обвинение в том, что это современная подделка, не подтвердилось: напротив, исследование многих предметов с помощью термолюминесценции показало, что они относятся к периоду между VII веком до н.э. и I веком н.э. Мне лично кажется, что от этих надписей нельзя (как это обычно бывает) просто так отмахнуться. С другой стороны, остроумные и интенсивные исследования швейцарского расшифровщика Ганса-Рудольфа Хитца так и не дали ни одного полностью убедительного текста². Так что пока непонятно, можно ли что-нибудь сделать с обширным корпусом глозельских надписей.

Кельтиберский язык записывался с III века до н.э. сначала иберийским, потом латинским алфавитом³. Иберийский алфавит — это преимущественно слоговое письмо, которое пришло от финикийцев, и хотя его структура совершенно иная, нежели у северозатрусского, у него есть с ним и общая черта: кельтиберские звонкие *b, d, g* писались, как *P, T, C* (= |*k*|). Глухое *s* [s] и звонкое *s* [z] в кельтиберском различались с помощью отдельных знаков, которые в транскрипции передаются, как *O* и *z*⁴. Примером могут служить «тессеры гостеприимства» из собрания Френера в Кабинете медалей: *luPos̄ alisoCum aualoCe*

¹ Morlet (1927).

² Hitz (1999).

³ Meid (1993); Meid (1994); Lambert (1995), S. 19f.

⁴ Cp. Villar в Untermann – Villar (1993), 773ff.

Con Te Pias Pelaiſ Cas «Луб из клана Ализа, сын Авала из Контребии Белаиски» (об этом типе надписей см. ниже).

Бриттский язык известен с I века до н.э. по именам, затем по надписям на монетах; в последнее время в Бате были обнаружены две свинцовые таблички¹; с VI века засвидетельствованы надписи на камне, с VI или VII века появляется (первоначально, скорее, кумбрская, потом — древневаллийская) устно передававшаяся героическая поэзия, которая хотя и была впервые записана в позднем средневековье, содержит гораздо более древние языковые формы. Корнский язык известен сначала с IX или X века по глоссам, бретонский — также с IX века по глоссам.

Гойдельский известен нам прежде всего по праирландским (огамическим) надгробным надписям архаическим огамическим шрифтом с V века н.э., где лабиовелярный Q все еще обозначается особым знаком, отличным от C [k]². Древнеирландские источники начинаются с VIII века. Ирландский язык X—XIII столетий официально называется «среднеирландским» (ср.-ирл.), однако обычно в повседневном словоупотреблении эта фаза, к которой принадлежат почти все более древние тексты саг, также именуется «древнеирландским»³. Так называемые «древнеирландские» слова и имена встречаются поэтому зачастую непоследовательно частично в древнеирландском, частично в среднеирландском написании, то в соответствии с непоследовательной орфографией рукописей, то чтобы облегчить читателю произношение, то по типографским причинам, поскольку в современной печати подчас бывает трудно поставить точку над Ğ и более позднее написание fh исполняет ту же роль. В данной книге среднеирландские написания указывают на то, что я взял данное слово или имя из среднеирландской традиции. Другие гойдельские языки и диалекты засвидетельствованы лишь гораздо позже: шотландский гэльский с XVI, мэньский — с начала XVII века.

¹ Текст одной, читаемой, таблички приведен в Lambell (1995), S. 174. Судя по всему, речь идет о целительном заклинании.

² Ср. Rockel (1989b), S. 37; McManus (1991), S. 96f.; Mallory (1992), S. 130. Данные в Untermann (1975) на карте в кол. 1618 «кельтская языковая область, начиная со средневековья», неверны.

³ Ср. на эту тему весьма подробное изложение у Rockel (1989b), S. 26ff.

Чтобы дать читателю представление о внешнем виде островных кельтских языков и позволить ему убедиться, справедливо ли ходячее мнение, что гойдельские и бриттские языки якобы так похожи, что ирландцы и валлийцы могут легко понять друг друга, я приведу «Отче наш» (*Матф. 6: 9–13*) на русском, новоирландском, нововаллийском, корнском и бретонском:

Русский ¹ :	Новоирландский:	Нововаллийский:	Корнский:	Новобретонский:
Отче наш, су- щий на небе- сах! да святит- ся имя Твое; Да придет царствие Твое; да будет воля Твоя и на зем- ле, как на не- бе; Хлеб наш на- сушный дай нам на сей день; И прости нам долги наши, как и мы про- щаем должни- кам нашим; И не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого.	Ar nAthair, atá ar neamh, go naofar d'ainm. go dtaga do rí- ocht. go ndeantar do thoil ar an talamh mar a dhéantar ar neamh. Á n-áran la- ethúil tabhair dúinn n i-nniu, Agus maith dúinn ár bhfi- acha, mar a mhaitimidne dár bhféichiú- na féin. Agus ná lig sinn i gcathú, ach saor sinn ó olc.	Ein Tâd yr hwn yt yn y nefocdd. Sanctieiddier dy Enw. Deled dy deyr- nas. Gwneler dy ewyllys, megis yn y nef, felly ar y ddaear hefyd. Dyro i ni hed- dyw ein bara beunyddiol, A maddeu i ni ein dyledion. fel y maddeu- wn ninnau i'n dyledw'r. Ac nac arwain ni i brofedi- gaeth, eithr gwarded ni rhag dr g.	Agan Tas-ny, us yn nef. Be- nygys re bo dha Hanow. Redheffo dha wlascor. Dha voth re bo gwres, y'n nor kepar hag y'n nef. Ro dhyn-ny hedhyu agan bara pup deth- oll; Ha gaf dhyn agan camwyth. Kepar del aven-nyny dhe'n re-na us ow camwul er agan pyn-ny; Ha na war agan gorra yn temptasyon, mes del yrf ny dyworth drok.	Hon Tad a zo en Neñv, ra vo santelaet da ano. Ra zeuio da Rouantelezh. ra vo graet da youl war an douar evel en neñv. Ro dimp hizio bara hon be- vans. Distao! dimp hon dle evel ma tistaolomp d'hon dleouri- on. Ha n'hon laka ket da vezan tentet, met hon dicub diouzh an Droug.

¹ [Текст Евангелия приводится по следующему изданию: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические. М., Российское библиейское общество, 2000. В этом издании использован текст русского Синодального перевода Библии 1876 года, заново сверенный с еврейским и греческим текстами].

Насколько «живыми» можно назвать сегодня кельтские языки? Поскольку кельтские языки повсеместно представляют собой меньшинство на фоне английского и французского, националистические идеологии и с той и с другой стороны играют немалую роль, и языковая принадлежность — это тоже политический вопрос первостепенной важности, данные о численности носителей того или иного кельтского языка сильно отличаются друг от друга. Однако следует отличать — усваивается ли язык как родной и употребляется ли в повседневной жизни, или же его выучивают позднее, например, по карьерным соображениям и в повседневной жизни не применяют. Реалистичными (хотя, возможно, и несколько завышенными) являются следующие цифры: около 70 000 носителей шотландского гэльского языка, около 60 000 — ирландского и около миллиона — валлийского. Численность носителей разделенного на несколько диалектов бретонского языка гораздо ниже и надежно определить ее не удастся¹. «Одноязычных» носителей кельтских языков, которые бы понимали только свой родной кельтский язык и не понимали бы английского или французского, уже, видимо, больше нет.

Теперь мы должны кратко упомянуть об основных видах источников:

Лепонтийский и цизальпинский галльский известны нам прежде всего по надгробным надписям.

Кельтиберский известен прежде всего по посвятельным и официальным надписям. Важнейшая из них — это обнаруженная в 1970 году Первая надпись из Контребин Белаиски —

¹ Ср. Rockel (1989b), S. 93ff.; Lambert (1995), S. 22. Причина отсутствия достоверных данных коренится в нетерпимой политике Франции, которая является единственной страной, кроме Греции, не подписавшей хартию ЕС о правах национальных меньшинств под тем предлогом, что во Франции якобы таких меньшинств не имеется, а есть только французы. Поэтому во Франции и нет никаких оценок численности тех, кто пользуется бретонским как повседневным или родным языком. Считается, что сегодня около 266 000 человек освоили бретонский как родной язык и в общем и целом 666 000 человек способны хоть как-то его понимать; Vock (1996), S. 19ff.

Боторриты¹, которая в общем содержит от 172 до 186 слов. По всей видимости, она содержит правовые нормы, касающиеся использования в светских целях какого-то культового участка. Наряду с состоящей из 24 слов надписью из Лусаги, о которой много спорили, имеются и *tesserae hospitales*, надпись на скале из Пеньяльбы-де-Вилластар латинскими буквами и не в последнюю очередь — значительное число монетных легенд².

Галльский язык засвидетельствован в ритуальных текстах, таких, как votивные надписи и фрагменты календаря, магических надписях, деловых записях (надписи и счета гончаров), надписях-тостах и эротических надписях. Среди ритуальных или магических текстов важнейшими являются (уже из-за своей длины); надпись из Ларзака (обнаружена в 1983), содержащая более 160 слов³, надпись из Шамальера (найдена в 1971) с 64 словами⁴. Еще менее поддается толкованию галльско-латинский текст из Лезу (найден в 1973/74) с 48 словами, возможно, морализирующего содержания⁵.

От галатского языка в Малой Азии не дошло никаких текстов, только имена собственные и отдельные слова.

В области гэльского в христианское время мы встречаемся с исключительно богатой ученой (глоссы), эпической и лирической литературой (от малой поэмы до маленьких стихотворений о природе), от панегирических и сатирических бардовских стихов до религиозных гимнов), в то время как драма отсутствует.

На валлийском также сохранилась ученая (прежде всего

¹ Издано Beltrán — Tovar (1982), S. 37ff.; латинский текст и его испанский перевод см. в Fatás (1982), S. 12ff.; Eichner (1989), S. 23ff.; из последних публикаций: Meid (1993) und Meid (1994). Ещё одна надпись, обнаруженная в Боторрите в октябре 1992 года содержит большое количество имен собственных: F. Beltrán — J. de Hoz — J. Untermann, El tercer bronce de Botorrita (Contrebia Belaisca), Zaragoza 1996; ср. Lambert (1995), S. 20.

² Они собраны в MLH I/1, S. 84ff., где наряду с такими чисто кельтскими именами, как *uāmus* und *sekūāmos* есть, по-моему, и совершенно некельтские, такие, как *bilbilis*.

³ Ср. Lejeune (1985); Eska — Evans (1992), S. 39ff.; Lambert (1995), S. 160ff.

⁴ Ср. Lejeune — Marichal (1977); Eska — Evans (1992), S. 39ff.; Lambert (1995), S. 150ff.

⁵ Ср. Eska — Evans (1992), S. 39ff.; Meid (1992); Lambert (1995), S. 146f.

также юридическая), эпическая литература, а в позднем средневековье — и лирические тексты. И здесь жанр драмы отсутствует. Однако во многих древнеирландских и средневаллийских текстах есть большой процент пассажей с диалогами, которые, возможно, исполнялись (или пелись) с различными характеристиками говоривших, так что, по меньшей мере, в этом плане драматический элемент все же наличествовал¹, если даже сам жанр как таковой и отсутствовал.

Обратная ситуация — в корнском и бретонском, где имеются почти только одни драматические тексты (пьесы-мистерии).

Отовсюду нам известны в большом количестве собственные имена, а также глоссы. Глоссы известны и для островных кельтских языков. Самые знаменитые — это те глоссы, что были найдены венским придворным библиотекарем Стефаном Ладислаусом Эндлихером в хранящейся в Австрийской национальной библиотеке рукописи VIII века. Само галло-римское собрание глосс восходит к V веку². Другие галльские слова упоминаются мимоходом у разных античных авторов, особенно названия растений в медицинских сочинениях; некоторое количество галльских слов было заимствовано латинским языком³. У нас еще будет случай познакомиться с примерами из области изготовления повозок.

В островных кельтских языках есть ряд особенностей, которые местами встречаются и в других европейских языках, однако все вместе они составляют уникальное целое, которое придает им столь исключительно своеобразный характер⁴. В то же время часть этих особенностей возникла в то время, которое уже не рассматривается в этой книге, а именно в V веке н.э. и после него. Другие особенности должны быть более древними и

¹ На что любезно указал мне Эрих Поппе (Марбург).

² Теперь снова опубликовано в Lambert (1995), S. 203f.

³ О галльских словах в латинском, см. например: s. z. В. Schmidt (1967), Andre (1985), Gernia (1981).

⁴ Хорошие описания островных кельтских языков, их типологии, структуры, синтаксиса, современного состояния, распространения и перспектив на выживание можно найти, среди прочих, в: Vendryes (1937); Jackson (1969b); Gregor (1980); Ternes (1982); Jarceva (1986); Macaulay (1992); Ball — Fife (1992). Ср. также Rockett (1989b), S. 17ff.

их можно объяснить или как архаизмы в окраинных языках или как влияние языков докельтского населения Британских островов, вытесненных на уровень субстрата. Особенности кельтских языков проявляются во всех языковых категориях — как в фонетике, так и в морфологии и синтаксисе. Упомяну лишь некоторые детали:

В области фонологии островные кельтские языки имеют исключительно сильную тенденцию к увеличению количества согласных. Это происходит потому, что глухие смычные в гойдельском геминируются (удлиняются) и, кроме того, в островных кельтских языках плавные и носовые неоднократно становятся глухими. Появляются звуки, которые в британском обозначаются как глухие с помощью добавления *h*, и сегодня в валлийском это можно наблюдать на примере *ll* (ранее *lh*) и *rh*. Большая численность согласных фонем обусловлена еще и тенденцией ассимилировать все согласные к звуковому окружению. Результатом этих ассимиляций является, с одной стороны, вокалическая окраска согласных, с другой стороны — мутации.

Окраска согласных основана на том, что при артикуляции, например, *t* уже подготавливается произношение следующей гласной, так что *t* могло иметь нейтральную, *i*- или *u*-окраску. То же самое происходило и с другими согласными. Сегодня от *u*-окраски уже отказались, однако нейтральная и *i*-окраска (смягчение) полностью сохранились и имеют смысловозначительный характер. Зачастую это вело к перегласовке гласной, стоявшей перед данной согласной. Сказанное будет понятнее, если посмотреть на др.-ирл. примеры: именительный падеж ед.ч. др.-кельт. **uirros* > праирл. **uiras* > др.-ирл. *fer* «мужчина» (нейтральное качество *r* из-за следующей *a* превратило *i* > *e* или: последующее *a* превратило *i* > *e* и до своего исчезновения обеспечило нейтральность *r*). Родительный падеж ед.ч. др.-кельт. **iiri* > праирл. **iiri* > др.-ирл. *fir* «мужчина» (*r* имело *i*-окраску и сегодня произносится совершенно иначе, чем в именительном падеже). Дательный падеж ед. ч. др.-кельт. **iirui* > праирл. **iiru* > др.-ирл. *fiur* (*u* как таковое не произносилось, но обозначало только *u*-окраску *r*). Аналогичным образом дело обстоит с *ball* «член тела», где соответствующие формы должны были звучать как (род. п. ед. ч.) *baill* и (дат. п. ед. ч.) *baull*; здесь изменяло свою окраску *ll* (произносилось

как [L], более напряженно артикулированное или удлиненное [l]). Поскольку латинская система письма не предусматривает никаких обозначений окрашенных согласных, приходилось довольствоваться тем, что перед согласными ставили *i* и *u*, однако отнюдь не регулярно, поэтому произношение и орфография древнеирландского языка так трудны. Этот принцип проводится и в новоирландском языке, где различаются согласные нейтрального и *i*-качества — «широкие» (*leathan*) и «узкие» (*caol*). Подобное развитие имело место и в бриттских языках. Однако сегодня оно не столько относится к согласным, сколько действует на окраску гласных, стоящих перед согласными: в то время, как **markos* «лошадь» дало валл. *march*, им. п. мн. ч. **marki* дал валл. *meirch* (произносится [meɪrɪx]) «лошади».

Еще сильнее бросаются в глаза мутации. Они состоят в другой ассимиляции согласного — на этот раз не по положению языка и губ для произнесения следующей гласной, но по артикуляции предыдущего или следующего слога. Вся система мутаций слишком сложна, чтобы ее можно было кратко здесь представить. Я преимущественно ограничусь нововаллийским, поскольку здесь благодаря строгим правилам орфографии мутации лучше всего видны на письме. Важно при этом то, что мутации не ограничиваются внутренней частью слова, но проводятся и на границах слова: при этом изменяется первый звук (анлаут) слова и эти изменения фонематизируются, то есть становятся смыслоразличительными, и сохраняются даже тогда, когда обусловившие их факторы позднее уже исчезают. Древнескельтское указательное местоимение **sindos* в женском роде звучало как **sindā*: окончание на гласную *-ā* из-за языкового «сцепления» в речи влияло на первый звук (анлаут) следующего слова. Например, если говорили **sindā kassikā* «эта кобыла», то оба *k*, стоявших между гласными, становились звонкими, так что теперь, когда указательное местоимение превратилось в артикль, это слово звучит как *u gaseg*. (Кроме того, если бы *-s-* не было длинным, то есть геминированным, то оно бы мутировало и превратилось в *-h-*, и сегодня «кобыла» звучало бы как ***gaheg*). В мужском роде **sindos katumarkos* «этот боевой конь» *k* не стояло после гласной и поэтому не изменилось: *u cadfarh* (произносится [ˈkadvɑrɪx]). В этом примере мы также можем наблюдать изменение фонетической группы *atuma-* в

*-*adva-* и, после падения *u*, в *-adva-* (пишется *-adfa-*). Хотя сегодня артикль мужского и женского рода звучит безразлично как *u*, первый звук существительных женского рода переживает мутацию, а мужского — нет (средний род в валлийском языке исчез). Такую мутацию называют «леницей». До сих пор она является важным принципом морфологии и синтаксиса, которому подчиняются также более новые заимствования из английского: *basged* «корзина», но *yfasged* «корзины». Так в валлийском первоначальные *t, p, c* ленировались в *d, b, g*, а первоначальные *d, b, g, m, n, ll* (глухое *l*), *rh* (глухое *r*) — *dd* (как в английском *they*), *f* (произн. [v]), *-, f, l, r*¹. Лениция затронула все согласные, в том числе *n*, которое сегодня исчезло. Однако ленированное *n* появляется в бретонских и гэльских диалектах, а в мэнском — как *ɲ*. Ленированное *g* превратилось в глухой фрикативный, который в валлийском исчезает (*dy arth* «твой сад» от *garth*). Ленированное *m* сегодня совпало с результатом лениции *b*, но первоначально, как и теперь в ирландском, было звонким билабиальным с носовой окраской. В гэльском ситуация аналогичная, только здесь *t* и *c* (пеше долго не было!) ленировало в *th* (как в англ. *thing*) и *ch*. «Воинский» звучит по-древнеирландски *in cathach*, «воинская», напротив *in chathach* (из **sindā kataka*); в валлийском это соответственно *y cadog* и *y gadog* (ж.р.).

Другие разновидности мутации — «аспирация» и назализация, или эклипсис. В ходе первой в бриттских языках из-за стоящего впереди *s*, например, в притяжательном местоимении ед. ч. ж. р. первый звук следующего слова становился фрикативным: из др.-бритт. **asjās tatus* получилось нововалл. *ei thad* «е отец». При назальной мутации из-за стоящего впереди носового звука первый звук слова становился образованным в том же месте (гоморганическим) носовым, в ирландском — заменялся его звонким вариантом или носовым. Так, по-валлийски Уэльс — *Cymru*, но «в Уэльсе» будет *yngh Nghymru* (*ng* — это глухое *ng*); *ym masged* «в корзине» от *basged*. Др.-ирл. *cath* — «битва», однако «в битве» будет *l cath* (в данном случае *c* произносилось как *g*) и звонкая лабиальная *b*: *i m-béul* «во рту» от *bél* «рот» (*m-b* произносилось как *m*, как и в валлийском, *l* имело *u*-окраску). Мутации имеют свои соответствия во всех островных

¹ [Прочерк здесь означает, что *g* исчезает полностью].

кельтских языках и диалектах, однако результаты в отдельных случаях могут оказываться несколько иными. Функционирование начальных мутаций в конкретном случае лучше всего наглядно продемонстрировать на примере притяжательного местоимения. Поскольку в др.-кельт. «голова» звучало как *k^henno-, то ему соответствуют праирл. *qenna-, др.-ирл. *ceinn*, но бриттск. *renno-, валл., корн., брет. *pen(n)*. Обозначение притяжательности в единственном числе выглядит следующим образом:

Вал	<i>fy mhen</i> (назализация)	моя голова	др.-ирл.	<i>mo chenn</i> (лениция)
	<i>dy hen</i> (лениция)	твоя голова		<i>mo chenn</i> (лениция)
	<i>ei ben</i> (лениция)	его голова		<i>a chenn</i> (лениция)
	<i>ei phen</i> («аспирация»)	ее голова		<i>a cenn</i> (мутации нет)

Если эти гигантские языковые изменения, видимо, появились в конце эпохи римского господства в Британии¹, когда люди вернулись к старому кельтскому образу жизни, то, видимо, следует предполагать, что относительно быстрый темп речи и стирание границ слова в интонации предложения (сандхи), к которым и восходят мутации, начались уже в континентальных кельтских языках. Хотя они, возможно, и оставили свои следы в языковом развитии романских языков, все же результат лениции в галльскую эпоху не был общим правилом и не имел еще смысловоразличительного, то есть фонематического значения. Так что наряду с правильной континентальной кельтской формой *-briga* «крепость» имеется «ленированная» форма *-bria* (которую зачастую можно понять и как производное от *briva* «мост»)², но наряду с этим и форма *-brica*, которая, возможно, указывает на изменения в артикуляции и связанную с этим неуверенность (так кельтибер. *Secovesos* наряду с галльск. *Segovesus*)³, точно так же, как написание *luxe* наряду с *luge* в табличке из Шамальера.

Ударение в галльском было таким же, как и в латинском,

¹ Об этом подробно ЛНБВ, обобщение на с. S. 694f.

² Ср. *brío* «пonte» в глоссарии Эцилихера.

³ Evans (1979a), S. 124f.; напротив, можно ожидать межвокальной лениции и кельтиберском (Богоррита): *OleiTom* «порубленный, разрезанный» < **slegitom*; Fleuriot (1979a), S. 177, 180; однако по-другому и лучше в Meid (1993), S. 114. Другие примеры гиперкорректного написания, такие как *arcanto* вместо *arganto*-, см. в Lambert (1995), S. 45f.

только оно могло падать и на предпоследний слог, который не был долгим (*Cóndāte* «слияние рек» > франц. *Condes*, в то время как недопустимое с латинской точки зрения ударение на предпоследнем слог *Condāte* привело к франц. *Condé*). Это нередко приводит к появлению дублетов в названиях мест, таких, как фр. *Bourges* (< галльск. *Bitúriges*) наряду с фр. *Berry* (< галльск. *Bituriges*). В древнебриттском, однако, ударение последовательно падало на предпоследний слог; иначе дело обстояло в ирландском, где сильное динамическое ударение падало на первый слог, так же как и в германском (хотя связи между этими явлениями и не было).

В области морфологии кельтские языки показывают чрезвычайно архаические элементы наряду с весьма смелыми новациями. Архаично, например, то, что в них нет инфинитива — они довольствуются отглагольными существительными, изменяющимися по различным классам склонения; у числительных «три» и «четыре» различаются формы мужского и женского рода; нет никакого глагола, который значил бы «иметь». («Я имею» выражалось с помощью предлогов: «есть со мной» или «есть при мне».) Новации заключались в уменьшении количества падежей в островных кельтских языках до 6 или 7 (среди них местный)¹, затем в гойдельском до 5 (со звательным); в бриттских языках склонение полностью исчезло уже к моменту появления древнейших литературных текстов около 600 года. Что послужило причиной того, что бритты полностью отказались от всей системы склонения существительного, в то время как по ту сторону Ирландского моря склонение существительных и прилагательных оставалось пышным, многогранным и процветающим, — совершенно непонятно. Сохранилось только весьма разнообразное обозначение множественного числа, причем класс основ на *u-*, как лат. *manus* и герм. *sunus*, который уже был близок к исчезновению, весьма пышно разросся. Отказался бриттский и от среднего рода, и от двойственного числа, которые в Ирландии, однако, сохранились.

Во всех островных кельтских языках устраняются древние причастия на *-ti-* (в галльском еще сохраняются)²; возникает

¹ Eska — Evans (1992), S. 33 (о кельтиберском).

² Eska — Evans (1992), S. 43.

определенный артикль; почти беспредельно развиваются формы личных местоимений (простое, усиленное, удвоенное, префигированное, суффиксированное, инфигированное). В британских языках, где не сохранилось формы родительного падежа, артикль зачастую служит для обозначения родительного (*cae u tad* «поле отца»); с этим можно сравнить старофранц. конструкцию типа *li serjant le roi* «слуга короля» (однако с удвоенной постановкой артикля!)¹. Особенностью числительных кельтских языков является двадцатеричная система. И здесь валлийский действует особенно систематически: $40=2 \times 20$, $50=10+2 \times 20$, $60=3 \times 20$ и т.д. Своеобразное образование французских числительных начиная с 70 пытались объяснить как отражение галльской системы счисления.

Уже в континентальных кельтских языках возникает тенденция более точно выражать значение глагола посредством префиксов (кельтибер. *to-Piše Tt*², галльск. *to-berte*³) и присоединять местоименный объект к глаголу в качестве префикса (ср. франц. *ils les-ont*), и, соответственно, инфигировать его между глагольным префиксом и глаголом (галльск. *to-med-ec-lai* «поднял меня [=med]» в билингве из Вольтино над озером Гарда)⁴.

Согласно тому, был ли глагол простым (например, *lëicid* «(от)пускать») или употреблялся с префиксом (например, *ní-lëici* «не (от)пускать» или *do-lëici* «выпускать > бросать»), различаются «абсолютная» и «конъюнктивная»⁵ флексии, причем последняя, как показывает пример, употреблялась и с определенными глагольными частицами (как и с отрицательной частицей *ní*), и с изначально составными глаголами (как, например, с предложной частицей *do-*); по окончанию она отличалась от абсолютной флексии. Частицы и другие префиксы,

¹ Ternes (1993), S. 31.

² С этимологией от др.-ирл. *to-*, валл. *thy-* как признак перфекта; Eska - Evans (1992), S. 33; Meid (1993), S. 108.

³ Eska - Evans (1992), S. 42. Эта форма весьма замечательна, если она действительно уже показывает возникновение *t*-претерита, которое, возможно, как-то связано с германскими слабыми глаголами без соединительной гласной.

⁴ Ср. уже Thurneysen и Weisgerber (1931a), S. 211; подробно обосновано в Meid (1989), S. 22ff.; Eska - Evans (1992), S. 37. В галльском этого не усматривает Lambert (1995).

⁵ Дальнейшее излагается по Russell (1995), S. 92ff., особенно 49ff., чье ясное изложение этих чрезвычайно сложных вопросов достойно удивления.

именуемые «превербами», являются проклитиками, что означает, что очень сильное динамическое словесное ударение падает на первый слог глагола — то есть на корень. Если мы выделим ударный слог жирным шрифтом, тогда это будет выглядеть как *ní-léici* или *do-léici*. Если перед составным глаголом имелась частица или преверб (то есть *†ní-do-léici*), это приводило к редукции самого глагольного корня: *ní-téici* «не бросает» (*léic-* > *-le-*). Поэтому в грамматике различаются «прототонические» формы, у которых ударение падает на первый слог составного глагола (то есть на префикс): (*-tei-le*), и «девротонические» с ударением на втором слоге (*do-léici*). Различие между абсолютной и конъюнктивной флексией наличествует у большинства категорий древнеирландского глагола (настоящее время, повелительное наклонение, будущее время, имперфект, кондиционалис, претерит индикатива, презенс конъюнктива и перфект), причем возникает чрезвычайно разнообразие форм. Кроме того, имеется особая пассивная форма для третьего лица, особая относительная (релятивная) глагольная форма для построения относительных предложений, причастие прошедшего времени и глагольная форма необходимости. Как и в латинском языке, имеются депонентные глаголы, то есть глаголы с пассивными формами (в том числе в 1 и 2 лице), но с активным значением. Времена глагола выражаются с помощью суффиксов или удвоения. Общей чертой кельтских языков является отсутствие инфинитива (неопределенной формы глагола), который заменило отглагольное существительное, которое ведет себя как обычное существительное. Отглагольные имена очень сильно отличаются от личных (финитных) форм глагола или вообще образуются от других корней. При отсутствии инфинитива словарной формой ирландских глаголов служит третье лицо единственного числа настоящего времени индикатива, как, например, *carid* «любит», причем значение зачастую неправильно передается как «любить», в то время как отглагольное существительное *serc* переводится как «любовь». В британских языках (например, в валлийском) обычно приводится отглагольное существительное (*caru* «любить», хотя на самом деле это не инфинитив, а существительное склонения на *u-*), в то время как личная глагольная форма *câr* звучит как «любит». Многие особенности ирландской глагольной флексии имеют

свои очевидные соответствия и в валлийском, однако от двух существовавших бок о бок глагольных флексий — «абсолютной» и «конъюнктивной» — остались лишь скудные следы, заметные только лингвистам. Но хотя сложная древнеирландская глагольная система с синхронической точки зрения говорящего или учащегося состоит из одних (кажущихся) исключений, в основе которых тем не менее лежат чрезвычайно сложные правила и фонетические законы, британский глагол, несмотря на то что в нем сохранились и древние категории, такие, как *z*-аорист, тем не менее отчетливо демонстрирует тенденцию к систематизации и обобщению. Однако в основе своей почти все категории древнеирландского должны были существовать некогда и в бриттском, то есть являться общими для островных кельтских языков. Есть намеки на то, что в то же время многое существовало уже и в континентальных кельтских языках, например, особая глагольная форма для относительных предложений засвидетельствована уже в галльском (*dugiointiio*, «которые почитают» или «которые применяют»).

Еще одно свидетельство сильного фонетического соединения слов в речи — это суффиговое личное местоимение к предлогам. Здесь бриттские языки пошли дальше, чем ирландский: здесь предлоги спрягаются по различным классам наподобие глаголов. Можно считать, что гойдельский и бриттский подверглись вторичному взаимному влиянию. Точно так же можно объяснить и наличие четвертой степени сравнения — экватива — для обозначения равной степени качества, который применялся одинаково по обеим сторонам Ирландского моря, но образовывался совершенно по-разному. То же самое можно сказать и об унаследованных категориях сравнения.

Однако самая захватывающая особенность кельтских языков — это их синтаксис, который, как правило, имеет порядок VSO (глагол-подлежащее-дополнение), у нас обычно употребляемый в вопросительном предложении. «Читает он книгу с удовольствием» — для нас (если не говорить о возможности условного предложения) было бы возможно только в вопросительном предложении; однако в островных кельтских языках это нормальный порядок слов для повествовательного предложения. Вопросительное предложение имеет тот же порядок слов,

однако в нем используется вопросительный преверб, который, как префикс, ставится перед глаголом и вызывает мутации. Подчиненные предложения — временные, причинные, противительные и т.п. — также выражаются с помощью (мутирующих) превербов, и именно поэтому в грамматиках островных кельтских языков синтаксис рассматривается отчасти в главе о глагоде, а отчасти — в главе о мутациях. Если по эмфатическим причинам на первое место нужно было ставить не глагол, а, например, подлежащее или наречие, то с помощью различных вводных частиц или превербов предложение переделывали так, чтобы глагол был как можно ближе к первому месту: «Он, который читает книгу с удовольствием», или же «Удовольствие (есть то), с чем он читает книгу»... С этим связано и разрастание, и огромное количество глагольных форм, производных от глагола «быть», соответственно тому, идет ли речь о вещах в определенном или неопределенном количестве, является ли высказывание положительным или отрицательным, вопросительным, утвердительным, выражает требование или же говорящий ссылается на кого-то. Важной особенностью кельтских языков является и то, что прилагательное следует после определяемого им существительного. Еще одной особенностью бриттских языков является то, что, несмотря на все обычные правила согласования, в предложении, где подлежащее является именем существительным или указательным местоимением, глагол всегда стоит в третьем лице единственного числа, даже если само подлежащее — во множественном числе.

Пока не были известны сколько-нибудь длинные древнекельтские тексты с континента, было неясно, имелись ли эти синтаксические особенности уже в континентальных кельтских языках или же они возникли впервые уже на Британских островах. Сегодня считается установленным, что в континентальных кельтских языках (галльском и кельтиберском) существовал древний унаследованный и.-е. порядок слов SOV (подлежащее — дополнение — глагол, например, *puer puellam amat* [мальчик девочку любит])¹ или SVO (подлежащее — глагол —

¹ О кельтиберском и галльском (Ларзак) см. Eska - Evans (1992), S. 33, 40; Schmidt (1991), S. 11f.; в депонтийском Eska - Evans (1992), S. 45; de Hoz (1992), S. 226ff.; обобщение: Lambert (1995), S. 68ff.

дополнение: *puer amat puellam* [мальчик любит девочку])¹, хотя известны и случаи, когда слово эмфатически ставилось в начало предложения или к глаголу суффижировалось местоимение в роли подлежащего². Как же тогда объяснить революционные новации в островных кельтских языках?

Еще до открытия новых континентальных кельтских текстов предполагали, что «экзотические» с индоевропейской точки зрения черты островных кельтских языков являются следствием влияния доиндоевропейского субстрата на Британских островах. В сравнении с древнеиндийским, греческим, латинским или германскими языками прежде всего синтаксис кажется настолько чужим, что невольно напрашивается мысль о таком субстрате. О следах какого же субстрата идет речь?

Поскольку о языке — и, конечно, о синтаксисе — пиктов мы практически ничего не знаем, то он как кандидат — хотя, конечно, наиболее вероятный — отпадает. Еще с работы Джона Морриса-Джонса «Доарийский синтаксис в островных кельтских языках» (*Pre-Aryan Syntax in Insular Celtic*, 1900) возникали мысли о связи с Северной Африкой. Согласно этой теории, жители Северной Африки еще в доисторическое время поселились на Британских островах. Когда туда прибыли кельты (или протокельты), они покорили первоначальное население, чей любопытный синтаксис (в качестве своеобразного реванша) сохранился в островных кельтских языках. Под впечатлением гипотезы о заселении Ирландии из иберийских областей долгое время на первом месте среди кандидатов на место субстрата числился предшественник баскского языка (прежде всего у

¹ Например, надпись из Верчелли: RIG II/1, S. 34ff. или же надпись из Огёна *lic-noscon textos.ieuru anvalonnacu canecosedlon* «Лики Контекст установил для святилища Анвалла canecosedlon». О построении предложения обобщающий очерк в Eska-Evans (1992), S. 40; 45 (о депонтийском), 49. В общем и целом: Lambert (1995), S. 68ff.

² Такое, по мнению многих индоевропеистов, было уже в праязыке у и.-е. глаголов на *-mi*. В галльском, а также в островных кельтских языках местоимения суффижируются к тематическим глаголам. Так, мы находим *delgu* «держу» (Банасак) параллельно с *pissiu-mi* «я увижу» (Шамальер) с вторичным суффижированным *-mi*; Lejeune — Marichal (1977), S. 176; Eska-Evans (1992), S. 40; Lambert (1995), S. 67f. Эффект сравним с нашим диалектальным *es kumt-s* «ihr kommt», где точно так же местоимение «ihr» (баварское *es*) плеонастически суффижируется к глаголу (буквальноно «ihr kommt-ih»).

Юлиуса Покорного). Ученик Покорного Генрих Вагнер¹, напротив, в большей степени подчеркивал связи с североафриканским регионом, особенно с хамито-семитскими языками, прежде всего с древнеегипетским; он видел идеи древних египтян и в сакральной королевской власти у древних ирландцев². Вагнер предполагал существование единого древнеевропейско-средиземноморского пространства, в котором действовали «экзотические» черты островных кельтских языков. После вторжения индоевропейцев эти черты языкового пространства сохранились только на его окраинах, на Британских островах, в Северной Африке и у басков.

Хотя ученые довольствовались лишь ответом по *liquet* или качали головой на все эти безумные «измышления»³ и широко идущие сравнения, в последнее время эти вопросы возникли в новом свете благодаря статистическому исследованию американца Оррина Генслера⁴. Он составил список из 20 характерных «экзотических» черт островных кельтских языков и сравнил их в большом исследовании с 91 языком со всех частей света — от абхазского до юрка. В результате при систематической проверке оказалось, что наибольшие совпадения также имеются с хамито-семитскими языками Северной Африки. При этом имеется в виду ареал средиземноморского побережья, который охватывает семитские (арабский, аккадский, древнееврейский и т.д.), хамитские (древнеегипетский) и берберские языки. Кроме того, оказалось, что эти «экзотические» признаки в валлийском проявляются ярче, чем в древнеирландском. Я процитирую некоторые примеры:

- вышеупомянутые «спрягаемые предлоги», как др.-ирл. *fri-t* «против тебя», имеются и в арабском (*min-ka* «от тебя»);
- порядок слов V-S-O; др.-ирл. *benaid CúChulainn omnae* «Рубит Кухулин дерево», как арабское *raʔa Zaydun baytan* «Увидел Зейд дом»;

¹ Wagner (1971a); Wagner (1982); ср. Tristram (1990), S. 29, где процитированное там высказывание Г. Вагнера, что гипотеза субстрата несовместима с младограмматическим языкознанием, преувеличено и отвергнуто. Ср., например, представления о субстрате у Jackson (1969b), S. 10 (мутации я стада, однако, не причислено).

² Wagner (1971b), S. 9f.

³ Сегодня к гипотезе субстрата относятся так скептически еще и потому, что выдвинутая Покорным и археологом Р. Питтеном иллариийская гипотеза была чересчур раскритикована.

⁴ Gensler (1995).

- постановка родительного падежа: валл. *tŷ Dafydd* «дом Давида», *tŷ y bachgen* «дом (с определенным артиклем) мальчика» как арабск. *baytu Zaydin* «дом Зейда», *baytu l-walad* «дом (с определенным артиклем) мальчика»;
- прилагательное стоит на втором месте: *tŷ mawr* «большой дом (= дом большой)», как арабск. *baytun kabīrun* «большой дом (=дом большой)»;
- эмфатическая постановка дополнения в начало: валл. *tŷ a welas Dafydd* «дом, который увидел Давид», как арабск. *baytun raʿa Zaydin* «Дом увидел Зейд» (однако в арабском нет относительной частицы, как ленирующее *a* в валлийском);
- относительная глагольная форма: др.-ирл. *fer benas dam* «человек, который убивает оленя»¹, как берберское *argaz (da) isRa-n lktab* «человек, который купил книгу». Здесь опять-таки можно указать уже на галльск. *dugiiontiio* в Алезии;
- отсутствие согласования в числе: валл. *daeth y dynion* «люди пришел» (множественное число *daethant* значило «они пришли») как арабск. *katabuṭ- uṭullāb* «пишет студенты» (*katabū* «они пишут»);
- предикативные частицы, которые, очевидно, являются локальными: валл. *y mae ef yn gyfaill* «он — товарищ» (буквально «есть он в товарище») как египетское *iw-f m smr* «он — товарищ».
- описательные формы с глаголом «делать»: валл. *mynet a oruc Padric* «Патрик ушел» (собственно: «уход (было то, что) сделал Патрик»), как египетское *irt-i šmtumuhntyt* «я делаю отъезд на юг»...

Очевидно, что здесь речь может идти и о случайности, однако в высшей степени маловероятно, что такие соответствия именно с хамито-семитскими языками возникли случайно. Можно было бы подумать, что все эти соответствия могут происходить из эпохи культуры мегалитов, которая была столь важна для Британских островов. Можно было бы вспомнить и о ранней торговле оловом, которая, возможно, помогла бы объяснить, почему такие «экзотические» особенности в британском

¹ [Здесь *dam* скорее значит олень, а не вол (Ochse)].

(валлийском) проявляются гораздо более отчетливо, чем в древнеирландском.

Но если уж говорить о британском, то следует припомнить, что в древнейшей древневаллийской героической поэзии, как в «Гододдине» Анейрина (около 600 до н.э.), автор зачастую грешит против синтаксических правил, таких, как последовательность VSO или «правило согласования» (глагол в единственном числе при подлежащем во множественном). Уже первый стих звучит так: *Gredyf gwr oed gwas* «Сильным мужем был (тот) отрок» с нетипичным порядком слов (*fortis vir erat puer*). «Правильнее» было бы: *(Yr) oed gwas (yn) wr credyf* «был отрок в муже силен». Все такие «ошибки» нельзя объяснить требованиями метрики и рифмы. Правильнее было бы считать такой синтаксис торжественным и архаичным, что, однако, подразумевает, что позднее не имевший исключений порядок VSO еще не полностью утвердился. Это отнюдь не удивительно, поскольку, скорее всего, прошло несколько столетий, пока столь глубоко идущие перемены в синтаксисе не одержали полную победу. Однако главной проблемой мне кажется тот факт, что на Британских островах имеется сравнительно немного названий мест и рек, которым можно было бы приписать доиндоевропейское происхождение. Разве не следовало бы ожидать, что вытесненные на окраины или покоренные народы, которые «передали» или «навязали» островным кельтам свой синтаксис, должны были оставить какие-то следы и в гидро- и в топонимике? Да и большой, этимологически еще не полностью проработанный словарный запас кельтских языков не находит в семито-хамитском никаких привязок. Однако можно было бы думать, что в этой области еще возможно что-то найти, поскольку валлийские слова далеко не полностью этимологизированы. Тем не менее в первую очередь следовало бы ожидать найти языковые реликты хамито-семитско-средиземноморского населения в ономастике. Так что вопрос о происхождении «экзотических» черт островных кельтских языков, несмотря на все эти — для меня убедительные! — параллели, которые проработал Генслер, остается, в общем-то, открытым. Решения следует ожидать не столько от соответствующих этимологических находок, сколько от модели, которая могла бы объяснить эту диковину: почему же можно обнаружить только правила, но не материал, который этим правилам должен был подчиняться.

СОБЫТИЙНАЯ ИСТОРИЯ

Распространение кельтов на юг и юго-восток

Pellynyg e glot pellws e galch
Летит его слава, сверкает щит

(*Gododdin LXXXIX, 1123*)

Наступая на юг и юго-восток, кельты наконец выходят из тени и оказываются в поле зрения историков¹. Из того факта, что это «переселение народов» не нашло четкого отражения в двух уже упоминавшихся пассажах из Геродота (ок. 440)², и, с другой стороны, кельты в 390-м или 387/86 годах³ находились уже около города Клузия в Этрурии и поплыли оттуда на Рим, многие специалисты делают вывод (хотя и не вполне однозначный), что это переселение в направлении северной Италии состоялось уже после Геродота, где-то в 400 г. до н.э. Полагаю, мы должны исходить из того, что в обоих пассажах Геродота речь идет не об одних и тех же «кельтах»: он черпал свою информацию из двух разных источников, в основе которых, однако, уже лежала информация о расселении кельтов и которые были переработаны и объединены, хотя следы этой переработки все же остались. Такое широкое расселение должно было восходить к процессам, начавшимся уже в эпоху гальштата.

¹ Охватить всю литературу о расселении кельтов одному человеку уже практически не под силу. В качестве введения в старую литературу я порекомендую Hubert (1950a), p. 311ff. Но здесь я также стараюсь, согласно тому, что я уже говорил выше, опираться в своем рассказе в первую очередь на первоисточники.

² Геродот, II, 33 (с древним дополнением) и IV, 49; возможно, древний отголосок этого виден в малопонятном пассаже у Плутарха (Камилл, 15), который говорит, что кельты зашли за Рифейские горы (о них см. Pauly IV, Sp. 1417ff., s.v. *Rhipaia orē*) на северном Океане (Атлантике).

³ Согласно Ливию, осада Клузия и захват Рима пришлось на 390 год, согласно Полибию — на 387/86. Историки нового времени иногда следуют римскому, иногда — греческому историку, в целом, однако, склоняясь к датировке, предложенной Полибием. В таком случае, Рим был взят в июле 387 года и занят кельтами вплоть до весны 386-го; Tomaschitz (1994), S. 77. В отличие от других историков Д. Витали в *The Celts* (1991), S. 221, полагает, что осада города началась только в июле 386 года.

Исходной точкой для обсуждения исторической экспансии кельтов на юг в любом случае должен быть Ливий (V, 34), который рассказывает¹: «О приходе галлов в Италию мы узнали следующее. Когда в Риме царствовал Тарквиний Древний, из тех самых кельтов, которые составляют треть [населения] Галлии, высшая власть принадлежала битуригам, которые давали царя всему кельтскому миру (*Celticum*). Амбикат², наделенный доблестью и удачей как в личной, так и общественной жизни, был тем самым, в чье правление Галлия была настолько плодородна плодами и людьми, что, казалось, едва ли возможно царствовать над таким изобильным богатством. Он, будучи сам многодетным и желая освободить царство от отягощавшей его толпы, заявил, что желает послать Белловеза и Сеговеза, предприимчивых сыновей своей сестры, дабы они поселились там, где укажут им боги с помощью авгуровских гаданий, и пусть они выйдут с таким количеством людей, с которым желают, и ни один род не должен мешать тем, кто пожелал бы сопровождать их. Тогда Сеговез по жребию получил Герцинский лес³, а

¹ *De transitu in Italiam Gallorum haec accepimus: Prisco Tarquinio Romae regnante, Celtarum quae pars Galliae tertia est penes Bituriges summa imperii fuit; ii regem Celtico dabant. Ambicatus is fuit, uirtute fortunaque cum sua, tum publica praepollens, quod in imperio eius Gallia adeo frugum hominumque fertilis fuit ut abundans multitudo uix regi uideretur posse. Hic magno natu ipse iam exonerare praegravante turba regnum cupiens, Bellouesum ac Segouesum sororis filios impigros iuuenes missurum se esse in quas di dedissent auguriis sedes ostendit; quantum ipsi uellent numerum hominum excirent ne qua gens arcere aduenientes posset. Tum Segoueso sortibus dati Hercynei saltus; Beloueso haud paulo laetiores in Italiam uiam di dabant. Is quod eius ex populis abundabat, Bituriges, Aruernos, Senones, Haeduos, Ambarros, Carnutes, Aulercus exciuit. Praefectus ingentibus peditum equitumque copiis in Tricastinos uenit.*

² Согласно поправке Стоукеа; в рукописях стоит *Ambigatus*. Второй элемент, очевидно, идентичен с древнеирландским *cath* «битва» и отвечает германскому элементу в именах **habu-*, ags. *headu-*, as. *hathu-*, ahd. *hathu-*, *hadu-* usw., а также древнескандинавское имя божества GN No194d193f; AEW 278f. В целом имя «Амбикат», которое приблизительно означает «вокруг битвы», имеет точное этимологическое соответствие в древнеирландском имени *Imchath*.

³ Лежавший к северу от Дуная Герцинский лес простирался от истоков Дуная до самых Карпат. Кельтское название этого древнего леса родственно индоевропейскому названию «дуба». Судя по всему, впервые оно зафиксировано в *Geographica* Эратосфена из Кирены (275–195), позднее встречается у Посидония из Апамеи (ок. 135–51/50). Цезарь смог рассказать нам о чудесах Герцинского леса (VI, 24, 26 сл.). О проблеме подлинности этого места в данном контексте ср. Beckmann (1930), S. 169ff.

Белловезу боги даровали гораздо более радостный путь — в Италию. Он позвал с собой лишних людей из племен битуритов, арвернов, сенонов, эдуев, амбарров, карнутов и авлерков. Выйдя с огромным множеством пеших и конных войск, он пришел в землю трикастинов»¹.

Здесь обращает на себя внимание прежде всего понятие «кельтского мира», «Кельтики» (*Celticum*), которое отвечает греческому представлению о Κελτική. Переселение обоих племянников Амбиката — Белловеза и Сеговеза — приводит к распространению кельтской территории на Герцинский лес и Италию. В более позднее время мы обнаруживаем одинаковые названия племен в совершенно различных местах Кельтики — результат таких переселений. Так, вольки-тектосаги, согласно Цезарю (VI, 24), жили в Герцинском лесу, но, с другой стороны, они же обитали и к северу от Пириней, между Тулузой и Нарбонной, а вольки-арекомики — к северу от Нарбонны. Тектосаги как ветвь вольков возникают также в Паннонии: их имя отразилось в названии «Болото вольков» у слияния Дравы и Дуная (Aug. Vict. 41,5; Cass. Dio LV, 32); вольки стали и одним из основных племен Галатии. Они, как говорит само их имя, постоянно находились в поисках своего «владения» (*Tecto-sag-*; *sag-* к латинскому *sagio* «преследовать»², немецкому *suchen*; *tecto* к ирландскому *techt*). Название «битуриги» сохранилось, с одной стороны, в имени Берри (*Bituriges Cubi* с их столицей Авариком, теперь Бурж)³, с другой стороны — в Бордо (*Bituriges Vivisci* с их столицей Бурдигалой, ныне Бордо). Само собой, такое слово могло образоваться и независимо, просто по его значению («царь мира») в нескольких местах⁴; однако битуриги, которыми правил Амбикат, возможно, обязаны красивым названием своему главенствующему положению в кельтском мире.

Когда Ливий говорит о переселении кельтов в царствование

¹ Возможно, с этим связано старое название прихода — Трикастен (департамент Дром, близ Сен-Поль-Труа-Шато: AcS II, 1948f.).

² [Родственно древнеирландскому *saigid* — «искать, преследовать, достигать», английскому *seek*].

³ Согласно Цезарю (VII, 5), эти битуриги стали клиентами арвернов. В Бурже было обнаружено значительное количество импортных итальянско-этрускских изделий, см. Gran-Aymerich (1992), S. 341ff.

⁴ Сравни семантически близко связанные именные образования «Альбиориг» (*Albiorix*) и «Думнориг» (*Dumnorix*): Meid (1991), 47ff.

Тарквиния Древнего, который, вероятно, правил в 534–508 годах¹, то у него, возможно, показана фаза кельтского движения, приведенная к расселению, отраженному в сочинении Геродота. Можно вспомнить и о Гекатее Милетском (около 500 г. до н.э.), который в своем описании мира, судя по всему, уже знает о кельтах в окрестностях Марсея (FGrHist Nr. 55), хотя это упоминание сохранилось только в ученой глоссе Стафана Византийского (VI век н.э.), и поэтому оно представляется не вполне ясным. Мы уже говорили о том, что «Описание морского берега» (*Ora maritima*) Авiena и Гимилькона не основано на точных данных.

Далее Ливий говорит, что отряды Белловеза сначала пребывали в области трикастинов (департаменты Ардеш и Дром), не осмеливаясь перебраться через Альпы. Здесь они узнали о прибытии фокейских греков, которые искали землю для поселения, но были атакованы лигурийским племенем салиев. «Это были те самые массалиоты... Галлы, сочтя это за предзнаменование своего собственного счастья, помогли им, чтобы они укрепили то место, где впервые высадились, что салиям пришлось стерпеть»².

Получается, что кельты, покинувшие свою родину при Тарквинии Древнем уже в 600 году н.э., принимали участие в основании Марсея! Эти противоречия можно устранить только в том случае, если мы примем, что переселение кельтов осуществлялось в несколько фаз, а Ливий, следуя устной традиции, объединяет их в одну. В противном случае следует считать, что основание фокейской колонии произошло позднее. Вероятная дата для этого события — 540 год³. Общеизвестные хорошие отношения кельтов и массалиотов запечатлелись в традиции, согласно которой галлы якобы поддержали фокейцев. Об этом раннем продвижении кельтов через долину Роны

¹ Так G. A. Mansueti, в: *The Celts* (1991), S. 5; иначе Dobesch (1992), S. 166.

² Ливий, S. 422 (V, 34). Ср. более точный рассказ Трога (эпитома Юстина, XLIII, 3, 5ff.), который, кроме того, также приписывает грекам шведение более культурного образа жизни у галлов: *Ab his igitur Galli et usum vitae cultioris deposita ac mansuefacta barbaria et agrorum cultus et urbes moenibus cingere didicerunt. Tunc et fegibus, non armis vivere, tunc et vitem putare, tunc olivam serere consuerunt, adeoque magnus et hominibus et rebus inpositus est nitor, ut non Graecia in Galliam emigrasse, sed Gallia in Graeciam translata videretur* (ibid., 4, 1f.)

³ К этому: Dirkzwager (1975), S. 41f. и Nash (1985), S. 61.

упоминается у Гекатея, который, как мы говорили, знает о кельтах близ Марселя уже в 500 году¹. Связь переселенцев с родными местами не прерывалась. У Геродота возникло представление о наличии некоего кельтского континуума — от устья Роны до области истоков Дуная. Поэтому и Плутарх (Самилл. 15) мог сказать (очевидно, имея перед глазами Геродота), что часть кельтских переселенцев дошла до «северного океана» (кельтское переселение на запад до Ла-Манша), а другая часть оказалась на западе — на западе по отношению к древней прародине, которая, как считал Плутарх вслед за Геродотом, находилась у истоков Дуная. Эта западная часть якобы поселилась между Пиринеями и Альпами (еще до похода на Италию). Основанные около 550 года поселения в Сален-ле-Бэн в Юре и Шатийон-сюр-Глан у слияния Сааны и Глана близ Фрибура², возможно, связаны именно с этими «первыми ласточками» кельтского переселения на юг.

Таким образом, Ливий говорит об гальштатской экспансии в VI веке, авангард которой достиг западной части Верхней Италии. Направляясь на юг, к западным предгорьям Альп, переселенцы в конце концов оказались в области, где позднее была построена Массалия (Марсель), где они (как мы уже говорили) оказали помощь бежавшим из Фокеи грекам во время захвата территории против уже обитавших там сал(л)ювиев (или салиев) — что кажется анахронизмом. Однако позднее кельты, должно быть, сравнительно хорошо ладили с ними, поскольку с какого-то времени их стали называть уже не «лигурами», а «кельтолигурами» (Страбон, IV, 6, 3). Одним из центров кельтолигуров был Рокепертюз близ Вело (департамент Буш-дю-Рон), который, судя по всему, был обязан своим расцветом культурному «обратному течению» из верхнеиталийского кельтско-этрuscoго культурного пространства³. Насколько далеко простиралась область поселения кельтолигуров на восток, неизвестно. Однако было бы очень соблазнительно связать весьма архаичные «стелы воинов» из Циньяго и Филетто в предгорьях в юго-востоку от Ла Специя с их, возможно, кельтскими надписями этрусским алфавитом с

¹ Ср. также Dobesch (1989b), S. 35ff.; Dobesch (1992), S. 161ff.; Dobesch (1993a), S. 22.

² L. Pauli, в: *The Celts* (1991), S. 217f. [Фрибур — город и кантон в Швейцарии].

³ Lescuré (1995), S. 81.

этим этническим проникновением¹. Через альпийские перевалы в окрестностях Турина, возможно Монженевр, на высоте 1854 километра, через который впоследствии в 77 году до н.э. Помпей, видимо, проложил военную дорогу, отряды кельтов достигли долины реки По. Здесь вблизи Тичино они сразились с этрусками². Однако, на самом деле конфликт кельтов с этрусскими городами разворачивался на протяжении длительного времени и их отношения не всегда были только враждебными³.

Однако позднее Ливий указывает еще и на более древний слой, который, как можно предположить на основании следующей части рассказа о переселении кельтов, существовал в области культуры Голасекки (IX–IV вв. до н.э.) вокруг Лаго-Маджоре и озера Комо⁴ и «инсубризировал» местную культуру — очевидно, еще до кельтского переселения из земли эдуев. Ливий рассказывает: «Услышав, что область, где они обосновались, именуется полем инсубров, носивших одно имя с инсубрами — общиной среди эдуев, они основали здесь, следуя предзнаменованию, которое (дало им название) места, город и назвали его Медиолан (Liv. V, 34). Это древнее имя Милана, как и название ирландской провинции Миде (*Mide*, современный Мит), указывает на религиозную символику середины⁵. Тождественным с «инсубризацией» (или, по крайней мере, более-менее современным ей) процессом было появление лепонтийцев в Валь-Левентина, кантон Тессин⁶. Сохранившиеся фрагменты их языка сегодня в основном также считаются кельтскими, хотя этот язык, как показывает часто встречающееся

¹ Lejeune (1971), S. 133ff. и Pl. XIV–XIX. Сам Лежен считал изображения лингурийскими и датировал их самое позднее VI столетием до н.э., в то время как Юбер и Вандриес считали их кельтскими (особенно S. 142ff.); ср. теперь также Dobesch (1992), S. 169f.

² Датировка проблематична; Dobesch (1992), S. 167.

³ Dobesch (1992), S. 166ff.

⁴ RIG II/1, S. 3: D. Vitali, в: *The Celts* (1991), S. 223. Виталии, судя по всему, полагает, что культура Голасекки с самого начала была инсубрийской. Откуда же тогда это совпадение имени с именем инсубров, которые обитали в одном из нагов области эдуев? Об этом см. также Tomaschitz (1994), S. 41f. Ср. об этом еще у Fischer (1972), S. 122ff. и Pauli (1992).

⁵ Позднеантичная этимология объясняла это название или как «пол-овцы» или «перестистая полудювня» (*wolliges Halb-Schwein*); s. Pascal (1964), S. 115, Ann. 3.

⁶ Ср. Dobesch (1992), S. 170 и примечание 30.

слово *pala* «камень» (по крайней мере, одно слово с *p-*!), сохранил и не-кельтские слова¹. Может быть, они принимали участие в более раннем переселении инсубров или, напротив, как дает нам понять Страбон (IV, 6, 8), вместе с камуннами в Валь-Камонике принадлежали к альпийскому ретскому субстрату; ср. лигуров-салассиев в долине Аосты и «кельтолигуров», которых кельтизировали проходившие (и остававшиеся там) кельты? Я считаю, что вопрос о датировке этих событий остается открытым. Возможно, они были современны горизонту упоминавшихся уже стел воинов из Циньяго и Филетто.

Остановимся на мгновение. Обсуждая вопрос о датировке, мы не должны забывать, что сказание о переселении кельтов содержит весьма интересные, архаичные элементы, пришедшие из устной традиции, — например, сакральную власть Амбиката, наследование по материнской линии, и напоминающую *ver sacrum* высылку молодежи. Это сравнение сделал уже и Помпей Трог, историк кельтского происхождения, который исчислил количество высланных в 300 000 человек (Юстин. Эпитома Помпея Трога, XXIV, 4, 1)².

Чем же было вызвано это переселение? Считалось, что основной причиной миграции стала социальная нестабильность в конце гальштатского и начале латенского времени с его ярко выраженной аристократической культурой, которую большая часть населения не могла разделить. Это нашло свое выражение только в смутном представлении о «перенаселенности». Народ стал неуправляемым отнюдь не — или не только из-за перенаселения, но и из-за становившейся все более и более очевидной социальной напряженности, которая при значительном количестве населения, естественно, должна была особенно ярко проявляться в неурожайные годы. На это отчетливо указывает Помпей Трог, когда он говорит о «внутренних несогласиях и постоянных раздорах на родине» как о причине переселения³.

¹ S. Lejeune (1971), особенно S. 116ff.

² Ср. Grilli (1980); G. A. Mansuelli, в: *The Celts* (1991), S. 8.

³ *His autem Gallis causa in Italiam veniendi sedesque novas quaerendi intestina discordia et adsiduae domi dissensiones fuere* (bei Just. XX, 5, 7f.) [Причиной же их прихода в Италию и поиска новых мест для поселения стали внутренние несогласия и постоянные раздоры на родине]. Подобная же причина, согласно Ливию (XXXIX, 54), лежала в основе попытки переселения кельтов в 186 году до н.э.; Dobesch (1993a), S. 24ff. Относительно мотива «переселение из-за беспорядков на родине» см. Pauli (1985), особенно, S. 31ff., где подчеркиваются интересные новые аспекты.

Курт Томашиц предложил три модели массовых миграций:

1) Племя переселяется по решению народного собрания (именно такой случай повлек за собой, как мы знаем, Галльскую войну);

2) Отселение какой-то части племени: это может быть или территориальный округ (община), или возрастная группа;

3) Переселение, осуществляемое группой дружинников, при котором в роли интегрирующего фактора выступает личность лидера (особенно если в переселении участвуют члены нескольких этнических групп)¹.

Таким образом, переселение племянников Амбиката четко согласуется с номером 2 и 3 по этой схеме.

В то же время в рассказе Ливия мы ясно видим всю колдовскую привлекательность, которой обладали для кельтов южные страны. Можно сравнить это с тем очарованием, которое сейчас имеют для жителей северо-запада страны на юго-востоке. Это очарование юга иллюстрирует одна анекдотическая история у Плиния (заимствованная из Варрона, NH, XII, 2). Согласно этому рассказу, один гельветский ремесленник по имени Эликон², проживавший из-за своего мастерства в Риме в качестве «гастарбайтера», привез к себе на родину, за Альпы сушеную фиговую виноградину, вино и оливковое масло как доказательство плодородности земель по ту сторону Альп и тем самым спровоцировал свое племя на вооруженное переселение.

¹ Tomaschitz (2002), S. 12ff.

² *Helico ex Helvetiis civis earum fabrilem ob artem Romae commoratus* [Эликон, член племени гельветов, пребывавший в Риме из-за своего кузнечного искусства]. Из этого места не совсем ясно, работал ли Эликон в Риме как представитель некоей латинской мастерской (может быть, открыл филиал?) или же он прибыл в Рим, чтобы познакомиться с новыми технологиями. В любом случае это место даёт интересный пример культурной миграции в древности! Об этом см. Dobesch (1992), S. 175ff.; в последнее время Tomaschitz (2002), S. 69ff. В изданиях имя ремесленника фигурирует с неорганическим *H-*, которое появляется и в надписях (AcS 1, Sp. 1414). Правильная форма отражена в CIL III 7890 und VIII 16329. И в самом названии гельветов, которое связано с названием эльвийев (*Elvii*), также первоначально не было никакого начального *H-*. Оно возникло (как и у *Helico* и в названии *Haedui*) в латинской письменной традиции, где оно, возможно, ассоциировалось с плебейским родом Гельвийев (*Helvius*). Я не мог решиться на то, чтобы называть в этой книге везде гельветов «эльветами» и сохранять неправильную форму, поскольку она остаётся более знакомой.

В наше время возникло и другое предположение: возможно, тогдашние политические соперники римлян в средиземноморском пространстве (прежде всего сицилийские греки) поощряли переселение кельтов по политическим соображениям¹.

Лавина переселенцев из плодородных долин Берри² отправилась в путь под предводительством Белловеза, увлекая за собой женщин, детей (Плутарх, Камилл, 15) и, разумеется, клиентов и рабов. На исходное место выселения не в последнюю очередь указывают и названия племен, перечисленные Ливием. Все они и в позднейшее время все еще были соседями. Как мы видим, согласно Ливию, кельты Белловеза, сделав несколько остановок, пошли вперед и в верхней Италии встретились с уже пришедшими туда ранее кельтами. В дальнейшем Ливий предполагает наличие еще трех переселений (*Liv. V, 35*): прежде всего — миграция кеноманов под предводительством Элитовния, которые обосновались в области к югу от Бриксии (Брешиа) и Вероны до самого По, где археологи четко выделяют их латенскую культуру: она резко отличается от культуры местного населения³. Следующие волны переселения прямым путем перевели через Альпы бойев и лингонов.

Мы видели, что галлы попали в Верхнюю Италию через Турин.

¹ Так V. Kruta, в: *The Celts* (1991), S. 195.

² ... *in finibus Biturigum atque agri fertilissima regione...* (Caes. VII, 13).

³ Об этом говорят раскопки в Брешии, которые подтвердили правдивость сведений Ливия о времени основания города. На кладбище в Карцагетто близ Мантуи в погребениях мужчин были обнаружены мечи, ножны, конья и латенские пояса, в погребениях женщин — прежде всего характерные бронзовые торквесы, но также и серебряные браслеты и кольца, причем серебро предпочтительно носили на правой руке, а предметы из других металлов — на левой. Особенно важной, однако, представляется бронзовая пластинка с растительными мотивами из Кастильоне-делле-Стинвере, которая могла быть или частью сосуда или накладкой боевого рога; D. Vitali, в: *The Celts* (1991), S. 224. В функциональном отношении пластинку из Кастильоне, возможно, можно сравнить с бронзовыми украшениями, обнаруженными в 1910 году близ Комаччо, которые, к сожалению, были утрачены во время Второй мировой войны. Видимо, они были единственным археологическим свидетельством присутствия лингонов в окрестностях Стинны, которую, по свидетельству историков, они разрушили; D. Vitali, в: *The Celts* (1991), S. 233f. В. Крута: *The Celts* (1991), S. 202, называет те 30 бронзовых пластинок из Комаччо «самым замечательным произведением кельтского искусства из найденных до сих пор на итальянской земле». Об археологических аспектах расселения кельтов в Италии в целом см. Крута (1986), S. 40ff.

Более короткий, но и более утомительный путь идет прямо с севера на юг — через Большой Сен-Бернар (2 469 м), перевал Юлия (2 287 м) или Бреннер (1 370 м)¹. Возможно, именно следуя этим путем, инсубры завоевали себе землю еще до Беллоэза и его кельтов. На основании погребального инвентаря иногда считают, что и бойи из Богемии принимали участие в этом итальянском походе². В этом случае они должны были попасть в Италию через Зальцбург и Дюрнберг близ Халлияна, затем через Радштетский Тауэрн (1 738 м.) и Виллах через Каналталь в Италию³.

Сегодня, в эпоху автомобильного сообщения, когда через Альпы протянулась целая сеть надежных автодорог, построенных местными властями, мы уже совершенно не можем представить себе, с какими несказанными трудами и опасностями был связан переход через Альпы. Самое лучшее описание трудностей и опасностей такого перехода можно найти у Полибия, когда он рассказывает о том, как через Альпы осенью 218 года прошел Ганнибал (III, 50 сл.). Даже если забыть об опасном ландшафте и неустойчивой погоде, оставалась еще одна проблема — враждебность местных племен, через общинные земли которых проходила дорога. Так что отправившись в путь от Женевского озера, путники должны были пересечь области вантуатов, верагров, катуригов и цевтронов⁴. Из-за трудного рельефа колесницы взять с собой было практически нельзя, а лошадей и повозок — лишь немного (если вообще возможно). На южном склоне Альп переселенцев (число которых, возможно, уже

¹ Среди специалистов нет единства относительно того, какие именно перевалы использовали кельты при переселении. Сам Страбон, который в своей главе об Альпах допустил особенно много ошибок, судя по всему, имел весьма слабое представление о самих перевалах и их расположении (Strabon IV, 6, 5–12, особенно 9 и 12). Он различает путь через область лингуров, потом через окрестности Туринна, а также два перехода через земли разбойников-салаэсов, оба тяжелые и опасные, один из которых совершенно не подходит для повозок, и один перевал через область ретов (возможно, Бреннер). О перевалах, находившихся далее к востоку, Страбон, судя по всему, не знал! См. об этом Tomaschitz (2002), S. 41ff.

² V. Kitta, в: The Celts (1991), S. 196.

³ Об этом пути см. в L. Pauli, в: The Celts (1991), S. 216, 218. Dobesch (1993a), S. 64ff., считает, что Каналталь был путем переселения галлов в 186 году до н.э.

⁴ Только на этом пути можно было кое-как использовать повозки, и то не везде (Strabon IV, 6, 11).

уменьшилось) встретило лигурийское (?) племя салассиев, о разбойничьих походах которых подробно рассказывает Страбон (IV, 6, 7).

Перевал Сен-Готард (2 108 м) играл лишь незначительную роль. Но хотя из-за трудности перехода через заваленное пластами льда ущелье трудно было бы рассчитывать на то, что в древности путешественники добирались до него, как нарочно 20 августа 1962 года в Эрстфельде (кантон Ури) был обнаружен самый значительный в Швейцарии клад золотых изделий латенского времени. Его датировка — «около 300» или «около 350 года до н.э.» — хорошо согласуется с поздним отрезком периода кельтского переселения. Сейчас считается, что все эти предметы — торквесы и браслеты, столь впечатляющим образом спрятанные (и обнаруженные), представляют собой votivный дар небольшой группы людей (может быть, одного клана), долженствовавший умилостивить альпийское божество¹. Из божеств альпийских гор уже в римское время мы знаем прежде всего Марса Карра, а также (здесь смысл прозвища кажется более ясным) Аполлона Альпина (*Apollo Alpinus*), святилище которого находилось на одном из самых высоких альпийских перевалов². Большой Сен-Бернар, на котором почитался (Liv. XXI, 38) горный бог Пенин (*Poeninus*), еще в IX веке назывался *mons Iovis* (гора Юпитера), а Малый Сен-Бернар — *columna Iovis* (колонна Юпитера)³. Однако сокровище вполне могло быть спрятано в середине III века гезатами, маленький отряд которых проходил здесь, через этот тяжелый перевал, на юг.

Поскольку транспаданская область уже была заселена галлами, то новоприбывшие пересекли По и поселились в области этрусков и умбров на циспаданской земле к северу от Апеннин. Область расселения бойев простиралась на западе до Мутины (Модены) и Пармы, на юге до Утента (Ронко, Узо или

¹ L. Pauli, в: *The Celts* (1991), S. 218; A. Furger, в: *Helvetier* (1991), S. 17 [там датировка «около 300» и крайне смелая попытка интерпретации находки с религиозно-исторической точки зрения. — Г.Б.]; E. Muller, *ibid.* S. 82 и 124. См. иллюстрации в Megaw — Megaw (1989), Pl. IX.

² P. Papinius Statius *Silvae* I 4, 58ff. = Zwicker (1934), S. 59 и особенно подробно у Руфина (345-410), который рассказывает, что святой Григорий одним своим присутствием на перевале сумел изгнать Аполлона из его святилища. Это прелание знакомит нас со жрецами бога-оракула Альпийских гор; Zwicker (1934), S. 113f.

³ *AcS* II, Sp. 92.

Монтоне), на севере — до По, граница на востоке с областью лингонов на юге области устья По. Земля бойев разделялась на 112 *трибу* (*tribus*, NH, III, 116). Видимо, это были небольшие административные единицы, наподобие валлийских *кантрефов*.

Хотя в политическом смысле этрусски и лишились власти, это отнюдь не означает, что этрусский элемент вообще исчез¹. Напротив, археологические источники показывают, что речь идет фактически о культурном симбиозе, в котором принимающей стороной могли быть только бойи. Так, богатые бойские гробницы Болоньи дали множество предметов, вышедших из местных мастерских, как, например, золотые венцы, сосуды для питья, ваза с этрусской надписью, игральные кости, которые нельзя объяснить только как добычу; они, скорее, являются свидетельством мирного сосуществования. На так называемой «ситуле Арноальди» показаны кельтские и этрусские воины в составе одного и того же войска². В то же время сохранялись и исконные, латенские элементы: одним из важнейших элементов археологической культуры бойев являются в том числе и латенские фибулы из Марзаботто (в долине Рено к югу от Болоньи). При обнаружении этого места в 1871 году находку сначала объяснили как цизальпийское соответствие трансальпийской латенской культуре³.

Определенная аккультурация произошла и с лигурами. Находки из гробниц Амелии в Лигурии показывают бойский погребальный инвентарь в лигурийских деревянных гробах⁴. С другой стороны, и связь с заальпийской родиной была не совсем потеряна: на Монте-Бибеле (в долине Идиче на северном отроге Апеннин) мы обнаруживаем еще один пример этрусско-бойского культурного симбиоза, который длился, возможно, более 100 лет (примерно с 350 по 250 год до н.э.). Здесь обнаруживаются типологические изменения в формах оружия, ножен, поясов и фибул, имеющие свои соответствия также и к северу от Альп, куда они пришли (как заставляют предполагать находки в Этцтале) посредством торговли⁵.

¹ Vgl. Dobesch (1992), S. 174f.

² Hatt (1970a), S. 101.

³ Kruta (1986), S. 33.

⁴ D. Vitali, in: *The Celts* (1991), S. 225ff.

⁵ D. Vitali, in: *The Celts* (1991), S. 233f.; ders., *ibid.* S. 288f.

Последними¹, согласно Ливию, пришли сеноны, которые захватили землю между Утенгом (см. выше) и Эзисом (Эзино). Со временем по ним всю область начали называть «Галльским полем» (*ager Gallicus*). Именно они вместе с бойями и сенонами² разрушили богатый (*opulentia praecipuum*) этрусский (?) город Мельп (в верхней Италии, местоположение неизвестно; см. NH, III, 125).

Согласно Ливию, именно они, сеноны, осаждали Клузий и взяли Рим. Известны они и археологически благодаря ярким находкам, в частности, оформленным в вальдальгеймском стиле ножнам меча в долине воина в Москано-ди-Фабиано в верхней части долины Эзипо³, находкам из Санта-Паолина-ди-Филоттрано в долине Музона (о которых еще пойдет речь далее) и многочисленному латенскому оружию из Монтефортино-д'Арчевиа. Как боии образовали некий «цивилизационный симбиоз» с этрусками, так и сеноны — с греками, которые господствовали над побережьем Адриатики. По представлениям археологов, сеноны были самодостаточным, воинственным и, прежде всего, богатым народом. Они даже выпускали свои собственные монеты. Основой для этих денег послужил асс, причем гораздо более тяжелый, чем тот, что лежал в основе римской монетной системы. И, в отличие от римских денег, градация стоимости основывалась на десятичной системе. На аверсе чеканки изображались существа и предметы, связанные с морем (дельфины, трезубцы, кили кораблей, раковины), на реверсе — вполне узнаваемая (по прическе и торквесу) кельтская голова⁴. Впрочем, зажиточная жизнь сенонов продолжалась и после потери ими независимости⁵.

¹ Это оспаривает Д. Витали, опираясь на неубедительные, с моей точки зрения, археологические доводы, в: *The Celts* (1991), S. 234.

² Так у автора: *Als letzte erschienen laut Livius die Senonen... Sie waren es, die zusammen mit Boiern und Senonen...* Возможно, автор ошибается, написав «сеноны» вместо «инсубры». У Плиния (см. ниже) сказано буквально следующее: *item Melpum opulentia praecipuum, quod ab Insubribus et Bois et Senonibus deletum eo die, quo Camillus Veios cepit, Nepos Cornelius tradidit*, то есть: «А также выдающийся своим богатством Мельп, который, как передает Корнелий Непот, был разрушен инсубрами, бойями и сенонами в тот же день, когда Камилл взял Вейи»].

³ Об этом см. M. Landolfi, в: *The Celts* (1991), S. 287.

⁴ Silvana Balbi de Caro, в: *The Celts* (1991), S. 290f.

⁵ D. Vitali, в: *The Celts* (1991), S. 228f.

В общем и целом, можно также сказать, что По был границей между инсубрами и ценоманами (на севере) и бойями, лингопами и сенонами (на юге) — ср. Полибий, II, 17¹. Место в устье По, где река разделялась на рукава, вызвало к жизни кельтское название «Тригабалы» (*Trigabaloi* — видимо, «тройная развилка»; Полибий, II, 16).

У цизальпийских галлов мы также наблюдаем одноименность, которая ясно указывает на древнее племенное единство: *ценоманы*, возможно, происходили из области Ле-Мана (департамент Сарта), где, как говорит Цезарь (VII, 75), они обитали бок о бок с авлерками. Мы знаем о том, что *бойи* жили также в южной Германии (Caes. I, 5) и *Богемии*, родина *лингонов* находилась в районе *Лангра* (департамент Верхняя Марна), а *сеноны* пришли из департаментов Сена-и-Марпа, Луаре и Йонна, где *Сан-сюр-Йонн* (*Sens-sur-Yonne*) до сих пор носит их имя. *Катуриги* были ответвлением *инсубров* в Верхней Италии (NH, III, 125), однако пришли они также из области Сены и Роны².

Обратимся снова к хронологии³. В отличие от Ливия, абсолютное большинство античных авторов знает только одно переселение, один непрерывный «итальянский поход», когда кельты перешли через Альпы и приступили непосредственно к завоеванию Рима (387)⁴. Если кельты под предводительством Белловеза переселились не так рано, то где же они, в таком случае, бродили все эти сто пятьдесят—двести лет между Тарквипием Гордым (и, соответственно, основанием Массалии) и

¹ Pol. II, 15, упоминает в долине По также таврисков, не указывая, однако, на какой стороне реки они поселились. В общем тавриски известны нам как балканско-кельтское племя на западе от скордисков. Спорным является вопрос, связано ли это, возможно не кельтское, имя племени с названием гор Тауэрн; ввиду редкости суффикса *-(i)sko-* в кельтском языке (VKG II, S. 19, § 365) это имя может означать или «относящиеся к Тауэрну» или «бычий». Точно так же неясное имя «скордиски», которое фигурирует и с суффиксом *-st-*, здесь ничем не может помочь.

² AcS I, Sp. 859f.

³ Об этом см. Dobesch (1992), S. 165ff. с многочисленными библиографическими ссылками (примечание 16); Tomaschitz (2002), S. 37ff.

⁴ Примеры этого мы находим отчасти у Ливия (история об Аррунте), Дионисия Галикарнасского, Помпея Трога, Аппиана (?), отчасти Плутарха и Полибия; см. об этом Dobesch (1992), S. 164, который вводит для этой краткой хронологии понятие «вульгата».

своим вторжением в Верхнюю Италию около 400 года? Значит, согласно этому варианту, исход из Галлии также должен был начаться позднее. С точки зрения археологии, такая хронология подтверждается определенным типом фибул вальдальгесхеймского стиля, которые выступают как особенно единообразные, с одной стороны, в Шампани и Бургундии и с другой — в Богемии и, независимо от их появления в Верхней Италии, датируются первым десятилетием IV века до н.э. Очень характерной для этого типа так называемых дуксерских (Duxer) и мюнсингерских (Münsinger) фибул была инкрустация камнями-кабошонами — красными кораллами, которая пришла из залива Неаполя. Этот часто встречающийся тип — хорошее свидетельство существовавшего в ту пору интенсивного контакта между Апеннинским полуостровом и кельтской прародиной по ту сторону Альп как раз в «критический» момент — около 400 года до н.э.¹ Но свидетельствует ли усиление торговых контактов о переселении? В некоторых областях, например, в районе Марны, в конце V века погребения позволяют якобы² констатировать резкое снижение численности населения. Точно так же исчезают так называемые «княжеские» могилы, уступая место могилам военной вождей, «которые несут в себе меньше атрибутов престижа и в то же время тесно интегрированы в контекст кладбищ небольших общин, которые отныне составляют основную единицу поселения у кельтов». И здесь соблазнительно связать эти находки с кельтским переселением³.

Если соединить постепенное переселение Ливия с обвальным нашествием «около 400 г.» у других авторов, то, естественно, получаются некоторые хронологические несообразности⁴.

¹ V. Kruta, в: *The Celts* (1991), S. 196, 206.

² Обсуждая эти доводы, следует напомнить, что по неясным причинам могло произойти и изменение погребального обряда, причем таким образом, что отныне погребения стало трудно или даже невозможно найти!

³ V. Kruta, в: *The Celts* (1991), S. 195f., 206 (отсюда и приведенная мной цитата).

⁴ Венцеслав Крута (в *The Celts* (1991), S. 204f.) не одобряет датировку Ливия и говорит следующее: «Идея более ранней кельтской миграции из центральной Галлии кажется натянутой. Двойное происхождение первого переселения кельтов более разумно». Из этих слов как будто следует, что Крута в общем и целом считает исходным пунктом переселения область Марны и Богемию. Однако мне не совсем понятно, насколько это «двойное происхождение» (которое предполагает само имя бойев) способствует решению проблемы датировки.

Одну такую несообразность мы находим у самого Ливия (V, 33), который включил в свой рассказ «сагу об Аррунте». Вместе с Плутархом и Дионисием Галикарнасским (Plut. Camill., 15; Dion. Hal., XIII, 10 сл.) Ливий рассказывает любопытную историю: оказывается, некий Аррунт из мести и ревности к красивому юноше, который находился под его опекой и с которым его супруга наставила ему рога, — привел галлов через Апеннины или даже чуть ли не через Альпы к своему родному городу Клузию, используя при этом как приманку вино и плоды юга (совсем как Эликон). Это похоже на какую-то эллинистическую новеллу, которая (с явным вниманием к пикантным подробностям и кухонной философией типа «маленькие причины — великие последствия») была введена в рассказ без всякого исторического основания¹. Однако и она предполагает сокращение времени переселения до небольшого отрезка.

Как бы то ни было, около 400 года кельты входят в долину По, внушив страх этрусскому этническому элементу в культуре Чертозы и изгнав ретов в Альпы (Полибий, II, 17). Лигурийское племя левов, таврины² в области Турина и венеты — которые, согласно Полибию, своими обычаями и одеждой мало чем отличались от кельтов³, только говорили на другом языке (Полибий, II, 17)⁴ — судя по всему, никуда не исчезли, а вот этрусский элемент сохранился только в таких прибрежных городах, как Равенна. Одновременно с переселением кельтов в Верхнюю Италию были основаны позднее получившие известность

¹ Об этом см., например, Dobesch (1992), S. 194.

² Еще во время Ганнибала они находились в состоянии войны с писубрами, однако при этом они не хотели и присоединяться к карфагенянам, и поэтому Ганнибал частично уничтожил их и завоевал их город (Pol. III, 60).

³ Это высказывание, судя по всему, подтверждается археологическими находками; D. Vitali, in: The Celts (1991), S. 225. Видимо, можно считать, что кельты заключали брачные союзы с другими племенами, как полагают A. L. Prosdocimi — Patrizia Solinas, в: The Celts (1991), S. 57f., причем возможно даже просопографическое описание кельтско-венетского клана (*Tivalei Bellenei*). Однако детали, касающиеся значения имен, меня не убеждают. Так, в элементе *Tiv-* нет ничего, что указывало бы на возможно кельтскую этимологию. По-другому обстоит дело с венетск. *Frema* и ее галльск. м супругом **Boialos* в Эсте (D. Vitali, *ibid.*). Обращает на себя внимание очень ранняя дата этого союза (гробница относится к V–IV вв). Видимо, *Boialos* женился на венетке по имени *Frema* чуть ли не сразу после своего прибытия в Италию!

⁴ Об их языке см. Untermann (1980).

города (Юстин, эпитама Помпея Трога, XX, 5, 8 и NH, III, 123 сл.): помимо Милана, Брешии, Лоди и Вероны можно называть еще *Comum* (Комо), *Bergomum* (Бергамо), *Tridentum* (Триент), *Vincetia* (Виченца), *Bononia* (Болонья) — столица бойев на месте древней этрусской Фельсины и *Mutina* (Модена). Но в общем и целом кельты жили в неукрепленных деревнях, в домах без всякого внутреннего убранства, спали на соломе и занимались только войной и сельским хозяйством¹. Если верить Полибию, то никаких других знаний или технических навыков у кельтов — народа латенской художественной культуры! — и в помине не было (Полибий, II, 17). Богатство и имущество у них состояло из скота и золота: они постоянно переселялись и не имели недвижимой собственности. Здесь явно чувствуются «расхожие представления, бытовавшие у средиземноморских народов о варварах, обитавших на самом краю их мира. Однако слова Полибия были не совсем безосновательны. Наиболее убедительная, по моему мнению, этимология имени «бойи» объясняет его как «владельцы скота» (< и. -е. **gwojjeH₃s*)², и уже одним из первых результатов кельтской экспансии стало то, что кельты переняли у греков и римлян их металлическую валюту. В то же время из Ливия (XXXII, 31; XXXIII, 36) мы знаем, что у бойев были укрепленные «крепости» (*castra, castella*, прежде всего в Апеннингах, в долине Идиче)³, деревни или поселки (*vici*) и отдельные хутора (*tecta*). Есть тенденция, говоря о переселениях варваров, преувеличивать культурный шок с обеих сторон⁴. Ведь у кельтов уже почти в течение двухсот лет была возможность познакомиться с культурой Средиземноморья, хотя только и в отдельных ее аспектах. События, связанные с основанием Массалии, лигурийские прибрежные города, а также уже давно существовавшие контакты с этрусками были своего рода «культурной тренировкой». Но, с другой стороны, кельты оставались охотниками за

¹ Об этом говорят новые находки из области Болоньи у Ortalli (1990), которые указывают на редкие поселения в небольших деревнях.

² McCone (1986), S. 11, Anm. 43; Koch (1990), S. 13. К тому же есть возможность, что речь идет об и. -е. **bhet-/bhi-* или **bheg-, bheng* (ср. др.-ирл. *bongid* «бьет»). В обоих случаях «бойи» означает «бьющие» или «(раз)рушители». Альфред Баммесбергер (Айхштетт), напротив, считает возможным возведение к корню **qoyh₃-o-* «жить» (Hist. Sprachforschung 110 [1997], S. 312).

³ D. Vitali, в: The Celts (1991), S. 227f., с илл. S. 230f.

⁴ По вопросу столкновения цивилизации и варварства см. культурно-морфологическое размышление Добеши в Dobesch (1983).

головами, которые сражались на колесницах, пробуждая тем самым у народов Средиземноморья воспоминания об их собственных героических традициях, как позднее Посидоний, говоря о кельтах, вспоминал Гомера.

Итак, кельты (с помощью ревнивого Аррунта или без нее) приблизились к городу Клузий (теперь Кьюзи), расположенному примерно в 15 километрах от Тразименского озера. Нануганные горожане попытались с помощью Рима прийти к полюбовному соглашению путем переговоров — хотя, судя по всему, между этими городами не существовало никакого договора о взаимопомощи. Кельты, со своей стороны, потребовали предоставить им землю и в обмен на это пообещали пощадить город. Галльский ответ весьма симптоматичен для менталитета участников подобных грабительских походов и переселений в древности и ныне: «...на вопрос римлян, какое у них есть право требовать землю у ее владельцев или угрожать им оружием и что вообще галлам понадобилось в Этрурии, они по-зверски сказали, что право свое они носят в оружии, а сильным мужам принадлежит все» (Ливий, V, 36). У Плутарха — этого «биографического Шекспира мировой истории» (Жан-Поль) — ответ галлов звучит более по-человечески: согласно Плутарху, кельты пытались обосновать свои действия, опираясь на своего рода философию естественного права, и утверждали, что жители Клузия заселили область, которая была слишком велика, чтобы они могли ее освоить, при этом что они, галлы, терпят большую нужду.

Римляне могли бы вспомнить о своей собственной борьбе за существование против жителей Альбы, Фиден, Ардеи, Вей и других городов. Если те не были готовы уделить им кусок от своего собственного изобилия, то римляне обращались с ними как с врагами со всеми вытекающими отсюда последствиями. В общем, речь шла о законе господства сильного над слабым, который — сколь жестокий, столь и несправедливый, но при этом древнейший из всех законов — царствует повсюду, начиная с Господа Бога и кончая царством животных.

В последующем сражении один из римских послов — Квинт Фабий Амбуст — проявил столько доблести, что когда галлы поняли, что перед ними один из римлян, они прервали сражение и послали в Рим посольство, требуя за такое нарушение международного права выдачи всего рода Фабиев. Хотя римский сенат и

признал правомочность галльской точки зрения, он тем не менее не осмелился предпринять хоть что-нибудь против такой могущественной аристократической семьи, как Фабии. Когда решение дела передали народному собранию, оно решило «хоть разорваться, да не поддаться», и осыпало членов семьи Фабиев высокими почестями. «Тогда галлы, что было вполне понятно, разозлились» (Liv. V, 36; Diod. XIV, 114; ср. Plut. Camill. 17). Ускоренным маршем галльское войско пошло на Рим и якобы даже не грабило и не обирало чужие поля: шли они под лозунгом, что только римляне — их враги, а всех остальных они считают друзьями (Плутарх, Камилл, 18). В ходе очередного воинского призыва римляне недооценили приближающуюся опасность и вскоре поплатились за это. 18 июля 387 года по современным вычислениям (по Плутарху, после летнего солнцестояния — астрономическую дату «дня Аллии» точнее определить невозможно) оба войска сошлись близ одиннадцатого мильного камня от Города, где речка Аллия впадает в Тибр, и «это племя, прямо-таки рожденное в пустой суматохе, заполнило все окрестности ужасающими звуками жуткого пения и бессмысленных воплей» (Ливий, V, 37). Вскоре битва завершилась. Часть римского войска, охваченная паническим страхом, бежала во вражеский город Веий, часть потонула при попытке переплыть Тибр, а многие другие были перерезаны галлами, которые и поверить не могли в такую легкую победу. Говорят, что весь день кельты провели, отрезая врагам головы (Диодор, XIV, 115).

Тогда свершилось то, о чем уже давно, как сообщил трибунам некий Марк Цецилий, чудесным образом предупреждал некий неземной голос (позднее обожествленный, как *Aius Locutius*)¹, хотя, конечно, раньше никто не принимал этого предупреждения всерьез (Liv. V, 32; 50; Plut. Camill. 14; 30): под предводительством вождя Бренна² галлы пошли на Рим. Хотя

¹ Radke (1965), S. 59f. [Ай Локуший буквально означает «говорящий нещатель». Поскольку божество никак не представилось, римлянам пришлось назвать его таким образом, чтобы как-нибудь не обидеть].

² Еще с Моммзена это имя считают неподлинным, «позаимствованным» у завоевателя Дельфов; Nachtergaeel (1975), S. 137f.; Tomaschitz (1994), S. 76. Мне, напротив, оно кажется вполне возможным. Значение и этимология имени совершенно неясны. Попытки связать его с **bran(n)os* «ворон», валлийским *brenhin* «король» или др.-прд. именем божества *Brian*. Об этимологически чуждом имени Brennos см. Nachtergaeel (1975), S. 137f.

городские ворота стояли открытыми, они не сразу вошли в город, опасаясь подвоха, а сначала весь день занимались охотой за головами. Следующие два дня они провели, расположившись лагерем перед Городом (Diod. XIV, 115, 5). Однако весь третий день они занимались охотой за головами. В следующие два дня они прошли через ворота и взяли Рим.

Часть изображений богов римляне увезли в соседний город Цере, часть закопали в землю. Простой горожанин Луций Альбин, образец древнеримского благочестия (*pietas*), ссадил с телеги свою жену и детей, чтобы вместо его семьи и имущества весталки со священным огнем могли оказаться в безопасном месте (Плутарх, Камилл, 21). Другие изображения богов жрецы принесли на Капитолийский холм, куда собрали и запасы зерна. Более молодые и крепкие мужчины удалились на Капитолий, чтобы там защищать своих богов. Старики, облачившись в парадные и праздничные одежды, ожидали врага в своих домах в городе. Женщины разделились: каждая отправилась туда, куда ей подсказывало сердце. И здесь мы узнаем о поведении галлов, весьма характерном для этой ситуации: «Не иначе, как с почтением смотрели они на мужей, сидевших в парадных залах своих домов: и убор, и обычай у них был возвышеннее людского, а величием лика и торжественностью черт они совершенно уподоблялись богам. Говорят, что когда они так рассматривали их, словно какие-то статуи, то один из них, Марк Папирий, ударив скипетром из слоновой кости галла, который слегка потрогал его бороду (а тогда все римляне носили бороды), возбудил гнев, и с того-то и началась резня. Прочие были убиты в своих креслах, и после начала резни никто из смертных уже не знал пощады, дома были разграблены, а затем подожжены» (Liv., V, 41, Plut. Camill. 22). В огне того пожара погибла большая часть государственного архива, что имело огромные последствия для позднейшей римской историографии.

В ходе семимесячной осады галлам так и не удалось взять Капитолий. Их попытка ночью взобраться на Капитолий по скалам со стороны Тибра и напасть на спящих стражей и собак провалилась, как известно, благодаря бдительным гусям, которые, будучи священными птицами Юноны, несмотря на всеобщий голод, не были зарезаны. Интеррекс Марк Манилий первым взялся за оружие и столь отважно бился с кельтами, что

был прозван «Капитолином» (Diod. XIV, 116; Plut. Camill. 27). Позднее, после борьбы за власть с Камиллом, он был сброшен с той же самой скалы, которую столь героически защищал...¹

В общем и целом осаждающим явно не хватило выносливости. Они также страдали от голода, но прежде всего — от жары и какой-то эпидемии, которая, по словам Плутарха, началась из-за миазмов, шедших от массы непогребенных трупов (Плутарх, Камилл, 28). Еще до того как набранное в Ардее войско под предводительством диктатора Марка Фурия Камилла, которое должно было снять осаду, могло прибыть к Городу, в середине февраля, начались переговоры о мире. Цена мира составила 1000 фунтов (около 300 килограммов) золота. При взвешивании галлы использовали фальшивые гири, и призванный к ответу Брени бросил на чашу весов еще и свой меч с криком «Горе побежденным» (*vae victis!*). Пока собирали золото, прибыл Камилл со своим войском, и внезапно осаде пришел быстрый, а для галлов бесславный конец². Произошла вторая битва в восьми милях от Рима, у дороги на Габии: «Совершилась всеобщая резня: лагеря захватываются и не осталось никого, кто мог бы сообщить об этом истреблении» (Ливий, V, 49). Полибий, который, естественно, изображает события не с национальной римской точки зрения, относит внезапное снятие осады и отступление галлов от Рима на счет нападения венетов на земли самих кельтов в Верхней Италии (Полибий, II, 18). Позднее сами галлы утверждали, что возвратили город Рим римлянам «по доброй воле и из милости» и в целостности и сохранности принесли домой свою добычу (Полибий, II, 22). Однако Страбон (V, 2, 3) и Диодор (XIV, 117) знали лучше. Отступавшие из Рима галлы пытались захватить город Цере, но потерпели такое тяжелое поражение, что им пришлось бросить все захваченное в Риме золото и пленников.

Так окончились страшные для римлян 387–386 годы. На греческий мир эти события не произвели большого впечатления³.

¹ Plut. Camill. 36.

² Современная историческая критика пыталась разоблачить героические деяния прославленного Ливием Камилла, объявив их политической пропагандой; D. Vitali, in: *The Celts* (1991), S. 221.

³ Ср. Plut. Camill. 22; Theop. FGrHist. 115 frag. 317; см. G. Dobesch, в: *The Celts* (1991), S. 35.

Рассказывали, что массалноты, после того как опасность со стороны галлов миновала их город стороной, послали в Дельфы делегацию, которая должна была поблагодарить Аполлона за то, что тот защитил город. На обратном пути они узнали о римской катастрофе и о невероятной сумме запрошенного галлами выкупа. Будучи союзниками Рима, они были обязаны (согласно Помпею Трогу) собрать по подписке золото и серебро, чтобы поддержать римлян в выплате этой суммы. За это они получили от римлян новый торговый договор, право на освобождение от таможенных пошлин и другие привилегии. Существуют некоторые сомнения в правдивости этого рассказа, хотя в общем и целом он пользуется доверием¹.

Риму пришлось пережить глубочайшее унижение. Первое время после победы над галлами стало для Рима «часом ноль», когда он должен был заново организовать администрацию и культ, а также основы правовой жизни — «Законы двенадцати таблиц», которые были уничтожены; многие говорили даже о том, чтобы совсем оставить Город. Триумфатор Камилл, который внушил римлянам мужество и убедил их остаться на прежнем месте, получил от Плутарха прозвище «второго Ромула» (Plut. Camill. 31). Это было поистине новое основание города. А когда жрецы и служители божеств возвратились и принесли с собой священные предметы, которые были спрятаны или эвакуированы — теперь они уже были в безопасности, и их можно было вернуть на прежнее место — граждане почувствовали, как будто сами божества снова вернулись в Рим (Plut. Camill. 30). День битвы при Аллии (18 июля) — *Aliesis* [sic! правильнее: *Alliensis*. — Г.Б.] *dies* (Flaccus de verb. sign. 5, 7) стал в римском религиозном календаре «черным днем» (*ater dies*). Согласно римской религиозной теории, перед битвой жертвы были принесены на следующий день после Ид, что оказало роковое воздействие на исход сражения, и, вспомнив о других подобных несчастьях, все дни после трех опорных дней римского месяца (календ, нон и ид) решением сената были причислены к таким несчастливым дням (ср. Festus frg. 386)². Не в последнюю очередь *metus Gallicus* [страх перед галлами] привел к принятию закона, согласно которому освобождение жрецов от

¹ Ebel (1976), S. 11f.

² Pauly. I. s.v. *ater dies*.

военной службы отменялось в случае непосредственной угрозы нашествия галлов (Plut. Camill. 41; Marcell. 3).

Другим реликтом травмы, которую причинило римлянам галльское нашествие, стал такой замечательный атавизм, как человеческие жертвоприношения, которые, однако, впервые было проведены только в 228 (226?) году перед войной с бойями и инсубрами¹, а потом снова в 216 году в случае чрезвычайной необходимости — после катастрофической для римлян битвы при Каннах и наконец, насколько нам достоверно известно, в 114 году до н.э. Во всех трех случаях это было сделано по указанию Сивиллиных книг. Ливий (XXII, 57) говорит о *sacrificia extraordinaria*, которые состояли в том, что двое галлов — мужчина и женщина, а также грек и гречанка были закопаны живыми на Бычьем форуме (*Forum boarium*). То, что в жертву приносили пару греков, как кажется, говорит о том, что существовал не только *metus Gallicus*, но и сильный *metus Graecus*, и Сивиллины книги указывают, что когда-то Рим осаждали и галлы, и греки. Похоронив этих людей живыми, римляне как бы уже сделали оба народа обитателями Рима, предупреждая, таким образом, злой рок (so Cass. Dio bei Zonaras XXXIX, 15, 2). Если бы в жертву были принесены только союзники Карфагена — галлы, то можно было бы истолковать это событие как некое *devotio*. Однако, как показывает жертва 114 года (Plut. qu. Rom. 83), эти жертвы были обусловлены отнюдь не в первую очередь галльским нашествием, но назначались согласно сивиллиным книгам вследствие каких-то страшных предзнаменований: в 228 году это произошло, когда весталка Гельвия внезапно была убита молнией, в 216 и 114-м — после того, как среди весталок был раскрыт двойной или даже тройной инцест. Очевидно, что эти пугающие события были только знаками грядущей беды. Тем не менее в следующем, 113-м, году римляне потерпели тяжкое поражение у Нореи.

В любом случае, погребение пары греков при этих исторических обстоятельствах представляется неоправданным, и поэтому Хайнц Беллен предположил, что жертвоприношения галлов и греков были переняты из этрусского культа: «Децем-

¹ Cassius Dio XII, frg. (Zonaras 8, 19) и (Tzetzes in Lycophr. Alex. 603); Plut. Marcell. 3; Orosius IV, 13, 3. Ср. прекрасную иллюстрацию у Brunaux (1988), S. 130.

виры отвели грозившую государству опасность, о которой они были предупреждены молнией [das Blitzprodigium] с помощью искупительного обряда, который с успехом применяли этруски в таких особых ситуациях. Если бы они пропустили захоронение пары греков, то действенность всего обряда как такового была бы поставлена под угрозу»¹. В какой форме этот обряд продолжал существовать в императорскую эпоху (Plin. nat. XXVIII, 12; Plut. Marcell. 3; Minucius Felix Oct. VI, 1), мы не знаем. Как бы то ни было, ежегодно в ноябре на Бычьем рынке проходила тайная церемония с магическими молениями.

Римляне знали галлов как естественный народ «с океана и отдаленнейших земель» (Ливий, V, 37), которому «природа подарила тела и души скорее большие, нежели прочные» и которые в битве полагались «больше на страх, нежели на мужество», — как, если верить историку, говорил в соответствии со всеми стандартными представлениями о кельтах диктатор Камилл. Несмотря на варварский образ мыслей, галлы неоднократно доказывали свою богобоязненность, а в области международного права они всегда действовали формально и дифференцировано и при этом справедливо, что явно импонировало как римскому историку Ливию, так и греческому философу Плутарху. Возможно, рассказ о кельтах у Посидония вызвал к жизни такой взгляд. Точка зрения современников, прежде всего в дальней Греции, была совсем другой: галлов скорее демонизировали и изображали чем-то вроде циклопов и титатов. Так было сто лет спустя, когда галлы взяли Дельфы, такими представляются кельты Малой Азии в искусстве Пергама, и такими же средиземноморский мир видел других захватчиков — кимвров (Plut. Mar. 23, 2ff.).

Несмотря на неудачу после захвата и разрушения Рима, кельты появляются снова тринадцать лет спустя (при Анио) и снова терпят поражение от «специалиста» по кельтам — 80-летнего Камилла (Plut. Camill. 41).

Сицилийский тиран Дионисий I, который в это время пытался раздавить мощь этрусков, как раз захватил венецо-этрuscoский город Адрию и основал в Анконе свою собственную колонию.

¹ Bellen (1985), S. 13f. Дюмезиль также считал, что речь идет о заимствовании из этрусского: Dumézil (1964), S. 87. Маловероятно, что погребение греческой пары имело своим образцом Аргейские жертвоприношения; RE VII, Sp. 683ff.

Теперь он воспользовался находившимися в шоке после неудачного захвата Рима галлами и употребил их для своих собственных политических целей — с 368 года в качестве наемников.

В том, что касается следующих событий, в первую очередь, мы зависим от рассказа Полибия, который — достаточно подробно, однако, как мы в конце концов увидим, всецело в рамках своих целевых установок — рассказывает об истории цизальпийских кельтов. В 357 году кельты снова появились в Лации близ Альбы Лонги (Кастель-Гандольфо), и хотя на сей раз им удалось напасть врасплох, они мало что с этого получили. Тем не менее в своих грабительских походах они порой доходили до самой Апулии и Трависского поля (в области сабинов? — *Diod. XIV, 117, 7*). Этому рассказу отлично соответствует самая южная латенская находка на Апеннинском полуострове: парадный шлем из железа и бронзы с богатой коралловой инкрустацией, обнаруженный в гипогее в Каносе-ди-Пулья, который теперь находится в Берлине (Государственный музей, Собрание древностей прусского культурного наследия)¹. Это — классический образец вальдальгесхеймского стиля с его изобилием пальметок и узоров из листьев. Как показал Венцеслас Крута, шлем находит свои очевидные соответствия в изделиях марнской культуры (например, ваза из Прюне второй половины IV века)². Замечательно и то, что кельтский князь был похоронен в гробнице, предназначенной для семьи местных жителей. И напротив, имеются свидетельства определенного обратного движения на север и северо-запад. Весьма вероятно, что тип «жокейской шапочки» шлема из Агри (департамент Шаранта) пришел из Италии, как, возможно, и прекрасный бронзовый овальный щит, покрытый листочками золота — «тиреос» с подрубленными углами (1,17 на 0,64 м) и шишкой в виде «ячменного зерна», пришедший из Спины, и изображение зверя неизвестного происхождения, которое находится в музее Вены.

Где-то на это время приходится и описанный Клавдием Квадригарием³ и Ливием (VII, 9 сл.) знаменитый поединок Тита Манлия Империзола (сына того самого Манлия, который

¹ Иллюстрация в Megaw — Megaw (1989), S. 111, здесь же и «умбрекий шлем».

² V. Kruta, в: *The Celts* (1991), S. 200f. (с илл.). Ср. D. Vitali, в: *The Celts* (1991), S. 231.

³ HRR frag. 10a,b; ср. frag. 12.

сбросил галлов с Капитолия) с внушительного вида кельтским богатырем. Убив его, Тит по доброму кельтскому обычаю отрубил врагу голову и надел на себя окровавленный торквес, после чего семья Манлиев — сначала в шуточных импровизированных воинских песнях, а потом и по привычке — стала называться «Торкватами».

В следующем году (348) случилось еще одно событие, которое сохранилось в традиции одного римского рода. Когда в очередной раз галльское и римское войска стояли друг против друга, вновь вперед вышел галльский богатырь и вызвал римлянина на поединок. Противником галла вызвался стать молодой трибун Марк Валерий. Во время сражения ворон опустился на шлем Валерия, что тот счел знаком божественного покровительства. Однако ворон принял участие и в сражении, царапая лицо галла и ударяя его когтями и крыльями. Варвар потерял концентрацию, и поэтому Валерий, который физически был слабее противника, смог его одолеть. Потом началось всеобщее сражение, победу в котором одержали римляне (Liv. VII, 26; Gell. IX, 11, 3ff. и у ряда других авторов). Поэтому семья Валериев получила прозвище Корв или Корвин¹. В рассказе об этом поединке мы встречаемся с весьма архаическим представлением о войне, укорененным в иррациональном героизме и магическом взгляде на мир, что часто можно наблюдать у древних кельтов. Именно это представление и считают причиной того, что кельты в конечном счете терпели поражение в военных действиях². Следует обратить особое внимание на то, что само представление о дуэли как *iudicium belli* и как о «Божьем суде» дожило до позднего средневековья³.

Подобные предания звучат как отзвуки ирландского героического эпоса. Во многих случаях богиня войны Бодб появляется в облике вороны, защищая героя — даже умершего Кухулина. Поэтому неудивительно, что высказывались предположения, согласно которым Ливий черпал вдохновение в галльском героическом эпосе⁴. Однако на это выдвигались различные возражения. Согласно одному, Ливий мог взять свою главу о кельтах из

¹ [По-латыни *Corvus* значит «ворон»].

² Wackemagel (1959), S. 125ff.

³ Cram (1955), S. 13ff. и passim.

⁴ Так уже у Жюльиана и в последнее время у Vielle (1994), S. 221ff.

Origines Катона Старшего. Согласно другому, вообще весьма сомнительно, что подобные рассказы в эпоху Ливия все еще имели хождение среди цизальпийских галлов, и если имели, то на каком языке? Лично я считаю, что против теории «галльского эпоса» прежде всего говорит тот факт, что воинская удача — по крайней мере с галльской точки зрения — оказалась совсем не на той стороне. Я, скорее, предположил бы, что исходной точкой для создания предания послужил необычный шлем с украшением в виде ворона, который Валерий некогда отбил у кельта. Возможно, у этрусков и у италиков вороны и вороны считались, как и у германцев, птицами поля сражения¹. Здесь я не могу входить в детали этой проблемы. Однако следует заметить, что, возможно, мы имеем дело с «устной поэзией» эпохи латена — мысль, которая теперь серьезно обсуждается². Можно представить себе импровизированные песни, в которых восхвалялась победа Манлия Торквата!

Когда кельты вновь появились в Нижней Италии, римляне уже обзавелись оружием и союзниками, и уже только подходя к полю решающей битвы, они нагнали на галлов такой страх, что среди тех возник раздор и в следующую ночь они спаслись бегством на родину (Рол. II, 18). Тринадцать лет спустя перед лицом все возрастающей мощи Рима они заключили мирный договор, который продержался примерно до 300 года, сделав возможными более безопасные экономические связи между кельтами и этрусками и, с другой стороны, позволив римлянам укрепить свое политическое влияние до самой долины По³.

Тогда галлы, благодаря новому притоку переселенцев из транспаданской (и заальпийской?) областей, снова пришли в движение⁴ и вновь — объединившись с новоприбывшими и при поддержке этрусков — обратились против римлян. С огромной

¹ Beazley (1947), S. 96; ср. нередкие изображения хищных птиц, воронов и ворон на позднегалльских ситилах, как, например, на ситиле из Чертозы в Болонье, на ситиле из Топлице (Торлице, Словения), из Ваче и из Матрая. Как правило, звери рассматривались как спутники воинских предприятий; Lucke — Frey (1962), табл. 64, 72, 73.

² Tomaschitz (1994), S. 31f.

³ D. Vitali, в: *The Celts* (1991), S. 222.

⁴ Об этом см. Tomaschitz (1994), S. 78ff.

добычей вернулись они из римских областей целыми и невредимыми, однако при разделе добычи начался конфликт, и они уничтожили друг друга. «Так обыкновенно поступают галаты, когда возьмут добычу у соседей, главным образом вследствие неумеренного пьянства и обжорства»¹. Победа при Клузии (295), где сеноны занимались охотой за головами, привязывая головы римлян к своим седлам или насаживая их на копыя (Liv. X, 26), видимо, оказалась последней блестящей победой галлов. С этого момента удача стала от них отворачиваться.

Сначала (на сей раз в союзе с самнитами и умбрами) в 292 году они потерпели от римлян под командованием Квинта Фабия тяжелое поражение при Сентине — ныне Сассоферрато, примерно в 50 километрах к юго-западу от Анконы (Pol. II, 19; Liv. X, 27–31; Diod. 21, 6).

Сперва битва никак не начиналась. На третий день показалась лань, которую преследовал волк. Лань направила свой бег в сторону галлов, в то время как волк повернул к римлянам, которые охотно уступили ему дорогу. Когда один из галлов убил лань, римляне поняли это как предзнаменование: священное животное Дианы было кошунственным образом убито, а волк Марса остался невредимым, что предвещало для римлян благоприятный исход сражения². Но затем битва, казалось, приняла роковой для римлян ход. Здесь они впервые познакомились с кельтскими боевыми колесницами. Шум, который производили колеса этих повозок и запряженные в них кони (у галлов, видимо, имелись различные виды колесниц — *essedis carrisque*; Liv. X, 28), напугал непривычных лошадей римлян. Беспорядок охватил первые ряды стоявшего в боевом порядке легиона, и они были смяты при столкновении с лошадьми и колесницами. Вскоре вперед пошла галльская пехота, которая стала преследовать бегущих легионеров. При виде страшной опасности римский полководец Публий Деций Мус прибег к торжественному *devotio* — проклял самого себя и вражеское войско словами: «Вот я себя и со мной — легионы врагов передам для убийства Земле и богам Манам» (*iam ego mecum hostium legiones mactandas*

¹ Polybios I, S. 127 (II, 19).

² В своем достаточно смелом, но тем не менее весьма интересном очерке Vielle (1994), S. 224ff. видит здесь впервые прототип хода событий, характерную для позднейших sag о Финле.

Telluri ac dis Manibus dabo; Liv. *ibid.*). Торжественно прокляв самого себя и врага, Деций бросился в самую гущу боя, где вскоре погиб, пронзенный вражеским оружием. Бегство римлян остановилось, и они вновь обратились против врагов, которые после самоубийства полководца замерли в недоуменном оцепенении. Тут понтифик Ливий снова посвятил галлов и самнитов Матери-Земле и богам Манам, поскольку погибший Публий Деций зовет и влечет за собой врагов. Но лишь после того как консул Квинт Фабий принес обет построить храм Юпитеру-Победителю (*Iupiter Victor*) и принести ему в жертву полученную добычу, битва действительно приняла другой оборот и галлы с самнитами были полностью разбиты: богиня Земли и Маны приняли жертву. Так что и этот, один из самых драматических примеров римского героизма, имел место в сражении с кельтами, что показывает весь тот ужас, с которым вспоминали кельтов в передававшихся устно безыскусных песнях (*inconditis carminibus militaribus*; Liv. X, 30).

Однако около десяти лет спустя галлам удалось нанести римлянам поражение около связанного с римлянами договором города Арреция (Арrezzo). Галлы убили Луция, командовавшего римскими вспомогательными войсками. А когда вновь назначенный полководец Манлий Курий послал к галлам послов с просьбой об освобождении пленных, вождь галлов Бритомарий (*Britomaris*)¹ из мести приказал порубить их в куски и разбросать части тел по полям. Тогда римляне охватили такой гнев, что они с новой силой бросились в бой и нанесли сенонам сокрушительное поражение (284). Уже в следующем году консул Публий Корнелий Долабелла разгромил войско бойев и этрусков при (ныне высохшем) Вадимонском озере близ Бомарцо). Детей и женщин обратили в рабство, всех без исключения молодых мужчин убили, и тут Бритомарию пришлось поплатиться за убийство римских послов: его заключили в оковы и казнили (App. *Samn.* 6; Celt. 11). Прославленный позднее римский род Ливиев, члены которого носили прозвище Друз (*Drusus*), объяснял это родовым преданием, согласно которому их предок, римский претор Марк Ливий Эмилиан, убил в поединке вождя кельтов Драуза (*Drausus*) и в честь этой

¹ Точная форма имени спорна: может быть, его звали Бритомарт (*Britomartas*) или Бритомартий (*Britomartis*); AcS I, Sp. 550f.; KGP S. 156.

победы взял имя врага в качестве прозвища¹. И якобы именно он (Suet. Tib. 3) некогда вернул в Рим отданное сенонам во время осады Капитолия золото (этот подвиг приписывал себе и город Цере). Рассказ римских историков несколько отклоняется от последовательности событий; тем не менее не вызывает сомнений, что в 283 году при Вадимонском озере Долабелла полностью разгромил галльское войско.

Это решающее сражение привело к частичному переселению сенонов и основанию около 280 года римской колонии в Сене — центре сенонов на Адриатике. Сегодняшнее название места — *Сенигаллия* (к северо-западу от Анконы) — и ныне напоминает о ее некогда кельтских обитателях. Находки из погребений в Монтефортино близ Арчевии (около 50 километров в западу от Анконы) показывают, что сенонский элемент еще существовал в некоторых районах и во второй половине III века до н.э.² Латенско-галльская билингва из Толи (на Тибре около 30 километров к югу от Перуджи) также свидетельствует о существовании галлов даже во II веке до н.э.³

Понятно, что тяжелые поражения, которые пережили кельты и этруски, вынудили их просить о мире. Согласно Полибию (II, 20), галлам уже пришлось вооружить едва достигших зрелости мальчиков. Итак, мир был заключен и продержался почти 45 лет или, по понятиям того времени, два поколения. Естественно, что в этот мирный промежуток обескровленные кельты хотели вырастить новое, готовое к бою войско. На это время пришлось Первая пуническая война (264–241). Плутарх считает чудом и особенным счастьем для Рима, что галлы наблюдали за исходом Пунической войны в качестве наблюдателей «как если бы они обязались ждать, дабы поддержать победителя» (Plut. Marcell. 3).

К этому мирному времени, возможно, относится золотой горквес из погребения 2 в Санта-Паолина-ди-Филоттрано

¹ О формах *Drusus* и *Drausus* ср. Birkhan (1984).

² Landoifi (1991), S. 220ff.

³ Сам текст несколько длиннее, однако важнейший галльский пассаж звучит так: *aiekniati.trutikni.karnitu artuaš koisis trutiknos* «Койсий, сын Друта, воздвиг надгробный камень (или курган) Атегната, сына Друта», причем **arduas* должно быть Акк. Pl. женского рода от **arduā*, что, видимо, как-то связано с понятием «позывленное» (ср. др.-прл. *ard*); Lambert (1995), S. 74ff.

близ Анконы (теперь в Национальном археологическом музее делле Марке)¹, который имеет очевидные параллели в находках из Рауриса (Машальпе) в Зальцбурге, Оплотов (Orlöt) в Чехии, Вальдальгесхайма в Рейнской области и торквесе из Бельгии, который теперь находится в Британском музее. Для специалиста принадлежность этой вещи к вальдальгесхаймскому стилю не столь очевидна. Однако специалисты по латену видят в торквесе из Филоттрано одну из первых попыток приспособить греческие мотивы к кельтским вкусам. Заальпийские изделия в таком случае могут считаться или местными подражаниями цизальпинским образцам (как бельгийский торквес в Лондоне) или вообще импортными вещами (как торквес из Вальдальгесхайма)².

Между тем Риму удалось стабилизировать ситуацию, повернув ее к своей выгоде, и снова приступить к укреплению своих позиций на берегу Адриатики, в то время как кельты ничего против них не предпринимали. Так, в 268 году римлянам удалось основать колонию Ариминий (Римини) в самом центре области сенонов (Vell. 1, 14, 6; Eutrop. 2, 16). Самое позднее в этот период прекратилась и чеканка сенонских монет.

Затем, в 237 году, снова возникли беспорядки. Аристократия бойев в союзе с альпийскими галлами против воли большинства племени снова замыслила войну. Уставший от войны народ взбунтовался: оба короля бойев — Атис и Галат — были убиты, а вспомогательные войска альпийских кельтов и местные бойи уничтожили друг друга (Pol. II, 21). Возможно, речь идет о переселении трансальпийских кельтов, с помощью которых вожди бойев пытались возродить свою военную мощь³.

Судьба сенонов, чье «галльское поле» (*ager Gallicus*) в 232 году было конфисковано римлянами по Фламиниеву закону, а затем поделено по жребию между римскими гражданами, показала бойям, что их ожидает, и поэтому они решили в союзе с инсубрами и при поддержке впервые упомянутых здесь войск

¹ Об этом см. M. Landolfi, в: *The Celts* (1991), S. 286.

² V. Kruta, в: *The Celts* (1991), S. 201ff., где приведены и проиллюстрированы другие примеры, в том числе ножны из Филоттрано (середина IV в.). Круга также указывает на то, что *pelta*, особенно в повернутом виде, дает возможность интерпретировать ее как лицо (S. 211).

³ Ср. Tomaschitz (1994), S. 84ff.

альпийских кельтов — гезатов — начать новую войну с римлянами. Эти самые гезаты в некотором отношении были родственниками древнеирландских фениев (*fianna*) и дальними предками швейцарских наемников, отличаясь, однако, от последних тем, что они представляли собой элитные войска, организованные по типу «мужского союза», которые, как и фении, имели своего собственного короля. В этом отношении их можно сравнить с позднейшими древнегерманскими эрулами. Цари гезатов Анероест и Конколитан объединились с инсубрами и бойями: в результате образовалась армия из пятнадцати тысяч пехотинцев и двадцати тысяч всадников или колесничих, которая выступила против коалиции венетов, самнитов, этрусков и римлян, на стороне которых были и дружески относившиеся к Риму ценоманы. Римляне отдали распоряжение о всеобщей мобилизации и, пользуясь призывными списками, призвали в армию и резервистов. Римляне настолько сконцентрировали свое внимание на границе с бойями и их союзниками, что карфагеняне получили возможность беспрепятственно вырвать у римлян Ибернию и навязать римлянам договор (Pol. II, 22). Полибий дает подробные подсчеты численности войск. В общем и целом Рим защищало более 150 000 пехотинцев и 6 000 всадников, а общее число способных сражаться мужчин, как римлян, так и их союзников, которые в случае крайней необходимости могли быть вовлечены в военные действия, превышало 700 000 пехотинцев и около 70 000 всадников (Pol. II, 25). В этой ситуации Сивиллины книги указали на необходимость уже упоминавшихся «чрезвычайных жертвоприношений».

Кельтские войска снова беспрепятственно дошли до Клузия, где они в силу своего тактического и численного превосходства, но также якобы и из-за своей великой отваги (Pol. II, 25) одержали в последующем бою победу. Римлянам пришлось отступить за холм. Затем консул Луций Эмилий, пришедший с побережья Адриатики, вынудил галлов с огромной добычей, которую они получили до этого, повернуть назад, на север, в Этрурию (Pol. II, 26). Здесь они наткнулись на консула Гая Атилия, который также возвращался со своими легионами из Сардинии и подошел к ничего не подозревающим кельтам спереди. Так в 225 году при Теламоне (Таламоне) в Этрурии дело дошло до битвы, в которой кельты, оказавшиеся между

двумя консулами, сражались на два фронта: позади гезаты и инсубры сражались с Эмилием, спереди тавриски и бойи — с Атилием, в то время как боевые колесницы находились на фланге обоих крыльев. «Инсомбры и бойи шли в битву в штанах и в легких, накинутых сверху плащах. Что касается гесатов, то самоуверенность и смелость их были так велики, что они сбросили с себя и эту одежду, и обнаженные, только с оружием в руках, стояли в передних рядах войска: так, думалось гесатам, удобнее будет сражаться, ибо плащи могут цепляться за разбросанные там и сям кустарники и затруднять употребление оружия»¹.

Как обычно, битву начали всадники. Здесь нашел свою смерть отважный Гай Атилий. Его голову принесли кельтскому царю. Но в конце концов римские всадники взяли верх. Последующее описание битвы настолько впечатляюще и во многом настолько типично для кельтского менталитета, что мы представляем слово² греческому историку:

«...Кто может или мог, теперь или в то самое время, не затрудняться решением вопроса о положении кельтов: было ли оно крайне невыгодным, потому что неприятель наступал на них разом с двух сторон, или, напротив, весьма удобным, потому что они сражались в одно и то же время с двумя неприятелями и тыл их был обеспечен с обеих сторон, главным же образом потому, что им отрезаны были все пути к отступлению и возможность спастись в случае поражения. Такова уж особенность двустороннего расположения войска. Что касается римлян, то им прибавило смелости то обстоятельство, что неприятель был охвачен со всех сторон и заключен в середину между ними, хотя, с другой стороны, кельты пугали их боевым строем и шумом. Действительно, число трубачей и свирельщиков было у них невообразимо велико³, а когда все войско разом

¹ Polybios I, S. 138 (II, 28). [Поллибий, с. 228. Мы сохраняем правописание Ф.Г. Мищенко].

² [У Г. Биркхана цитата несколько сокращена; мы даем ее полностью].

³ Ср. изображения карникса на арке из Оранжа и затем — на котле из Гундеструпа. Украшенные торквесом «умирающий галл» из Кантогонийского музея был горнистом! Его инструмент похож на ирландские бронзовые рога из Лутнашейда и Ардбрина; *Trische Kunst* (1983), S. 28 (Abb.), 105f. Кельтиберские миниатюрные трубы или рожки (II—I вв.), имевшие около 16 см в диаметре, которые выглядят как уменьшенный вариант инструмента «умирающего галата», были обнаружены в Сорин; см. A. Jimeno Martínez, в: *The Celts* (1991), S. 407 (иллюстрация там же).

исполняло боевую песню, поднимался столь сильный и необыкновенный шум, что не только слышались звуки свирелей и голоса воинов, но звучащими казались самые окрестности, повторявшие эхо. Ужасны были также вид и движения нагих¹ людей, стоявших в первом ряду, блиставших цветущим здоровьем и высоким ростом. В первых рядах не было ни одного воина, который бы не имел на себе золотого ожерелья или браслетов. Если вид всего этого и устрашал римлян, то надежда на добычу сильнее подстрекала их к битве.

Как только копьеметатели согласно обычному порядку выступили из римских легионов вперед и начали битву метким и частым метанием дротиков, штаны и плащи для кельтов задних рядов оказались очень полезными; напротив, передние нагие воины, не ожидавшие такого нападения, испытывали большие неудобства и трудности. Дело в том, что галатский щит не может прикрывать воина, а при большом росте галатов дротики тем вернее попадали в неприкрытые части тела. Наконец, вследствие дальнего расстояния и множества падающих на них дротиков, они увидели, что не могут совладать с копьеметателями; одолеваемые ранами и безвыходностью положения, одни из них в безумной ярости кидались на врага и сами обрекали себя на смерть, другие начинали понемногу отступать к своим и явную робостью приводили в смущение задних воинов. Так посрамлена была копьеметателями кичливость гесатов»².

Весьма любопытно, что именно гезаты должны были стать жертвой римских копьеметателей, поскольку само их название происходит от пракельтского **gaisom* (соответствует средневерхненемецкому *gēr* «копье») и, точно так же как латинское *hastati*, означает «вооруженные метательным копьем (*hasta*)» и

¹ Нагота галльских воинов внушала римлянам страх еще в сражении при Тразименском озере (217). Отчасти она деморализовала римлян как признак особенной смелости врага, отчасти, может быть, и потому, что в наготе заключалась особая магическая сила, опасная для противника. Галлы (гезаты), сражающиеся обнаженными, были популярным мотивом этрусского искусства и встречались настолько часто, что изображения любых обнаженных бойцов стали считать изображениями кельтов; ср. В. Andrae, в: *The Celts* (1991), S. 61ff.

² Polybios I, S. 138f. (II, 28f.).

говорит о том, что они сражались копьями¹. Однако это далеко не единственный пример того, что сражение на копьях галлам было чуждо. Аппиан рассказывает о нападении бойцов в 357 или 358 году, во время которого диктатор Гай Сульпиций применил следующую стратегию: по приказу первый боевой ряд, а вслед за ним и следующие бросали копье и тут же садились на землю², потом второй, потом третий ряд и так далее; садясь, передние ряды не мешали задним метать копья (Celt. I). Аппиан называет в качестве метательного оружия римский *pilum* (четырёхгранное копье наполовину из мягкого железа с закалённым кончиком), но, возможно, это анахронизм, поскольку такой вид пилума пришел в римскую армию только после Марня³. В любом случае, подобный дождь копий был для галлов явно непривычным. Уже старый Фурий Камилл, согласно Плутарху (Camill. 41), в битве при Анио (373) применил тактику, которая могла пройти только в том случае, если кельты были мало знакомы с копьями. Поскольку Камилл знал, что главным оружием варваров служил меч, которым они били врага по голове и

¹ Полибий, судя по всему, не понял смысл этого имени, поскольку он говорит, что кельты называются так, потому что служат за плату «и таково значение этого слова» (Pol. II, 22, 1). Это дало Хольману повод вывести кельтскую форму **gaisat-* < **gaisant-* (Part. praesentis) и связать ее с корнем, лежащим в основе д.-в.-п. герон «домогаться» (vgl. AcS I, Sp. 1514). Сегодня эту этимологию уже не принимают всерьез (ср. IEW S. 410 против 440f.; DAG 240, S. 1189; 246, S. 1331). Другое объяснение предполагает Etymologicum Magnum; Tomaschitz (1994), S. 87f. Тем не менее в этимологии Полибия может быть рациональное зерно, поскольку металлические чушки (слитки), похожие на небольшие пики или копья, из которых изготавливались наконечники копий и лезвия мечей («saumon d'érée»), могли служить в качестве платежного средства — ср. «деньги», употребившиеся в Британия (BG, V, 12), и первоначальный смысл греческого *ὀβελός* «металлический наконечник, затем монета» (ср. «обелиск»); Frisk (1960/70), II, S. 344; IEW S. 212f., 470 — что, может быть, и имел в виду ученый Полибий. Ср. далее этимологию н.-в.-п. *Zaster* «дельта» < шаганское *sāster* «железо» (IEW S. 586). О самом предмете см. H. Drescher, «Varren», в: RGA II, bes. S. 65, 68f. и Kimmig — Hell (1958), S. 102, Abb. 115.

² Фурий (BG, VIII, 15) пишет, что в предыдущих книгах Цезарь рассказывает о том, что галлы на поле боя имели обыкновение усаживаться, и поэтому они всегда возили с собой солому и сено. Если отвлечься от того, что эта ссылка указывает на шаше утраченный пассаж из Цезаря, то, видимо, речь идет об отдыхе прямо посреди поля боя — скорее они старались продемонстрировать небрежность и непринужденность, нежели применяли аналогичную тактику, наподобие тактики Гая Сульпиция, см. Realienkunde Galliano (1935).

³ Doeh s. Pauly IV, Sp. 853.

плечам, он не только снабдил солдат железными шлемами и бронзовыми ободками для щитов, но и объяснил им, как с помощью их длинных дротиков защищаться от опасных в ближнем бою кельтских мечей.

Итак, хотя отважные гезаты дрогнули, инсубры, бойи и тавриски оказали тем не менее ожесточенное и отважное сопротивление римлянам. Греческий историк, однако, видел основным недостаток галлов именно в их вооружении: «Ибо оборонительное оружие римлян, щит, и наступательное, меч, имеют важное преимущество... [поскольку щит покрывает все тело, а галльский щит короче, римский же меч — оружие преимущественно колющее, но может служить и для удара], тогда как галатским мечом можно только рубить»¹.

К тому же представляется, что поскольку кельты не осознавали недостатка их мечей (примерно в 1 метр длиной)², предназначенных только для удара, то в битве при Каннах в 216 году они, судя по всему, встретились с той же проблемой, поскольку Полибий рассказывает, что мечи иберов, которые дрались в отрядах Ганнибала бок о бок с кельтами (а те опять-таки сражались обнаженными!) могли, как и мечи римлян, функционировать как колющее оружие (Pol. III, 114).

Утверждают, что при Теламоне пало около 40 000 галлов и около 10 000 попали в плен, в том числе и царь Конколитан, в то время как Анероест убил себя и своих дружинников. После этой победы, в 225 году, римляне ударили по области бойев и, вволю пограбив, отвезли добычу в Рим, где был отпразднован триумф, а Капитолий украсили захваченные знамена и золотые ожерелья кельтов (Pol. II, 31).

В следующие два года римские консулы прилагали все усилия к тому, чтобы изгнать галлов из Верхней Италии. В 224 году это им удалось применительно к какой-то части бойев; оставшиеся подчинились Риму. Только инсубры в области позднейших Пьяченцы и Кремоны снова взяли за оружие, причем общий размер их вооруженных сил составлял около 50 000 человек: они собрались в одном месте и «взяли даже золотые, так называемые

¹ Polybios I, S. 140 (II, 30). Текст в [...] дополнен по смыслу Г. Дрекслером [Полибий, т. 1, с. 229; в переводе Ф.Г. Мищенко это испорченное место никак не дополнено].

² V. Kruta, in: *The Celts* (1991), S. 207.

нерушимые знамена из храма Афины»¹. После этого они отправились на битву с римлянами. Римляне, которые не вполне доверяли своим союзникам-ценоманам, разрушили мосты, отрезав себе, таким образом, путь к отступлению и встали лицом к лицу с далеко превосходившими их по численности инсубрами. При этом трибуны разработали новую тактику сражения, которая состояла в том, чтобы сначала напасть на галлов с коньями: «Прежние сражения научили римлян, что всякое племя галатов паничнее своим мужеством при первом нападении, пока не понесло еще никаких потерь, что мечи их, как сказно было выше, пригодны только для первого удара, что вслед за тем пригупляются и наподобие скребницы искривляются вдоль и поперек настолько, что второй удар получается слишком слабым, если только солдат не имеет времени выпрямить меч ногою, упирая его в землю» (Pol. II, 33)². Когда кельтские клинки, погнувшиеся от ударов об выставленные копья римлян, стали фактически ни к чему не годны, римлянам стало легче победить врага своими мечами, которые в основном были колющим оружием.

Следует заметить, что металлургические исследования последнего времени дают отнюдь не столь негативное представление о кельтских мечах. Длинный меч кельтов уступал в массовом сражении не столько короткому, колющему средиземноморскому мечу, сколько технике боя этим мечом, которую легионеры отработывали во время многочасовых учений³.

Когда римляне, по совету консула Марка Клавдия Марцелла, отклонили предложение инсубров о мире, в следующем (222) году дело дошло до решающей кампании. Галлы снова приняли на службу гезатов, которые в позднейших триумфальных фастах ошибочно фигурируют как *Germani*⁴, и под коман-

¹ Pol. II, 32; Polybios I, S. 141f. [Поллибий, т. 1, с. 230].

² Polybios I, S. 142. [Поллибий, т. 1, с. 230]. О таких недоброкачественных, легко гнувшихся мечах см. также у Диона Кассия (XXXVIII, 49, 4) и Плутарха (Camill. 40).

³ Pleiner (1993), S. 2ff., 165.

⁴ В дискуссиях античности эти фасты сыграли видную, однако весьма сомнительную роль как свидетельство «первого появления германцев в мировой истории». Обнаруженная при загадочных обстоятельствах в районе Малышской возвышенности (Mallnitzer Tauern) монета, которая сегодня считается подделкой, показывает якобы монное присутствие гезатов в области Австрийских Альп. Легенда, начертанная странным образом на аверсе и реверсе, гласит: *GESATORIX REX* (аверс) und: *ECRITUSIRI REGIS* (реверс); см. Egger (1961b), S. 202; автор, очевидно, верит в подлинность этой находки.

дованием своего короля Виридомара¹ посвятили все римское оружие, которое досталось им в добычу, богу Вулкану (Flor. 1, 20, 5). Римляне осадили город Ацерра (Гера близ Пиццигетоне на Алде, к северо-западу от Кремоны) в центре земли инсубров. Поскольку галлы не могли снять осаду с города, они перешли По и осадили спадаванский Кластидий (Кастелджо, около 30 километров к югу от Павии). Там 1 марта они были побеждены консулом Марком Клавдием Марцеллом с помощью его значительно превосходящей по численности конницы, причем большая часть галльского войска была уничтожена или нашла свой конец в волнах По. Плутарх (Marcell. 6) рассказывает историю о том, как лошадь консула, испугавшись дикого вида и крика галльских конников, отпрыгнула в сторону. Однако Марцелл, который боялся, что его воины воспримут это, как дурное предзнаменование, быстро сделал такой жест, как если бы он возносил молитвы Солнцу, как это было принято у римлян. Вскоре вперед вышел огромный Виридомар в особом пурпурном, украшенном золотом и серебром, доспехе. Консул пронзил его копьем, захватил его одеяние, «тучные доспехи» (*spolia opima*)², и посвятил их древнему божеству-камню Юпитеру Феретрию, что за всю историю Рима случалось всего лишь три раза и поэтому заслужило упоминания в триумфальных фастах на 222 год³. Когда Ацерра пала, инсубры удалились в свою столицу — Медиолан (Милан). Здесь они сначала оказали сопротивление второму консулу — Гнею Корнелию, и римское войско дрогнуло. Однако в решительный момент поспешившему на место Марцеллу удалось остановить бегущих, снова встретиться лицом к лицу с врагом и обратить его в бегство. Страна была опустошена, Медиолан взят штурмом, и вожди инсубров сдались на милость и немилость

¹ Имя известно во множестве вариантов. Поскольку этимология здесь нам ничем помочь не может (KGP S. 296), то поиск правильной формы можно считать бессмысленным. Упомянутая у Плутарха (Marcell. 6) форма Βιρτόμαρτος, однако, выглядит наиболее неправдоподобно, как и упоминаемое у Проперция (4, 10, 41ff.) происхождение с Рейна (из Рейнской области?); см. s. Vendryes (1948), S. 279; GKAR 565f. и примеч. 1776ff.

² [Наименование *spolia opima* заслуживали только доспехи и оружие, которые были в бою сняты римским главнокомандующим исключительно с главнокомандующего вражеского войска, поэтому неудивительно, что такое случалось редко. Первым, кто завоевал такой трофей, был Ромул].

³ Соответствующие штаты из древних авторов легче всего посмотреть в AcS III, Sp. 379ff.

победителей (Pol. II, 34). Во время торжественного триумфа в Риме римлян больше всего удивили громадные тела пленных галлов.

В 218 году римляне основали в области расселения галлов два города-колонии: Кремону и Плаценцию (Пьяченца), поселив туда 6000 человек. Оглядываясь назад, можно различить в галльской истории фазу подъема — до взятия Рима (387 год), потом длившийся на протяжении трех поколений расцвет кельтского могущества и с 295 года (Клузий) — фазу упадка, этапы которой отражают поражения 292 года при Сентине, в 283-м — у Вадимонского озера, в 237, затем в 225-м — при Теламоне и, наконец, в 222-м — при Кластидии.

Полибий считает, что война с галлами была войной, где «ни одна из описываемых историками войн не сравнится с этой по безумной отваге сражающихся, по количеству битв, по множеству участвовавших в них и убитых; зато она может считаться совершенно ничтожной в отношении задуманных планов, по нерассудительности в отдельных предприятиях, ибо галаты не в большинстве случаев только, но во всем и везде руководствовались страстью, а не рассудком»¹. Кажется, что бард VI века н.э. Анейрин говорил и о галлах при Кластидии: «Хотя их убивали, и они убивали. Никто не вернулся в свою землю» (*a chet lledessynt wy lladassan. Neb y eu tymhyr nyt atcorsan; Gododdin XXXI, 361*)². Кроме того, греческий историк хочет напомнить читателям, что важно помнить о подобных «интермедиях Судьбы», чтобы последующие поколения «не падали духом от внезапных, неожиданных нападений варваров»; нужно держаться, помня о том, что могущество подобных народов недолговечно и они легко сами себя уничтожают³.

Здесь, конечно, можно заметить, что эти народы, которых так «легко уничтожить», тем не менее один раз сожгли и в другой раз подвергли огромной опасности сам город Рим, и что подобные приговоры («интермедия Судьбы») возможны только с высокомерной точки зрения историка и задним числом. Таким образом, галльский эпизод становится уроком истории, который

¹ [Полибий, т. I, с. 231].

² Rockel (1989a), S. 68f.

³ Polybios I, S. 145 (II, 35) [Полибий, т. I, с. 232].

может подкрепить наши надежды, если когда-нибудь снова на нас обрушатся варвары...

Однако галльскому воинству суждено было снова подать очевидные признаки жизни. В том же самом 218 году, когда римляне основали Кремону и Плаценцию и галльское могущество переживало свой самый страшный упадок, Ганнибал пересек Альпы, и два года спустя Плаценция уже была разрушена! Во время этой, Второй пунической, войны галлы долины По, прежде всего бойи и инсубры, попытались снова завоевать политическое влияние, а заодно — и отомстить Риму, и поэтому они с самого начала присоединились к Ганнибалу, на которого возлагали все свои надежды (Pol. III, 34, 40, 65ff.). Тем не менее кельтские воины были и на стороне связанных с Римом договором массалиотов (Pol. III, 41), а в трансальпийской Галлии другие кельтские племена мешали Ганнибалу при переходе через Рону (Pol. III, 43) и — прежде всего аллоброги — при переходе через Альпы (Pol. III, 49ff.). Тем не менее можно сказать, что более ранние походы кельтов на юг непрямым образом проложили этот путь и для Ганнибала. Карфагенянин сумел поставить себе на службу даже вождей альпийских кельтов.

В глазах греческих историков кельты Верхней Италии в роли союзников Ганнибала выглядели не лучшим образом: и потому, что при физических усилиях они показывали очень мало выносливости и поэтому во время многодневного перехода через болото конникам Ганнибала приходилось гнать их вперед силой (Pol. III, 79); и потому, что их считали непостоянными, капризными и изменчивыми — этот недостаток был основной чертой их «национального характера», с которой пришлось столкнуться и Цезарю. Будучи союзниками Ганнибала, они в то же время охотно заключали предательские соглашения с римлянами (Pol. III, 69), да и галлы, сражавшиеся на стороне римлян (возможно, ценоманы), внезапно пошли на измену, ночью убили находившихся в лагере римлян и принесли их головы Ганнибалу (Pol. III, 67). Насколько мало карфагенянин доверял своим кельтским союзникам, очевидно из того факта, что он, боясь покушения на свою личность, постоянно маскировался с помощью одежды и париков, так что «он был неузнаваем не только для людей, видевших его мимоходом, но даже и для тех,

с которыми находился в постоянном общении» (Pol. III, 78)¹. Следует, однако, помнить и о том, что большая часть боевых операций Ганнибала проходила на кельтской земле и что почти при всех стычках кельтские вспомогательные войска несли самые тяжелые потери (см. например, Pol. III, 85), так что у галлов могло возникать впечатление, что Ганнибал ведет свою войну прежде всего за их счет. Поэтому полководец должен был во всех своих речах и выступлениях постоянно подчеркивать, что его действия имеют своей целью исключительно освобождение народов Италии от римского ига (а не только собственную пользу Карфагена) и направлены только против римлян.

Тем не менее галлы составляли существенную часть войск Ганнибала, и именно они во время резни на Тразименском озере (217) убили римского консула Гая Фламиния (Pol. III, 84). В ходе катастрофической для римлян битвы при Каннах (216) Ганнибал поставил (кельт)иберских и кельтских всадников против римской кавалерии, «за ними половину тяжеловооруженной ливийской пехоты, за нею — пехоту иберов и кельтов, а подле них — другую половину ливиян. Правый фланг заняла нумидийская конница. Построив всю рать в одну прямую линию, Ганнибал выдвинулся вперед со стоявшими в центре иберами и кельтами; к ним присоединил он остальное войско таким образом, что получилась кривая линия наподобие полумесяца, к концам постепенно утончавшаяся. Этим он желал достигнуть того, чтобы ливияне прикрывали собою сражающихся, а иберы и кельты первыми вступали в битву» (Pol. III, 113)². По моему мнению, одна лишь эта стратегическая мера показывает, как именно Ганнибал оценивал кельтов: они должны были сеять страх своим первым мужественным натиском и наготой и именно поэтому их ставили на видное место, а их применение в качестве охранных и резервных войск было бы излишне рискованным. Точно так же был расчет на то, что они, будучи первыми, первыми падут и уступят врагу: представлялось разумным держать в резерве и меньше выставлять вперед заслуживающие доверия войска, состоявшие из земляков полководца. Заслуживает внимания и то, что кельты и кельгиберы сражались в своей

¹ Polybios I, S. 273. [*Поллибий*, т. I, с. 311].

² Polybios I, S. 312f. [*Поллибий*, т. I, с. 332].

традиционной манере — первые обнаженными, вторые были одеты «в короткие туземные льняные хитоны, отделанные пурпуром», притом, что ливийцы были вооружены по-римски: Ганнибал снабдил их всех отборными доспехами, захваченными в последнем сражении. Смысл этой мудрой стратегии был в том, что римляне, прорвавшись через ряды кельтов и иберов, которые неминуемо поддались бы, должны были быть взяты в клещи надежными ливийцами. Этот план полностью осуществился, и битва стала полным поражением римлян. Сражавшийся в самом центре консул Луций Эмилий Павел нашел свою смерть в рукопашной схватке с ливийцами, в то время как Гай Теренций Варрон нашел спасение в постыдном бегстве. Из 6 000 римских всадников остались в живых только 370, из римской пехоты спаслись около 3 000 человек, в то время как убито было более 70 000. Потери Ганнибала были менее значительными: около 1 500 иберов и ливийцев, около 200 всадников, но примерно 4 000 кельтов — то есть большая часть галльского контингента! Бойи же приготовили римским войскам под командованием Луция Постумия гибель следующим образом: они подрубили деревья вдоль всей военной дороге через лес Литаны (*Litana* — близ Модены и к северо-западу от Болоньи), причем сделали это столь хитро, что с виду деревья прочно стояли на месте, однако при малейшем движении начинали падать. Когда войско находилось на дороге, спрятавшиеся галлы начали валить последние деревья. Одни деревья падали на другие, соседние, и так далее: получился эффект домино, так что почти все римское войско было убито стволами и ветвями. Оставшиеся в живых римляне, ошеломленные и потерянные, были уничтожены галлами. При этом самому Постумию отрубили голову, отделили от нее мягкие части и принесли в храм, где она была выставлена в ритуальной золотой отделке и служила как культовый сосуд при возлияниях (Liv. XXIII, 24).

На краткое время с помощью Ганнибала галлам Верхней Италии удавалось поддерживать свое военное и политическое значение. Но когда брат Ганнибала Газдрубал (в войске которого также были кельты) потерпел в 207 году поражение при Метавре (поблизости от Сенигаллии), сам Ганнибал был отозван в Карфаген (203) и Рим укрепил свои позиции, исчезли последние остатки кельтской независимости в Италии, и в 191 году до н.э.

кельты были окончательно разбиты. Около 150 года территория римского государства расширилась до самых Альп, а в Испании погибла кельтиберская независимость.

Наряду с инсубрами, которых во время их заговора и восстания поддерживала молодежь ценоманов (Liv. XXXII, 30), самое длительное сопротивление оказали бойи. Поскольку они не были покорены и не остались в долине По, то, судя по всему, они отошли на север¹, в Подунавье — в область своей «старой родины»², Богемия (Strabon V, 1, 6)³, откуда они в 58 году до н.э. напали на Норею (Caes. BG. I, 5). За это говорит также тесная связь бойев Подунавья и даже Богемии с бойями долины По, которая проявляется в чеканке монет, что можно наблюдать в распространении римских монет с изображением Геракла (Alkis-Pragungen)⁴. В районе Пресбурга и Вены бойи, как показывают

¹ Об изгнании кельтов из долины По упоминает Полибий (Pol. II, 35), не говоря при этом, однако, куда же они отправились. По его сведениям, кельты сохранились только в немногих поселениях у подножья Альп, согласно Плинию (N. H. III, 16) они уже вообще исчезли; сие означает только то, что в других областях галлы настолько ассимилировались, что уже в середине II в. до н.э. не могли более выступать как самостоятельный этнос; см. об этом D. Vitali, в: The Celts (1991), S. 235.

² Не вполне понятно, действительно ли это была их старая родина. Известно только то, что они жили здесь уже давно и что, называя эту область именно так, германцы считали бойев местными жителями. О происхождении бойев из этой области говорит обозначение этой страны как *Boiohaemum* (например, в Tac. G. 28) — общегерм. **Baijahaîna*, отсюда ср.-нем. mhd. *Bôheim*, и наше *Böhmen* «Чехия» или *Baias* (в «Равеннской космографии»), ср. более позднее название **Baijavarjod*, наше *Baiern* «Бавария», указывающее на германских обитателей страны бойев. Правильная пракеельтская форма этнонима должна был **Bai-as* (Nom. Sg.), **Bai-i* (Nom. Pl.) произносилось с неконным дифтонгом *oi*. Поэтому перед соединительной гласной кельт./герм. *o/a* легко могла возникнуть в качестве глайда полугласная *j*. Последняя обобщающая работа по кельтам в Чехии — Drla — Rybová (1995).

³ Tomaschitz (1994), S. 89f. считает переселение ослабленных своими потерями бойев маловероятным. Однако отступление в область, которая и без того была бойской, — это не совсем то, что переселение, нацеленное на завоевание. Кроме того, Томашитц не принимает во внимание нумизматические данные об их переселении на север в область Дуная и Паннонию, где они столкнулись с араваками ср. Szabó (1992), S. 41. Аргументы в Dobesch (1993b), S. 9 также не вполне меня убеждают, поскольку здесь может идти речь о столь небольшом племени «осколке», что молчание Ливия совершенно неудивительно. Мнение Добеша образца 1980 года кажется мне более вероятным; Dobesch (1993a), S. 67.

⁴ Allen (1980), S. 63, с илл. 134, 136, 137.

их крупные серебряные монеты¹, пережили еще 50-летний период расцвета, но затем были уничтожены даками под предводительством Буревесты (Strabon V, 1, 6). Мы должны быть благодарны Роберту Гёблю за тщательный анализ этих событий с пунзиматической точки зрения. Сам я показал, как языковой элемент продвигавшихся постепенно на юг маркоманнов и квадов проявился в гибридных языковых образованиях — в таких книжеских именах, как *VIATEC*², *AINORIX* и *FARIARIX*. Особенно интересно последнее имя, помимо элемента *-rix*, — чисто германское, и его можно перевести примерно как «царь перевозчиков». Оно, очевидно, связано с важным бродом на Дунае близ Пресбурга. Сравнимая гибридная языковая форма — это старое имя Богемии *Boiohaemum*.

Здесь следует припомнить и исторический рассказ о переселении кельтов, из которого историки мало что могут извлечь, кроме смутного воспоминания о двух главных направлениях переселения, а именно южном и восточном — в традиционной форме «прямого переселения» (Галлия-Альпы-Рим). Речь здесь идет о рассказе Помпея Трога (эпитома Юстина, XXIV, 4, 3 сл.), который утверждает, что часть из 300 000 переселенцев направилась в Италию, в то время как другая, которую вели птицы (галлы чрезвычайно высоко ценили птицегадание), вышла на берег Адриатики и оттуда переправилась в Паннонию. Если вспомнить Ливия, то получается, что он имел в виду отряды Сеговеза, которые у него, однако, дошли до Герцинского

¹ Allen (1980), S. 52f. Особенно интересно, что значительная часть изображений на этих монетах с лезвием *VIATEC* (крылатый гриф, дошиль с оленей головой, гарни в шлеме, медведь с вождем, «кентаврница» с крыльями и т.д.) имеет свои параллели в британских чеканках Таскивана и Кунобеллина. R. Göbl (1992) и (1994) достиг существенного прогресса в исследованиях внутренней хронологии.

² *VIATEC* особенно интересен с языковой точки зрения, поскольку соединительная гласная *-a-* говорит о германизации, что само по себе достаточно редко, так как даже германские имена по галлогреческому образцу зачастую имеют соединительную гласную *-o-* (*Lang-o-bardi*, *Mare-o-manni*...), как и в имени *AIN-O-RIX*. Можно ли говорить здесь о значительном распространении германского акцента? В имени матроны *Viradeedix* встречается та же германизированная соединительная гласная. Мое более раннее предположение (Birkhan [1971], S. 30ff.), что германская вокализация не произошла там, где в галльской акцентной парадигме находилось ударение, теперь, после публикации de Bernardo Stempel (1994), S. 19ff., я вынужден полностью отвергнуть.

леса (по крайней мере, так кажется) через верхнюю Италию — иначе как они могли попасть к Адриатике? Я могу объяснить такой путь лишь как результат смешения двух исторических свидетельств: рассказа о переселении на восток по Дунаю (ср. *Volcaea palus*), весьма неудачно объединенного с историей об уже упоминавшемся переселении на север побежденных бойев (о котором упоминает и Страбон) после 191 года до н.э., которых Трог, однако, посылает не через Бирнбаумский лес (*Birnbaumet Wald*), а через бурные Альпийские перевалы в Паннонию. Пришла ли эта контаминация из устной традиции воковтов на родине Трога или же она возникла в результате сокращенного изложения текста Трога у Юстина, я не осмеливаюсь решить¹.

Международные отношения в Средней Европе были серьезно затронуты стремительным набегом кимбров, тевтонов и амбров в конце II века до н.э. О происхождении этих германских племен говорят названия мест, совпадающие с именами этих племен: Химмерланд (*Himmerland*, в древности *Himbersysæf*), Ти (*Thy*, в древности *Thythesysæf*) в Ютландии и остров Амрун на Северном море (*Amrun*, в древности *Ambrum*). Сперва эти племена появились из Герцинского леса (Судеты?), где кельты-бойи могли отразить их натиск, откуда они пошли на юго-восток, перешли через Дунай и продвинулись до земли скордиков на Саве (Strabon VII, 2, 2). Одна группа во главе с кельтом (?) Молистомом и иллирийским племенем автарисев даже планировала нападение на Дельфы, однако божество святилища якобы наказало их непогодой, землетрясением и... лягушками (Arr. III, 4)². Во всяком случае, они изменили направление и отправились на запад, в область Штирии и Каринтии, где в 113 году до н.э. в битве при Норее они убили римского полководца Гнея Папирия Карбона. Это место, находившееся на какой-то судоходной реке (Strabon V, 1, 8), до сих пор с точностью не локализовано. Принятое теперь отождествление с Санкт-Маргаретен на Зильберберге (Штирия), которое поэтому официально называется «Нореей», оспаривается большинством

¹ Ср. Tomaszczak (1994), S. 62ff.

² [По словам Аппиана, на кельтов «напало неисчислимое количество лягушек, которые, загивая, портили все воды»; см. *Аппиан*, с. 635].

историков и археологов. Продвигаясь далее на запад, на северной оконечности Альп они оказались в южной Германии, в области гельветов, где оставались в течение четырех лет. Здесь (под впечатлением от уже полученной и еще ожидаемой добычи) к ним присоединились кельты-тигурины, которые обитали в одной из областей гельветов¹. В 109 году на Роне они уничтожили римское войско под командованием Марка Юния Силана — после того, как римский сенат отклонил их просьбу о предоставлении земли для поселения. Спустя два года тигурины окружили близ Ажана (департамент Ло-и-Гаронна) отряд, которым командовал Луций Кассий Лонгин. 105 год принес германско-кельтскому воинству двойную победу: в первый раз над Марком Аврелием Скавром на Роне и затем, 6 октября 105 года, победу при Араузионе (Оранж, департамент Воклюз), где они уничтожили два римских войска под предводительством Гнея Манлия Максима и Гая Сервилия Цепиона, причем последний, судя по всему, сам навлек на себя беду. Несмотря на все эти успехи, трем племенам не удалось поселиться ни в Галлии, ни в северной Испании. Тем не менее их наступление на Испанию вызвало анти-римское восстание кельтиберского племени араваков, которое, однако, смогли подавить (98–93)².

Тогда варвары разделились и повернули на север, в область позднейшей провинции Белгика, где они, однако, столкнулись с сопротивлением. Поэтому им пришлось оставить в *Атватуке* (Тонгери) свои вещи и часть обоза. Тогда тевтоны и амброны снова отправились через Бургундию на юг. Из Прованса они пытались попасть в Лигурию через Приморские Альпы; осенью 102 года встретились при Аквах Секстиевых (Экс-ан-Прованс) с римским войском, которым командовал Гай Марий,

¹ Сохранилось ли их имя в таком названии, как *Tegernsee*, весьма сомнительно из-за отсутствия второго передвижения согласных. В качестве второго важного племени названы «тоутоны» (Toutones). Трудно понять, идёт ли речь об остатках германского племени тевтонов, первоначально бывшего в союзе с кимбрами (в этой форме название племени, во всяком случае, не является германским), или о каком-то кельтском племени, поившем базальное название «люди». Поскольку и.-е. (пратгерманское, пракекельтское) *eu* в галльском переходит в *ou*, то по фонетической форме названия этого племени сделать никаких выводов нельзя. От тигуринов см. Tomaschitz (1994), S. 209ff.

² Эти беспорядки отразились в находках крупных монетных кладов на Иберийском полуострове, см. M. Almagro-Gorbea, в: *The Celts* (1991), S. 402f.

и потерпели сокрушительное поражение¹. Кроме того, зимой того же года кимвры и тигурины пересекли Альпы, возможно, через перевал Бреннер и вошли в долину По, где они пытались поселиться. При Верцеллах на Раудийских полях (между Миланом и Туринном) 30 июля 101 года они уступили римлянам, которыми командовали Квинт Лутаций Катул и Гай Марий. Так пришла к концу эта самая ранняя германская «интермедия», масштабы которой Диодор оценил в 400 000 человек (XXXVII, 1).

Для нас нашествие кимвров и тевтонов особенно важно из-за того влияния, которое оно оказало на античную историографию, которой мы обязаны появлением трудов Посидония и новых представлений о северо-востоке Европы, которые сами по себе имели очень важные последствия². Интересно и то, что к этим германским захватчикам присоединялись кельтские племенные группы, и по кельтским или кельтизированным именам их предводителей (как, например, *Boiorix* «Бойориг» — «царь бойев») можно судить о готовности к кельтской аккультурации³. Что касается военного дела, то можно указать на огромную важность кавалерии как на типично кельтскую черту. Кое-кто удивлялся, что хотя кимврам неоднократно удавалось одолеть римлян, они терпели поражение от других варваров, таких, как араваки и белги⁴. Мне кажется, что причиной этому был традиционный способ ведения войны — со всем его *furor heroicus*, «акустическими атаками» и т.д. Все эти элементы варварским противникам были известны, а может быть, они и сами их применяли, так что на них они не работали, в то время как на римлян это действовало так же, как во время галльских войн в Италии. Вполне можно предполагать, что среди кимвров находился и контингент бойев и что имя «Бойориг» относится именно к ним. Весьма соблазнительно связать находки кладов бойских «радужных мисочек» (*Regenbogenschüsselchen*) —

¹ У Страбона (IV, 1. 8) появляются «тевтоны» (*Teutones*), чье имя в устах кельтов и результате галльского перехода *eu > ou* превратилось в *Toutones*, как в *Toutenoi*, что, безусловно, является очень древней ошибкой чтения греческих прописных букв: нет никаких сомнений в том, что здесь имеются в виду тевтоны, ср. Dirkzwager (1975) S. 69.

² Ср. Dobesch (1995), S. 52ff., 63ff.

³ GKAR S. 493f.

⁴ Dobesch (1982), S. 62.

совершенно чуждого для цизальпинских кельтов типа монет у Верчелли — с теми самыми боями в войске кимров¹. То, что мы знаем о военном деле и культе кимвров и тевтонов (например, человеческие жертвоприношения у большого котла), могло поэтому быть вполне кельтским или возникнуть под кельтским влиянием. С одной стороны, кимврские войны снова дали многим цизальпинским галлам возможность возобновить сопротивление римлянам, которое из-за уничтожения их союзников — врагов римлян — продолжало долгое время оставаться тщетным. С другой стороны, из указания Феста на то, что по-галльски *cimbri* означает «разбойники»², так же как «амброны» — людей, постыдным образом добывающих себе средства к жизни³, можно понять, какими глазами другие галлы смотрели на этих переселенцев. И во время Цезаря галлы все еще остро переживали весь ужас, который принесло с собой нашествие кимвров: когда в Алезии ощущался недостаток припасов, почтенный арверн Критогат (BG, VII, 77) вспомнил, что в подобном же положении во время кимврской войны неспособных воевать стариков съели! Средиземноморские народы долго помнили вторжение кимвров, и само название этого народа дало толчок к многочисленным этимологическим спекуляциям: уже Посейдоний пытался связать его с названием «киммерийцы»⁴. Когда в эпоху Ренессанса вновь открыли античную этнографию, то этот вопрос опять всплыл, однако на этот раз с прибавлением библейской традиции, и поэтому стала «очевидной» этимологическая связь кимвров с библейским Гомером, сыном Иафета, как и с современными «кимрами» (Сумтру) в Уэльсе⁵.

Еще во II веке римляне полностью завоевали Верхнюю Италию, установив там римскую цивилизацию и обычаи, и поэтому племенная принадлежность теперешних римских граждан стала совершенно несущественной. При Сулле в 82 году появилась провинция Цизальпинская Галлия (*Gallia cisalpina*),

¹ E. A. Arslan, в: *The Celts* (1991), S. 461ff.; о других археологических свидетельствах упоминает Kruta (1986), S. 47.

² AcS I, Sp. 1015; особенно Plut. Mar. 11.

³ AcS I, Sp. 125.

⁴ Diod. V, 32; Plut. Mar. 11; ср. Dobesch (1995), S. 64ff.

⁵ Piggott (1993), S. 124.

обитатели которой в 49 году получили право римских граждан, и поэтому Авл Гирций (BG, VIII, 24) мог говорить о *Gallia togata* — «Галлии в одежде римского гражданина». Галльский язык, согласно Полибию (II, 35.4), около 150 года до н.э. в Верхней Италии уже не употреблялся — по крайней мере, как обиходный язык. Однако весьма правдоподобно, что в небольших общинах он продолжал жить: и позднее было известно о диковинном для римского уха произношении *d 193d 193 (Tau gallicum)*¹ — в случае, если эти упоминания относятся именно к Цизальпинской Галлии. Естественно, что большая часть галльских заимствований в латинском языке была взята именно из цизальпинского галльского языка². Следует упомянуть и о том, что не только такие малые римские поэты, как Гай Корнелий Галл (из Фрежюса) и Гельвий Цинна³ (возможно, из Брешии), но и такие известные римские авторы, как Публий Вергилий Марон (из Мантуи), Гай Валерий Катулл (из Вероны) и его друг Корнелий Непот были кельтского происхождения или, по крайней мере, носили кельтские имена⁴.

Обратимся же снова к Востоку⁵. В конце V века кельты появились вдоль Дуная и в Прикарпатье, распространяясь на Балканы, так что к III столетию до н.э. уже можно говорить о «решительно дунайской и балканской ориентации кельтской цивилизации»⁶.

Феопомп рассказывает, что кельты уже в 359–58 году до н.э. одолели иллирийское племя ардиеев в южной Далмации, отравив

¹ Birkhan (1967), *passim*; GPN S. 420; Eska - Evans (1992), S. 41.

² Gernia (1981), S. 97.

³ Это был тот самый Гельвий Цинна, которого после убийства Цезаря перепутали с претором Цинной, схватили и разорвали на куски (см. Шекспир, «Юлий Цезарь» III, 3). Его голова была насажена на кол (своего рода римский вариант галльской *tête coupée*).

⁴ Историк Помпей Трог происходил из Нарбоннской Галлии. Фамилию Тита Ливия (из Палуи) также пытались объяснить на основе кельтского языка, что, однако, в виду древности и широкого распространения *gens Livia* представляется неверным (ср. Pauly III, Sp. 689); другое мнение в CG S. 7, § 11.

⁵ О следующем см. у Nachtergaeel (1975), Szabó (1986), Szabó (1991a) и Tomaschitz (1994), S. 95ff., где сопоставлены исторические и археологические данные.

⁶ Szabó (1991a), S. 28. Ср. проникновение культурных элементов дунайских кельтов в область Марны.

им еду (FGrHist. 115 frag. 40). Об этом событии рассказывает и Полиэн (VII, 42), однако у него жертвой становится племя автариатов (в сегодняшней Сербии)¹. Такая «военная хитрость», в ходе которой один народ отравляет еду другого, мне лично представляется малоосуществимой. Более вероятно, что речь идет о каком-то отряде воинов, который таким способом пытался захватить власть — наподобие позднейших приключений галатов в Египте.

Согласно Трогу (эпитома Юстина, XXXII, 3, 12), в надежде на добычу кельтские племена тектосагов в 358 году вторглись в Иллирик. После того, как они разграбили землю вдоль Истра, они вошли в Паннонию, возможно, в район уже упоминавшегося «волькского болота» (Volker Sumpf) в области Осиека (Эссет). Когда в 335 году Александр Великий победил фракийское племя трибаллов на нижнем Дунае близ Ниша, то ему нанесли достопамятный визит посланцы кельтов «с Ионийского моря»², то есть из области теперешних Словении и Хорватии, когда и прозвучало ставшее столь известным высказывание о страхе кельтов перед падением неба³. Второе посольство балканских кельтов из фракийской области отыскало Александра в 324 году в Вавилоне⁴. Затем начались постоянные вторжения кельтов в Паннонию, Фракию и Иллирию: «действительно, в это время судьба заразила всех галатов страстью к войне, как бы чумой какой» (Pol. II, 20)⁵. Эти набеги можно очень четко проследить по данным нумизматики: мы можем наблюдать, как бойи в Подунавье копировали серебряную тетрадрахму Филиппа V с изображением Геракла (Alkis-Tetradrachme)⁶, и такая же судьба ожидала золотой статер с головой Александра III⁷. Однако важнее всего — серебряная тетрадрахма Филиппа II (царствовал 359–336), которая легла в основу норийских чеканок с именами *ECCEAIO* и *TINCO*. В каком соотношении эти княжеские имена находятся

¹ Об этом см. Tomaschitz (1994), S. 95ff.

² Ср. Tomaschitz (1994), S. 99.

³ Strabon VII, 3.8; Arr. an. I, 4, 6–8; Ptol. Lagou в: FGrHist. 138 frag. 2.

⁴ Tomaschitz (1994), S. 100.

⁵ Polybios I, S. 129. [Полибий, т. I, с. 223].

⁶ Allen (1980), S. 63.

⁷ Allen (1978), S. 47f., Abb. 47, 48; Allen (1980), S. 61f.

с *ECSSAIO* и *Tincommius* в Британии, неизвестно¹. Предположительно по дунайскому пути и золотой статер Филиппа II попал на Запад, вызвав в Галлии массу подражаний, поскольку большая часть монет галльской чеканки сработана именно по этому образцу². Еще одно указание на связь с македонско-греческим пространством — это находка лаконской гидрии, которая была обнаружена на кладбище в Артанде (в долине Тиссы между Дебреценом и Гроссвардайном), как и новооткрытые погребения воинов середины IV века из Печинне близ Костолаца (неподалеку от Пожареваца)³, которые также говорят о расселении кельтов.

Мы можем вместе с Миклошем Сабо отделить один период вторжения на Балканы (310–275 года до н.э.) от второго, когда кельты, укрепив свою позицию в Подунавье, уже могли отважиться на более далеко идущие акции — вторжение в Карпатский бассейн и Малую Азию (275–190 до н.э.)⁴. Поэтому мне представляется весьма замечательным, что экспансия кельтов на Восток совпала с поражением цизальпинских галлов. В 283 году галлы потерпели сокрушительное поражение на Валдимонском озере, а около 280 года в восточноевропейском пространстве кельтское господство снова пережило расцвет с возникновением недолговечного королевства с центрами в Рацнарии (Арскар в Болгарии), Дуросторе (Силистра в Болгарии) на Дунае и Новиодуне («Новгороде») в Добрудже⁵.

Спустя год после кончины македонского вождя Лизимаха три большие армии галатов — как греки еще с Тимея называли кельтов — отправились в поход, который сегодня зачастую оценивают как колониционное движение⁶, о чем говорит и масштаб обоза — 2 000 грузовых телег (Diod. XXII, 9, 1)⁷. За информацию об этих событиях мы должны в первую очередь благодарить Павсания (I, 4, IIff.; X, 19, 5ff.), во вторую — Помпея Трога (эпитома Юстина, XXIV, 4 сл.) и Диодора⁸. Сегодня считается,

¹ Allen (1980), S. 46ff.

² Allen (1978), S. 49ff.; Fischer (1991).

³ Jovanovic188 – Popovic188 (1991), S. 337.

⁴ Párvan (1928), S. 112ff.; Szabó (1986), S. 62f.

⁵ RE XVII, 1, s.v. *Noviodunum*-8; Filip (1961), S. 66.

⁶ Szabó (1991a), S. 14; археологическая литература у Szabó (1986), S. 66.

⁷ Об этом ср. Tomaschitz (1994), S. 127ff.

⁸ Tomaschitz (1994), S. 106ff., который говорит, что в греческом походе кельты несли «подвижное разбойное существование» (S. 129).

что в походе на Восток, в греческие земли, участвовало чуть меньше 300 000 человек¹. Греки привыкли считать кельтов друзьями Массалии, а стало быть — и самих греков, но теперь они сами пали жертвой кельтского нашествия. К чему все это может привести, их могла научить судьба Рима. Страх перед галлами — *metus Gallicus* — охватил теперь и Элладу.

Кельтский вождь Керетрий пошел на Фракию, Бренн и Акихорий — на Пеонию. Этот самый Бренн (Strabon IV, 1, 13) происходил из неизвестного по другим источникам племени правсов (*Prausi*) и был, возможно, назван в честь знаменитого победителя Рима, которого, очевидно, вспоминали в героической традиции², как и некий вождь раураков, чье имя, возможно, сохранилось в недавно обнаруженном названии места *Brenodor* (оппидум на полуострове Энге близ Берна). Четвертый предводитель звался Белгием (или Болгием, как у Павсания). Он напал на Иллирию и Македонию, где в 279 году захватил в плен царя Птолемея Керавна. Птолемею отрубили голову и, дабы запугать македонцев, насадили ее на копье. Македонцев охватили страх и отчаяние. Тут на сцене появился стратег Соффен, которому удалось победить и изгнать войска Белгия (Trog. bei Iust. XXIV, 5, 6ff.). Не так давно Джон Т. Кук сделал интересную попытку 1) объяснить имя этого Белгия как эпонимного героя белгов; 2) связать македонский поход Белгия с заимствованием македонских чеканок в Галлии; 3) сопоставить воспоминания о Белгии с традицией о Бели в Британии³. Тогда войско Белгия состояло из белгов, которые прорвались на восток из своей зарейнской родины. Среди белгов в Белгике сохранилось воспоминание об этом, и в ходе переселения белгского (?) племени катувеллаунов в Британию оно было перенесено туда. Второй вождь греческого похода, Бренн, к судьбе которого мы сейчас обратимся, оставил по себе память как герой валлийских мифов или саг Бран (*Brân*) «Благословенный». Однако здесь у меня возникают сомнения этимологического порядка.

История захватнического похода нашего Бренна протекала особенно драматично. Вождь, чья стратегическая ловкость

¹ Tomaschitz (1994), S. 130.

² Однако см. выше.

³ Koch (1990), S. 5.

впечатлила самого Ливия (XXXVIII, 16), в 279 году (год спустя после того, как римляне основали свою колонию в области сенонов) вторгся в Грецию с 150 000 пехотинцев и 15 000 всадников (Trog. bei Just. XXIV, 6, 1), убил Сосфена, перешел через Фермопилы и еще зимой того же года начал разграблять Дельфы, причем шутил, что такие богатые боги должны одаривать людей. Рассказывали об (весьма важном как для древнекельтской религии так и для истории скульптуры) удивлении Бренна перед лицом греческих изображений богов из дерева и камня. Он якобы смеялся над греками, которые представляли себе богов в виде людей и к тому же изображали их подобным образом (Diod. XXII 9, 4)!

Трог впечатляющим образом описывает местный колорит Дельф и нападение галлов. Посреди сражения стража храма и проводцы внезапно закричали, что сам бог пришел на помощь своему святилищу и что вооруженные девы — Диана и Минерва — спешат к храму (точно так же как кельтский Аполлон, *Белен*, 500 лет спустя защитил от разрушения свое святилище в Аквилее). Вскоре сражающиеся услышали свист выпущенных стрел и шум божественного оружия. Все внезапно почувствовали присутствие бессмертных. Тогда же на Парнасе произошло землетрясение, при котором завалило часть галльского войска. Итак, Аполлон, Артемида и Афина-Проноя воспользовались непогодой с холодом и градом, а также прибытием войск этолийцев и фокейцев, чтобы вынудить Бренна отступить в Фессалию. Пифия предсказала ему, что его судьбу определяют «белые девы»; позднее Цицерон совершенно рационалистичным образом понимал вмешательство божественных дев как появление снега и зимней непогоды (div. I, 37, 81). Птолемеевский придворный поэт Каллимах (ок. 300–240) пел о «варварском мече кельтского Ареса» и упоминал

«Племя новых Титанов, от самого края заката
В том же пришедши числе, в каком вьются снежинки
В вихре или светила идут по небесному кругу»¹,

¹ |Перевод С. Аверинцева штируется по изд.: Александрийская поэзия. Пер. с древнегреч. / Сост. и предисл. М. Грабарь-Пассек. М., 1973. С. 118|.

называя «путь высокомерного кельтского народа» «путем ужаса» (н. IV, 173ff.).

Предводитель, страдая от ран и угнетенный поражением, собрал своих людей и посоветовал им убить его самого и всех раненых, сжечь повозки и налегке добраться до дома, а царем избрать Акихория. Затем он выпил много неразбавленного вина и таким образом убил себя. Его заменил Акихорий, который убил раненых и тех, кто изнемогал от мороза и голода, всего около двадцати тысяч человек. Затем кельты отправились обратно (Diod. XXII, 9; Trogus у Iust. XXIV, 6–8).

Остаток кельтского войска мог соединиться с войсками Акихория (Paus. X, 23; Pol. II, 20), другие, видимо, вернулись на свою западноевропейскую родину. Так, во всяком случае, рассказывает Трог (bei Iust. XXXII, 3, 9ff.), очевидно, следуя племенной традиции тектосагов: бывшие среди захватчиков отряды тектосагов вернулись в южногалльскую Толосу (Тулузу). Однако на золоте, награбленном в Дельфах, лежало проклятие. На родине на племя обрушились эпидемии, которые завершились только тогда, когда по указанию прорицателей награбленное золото и серебро было утоплено в священном озере близ Толосы¹. Посидоний (у Страбона, IV, 1, 13) относится к этой традиции критически: сначала он рассуждает о том, что вольки-тектосаги в Малой Азии действительно могли происходить из района Тулузы². Однако то, что они, несмотря на свой военный неуспех и вопреки всем опасностям, смогли унести на столь дальнее расстояние храмовое сокровище, представляется Посидонию-Страбону неправдоподобным. То, что в священных водах действительно могли храниться сокровища, он

¹ Конечно, оценки объема этого сокровища у Трога (Iust. XXXII, 3, 10) — там якобы было 110 000 фунтов серебра и 5 000 фунтов золота — представляются совершенно фантастическими. У Орозия (Hist. adv. pag. V, 15, 26) говорится даже о 100 000 фунтах золота и 110 000 фунтах серебра! Однако сегодня оспаривается, действительно ли часть добычи могла оказаться в священном озере вольков в южнофранцузской Толосе, ср. A. G. Mansueti, в: *The Celts* (1991), S. 8. Мне лично такое дальнее путешествие отдельных трофеев представляется вполне осуществимым. Ведь и пластижки Гундеструцкого котла, вдохновленные фракийским искусством, могли проделать свой дальний путь на север именно как трофей. Однако в любом случае речь идет лишь об отдельных предметах! Критика неточников по вопросу о «тулузском золоте» — *aurum Tolosanum* — см. в Dobesch (1995), S. 77.

² Об этом см. Dirkzwager (1975), S. 88ff.

приписывает богатству земли и широко известному благочестию ее жителей. Когда они были захвачены римским консулом Квинтом Сервилием Цепионом, боги покарали его: войско консула потерпело поражение от кимвров¹. Из-за расхищения *aurum Tolosanum* в 104 году в Риме против Цепиона был возбужден судебный процесс. Он был изгнан из страны как грабитель храмов, а его дочери стали проститутками (Strabon IV, 1, 13)². Современная историческая наука полагает, что как не было никакого масштабного разграбления святилища Аполлона, так не было и увоза сокровищ в Южную Францию³. На самом деле следует думать, что речь идет о своеобразном «национальном мифе» тектосагов, который опирался на смутно ощущавшееся старое чувство племенной принадлежности, и, следовательно, его не стоит полностью отбрасывать.

Около ста лет спустя после разграбления Дельф появился терракотовый рельеф в италийском храме в Чивитальбе (Этрурия). На нем показаны грабители-кельты⁴ и личное вмешательство божеств⁵. В благодарность за спасение от крайней опасности был учрежден общегреческий праздник Σοτήρια ἱερὰ.

Обнаруженные в 1953 году в древнем фонтане или, скорее, в священном источнике в Истмии близ Коринфа два ножных кольца (Hohlbuckelfußringe), которые имеют прямые параллели в Южной Баварии, считаются археологическим отражением кельтского нашествия в Грецию⁶. Птолемей II Филадельф взял остатки войска Бренна к себе на службу в 276 году для войны с Магом из Кирены. По какой-то причине Птолемей так и не смог их использовать, что привело к бунту галатов, которые пытались захватить государственную казну или даже (по другим источникам) власть над Египтом! Совсем по-кельтски,

¹ Об этом см. Ebel (1976), S. 93.

² Об этом см. Dirkzwager (1975), S. 91ff.

³ Nachtergaele (1975), S. 93ff.; Tomaschitz (1994), S. 144.

⁴ Ср. изображение воина, одетого в сагум и кольчугу, который только что занолучил культовый сосуд в Praxis Geschichte, S. 15, Abb. 2.

⁵ В. Andrae, in: The Celts (1991), S. 61f. Там (S. 63) можно увидеть часть этого фриза.

⁶ E. Müller, in: Helvetier (1991), S. 72. Это ножные кольца, что указывает на то, что они принадлежали женщине. Естественно, для таких спорадических и случайных находок могут быть и другие объяснения: например, это могли быть украшения привезенной в Грецию рабыни и т.д.

и если это неправда — то хорошо придумано! Однако Птолемею удалось вывезти мятежников на пустынный остров в устье Нила, где они погибли от голода и от своих собственных мечей (Paus. I, 7, 2)¹. Мраморная голова галата в Каирском музее, видимо, является фрагментом какого-то победного монумента, который должен был быть воздвигнут в честь подавления мятежа². В птолемеевской пропаганде эта победа стала большим государственным триумфом, и самого Филадельфа сравнивали с Аполлоном — богом-спасителем Дельф — или, как показывает полуаллегорическая терракотовая фигурка, с Бесом — богом-защитником египтян. Это маленькое произведение искусства изображает похожего на гномика бога войны, который, издеваясь над противником, высовывает язык и, угрожающе поднимая короткий меч, попирает кельский щит³.

Еще одна часть войска Бренна, которая осталась в Македонии, поставила Антигона Гоната, который как раз собирался укрепить свою власть в Македонии, перед необходимостью купить для себя мир. Они послали к Антигону посольство для переговоров о мире, которое, между прочим, должно было тщательно осмотреть лагерь претендента на корону. Антигон, пытаясь запугать галатов и повысить свой престиж, приготовил им необыкновенно помпезную встречу. Все было убрано золотом и серебром; привели даже слонов, которые должны были устрашить варваров своим необычным видом. Все это имело как раз противоположный эффект: галльских послов глубоко впечатлило все это выставленное напоказ богатство, а также то, что лагерь Антигона не укреплен ни валом, ни рвом... Помня о первом успехе Белгия, они отважились на сражение. Перед битвой галлы пытались задобрить богов человеческими жертвоприношениями. Как с отвращением рассказывает Помпей Трог, для этого они убили своих собственных жен и детей⁴. Несмотря на это — или, по мнению античных авторов, скорее вследствие этого — в 277 году варвары потерпели сокрушительное

¹ В. Andrae, в: *The Celts* (1991), S. 62f.; о параллельной традиции в схолиях к Каллимаху см. Tomaschitz (1994), S. 146ff. Подробно об этом см. Laubscher (1987).

² Laubscher (1987), затем В. Andrae, в: *The Celts* (1991), S. 63. Изображение головы можно найти в Laubscher (1987), Taf. 20.

³ Laubscher (1987), S. 151f. und Taf. 21/6.

⁴ Трог, *y Iust.* XXVI, 2; 2.

поражение близ Лисимахии на фракийском Херсонесе (близ Галлиполи)¹. Остаток войска присоединился к малоазиатским галатам, о которых у нас еще речь впереди.

Когда кельтам не удалось закрепиться в Греции, они стали утверждать свое владычество в Паннонии и Иллирии. Позднее на Саве очень важную роль играло племя *скордисков* (или скордистов: Athen. VI, 24), которые возникли в результате смешения бывших воинов Бренна с местными племенами (Trog. bei Iust. XXXII, 3, 8)². Они основали Сингидун (Белград) и целый ряд других городов. Имя их предводителя Батанатта (некельтское) сохранилось, согласно Посидонию (у Афиней), среди его потомков. Скордиски славились своей жестокостью и дикостью. Они были настолько сильно фракизированы, что некоторые писатели, например Флор (I, 39), даже считают их фракийцами. Считается, что именно скордиски были посредниками при культурных контактах кельтов на востоке; сейчас зачастую полагают, что именно у них было изготовлено едва ли не наиболее важное для истории кельтской религии произведение искусства — серебряный котел из Гундеструпа. Восточнокельтско-фракийское культурное пространство в целом³ и, возможно, племя скордисков в частности славились работами по серебру. На это, во всяком случае, намекает Посидоний, который утверждал также, что скордиски совершенно не употребляют золота, которое некогда принесло столько несчастья их племени. Какова в действительности была причина для табу на золото, мы не знаем⁴. С другой стороны, скордиски, судя по всему, передали фракийцам многие кельтские слова. Наиболее очевидное заимствование — это обозначение пива (*kurmin* > (thak. **kurmi*-)⁵. Об экспансии и консолидации кельтов в Подунавье можно судить хотя бы по тому, что примерно с 250 года так называемые большие скифские кладбища пустеют и вместо них появляется в массовом порядке латенский материал в погребениях воинов и состоятельных женщин⁶. Другой вопрос — действительно ли из этого можно заключить, что крупные

¹ Trog. y Iust. XXV, I, 1f.; ср. Tomaszczak (1994), S. 133ff.

² Popovic218 (1991); Szabó (1991a), S. 14f. m. Abb. 3; Szabó (1992), S. 47ff.

³ Об этом см. недавнюю работу Thraaker und Kelten.

⁴ Ср. Tomaszczak (1994), S. 140.

⁵ Ködderitzsch (1993), S. 147ff.

⁶ M. Szabó, в: The Celts (1991), S. 307, 310.

кельтские племенные союзы после разгрома в Греции отошли из Подунавья и Прикарпатья в Галлию, особенно в Шампань¹.

Еще в Дардании (область около Скопье), до нападения на Грецию, в войске Бренна возникли разногласия и два отряда под предводительством Лутария и Леоннория от него откололись. Полибий (IV, 45, 9 сл.) называет также некоего короля Комонтория, под предводительством которого кельты дошли до Византия и после победы над фракийцами и сооружения королевской резиденции в Тилисе (возможно, ныне Тулово близ Казанлыка в Болгарии)², которая, видимо, просуществовала с 275 по 213 год до н.э., стали непосредственно угрожать Византию³. «При первых вторжениях галатов во время первого царя их Комонтория византийцы постоянно откупались подарками, уплачивая по три, по пяти, а иногда и по десяти тысяч золотых, лишь бы избавить свою страну от разорения. Наконец они вынуждены были согласиться на уплату восьмидесяти талантов ежегодной дани. Так было до царствования Кавара [имя у него, однако, вполне кельтское! — Г.Б.], при котором владычество галатов пало, а самое племя было совершенно истреблено фракиянами, в свою очередь одолевшими врага»⁴.

Другая группа галатов, в которой насчитывалось около 20 000 человек, включая женщин и детей — число не столь уж большое, — под предводительством Леоннория или Лоннория

¹ Так у M. Szabó, в: *The Celts* (1991), S. 307 и 314, который опирается на параллели в костюме и обряде погребения и говорит даже о «кельтской эмиграции из области центрального Дуная, которая успешно преобразовала демографическую ситуацию на севере Франции». Если вспомнить об украшенных драконами ложках меча, найденных на дне Темзы, то и Британские острова также не остались в стороне. Однако если мы говорим о глубоких культурных влияниях, а не просто о заимствовании определенных изделий, то, как мне кажется, мы еще не можем определить, в каком направлении шли эти культурные контакты. Хотя мы и не отрицаем возможность обратного культурного движения переселенцев на старую родину, к родному племени, тем не менее утверждение о каких-то демографически существенных переселениях должно быть более серьезно обосновано.

² Párvan (1928), S. 113f.; Szabó (1986), S. 66.

³ S. Vufic (1926), S. 231ff.

⁴ Polybios-Fragment VIII. 22, перевод в: Polybios I, S. 372. Об этом см. Tomaschitz (1994), S. 151ff. [В переводе Ф.Г. Мищенко этот пассаж отнесен к 46 главе IV книги: *Полибий*, т. I, с. 378. О Каваре также упоминается во фрагменте 24 книги VIII, см. *Полибий*, т. II, с. 77].

(Strabon XII, 5, 1; Liv. XXXVIII, 16) пересекла Боспор и была поначалу взята на службу царем Вифинии Никомедом¹, однако еще некоторое время бродила по стране «в фазе мобильного разбоя»², причем разграбила в числе прочего Дидиму близ Милета. Главная сила галатов, судя по всему, была в их плодовитости (Justin. XXV, 2 считал, что из-за своей многодетности они могут заполнить всю Азию)³ и в коннице, на что указывает и термин τριάρκισια — «трехлошадие», которое обозначало стратегическую единицу из трех всадников — наименьшее боевое подразделение⁴. Бронзовые фибулы из крученой проволоки из Кайсери, Мерсина и Приены (Пирена), относящиеся к среднелатенскому времени, являются археологическим свидетельством кельтской экспансии в Малой Азии⁵. Надпись в Приене упоминает некоего Бромимара, обладателя вполне кельтского имени (что-то вроде «великий на границе»)⁶. Антиох I нанес кельтам сокрушительное поражение (App. Syr. 65, 343) в «битве слонов», которая произошла в неизвестном месте (в 268/7 или в 276/5 году?)⁷. За эту победу Антиох был удостоен прозвища «Сотер» (Спаситель). Он отвел кельтам места для поселения по обоим берегам Галиса (Кызыл-Ырмак) между Фригией и Каппадокией.

Таким образом, область расселения кельтов достигла своего наибольшего распространения: с северо-запада на юго-восток — около 3 300 км от Ирландии до Анатолии, с юго-запада на северо-восток — около 2 700 км от Португалии до южной Польши и

¹ Tomaschitz (1994), S. 160ff.; о дальнейшем см. Strobel (1996), S. 153ff.

² Tomaschitz (1994), S. 165.

³ Об этом см. Tomaschitz (1994), S. 185.

⁴ AeS II, Sp. 1954f.; Lambert (1995), S. 202.

⁵ The Celts (1991), S. 319. Указанная под № 23 находка из Финике (S. 792) в самом каталоге не фигурирует (S. 727) и в тексте не упоминается. Речь здесь идет не о фибуле, а о выпуклом пустотелом кольце (Hohlbuckelring) того типа, который находят в Коринфе. Однако само место находки — Финике в бухте Анташы — вызывает некоторые сомнения; F. Müller, in: Helvetier (1991), S. 72; Szabó (1991a), S. 19f. m. Abb. 5; Tomaschitz (1994), S. 169f., Anm. 567. У Tomaschitz (1994) можно найти наиболее современное изложение истории галатов с привлечением надписей, эпитаграм и т.д. Перечень утраченных греческих исторических источников см. у G. Dobesch, in: The Celts (1991), S. 36f.

⁶ de Hoz (1992), S. 231.

⁷ Об этом см. Tomaschitz (1994), S. 186ff. Предположение об использовании слонов против галатов в этом сражении сделано на основании вторичных поздних источников.

Карпатекой дуги¹. Однако сплошного кельтского континуитета в Восточной Европе не наблюдалось. Разумеется, путешественник, говорящий только по-галльски, не смог бы проехать от Альп до Анкары!

Галаты заняли², можно сказать, наиболее неплодородную область Анатолии, которая на юге граничила с окрестностями большого соляного озера *Tatta* (Tuz gölü)³. В римское время Галатия имела большое экономическое значение как из-за овцеводства, так и как экспортер карминных шитовок⁴, которые были необходимы для производства красителя тканей — кармина. Галатское и галло-романское обозначение этого цвета *coecus* сохранилось в валлийском слове *coch* «красный». В этой унылой, почти незаселенной местности кельты долгое время продержались как три племени с одним языком и очень друг на друга похожие (Strabon XII, 5, 1). Это были обитавшие близ Пессинунта и вокруг Гордиона во Фригии толистобогин⁵, обитавшие в районе Анкиры (Анкары) тектосаги и поселившиеся на правом берегу Галиса близ Тавния, напротив Каппадокии, трокмы — самое

¹ Ср. румынские латенские фибулы, распространение которых у Карпатекой дуги завершается, в то время как по другую сторону от нее появляются фракийско-гетские; см. хотя бы Pálvay (1928), S. 113ff. (о *Cotensii* в Молдавии); Zitta (1991), особенно 452. О южной Польше см. Gedl (1991). Сегодняшняя Галиция на Украине и частично в Польше (у подножья северных Карпат) отнюдь не сохраняет в своем названии воспоминание о кельтском заселении, как Галисия в Испании, но происходит от старославянского «Галич», что, видимо, связано с древним и распространенным, хотя и не кельтским корнем *hal-* «соль» (как, например, в названиях Гальштат, Халлайн, Халле/Заале и т.д.) [Другое предположение высказано в словаре М. Фасмера: он считает слово *Галичь* прилагательным от *галица* «галка»].

² На эту тему имеется значительная антиковедческая литература, в которой прежде всего речь идет о столкновении галатов с Пергамом, о римском завоевании и истории провинции Галатия. Эти подробности выходят за пределы задач нашей книги. Представление об этих проблемах в новой литературе можно получить, обратившись к следующим публикациям: Lequenne (1959); Szabó (1986), S. 66; Strobel (1991); de Puydt (1993); Mitchell (1993); Tomaszczak (1994), S. 155ff. Однако работа Stähelin (1907) все еще остается незаменимой. О галатском языке пишет Weisgerber (1931b).

³ Мне кажется неубедительным или, во всяком случае, высказанным со слишком современной кудатурно-исторической точки зрения мнение Томашца (Tomaszczak (1994), S. 177f., 192), который при наличии указания на пригодность земли отклоняет идею о насильственном поселении.

⁴ О красильных мастерских там см. Plov (1956), S. 17f.

⁵ Видимо, это правильное, чем вариант *Tolistoagii*.

могущественное племя. Названия «трокмы» и «толистобогии» произошли якобы, согласно Страбону (XII, 5, 1,) от имен вождей, в то время как тектосаги, по всей видимости, были связаны с вольками-тектосагами в Подунавье. Однако Страбон полагал, что тектосаги Малой Азии отделились от тектосагов Южной Франции (IV, 1, 13). Отсутствие в Европе трокмов и толистобогиев объяснялось, видимо, тем, что эти племена полностью переселились на свою новую родину. Эти три группы, каждая из которых, в свою очередь, делилась еще на четыре подгруппы, образуя таким образом нечто вроде тетрархии, позднее заключили союз — *koinòn tòn Galáton*. Это четырехчастное деление напоминает, с одной стороны, четыре области гельветов, с другой — деление Ирландии на четыре провинции (до появления средней провинции Миде). Согласно Страбону (XII, 5, 1), над двенадцатью тетрархиями стояли «судья» (*dikastés*) и командующий войском (*στρατοφύλαξ*), бок о бок с которым стояли два *ὑποστρατοφύλακες* («заместители командующего»). Собрание общего совета двенадцати тетрархий состояло из трехсот человек, которые собирались в *δρυναίετον* — священной роще. Позднее власть стала еще более централизованной: двенадцать тетрархов уступили место трем владетелям, и, наконец, была достигнута стадия монархии. Это событие пало на царствование Дейотара, которого прозвали *Φίλορωμαίος* — «друг римлян». Благодаря его умным и беспринципным действиям все три области объединились под его владычеством. В Риме его обвиняли в дружбе с Помпеем и в нескольких покушениях на жизнь Цезаря, а Цицерон, общавшийся с ним на дружеской ноге и называвший его *hospitem nostrum clarissimum atque optimum virum* [славнейший гостеприимец наш и муж совершенный] (Cic. div. I, 15, 26), успешно защищал галльского царя в суде.

Появилось автономное жреческое королевство, которое поставило воинов и поэтому играло заметную роль в борьбе между Пергамом и Вифинией, и прежде всего — в битве между Пергамом и Римом. Характерно, что еще при Страбоне (XII, 3, 41) область Пафлагонии, граничившая с Вифинией, называлась «страной Гезаторига», то есть «страной короля гезатов», из чего, как кажется, следует, что само название «гезаты» было широко распространенным термином для обозначения насмников.

Дань этому галатскому племенному союзу вносилась в форме «кельтского сокровища».

Не совсем ясно, насколько галатам удалось продвинуться на северо-восток. Около 220 года обитатели Ольвии, греческой колонии на Черном море (Николаев в устье Днепра), заказали для своего заслуженного гражданина Протогена, который за свой счет отремонтировал городские стены, почетную надпись. В надписи говорилось, что сарматы и скифы, обитавшие между Бугом и Днестром, планировали подчинить себе город под предлогом защиты его от нападений недавно появившихся скиров и галатов. Поскольку скиров обычно называют вместе с бастарнами и сегодня оба эти народа из-за своих названий, причесок и по другим основаниям справедливо считаются германцами, было высказано предположение, что и здесь под именем галатов скрываются бастарны¹. Это было бы совсем неудивительно, поскольку в античной этнографии четко различать кельтов и германцев стали только начиная с Цезаря. О том, что бастарны в общем и целом являлись смешанным народом говорит, согласно общему мнению, само их название². Действительно ли эта «смесь» помимо германских содержала и кельтские элементы³, или же, скорее, дако-фракийские, сарматские или скифские, определить нельзя. Не последнюю роль в этой путанице сыграло то, что бастарны, так же как и галаты, служили наемниками в войсках греческих царей⁴. Следует мимоходом упомянуть, что какое-то из вышеупомянутых племен (или часть его) под названием «айгосаги» (*Aigosages*), возможно набранные в Тбилисе, служили наемниками в войске Аттала I. Лунное затмение 1 сентября 218 года, которое сочли дурным предзнаменованием, привело к расторжению «трудового договора». Аттал отправил их обратно на Геллеспонт, где они, очевидно, были брошены на произвол судьбы.

¹ Ср. Pol. XXV, 6; Liv. XI., 57; Dobesch (1993a), S. 39.

² «Бастарды» в противоположность «чистым» **Skirōz*.

³ Так у G. A. Mansueti, в: *The Celts* (1991), S. 9 и M. Szabó, в: *The Celts* (1991), S. 305. Древние авторы называли бастарнов то «галатами», то германцами, то геттами или скифами. Цитаты полностью приведены в TPG I, S. 117ff. Галаты Ольвии, однако, зачастую считаются кельтами; см., например, Weisgerber (1931), S. 152; M. Szabó, in: *ibid.* S. 306, 319. Далее к вопросу о кельтах на Украине см. литературу, приведенную у Szabó (1986), S. 66.

⁴ Wenskus (1961), S. 364.

Тогда они стали грабить Троаду, пока царь Вифинии Прусий II их не уничтожил (Pol. V, III, 1 сл.)¹.

Дальнейшая история галатов в Малой Азии в первую очередь определялась тем, что только что упомянутый царь Пергама Аттал I уклонился от уплаты «кельтского сокровища» и неоднократно разбивал галатов, которых Полибий называет «сильнейшим и воинственнейшим народом в Азии» (XVIII, 41), причем важнейшей, видимо, была победа, одержанная при реке Каик (Бакыр-Чай) вблизи Пергама². За эту победу Аттал сам присвоил себе почетное звание «Сотер» (Спаситель). На Акрополе Пергама, который по образцу афинского также был посвящен Афине, между 228 и 223 годами он воздвиг памятник победе с изображениями побежденных, возможно, бронзовый, который известен нам по римским мраморным копиям так называемых «больших галлов». Создателем этого произведения, которое представляет врагов обнаженными, но тем не менее создает возвышенный и героический образ галлов, считается Эпигон из Пергама³. Одна из этих копий — знаменитая мраморная скульптура «Умиравший галл». Собственно говоря, это горнист. Усы свидетельствуют о его благородном происхождении. Страдая от ранения в печень, умирая в одиночестве, галл пытается опереться о землю, перед тем как опуститься без сил и пасть (скульптура в Капитолийском музее) — точно так же как Мизен, боевой трубач из свиты Гектора (Verg. Aen. VI, 167). Другая скульптура (в Римском национальном музее)⁴ представляет обнаженного галатского вождя и его (одетую) супругу. Зная, что игра проиграна, галл перерезал своей жене сонную артерию, а сам намерен покончить с собой, воткнув меч сверху между шеей и ключицей и пронзив мечом сердце и легкие. Его упрямый и горестный взгляд обращен не к безжизненно поникшей жене, которую он поддерживает левой рукой; галл демонстративно отвернулся от

¹ Об этом см. Tomaszczak (1994), S. 196ff.

² О теме разгрома в изобразительном искусстве ср. Künzl (1971), S. 16, 24.

³ Bienkowski (1908); Künzl (1971); Kremer (1984); Praxis Geschichte.

⁴ Тщательное исследование см. в Künzl (1971), S. 5ff. См. также описание этой прекрасной находки и ее интерпретацию у Маршья Маттен в The Celts (1991), S. 70f. Она считает, что это произведение — не копия, а сам пергамский оригинал! Положение правой руки первоначально должно было быть пным. Сломанный боевой рог интерпретируется как указание на то, что воин оказался среди врагов отрезанным от своих.

нее и смотрит через правое плечо наверх, как будто взирает на своих, точно так же погибших товарищей¹. Сюжет со сражающимися, пленными или умирающими галлами продолжился и в искусстве Рима императорского времени².

Решающий же удар нанесли галлам римляне под предводительством консула Гнея Манлия Вульсона (189), который после неудачной попытки переговоров с царем толистобогиев, при которой служил посредником «царек» Эпосогнат (Pol. XXI, 37), штурмовал галльское укрепление на «Олимпе», причем большая часть кельтов была уничтожена и очень многие — а именно 40 000 — были обращены в рабство. Стоит прочесть ту речь, с которой Вульсон в 189 году якобы обратился к воинам для их ободрения: здесь и настоящий винегрет из всех возможных традиционных представлений о кельтах (например, «акустическая атака»), и описания оружия, и исторические воспоминания о таких героях, как Манлий Торкват и Валерий Корв (Liv. XXXVIII, 17). Здесь же мы должны вспомнить и историю о героизме гордой царицы толистобогиев Хиомары, как ее рассказывает Полибий, лично знакомый с этой государыней (Pol. XXI, 38)³. Она была супругой царя Ортиагонта, о положительных качествах которого Полибий рассказывает в другом месте (XXII, 21). После поражения при Олимпе царица попала в руки одного римского центуриона. Овладев ею силой, он потребовал за Хиомару огромный выкуп. При встрече на назначенном месте на берегу реки, когда земляки царицы принесли выкуп, она подмигнула одному из них. Тот бросился на центуриона, который только-только собирался нежно попрощаться с Хиомарой, и отрубил ему голову. «Хиомара подняла ее и, прикрыв платьем, удалилась. Когда затем она пришла к мужу и кинула голову к его ногам, он изумился и сказал: «Верность, жена моя, прекрасное свойство». «Да, — возразила она, — но

¹ Künzl (1971), S. 7ff. и табл. 5ff; ср. также В. Andreac, в: *The Celts* (1991), S. 64ff., и там же иллюстрация.

² Например, в бронзовой фигурке повергнутого галльского воина, который носит «тиреос» с шишкой с форме «ячменного зерна» — форма шита, которая к тому времени уже устарела; илл. в *The Gauls*, Pl. 6, Fig. 91 (показанная там же фигура пленного со «швабским узлом», видимо, изображает германца!).

³ Ср. Val. Max. VI. 1 = Zwicker (1934), S. 44.

еще лучше, что на свете остался один человек, сожительствовавший со мною»¹.

Отныне галаты стали союзниками римлян. В этом качестве они победили царя Пергама Эвмена II, что тот отметил в 180 году воздвижением знаменитого алтаря Зевса (находится в Пергамском музее в Берлине); стилистически его фигуры стоят очень близко к уже упоминавшимся терракотовым фризам из Чивитальбы². Здесь сражение с галатами, представленное в мифологизированной форме как борьба гигантов против богов, сохраняет странное для нас с первого взгляда значение: кельтские переселенцы снова становятся символом всего неприрученного и неприручаемого, короче говоря, всего богоборческого и хаотичного. Не только фризы на самом алтаре Зевса, но и изображения трофеев на воротах Пергама (также в Пергамском музее) показывают характерный латенский щит побежденного галата. Уже Каллимах в своем панегирическом гимне (h. VI, 4, 173ff., 184) утверждал, что галаты происходят от титанов³, племени гигантов, угрожавших космическому порядку, а победитель кельтов Птолемей II Филадельф сопоставлялся с Аполлоном Дельфийским⁴.

В шестидесятых годах II века до н.э. на афинском Акрополе появился другой памятник победе над галатами, создатели которого были настроены в духе антиримского, греческого патриотизма. Этот монумент известен нам по описанию Павсания (I, 25, 2). Здесь смешались миф и история: прославлялась битва с гигантами, с амазонками, победа над персами при Марафоне и победа над галатами в Мизии. Некоторые из фигур галатов сохранились в копиях в музеях Неаполя, Парижа и Венеции. Все они представлены обнаженными (а то бы никто и не

¹ Polybios II, S. 1044. Можно себе представить, что мыслявшая по-кельтски Хиомира представляла себе свой поступок как добывание головы врага [Полибий, т. II, с. 358].

² В. Andrae, в: The Celts (1991), S. 62f.

³ В. Andrae, в: The Celts (1991), S. 63, упоминает об игре слов на основе имени «титаны» и греческого *titanos* «известь» или «гипс» — намек на причисли галлов, которые они «крахмалили» с помощью извести.

⁴ Об этом см. Toniaschütz (1994), S. 135ff.

понял, что это галаты!) и полулежащими: они защищаются, уже раненные, встают на колени, падают или уже упали¹.

Хотя еще Помпей заключил договор с царем галтов Дейотаром и поставил его царем над большой областью богатого газелиями Понта (Strabon XII, 3, 13), после кончины его наследника Аминты при Августе (25 год до н.э.) племенной союз галатов (*koinón tōn Galátōn*), который заключили между собой все три племени и который сначала управлялся двенадцатью, потом тремя тетрархами (хотя исполнительная власть уже давно находилась в руках одного), был преобразован в римскую провинцию Галатия. Небольшая область на Галисе в районе современного Сиваса, находившаяся под властью галатского князя Атепорита, в глазах римлян представлялась самостоятельной полигической единицей (*Caranitis*) еще во времена Страбона (XII, 3, 37), сохраняя свой особый статус. Это было самое восточное поселение кельтов.

В позднейшее время галаты имеют значительное сходство со своими родственниками в Галлии, прежде всего в области права и религии. Как и у последних, отец семейства обладал властью над жизнью и смертью своей жены и детей (BG, VI, 1). В 187 и 167 годах до н.э. у галатов засвидетельствованы человеческие жертвоприношения². Место собраний *drunémeton* (δρυνάμετον), видимо, основано на той же символике середины, что и центральное святилище Галлии в лесу карнутов. Об этом мы еще многое узнаем в главах, посвященных кельтской религии. Галльский демон в капюшоне (*Genius cucullatus*), судя

¹ Весьма основательные предположения о внешнем виде этого утраченного произведения см. у В. Andrae, в: *The Celts* (1991), S. 66f. Там же можно найти указание на фрагменты другого памятника в честь победы над галатами в Эфесе и о продолжении пергамских мотивов в живописи вплоть до римского саркофага императорской эпохи из дунайских областей (ibid. S. 69).

² У Ливия (XXXVIII, 47) в речи Гнея Манлия к сенату (187) упоминаются *mactatas humanas hostias immolatosque liberos...* [зарезанные человеческие жертвы и принесенные в жертву дети]; также у Диодора (V, 32). У Диодора из контекста неясно, говорит ли он о малоазиатских галатах или о континентальных кельтах вообще. То, о чём говорит Ливий, возможно, просто римская пропаганда со свойственными ей измышлениями о зверствах варваров. Однако поскольку о человеческих жертвоприношениях говорит гораздо позднее Цезарь и Лукан, вполне можно принять, что они были обычны и в 187 году в Малой Азии; в особенности Диодор (XXXI, 13) свидетельствует о такой жертве в 167 году.

по всему, генетически был связан с очень похожим карликовым божеством — малоазиатским божеством-целителем *Телесфором*. Во многих случаях божества носят имена, которые документировано являются галльскими или, по меньшей мере, объяснимыми с точки зрения кельтских языков, например, Зевс Буссуригий (*Bussurigos*, «Зевс с царственными устами» из Акче-Таш) и Зевс Бенний, чье прозвище может быть связано с галльским *benna* «вид повозки»¹. Тавий в стране трокмов стал центром культа Зевса с колоссальной статуей из бронзы (Strabon XII, 5, 2). Многие из тетрархов носили имена, которые, судя по всему, связаны с кульгом быка: так, например, *De(i)otaros*, что означало что-то вроде «Небесный бык» и *Brogitaros* — «бык Земли»². Среди толистобогиев был прежде всего распространен фригийский культ Аттиса и Кибелы, для которого они поставляли половину жрецов, хотя центр культа, Пессинунт, лежал отнюдь не в галльской области. Эти жрецы Кибелы, которые оскотпляли себя в религиозном экстазе, назывались *γαλλοι*, то есть собственно «галлами». Однако точно не известно, оправдано ли в этой форме такое, уже античное, объяснение этого слова. По другой версии, жрецы назывались по имени одноименной реки, воды которой приводили тех, кто пил из нее, в экстаз³. В то же время вполне возможно, что эта река и другие реки с подобными названиями взяли свое имя от самих кельтов. Как Секвана (Сена) стала «матерью-рекой» секванов, так и реки по имени Галл (все расположенные в галатской области) могли быть «отцами-реками» этого племени.

Свой вклад в обострение скрытого противостояния с Римом внесло то, что римляне забрали и отвезли в Рим Черный камень богини-матери из Пессинунта. Возможно, роковой конфликт 189 года до н.э., корни которого лежат в каком-то галльском восстании, и был связан с этим кощунством. Что касается истории религии, то впоследствии мы слышим о галатах уже тогда, когда в середине I в. среди них проповедовал апостол Павел. Так они стали первым среди кельтов христианским племенем.

¹ Weisgerber (1931), S. 157.

² Об этом см. в GKAR S. 276f.

³ S. RE VII, 1, s.v. *Gallus* [статья Кюмона — P.B.].

Кельтский диалект галатов, судя по всему, еще долго оставался языком сознающего себя меньшинства в окружении греческого и латинского, поскольку отец церкви Иероним в своем комментарии на Послание Павла к галатам недвусмысленно утверждает¹, что язык этого народа очень похож на язык обитающего близ Трира племени треверов.

Своего рода эпилогом ко всем этим масштабным переселениям кельтов на Восток стало мирное вступление одного племени, пришедшего из области Восточных Альп, в область венетов в 186 году до н.э. (Liv. XXXIX, 22. 45. 54; XL, 53)². Здесь, на ничьей земле, в никому не нужной буферной зоне между карнами из Истрии и венетами, вблизи будущей Аквилеи, они основали город. Римляне отреагировали на это с некоторым опозданием, но сумели отослать переселенцев (которые, оправдываясь, указывали на отсутствие людей и избыток пахотной земли в этом краю как на причину своего переселения) обратно на их заальпийскую родину. Возникло очень интересное правовое положение, которое было тонко проанализировано Герхардом Добешем, и соответственная дипломатическая переписка между Римом, переселенцами и теми, кто остался на родине, которая, с другой стороны, показала, что аристократическая республика норейцев переживает кризис³. Этот племенной блок состоял из союзников (*socii*), маленьких племен с некельтскими именами, такими, как каталы, менонкалены и т.п., которые, возможно, имели статус клиентов, и состоял в каких-то (во всяком случае, если верить Страбону и Плинию) неясных взаимоотношениях с тавриками (в области Лайбаха и Загреба)⁴. Переселенцы в 183 году вернулись на свою заальпийскую родину так же мирно, как и пришли оттуда. Однако это событие помогло римлянам осознать стратегическое значение области между Истрией и областью венетов, и поэтому они сразу после этого основали там, несмотря на сопротивление истров (*Histri*), свою собственную колонию — город Аквилея. Так римляне получили возможность

¹ Hieron, Comm. in ep. ad Galat. II, 3 = MPL 26. 357.

² Об этом см. Dobesch (1993a), S. 14ff., 359, 367ff.; Tomaschitz (1994), S. 91ff.

³ Dobesch (1993a), S. 20ff.

⁴ Об этом (вместе с цитатами из античных авторов) см. Dobesch (1993a), S. 137, 242ff.

парализовать истров с военной точки зрения. Располагавшееся между Истрией и горами Караванкен племя карнов было важным связующим звеном между обитавшими к северо-востоку на плато Карст на верхней Саве таврисками и яподами (или япидами), и, таким образом, карны служили посредниками между восточнокельтскими племенами Балкан и Римом¹ (до того они и так уже были посредниками между Римом и Норриком, который славился своими богатыми минеральными запасами и производством стали).

Не все из этих племен были чисто кельтскими. Нужно учитывать и то, что венетские и иллирийские племена все еще существовали, однако были значительно кельтизированы. Тем не менее карны, судя по всему, были носителями культа Аполлона-Белена, который имел такое огромное значение для Аквилеи. Знаменитая владельческая надпись на шлеме А из Пегая (сегодня Женьяк в Словении, к юго-востоку от Бад-Радкерсбурга), судя по всему, указывает на носителя карнского или норрийского имени: *dubnibanuabi siraku: þuprpi iarx(x?)eivsx(x?)*. В этой форме родительного падежа мы узнаем имя *Dubnos*, имя *Banuabiþosy* «Свиноубийца» и имя, которое, возможно, содержит ту же основу, что и в имени бога Эза и возводится к индоевропейскому **eis-*². Возможно, надпись относится к более позднему времени, поскольку в этой области тогда были и германские наемники³. Однако по своей форме этот шлем выглядит гораздо древнее⁴. В этом историческом и географическом пространстве существовали во II и III веках, бок о бок друг с другом различные венетско-этрусские алфавиты. Особенно красивый пример — это посвятельная (?) надпись на сосуде из Птуя с необычным алфавитом. Возможно, здесь же позднее возникли и германские руны.

Около 171/170 года в критический для Рима (из-за напряженных отношений с Македонией и самоуправства одного консула) момент появился некий царь альпийских кельтов по имени Цинцибил (*Cincibilus*), который прибыл в Рим с почтенной дипломатической миссией — дабы племена карнов, истров

¹ Dobesch (1993a), S. 105ff.

² Чтение по Nedoma (1995), S. 19.

³ О германском вокализме в *Banuabi* ср. Birkhan (1971a).

⁴ Об этом см. Knez (1980), S. 248.

и яподов могли приобрести какое-то количество чистопородных римских лошадей (Liv. XLIII, 5)¹. Римский сенат вручил брату Цинцибила, который сообщил об этом в Рим, а также послам карнов, истров и яподов много подарков, которые представляют большой культурно-исторический интерес и которые я кратко перечислю здесь по Герхарду Добешу и Роберту Гёблю². Итак, каждый посол получил 2 000 ассов (около 10 золотых монет), все прислужники послов, как свободные, так и рабы получили платья, а князья (под ними, видимо, имеются в виду Цинцибил и его брат) — два массивных золотых торквеса, которые вместе весили пять фунтов (около 200 золотых монет), пять серебряных парадных сосудов, весящих вместе 20 фунтов, двух лошадей в парадной сбруе и особо выученных рабов в качестве берейторов, а также боевые доспехи всадника. «По сравнению с другими подарками для иностранных царей и государственных мужей... галльские князья оказались отнюдь не в худшем положении»³. Царь Балан (*Balanos*), который царствовал над неизвестным нам по имени племенем альпийских кельтов, видимо, впечатлившись теми подарками, которые получил Цинцибил, по своей инициативе предложил свои услуги в борьбе против Македонии (Liv. XLIV, 14), получил соответствующие подарки, хотя и не такие великолепные, как пара норийских королей⁴.

Страна карнов и в особенности Аквилея впоследствии стали отправным пунктом многих военных предприятий Рима, который в 156 и 129 годах до н.э. распространил свою власть до

¹ Dobesch (1993a), особенно 132f. [Из изложения этих событий у Г. Биркхана не вполне ясно, что брат Цинцибила явился в Рим с жалобой на самоуправство консула Гая Кассия, который без всяких на то оснований напал на альпийских галлов якобы в поисках пути к Македонии через Иллирию (!). Сенат, осознав важность обеспечения лояльности альпийских кельтов, не только осыпал их подарками и дал послам разрешение на вывоз коней, но и послал двух послов к Цинцибилу и еще трех — к карнам, истрийцам и яподам, дабы те лично выразили галлам свое сожаление по поводу действий Кассия. Примечательно, что послами к Цинцибилу отправились столь высокопоставленные лица, как ближайший друг Циципона Африканского Гай Лелий и великий pontifex Эмилиус Лепид. См. *Livius*, т. III, с. 473, 719].

² Dobesch (1993a), S. 140ff.; перерасчёт в золотых монетах сделал нумизматик Гёбль, ср. S. 141, прим. 91.

³ Dobesch (1993a), S. 144.

⁴ Dobesch (1993a), S. 158ff.

Сисции (Сисак в долине Савы примерно в 50 километрах к юго-востоку от Загреба). Однако только после крушения державы даков со смертью Буребисты (в 40-х годах I века до н.э.) римлянам удалось добраться до обитавших вокруг Белграда скордисков и, таким образом, связать Македонию со своей империей. С 34 года до н.э. Сисция стала базой завоевательной войны в Паннонии, результатом которой было включение Добруджи в область римских владений; еще ранее там, на фракийском пограничье, осели кельтские племена. Вторжение варваров в Македонию и восстание паннонийцев в 16 году до н.э. были подавлены, а Паннония включена в богатую провинцию Иллирик. После паннонско-далматской войны (8 год до н.э.) Август сделал Паннонию отдельной консульской провинцией. Королевство Норик в 10 году до н.э. было включено в провинцию Иллирик и при Клавдии получило статус отдельной провинции¹.

Кельты на Иберийском полуострове

На востоке, юго-востоке и юге Иберийского полуострова, не считая греческих и пунийских поселений, мы встречаемся с лигурами², басками (*Vascones*) и иберами (в том числе такими, как илергеты, индигеты и другие). В каком отношении находились друг к другу эти неиндоевропейские группы населения и действительно ли у басков и иберов было якобы общее происхождение — с Кавказа или из Северной Африки (иберы — берберы?!), здесь нас не должно интересовать. Важно то, что эти неиндоевропейские группы позднее продемонстрировали большую готовность к восприятию римской культуры, чем народы, говорившие на индоевропейских языках³, отделенные от них верхним течением Эбро и нижним течением Тахо, переселившиеся сюда⁴ якобы еще во время культуры колоколовидных кубков (около 1900 г. до н.э.). Таких групп было две.

Первая, видимо, более древняя, была еще докельтской, о

¹ См. недавнюю обобщающую работу: Šašel Kos – Schetter (2002).

² О проблеме лигуров, которой мы далее заниматься не будем, см. Schmol (1959), S. 1ff., особенно S. 13.

³ Об археологической датировке см. Tovar (1986), S. 71ff.

⁴ Harbison (1976), S. 226ff.

чем говорит то, что в ее языке сохранилось индоевропейское *p*. Это наглядно показывает достаточно большое количество имен. Наиболее убедительный и чаще всего цитируемый пример — это сохранившееся и до сего времени в испанском языке как обозначение открытого плоскогорья с континентальным климатом слово *páramo*, которое засвидетельствовано в таких названиях, как *Segontia paramica* (у ваккеев) и *Campus Paramus* (в Леоне). Оно, очевидно, связано с древнеиндийским *paramá* «последний, предельный». Напротив, в истинно кельтиберском слове *ueramos* «высочайший» очевидно проявляется падение *p*¹. Имя короля Тартесса, названное у Геродота (I, 163; 165) Аргантоний (*Arganthonios*), относящееся самое позднее к началу V века, также может, несмотря на свой кажущийся кельтским вокализм, принадлежать к этому более древнему индоевропейскому языковому слою². Естественно, можно предполагать, что эти «до-» или «пракельты» при своем переселении в Испанию еще обладали индоевропейским *p*- и утратили его совершенно независимо от остальных континентальных кельтов. Это, так сказать, метафизическое или даже энтелехическое допущение не меняет того факта, что позднее в кельтиберском не было никакого *p*-, унаследованного от этих гипотетических предков.

¹ О кельтиберском *er-* (< **uper-*); см. Meid (1993), S. 123. Также содержание *p*- слова собраны и этимологизированы у Schmoll (1959), S. 44, 93, где цитируются также более старые материалы Ю. Покорного; наконец, этот материал собран и проинтерпретирован М. Almagro-Gorbea, в: The Celts (1991), S. 390. Весьма подробную дискуссию на эту тему можно найти в Untermann (1987), S. 69ff., где также разбирается вопрос, действительно ли кельтиберский язык мог иметь старое *p*. Унтерманн закрывает с такой возможностью (вопреки эпиграфическим свидетельствам и MLN I/1, S. 88), однако он забывает дать языку, который называется «кельтиберским» и в котором нет никакого *-p*, новое название. Хотя элемент *páramo* часто встречается позднее в области, населенной кельтиберами, как элемент топонимов, это обусловлено как характером ландшафта, так и тем, что кельтиберский язык существовал и в тех экономически бесперспективных областях, которые с древних времен именовались *paramo*-. Единственное, чему мог бы подивиться Унтерманн (но не захотел), это то, что *q*-кельтские переселенцы, в отличие от ирландцев с именем святого Патрика, не прибегли к звуковой замене — хотя, с другой стороны, откуда мы знаем, что *páramo* и ему подобные пришло к нам именно через посредство кельтиберов?

² AcS I, Sp. 207ff.; Tovar (1986), S. 80. Другие имена с основой **argant-* см. у Albertas (1979), S. 138.

Во второй индоевропейской группе мы можем различить «кельтиберский» и «лузитанский» язык. Первый был, как определил еще в 1946 году Антонио Товар¹, кельтским (как показывают многие топонимы²), второй, возможно, по сути своей некельтским³, однако он, по оценке различных специалистов, показывает различную степень кельтского «уклона».

Кельтиберский язык был ответвлением древнекельтской языковой формы, в которой, как и в гойдельских языках, сохранилось индоевропейское *ku*, не превратившись, как в британских языках, в *p*: так, индоевропейская энклитическая частичка, от которой произошло латинское *-que* «и», выглядит в кельтиберском как *-kie*, в то время как в лепонтийском ей отвечает *-re*. Носители этого архаического кельтского не принадлежали к тому же лингвистическо-географическому пространству, из которого произошло кельтско-латинско-мессапское единство с его окончанием родительного падежа единственного числа на *-ī*.

Когда именно эти кельты с их архаическим наречием пришли в Испанию или (говоря более безобидно) когда произошла кельтизация Испании, до сих пор неясно. Исторически этого определить невозможно⁴: при Геродоте (около 450 года до н.э.) она, во всяком случае, уже произошла (IV, 49; ср. также II, 3), однако по большей части предполагают, что она происходила в форме множества переселений в период примерно с 800 по 500 год до н.э. Некоторые ученые располагают наиболее важную волну переселений около 600 года до н.э.⁵ Уже совсем сомнительной представляется мне гипотеза, согласно которой ранние кельтские переселенцы увлекли с собой часть живших на левом

¹ Обзор истории исследований см. у Eska - Evans (1992), S. 30f.

² Товар (1986), S. 85ff.

³ Так полагают, например, Товар (1986), S. 77, 85; Eska - Evans (1992), S. 35; Untermann (1987), S. 67ff. считает лузитанский язык кельтским, однако это возможно только в том случае, если считать потерю *p*- не столь уж важной для («остальных») кельтских языков.

⁴ Указания древних авторов на хронологическую последовательность см. в Товар (1986), S. 80f. Хороший обзор археологических и антиковедческих исследований см. в Dobesch (1993a), S. 22, Anm. 50.

⁵ Те якобы массовые вторжения «кельтов» культуры полей погребений около 900, о которых писал Bosch-Gimpera (1941), особенно S. 153, сегодня наукой отвергнуты.

берегу Рейна и позже причислявшихся к «германцам по эту сторону Рейна» (*Germani cisrhenani*) германских племен. Это предположение основано на созвучиях отдельных необычных имен и мне лично не кажется убедительным¹.

Бесспорно то, что культура полей погребений развилась в определенной части Аквитании и Иберийского полуострова в некую разновидность галльштатской культуры, своеобразие которой очевидно уже из того, что обычай сжигать тела умерших, свойственный галльштатской культуре, получил здесь свое дальнейшее развитие².

Можно выделить культуру Тахо, которая раньше всего показывает связь с центральноевропейской галльштатской культурой, и культуру Дуэро, которая сильнее зависит от более древних местных культур — тех, которые проявляются в Галисии и на севере Португалии. В культуре Тахо известны прежде всего некрополи с погребениями в урнах. По их инвентарю можно судить об огромной роли, которую играло скотоводство и особенно разведение лошадей. Согласно Вильгельму Шюле, обнаруженный в позднегалльштатском впускном погребении в большом княжеском кургане на Магдаленберге близ Виллингена в Шварцвальде крючок-застежка для пояса, который был изготовлен в VII веке в провинции Гвадалахара, свидетельствует о контактах с Центральной Европой³.

Культура Дуэро, напротив, известна прежде всего по своим поселениям, а именно поселениям на возвышенностях, которые показывают определенные параллели с техникой постройки укреплений в Бретани и на Британских островах (так называемый «атлантический бронзовый век»)⁴. В долине Эбромы также находим такие укрепления на холмах, и, так же, как Дун Энгуса на Инишморе, они укреплены оборонительными

¹ Речь идет прежде всего о племени *Cempsii, cognomine Oreiani qui et Germani* (Plin. nat. III, 25), в которых прежде ученые пытались увидеть подлинно германские племенные элементы; GKAR S. 186ff., 214f. Rübekil (1992), S. 158f. отказал этим *Germani* в праве на существование, предположив, что речь идет не о *germani* «германцы», а о латинском слове *germānus* «полюнный».

² Schüle (1979), S. 199ff.; M. Almagro-Gorbea, in: *The Celts* (1991), S. 393.

³ Schüle (1979), S. 199.

⁴ См. об этом Bradley (1997), S. 26ff.

сооружениями, известными под названием «шво-де-фриз»¹. Однако тот значительный туземный элемент, который мы замечаем в культуре Дуэро, во многом общий с культурой Кастро² в северной Португалии и Галисии, не слишком хорошо вяжется с кельтским характером этой территории, известным как по остаткам лузитанского языка, так и по подлинно кельтскому племени галлециев (*Gallaeci*)³. Мне кажется примечательным, что типично кельтские названия мест на *briga-* достаточно равномерно распределены по территории всех трех культур. Я называю лишь такие этимологически прозрачные названия, как *Caetobriga*, *Tongobriga*, *Segobriga*, *Deobriga* (культура Тахо), *Nertobriga*, *Dessobriga*, *Nemetobriga* (культура Дуэро) и *Ardobrica* (культура Кастро)⁴. Было бы слишком большим совпадением, если бы предполагаемые диалектные различия в кельтском языке Иберийского полуострова прекращались именно в этих названиях. Однако мы не знаем, представляли ли собой эти три культуры три волны кельтского вторжения или результат деления одной вторгшейся одновременно группы кельтов.

Уже в XI веке до н.э., видимо, существовало финикийское торговое поселение в Гадесе (Кадис), хотя прочно засвидетельствовано оно с VIII в. до н.э. Через Гадес проходила в средиземноморском пространстве торговля всем, что перевозилось по Атлантике, в том числе и таким важным сырьем, как олово⁵. Через Тартессе олово потом сбывали дальше на Восток. Около 600 года греки (прежде всего из Массалии) основали торговые

¹ Tovar (1986), S. 77; M. Almagro-Gorbea, в: *The Celts* (1991), S. 393; B. Raftery, *ibid.*, S. 613. Здесь, возможно, следует предположить наличие иберийско-ирландских контактов, о которых раньше делали выводы на основании описания ископаемого в основном из Испании завоевания Ирландии в «Книге захватов» (*Lebor Gabála*); Harbison (1976), S. 228ff.

² Общие черты *castros* последних трех веков до н.э. и островных хилл- и рингфортов и других сооружений могли возникнуть независимо друг от друга, просто из потребности в укреплениях; Harbison (1976), S. 231ff.

³ Об этом теперь см. Caridad Arias (1999).

⁴ Ср. Schulten (1914), карта 1; новая карта у Rix (1954), S. 104, оттуда у Piggott (1965), S. 172.

⁵ В Аусте (к северу от Брестоля на Северне) и в Слайто были обнаружены бронзовые фибулки якобы иберийского происхождения, однако их историческое значение весьма неясно; важны находки фибул V и IV вв., которые связывают Корнуолл и Девон с Аквитанией и областью иберов; Cunliffe (1991b), S. 576.

поселения на восточном и западном берегах Иберийского полуострова, однако около 500 года в результате атак карфагенян эти поселения были в большинстве своем разрушены или, во всяком случае, изолированы. Во всяком случае, с середины VI века греки уже не упускали из виду испанское побережье¹. Об этом нужно помнить, читая Геродота, который около 440 года говорит о двух различных областях расселения кельтов. Одна из них располагалась у истоков Дуная (II, 3), другая — на самом западе Европы, за Геркулесовыми столпами (IV, 49 и в древней вставке в II, 3). Только кинеты (или кинезии) жили еще западнее. Если мы отождествляем кинетов с южноиспанскими кинезиями, то мне кажется вполне допустимым вместе с Филиной Кальб² принять, что Геродот в своем втором пассаже о кельтах предполагал, что кельты обитают на территории сегодняшней Португалии, к северу от Шаррамы (Harrama) и устья Садо (Баия-де-Сетубал). Рассуждения Кальб о форме побережья и расположении гаваней, на которых она основывает свои предположения, кажутся мне вполне разумными³. К северу от воображаемой линии мы видим «ведущую окаменелость» кельтов — торквес и «свиноманию» в изобразительном искусстве. Как всегда, Геродот свидетельствует не о переселении кельтов как таковом, но по его сведениям можно судить о большой протяженности кельтской территории, поскольку, как уже говорилось, в его время переселение кельтов на запад и юго-запад должно было уже завершиться. Такая находка, как парадный шлем в форме «жокейской шапочки» из Агри (департамент Шаранта), которому есть параллели в Португалии — Варзеа и Вайямонте, указывает на то, что такие дальние связи продолжали существовать еще в V веке (хотя сам тип шлема происходит из Италии)⁴.

¹ Здесь можно было бы поговорить об информационной ценности *Ora maritima* Аппиана (IV в. н.э.), в котором, как считается, содержится сведения из греческого руководства для моряков (*Periplūs*), или заметки карфагенского путешественника Гимилькона в поздней обработке. Однако этот источник весьма проблематичен.

² Kalb (1979), S. 221.

³ Kalb (1979), S. 215ff.

⁴ Kalb (1979), S. 212; J. Gomez de Sato, в: *The Celts* (1991), S. 292ff.; совершенно другая датировка (IV—III вв.) у Hall (1989), S. 62, 64.

Некогда Педро Бош-Гимпера верил в массовое переселение кельтов (вроде германского Великого переселения народов)¹, гипотеза, которая была распространена еще в античности (Lucan IV, 81ff.; App. Ib. 2). Но позднее стали считать, что переселение гальштатских кельтов было лишь миграцией небольшого элитарного слоя², или (что было бы еще более удивительно) жители областей, которые позднее стали кельтиберскими и лузитанскими, переняли кельтский исключительно как язык (вместе с некоторыми божествами) по экономическим причинам³. Такого частичного объединения не бывает. Конечно, жаль, что предполагаемое переселение не имеет аккуратных археологических подтверждений, однако это ни в коей мере не означает, что сама гипотеза переселения должна быть неправильной. Можно вспомнить о переселении галатов в Малую Азию. Хотя гипотеза о вторжении сегодня кажется «несовременной», вполне естественно спросить: а что же поставить на ее место? Новая теория гласит⁴, что распространение укреплений (и, соответственно, имен на *briga-*) связано с возникновением некоей социальной элиты, которая воспользовалась необходимостью организации искусственного орошения на Месете и на скудных плоскогорьях⁵. Трансгумация с необходимостью постоянной миграции стад также способствовала возникновению культуры воинской элиты. В то же время класс элиты поощрял и контролировал торговлю. Что ж, пока вроде все выглядит неплохо. Однако спрашивается, откуда же взялись кельты и кельтский язык в этом олигархическом аристократическом обществе, если не пришли извне? Все же должно было быть «переселение» и отнюдь не маленькой, но всепроникающей элиты, — возможно, в форме «священной весны» (*ver sacrum*) отрядов воинской молодежи (ср. Diod. V, 34) или наемников, которые взяли власть в свои руки. Тогда нет никакой необходимости объяснять возникновение этой элиты географическими условиями внутри самого Иберийского полуострова. Скорее можно предположить, что в гальштатскую эпоху в ходе

¹ Bosch-Gimpera (1941), особенно S. 153.

² Об этом ср. Mac Eoin (1986), S. 167f.

³ Kalb (1979), S. 221.

⁴ M. Almagro-Gorbea, in: The Celts (1991), S. 391f., 398, 401f.

⁵ Schüle (1979), S. 198.

экспансии говорившей на «протокельтском» языке воинской знати она оказалась и в Испании (как и откуда, по археологическим а также и по недостатку исторических данных, мы установить не можем) и там захватила контроль над древней системой орошения и функционированием пастбищ. То, что это случилось не в латенское, но уже в галыштатское время, можно предположить прежде всего по типу названий с элементом *briga-* (в противоположность именам на *dūnit-*)¹. С другой стороны, и в латенское время должны были иметь место контакты между кельтиберами и другими кельтами, о чем свидетельствует незначительное количество предметов в латенском стиле. Прежде всего, это фибулы, в основе которых очевидным образом лежат латенские образцы, которые, однако, разнообразятся самобытными вариантами, так же, как торквесы и *viridae*². Однако в общем и целом латенская культура и искусство не охватывали всего Иберийского полуострова; то же можно сказать и о языке³. Из Цезаря можно понять, что в минуты опасности аквитанов южной Франции и кельтиберов по другую сторону Пиринеев охватывало сильное чувство общности: Цезарь говорит о том (BG, III, 23, 26), что аквитаны с юга прислали подкрепления, а их предводители были набраны из старых опытных воинов, сражавшихся в войске Сертория.

Так, в результате смешения кельтов-переселенцев с местным элементом, иберами, которые сами считаются переселенцами из Северной Африки и родственниками берберов (и больше уже не отождествляются с предками впервые засвидетельствованных начиная с I века до н.э. басков — *Vascones*), — возник смешанный народ кельтиберов. Такая гипотеза кажется весьма вероятной, и до Адольфа Шультена она представляла собой практически повсеместно принятую точку зрения, которая встречалась еще у древних писателей. Так, Страбон считал кельтиберов кельтами, вторгшимися в Иберию (III, 4, 5); того же мнения придерживались Аппиан (Ib. 2), Лукан (IV, 10)

¹ Tovar (1986), S. 70f.

² Так дело обстоит с фибулами в клатах из Альманедеса, Торре-де-Хуан, Пособланко, Каньете-де-лос-Торрес и др. M. Almagro-Gorbea, в: *The Celts* (1991), S. 395 (Abb.), 403 (Abb.); там же торквес и *viridae* ibid. S. 399f., 402f. (Abb.); ссылки на более старую литературу см. у Fischer (1986), S. 214.

³ de Hoz (1992), S. 234.

и другие. Это господствовавшее еще с античности мнение Адольф Шультен в 1914 году поставил с ног на голову: он предположил, что кельты населяли эту землю уже до того, как из Африки туда переселились иберы. При этом кельты наклонились на неиберийское население, лигуров, которые, по Шультену, были предками басков¹. Первоначально иберы расселились вдоль восточного берега, потом перебрались через Пиринеи в Аквитанию, откуда они были якобы изгнаны в результате всеобщей экспансии галлов около 400 года². Затем на иберийском полуострове они должны были вытеснить кельтов в неплодородные области Месеты³.

Аргументы Шультена звучат достаточно убедительно, однако я не могу с ними согласиться⁴, поскольку если кельты в Испании действительно сначала были распространены более широко и только в IV или даже в III веке были вытеснены вторгшимися туда иберами, тогда в областях, которые позднее стали чисто иберскими, должно было сохраниться больше следов гальштатской культуры, чего, по моему мнению, не наблюдается. Чисто логически языковой аргумент, относящийся к образованию самого слова *Keltiberi*, лат. *Celtiberi* не действует, поскольку мы не знаем, не обозначал ли второй элемент просто «жители Иберии». Для сравнения можно привести наши современные образования, такие, как «франкоканадцы» или «афроамериканцы» и т.д. Наиболее вероятным мне представляется, что речь идет о так называемой «двандве», когда ни один из двух элементов составного слова не подчинен логически другому. Такое сомнительное, с точки зрения Шультена, слово-

¹ Schulten (1914), S. 69ff.

² Schulten (1914), S. 16ff., особенно 78ff.

³ Schulten (1914), S. 92ff.; в частности, там высказывается предположение, что иберы только в III в. вторглись в кельтские области через долину Эбро; см. Parilly I, S. 1102ff., III, S. 181.

⁴ Schulten (1914), S. 22ff. пытается опровергнуть высказанные до него аргументы о приоритете иберов. Его наиболее важный аргумент состоит в том, что если позднейшие кельтиберы были столь победоносными конными, то они не могли осесть в столь неплодородной части Испании. Ответ, на мой взгляд, должен быть таков: судя по всему, переселенцы были слишком слабы численно, чтобы завоевать наиболее богатые и густозаселенные районы у побережья. Напротив, можно задаться вопросом, почему же иберы, которые якобы вышли в этой борьбе победителями, переняли язык вытесненных ими кельтов?

образование фактически встречается в слове *Κελτολίγυες* «кельтолигуры», где два элемента находятся точно в таком же соотношении, которое до Шультена принималось для слова «кельтиберы»¹. Странно и то, что ни один из множества античных авторов не обратил внимания на кажущуюся нелогичность слова «кельтиберы»: ведь если верить Шультену, то, поскольку как раз иберы вытеснили кельтов, народ должен был называться «иберокельтами».

Наверное, исследователи не испытывали бы вышеописанных сомнений в том, были ли кельтиберы иберами в области расселения кельтов, или, скорее, кельтами в иберийской, если бы «кельтиберами» не называли их иностранцы. Но поскольку это было именно так, сам факт указывает на то, что кельтиберы не осознавали себя как этническое единство. Из самообозначений мы знаем только имена племен, такие, как араваки (или ареваки), беллы, титты, некельтское название «пелендоны» и т.д. Во времена политической необходимости, под давлением сильной личности (такой, как Вириат, Олиндик, Серторий) мог образовываться недолговечный союз. Связующим элементом в нем был, безусловно, язык, который стал нам намного лучше известен по новым находкам, прежде всего из первой надписи из Боторриты. Стало ясно, что кельтиберский был рано развившимся самобытным древнекельтским диалектом².

За наиболее подробное описание кельтиберов и их земли мы должны благодарить Посидония, чей рассказ передал нам прежде всего Страбон (III, 4, 10–18)³. По Страбону, область кельтиберов начинается к северу от горы Идубеды (Сьеррадель-Монкайо справа от Эбро). Она ограничивается Аной (Гвадиана), Бетием (Гвадалквивир), Тагом (Тахо) и Дурием (Дуэро); тут же расположены и истоки этих рек. Эта область практически совпадает с Месетой и сегодня полностью или отчасти лежит в провинциях Сория, Сарагоса, Теруэль и Гвадалахара.

¹ AcS I, Sp. 976.

² Уже Schulten (1914), S. 23f., Anm. 5 подчеркивал своеобразие кельтиберской ономастики.

³ О рассказе Посидония см. Malitz (1983), S. 117ff. По поводу географии см. карту I в Schulten (1914).

Площадь ее оценивается примерно в 20 000 км². Кельтская область в собственном смысле этого слова ограничивается племенем веронов (Брионес близ Логроньо); иногда их имя (как имя пограничного племени), по принципу «часть вместо целого», употреблялось для обозначения всех кельтиберов. На западном краю кельтской области обитало более-менее кельтское, во всяком случае индоевропейское, племя астуриков (в Астурии), уже действительно кельтское племя каллаииков (в Галисии), ваккеи, у которых, как писал Диодор (V, 34), существовал своего рода «коммунизм» со смертной казнью за хищение при разделе урожая¹, веттоны (которые были во многом похожи на ваккеев, но обитали между Тахо и Дуэро, где-то в районе Саламанки), а также карпетаны (столица которых теперь именуется Толедо). На юге жили оретаны (вокруг Вальдепеньяса, к северу от Сьерра-Морены), бастетаны (примерно между Малагой и Картахеной) и эдетаны (примерно провинция Валенсия). Описание Страбона не позволяет судить о том, насколько высок был процент кельтов среди этих племен. Многие племена, такие, как каллаики² и не названные здесь, однако неотделимые от лузонов (Strabo, III, 4, 103) лузитаны, которые первоначально обитали между Дуэро и Тахо, но распространились на запад, на территорию сегодняшней Португалии³, не должны считаться кельтиберами в собственном смысле этого слова, хотя то (немногое), что осталось от их языка, показывает более или менее сильный отпечаток кельтского⁴. Отдельные кельтские группы из Лузитании поселились (NH, III, 1) в будущей провинции Бетика.

Жившие в этих границах кельтиберы опять-таки делились на множество племен, размеры которых нам могли бы позволить определить только данные о числе воинов, если бы эти

¹ Malitz (1983), S. 118.

² Или галланки (Gallaici); об их происхождении с южной части полуострова см. Strabon III, 3, 5; Pomp. Mela III, 8.

³ Об этом расселении на запад см. M. Almagro-Gorbea, in: The Celts (1991), S. 401.

⁴ См. об этом вопросе Evans (1986a), S. 221; Eska — Evans (1992), S. 35; об археологической стороне вопроса см., например, Kalb (1979), особенно S. 220ff. m. Abb. 8.; так называемые «vegascos», архаические гранитные скульптуры кабанов и быков из гранита, характерные для этой области, имеют удивительные параллели на юге Польши в области Вроцлава; Tovar (1986), S. 77. Cp. Schüle (1979), S. 203.

данные были достоверны и мы знали бы коэффициент для вычисления количества жителей на основании численности воинов. Поскольку таких данных у нас нет, общая оценка численности населения колеблется от приблизительно 180 000 (Шультен) до 400 000 (более новые подсчеты)¹.

Наиболее важным кельтиберским племенем были араваки, которые каким-то образом были связаны с пелендонами², а их столица Нуманция (Нумансия в 8 километрах к северо-востоку от Сории) со стенами шестиметровой толщины и около 8000 обитателей была постоянно заселена с позднелеолитического времени до конца римской эпохи³. Позднегалльштатские находки археологически подтверждают присутствие кельтов. После падения Нуманции Клуния (около 30 километров к северо-востоку от Аранда-дель-Дуэро) стала новой столицей племени. Среди других кельтиберских племен следует назвать беллов вокруг Калатаюда (Calatayud) с их столицей Середой; клиентами беллов были упоминаемые в основном вместе с ними титты в долине Халона (App. Ib. 44), и оба племени участвовали во «второй кельтиберской войне» на стороне римлян (Pol. XXV, 2ff.), а также уже названных лузонов (в верхнем течении Тахо), столица которых Контребия могла одновременно предоставить убежище 20 000 жителей (App. Ib. 42; 43). Даже если кельтиберские племена действовали совместно, то каждое племя пользовалось определенной свободой и даже могло вести собственные переговоры с римлянами⁴.

Из Страбона и других рассказов о земле и людях Иберийского полуострова не всегда легко понять, насколько эта информация

¹ Schulten (1914), S. 245 считал, что общее число воинов составляло 45 000, и для подсчета общего количества населения он умножал его на четыре. То, что каждый четвертый был воином, отнюдь не выглядит невероятным. В подсчеты, естественно, не включаются женщины, старики, дети и рабы, которые и должны были составлять три четверти населения. Новые подсчеты отталкиваются от Ливия (XI, 30, 1), который говорит, что в Дальней Испании в 181 году против римлян воевало всего 35 000 человек. Однако полученная при этом цифра в 400 000 человек превышает даже количество населения в бывшей области расселения кельтиберов в 1914 году (около 370 000) и поэтому представляется совершенно невероятной.

² То, что араваки изгнали пелендонов, как пишет A. Jimeno Martínez, in: *The Celts* (1991), S. 406, кажется мне не вполне доказанным.

³ Ср. описание города и находок у A. Jimeno Martínez, в: *The Celts* (1991), S. 406f.

⁴ Burillo Mozota (1988), S. 184.

относится к кельтскому племени иберов и насколько — к «кельтским» иберам (то есть к кельтиберам)¹. Общими для всех этих этнических групп были упрямая выносливость, нетребовательность, способность выносить физическую боль, быстрота, ловкость и нецивилизованная дикость (с греко-римской точки зрения)². По всем этим причинам Ганнибал предпочитал своих кельтиберских воинов кельтским вспомогательным отрядам (Liv. XXII, 2, 3). К «дикости» относили сон на голой земле, питание преимущественно мясом и применение старой мочи для мытья и чистки зубов у обоих полов, что Страбон (III, 4, 16; ср. Diodor V, 33; Catullus 39, 17ff.) считал общим для кельтов и иберов³. По одноименному городу иберских ваккеев человека, который чистил зубы мочой, называли «лакобригой»⁴. К полусырому и недосоленному мясу (App. Ib. 54; Flor. I, 34, 12) подавали *caelia* — нечто вроде ячменного пива. Его изготовление (брожение с добавлением дрожжей на огне, сушка, перемолка, разжижение и добавление приправ, а затем новая ферментация) описывает испанец Орозий (V, 7, 14).

В то время как о каллаиках говорили, что у них вообще не было никакого бога, кельтиберские племена якобы почитали «безымянного» бога танцами во время полной луны. Танцующие люди изображены на черепках из Нуманции, но неясно, показан ли здесь именно ритуальный танец⁵. Неоднократно

¹ Наиболее подробным общим обзором все еще является Schulten (1914), особенно S. 179ff., хотя Шультен, естественно, подчеркивает прежде всего общие иберские черты.

² А также с точки зрения XIX в.! — Schulten (1914). Знаменитый исследователь Нуманции и кельтиберов не мог примирить негативные черты бескультурия этих «полузверских» племен, которые стояли «почти что на ступени негритянских племен», с позитивными их качествами — отвагой, преданностью, благодарностью и гордостью. Его обобщающий очерк древней культуры кельтиберов сегодня кажется нам весьма поучительным примером «гнева и пристрастия» европейца нового времени (S. 243ff., 252ff.).

³ Malitz (1983), S. 118. Schulten (1914), S. 191, примечание 1, указывает на древнеиндийские параллели. Турецкий путешественник XVII века Эвлия Челеби («В царстве золотого яблока») приписывал красоту жителей Вены постоянным обмываниям уриной, да и в моем детстве (конец сороковых годов) полоскание мочой считалось средством против боли в горле.

⁴ AcS II, Sp. 117.

⁵ Так у Marco Simon (1988), S. 175.

засвидетельствован воинский танец, который можно было видеть как у кельтиберских воинов Ганнибала, так и у лузитанов и иберийцев-турдетанов¹. Мы знаем, что кельтиберы почитали кельтского бога ремесел Луга, какого-то Марса Нетопа (*Mars Neto*), типичных богинь-матерей, лошадиную богиню Эпону, двуликое божество с небольшими рожками, другого, явно рогатого бога (войны?) и, если можно так интерпретировать расписную керамику из Нуманции, также Керпунна. Есть и другие переключки с галльским пантеоном. Я полагаю, что они почитали также бога гостеприимства, «небесного царя», имя которого встречается в родительном падеже как *Teiuorei Kis*. Наряду с этими божествами известен также ряд специфически кельтиберских и лузитанских божеств. Назову лишь Бурадона, Эндовеллика и местных божков, возможно, речных (как, например, лузитанское божество *Reve*)² или горных, которые отчасти были унаследованы еще от докельтского населения, на что указывает, к примеру, святилище в скалах в Улаке (провинция Авила)³. Засвидетельствованы охота за головами и человеческие жертвоприношения⁴, которые, возможно, даже прослеживаются археологически. При таком сходстве между религией кельтиберов и галлов можно удивляться тому, что древние авторы не упоминают о существовании у кельтиберов или лузитанов никаких жрецов или друидов. Поэтому *ex silentio* делается вывод, что их и не было, — конечно, слишком поспешный⁵.

У кельтиберов были высоко развиты некоторые отрасли ремесла, прежде всего кузнечное дело⁶, изготовление обуви⁷, а в Нуманции — производство керамики, в том числе и после

¹ Schulten (1914), S. 205f.

² Этимологически возводится F. Villar у к латинскому *rivus* и т.д. в: Meid - Anreiter (1996), S. 191ff., 203.

³ M. Almagro-Gorbea, в: The Celts (1991), S. 390 (иллюстрации).

⁴ Blázquez (1958).

⁵ Так в Schulten (1914), S. 197. Шульген считал, что свободолюбие кельтиберов не позволило бы им иметь жрецов — признак типичного буржуазно-либерального антиклерикализма рубежа XIX—XX вв.

⁶ Schulten (1914), S. 192, 209ff.

⁷ Schulten (1914), S. 189.

взятия города римлянами. Здесь изготавливали и совершенно необычные глиняные изделия, как, например, похожие на ботанизирики глиняные шкатулочки с поворачивающейся на шарнире крышкой и керамические рожки, которые, однако, могли издавать якобы «только одну-единственную жуткую ноту»¹. Грекам казались очень характерными некоторые детали одежды кельтиберов. Мужчины носили нечто вроде пелерины из грубой черной ткани из козьей шерсти (*сагум*), которая застегивалась брошью на середине груди, а не на правом плече, как у римлян (Diod. V, 33). Более короткий вариант сагума назывался «мантум» (Isidor XIX, 24, 15) — к этому слову, в конечном счете, восходят русские слова «манто», «мантия» и «манатки»². В качестве украшения кельтиберы, как настоящие кельты, носили торквесы и браслеты, которые назывались *viriae*.

Удивительными казались женские прически. Были, например, странные железные шейные кольца, из которых выходили изогнутые вверх и вперед прутья, загибавшиеся высоко над головой, с которых свисало дававшее тень покрывало. Такие предметы действительно были обнаружены в некрополе Агилара. Эти «вилы», на которые крепилось покрывало, достигали около 50 сантиметров в длину³. Кроме того, имелась и весьма сложная по описанию женская прическа в виде цилиндра, в то время как другие женщины сбрасывали волосы спереди, удлиняя таким образом сверху намазанный жиром (?) лоб. Иные наворачивали волосы на укрепленную на голове палочку длиной около фута, а затем драпировали ее черным покрывалом (Strabon III, 4, 17). Необычным казался грекам и такой обычай, как «кувада», а также та легкость, с которой якобы рожали женщины: они лишь на краткое время прерывали работу в поле и после тут же к ней возвращались (Strabon III, 4, 17). Точно такие же утверждения встречаем мы в античности и о других кельтских племенах (z. B. Strabon IV, 4, 3) и о «первобытных народах» в современной этнологической литературе. У более или

¹ Schullien (1914), S. 193, 199, 225f.; A. Jimeno Martinez, in: The Celts (1991), S. 406f. (mit Abb.).

² [В оригинале упоминается немецкое слово *Mante*].

³ Schullien (1914), S. 190. Anm. 1.

менее кельтского племени кантабров греки заметили ряд признаков «гинесократии», то есть матриархата.

Кельтиберов боялись — как из-за их конницы, так и из-за пехотинцев. Флор (I, 33) называет их «сердцевиной Испании» (*robur Hispaniae*). Вошедшая в пословицу отвага кельтиберов сделала их идеальными воинами для войска Ганнибала (App. Hann. 4; 20; 22; 30; 52; ср. Liv. XXIV, 49). Диодор достаточно подробно описывает не только великолепные железные мечи, которые годились и как колющее, и как режущее оружие (*gladius Hispaniensis*), но и свойственный кельтиберам способ сражаться. Поражительным образом эти универсальные воины сначала атаковали римскую кавалерию верхом, а затем, опрокинув ее, сходили с лошади и продолжали сражаться пешими (Diod. V, 33)¹. Страбон, напротив, указывает, что в битве два воина скакали на одной лошади, причем один из них спешил, чтобы сражаться как пехотинец. Если битва была проиграна, тогда можно было только дивиться тому спокойствию, с которым пленники встречали свою судьбу: даже будучи распятыми, они пели победные песни (Strabon III, 4, 18). Перед битвой полководец Олиндик (или Олоник) мог потрясти (и потрясал) серебряным копьем, якобы пришедшим с неба, что являлось предзнаменованием победы (Flor. I, 33, 13f.). Считалось позорным, если в битве дружинник переживал господина, которому поклялся в верности (Val. Max. II, 6, 11). Сжигание трупов рассматривалось как кошунство. Их оставляли лежать, чтобы они были пожраны коршунами: так душа умершего легче поднималась на небо (Sil. Pun. III, 341ff.). Этот обычай приписывали докельтскому субстрату; он также служил для объяснения отсутствия археологически обнаружимых погребений (например, в Нуманции)². Впечатляет и обычай иберийских воинов всегда носить с собой яд, дабы избежать плена, как и безграничная самоотверженность дружинников (Strabon III, 4, 18).

Обращает на себя внимание и свойственный иберам обычай гостеприимства. Он указывает на существование развитых торговых связей и еще больше — на существование элитарного

¹ Ср. несколько иное описание Полибия (Fragment H XIII): Polybios II, S. 1344f.

² M. Almagro-Gorbea, в: The Celts (1991), S. 390; A. Jimeno Martinez, в: The Celts (1991), S. 407.

общества, которое черпает свои жизненные силы из межрегиональных династических контактов. Чужестранцев немедленно приглашали в дом. Кельтиберы соперничали между собой в гостеприимстве, поскольку приход гостя считался знаком расположения богов (Diod. V, 34). О том, что этот обычай сохранился и после потери кельтиберами независимости, говорят и обнаруженные в городе Контребия Белаиска (*Contrebia Belaisca*) тессеры гостеприимства (*tesserae hospitales*)¹. Обычно это были изготовленные из бронзы металлические таблички, чаще всего с изображением зверей, но имелись и простые четырехугольные пластинки (собственно тессеры) или маленькие изображения рук, на которых писали имена друзей-гостеприимцев. Когда люди расставались, пластинку ломали и каждый из друзей оставлял у себя половинку, чтобы затем передать ее другим членам своего клана и своим друзьям как опознавательный знак. Подобные тессеры находят и в других областях античного мира, однако нигде нет такой их концентрации, как в области кельтиберов². Местные надписи показывают, что человек определялся через указание принадлежности к определенной общине: *luPos alisoKum aualo Ke KonTePias PelaisKas* «Луб из клана Алиса, сын Авала из Контребии Белаиски» или *luPos KounesiKum melmunos Pintis* «Луб из клана Кунесия, сын Мелму, *pintis* [пока непонятное для нас название должности]»³.

Фантастическая, с точки зрения греков и римлян, наивность «первобытных» кельтиберов давала пищу для анекдотов. Рассказывали даже, что веттоны были настолько примитивны, что не знали, что такое бесцельная прогулка. Увидев в римском лагере нескольких гуляющих между палатками офицеров, они пытались показать им дорогу, будучи серьезно уверенными, что те потерялись: варвары полагали, что нормальный человек должен сидеть на месте или сражаться (Strabon III, 4, 16).

Впервые римляне вторглись в область кельтиберов в 218 году

¹ Кельтиберское название города звучало, возможно, как *CorTiCa Caruo*. Возможно, это как-то соотносится со зверями, в форме которых изготовлялись значки: Lejeune (1955), S. 60f. O *Carvo* s. Albertos (1979), S. 141.

² Burillo Mozota (1988), S. 182ff., особенно S. 186; M. Almagro-Gorbea, в: *The Celts* (1991), S. 396, 403.

³ Beltrán – Tovar (1982), S. 37; de Hoz (1988), S. 150f.; Burillo Mozota (1988), S. 185; Meid (1993), S. 104f.; Meid (1994), S. 28.

до н.э., когда Гней Корнелий Сципион в ходе Второй пунической войны высадился на берегу Иберии. В римских анналах за 217 год (Liv. XXII, 21) впервые встречается упоминание об этой этнической группе. В 209 году Публий Сципион завоевал Новый Карфаген и три года спустя осадил Карфаген близ Илипы, что в конечном счете привело к уходу карфагенян с Иберийского полуострова (201). Некоторое время спустя римляне образовали две провинции – Ближняя Испания (*Hispania citerior*) и Дальняя Испания (*Hispania ulterior*). Первая представляла собой всего лишь полосу на восточном берегу, примерно от Барселоны до Картахены, простираясь, однако, по левой стороне Эбро на некоторое расстояние внутрь страны. Дальняя Испания охватывала южный берег примерно от Картахены до Уэльвы и доходила внутрь страны примерно до Севильи. В следующие годы Марк Порций Катон продвинулся вверх по реке Эбро. Дальнейшая политика римлян предполагала в основном отражение нападений лузитанов, обитавших в области между Тахо и Дуэро (которые состояли примерно из 30, по другим данным, даже из 50 мелких племен)¹, а также давления кельтиберов. Командование находилось в руках Тиберия Семпрония Гракха, с 180 года претора провинции, который завоевал множество кельтиберских поселений (так называемая «Первая кельтиберская война») и основал в верхней долине Эбро на месте старого города Илуркия город Гракхурий (точно местоположение неизвестно). Его весьма успешная (для римлян) военная деятельность в Испании увенчалась триумфом и заключением мирного договора с кельтиберами, который в результате продержался около 25 лет.

В 154 году началось новое восстание против Рима, подавлять которое пришлось в течение почти двадцати лет. Это была так называемая «Вторая кельтиберская война», которую Полибий назвал «огненной войной» (Pol. XXXV, 1), поскольку она велась с такой горячностью и яростью, что исход ее решился не в нескольких больших сражениях, но в непрерывной череде сражений, которые велись с полной отдачей со стороны воюющих. Инициаторами восстания снова стали лузитаны; множество этих действовавших по отдельности племен были объединены гениальным партизаном. Этот вождь, пастух Вириат, которого

¹ Ср. Strabon III, 3, 5; Ptol. II, 5; Plin. nat. IV, 35.

Ливий именует *vir duxque magnus* [великим мужем и вождем] (Liv. per. 54), носил несомненно кельтское, прозрачное по значению имя («носящий торквес»). Посидоний с любовью описал этого скромного и мужественного пастуха как представителя «лучшего времени, в противоположность римскому упадку»¹, который отнесся с полным презрением к золотым и серебряным сосудам с роскошного свадебного стола, и, соответственно, стилизовал его людей под «благородных разбойников».

Соответственно, Страбон описывает нам лузитанов как дикое разбойничье племя. Несмотря на то что их земля плодородна и богата золотом, под влиянием более бедных горных племен (так же, как и иберы: Strabon III, 4, 5) они превратились в бандитов (III, 3, 5). При этом Страбон, судя по всему, имел в виду прежде всего юношеские союзы, которые, согласно Диодору (V, 34), бродили по стране, как разбойники². Они весьма напоминают финиев. Их сила была в хитрости, наличии у них разведки, быстроте и огромной подвижности их войск. Однако эти природенные герильясы и партизаны могли ходить строем и при этом петь боевые песни (Diodor V, 34). Их вооружение, по Страбону (III, 3, 6), состояло из небольшого выгнутого («иберийского») круглого щита, который висел на плече, шлемов с тремя султанами или сделанных из сухожилий, кожаных лат, льняного (изредка металлического) панциря, большого кинжала или ножа (*παράξιφίς*), небольших метательных копий и большого копья с бронзовым наконечником и крючками (Diodor *ibid.*). Лузитаны, жившие у реки Дуэро (Дурий), в области, которая теперь называется Траз-ос-Монтес, дважды в день посещали паровую баню типа сауны и натирались мазями, зато ели только один раз в день. У них был своеобразный обычай гадания, для которого были важны человеческие жертвы. Во время войны у них было принято отрубать у пленных правые руки и приносить их в жертву богам (Strabon III, 3, 6). Горные племена носили длинные, как у женщин, волосы, но перед битвой их подвязывали. Они спали на земле, пили воду и пиво, питались в основном козлятиной, а две трети года — похлебкой из молотых желудей. Богу войны приносили в жертву козлов, лошадей и пленных. Страбон (III, 3, 7) описывает пиры, на

¹ Malitz (1983), S. 121.

² Malitz (1983), S. 119.

которых существовало строгое распределение мест по возрасту и сану, и хороводные танцы (очевидно, предшественники каталанской сарданы), которые исполняли мужчины под музыку флейт и «труб» (σάλπιγγα) — быть может, тех самых, керамических? — с резкими припрыжками и приседаниями (ср. также Diodor V, 34). Другой лузитанский танец, требовавший «большой гибкости в ногах» (Diod. V, 34, 5), Адольф Шультен сравнивает с кастильской и арагонской хотой¹. Мужчины днем и ночью носили черные сагумы, а женщины — покрывала и пестрые платья. Страбон не преминул упомянуть и о том, как у кельтиберов совершается смертная казнь, и о том, что у них больных выносили на улицу, чтобы получить совет по поводу их лечения (Strabon III, 3, 6f.).

К партизанской войне вышеописанных лузитанов присоединились и кельтиберы. Военные действия сосредоточились прежде всего вокруг Нуманции, столицы кельтиберов². Главный противник римлян и великий стратег Вириат в ходе этой войны уничтожил со своими отрядами множество римских офицеров, а в 146 году ему удалось после победы над претором Гаем Плавцием (Liv. per. 52) вырвать у римлян Дальнюю и часть Ближней Испании. На вершине своего могущества Вириат в 140 году вынудил проконсула Квинта Фабия Максима Сервилиана пойти на капитуляцию и заключение договора, по которому проконсул должен был подтвердить уход римлян из Дальней Испании и признать Вириата «другом римского народа» (*amicus populi Romani*). Однако в 139 году римский сенат не признал договора. В ходе новых сражений Вириат понес потери, что привело к мирным переговорам, в ходе которых он в 139 же году был убит своими собственными земляками по наущению Квинта Сервилия Цепциона.

Однако Нуманция осталась непреклонной, и в 137 году консул Гай Гостилий Манций понес тяжелое поражение и был вынужден к подписанию позорного договора. Римский сенат счел этот договор настолько бесчестным, что решил выдать Гостилия нумантинцам со связанными руками и, для вящего позора, нагим. После этого еще трем консулам ничего не удалось поделать с этим маленьким, но хорошо защищенным городком.

¹ Schulten (1914), S. 198.

² О последующих событиях ср. Товар (1986), S. 82f.

Наконец, Публий Корнелий Сципион Эмилиан Нумантинский завершил войну с Нуманцией (*Bellum Numantinum*) победой, причем город был разрушен, а кельтиберы потеряли свою независимость. В истории осталось мужество жителей Нуманции, которые сражались буквально до последнего человека и вынуждены были (зимой 134/133 годов) сдать только после той страшной римской осады, в которой они оказались. Говорят даже, что они пытались отсрочить свою гибель, прибегая к каннибализму и поедая умерших, раненых и слабых (Арриан, Ib. 96). Со взятием Нуманции и убийством Вириата победоносному адмиралу флота Децию Юнию Бруту Каллаикскому удалось потеснить врага на берегу Атлантики в ходе морской войны (Strabon III, 3, 1).

Таким образом римлянам удалось превратить весь Иберийский полуостров в свою провинцию, причем граница Ближней и Дальней Испании была продвинута внутрь полуострова и проходила приблизительно (от севера к югу) через Сьерра-дель-Раньядоиро, Сьерра-де-ла-Кулебра, Замору, Саламанку, Виллануэва-де-ла-Серена, Кордову и Альмерию. Кельтиберские города получили римское городское самоуправление, верхушка которого происходила из местной знати. Латинская надпись из Контребии Белаиски (*Tabula Contrebiensis*) от 15 мая 87 года до н.э. называет в качестве претора некоего Люббо (*Lubbo*) из рода Урдинов (*Urdini*), сына Летонда (*Letondus*), пятерых чиновников с местными именами в качестве членов сената и поверенного, также с местным именем¹.

После нового восстания араваков в следующий раз провинцию было суждено потрясти «войне с Серторием». Квинт Серторий отличился как раз в боях против тех же самых араваков под командованием Тита Дидия, был вовлечен в противостояние между Марием и Суллой, где он был сторонником Мария. Во время войны с кимврами он, как говорили, отличился совершенно гусарским подвигом: лишь слегка владея галльским, он в кельтской одежде проник в среду варваров и успешно выполнил шпионскую миссию (Plut. Serf. III, 3). Будучи претором Ближней Испании, в 81 году он был изгнан противниками Мария. После всевозможных странствий и приключений (вроде

¹ Fatás (1982), S. 12ff.

путешествия на некий «остров блаженных») лузитаны признали его своим предводителем в борьбе с Римом, своего рода новым Вириатом. После ряда побед, в которых он связал борьбу лузитанов за независимость с римской военной тактикой, Серторию удалось завоевать всеобщее доверие кельтиберов, которые объясняли его успехи тем, что, как они полагали, одноглазый (Tac. hist. IV, 13) полководец связывается с богами посредством белой лани. В 77 году Серторию удалось дважды победить посланного в Испанию Помпея, однако потом военное счастье от него отвернулось. Битва при Турии в 75 году против войска Помпея и претора Дальней Испании Квинта Цецилия Метелла не кончилась ничем. У Сертория (Plut. Sert. 14; App. civ. I, 112) якобы был отряд из 10 000 «преданных» (*devoti*) людей, которых в основном называют *soldarii*. В конечном счете, раздор в рядах его собственного войска решил судьбу Сертория. Римляне-изгнанники в его части провинции винили его в том, что он оказывает предпочтение кельтиберам, а испанцы, о которых Серторий особенно заботился, нанесли ему удар в спину. Серторий среагировал на это чрезвычайно жестоко, приказав убить детей местной знати. Немного позже (72) сам Серторий был убит своим бывшим товарищем Марком Перперной Вентоном. После этого погасло и испанское сопротивление, которым Серторий пользовался для далеко идущих целей, мечтая о захвате власти в самом Риме. Так возвышение Сертория стало одним из эпизодов в прогрессирувавшем процессе римской колонизации.

Последующую историю Испании определил Цезарь, который в 61/60 годах стал пропретором Дальней Испании и в этом качестве обратился против тесно связанных с лузитанами каллаиков, обитавших в сегодняшней провинции Галисия. Помпей затем создал в Дальней Испании провинцию Лузитания, которую Цезарь еще прочнее укрепил после гражданской войны, основав там колонию ветеранов. После так называемой «кантабрийской войны», в ходе которой множество кельтиберов убили друг друга и себя самих, чтобы избежать плена и рабства (Strabon III, 4, 17), Лузитания при Августе наконец превратилась в императорскую провинцию. При Августе столицей Ближней Испании стал Тарракон (Таррагона); это название в III веке заменило

обозначение «Ближняя», так что отныне провинция стала называться «Тарраконской Испанией» (*Hispania Tarraconensis*). Южная часть Дальней Испании, Андалусия, по реке Бетис (Гвадалquivир) стала называться Бетикой (*Baetica*). Эту сенаторскую провинцию считали своего рода «малой Италией» и при Веспасиане она стала областью латинского гражданского права. Это была наиболее романизованная часть Испании. Кантабрия, напротив, судя по всему, была наименее романизованной, что сегодня связывают с сохранением баскского языка на востоке этой области¹. Таким образом, до эпохи Диоклетиана, при котором было введено новое деление на диоцезы, на полуострове существовали три провинции: Тарраконская Испания, Лузитания (на территории сегодняшней Португалии) и Бетика.

Хозяйственное значение Иберийского полуострова основывалось прежде всего на богатых запасах благородных металлов², руд и минералов (киноварь). Одной из важнейших горных разработок считался *metallum Vipascense*, где в больших количествах добывалось серебро и медь (Алжустрел на юге Португалии). Другие рудные месторождения находились в Сьерра-Морене; полезные ископаемые разрабатывались прежде всего в Астурии и Кантабрии, где находились золотые, серебряные и оловянные рудники. Минеральные богатства Испании подвигли Диодора (а может быть, уже Посидония) на длинное отступление (V, 35–39)³: он описывает добычу серебра, золота и олова, но в то же время и нечеловеческую эксплуатацию рабов на рудниках римскими «предпринимателями». Рабы, как немаловажный товар, экспортировались с астурийско-кантабрийских гор, в то время как Андалусия считалась главным экспортером пшеницы и оливок, а Гадес славился специфическим кулинарным изыском — рыбным соусом под названием «гарум» (N.H. XXXI, 94)⁴. Сосуд с этим деликатесом был обнаружен в гробнице треверской дамы, скончавшейся где-то между 20 и 15 годами до н.э.

На южном побережье романизация могла исходить из высоко развитых греческих и финикийских городов; внутри страны

¹ Galsterer (1979), S. 463.

² Ср. оценки у Schulten (1914), S. 173f.

³ Malitz (1983), S. 105ff.

⁴ Galliou – Jones (1991), S. 96f.

нередко на основе старых укреплений (*briga*) и сел (ср. кельтиберское *Contrebia*, собственно говоря «со-поселение», *Syn-oikia*) возникали обширные римские города. Другие города были основаны заново — или как поселения ветеранов, или как военные лагеря.

В ходе романизации кельтский элемент стал отходить на второй план и все более и более вытесняться римским. Если кельтиберская надпись на бронзовой табличке размером 40,5 × 10 см из Боторриты (древней Контребии Белаиски) в области лузонов (в 19 километрах к югу от Сарагосы), датируемая рубежом II-I вв. до н.э., была написана еще отчасти силлабическим иберийским алфавитом (на финикийской основе)¹, то для кельтиберской надписи на камне из не столь отдаленной Пеньяльба-де-Вилластар (I-II вв. н.э.)² используется уже латинский алфавит. Когда кельтиберский действительно вымер как разговорный язык, мы не знаем. Два-три десятка слов в сегодняшнем испанском, португальском и баскском языках ведут свое происхождение из кельтиберского³.

Завоевание Галлии по ту сторону Альп

Tu regere imperio populos, Romane memento!
Hae tibi erunt artes, pacique imponere morem
Parcere subiectis et debellare superbos

(*Verg. Aen. VI, 85 lff.*)

Римлянин! Ты научись народами править державно —
В этом искусство твое! — налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирить войною надменных!⁴

Обратимся теперь к западу, к трансальпийской Галлии! Здесь для нас прежде всего важно то географическое деление, которое, как известно, было классическим образом сформулировано еще Цезарем: «Вся Галлия» (знаменитое *Gallia omnis* —

¹ Об этом письме см. Lejeune (1955), bes. S. 43ff.; Beltrán — Tovar (1982); Eska — Evans (1992), S. 28ff.; о надписи Eichner (1989), S. 23ff.; и последние работы: Meid (1993) und Meid (1994).

² Последняя работа: Meid (1994), S. 31.

³ Tovar (1986), S. 86ff.

⁴ [Перевод С. Ошерова].

VG, I, 1 – лучше всего было бы перевести как «Большая Галлия», охватывавшая, по сути, территории современных государств Бельгия, Франция, Люксембург и отдельные области Швейцарии, Германии и Нидерландов, – состояла из трех третей: «Галлии в собственном смысле слова» (далее просто «Галлии»), Аквитании и земли белгов (*Belgium*). Эти три области во время Цезаря различались своим языком и обычаями. Южную границу Галлии с Аквитанией образовывала Гаронна (*Garumna*). Аквитания простиралась на юг до Пиренеев¹. По данным языковых источников кельтский элемент в этой области отходит на задний план перед другим, посторонним элементом, который называют «иберийским»². Границу с белгами образовывали Марна (*Mátrona*) и Сена (*Séquana*); восточной границей Галлии была Рона, а на севере – Рейн. Страна белгов (*Belgium*) на северо-востоке была ограничена нижним Рейном. Галлия в собственном смысле этого слова, по Цезарю, состояла из области между Сенной, Марной, Верхним Рейном, Швейцарскими Альпами, Северными, Гаронной и побережьем Атлантики.

До Цезаря одним из могущественнейших и богатейших племен Галлии были арверны (в области Овернь). Зависимыми союзниками и клиентами арвернов были секваны во Франш-Конте (близ Безансона) и аллоброги в районе Вьенны (департамент

¹ Поскольку в эпоху Цезаря, то есть до того деления Империи на провинции, которое имело место при Августе, Аквитания как по площади, так и по числу жителей никоим образом не могла составлять трети «всей Галлии» (о чем говорится в VG, III, 20), то все, относящееся к Аквитании, и вместе с тем и весь вводный пассаж считался отчасти интерполяцией. Против этого высказался Бекманн: Beckmann (1930), S. 27, который считал, что Цезарь располагал неточными данными об этой области, поскольку она не доставляла ему особых проблем и он лично познакомился с ней только в 51 году. В общем и целом цезаревское деление, которое должно восходить еще к Посидонию (ср. Страбон IV, 1, 1), прослеживается и у Ливия (V, 34), а названия там битуров по новому делению при Августе принадлежали к провинции Аквитания; (1930), S. 28; о Страбоне ср. Dirkzwager (1975), S. 15ff.

² См. на этот счет замечание Страбона (IV, 2, 1). Среди следов таких «иберийских», пенно-европейских языков такие топонимы, как *Elmberis*, *Auch*, *Calaguerris*, *Iluro*, названия племен *Bigerriones* и имена божеств, такие, как *Aherbeleste*, *Atixsis*, *Belexconis*, *Bihotarris* и многие другие. [Ряд лингвистов полагают, что так называемый «древнеаквитанский» язык был предком баскского; так, например, название города *Hibernis* соответствует современному баскскому *hiri* «новый» и *berri* «город»; в одной из аквитанских надписей фигурирует обращение к нимфам источника *NESCAS* = современное баскское *nesca* «девушка». См. Trusk R.L. *The history of Basque*. L., N.Y., 1997. S. 38–41].

Изер). Вторая могущественная группа возглавлялась эдуюми¹ (в области между Соной и Дубом). Эта группа вступила в союз с римлянами. Арверны же, напротив, сопротивлялись римлянам и сами пытались вести великодержавную политику — область их влияния простиралась от Пиренеев до Рейна, — и даже побежденные Цезарем, они проявляли свойственное им упрямство и высокую самооценку: они притязали на происхождение из Трои, как и римляне². Судя по всему, арвернская аристократия особенно долго оставалась верной галльскому языку³. До самой поздней античности знать арвернов обладала весьма интенсивным и исключительным чувством собственного достоинства; при всем этом один из таких аристократов, Эпархий Авит, в середине V века в течение года занимал трон императора Западной Римской империи (июль 455—осень 456). О том, какой авторитет и какое могущество приобрели арверны уже в конце латенской эпохи, свидетельствует их богатая монетная чеканка — так называемое «золото арвернов». У арвернов в середине II столетия до н.э. царствовали князь Ловерний и его сын Битуит. Первый, как говорят, был так несказанно богат, что, проезжая на колеснице по своей земле, он, чтобы доставить удовольствие своим друзьям и дружинникам, сыпал золотые и серебряные монеты (Athen. IV, 37; Strabon IV, 2, 3)⁴, а второй ничем не уступал своему отцу в широте натуры и щедрости (App. Celt. 12).

¹ В изданиях и переводах имя этого важного и могущественного народа обычно пишется с начальным *h*, — *Haedui*, то есть как бы «гедуй». Это ошибочное позднеантичное написание, тем более что само название означает, собственно, «огненные» (AcS I, Sp. 65) [Ср. древнеирландское имя Аэд, которое также означает «огонь»]. В этой диалектной области Галлии *-h* вообще не было. Оно должно было возникнуть из индоевропейского **s*-, как показывают названия местностей, начинающиеся на *hal(l)-* «соль», однако другие, такие, как *Sequana*, *Sequani*, *Segusiavi*, *Samarobriva* и т.д., показывают сохранение старого **s*-. Тем не менее я пишу это имя традиционным образом — *Haedui*. [В русскоязычной литературе принято написание «эдуй»].

² Lucan, *De bello civili* f 427f.: *Arvernique ausi Latio se fingere fratres / sanguine ab Iliaco populi* «Арверны осмелились называть себя братьями Лация, по крови [происходящими] от народа Илиона». Эта тема фигурирует также у Аполлинария Сидония (Epist. VII, 7, 2) = Zwieler (1934), S. 135.

³ Свидетельство Сидония Аполлинария (430—489) Ep. III, 3,2 о том, что знать Оверни в его время все еще говорила по-кельтски, кажется мне несамым ср. Fleuriot (1980), S. 55f.

⁴ Об этом см. Tierney (1959/60), S. 203.

В конце II века до н.э. римляне воспользовались просьбой о помощи со стороны своего старого союзника — города Массалии — как предлогом, чтобы впервые вторгнуться в Галлию по ту сторону Альп, уже намереваясь подчинить себе часть страны. В этой войне союзник аллоброгов Битуит был побежден консулом Квинтом Фабием Максимом (Эмилианом)¹ и проконсулом Гнеем Домицием Агенобарбом (*Liv. epit.* 61)². В результате этой победы и старых дипломатических связей эдучев с Римом им досталась территория по обеим сторонам Роны, которая была обращена в римскую провинцию³. Еще до этого Марк Фульвий Флакк (124/3)⁴ и Гай Секстий Кальвин (123/122) победили лигуров, вокоингивов и сал(л)ювиев (=салиев). Секстий основал новый город, которому суждено было носить его имя (*Strabon IV, 1. 5*)⁵, а именно Аквы Секстиевы (*Aquae Sextiae* — Экс-ан-Прованс)⁶, и заселил его аллоброгами и вольками. На воротах старинного города Бланум (Сен-Реми-де-Прованс в департаменте Буш-дю-Рон)⁷, которые можно видеть и сегодня, в качестве предостерегающего примера на все времена запечатлено в камне поражение галлов. Эта «провинция», которая и сегодня носит это имя [Прованс], по своей основанной в 118 году

¹ Страбон (IV, 1, 11) утверждает, что Квинт Фабий Максим разбил 300-тысячное кельтское войско менее чем с 30 тысячами воинов. После этого он, как говорится, поставил победную колонну из белого мрамора и даже воздвиг храм в честь Ареса или Теракла; об этом см. Dirkzwager (1975), S. 84. Ср. Ebel (1976), S. 72f.

² Место обеих битв можно определить по Страбону, IV, 2, 3: Домиций одержал свою победу у города Виндалии (Велен, департамент Воклюз), а Максим Эмилиан — у места, где сливаются Изер и Рона у отрогов Севенн.

³ После победы над Карфагеном римляне стали господствующей державой в западном Средиземноморье; в 133 году они уничтожили кельтиберский город Нуманция и начали все больше и больше торговать, минуя Массалию. Римляне воспользовались двумя посетаниями лигурийского племени салювиев (154 и 124), чтобы войти в эту область и занять область вокруг Массалии. Эти салювии были частью союза племен, которые носили более или менее кельтские имена (декувиаты, сегабриги, трикоры) и, возможно, сами были более или менее кельтизинованцы. На это указывают находки в их столице — Антремоне (см. например, В. Moreau [1961], Taf. 47), которая была разрушена одновременно с основанием Экса (*Liv. LX. LXI; Mél. I, 15, 4; Plin. nat. III, 36*). О значении Домиция Агенобарба ср. Ebel (1976), S. 70ff., 76f., 81ff.

⁴ О нем и о его походе см. Ebel (1976), S. 66ff.

⁵ Об этом см. Dirkzwager (1975), S. 48; Ebel (1976), S. 68f.

⁶ Rivet (1988), S. 212ff.

⁷ Rivet (1988), S. 196ff.

столице **Нарбоне** (Нарбонна)¹ получила название «Нарбоннская Галлия» (*Gallia Narbonensis*) или, как шутливо называли ее римляне, которым одежда жителей казалась в высшей степени странной, *Gallia braccata*, то есть «Галлия в штанах». После того как Помпей в 77 году до н.э. приказал построить военную дорогу через Монженевр, доступ туда (как для военных, так и для торговых целей) значительно упростился. Поскольку жители прилагали все усилия, чтобы с помощью аккультурации превратиться в римлян², то полное их уравнение с римскими гражданами Италии было уже недалеко. В своей речи «За Фонтея» в 69 году Цицерон рисует впечатляющую картину социально-экономических отношений в этой области Римской Империи. Галлы были дееспособны только под «опекой» римских граждан, каждая денежная сделка должна была быть зарегистрирована римским чиновником, и таких рогадок было еще очень много. Но в то же время среди римских деловых людей были и такие, которые делали инвестиции в новую провинцию³.

Весной 58 года Гай Юлий Цезарь, который уже имел за спиной блестящую карьеру и из-за общепринятого подкупа избирателей на выборах — огромные долги, стал наместником «Провинции». Цезарь был стратегическим гением не только как полководец, но и прежде всего как дипломат, который достойным восхищения образом умел использовать раздоры и вражду между племенами, что, в конечном счете, привело к потере кельтами независимости — по крайней мере, на континенте. Цезарь уже понял то, что впоследствии смог сформулировать Тацит: «Они сражаются поодиночке и все вместе терпят поражение»⁴. В начале своей миссии наместник располагал только четырьмя имевшими боевой опыт и испытанными легионами, то есть чуть более 24 000 воинов, а фактически, скорее всего, только около 20 000. Три легиона перезимовали в Аквилес

¹ Rivet (1988), S. 130ff.

² Ср. Strabon IV, 1. 12, который также упоминает значительную аккультурацию галлов по римскому образцу и прежде всего сравнивает города Нарбонн и Немаус (Ним) в том, что касается их населения и их привлекательности. Ср. Dirkzwager (1975), S. 86.

³ Ebel (1976), S. 92.

⁴ ... *singuli pugnant universi vincuntur*; Agr. 12.

(BG, I, 10), а один легион стоял в Нарбоннской Галлии (BG, I, 7). Тем не менее с самого начала (BG, I, 10) и потом, в ходе военных действий, Цезарю удалось с помощью набора новых рекрутов и переброски войск резко повысить численность легионов — до десяти (BG, VII, 34). К этому добавлялась римская конница (около 10 000 человек), вспомогательные войска, в которых сражались подчиненные народы — конники из Испании и Германии, лучники и пращники с Крита, из Нумидии и с Балеарских островов. Во время решительного сражения при Алезии в 52 году Цезарь уже командовал войском, состоявшим из более чем 70 000 человек. Так прокладывался путь к столь важному впоследствии для мировой истории «новому порядку» в Западной Европе.

На юге Германии к северу от Дуная, в Шварцвальде и Вюртемберге, как свидетельствует Тацит (Germ. 28), поселились гельветы¹, которых Посидоний (Strabon VII, 2, 2) мог между 90 и 80 годами до н.э. назвать «племенем, богатым золотом, но мирным»². Еще со времен переселения кельтов страна гельветов стала ключевым пунктом торговли и культурного обмена, который шел от кельтов, переселившихся в Италию на их старую родину. Возможно, под давлением наступающих с севера кимвров, гельветы перешли Рейн³ и поселились в швейцарских Предальпах, где их столицей был Авентик (Аванш). Это географическое пространство было ограничено Боденским озером, Альпами, Юрой, Женевским озером и верховьями Рейна. Опустевшая область гельветов — «гельветская пустошь» (*deserta Helvetiorum*) — была после вторжения кимвров захвачена (германским) племенем свевов. Весьма вероятно, что под словом *Suebi* понималось

¹ Особенно важным среди них было племя тигуринов (BG, I, 12; Strabon VII, 2, 2; Tac. Germ. 28), которое в 107 году до н.э. разбило в области южногалльского племени нитобригов римское войско под предводительством Луция Кассия Лонгина и Луция Кальпурния Пизона (дела теста Цезаря).

² Об этом см. Dobesch (1995), S. 104ff.

³ Подробности неясны. См. осторожную формулировку А. Фургера: «Ясно, что примерно к концу II века динамические процессы между протогельветским населением и вновь пришедшими с севера племенными группами настолько стабилизировались, что для всего I века до н.э. можно уже говорить о гельветях в собственном смысле этого слова» (Helvetier [1991], S. 16); ср. также очерк Ф.Г. Майера в том же сборнике (S. 24).

Страбон пишет, что гельветы (несмотря на все их золото) завидовали богатству кимвров, и во время начавшихся затем разбойничьих походов два из некогда существовавшего союза трех гельветских племен были уничтожены (IV, 3, 3).

не одно-единственное племя, но некоторое количество разных племен, над которыми в общем и целом господствовали свевы. Согласно Цезарю, гельветы превосходили отвагой остальных галлов, поскольку они почти ежедневно сражались с германцами — или отгоняя их от своих границ или сами проникая в область германцев (BG, I, 1).

Теперь остановимся ненадолго на Рейнской области. Поскольку латинские авторы до Цезаря не различали кельтов и германцев¹ — а греческие, возможно, и после него, — то трудно

¹ Мы точно не знаем, различал ли кельтов и германцев Посидоний, хотя многое можно сказать в пользу такого мнения. Осмелюсь предположить, что в самом Риме в образованных кругах германцы стали известны как самостоятельный большой этнос именно тогда, когда в 61 году до н.э. туда прибыл эдуй Дивиклак с адресованной сенату жалобой и общался с Цицероном и его братом; подобного же мнения придерживается и Г. Добеи в *The Celts* (1991), S. 39.

В связи с этим значительную проблему представляет и само название «германцы», от весьма спорной этимологии которого (здесь мы, конечно, не можем детально обсуждать эту проблему) зависит то, какой путь его передачи мы будем считать наиболее вероятным; см. об этом Rübekil (1992). Если мы, например, вместе с У. Штайнхойзером будем исходить из некельтского и негерманского («протоиллирийского») названия обитателей горячих соляных источников (н.-е. **Qermosy* «теплый»), то в таком случае перед нами самоназвание, причем мы не знаем, известно ли оно было Дивиклаку или другим информантам Рима, поскольку туштры, к которым, если верить Тациту (*Getm.* 2, 15), оно первоначально относилось, еще не появились и в поле зрения эдуй, не говоря уж о римлянах. Германские племена, которые первыми выходят на свет средиземноморской истории — скиры, бастарны, кимвры, тевтоны, амброны, гаруды и свевы, — судя по всему, не обозначали себя как *ῥ*Germanōz*. Ввиду всех этих обстоятельств, столь соблазнительная этимология Штайнхойзера (см. GKAR, S. 203, Anm. 356) представляет значительные трудности. Другие трудности лежат в области предполагаемого развития лабиовелярных (н.-е. *Q- > протоилл. g-*); Rübekil (1992), S. 180. Второе, с моей точки зрения, более подкупающее объяснение было предложено Б. Коллиндером: он считает название *Germani* латинским переводом подлинного германского имени свевов **syēbōz* (см. GKAR, *ibid.*; об этимологии имени «свевы» см. публикацию Г. Ноймана в: Neumann — Seemann (1992), S. 153ff.; Rübekil (1992), S. 186f.). [*Germanus* по-латыни означает «(родной) брат», или как прилагательное «братский»]. Преимущество этого объяснения в том, что в этом случае название «германцы» действительно должно было обозначать определенную этническую группу, с которой римляне были ближе всего знакомы и которая ко времени Цезаря явнее всего вышла на первый план. Таким образом, сфера, где возникло это название, суживается до сравнительно небольшого круга людей, говоривших по-галльски или по-латыни (или, в любом случае, знакомых с латинским языком), если только создателем этого имени-перевода не был сам Дивиклак! Если «древняя экспансия свевов» действительно, как предположил Д. Тимпе (с. G. Neumann, *ibid.*, S. 164), осуществлялась «подвижными небольшими воинскими подразделениями на манер мужских союзов», то латинский перевод слова «свевы» как *Germani* становится еще более объяснимым. Тогда открытым остается вопрос, как Тацит (*Getm.* 2, 15) пришел к своему объяснению названия «германцы».

сказать, что имелось в виду, когда говорили, что Рейн протекает посреди кельтской области. Во времена Цезаря от устья Майна и к северу от обитавших на правом берегу Рейна германцев, на левом берегу Рейна жила настоящая смесь различных племен — *Germani cisrhenani*, которые, видимо, были перемешаны с германцами или, по крайней мере, в их личных именах не засвидетельствованы кельтские элементы. Несколько дальше обитали белги, которые, если верить Цезарю, говорили не по-галльски (I, 1). Цезарь также говорит (II, 4), что ремы, которые сами были белгами, рассказывали ему следующее: «[говорят, что] в большинстве своем белги произошли от германцев и в древности пересекли Рейн ради плодородия этого места и осели там, изгнав галлов, которые обитали в тех местах, и на памяти наших отцов, когда вся Галлия была потрясена, они оказались единственными, кто смог помешать тевтонам и кимврам войти в их пределы»¹. Сюда же относились и адуатки в области Тонгра², о которых Цезарь (II, 29) рассказывает, что они произошли от людей из обоза кимвров и тевтонов, которых было 6000 человек. И, наконец, нервии и треверы со своими клиентами, которые иногда причислялись к белгам, иногда считались германцами.

Какова была политическая обстановка в Галлии во время прибытия Цезаря?

Соперничество арвернов и эдуев продолжилось: образовались «партии» эдуев и секванов. Враждовавшие с римлянами секваны находились в качестве клиентов в отношениях зависимости с арвернами, а эдуи, как мы уже говорили, уже давно были на стороне римлян. Чтобы противостоять эдуям и их клиентам, секваны позвали на помощь вождя севов Ариовиста, о чем они, видимо, скоро пожалели, поскольку он захватил значительную часть их земли и около 70 года до н.э. поселился в Эльзасе³. Урна из Нидермоде и брошь из Страсбурга некоторое

¹ *Plerosque Belgas esse ortos a Germanis Rhenumque antiquitus traductos propter loci fertilitatem ibi consedissee Gallosque, qui ea loca incolerent, expulisse solosque esse, qui patrum nostrorum memoria omni Gallia vexata Teutonon Cimbrisque intra suos fines ingredi prohibuerint.*

² Об этом см. G. KAR, 190II.

³ Страбон ставит вопрос несколько по-другому: «в союзе с ними германы становились грозными и слабыми при их отпадении» (IV, 3, 2).

время считались археологическими свидетельствами этого раннего свевского завоевания¹. После целого ряда сражений эдуев удалось поставить на колени, и после гибели своей знати они уступили гегемонию секванам². Вождь эдуев, друид Дивикиак³, уважаемый в Риме человек, безуспешно пытался добиться того, чтобы римский сенат поддержал его племя (BG, VI, 12), «братьев и родичей» римского народа, как их официально именовали (BG, I, 33). Так эдуи были вынуждены заключить мир (60 г. до н.э.).

Чтобы понять дальнейшие события, необходимо бросить взгляд на Богемию. Здесь поселились бойи — то ли они жили тут издавна, то ли перебрались сюда после поражения в Верхней Италии в 191 году (V, 1, 6; 1, 10)⁴. Часть бойев, которых, видимо, вытеснило давление германцев, отошла между 80 и 60 годами

¹ GKAR S. 109. Ann. 27.

² Они сами уже собирались уступить две трети своей земли Ариовишту, который разбил их в 61 или 60 году в битве при Магетобриге (*Magetobriga*). В изданиях стоит *ad Magetobrigam*, рукописи дают *admagetobrige* и тому подобные лекативы, что заставило более ранних исследователей предполагать, что на самом деле место называлось *Admagetobriga*, что с лингвистической точки зрения вполне возможно, если мы здесь действительно имеем дело с усилительным префиксом *ad-*. В любом случае определить место этой битвы точно пока не удалось.

³ В большинстве рукописей князь именуется *Divitiacus*, что, возможно, является искаженной формой имени, которая появилась в результате позднелатинского перехода [k/i] > [tsi] вместо существовавшего на письме *ci* (ср. также *nacio* вместо *natio* и т.д.). О том, что *Divitiacus* является правильной формой, говорит надпись CIL XIII 2081 из Люона и, возможно, также имя *Divico* (BG, I, 13f.), которое выглядит как сокращенная форма отсутствующего в имени *Divitiacus* расширения *k-*. Основу имени, если уж на то пошло, можно сопоставить с и.-с. **deigo-* «бог», прежде всего «небесный бог», что в древнекельтском закономерно должно было выглядеть (то же, что в галатском *Deio-taros*) как **dēyo-* (например, *Devo-gnata* и т.д.; GKAR, S. 251, 270, 272ff., 323f.). Древнее *ei* могло в устах римлян превратиться в *i*, и наоборот, еще в эпоху Империи зачастую писали *ei*, когда имелось в виду латинское *i*: *ipseius*, *eibat*, *veivant*, *eidus* и даже *Queintus* (GKAR, S. 258ff.). Однако предпочтительнее выглядит сопоставление с древнеирландским *di-fich-* «наказывать, мстить», ср. GPN, S. 82f. Другой вариант — где должно было стоять ударение: *Divitiacus* или *Diviciacus*? Я предполагаю, что это имя содержит словообразовательный элемент — пракеельтское **-ākas* (ср. средневаллийское *-awe*, нововаллийское *-og* [и древнеирландское *-ach*]), и поэтому склоняюсь ко второму предположению. О личности Дивикиака подробно пишет Zechhni (1984), S. 37ff.

⁴ Относительно древнего места жительства бойев полнотой ясности нет. Первоначальные сведения можно почерпнуть у Filip (1961), S. 69ff.

до н.э. на запад, в то время как другая часть их поселилась в Словакии и по эту сторону Дуная до Муры и на венгерской низменности. Дальше к югу им преграждало путь норийское царство карнов. Несколько десятилетий спустя, около 40 года до н.э., фракийское племя даков под предводительством царя Бурбисты, как говорят, победило бойев и отняло у них независимость в самом их центре (близ Прессбурга). Позднее они объединились с карнунтами в провинции Паннония.

Бойи, которые ушли на запад, нашли прием у гельнетов, которые, перейдя в 100 г. до н.э. Рейн, поселились в Швейцарии. Эта территория оказалась для них слишком мала, и в виду неминуемой угрозы со стороны Ариовиста они решили переселиться на запад Галлии. В этот момент и начинается действие *Commentarii de bello Gallico* [«Записок о Галльской войне»] или, коротко говоря, «Галльской войны» Цезаря (BG)¹. Современным исследователям бывает очень трудно отделить так называемые «истинные» мотивы действий полководца от его ни в коей мере не беспристрастных оценок. Книга Цезаря должна была служить своего рода оправданием: она должна была обосновать, в первую очередь перед сенатом, необходимость галльской войны, вести которую в таком масштабе у Цезаря не было никаких полномочий (Cic. prov. 19; 32f.). В то же время это составленная по всем правилам искусства, классическая пропагандистская работа, где автор прежде всего стремился показать собственную персону. Все это отнюдь не мешает нам отдавать должное впечатляющей книге, которая служит главным источником по политической и отчасти также по культурной истории Галлии. Естественно, Цезарь отнюдь не намеревался писать монографию по вопросам этнологии. Когда утверждают, что перечень обитавших по Рейну племен у Цезаря якобы неполон (следовало назвать медиоматриков после трибоков) и тому подобное и что все это говорит о сомнительности отдельных мест у Цезаря, такие аргументы представляются совершенно неуместными. Для Цезаря вся эта этнографическая систематика — всего лишь побочная информация, которую он может нам

¹ [Все цитаты из «Записок о галльской войне» переведены русским переводчиком с латинского издания, кроме нескольких случаев, где цитируется перевод М.М. Покровского и которые оговорены особо].

сообщить лишь однажды, просто из интереса, а в другой раз опустить¹.

Пристрастность «Комментариев» ясно проявляется уже во второй главе первой книги. То, что выше мы рассматривали как неизбежные последствия вторжения бойев и страха быть пораженными Ариовистом, у Цезаря фигурирует как *superbia* страдающего манией величия князька, наконец нашедшего предлог, который мог бы оправдать его действия в глазах римлян. «Среди гельветов Оргеториг далеко превосходил всех знатностью и богатством. Он... подвигнутый жаждой царской власти, устроил заговор знати, и убедил [свое] племя, чтобы оно вышло из своих границ со всеми своими пожитками: ведь для них-де никакого труда не составит взять в свои руки власть над всей Галлией»². С точки зрения истории государственных учреждений весьма интересно то, что здесь названы галльские племена, у которых (уже) не было никакой королевской власти, а только знатные семьи, которые могли претендовать на трон или происходили из бывших королевских родов (*stirps regia*). Итак, этому самому Оргеторигу удалось найти как среди секванов, так и среди союзников римлян — эдуев — честолюбивых личностей, которые захотели присоединиться к его плану пере-

¹ При более тщательном рассмотрении очень многое кажется неоднозначным. Например, Цезарь упоминает данные о численности гельветов, записанные греческим письмом, в которых были названы боеспособные мужчины и затем отдельно дети, старики и женщины (BG, I, 29). Ф. Мюллер, упоминая об этом (в: Helvetier [1991], S. 73), прибавляет: «(в этом порядке!)». Перечисление Цезаря кажется ему то ли интересным в плане устройства гельветского общества, то ли «секретским» (?). Но Цезарь думал в первую очередь о боевом потенциале, и поэтому он начинает с боеспособных мужчин, потом переходит к тем, кто в скором времени должны были стать боеспособными, и ставит в конец тех, кто или уже или вообще не был боеспособен, то есть стариков и женщин. Очень возможно, что гельветы делили и женщин на способных к деторождению, девочек и старух, а может быть, деление у них проходило вообще совершенно по-другому, например, по возрастным классам. Однако для Цезаря все это было неинтересно и неважно. Таким образом, в этом месте мы вряд ли можем увидеть нечто большее, чем чисто прагматическое мышление Цезаря-писателя! И другие вещи, как, например, работорговля, выпас скота, внутреннее устройство опидумов, с военной точки зрения не имели никакого значения и прежде всего поэтому у Цезаря не упомянуты. См. об этом: Praxis Geschichte, S. 24f.

² Caesar, S. 19 (I, 2). О переселении гельветов ср. также F. G. Maier в: Helvetier (1991), S. 23.

селения¹. Гельветы заставили Оргеторига дать отчет в своих действиях (видимо, скорее, по поводу его предполагаемых планов захвата власти, нежели по поводу плана переселения?). Оргеториг пытался запугать народное собрание, приведя с собой огромное количество своих крепостных, дружинников и должников (короче говоря, «клиентов») — более 10 000 человек!² — однако затем, почувствовав на себе огромное давление, внезапно скончался — как говорили, покончил с собой (BG, I, 3).

Однако и после смерти Оргеторига гельветы не утратили желания переселиться. Таким образом, Оргеториг мог быть не единственным, кто стоял за этим планом. Гельветы продемонстрировали твердую решимость, предав огню все свои крепости и поселки и весь запас зерна, помимо того, которое они собирались взять с собой в дорогу. Так они хотели, «отбросив всякую надежду на возвращение домой, стать более готовыми к перенесению опасностей». Такой образ действий, естественно, напоминает нам традиционный мотив героического эпоса — сожжение собственных кораблей как символ трагической решимости. Так же поступили и племена Богини Дану после своей высадки в Ирландии. Но, возможно, гельветы хотели также помешать германцам, которые должны были скоро войти в опустошенную землю, найти все имущество нетронутым. Швейцарские археологи предполагают, что следы огня в оппидуме в Вистенлахере на Мон-Вулли между Муртенским и Нойенбургским озерами свидетельствуют как раз об этом сожжении построек весной 58 года³. Целью переселения (BG, I, 10) должна была стать земля сантонов (ср. Сент в департаменте Приморская Шаранта), хотя неясно, планировали ли гельветы насильственную колонизацию или, опираясь на какой-то старый договор, надеялись на мирное расселение. Вокруг гельветского «ядра» собралась настоящая лавина переселенцев, в которую входили раураки, тулинги, латобриги. Названы здесь также и бойи, «которые жили за Рейном, перешли в Норийское поле и осадили Норею»⁴. Согласно обнаруженным в лагере гельветов

¹ О последующих событиях см. Tomaschitz (1994), S. 217ff.

² Полибий пишет, что у пизалинских галлов (I, S. 126) «опаснейшим и могущественнейшим человеком почитался... тот, у кого было наибольшее количество слуг и верных товарищей» (II, 17) [Полибий, т. I, с. 222].

³ L. Flutsch — G. Kaenel, in: Helvetier (1991), S. 32.

⁴ Caesar, S. 21 (I, 5).

при Бибракте написанным греческим шрифтом табличкам, где было указано число переселенцев, все это полчище состояло из:

263 000 гельветов	= 71,5 %
36 000 тулингов	= 9,8 %
14 000 латобригов	= 3,8 %
23 000 раураков	= 6,25%
32 000 бойев	= 8,7 %.

— то есть всего из 368 000 человек, из которых четверть (92 000) были способны носить оружие (BG, I, 29)¹

Поскольку эдуи закрыли им проход через свою область, переселенцы хотели пройти через Нарбоннскую Галлию. Цезарь был формально уполномочен на то, чтобы в своем качестве получившего эту провинцию по жребию проконсула (Cic. Att. I, 19, 2), а также в качестве наместника Цизальпинской и Нарбоннской Галлии (а кроме того, и Иллирика) спешно отправиться в конце марта 58 года из Рима и помешать переселению. Не в последнюю очередь основанием для этого служила старая вражда Цезаря с гельветами, которые в 107 году убили консула Луция Кассия Лонгина и провели римское войско под ярмом (BG, I, 7), что впечатляюще изобразил писавший на исторические темы швейцарский художник Шарль Глейр².

Цезарь дополнительно набрал войска в Верхней Италии, так что количество легионов возросло с четырех до шести (BG, I, 10) плюс подававшаяся легиону конница. Аппиан, вопреки другим античным авторам, утверждает, что в войске Цезаря было 20 000 галлов из горных племен, под которыми, возможно, имеются в виду наемники-гезаты (App. Celt. 15). Характерной для применявшегося Цезарем способа ведения войны с постройкой множества окопных и земляных сооружений была воздвигнутая здесь земляная стена 19 миль длиной³ и 16 футов

¹ О цифровых данных у Цезаря см. Tomaschitz (1994), S. 225f.

² См. иллюстрацию в Cunliffe (1992), S. 144f.

³ Текст, возможно, является двумысленным. Не исключено, что земляной вал на левом берегу Роны сам по себе был существенно короче, однако Цезарь считает и другие укрепления, такие, как изгороди и палисады. При этом Аппиан (Celt. 15) утверждает, что длина сооружения составляла около 150 стадий, то есть почти столько же, но при этом он говорит о «стене»! Остатки этих укреплений археологи многократно искали и, возможно, наконец нашли; см. L. Flutsch — G. Kaenel, в: Helvetier (1991), S. 32.

высотой на границе земли секванов и гельветов, которая связывала вытекающую из Женевского озера Рону с Юрой.

Однако в то же время гельветам удалось через посредство честолюбивого эдуг Думнорига вынудить секванов к тому, чтобы они позволили им пройти через свою землю. Но поскольку при этом гельветы все же опустошили область союзников Рима — эдугев, то Цезарь должен был вмешаться (BG, I, 11). После того, как он в двадцать четыре часа пересек Сону (что гельветам не удалось за двадцать дней) и уже преследовал их по пятам, гельветы послали к Цезарю послом Дивикона, которого сейчас швейцарцы считают чем-то вроде античного Вильгельма Телля¹. Этот старец был вождем гельветов еще во время войны с Кассием. Дивикон обратился к Цезарю с надменными словами и пытался запугать его, напоминая о былом поражении римлян (I, 13). Такие речи, посвященные восхвалению своей особы и поношению противника, мы легко можем представить себе по островной кельтской литературе; упоминаются они и у Диодора (V, 31), который считал их типичными для кельтов вообще. Уже Катон Старший (234—149 до н.э.) сурово порицал кельтов за их воинственность и словоохотливость (fg. 34). Катон хорошо знал, о чем говорил, поскольку еще в 207 году он сражался в битве при Сенигаллии (Sena Gallia) против кельтов Верхней Италии. Речь, вложенную в уста Дивикона, мы, видимо, можем рассматривать как достаточно близкий к реальности образец устрашающих речей — так, как они выглядели в реальной политической и военной жизни, без свойственных героическим сагам преувеличений.

Из следующего становится ясным, что главным противником Цезаря фактически являлся эдуг Думнориг (I, 17 сл.). Думнориг был братом уже упоминавшегося друга римлян, друида Дивикиака (Cicero div. I, 41, 90), и считал, что у него есть шансы захватить царскую власть в своем племени (возможно, ему казалось своего рода предзнаменованием, что само его имя **Dubno-rīx* означало «Царь мира»). В собственном племени он уже считался неофициальным правителем. На его монетах показан воин с боевой трубой, штандартом с изображением вепря и отрубленной головой-трофеем². Будучи сам зятем некогда

¹ A. Furger v. Helvetier (1991), S. 13.

² Allen (1980), S. 92.

могущественного Орбеторига, Думнориг выдал свою мать за князя, занимавшего видное положение среди бигуригов, своей щедростью и различными брачными союзами привязал к себе многих местных лидеров и даже сохранил свою собственную конницу. Во многом он был типичным представителем поздне-латенской знати. То искусство, с которым Цезарь в дальнейшем обращался с Думноригом, — блестящий пример его тактической ловкости. Чтобы не подвергать опасности свои хорошие отношения с Дивикиаком и традиционную дружбу эдуев с римлянами, а также из-за популярности Думнорига среди эдуев, Цезарь пощадил Думнорига, однако в дальнейшем установил над ним надзор, поскольку уже тогда было понятно, что взявший курс на конфронтацию Думнориг ничем хорошим кончить не может. Действительно, в 54 году он был уничтожен римской конницей (BG, V, 7). Но пока Цезарю удалось, никак не затронув молившего за него со слезами Дивикиака, политически изолировать Думнорига.

Решающая битва произошла в области эдуев в их столице Бибракте (Мон-Бовре высотой 821 м., неподалеку от Отена, на границе департаментов Ньевр и Соны-и-Луара)¹. Здесь мы встречаемся с первым большим оппидумом латенского периода из целого ряда таких поселений (всего у Цезаря их названо 28), из которых большинство вполне заслуживало названия города, хотя, конечно, и не по средиземноморским стандартам. Впрочем, не все они точно идентифицированы. Джон Коллиз, который в 1984 проработал все данные об этих «самых первых городах к северу от Альп» со всех возможных точек зрения, набросал очерк этих оппидумов, что позволяет нам легко себе представить, какое большое политическое значение имел их захват как для галлов, так и для Цезаря².

Здесь Цезарь сделал то, что с символической точки зрения очень напоминало то (само)разрушение, которое устроили гельветы, отправляясь из дома: «Цезарь, ободрив своих и отдалив сначала своего, потом и коней всех [остальных всадников], уведя их из поля зрения, чтобы из-за равной опасности для

¹ О месте, где был расположен этот образец кельтского оппидума, см. J.-P. Gillet, в: *The Celts* (1991), S. 519.

² Карта идентифицированных и неидентифицированных оппидумов см. в Collis (1984), S. 16ff.

всех не оставалось никакой надежды на бегство, начал сражение» (ср. Sueton. Iul. 60)¹.

Для истории галльского оружия интересно следующее замечание: «Поскольку многие из их щитов были пронзены и скреплены одним ударом копий, то, так как железо стибалось, они не могли ни вырвать их, ни с достаточным удобством сражаться. Поэтому многие... предпочли выпустить щит из рук и сражаться с незащищенным корпусом»². Неудивительно, что деревянные щиты галлов не выдерживали ударов римских копий. Однако одно копьё могло пробить несколько щитов (Цезарь в этом не видит ничего особенного), конечно, только в том случае, если галлы действительно сражались тесно сомкнутыми рядами (*confertissima acie... phalange facta*; I, 24), причем один щит мог заходить за край другого. Таким образом, естественно, одно копьё не могло пронзить больше, чем два щита. Не исключено, что галлы, как позднее бритты в «Гододдине»³, были знакомы и с техникой группового прикрытия щитами, наподобие римской «черепашки» (*testudo*)⁴, что при неумелом обращении со щитом в пылу битвы могло привести и к наложению щитов друг на друга. В любом случае, галльский щит, видимо, был достаточно большим. Наконечник римского копья ковался таким образом, что когда кончик входил в галльский щит, дальше наконечник суживался и в этом месте оказывался настолько мягким, что стибался, а не ломался.

Затем произошел штурм галльского обоза⁵, в котором искали убежища женщины и дети. Гельветы и их союзники, всего около 130 000 человек, были вынуждены безоговорочно сдаться и вернуться на родину, которую они же сами и опустошили. Оставлять эту область незаселенной ввиду опасности вторжения

¹ [Caesar primum suo, deinde omnium ex conspectu remotis equis, ut aequato omnium periculo spem fugae tolleret, cohortatus suos proelium commisit (BG, I, 25)].

² Caesar S. 32 (I, 25).

³ Gododdin XIV, 122; Roedel (1989a), S. 50f.

⁴ Ср. среднеирландское предание о «Смерти Кухулина», где герой, бросивший вызов на бой «ирландскому Ахиллу», соорудил стену «из повешенных друг к другу щитов»; Ch.-J. Guyonvarch — F. Le Roux (1966), S. 347; Cross — Slower (1969), S. 335.

⁵ Было подсчитано, что одних только гельветов нуждались в 8 500 повозках для переселенцев и около 34 000 голов тяглового скота (Caesar, S. 235). Это все равно, что парковка для 15 000 автомобилей! А ведь были еще и слутники из других племен!

нуждавшегося в земле Ариовиста было бы глупостью. Вероятно, эти события можно проследить и археологически. Следы поселений племени раураков в районе Базельской газовой фабрики в середине I века до н.э. прерываются, а затем все поселение перемещается на Мюнстерхюгель¹. Напрашивается мысль, что вернувшиеся домой раураки перенесли свой оппидум из долины Рейна на холм, который легче было оборонять, и вдобавок обнесли его «галльской стеной» — *murus Gallicus*.

Проведенная по приказу Цезаря перепись возвращавшихся домой дала цифру в 110 000 человек, то есть даже меньше трети от числа отправившихся в путь, если исходить из того, что каждое племя вернулось на первоначальное место своего поселения (BG, I, 28). Конечно, 238 000 человек (а именно на столько отличается первоначальная численность гельветов от числа выживших после Бибракте) не должны были погибнуть. Это было бы все-таки 64,67%! Совершенно невероятно, чтобы битва при Бибракте была такой жуткой массовой резней². Такое предположение не согласуется и с отдельными цифрами до и после Бибракте, в частности, с данными по племени бойев: 32 000 бойев присоединились к гельветам и 20 000 (62,5%) выжили после Бибракте. То, что каждый (и каждая) третий (третья) среди бойев погибли или были обращены в плен, хотя и достаточно жестоко, но вполне реалистично. Очень возможно, что после начала переселения многие отпали от основного отряда или нашли убежище у других племен. Из первоначальных 32 000 человек только 8 000 были боеспособными. В таком случае они должны были бы все погибнуть или попасть в плен, а вместе с ними и около 4 000 женщин, детей и рабов. О боях особо говорится, что они из-за их необыкновенной добродетели (или отваги — *egregia virtute*) все вместе с разрешения Цезаря были приняты эдуями и поселились на их земле (BG, I, 28); мы не знаем, какие старые дружеские отношения послужили тому поводом. Это могли быть те самые 20 000, в отношении которых расходятся два подсчета Цезаря: при Бибракте их учли, а при подсчете в стране гельветов они, естественно, могли быть

¹ Collis (1984), S. 77, 210; A. Furger-Gunti, in: The Celts (1991), S. 523.

² Можно сказать и так: «Сопоставив списки гельветов со своими собственными данными о выживших, Цезарь мог установить, что его гельветская война стоила около четверти миллиона жизней»: Eichner (1989), S. 20.

и не учтены. Однако почему же *egregia virtus* стала для эдуев поводом приютить оставшихся бойев, если эти 20 000 состояли теперь только из женщин, детей и рабов?

В общем и целом вызывает сомнение огромное число переселенцев — 368 000 (но не число боеспособных людей — 92 000). Чтобы прийти к более правдоподобным цифрам, будем исходить из числа выживших (130 000) и посчитаем по приведенным выше относительным процентным соотношениям первоначальный состав каждого племени, увеличив это число примерно на треть (погибших и взятых в плен). В таком случае после и до Бибракте получится:

	<i>после Бибракте</i>	<i>до Бибракте</i>
гельветов	92 950	около 139 000
тулингов	12 740	около 19 000
латобригов	4 920	7 800
раураков	8 125	12 200
бойев	11 310	17 000

В таком случае получается, что в поход отправилось около 195 000 человек. Если погибших и взятых в плен было менее трети, тогда получается около 184 000 человек, то есть Цезарь, говоря о численности гельветов, почти удвоил цифры (до 368 000), что больше похоже на правду, чем гипотеза о каких-то сложных подсчетах в таком частном вопросе. Однако все не так просто. Об этом говорит уже численность бойев, которых, согласно моему подсчету, после Бибракте никак не могло быть 20 000, если только не считать, что они как-то особенно держались в стороне от битвы.

Забудем пока о численности бойев и будем опираться на единственное «надежное» число — Цезарев подсчет вернувшихся на родину, который дал цифру в 110 000 (BG, I, 29). Если считать, что варвары потеряли несколько менее чем треть своей численности, то получится около 164 000 человек, к которым мы прибавим 20 000 бойев, так что у нас получится предполагаемая численность в 184 000 человек. Формально это, конечно, неверно, поскольку получается, что бойи не только не потерпели никаких потерь, но и что их даже стало больше, если исходить из того, что названное у Цезаря число нужно уменьшить наполовину (из первоначальных 16 000 — 20 000 после Бибракте). Однако

Цезарь отнюдь не говорит, что число бойев (20 000) появилось в результате той же самой переписи, которая дала 110 000, так что, возможно, он удвоил и число выживших бойев. Если считать, что на самом деле из дома их вышло 16 000, а затем их численность уменьшилась на треть и их стало 10 000, то тогда получается, что Цезарь в своей обычной манере увеличил цифры до 20 000.

Если принципиально поставить вопрос — насколько достоверны цифры в «Галльской войне»?¹ — то ответ напрашивается сам собой: из соображений пропаганды Цезарь сплошь и рядом так сильно повышал численность врага, чтобы представить в более выгодном свете успехи численно уступавших варварам римлян, и прежде всего свои собственные. Читатель может наглядно представить себе порядок чисел, если напомнить, что количество якобы погибших или взятых в плен при Бибракте кельтов превышает население Исландии и приближается к численности населения Брауншвейга или Вероны.

Однако при этом можно задуматься и о том, что и в рассказах Полибия — грека и отнюдь не современника кельтских войн, которому вряд ли можно приписать такие мотивы, — мы находим столь же высокие цифры. Точно так же Плутарх и Аппиан, судя по всему независимо друг от друга, экстраполируя цифры «Галльской войны», приходят к цифрам, которые кажутся им правдоподобными. В таком случае, Цезарь и его легионы якобы в течение нескольких лет сражались с тремя миллионами людей, один миллион был убит и один миллион попал в плен (Plut. Caes. 15). Аппиан считает даже, что врагов было четыре миллиона, однако вычисление количества обращенных в рабство и убитых совпадает с цифрами у Плутарха (Celt. 1, 2). Еще информация из Плутарха (в скобках — данные у Аппиана): число завоеванных Цезарем «городов» — 800 (800), число побежденных «племен» — 300 (400), число побед в открытых сражениях — 40.

Современные историки достаточно далеко расходятся в оценках численности населения Галлии и жертв галльских войн². В общем и целом, мне кажутся наиболее реалистичными

¹ По этому вопросу см. прежде всего Will (1992), S. 96ff.

² Ср., например, Fleury (1980a), S. 23. Удивительно, что Моммзен так спокойно воспринимает подсчеты Цезаря; Beloch (1886), S. 450, Ann. 1, Will (1992), S. 96, напротив, склонен считать, что число жертв было даже выше, чем указывает Плутарх.

вычисления Юлиуса Белоха¹. После целого ряда умозаключений, оценок и сравнений он пришел к следующим цифрам²:

Аквитания	160 000 км ²	1 140 000 жителей	7, 1 на км ²
Лугудунская Галлия	170 000 км ²	1 250 000 жителей	7, 35 на км ²
Бельгийская Галлия	205 000 км ²	1 000 000 жителей	4, 5 на км ²
«Галлия в целом»	535 000 км ²	3 390 000 жителей	6, 3 на км ²
Нарбоннская Галлия	100 000 км ²	1 500 000 жителей	15, 0 на км ²
«Галлия»	636 000 км ²	4 890 000 жителей	7, 6 на км ²

Диодор говорит, что Галлия населена множеством племен, весьма различных по численности, причем самые большие племена состоят из 200 000 и самые маленькие — из 50 000 человек (V, 25). В эпоху Римской Империи общее собрание племен в Лионе состояло из представителей 60 племен. Если мы примем, что это число по сути отражает количество племен во времена Цезаря, то, согласно подсчетам Белоха, средняя численность племени составляла 81 500 человек, что в общем и целом согласуется с уже упомянутыми данными Диодора. Из данных Цезаря (BG, I, 29) об общем числе гельветского полчища можно сделать вывод, что число боеспособных чиснов племени относилось к общей численности племени как 1 к 4. Следовательно, племя средней величины могло выставить около 20 000 воинов, крупные племена — около 50 000, самые маленькие — не более 10 000.

Если мы будем исходить из этих, вполне реалистичных, по моему мнению, цифр, тогда цифры, приведенные у Плутарха и Аппиана, представляются совершенно фантастическими. То же самое можно сказать и о числе «городов», к которым мог бы быть причислен даже самый крошечный *dunum*. Число воюющих у Аппиана и Плутарха может иметь смысл только в том случае, если эти авторы символически пытались изобразить всех галлов как врагов и противников. Однако и в этом случае число погибших кажется слишком большим. Фантастические цифры возникали путем простого сложения данных Цезаря и

¹ Beloch (1886), S. 448ff., bes. 460.

² Таким образом, по густоте населения Аквитания соответствует сегодняшним Бразилии или Саудовской Аравии, Лугудунская Галлия — Мали, Бельгика — Гайане, а Нарбоннская Галлия — Шетлендским островам. Можно представить себе, что по густоте населения Галлия в целом соответствует Казахстану. Поскольку сегодня земля в целом заселена гораздо более густо, то трудно найти для сравнительно редкого населения времен Цезаря какие-то менее отдаленные параллели.

при этом они отражают ту же тенденцию к преувеличению, что и их источник. Только число выигранных сражений (40) кажется не слишком высоким. Получается, что за восемь лет войны ежегодно происходило пять сражений, что вполне правдоподобно, если считать не только крупные сражения, но и другие важные столкновения.

Уже Наполеон III поручил своему специалисту по археологии — полковнику Эжену Стоффелю — точно определить место сражения при Бибракте. Основываясь на тексте Цезаря и собственных стратегических выкладках, Стоффель пришел к выводу, что речь идет о холме Буа-де-Жо близ Монмора, в 22 километрах к югу от Боврэ. Это произошло в 1863 году. Более ста лет спустя швейцарские археологи пришли к выводу, что открытые Стоффелем укрепления действительно были построены легионерами для защиты обоза!¹ Это — веский довод в пользу достоверности текста Цезаря, что подтверждают и находки из Алезии.

После окончания гельветской войны Цезарь собрал общегалльский совет [*concilium totius Galliae*], на котором эдуи жаловались ему, что арверны и секваны (как мы уже упоминали) взяли на службу царя свевов Ариовиста. Если вначале германцев было только около 15 000, то теперь из-за Рейна их якобы пришло уже 120 000, в силу чего кельты оказались еще в более стесненном положении. Один Дивикиак не поддался страху и отправился в Рим, чтобы (тщетно) просить сенат о помощи. У других знатных эдуев (тех, что еще оставались в живых) были связаны руки, так как они предоставили секванам и арвернам заложников. Ариовист, который ко всему прочему еще и получил подкрепление из 24 000 гарудов², собирался якобы изгнать секванов из их земель и вскоре подчинить себе всю Галлию (I, 31 сл.). После этих слезных (!) просьб Цезарь должен был принять меры, чтобы воспрепятствовать тому отрицательному влиянию, которое могли бы иметь вызванные Ариовистом беспорядки на ситуацию в римской провинции.

Он мог надеяться договориться с Ариовистом полюбовно,

¹ L. Flutsch — G. Kaenel, в: *Helvetier* (1991), S. 32.

² Судя по всему, гаруды за несколько десятилетий до того покинули Ютландию (где о них до сих пор напоминает название области Харьюссель, в древности *Harthesysæl*) вместе с кимврами и тевтонами.

поскольку за год до этого Цезарь, будучи консулом, заключил с царем свевов договор о дружбе и сенат по предложению Цезаря наградил его званием «царя и друга римского народа» (*rex et amicus populi Romani*). Очень возможно, что именно по этому случаю Ариовист (*rex Sueborum*) прислал Квинту Метеллу Целлеру, в то время проконсулу Нарбоннской Галлии, в качестве этнографического курьеза каких-то «индийцев» (может быть, даже индейцев?), которых выбросило на берег Северного моря вместе с их купеческим кораблем (Plin. nat. II, 67)¹. Однако до прямых переговоров с Ариовистом так и не дошло, поскольку он настолько высокомерно обошелся с послами Цезаря, что не оставалось другого решения, кроме военного (BG, I, 34 сл.). При беспристрастном рассмотрении можно допустить, что со своей точки зрения Ариовист не был неправ, — если допустить, что и он имел право на империалистическую политику. Действительно, уже давным-давно никто не разговаривал с римлянами в таком самоуверенном, даже самодержавном тоне.

Познакомившись с Ариовистом, мы видим человека, который — исходя из Рейнской области — стоял между двумя культурами или, скорее, принадлежал к обеим одновременно: к германско-свевской и кельтской. Кроме того, он бегло говорил по-галльски (BG, I, 47) и по-латыни, что ни в коем случае не пужно считать само собой разумеющимся, если вспомнить, что Цезарь, разговаривая с Дивикиаком, который все-таки провел некоторое время в Риме², вынужден был прибегать к помощи галльского толмача (BG, I, 19)³. Ариовист, возможно, носил кельтское имя — оно встречается также на штампе врача-окулиста из Британии. Однако в политическом отношении он и чувствует и ведет себя как германец. Характерно, что он был женат и на свевской, и на кельтской женщине (сестре короля Норика Вокциона, BG, I, 53). Он — царь, командующий войском или дружиной (может быть, на его родном языке Ариовиста называли заимствованным у кельтов словом *riks) и

¹ Помпоний Мела (II, 5, 45), которому также была известна эта история, ошибочно называет царя, который подарил этого «экзота», царем ботов, ср. GLQFM I, S. 300ff., 547ff.

² Ср. также Zecchini (1984), S. 37ff.

³ [Нельзя исключать возможности, что Дивикиак не мог прибегать к чужому языку именно потому, что был друидом и это могло уронить его достоинство или помешать его дальнейшему общению с богами].

хвалится тем, что в течение четырнадцати лет его привыкшие к оружию и победоносные воины ни разу не заходили под крышу (BG, I, 36). Следовательно, свою карьеру он начал в 72 году до н.э. Ариовист со своими германцами внушал такой ужас, что когда при Везонтионе (Безансон) дело дошло до битвы, те галльские союзники Цезаря, которые не успели потихоньку стусhevаться, попрятались в лагере по своим палаткам, запечатывали завешания и время от времени раздражались рыданиями (BG, I, 39). После дальнейших переговоров Цезаря с Ариовистом и после того, как он дурно обошелся с римскими посланниками, произошла решительная битва где-то в верховьях Рейна, в речной долине, возможно, близ Мюльхаузена (Mülhausen, Mulhouse).

В связи с этим мы узнаем о своеобразном и чуждом для римлян способе взаимодействия пехотинцев и всадников у германцев (BG, I, 48). Позднее, в 51 году, вождь андов Думнак, возможно, применил, согласно Пирцию, в битве против римлян и их союзников — пиктонов — похожую технику боя (BG, VIII, 29). Цезарь рассказывает также об обычае германцев, удивительном как с римской, так и с галльской точки зрения, — гадании, которое проводили их жены, бросая жребий (руны?), пытаясь определить, благоприятно ли для победы время, избранное для битвы¹. Полученный ответ, согласно которому растущая луна (новолуние было 18 сентября) неблагоприятна для германцев, вынудил Ариовиста отклонять многочисленные вызовы римлян на битву (BG, I, 50)². Когда же римляне в конце концов вынудили царя свевов дать сражение, произошло то, что и должно было случиться: в горячей битве Ариовист потерпел полное поражение. «Варварский Рейн, налитый кровью свевов, влечет скорбящей водой израненные тела», — писал позднее поэт Проперций (III, 3, 45 сл.). Ариовисту удалось спастись в лодке, переправившись через тот же самый Рейн. За ним последовали двое его жен и одна из дочерей; другая дочь была взята в плен и обращена в рабство.

Таким образом, германская попытка крупномасштабной

¹ Подобное рассказывает и Тацит (Герм. 10).

² У Полибия (V, 78) мы читаем, что галаты 1 сентября 218 года прекратили подготовку к битве из-за полного затмения луны.

колонизации к западу от Рейна, в Галлии, провалилась¹ и была отложена на много столетий. При всем этом германские наемники участвовали то на римской, то на кельтской стороне в последующих сражениях галльской войны, а жившие на правой стороне Рейна германцы представляли собой все более и более серьезную угрозу для римского господства.

Второй год войны (57) запомнился столкновениями с белгами, покорением нервий и народов северо-западного побережья, а также завоеванием Атватуки (Тонгерна).

Причины мятежа белгов, которые изложил Тит Лабиен, легат Цезаря в зимнем лагере, в письме к полководцу, настолько характерны для настроения после первого года войны, а также для римской оценки галлов, что их стоит привести: «Во-первых, они [белги] боялись, что когда вся Галлия будет покорена, то наше войско дойдет и до них; во-вторых, их побуждали к этому некоторые галлы — отчасти потому, что они, с одной стороны, не хотели того, чтобы германцы дольше оставались в Галлии, а с другой стороны, относились с крайней неприязнью к тому, что войско римского народа зимует и закрепляется в Галлии; отчасти потому, что из-за переменчивости и легкомыслия своего духа они жаждали новой власти, а некоторые — потому, что в Галлии повсюду престолы захватывались могущественными особами, а также теми, кто имел средства содержать своих людей [здесь можно вспомнить о попытках Оргеторига и Думнорига], а при нашей власти им труднее было бы заниматься такими делами»². Следует добавить, что по крайней мере два первых пункта выглядели вполне очевидными с галльско-белгской точки зрения и их можно считать вполне справедливыми.

Цезарю понадобилось 15 дней, чтобы со свеженабранными в Цизальпинской Галлии войсками промаршировать от Безансона до страны белгов. Таким образом, легион в среднем преодолевал 17 километров в день. Подобно эдуям, которые, как правило, стояли на стороне римлян, здесь на их милость немед-

¹ Высказывались предположения, что Цезарь поселил в верхнем Эльзасе и близ Базеля происходившее из области нынешнего Бадена племя раураков, которое присоединилось к гельветской попытке переселения и вместе с гельветами потерпело поражение при Бибракте (Pauly IV, s.v. *Raurici*).

² Caesar, S. 51 (II, 1).

ленно сдались ремы (в департаментах Марна и Арденны с их столицей Дурококтором, теперь Реймс). От них Цезарь получил существенную информацию о происхождении, племенном делении и размере вооруженных сил белгов (II, 3 сл.). Эта особенная дружба с римлянами сохранилась и после завоевания Галлии и даже привела к появлению своеобразного культа, в котором почитались Диоскуры. Кастора и Поллукса связали с Ромулом и Ремом и отождествили первого с римлянами, а второго — с ремами (народная этимология)¹. То, что по легенде Ромул не слишком хорошо обошелся с Ремом, видимо, никого не смущало.

У ремов были антиримски настроенные братья и родичи — суэссионы (ср. Суассон в департаменте Эна). Их царь Дивикиак (не путать с одноименным представителем племени эдусв) не так давно был самым могущественным человеком во всей Галлии. Правил он и Британией. Его наследник по имени Гальба царствовал и над ремами. Суэссионы обитали в самой плодородной области страны белгов и владели 12 городами. Самым отважным, влиятельным и крупным племенем [среди белгов] были белловаки (ср. Бовэ), которые позднее вели против Цезаря самую длительную и ожесточенную войну и уже в 46 году подняли еще одно восстание (Livius ср. 108; 114). Они якобы могли выставить 100 000 воинов, из которых 60 000 относились к числу элиты. Для сравнения — вся антинаполеоновская армия Веллингтона при Ватерлоо состояла из 62 000 человек. По крайней мере одно из крупных святилищ белловаков, посвященное некоему хтоническому божеству, имело, как показывают остатки военных трофеев, явно военный смысл. Самыми дикими, воинственными и опасными среди белгов были нервии, обитавшие в области непроходимых болот Шельды и Уазы, примерно в районе сегодняшних Валансьена, Мобежа и Камбрэ (департамент Нор). Раскопки в окрестностях Клермон-де-л'Уаз продемонстрировали выдающиеся достижения римских инженеров и инженерных войск при преодолении огромного болота с помощью фашинных мостов и окопных работ в такой сложной местности². Если верить Тациту (Герм. 28), нервии гордились

¹ Нап (1989), S. 155f., где показаны имеющиеся археологические данные об этом культе в Реймсе.

² Фашинные мосты состояли из «стоявших на якоре» на болоте вязанок хвороста, на которые ставили сделанные из деревянных балок сегменты моста и соединяли их вместе: Нап (1970a), S. 173.

своим германским происхождением, а Страбон (IV, 3, 4) вообще считает их за германцев, Аппиан же, в частности, за потомков кимвров и тевтонов (Сelt. 1, 4). Однако во времена Цезаря они уже были полностью кельтизированы. Нервии даже запрещали купцам въезд в свою страну и не позволяли ввозить ни вина, ни какие-либо предметы роскоши, чтобы это не привело к изнеженности (BG, II, 15).

Следует упомянуть и небольшие племена: атребатов (ср. Аррас в департаменте Па-де-Кале), амбианов с их столицей Самаробригой (Амьен в департаменте Сомма), велиокассов в нижнем течении Сены с их столицей Ротомагом (Руан, департамент Приморская Сена), виромандуев в области Вермандуа (близ Сен-Кентена, департамент Эна), а также моринов («морские жители») вокруг Теруанна (к югу от Сен-Омера, департамент Па-де-Кале). Они оказали Цезарю особенно ожесточенное сопротивление, но это племя оказалось очень важным, потому что из их области должны были впоследствии проводиться экспедиции в Британию. Морины граничили с калетами, чье имя сохранилось в названии города Кале. Из их земли можно было достичь Британии меньше, чем за день¹. На юго-востоке к белгам относилось не слишком многолюдное, обитавшее на сравнительно большой и редконаселенной равнине племя менапиев (до самого Рейна; BG, IV, 4). Название этого племени (которое к тому же в очень похожей форме встречается и в Ирландии) кажется ни кельтским, ни германским. В своем заболоченном, лесистом краю они вели против римских отрядов партизанскую войну. Это было тем легче, что лес здесь оказался отнюдь не «стресвым»: это были скорее тернистые, непроходимые заросли каких-то кустарников (Strabon IV, 3, 4)². К северу обитала группа племен, которых Цезарь (VI, 2, 32; II, 3) именовал «германцами по эту сторону Рейна» (*Germani cisrhenani*). Он считал их за германцев, хотя на основании их личных имен

¹ Strabon IV, 1, 14 утверждает, что обитавшие в Нормандии лексовини были соседями калетов, ср. Dirkzwager (1975), S. 97. Позднее Страбон говорит, что отлив вечером во время отлива, можно на следующий день около двух часов высадиться в Британию (IV, 3, 4).

² Об этом см. Harmand (1985), который считает значение девственного леса в «Записках о галльской войне» преувеличенным, но здесь, по его мнению, речь идет действительно о труднопреодолимом лесу. Значение леса для партизанской войны в Галлии показывает Deyber (1987), S. 163ff.

«германскость» этих народов столь же сомнительна, как и их «кельтскость»¹. В эпоху Цезаря среди них были кондрусты («дружинники»), кероэзы, пеманы, сегны (они упоминаются также в BG, VI, 32) и самое большое и воинственное племя — эбуроны в области Мааса к северу от Люттиха, которые выступали как клиенты известных своей дикостью, коневодством и конницей треверов (в районе Трира). Не случайно на их монетах вместо колесницы показан кентавр. Согласно Тациту (Germ. 28), треверы также хвалялись своим германским происхождением; однако, как показывают многие из дошедших до нас личных имен треверов, это племя было уже кельтизировано². К «германцам по эту сторону Рейна» они не относились. И, как уже упоминалось, в ходе переселения кимвров в область эбуронов попало племя адуатуков близ Тонгерна.

В общем и целом, по подсчетам ремов, белгские полчища состояли более чем из 300 000 человек. Однако, как показало уже сражение при броде через Эну (BG, II, 9 сл.), белгскому войску не хватало сильной личности в роли вождя, и поэтому на сцену, как всегда, вышел партикуляризм племенной политики. «Пусть лучше сражаются в своих, нежели в соседских, пределах и пользуются своими собственными запасами зерна»³.

В ходе осады точно не отождествляемого пока города Новодуна («Новгорода») на Эне, укрепления суэссионов, галлы в первый раз познакомились с римской техникой осады: «Когда осадные навесы спешно были подведены к городу, насыпаны валы и установлены осадные башни, то галлы, пораженные масштабом работ, которых они раньше не видели и о которых даже не слышали, и быстротой римлян, послали к Цезарю просить о сдаче и, по ходатайству ремов, добились, чтоб им сохранили жизнь»⁴. Вслед за этим Цезарь осадил город Братуспантий, столицу белловаков. И здесь все старейшины вышли навстречу Цезарю с поднятыми руками и просили о мире;

¹ Об этом см. GKAR, S. 181ff.

² Weisgerber (1935) = Weisgerber (1969), S. 107ff. Процент германских имен столь незначителен, что им можно пренебречь. Имя же самого племени, напротив, является германским или германнизированным.

³ Caesar, S. 55 (II, 10).

⁴ Caesar, S. 57 (II, 12).

дети и женщины «по их обычаю» просили о пощаде со стен, простирая руки. Согласно князю эдуев Дивикиаку, белловаки обратились против римлян только потому, что им наговорили, будто римляне поработили эдуев. Демагоги-подстрекатели бежали в Британнию. Далее мы еще увидим тесные политические связи между белгами и бриттами.

Гораздо более трудным оказалось столкновение с нервиями. Перебежчики из войска Цезаря рассказали им о походном строе римлян. Тогда это белгское племя забаррикадировалось: они подпилили и согнули молодые деревья, между которыми посадили терн и ежевику¹. Образовалась настоящая живая изгородь, в которой не было даже никакого просвета. Естественно, такие «живые стены» нервии посадили не только ради римского войска: уже до этого благодаря им страна нервиев была — в соответствии со спартанскими взглядами ее жителей — не слишком гостеприимной. Здесь снова происходит сражение у брода (на реке Самбре), и здесь римляне оказываются в таком бедственном положении, что треверские всадники (о том, что они сражались на стороне Цезаря, нам сообщают вот так, мимоходом) отправились домой, где они сообщили о полном уничтожении римского войска. Однако римлянам в конце концов удалось одержать верх. «Однако враги, почти отчаявшись спастись, выказали такое мужество, что когда первые из них падали, ближайшие к ним поддерживали падающих и сражались из-за их тел; а когда те падали и образовывались уже груды трупов, оставшиеся в живых словно бы из кургана метали в наших стрелы и перехваченные копья...»². Согласно Аппиану, резня была столь страшной и в воде брода лежало столько мертвых тел врагов, что римляне могли пересечь реку, наступая на убитых (Celt. I, 4). Когда адуатуки, спешившие на помощь нервиям, увидели их конец — говорят, что из 60 000 человек в живых осталось только 500! — они повернули назад и окопались в крепости у себя на родине (может быть, это был Намюр или какое-то место близ Люттиха). Цезарь взял их в правильную осаду: выдвинул осадные навесы, построил башни и возвел насыпь. Осажденные смеялись, поскольку не могли поверить в то, что к ним может приблизиться башня. Однако когда они

¹ Страбон говорит это в особенности об Арпенском лесу (Strabon IV, 3, 5).

² Caesar, S. 63 (II, 27).

увидели, что башня действительно подходит, то стали просить о мире: они думали, что римляне находятся в союзе с богами (BG, II, 30 сл.)¹ Под конец похода на адуатуков Цезарь рассказывает нам, что легат Публий Лициний Красс, младший сын триумвира, с одним-единственным легионом покорил почти все племена Бретани (BG, II, 34). За этим коротеньким сообщением видится большой проект Цезаря, который, очевидно, намеревался передать в руки римлян всю торговлю с Западом, особенно торговлю оловом. Именно поэтому уже упомянутый Красс, возможно, по поручению Цезаря, совершил рекогносцировочную поездку (Strabon III, 5, 11) на «Оловянные острова» (Κασσιτερίδες), которые уже давно отождествляют с лежащими близ побережья Корнуолла островами Силли².

Зимой того же года легат Сульпиций Гальба оказался в большой опасности в своем зимнем лагере в Октодуре (Мартиньи в Валлисе)³, деревне племени верагров. Верагры состояли в союзе с нантуатами («жители долины») и седунами (ср. Ситтен в Валлисе). К этим трем племенам присоединилось и четвертое — кельтско-лепонтийское смешанное племя уберов (Plin. nat. III, 135). Вместе они образовывали союз четырех народов Пеннинских Альп (*IV civitates Poeninae*)⁴, на основании которого позднее даже возникла римская административная единица — провинция Грайские и Пеннинские Альпы. Однако уже в 57 году ясно, что, по крайней мере, трое из четырех членов швейцарской «праконфедерации» были связаны общей торговлей. Я позволю себе предположить, что именно эти племена (наряду с жившими западнее аллоброгами) были теми самыми племенами, которые мешали еще Ганнибалу при его переходе через Альпы. Теперь задачей Цезаря было держать путь через Альпы открытым и как можно более легко проходимым, и не только

¹ [Поскольку им казалось невероятным, что люди «такусенького роста» (*tantulae staturee*) могут самостоятельно передвигать такие махины. «Почти все галлы из-за величины своих тел с презрением относятся к нашему небольшому росту», — замечает Цезарь (там же)].

² Кажется, что, посещая «Оловянные острова», римляне непосредственно познакомились с Корнуоллом; O'Neill Hencken (1932), S. 167ff. В настоящее время, как мне кажется, идентификация «Оловянных островов» остается спорной.

³ [Валлисе — кантон в Швейцарии].

⁴ [Пеннинскими Альпами называют Альпы между перевалами Сен-Бернар и Сен-Готард].

ради купцов, но прежде всего для переправки войск, которые должны были очень быстро пересекать Альпы, не ввязываясь в партизанскую войну, чреватую потерей времени и людей. Подвиг двух офицеров позволил разрешить критическую ситуацию в пользу легата. Интересно, что основным оружием этого племенного союза, судя по всему, было метательное копьё (*gæsium*; BG, III, 4). Тут нельзя не вспомнить такие войска, как у уже упомянутых гезатов, наемников в долине Роны, которые, однако, не показали в битве при Теламоне в 225 году никакого опыта в сражении копьем.

56 год принес восстание племен на побережье Бретани и Нормандии, покорение аквитанов и новые сражения против менапиев и моринов в области белгов.

Зиму 57/56 годов Цезарь провел в провинции Иллирик, чьим наместником, как и обеих Галлий, он был, «поскольку хотел объехать их племена и познакомиться с областями» (BG, III, 7). Здесь его настигло известие, что кельтские племена в Нормандии и Бретани взяли в плен нескольких офицеров, которые были посланы к ним, чтобы добыть провиант, дабы обменять их на своих заложников, которых в прошлом году они должны были предоставить Крассу. Это было явное нарушение возникших в прошлом году на основании завоевания правоотношений — *fides*.

Несколько племен поклялись друг другу вместе отвечать за последствия своих действий. Так образовался союз племен, который простирался далеко в глубь материка, вплоть до зоны влияния эдуев. Теперь на сцену выступают новые действующие лица — народы и племена¹: *венеты* в заливе Морбиан (область г. Ванн), *озисмии* (оссисмии) в районе Карэ² (департамент Финистер), *кориосолиты* на северном берегу Бретани (ср. Корсель в 10 километрах к северо-западу от Динана, департамент Кот-дю-Нор)³, *редоны* в области Ренна (департамент

¹ Об этом см. подробно у Fleuriot (1980a), S. 19ff.

² Об этом названии см. у Chadwick (1969), S. 39, 42f.; предполагают, что местом собрания озисмиев был латенский овииндум, известный под названием «Camp d'Artus» близ Юльбоата (департамент Финистер) с его *muris Gallicis*; Wheeler — Richardson (1957); Dillon — Chadwick (1967), S. 21; Galliou — Jones (1991), S. 39f. m. Abb. 10.

³ Еще одним важным центром этого племени должен был быть сегодняшней Аде у устья Рансы; Galliou — Jones (1991), S. 40.

Иль-и-Вилен), *намнеты* в области Нанта, *амбиллаты* к югу от устья Луары (в департаменте Атлантическая Луара), *анды* (иногда их также называют *андекавами*) в области Анжера-сюр-Майенн (департамент Мен-и-Луара), *венеллы*¹ в Нормандии (на полуострове Шербур), *лексовии* в области Лизье (департамент Кальвадос), *эзувиш* близ городка Сее на Орн (департамент Орн) и крупное племя *авлерков*, которое, в свою очередь, состояло из четырех племен: уже упоминавшихся *кеноманов* (вокруг Ле-Мана, департамент Сарта), которые заняли свое место и в Верхней Италии; *диаблинтов* (ср. Жюблен к юго-востоку от Майенны, департамент Майссна); *эбуровиков* (ср. Эвре, департамент Эр) и *бранновиков* — «врано-воинов», которые из всех клиентов эдзев жили дальше всего на востоке (ср. название района Ле Брионне близ Лиона). К восстанию присоединились и уже известные нам белгские племена мориннов и менапиев, а также некоторые племена Британии².

Наибольшим влиянием обладали венеты³, поскольку они располагали крупнейшим флотом и опытностью в морском деле; поэтому в их руках находилось все побережье, как и переправа в Британию (III, 8). Цезарь приказал построить на Луаре боевые корабли и укомплектовать их гребцами, рулевыми и матросами. В античности Луара от устья считалась судоходной на протяжении примерно 350 километров; удивляет лишь то, что эти речные суда должны были быть пригодны и для плавания по морю. Цезарь умело распределил своих доверенных людей и вооруженные силы, чтобы противостоять восстанию

¹ Часть их называют также «унеллами» (*Unelli*). По этимологическим соображениям (возводится к основе **wen-* «любить») и из-за формы *Ἰουβέλλοι* у Plol. 2, 8, 2.5 я считаю, что «венеллы» более правильно.

² На этом основании Страбон неправильно причисляет венетов к белгам (IV, 4, 1). Курьезное предположение о том, что венеты некогда пришли на Адриатику из Британн, нашло себе нескольких последователей в науке Нового времени.

³ Название этого племени появляется и в других областях древней Европы, прежде всего в таких названиях, как «Венеция» и позднейшая область славянских вендов. Одно и то же имя обозначает племена с совершенно разной языковой и этнической принадлежностью. Поскольку оно имеет значение «друзья, союзники», то вряд ли следует считать, что оно возникло в каком-то одном месте: это название могло появиться независимо в совершенно разных местах на основании политических отношений и образовывалось с помощью унаследованных [от индоевропейского праязыка] языковых средств. См. об этом Rübekel (1992), S. 50ff.

белгов, беспорядкам на Рейне и альянсу аквитанов с венетами и их союзниками. Венеты возлагали все надежды на свои военно-морские силы и на то, что римляне были незнакомы с Атлантикой, не зная ни береговой линии с ее мелями и скрытыми подходами к гаваням, ни ветрового режима и огромной разницы приливов и отливов. Зачастую «города» венетов были расположены так, что к ним легко было подойти только с моря и поэтому при приближении легионов они могли без особых усилий вывезти все свое добро на кораблях в безопасное место. Следы таких «скальных городов» видны во многих местах и до сих пор¹. Жители Арморики (правильнее «Ареморики», то есть находящейся у моря; так и у Эндлихера), численность которых оценивается от 150 000 до 300 000 человек², само собой, были прекрасными моряками: большая часть торговли с Британскими островами находилась в их руках, прежде всего – торговля оловом³. Столь же важным экономическим фактором была рыбная ловля. Рыбу консервировали в морской соли, которую получали тут же, на месте, и отправляли во внутренние земли Галлии⁴. В общем и целом Ареморика заметно процветала, о чем говорит и богатая чеканка монет.

Командование римским флотом оказалось в руках 25-летнего Децима Юния Брута (Альбина)⁵. Если прочесть у Цезаря описание галльских кораблей, то легко себе представить, насколько сложной была его задача:

«...Днище несколько более плоское, чем у наших кораблей; с его помощью они легче справляются с мелями и морскими отливами. Высоко поднятые нос и корма приспособлены к сильным потокам и бурям. Весь корабль сделан из дуба, чтобы он мог переносить любой натиск и любые невзгоды. Поперечные

¹ Ср. данные в Galliou – Jones (1991), S. 38f. и примечание 2, а также рис. 8.

² Galliou – Jones (1991), S. 36.

³ Fleuriot (1980a), S. 13ff. указывает на живые контакты через Ла-Манш, которые шли в обе стороны. О торговле оловом см. Galliou – Jones (1991), S. 51ff.; Cunliffe (1991b), S. 574ff.

⁴ Marie-Yvane Daire, в: The Celts (1991), S. 240ff.; о получении морской соли см. Galliou – Jones (1991), S. 44f. m. Abb. 12.

⁵ Позднее один из убийц Цезаря, однако это не знаменитый тираноубийца Марк Юний Брут! [В античности ходили слухи, что Марк Юний Брут был незаконным сыном Цезаря, по, по мнению выдающегося историка Р. Сайма, сыном Цезаря был как раз Децим].

брусья из балок в фут вышиной, скрепленных железными гвоздями толщиной в большой палец¹. Якоря вместо канатов прикреплены железными цепями; вместо парусов — шкуры и обработанные квасцами тонкие кожи — то ли из-за недостатка ткани и незнания ее употребления, то ли (что кажется правдоподобнее) поскольку они сочли, что, дабы переносить такие бури на океане и такой напор ветров и при этом править столь тяжелым кораблем, обычных парусов недостаточно. Сражение нашего флота с этими кораблями происходило так: наши превосходили быстротой и толчками весел, те же лучше подходили и лучше были приспособлены к природе этого места и силе его ветров. Наши не могли повредить их корабельным тараном, так они были крепки, да и из-за их высоты нелегко было добросить до них метательное оружие, и по той же самой причине их неудобно было захватывать абордажными крюками. Бывало так, что они, когда ложились по ветру, легче переносили бурю и на мели были в большей безопасности, а выброшенные на берег приливом не боялись ни камней, ни скал. Все было для наших кораблей поводом опасаться их»².

Хотя галльский флот и превосходил легкие, низкорботные корабли римлян с их носовыми таранами, Брут тем не менее одержал победу, и вот каким способом: римляне насадили острые, как бритва, серпы на длинные шесты и стали срезать ими канаты такелажа. С мачт рухнули реи, и корабли, главное преимущество которых заключалось в парусах (и умении кельгов ими управлять!), стали неспособны к маневру. Кроме того, римлянам пришел на помощь случай — стоял полный штиль, что добавило шансов римским гребцам, в то же время отняло у галлов всякую возможность бежать. Высказывались предположения, что эта древнейшая исторически засвидетельствованная битва в водах Атлантики происходила в области Пор-Навало в устье Орэ. Цезарь наблюдал за сражением с берега, возможно, с кургана Тумьяк в Арзоне, который и сегодня называется поэтому «Холм Цезаря» (*Butte de César*)³.

Поскольку захват римских офицеров произошел по инициативе сената венецов, то Цезарь после капитуляции венецов

¹ Такие гвозди действительно были обнаружены: Galliou — Jones (1991), S. 44.

² Caesar, S. 74 (III, 13).

³ Brekilien (1982), S. 95.

приказал казнить весь совет старейшин (III, 14 сл.), поступок, заслуживший высочайшее порицание Наполеона I («То, как обошелся Цезарь с сенатом Ванна, может вызывать лишь отвращение...»)¹, а вот Наполеон III склонен был его извинить — именно потому, что, как предполагал император, Цезарь должен был иметь очень веские причины, чтобы отказаться от своего обычного милосердия по отношению к побежденным². Все племя венетов (столько, сколько удалось захватить) было продано в рабство.

Авлерки-эбуровики и лексовии, наоборот, сами убили своих собственных старейшин, поскольку те не хотели, чтобы племя присоединялось к вождю мятежников, князю венеллов Виридовику (III, 17). Таким образом, в Нормандии дело дошло до военного столкновения, которое римлянам в силу их большей дисциплинированности удалось решить в свою пользу.

В Аквитании у римлян также все складывалось благополучно. Здесь явного бунта не было, однако им приходилось все время быть начеку, поскольку еще в 78 году как римский легат, так и один из проконсулов потерпели здесь тяжелое поражение. Легат Публий Лициний Красс осадил столицу племени сотиатов, причем с культурно-исторической точки зрения интересно отметить, что осажденные старались расстроить римский прием осады — подкоп. Цезарь объяснял это тем, что аквитаны в силу наличия множества медных рудников в их стране привыкли копать штольни³. В конечном счете город вынужден был сдать. Здесь дружина *солдуриев* почуяла свой шанс: главнокомандующий Адиатуни попытался прорваться со своими верными людьми. Однако попытка вырваться из окружения не удалась. Красс смог взять город и какое-то время спустя в решающей битве победить войска, которые сражались по всем правилам римского искусства и тактики (BG, III, 23 сл.). В конечном счете племена Аквитании сдались добровольно, и тут мимо нас проходит целый ряд названий племен, в которых на сей раз

¹ Napoléon Ier. Précis de guerre de César. Полный текст см. в Brekilien (1982), S. 96.

² Napoléon III, II, S. 129.

³ При этом великие вспомнить, что в Аквитании были обнаружены особенно глубокие шахты, относящиеся к периоду 50–50 гг. до н.э.; GIC S. 133.

почти нет заметных кельтских элементов: тарбеллы¹, бигеррионы, птиании, вокаты², тарусаты, элусаты, гаты, авски, гарунны, сибулаты, коксаты (BG, III, 27).

После упомянутого победного морского сражения морины и менапии тем не менее продолжали сопротивляться. Для этого они пользовались характерной для галльского сопротивления вообще партизанской тактикой (или тактикой герильи)³, что для римлян и их полководца, привыкших сражаться, построившись в правильный порядок, оказалось внове (как четко показывает описание этих событий в III, 28 сл.). То, что белгские племена жили в лесистой и болотистой местности, оказалось для них очень кстати: большим легионам со всей их поклажей и обозом было здесь нелегко. В этом болотистом краю Цезарь разбил лагерь, «а врага между тем видно не было». Однако, когда легионеры, занятые своими делами, разошлись по сторонам, враги внезапно «со всех сторон вылетели из леса и напали на наших. Наши быстро схватились за оружие и отогнали их в леса; убив многих и преследуя их далее, в более непроходимых местах, потеряли нескольких своих»⁴. Выводы, которые сделал Цезарь, напрашивались сами собой. Все это хорошо известно из новой истории. Лишить этот дремучий лес листьев было, конечно, невозможно, поэтому его стали рубить. Это дало свои плоды: в руки римлян попали скот и обоз врага, в то время как повстанцы скрылись еще дальше в лесу. Затем погода так испортилась, что при постоянных ливнях легионеры уже больше не могли оставаться в кожаных палатках и вынуждены были маршировать обратно, на зимние квартиры у лексовиев и авлерков. Естественно, перед этим Цезарь приказал опустошить все поля и предать огню деревни и хутора (BG, III, 29).

Следующий, 55 год был отмечен столкновениями с германцами, жившими на правом берегу Рейна и переходом Цезаря

¹ Согласно Страбону (IV, 2, 1), они обитали в устье Жиронды и контролировали находившиеся в их стране богатейшие золотые рудники. На небольшой глубине там находят не только небольшие самородки, но и куски чистого золота с кулак величиной!

² Иначе *Vasates* или *Vasatae*, что, возможно, соотносится с пракельтским **vasos*.

³ Об этом см. детальное исследование Deuber (1987), где проанализированы различные типы партизанской стратегии.

⁴ Caesar, S. 81f. (III, 28).

через Рейн, а также первой экспедицией в Британию. Под конец года (как и годом раньше) разразились ежегодные сражения с мориными и менапиями. В Риме наместничество Цезаря в Галлии было продлено в этом году еще на пять лет.

Чтобы рассказ о германских войнах стал более понятным, Цезарь делает вступление, в сжатом виде описывая германский (здесь, в частности, свевский) образ жизни. Для нас это описание интересно прежде всего потому, что жизнь германцев здесь показана в контрасте с более знакомой для римского читателя жизнью галлов.

Первая характерная черта германцев — то, что ежегодно одна половина племени идет на войну, а вторая обрабатывает поля. На следующий год они меняются местами; так люди не теряют привычку ни к войне, ни к земледелию. У кельтов же, судя по всему, образовалась широкая прослойка крестьян, которые относились к нижним слоям общества, и с ними, согласно Цезарю (VI, 13), обращались почти как с рабами. Разумеется, они же составляли большую часть воинов, которых нередко насчитывалось десятки тысяч, однако обе эти функции — война и сельское хозяйство — у кельтов были резко разграничены. Цезарь даже специально говорит, почти как о курьезе, что крестьяне из-за жажды наживы отрывались от своих полей (BG, III, 17)¹. Станным для римлян было и видимое отсутствие частного землевладения (имеется в виду правовой институт земельной общины с обязательным соблюдением сроков сева и уборки урожая), что Карл Маркс, как известно, считал свидетельством первобытного коммунизма. Тем не менее германцы занимались хлебопашеством (в противоположность обитавшим в глубине острова бриттам (BG, V, 14) и примитивным племенам у устья Рейна, которые питались только рыбой и собранными птичьими яйцами (BG, IV, 10).

С другой стороны, германцы питались не столько зерном,

¹ [Смысл высказывания Цезаря в этом месте несколько иной. Он говорит о том, что к вождю веспеллов Виридовику (см. выше) «сбежалось из всей Галлии множество пропавших людей и бандитов, которых жажда наживы и стремление похвастаться (*spes praedandi studiumque bellandi*) отвлекли от обработки полей и повседневного труда». С нашей точки зрения, Цезарь говорит, что среди бандитов были не только бывшие крестьяне, но и те, кто занимался каким-то другим «повседневным трудом», может быть, ремесленным].

сколько молоком и мясом — как домашних, так и диких животных. Германцы были сильными, необыкновенно большими и закаленными людьми. Им был неведом стыд: они мылись в реках, а кожаная одежда оставляла большую часть тела обнаженной (BG, IV, 1)¹. В противоположность галлам, о чьей любви к горячительным напиткам нередко писали (Pol. II, 16; Athen. IV, 36; Diodor V, 26, 3; Ammian. Marc. XV, 12, 4), начиная еще с Платона (Nomoi I, 637d), германцы (совсем как нерви) были — по крайней мере у Цезаря — трезвенниками, которые вовсе не позволяли привозить в свою страну вино (BG, IV, 2)².

Само собой разумеется, что Цезаря в первую очередь интересовала конница. В то время как галлы были заядлыми лошадиниками и платили за лошадей огромные деньги, германцы выращивали своих собственных, «маленьких и уродливых, ежедневными упражнениями вырабатывая у них высочайшую работоспособность. В конных сражениях они часто спрыгивают с коней и сражаются пешими, а лошадей приучают оставаться на том же самом месте и быстро возвращаются к ним, когда в них есть нужда. И, по их обычаю, нет ничего более позорного и свидетельствующего о лени, чем ездить, пользуясь седлом [erhippium]. Именно поэтому они осмеливаются нападать на любое число конников, едущих на оседланных лошадях»³. (Поэтому кажется вполне вероятным, что само немецкое *Sattel* «седло» и английское *saddle* не может со звуковой точки зрения быть германским словом!) Вопреки принятому повсеместно и всеми сторонами кодексу войны, германцы кололи коней римских кавалеристов в брюхо. Пользуясь этим жестоким по отношению к животным, но действенным способом, 800 германцев смогли уничтожить 5000 римских кавалеристов, пытавшихся спастись бегством (BG, IV, 11 сл.).

Для Цезаря степень кельтизированнойности германского племени была мерилем его цивилизованности. Это можно сказать

¹ Цезарь, видимо, сделал это замечание, имея в виду древний и высокоправительственный римский обычай, запрещавший отцу раздеваться перед взрослым сыном, а тестю — перед зятем; Val. Max. II, 7.

² Цезарь утверждает, что германцы пускали в свою страну конюхов в первую очередь затем, чтобы продать им свою добычу. Археологам известно, что достаточно развитая торговля между германцами и римлянами существовала еще до Цезаря.

³ Caesar, S. 83f. (IV, 2); ср. также BG, I, 48.

прежде всего об убиях, которые платили дань свевам. Поскольку их часто посещали купцы и они переняли некоторые галльские обычаи, убии «немножко очеловечились по сравнению с остальными [германцами]» (BG, IV, 3).

Узипеты — племя с вполне кельтским названием («хорошие всадники») — и тенктеры² были вытеснены свевами со своей старой родины на северо-запад, к низовьям Рейна, где они столкнулись с менапиями, которые обитали на обоих берегах Рейна и теперь были изгнаны со своих мест поселения. Вслед за этим новоприбывшие вытеснили за Рейн и других германцев, которые продвинулись уже на территорию эбуронов и кондрустов.

Как мы уже говорили, несмотря на перемирие, германские всадники напали на кавалерию Цезаря. Вследствие этого полководец решил покарать нарушение договора с помощью такого же нарушения. Когда на следующий день германские послы вернулись, Цезарь задержал их и немедленно устремился навстречу вражескому войску. Это нарушение Цезарем договора подверглось в Риме жесткой критике. Плохо относившийся к Цезарю историк Танузий Гемин даже утверждал, что Катон считал действия Цезаря настолько позорными для Рима, что предложил в сенате выдать полководца врагу (Plut. b. G. 22; App. Celt. 18).

У слияния Мааса и Вааля, возможно, где-то вблизи Хертогенбоса, дело дошло до важного сражения, которое римлянам удалось выиграть. В то время как римлянам удалось уничтожить около 430 000 врагов (мужчин, женщин и детей), они потеряли только одного человека и несколько были ранены (BG, IV, 15). Теперь Цезарь решил пересечь Рейн. Это представлялось целесообразным, «дабы предотвратить появление германского оружия по эту сторону Рейна, надлежало по крайней мере показать римское по ту сторону реки» (Теодор Моммзен). Благодаря умелым инженерам и саперам на подвоз дерева и постройку моста через Рейн (возможно, где-то близ Нойвида) Цезарю потребовалось не более 10 дней.

На другом берегу Рейна Цезарь ограничился угрожающими жестами и несколькими карательными операциями прежде

¹ Much (1967). S. 394.

² Гипотезы о значении этого названия см. в том числе в Birkhan (1976).

всего с целью защитить кельтизированное племя убиев, которые, поскольку им угрожали свевы, просили у римского народа помощи¹. После 18 дней, проведенных на правом берегу реки, Цезарь вернулся обратно и приказал разрушить мост (BG, IV, 17 сл.).

Поскольку почти во всех войнах галлы и белги получали помощь из Британии, Цезарь решил организовать экспедицию в Британию, хотя позднее рассказывали, что полководец якобы надеялся найти на острове жемчуг (Sueton. Iul. 47).

В первое время Цезарю не удалось собрать много полезных сведений, поскольку никто кроме купцов не ездил в Британию, не имея на то веских причин, а купцы, которые для Цезаря всегда были наиболее важным источником информации, были более-менее знакомы лишь с побережьем. Поэтому Цезарь послал впереди себя офицера Гая Волузена и князя атребатов Коммия, которого он сам посадил на трон этого племени и которого (как мы увидим позднее) совершенно неправильно оценил. Первый должен был изучить берег, имея в виду возможность высадки, второй — завоевать симпатию британских племен и подготовить их к прибытию Цезаря (BG, IV, 21). Морины, которые раньше были заодно с менапиями и в землю которых Цезарь прибыл, чтобы здесь переправиться в Британию, пришли, «чтобы попросить прощения за свои прежние замыслы: они-де вступили в войну с римским народом, будучи варварами и не зная ничего о римских обычаях»².

Высадка в Британии оказалась нелегким делом: легионерам в полном вооружении пришлось идти вброд по глубокой воде, причем стоявшие на берегу британцы ожесточенно их атаковали. Известен подвиг знаменосца десятого легиона (любимого подразделения Цезаря), который, дабы устыдить своих товарищей и подать им пример, решительно спрыгнул в воду, готовый, если нужно, пожертвовать собой за соратников и полководца (BG, IV, 25). Можно себе представить, что знамя легиона —

¹ Германцы-убиев также считали себя друзьями римлян (Caes. BG, VI, 9). Готовность убиев к римской аккультурации проявляется уже в эпоху римской провинции, особенно в опомастике. Согласно Weisgerber (1966/67), S. 205 процент «среднеземноморских» личных имён среди убиев составлял 77,5, кельтских — только 6%, германских — только 4, 5% и неясных — 12%.

² Caesar, S. 93 (IV, 22).

орел — было окружено почти религиозным почитанием и его потеря была практически равнозначна концу самого легиона! Кавалерия, которая отплыла из другой гавани, еще не подошла, поскольку корабли сбились с курса и еще не дошли до острова. Тем не менее в битве у берега войска бриттов потерпели первое поражение, и их князья запросили мира.

Поскольку после бури и прилива (30 и 31 августа) большая часть кораблей, лежавших на берегу или стоявших на якоре, была повреждена и легионеры, которые отнюдь не предполагали зимовать в Британии, оказались в очень трудном положении, британцы, которые после заключения мира имели возможность свободно входить в римский лагерь и выходить из него и которые также работали вместе с римлянами на полях, решили напасть на римлян, причем именно тогда, когда ничего не подозревающие легионеры были заняты жатвой.

Здесь Цезарь пользуется возможностью описать применение британской боевой колесницы: «Сначала они ездят повсюду кругом, потрясая оружием и самим страхом от лошадей и от грохота колес вносят смятение в ряды войск. Вклинившись в отряды конницы, они спрыгивают с колесниц и сражаются пешком. Между тем колесничие несколько выходят из сражения и собирают колесницы таким образом, что если тех [бойцов] одолеет множество врагов, они будут иметь возможность быстро вернуться к своим. В битвах их конники выказывают такую подвижность, а пехотинцы — стойкость, и они достигают такого ежедневной привычкой и упражнением, что им не в новинку и останавливать разогнавшихся лошадей на пологом и крутом склоне, и скоро замедлять и поворачивать, и пробегать по дышлу, и вставать на хомут и оттуда очень быстро возвращаться в колесницу»¹. Бегущие по дышлу колесничьи воины, возможно, изображались на галльских и британских монетах². От Тацита (Agr. 12) мы узнаем, что возницы считались самыми уважаемыми среди воинов. Принимая во внимание собственно кельтскую (ирландскую) традицию, это едва ли

¹ Caesar, S. 98 (IV, 33); cp. Diod. V, 29. Об этом см. Piggott (1992), S. 235.

² Allen (1980), S. 76, Nr. 222, Pl. 16; Duval (1987), S. 31, Abb. 3.

верно: здесь Лозг, сын Риангабры и близко не стоит к Кухулину, которого он возил!¹

Боевые собаки, о которых Страбон говорит, что они даже шли на экспорт (Strabon IV, 5, 2), в сражениях с Цезарем, судя по всему, не фигурировали.

Все эти стычки закончились победой римлян. Теперь Цезарь потребовал удвоенного количества заложников, которые должны были быть посланы ему на континент, после того как он, починив корабли, вернулся туда. В общем и целом британская экспедиция завершилась не слишком удачно, что побудило Цезаря к новому походу уже в следующем году. Что касается нападений моринов и менапиев, то на сей раз, поскольку болота высохли, их удалось легко отбить.

На пятый год войны (54) римляне добились в Британии некоторых успехов, зато и потерпели самое горькое поражение от эбуронов, а также попали в сложную ситуацию во время сражений с нервиями. Все эти события стали тяжким испытанием для пресловутого «счастья» Цезаря.

Однако сначала Цезарь начал новую экспедицию в Британию. За зиму он приказал различным племенам, обитавшим на судоходных реках, построить и оснастить примерно 600 грузовых кораблей нового типа, разработанного специально для этого случая, а также оснастить 28 боевых кораблей. Все они были переправлены в гавань Итий (между Булонью и Кале или в одном из этих городов, точное местоположение неизвестно² — BG, V, 2)³.

Между тем, всего лишь с четырьмя легионами и 800 всадниками Цезарь совершил краткую поездку к треверам, располагавшим лучшей в Галлии конницей. Здесь ситуация была примерно такой же, как у эдуев, а именно: за верховную власть

¹ Слова Тацита, вообще достаточно туманные (*honestior auriga, clientes propugnati*), не дают основания утверждать, что здесь речь идет именно о *вознице*, противопоставленном еражающемуся с колесницей вонну. Возможно, Тацит имел в виду владельца колесницы вообще.

² Различные возможности переправы в Британию рассматривает Fleurbaey (1980a), S. 17ff.

³ Только 60 кораблей, построенных племенем меллов (Mo, департамент Сена-и-Марна), не смогли достичь Итий из-за сильных ветров (BG, V, 5).

боролись две знатных особы — там Дивикиак и его брат Думнориг, здесь, у треверов, — Цингеториг и его тесть Индутиомар. Как и Дивикиак, Цингеториг был союзником римлян, а его положение внутри племени — по меньшей мере шатким. Однако на открытый бунт никто не осмеливался. Цезарь велел Индутиомару предоставить двести заложников, в том числе и его сына и всех родственников (BG, V, 4).

Теперь можно было грузиться на корабли. Цезарь решил взять с собой в Британию всех галльских вождей, в лояльности которых он сомневался, чтобы они не смогли в его отсутствие затеять бунт. Вождь эдзев Думнориг старался под любыми предложениями — страх перед морем, религиозные соображения¹ — отговориться от того, чтобы сопровождать Цезаря, и даже пытался смутить других вождей подозрением, что Цезарь вдали от родины, в Британии, прикажет убить их всех. Затем вместе с эдуйскими всадниками Думнориг бежал из лагеря. «Когда Цезарю сообщили об этом, он, отложив выступление в поход и отбросив все дела, послал значительную часть конницы его преследовать и велел привести его обратно; если же он не станет повиняться и будет сопротивляться с применением силы, Цезарь приказал убить его, поскольку счел, что тот, кто пренебрегал властью присутствующего, и в его отсутствие не будет поступать разумно. Тот же, когда его позвали обратно, сопротивлялся и стал защищаться и взывать к верности своих, часто восклицая, что он свободный человек и принадлежит к свободному народу. Те же, как им было велено, окружили этого человека и убили его. Но все эдуйские всадники вернулись к Цезарю»². Не нужно иметь слишком буйное воображение, чтобы представить себе, какое воздействие оказали эти события на вождей галльских племен.

Это — одно из тех мест у Цезаря, которые напрашиваются на то, чтобы прочесть текст не так, как задумывал автор, и не позволить речам великого стратега, пропагандиста и империалиста увлечь нас. Вполне можно представить себя на месте Думнорига, представителя племени, поработанного колониальной

¹ Возможно, Думнориг в данном случае действительно был связан какими-то табу, как позднее ирландские герои — свои *geiselli*.

² Caesar, S. 104f. (V, 7) [У Г. Биркхана цитата приведена с небольшими сокращениями, мы даем ее полностью].

державой, который чувствовал себя жертвой чудовищного коварства своего брата-предателя Дивикиака, который перешел на сторону ненавистных римлян, а затем и всадников своего собственного племени, которые подло бросили его на произвол судьбы. И правда — что нужно в Галлии этому Цезарю? Защитить «Провинцию» от гельветов? И почему вообще римлянам нужна колония в Галлии? Почему они не могут тихо сидеть в Лациии и драться с самнитами — точно так же как эдуи, которые уже давно ведут свои баталии с арвернами? Сегодня, когда во всем мире на колониализм смотрят совсем иначе, чем еще поколение назад, текст Цезаря можно прочесть совсем по-другому и противостоять тому воздействию, которое оказывает на нас точка зрения завоевателя. Если раньше, под влиянием Моммзена, то, что случилось с Галлией, считали чем-то вполне справедливым и обусловленным раздорами среди самих галлов, то сегодня склоняются к тому, чтобы встать на сторону поработенных. Однако мы будем несправедливы к Цезарю, если, ссылаясь на Светония, будем объяснять все его действия жадной властью и денег, в то время как сам Цезарь сравнивал себя с Александром Великим как избранное орудие фортуны, которое должно воплотить в жизнь притязания римлян на мировое господство. Цезарь, с этим своим собственным почти религиозным определением самого себя, оказывается в роковой близости с тем человеком, который, со словом «Провидение» на устах, стал виновником одной из величайших катастроф XX века.

С пятью легионами и 2 000 всадниками Цезарь поднял якорь, отправляясь на запад, однако, поскольку около полуночи настал штиль, корабли не могли изменить своего курса и их несколько отнесло в сторону. К полудню флот, состоявший примерно из 800 кораблей, с наступающим приливом подошел к земле, возможно, в Сэндвич-Бей (Кент). Бритты отошли от берега дальше, в глубь страны. Поставив корабли на якорь, войско около полуночи отправилось в поход и пошло навстречу врагу, с которым римляне встретились через двенадцать миль, перейдя реку Стаур близ Кентербери. Кавалерия бриттов отступила в заранее подготовленное укрепленное место — возможно, хиллфорд близ деревни Уорт, — который римлянам, однако, удалось взять, понеся некоторые потери (V, 9). В Британии

такие оппидумы располагались, как правило, в непролазном лесу и были укреплены валом и рвом (V, 21)¹.

Поскольку часть римского флота была уничтожена бурей, Цезарю пришлось вернуться на место высадки и приказать вытаскать корабли на берег. Цезарь выбрал из своих легионов опытных ремесленников и поручил им починку кораблей. Затем он снова вернулся ко взятому штурмом укреплению. Между тем бриттам удалось мобилизовать все свои вооруженные силы, командование над которыми они поручили Кассивеллану, отважному и мудрому вождю из Кантия (Кента), наиболее «цивилизированной» (BG, V, 14) области Британии (BG, V, 11).

На этом месте Цезарь прерывает свой рассказ о войне, чтобы кратко рассказать о стране и людях. Считается, что следующие рассказы из так называемого «экскурса о Британии» полностью или частично не принадлежат Цезарю. Если это действительно так, то речь в любом случае идет о столь древней вставке, что для нас она имеет ту же ценность, как если бы она была написана самим Цезарем²; ее можно рассматривать как заметки из канцелярии Цезаря³, которые он сам из художественных соображений или просто из экономии места не стал вставлять в «Комментарии» и которые попали туда уже в одной из позднейших редакций. Для нас вопрос об авторстве Цезаря в данном случае не имеет значения, постольку поскольку эти записи все же близки ему по времени. В любом случае они особенно интересны для нас как в отношении условий жизни в Британии, так и в отношении римской точки зрения на обстоятельства, причем важно то, что автор здесь действительно сообщает свои собственные наблюдения.

Сначала о физической географии: «Остров по природе своей треугольный. Одна его сторона [расположена] напротив Галлии; один угол этой стороны, который у Кантия и к которому пристаю́т почти все корабли из Галлии, смотрит на восток, а нижний — на юг. Эта сторона составляет около 500 миль [правильнее —

¹ Ср. Страбон IV, 5, 2.

² Из того факта, что Тацит (Agr. 10) в своём британском экскурсе не упоминает о Цезаре, делалось заключение *esilentio*, что это место является появившейся после Тацита интерпозицией (против этого с разумными аргументами выступил Beckmann [1930], S. 40ff.); ср. также Tomasešić (1994), S. 206.

³ Так в Dobesch (1989a), S. 49f.

около 350. — Г.Б.]. Другая смотрит на Испанию и запад. С этой стороны — остров Гиберния, как считается, вполовину меньше, чем Британия, а переправляться до него столько же, как от Галлии до Британии. Здесь на полпути расположен остров, который называется Мона¹; и считается, что там разбросано много других меньших островов². Некоторые писали³, что на этих островах ночь около зимнего солнцестояния продолжается беспрерывно по 30 дней. Мы же по расспросам ничего такого не узнали, только лишь увидели, что по точным водяным часам ночи действительно короче, чем на континенте⁴. Длина этой стороны, как они сообщают, семьсот миль [правильнее — около 650. — Г.Б.]. Третья обращена к северу, и против нее никакая земля не лежит, однако угол этой стороны больше смотрит на Германию. Эта сторона, как считается, в длину 800 миль [правильнее — около 600. — Г.Б.]. Таким образом, окружность всего острова составляет двадцать сотен миль⁵.

Река под названием *Тамесис* (Темза) отделяет Кантий от прибрежных племен триновантов (в Эссексе и Миддлсексе). Внутри страны находят олово, однако железо встречается редко, а медь приходится завозить. Леса отличаются от галльских только тем, что здесь нет буков и елей. Климат мягче, чем в Галлии. Внутреннюю часть Британии населяют племена, которые считают себя аборигенами: они не выращивают зерно, но по большей части питаются мясом и молоком и носят кожаную одежду — в этом они похожи на германцев. Страбон приводит

¹ Имеется в виду остров Мэн, который, кроме того, обычно называется *Mevania*, а также правильное *Menavia* или *Manavia* (валл. *Manaw*) и, возможно, связано с названием «меналии» (AcS II, Sp. 621f.). Однако др.-ирл. обозначение *Mona* также соответствует познерелекому *Mona* (DIL S. 453, Sp. 53f.). Поскольку Цезарь беседовал с купцами, говорившими по-бриттски, а не по-пра-ирландски, то он, видимо, сначала услышал название *Mona*, которое обозначало Англию (валл. *Môn*), но, видимо, спутал его с названием острова Мэн, которое фактически соответствовало описанию. О соотношении *Man* и *Môn* см. Broderick (1993), S. 57.

² Плиний в «Естественной истории» (IV, 103) называет: *inter Hiberniam ac Britanniam Mona* [= Англия. — Г.Б.], *Monapia* [= Мэн. — Г.Б.], *Riginia, Vectis* [Остров Уайт. — Г.Б.], *Silumnus, Andros, infra vero Sambis et Axanthos*; большинство из этих островов не поддаются точной идентификации.

³ Видимо, имеются в виду Пифей из Массидии и Тимей из Тавромения.

⁴ Ср. более точные данные в Tac. Agr. 12.

⁵ Caesar, S. 108 (= V, 13).

как свидетельство неслыханной примитивности этих племен то, что хотя они употребляют молоко, они не умеют делать сыр (IV, 5, 2). Тацит говорит прежде всего об обитателях крайнего севера Британии, каледонцах, что их рыжие волосы и мощное телосложение свидетельствуют о германском происхождении, в то время как смуглые лица силуров в сегодняшнем южном и западном Уэльсе и их по большей части кудрявые волосы, а также то, что они живут на ближайшем к Испании берегу, указывало, по мнению историка, на то, что они пришли из Испании. Возможно, эти черты относятся к разряду ходячих представлений о грубых, но неиспорченных варварах, и поэтому их не следует во всех случаях воспринимать буквально¹. Однако три других сообщения представляют собой нечто большее, чем этнографические общие места. Прежде всего речь идет о непонятном пищевом табу — запрете на мясо зайцев², кур и гусей (BG, V, 12), которых держали только для развлечения, о раскраске тела и строении семьи. «Все бритты красятся вайдой, которая дает голубой цвет, и поэтому в битве они выглядят еще страшнее. Волосы они отпускают и все тело бреют, кроме головы и верхней губы. Жены у них общие у десяти-двенадцати человек, в основном у братьев с братьями и у отцов с детьми. Однако те, кто у них родится, считаются детьми того, кто первый взял эту женщину девицей»³. Такая «коммунальная», не исключаяющая инцест, форма брака существовала, согласно осторожным высказываниям Страбона (IV, 5, 4), и в Ирландии. Ирландская традиция о рождении Кримтанна Ниа Нара и тому подобные предания вполне подтверждают данные греческого географа. Было ли что-то подобное в Галлии, мы не знаем.

Обитающие внутри острова аборигены противопоставляются жителям побережья, которые «ради добычи и войны переселились из страны белгов. Почти все они носят имена тех племен, из которых они произошли и пришли сюда, а, пововав, остались здесь и начали обрабатывать поля. Людей тут

¹ Ср. также у Страбона описание огромных, но неуклюжих (*χαλνότεροί τε ἰσχυροί τε*) людей (Strabon IV, 5, 2).

² В позднейших народных верованиях черти и ведьмы зачастую появляются в виде зайцев: Wilde (1852), S. 56; MacCulloch (1903), S. 329; Ó Duilearga (1981), S. 270.

³ Caesar, S. 108 (V, 14); об этом см. Hartland (1909) II, S. 131.

бесчисленное множество, и постройки встречаются очень часто, почти так же, как в Галлии, и огромное количество скота. Вместо денег они пользуются или медью, или золотыми монетами, или железными брусочками определенного веса»¹.

После ряда стычек оказалось, что тяжеловооруженные легионы ни в чем не уступают британским боевым колесницам, как и кавалерия. Римляне перешли Темзу, пользуясь единственным бродом (видимо, Brentford, ныне — предместье Лондона). При этом они подвергались большой опасности, поскольку на берегу реки и под водой были вбиты заостренные колья. Поскольку объединенное войско бриттов разошлось по домам, Кассивеллаун далее повел войну с 4 000 воинов, пользуясь партизанской тактикой. Отныне тринованты приняли сторону Цезаря. Их вождь Мандубракий, отца которого убил Кассивеллаун, присоединился к Цезарю еще на континенте. Цезарь поставил Мандубракия на царство в его племени — позднее Тацит говорил об «обычае римского народа пользоваться даже царями, как орудием порабощения» (Agg. 14) — и обещал ему защиту от Кассивеллауна, а также, естественно, и от самих римских легионов. После этого ценимагны, сегонтиаки, анкалиты, биброки и кассы также присоединились к римлянам (BG, V, 21). Многие из этих имен достаточно понятны (например, биброки — «люди-бобры»²), однако ни одно из этих племен нельзя точно локализовать.

Затем Цезарь захватил оппидум Кассивеллауна и изгнал из него гарнизон. Между тем четыре короля — Цингеториг, Карвилл, Таксимагул и Сеговак — попытались атаковать римскую корабельную стоянку, но их нападение было отбито. Один из вождей — Луготориг — был захвачен в плен³. Здесь Кассивеллаун показал свои тактические способности и послал Цезарю заложников, которых тот требовал. Цезарь почувствовал некоторое облегчение. Теперь он мог быстро завершить британскую экспедицию. Цезарь послал в Рим ежегодную дань, которая еще не была внесена. Затем полководец — не оставив гарнизона и не потребовав сдачи оружия (он ясно оценивал свои военные

¹ Caesar, S. 107 (V, 12). Это были поволпривынные из последней волны переселенцев, которые заняли эту территорию только в I в., примерно за поколение до Цезаря.

² Об этом см. GKAR, S. 469.

³ Об этих именах см. во второй части этой работы.

возможности) — вернулся обратно в Галлию (BG, V, 23). Однако теперь и Британия (для начала хотя бы формально) была присоединена к Римской империи.

Из-за недостатка зерна¹ Цезарь решил разместить легионы на зимние квартиры в различных местах. Один легион, только что набранный в Верхней Италии, должен был зимовать в стране эбуронов (BG, V, 24), где Амбиориг и уже пожилой Катувольк² царствовали над двумя частями этого племени (BG, VI, 31). Однако тут 23 октября по подстрекательству тревера Индутиомара, с которым Цезарь плохо обошелся, поднялось восстание. Его удалось подавить, однако козни хитрого Амбиорига и разногласия между легатами Квинтом Титурием Сабинном и Луцием Аврункулесом Коттой (который, между прочим, вел своего рода дневник британского похода, ныне утраченный)³ привели к гибели размещенного там легиона и пяти когорт (около 600 человек) вместе с их командирами.

Случилось так, что излишне предусмотрительный Сабин поверил Амбиоригу, который сообщил ему о новом нашествии германцев. Вопреки протестам отважного Котты он решил вести войска, которыми командовал, в зимний лагерь Квинта Цицерона⁴ (в земле нервиев) или в лагерь Тита Лабиена (в пограничной области между ремами и треверами). Посреди леса эбуроны напали на римское войско на марше. Луций Котта и другие старшие офицеры погибли; Сабин же был убит в ходе переговоров с Амбиоригом. Римляне вернулись в свой старый лагерь (Атватуку). Знаменосец перебросил орла за стену, чтобы он был в безопасности, а затем погиб геройской смертью у стен лагеря. Ночью все осажденные римляне покончили с собой. Лишь нескольким удалось вырваться; именно они принесли страшные вести Лабиену (V, 37). С потерей около 8 000 человек политика Цезаря в Галлии, казалось, потерпела полный крах.

¹ Каждые две недели воины получали около 12 килограммов пшеницы, которое они должны были сами молотить, а затем приготовить себе *puls* — зерновую кашу типа поленты. Лошади получали примерно 10 килограммов ячменя в день. [Зерна не доставало из-за засухи в Галлии; BG, V, 24].

² Об этом интересном имени см. Birkhan (1968).

³ Schanz-Hosius I, S. 349f.

⁴ [Квинт Цицерон (ок. 102–43 до н.э.) — младший брат знаменитого оратора].

Амбнориг мобилизовал адватуков, у которых с Цезарем были счеты, и прежде всего — нервиев, в стране которых стоял отряд Цицерона. Нервии созвали подчиненные им народы: цевтронов (ср. Кортрейк или Куртрэ в западной Фландрии), грудиев, леваков (ср. Лев близ Намюра?), плевмоксиев, (г)ейдумнов и напали на лагерь Цицерона. Цицерон оборонялся с величайшей отвагой. «Нервии окружили зимний лагерь валом в десять футов и рвом в пятнадцать футов. Это они узнали от нас, наблюдая наши действия все последние годы, и выучились от некоторых попавших к ним пленных из нашего войска. Однако поскольку у них не было совсем никаких подходящих для этого железных инструментов, то они вынуждены были подрубить дерн мечами и выносить землю в руках и плащах. По этому делу можно составить себе представление о числе врагов: поскольку менее чем за три часа они сделали укрепление в пятнадцать тысяч футов в длину. В последующие дни они начали подготавливать и выдвигать башни, равные своей высотой стенам, стенобитные багры и «черепахи», чему их также научили пленные»¹.

Я попросил специалистов по инженерному строительству одной крупной австрийской строительной фирмы² более точно просчитать объем этого кольца укреплений и получил следующий ответ: при средней твердости почвы стена высотой около 10 футов должна была иметь ширину основания около 10 м. Таким образом, необходимый объем перемещаемой земли на погонный метр составлял $16,5 \text{ м}^3$, на всю стену — $82\,500 \text{ м}^3$. Если исходить из того, что между рвом и стеной не было никакого существенного расстояния и что землеройные работы производились совковой лопатой (однако у нервиев ведь не было никаких лопат!), то один человек за час мог вырыть примерно 1 м^3 , так что только одни землеройные работы, если они действительно были выполнены за три часа, должны были потребовать участия около 27 500 человек. При этом на одном погонном метре должны были работать шесть человек (другой вопрос, могли ли они работать, не мешая при этом друг другу!). Если принять, что такое же количество людей выносили вырытый грунт, ссыпали его

¹ Caesar, S. 122 (V. 42).

² Здесь я хотел бы поблагодарить г-на дипломированного инженера Рудольфа Шаллека и его коллег из фирмы Порр (Вена) за интересующие вычисления.

и трамбовали, то получается, что речь идет примерно о 55 000 человек. Если бы работа длилась четыре часа, то потребовалось бы только 41 250 человек!

Сей блестящий результат аккультурации сработал с повышенной эффективностью, поскольку поднялся сильный ветер, и нервии смогли обстреливать раскаленными глиняными шарами и дротиками римский лагерь с его покрытыми соломой бараками. Римляне совершили чудеса храбрости и выстояли. Однако Цезарь, который находился в зимнем лагере совсем неподалеку, где-то близ Амьена, совершенно ничего не знал о том, в каком опасном положении находится его войско. После многодневной осады одному из перебежавших к Цицерону нервиев удалось послать раба с письмом к Цезарю. Тот поспешил на помощь с двумя малочисленными легионами, но при этом послал через одного галла написанное по-гречески письмо¹, которое тот привязал к ремню дротика и перебросил в лагерь Цицерона, где его, однако, обнаружили только через два дня. Затем Цезарю легко удалось снять осаду с находившегося в столь тяжелом положении Цицерона. Создается впечатление, что внезапное, как гром с ясного неба, появление внушавшего страх полководца посеяло смятение в рядах галлов и вынудило их поспешно отступить. Согласно анекдоту, рассказанному у Светония (Iul. 58), Цезарь якобы сам, переодевшись галлом, пробрался через вражеские посты. С удивлением Цезарь обозрел осадные сооружения нервиев (BG, V, 52).

Хотя восстание нервиев и было подавлено, однако гибель Сабина более чем с 6 000 человек должна была иметь катастрофические последствия для репутации римлян и политических отношений в Галлии. Повсюду начались беспорядки. Кое-где проходили ночные собрания (BG, V, 53). У сенонов королевский трон занимал Моритазг, однако Цезарь сместил его и сделал королем его брата Каварина (подобная же ситуация сложилась у эдуев и треверов). А теперь Каварин с трудом избежал покушения на свою жизнь. Уже осенью Тазгетий, которого Цезарь поставил королем карнутов (ср. Шартр, департамент Эр-и-Луар), был убит членами своего собственного племени. Индутиомар

¹ Трудно поверить, что в этом письме было написано только «Мужайтесь! Ждите помощи!», как утверждает Полиэн (VIII, 23, 6).

организовал открытое сопротивление. Казалось, опасность велика. В Риме Марк Туллий Цицерон вещал, что нужно, мол, вызвать из подземного мира победителя кимвров Гая Мария, поскольку, наверное, лишь он сможет победить Индутиомара (Сис. Фонт. 36). Однако треверам не удалось завербовать германцев по правую сторону Рейна, однако сеноны, адватуки, нервии и карнуты поспешили на созванное собрание в полном вооружении (*armatum concilium*). Это означало объявление войны. Тот, кто пришел на эту общую мобилизацию последним, должен был быть подвергнут пыткам, а затем казнен (BG, V, 56).

Индутиомар стал угрожать зимнему лагерю Тита Лабиена (возможно, на Мон-де-Брюн на Маасе): он со своими всадниками неоднократно метал копья через стену лагеря. Создается впечатление, что речь идет о каком-то ритуальном метании копий, подобном обряду *фециалов* в древнеримском праве, которые, посылая копья во вражескую землю, торжественно объявляли войну. Вспоминается и германская традиция о борьбе асов и ванов.

Однако Лабиен неожиданно сделал вылазку. Индутиомар, за голову которого была назначена высокая цена, был убит у брода, а его голову принесли в лагерь (BG, V, 58; Flor. I, 45).

В ту же самую зиму (54/53) Цезарь с помощью Гнея Помпея снова набрал войска, чтобы возместить и даже удвоить силы, потерянные в столкновении с эбурунами. Выпущенная в 54 году монета служила для пропагандистской поддержки этого перелома. На отчеканенном тогда денарии мы видим имя Цезаря. Над ним изображены трофей, а также галльский боевой рог (карникс), под которым представлен демонизированный галл — с немыслимой копной растрепанных волос и лицом кобольда¹. В то же время и после смерти Индутиомара политика антиримского союза продолжалась (VI, 2).

Еще зимой, в ходе «бликкрига», Цезарь победил нервиев и ранней весной созвал собрание галлов в Лютении (Париж), в земле племени паризиев. Это показывало, что центром сопротивления были племена треверов, карнутов и сенонов, которые образовывали племенной союз с паризиями. Цезарь немедленно

¹ См. иллюстрацию в Powell (1958), S. 117, Abb. 76b.

выступил против сенонов. Когда Аккон, вождь заговорщиков, узнал об этом, он пошел на уступки. Теперь мы узнаем, что сеноны, оказывается, находились под покровительством эдуев, карнеты — под покровительством ремов. Посредством вмешательства обоих этих, дружественных Риму, племен, столкновение было урегулировано при условии выдачи заложников.

С первого взгляда на географической карте Галлии мы видим множество, казалось, ничем не отличающихся друг от друга названий племен. Только конкретные события, такие, как описанное выше, словно бы лучом прожектора высвечивают черты внутригалльских отношений, структуру союзов племен: союзов между племенами одного уровня, таких, как паризии и сеноны, и между племенами-покровителями и племенами, находившимися под их покровительством, такими, как эдуи и сеноны — своего рода проецирование клиентских отношений на племенной уровень. При этом отношения партнеров в этом союзе государств мыслились настолько свободными, что разработанный сенонами план восстания не поддерживался паризиями, о чем ясно говорит Цезарь (BG, VI, 3).

В то время как часть войска под командованием Лабиена в полной боевой готовности стояла против треверов и должна была на деле выдержать тяжелое испытание, Цезарь с другими легионами пошел на все еще непобежденных менапиев, которые снова отступили в болота своей родины (BG, VI, 5).

Опустошив страну менапиев, Цезарь соединился с Лабиеном, который также разбил нервиев наголову. Поскольку треверы пользовались поддержкой свевов и чтобы затруднить Амбиоригу бегство к германцам по ту сторону Рейна, Цезарь решил снова перейти Рейн. На сей раз мост был возведен еще быстрее и «рогатый» Рейн был укрощен мостом, словно ярмом (Flog. I, 45). От разведчиков из племени убиев полководец узнал, что свевы, чтобы переждать нашествие римлян, отступили на самые границы своего племени, в Бакенский лес (*Bacenis silva*)¹, необычайно разросшийся девственный лес, который отделял их страну от земли херусков (BG, VI, 10).

¹ Германское слово **bāken* — связано с названием бука и, таким образом, «Бакенский» лес значит всего лишь «буковый». Д.-в.-н. *Buochonia* а также *Buochunna* обозначали поросшие лесом земли вокруг Фудльы (Förstemann II, 1, Sp. 520f.). Я также предполагаю, что здесь имелись в виду и Рён и прилегающий к нему Тюрингский лес — в общем, среднегерманские горные области.

Здесь полководец прерывает свой рассказ, чтобы дать краткий очерк сравнительной этнографии галлов и германцев. Этот очерк содержит множество ценных, по большей части самостоятельно полученных сведений, которые позволяют несколько поправить Посидония, остроумные наблюдения, полные чувства собственного превосходства дальновидные суждения и существенные упрощения¹, к которым я еще неоднократно буду возвращаться на страницах этой книги.

Чтобы не испытывать трудностей с провиантом, Цезарь решил вернуться в Галлию, однако мосты уничтожил только на правой стороне Рейна. Ближайшей целью атаки теперь стал Амбиориг, поскольку Цезарь после прошлогоднего поражения поклялся уничтожить сам «корень и имя» племени эбуронов (BG, VI, 34). Однако Амбиориг совершенно случайно ускользнул от римских войск, когда они проходили через Арденнский лес (*Arduenna silva*). После этого сторонники царя эбуронов разбежались во всех направлениях — в Арденны, в болотистые земли, на побережье; многие эмигрировали. Второй царь эбуронов — Катувольк — отравился ядом часто встречающегося в Галлии и Германии тиса (BG, VI, 31). Предполагают, что тис был священным растением эбуронов, что объясняет как имя Амбиорига (возможно, «вокруг-тисов-царь»)² так и название самого племени, которое, однако, могло значить также и «люди кабана». Теперь часть войска заняла Атватуку, другая часть отправилась в область менапиев, а третья, под командованием самого Цезаря, стала преследовать Амбиорига (BG, VI, 33).

¹ Именно описание Герцинского леса с его фантастическими зверями заставило многих исследователей Цезаря предполагать, что это — достаточно поздняя интерполяция, см., например, G. Dobesch, in: *The Celts* (1991), S. 39. Обратного мнения склонен придерживаться Beckmann (1930), S. 87ff., 158ff., 165ff. Однако утверждение, что «ознакомление с особенностями чужеземных стран и народов имело для Цезаря духовную ценность», и подчеркивание превосходства «идеальных» побуждений над практическими нуждами кажется мне несколько преувеличенным (S. 166). Я даже думаю, что, принимая во внимание сами по себе понятные политические интересы, представление о Цезаре как об ученом собирателе редкостей и курьезов следует отставить. Что касается гипотезы, согласно которой целью Цезаря было дополнить этнографические сообщения Посидония, я полностью следую Dobesch (ibid.).

² Так в Ködderitzsch (1986), S. 194f., где имя царя эбуронов — *Ambiorix* — объясняется как «король живущих вокруг тисов». То, что тис действительно почитался, явствует из названий мест и личных имен с элементами *Tax-* и *Iwo-*.

На этом месте мы видим некоторую нерешительность: кто же теперь настоящий враг и где он находится? Враг между тем снова прибег к тактике партизанской — малой и мельчайшей — войны. Замечательно то, что Цезарь, который с момента гибели Сабина и Котты ходил в траурном платье, которое поклялся снять лишь тогда, когда сможет отомстить за погибшие легионы, теперь говорит только о «племенах разбойных людей»¹ и отовсюду созывает галлов на отнюдь не безопасное дело — грабить леса. В ходе грабежа сугамбры — германское племя, обитавшее по правую сторону Рейна, у которого нашли себе убежище узипеты и тенктеры, — напали на лагерь в Атватуке, которым командовал Квинт Цицерон, как раз в то время, когда часть обитателей лагеря была занята уборкой зерна на близлежащих полях. Нападение произошло столь быстро, что находившиеся перед лагерем купцы не успели убрать свои лотки. Незначительными силами римляне героически защищали лагерь до того, как вернулись посланные за хлебом части. Им удалось пробиться обратно в лагерь, однако при этом погибли две когорты (около 1200 человек). Нельзя не заметить, что в ходе всего рассказа об этом несчастье имя Цицерона не упоминается и читатель остается в неведении, почему он, со своим богатым опытом, приобретенным в войне с нервиями, не принимал участия в бою. Когда в лагерь вернулась остальная часть армии, войсками овладели ужас и паника — ведь только в прошлом году именно под Атватукой нашли свою гибель Сабин и Котта.

Цезарь опустошил всю страну: «Все деревни и все постройки, которые только попадались на глаза, были сожжены. Скот убивали и со всех сторон собирали добычу. Корм не только был съеден таким огромным множеством людей и скота, но и полег из-за времени года и дождей. Так что если там оставались и прятались люди, то, когда войско ушло, из-за недостатка продовольствия они неминуемо должны были погибнуть». Амбиориг же «спасался в тайниках, в лесах, в ущельях и ночью, тайно, пробирался в другие области и края под защитой не более четырех всадников. Одним им он осмеливался доверять свою жизнь»². В противоположность Аккону, лидеру сенон-

¹ Caesar, S. 149 (VI, 34).

² Caesar, S. 153f. (VI, 43).

ского заговора, который был казнен ликторами «по обычаю наших отцов» — в этом случае человека засекали до смерти и отрубали ему голову (BG, VI, 44), — схватить Амбиорига не удалось. В 1866 году Жюль Бертен установил в Тонгерне памятник Амбиоригу — бессмертному символу национальной свободы.

52 год до н.э. — последний год, лично описанный Цезарем в «Записках о галльской войне», — принес римлянам величайшее поражение (при Герговии) и величайший, решающий триумф (при Алезии).

В то время как Цезарь зимой 53/52 годов проводил в Верхней Италии судебные заседания, появились первые признаки восстания, которое вскоре охватило почти всю Галлию, в том числе и обычно верное римлянам племя эдуев. Судьба таких вождей, как Думнориг и Аккон, не была забыта. Как и за год до того, проходили тайные собрания в лесу, в укромных местах. Можно вспомнить об уже упоминавшемся ежегодном собрании друидов в земле карнугов — и действительно, в последующих событиях карнуты играли видную роль. Смерть Аккона стал символом потери свободы. Лучше пасть в бою, чем навек утратить свободу! Карнуты потребовали, «принесся клятву и поклявшись в верности перед собранными там военными знаменами (по их понятиям, это самый священный обряд), чтобы остальные, начав войну, не оставили их»¹. Был определен и срок начала восстания.

В назначенный день карнуты под предводительством Котурата и Конконнетодумна перерезали обосновавшихся в Кенабе (Орлеан, департамент Луаре) римских граждан, занимавшихся там торговлей. С типичной для Галлии быстротой «информационного потока» двенадцать часов спустя эта новость достигла арвернов, находившихся за 160 миль (около 236 километров) оттуда, где ее с энтузиазмом воспринял молодой Веркингеториг, сын Кельтилла, который некогда стоял во главе всей Галлии, однако был убит своим собственным племенем, после того как стал притязать на царскую власть, — ситуация, знакомая нам еще по истории с Оргеторигом.

¹ Caesar, S. 155f (VII, 2). О политическом значении этого *concilium totius Galliae* см. Deyber (1987), S. 154; о масштабах восстания *ibid.* S. 178ff.

Теперь брат Кельтилла Гобанниттион стал чинить препятствия своему юному племяннику, поскольку не хотел ставить столь многое на карту, и изгнал его из столицы арвернов Герговии. Этот город лежал на высоте 734 метров над уровнем моря на Мон-Гергуа на плато Мердонь, к югу от Клермон-Феррана, примерно в 3 километрах к северо-западу от сегодняшней деревни Гергови (департамент Пюи-де-Дом). После этого Веркингеториг собрал к себе отовсюду «нищих и пропавших» людей (*habet dilectum egentium et perditorum*; BG, VII, 4). Тут он, в свою очередь, изгнал Гобанниттиона и вынудил свое племя признать его царем. Внешними признаками его царского достоинства стали монеты с его изображением и надписью *Vercingetorixs*¹, на которых раньше изображался профиль эфеба с завитыми на классический лад кудрями. Известно 11 легко различимых штемпелей, использовавшихся для выпуска этих золотых монет, причем считается, что одним штемпелем было отчеканено около 700 монет. Один выпуск (возможно, последний) изображал царя арвернов наподобие Марса, в шлеме².

Жесточайшим образом наказав колеблющихся и непокорных в своих собственных рядах, Веркингеториг заключил союзы с сенонами, паризиями, пиктонами (*Pictones*, ср. Пуату), кадурками (*Cadurci* в Аквитании; относительно их имени ср. Керси и Кагор, оба в департаменте Ло), туронами (*Tironi*, ср. Тур в департаменте Эндр-и-Луара), авлерками, лемовиками (*Lemovices*, ср. Лимож, департамент Верхняя Вьенна) и андами (*Andes*). Сделав своим сторонником кадурка Луктерия, которого нам описывают как искателя приключений, Веркингеториг обеспечил себе верность аквитанского племени рутенов (*Ruteni*, ср. Родэ в департаменте Аверон), а затем нитиоброгов (*Nitiobroges* или *Nitiobriges* вокруг Ажана на Гаронне, департамент Ло-и-Гаронна) и габалов (*Gabali* в Севеннах). Сам он стал вербовать себе последователей среди битуригов, которые были клиентами эдуев³. Кавалерийский отряд эдуев, боясь предательства со стороны битуригов, не осмелился переправиться через Луару, которая служила границей между двумя племенами. Битуриги присоединились к мятежным арвернам (BG, VII, 5).

¹ Powell (1958), S. 117, Abb. 76c; Hatt (1970a), Abb. 65; Duval (1989), S. 117f.

² Duval (1987), S. 86ff.

³ О географическом расположении этих племён см. у Страбона (IV, 2, 2).

Цезарь тут же поспешил¹ в Нарбонну и оставил войска на слабом месте границы. Затем он отправился в область гельвиев (*Elvii*, в департаменте Ардеш), откуда перешел через Севенны. Легионы одолели снег выше человеческого роста и напали на арвернов, которые за своими горами чувствовали себя в безопасности. Арверны стали звать Веркингеторига на помощь. Тогда Цезарь, оставив в земле арвернов только конницу, спешно отправился к римским союзникам — лингонам (ср. Лангр в департаменте Верхняя Марна), откуда он вывел размещенные на зимних квартирах войска. Веркингеториг, видимо, чувствовавший себя одураченным, предпринял весьма умный ход, взяв в осаду практически ни к чему не причастный город Горгобину (близ Невера, департамент Ньевр), куда еще в первый год войны поселили бойев (BG, VII, 9).

Чтобы не вызвать недовольства союзников, Цезарь был вынужден теперь поддерживать как эдуев, так и бойев — то есть снять осаду с Горгобины и при этом решить проблему провианта. По дороге к осажденному городу он решил захватить город сенонов Веллаундун (между Саном и Орлеаном), чтобы не оставлять врага у себя в тылу. Затем он напал на Кенаб (Орлеан), который был разграблен и сожжен дотла. Стратегическое значение этого похода состояло в том, что от Кенаба шел мост через Луару, который следовало взять под контроль. Вслед за этим Цезарь осадил Новиодун (Нуан-ле-Фюзелье, департамент Луар-и-Шер). Город сдался, однако тут же настроение внезапно изменилось, когда на горизонте показался авангард кавалерии Веркингеторига, который между тем отошел от Горгобины. С помощью «германских» конников (может быть, треверов?) Цезарю удалось отбить атаку Веркингеторига, занять раскаявшийся город и приступить к осаде столицы битуригов Аварики (Бурж). Цезарь был убежден, что захват города должен положить конец всякому сопротивлению битуригов (BG, VII, 13).

Теперь Веркингеториг попытался лишить Цезаря снабжения. Для этого он прибег к типичной «политике выжженной земли»: были сожжены все деревни и хутора, а также немногие

¹ Цезарь должен был покрывать около 150 километров в день. Так ему удалось в 58 году преодолеть расстояние между Римом и Женевой за восемь дней!

хорошо укрепленные города в стране битуригов: теперь в них не могли укрыться и трусы из собственного племени. «Если это и могло показаться тяжелым или горьким, то гораздо тяжелее, видимо, было бы, если бы детей и жен увели в рабство, а их самих убили: ведь такое непременно случается с побежденными»¹. Лишь Аварик, едва ли не прекраснейший город во всей Галлии, избежал сожжения благодаря личному приказу Веркингеторига (BG, VII, 15).

Цезарь осадил Аварик, но хотя ему и удалось его окружить, римляне ощущали большой недостаток провианта. Постепенно становилось ясно, что пресловутая дружба эдуев и римлян подходит к концу. Эмиль Тевено подробно описал взлеты и падения во взаимоотношениях римлян и эдуев в своей монографии, которая в основном сводится к оправданию поведения эдуев². Осада Аварики затянулась настолько, что и Веркингеториг стал ощущать недостаток провианта. Цезарь был достаточно умен, чтобы не отвечать на прямые вызовы противника, так что хотя войска и угрожали друг другу, до непосредственного столкновения дело не дошло. Из-за такого затяжного ведения войны Веркингеториг даже стали упрекать в тайном сговоре с Цезарем! Однако Веркингеториг был не только великим полководцем и стратегом, который, судя по всему, в чем-то перенял тактику Кассивеллауна, но и хитрым демагогом. Несколько римских пленных, которых подвергли пыткам, а затем подучили, что нужно говорить, утверждали, что Цезарю якобы пришел конец, воины совершенно изнурены и через три дня римское войско уйдет. Галльские воины разразились бурными овациями и стали, по своему обычаю, стучать оружием (BG, VII, 21). Галлы решили прийти на помощь осажденному городу с десяти тысячным войском.

Как в прошлом году нервин, которые научились у римлян многому в ведении позиционной войны, так и жители Аварики показали, насколько изобретательными они могли быть в отражении римской тактики осады, — что заставило Цезаря сделать запись о ловкости галлов и их стремлении перенимать все новое (BG, VII, 22). Арканами они перехватывали осадные

¹ Caesar, S. 162 (VII, 14).

² Thevenot (1960).

крюки; с помощью подкопа обрушили осадную насыпь (опять штольни — совсем как у аквитанов!). На этом месте у Цезаря появилась возможность рассказать о так называемой «галльской стене» (*murus Gallicus*). По приказу Цезаря за 25 дней была построена насыпь около 95 метров в ширину и 23 метра в высоту¹. Когда она поднялась уже почти до уровня городских стен, осажденные стали обстреливать ее горящими стрелами и одновременно сделали вылазку, которую Цезарю, однако, удалось отбить.

Здесь полководец снова упоминает о галльских героях: «Перед воротами города некий галл, который руками метал переданные ему комки сала и смолы по направлению к башне, пал, пронзенный и убитый выстрелом с правой стороны из скорпиона. Один из ближайших к нему, переступив через лежащего, тем же образом занялся тем же делом. Второго, так же убитого броском скорпиона, сменил третий, а третьего — четвертый, и это место не ранее было освобождено от сражающихся, чем, когда была потушена насыпь и со всех ее частей изгнаны враги, сражение подошло к концу» (BG, VII, 25). Непрерывное, безостановочное продолжение этого действия выглядело гротескно-комически. Но не для Цезаря. Пораженный увиденным, он высоко оценил работу галльских воинов. В любой ситуации полководец всячески приветствовал то, что человеческий материал функционирует должным образом.

Происходили и жалостные или даже жалкие сцены: осажденные мужчины ночью пытались ускользнуть и прорваться к Веркингеторигу. «И они уже готовились ночью сделать это, когда матери семейств внезапно появились на улицах, рыдая и бросаясь своим в ноги и всячески их умоляя не отдавать врагам на муку их и общих детей, кому природа и недостаток сил мешает пуститься в бегство. Когда увидели, что те упорствуют в своем решении, поскольку по большей части в крайней опасности страх не знает сострадания, стали кричать, давая римлянам знать о бегстве»².

В туманный и дождливый весенний день римлянам после внезапной атаки удалось подняться на стены, и жители Аварика

¹ [По Цезарю — 330 футов в ширину и 80 футов в высоту].

² Caesar, S. 169 (b. G. VII, 26).

были почти полностью истреблены. «[Воины] были настолько ожесточены и резней в Кенабе и потраченными усилиями, что не пощадили ни стариков, ни женщин, ни детей»¹. Из 40 000 обитателей города оттуда выбрались невредимыми лишь 800 человек, которые добрались до Веркингеторига. Однако тот стал преуменьшать катастрофу, приписывая неудачу тем, кто выступал против сожжения города (BG, VII, 29). «Итак, хотя поражения уменьшают авторитет других полководцев, он, напротив, потерпев неудачу, за день увеличил свое влияние. ... Тогда впервые галлы стали строить укрепленные лагеря, и эти непривычные к труду люди так ожесточились душой, что терпели и переносили все, что он повелевал им»². Так Веркингеториг привлек на свою сторону и вождей других племен, в том числе Тевтомата, сына короля питиоброгов Олловикона, которому некогда римский сенат даровал звание «друга»: он перешел к Веркингеторигу вместе со своей конницей (BG, VII, 31).

Один эпизод ярко освещает общественные отношения в племени и то, как ловко Цезарь выставлял себя хранителем племенного порядка. Посланники эдуев попросили римлян послужить посредниками в конфликте между Конкиктолитавием и Котом, двумя претендентами на высшее звание в племени. Цезарь вынудил второго отступить и передать свою должность Конкиктолитавию, выбранному жрецами (друидами?) согласно законам племени. Эта небольшая деталь указывает на авторитет Цезаря (по крайней мере, среди эдуев), а также говорит кое-что об их законах. Здесь мы узнаем, что члены одной семьи (по крайней мере, при жизни обоих) не могут занимать одинаковую должность и не могут одновременно заседать в совете старейшин. Цезарь также хотел продемонстрировать, что уважает местные племенные законы. Для расследования этого случая и вынесения своего приговора Цезарь должен был отправиться в страну эдуев, поскольку по их закону носители высшей должности не могли покидать пределов племени (BG, VII, 33).

Теперь Цезарь разделил свои войска. С четырьмя легионами Тит Лабиев отправился против сенонов и паризиев, в то время как сам полководец с шестью направился вдоль реки Алье³ к

¹ Caesar, S. 170 (b. G. VII, 28).

² Caesar, S. 171 (b. G. VII, 30).

³ [Алье (Allier), вдренности Элавер (Elaver) – приток Луары].

столице арвернов Герговии. Веркингеториг сопровождал его, идя по другому берегу, после того как он приказал разрушить мосты. Когда Цезарю удалось обмануть Веркингеторига и перейти через Алье, арвернский вождь ускоренным маршем направился к своему родному городу — Герговии (Strabon IV, 2, 3). Веркингеториг успел занять все стратегически важные точки до прихода Цезаря, однако Цезарю удалось утвердиться примерно в 3 километрах к юго-востоку близ Орэз, откуда в западном направлении на длину примерно $2\frac{1}{2}$ километра был протянут ров, на конце которого был устроен небольшой римский лагерь (BG, VII, 36).

Вновь назначенный на должность у эдуев Конкиктолитавий, подкупленный арвернами, перетянул на свою сторону знать, которую он настроил против Цезаря. Молодому эдую Литавику удалось «перевербовать» предназначенные для Цезаря вспомогательные войска, направлявшиеся к Герговии. Узнав об этом, Цезарь двинулся навстречу коннице эдуев и сумел вновь перетянуть ее на свою сторону — конечно, теперь уже не как достойных доверия союзников, — в то время как зачинщики бежали к арвернам. Однако беспорядки охватили уже почти всех эдуев (BG, VII, 42). Между тем Веркингеториг напал на лагерь, ослабленный в результате похода Цезаря против эдуев. Legionеры ускоренными темпами поспешили на помощь осажденным товарищам и едва успели предотвратить катастрофу, подобную той, что произошла под Атватукой. Развивая свой «блицкриг», Цезарь пошел на город, причем так быстро, что царь нитиоброгов Тевтомат был захвачен в собственной палатке во время дневного сна. Женщины начали бросать со стен одежды и деньги, бить себя по обнаженной груди и заклинять римлян пощадить их (BG, VII, 47). Здесь Цезарь утверждает — видимо, чтобы оправдать неудачный штурм города, — что, достигнув цели атаки, то есть заняв пока никем не занятую небольшую высоту (BG, VII, 44), он дал сигнал к отступлению, однако солдаты якобы не слышали звука трубы (BG, VII, 47). Галлы, которые были заняты окопными работами на другом конце укрепления, ринулись сюда, а женщины теперь бросились уже к ним, «по галльскому обычаю демонстрируя свои распущенные волосы и показывая им детей», — видимо, сложный жест подчинения!¹

¹ Caesar. S. 181 (VII, 48).

Легко понять, в какой опасности находились легионеры, которые безрассудно осмелились взойти на городскую стену и перейти через нее. Еще до этого Цезарь послал на помощь штурмовавшим город легионерам эдуев, которые после бегства Литавикка снова перешли на его сторону. Когда они там появились, их приняли за врагов, хотя они и оставляли открытым правое плечо, что было отличительным знаком римских союзников (BG, VII, 50). Здесь, однако, можно предположить, что эдуи, утверждая, будто их «не узнавали», вели двойную игру.

Потери римлян составили якобы «почти 700 человек» (*milites sunt paulo minus septingenti desiderati*), но при этом было убито 46 центурионов, то есть офицеров, командовавших сотней воинов. Такое несоответствие заставляет задуматься. Почему при таких сравнительно небольших потерях было убито столь много унтер-офицеров? Напрашивается мысль, что Цезарь преуменьшил потери, но почему же он при этом не уменьшил и число убитых центурионов?¹ Однако неоспоримо, что битва при Герговии стала поражением для римской армии, а может быть — и для тактического гения Цезаря. Сам полководец объяснял катастрофу излишней горячностью, непослушанием и недисциплинированностью солдат (BG, VII, 52). Однако нельзя не осознавать, что после неудачи под Герговией нимб победителя над головой Цезаря несколько потускнел.

Интересный для кельтской филологии анекдот рассказывает Сервий (Aep. II, 743). Якобы самого Цезаря взяли в плен и вооруженным везли на коне. Здесь один из врагов, который узнал его, закричал: «*caesar! caesar!*», после чего тот был освобожден, потому что по-галльски это означает «отпусти» (*dimitte*).

¹ [Из того, как Цезарь описывает эти события, видно, что центурионы, ведя подразделения в бой, первыми поднимались на стену в надежде на награду, как Луций Фабий (VII, 47, 50), и порой жертвовали собой для спасения своих солдат, как Петроний (VII, 50), поэтому большие потери среди них не кажутся такими уж страшными. Цезарь подчеркивает, что безуспешно пытались остановить солдат именно высшие офицеры — легаты и военные трибуны (VII, 47), но отнюдь не центурионы. По нормам эпохи Цезаря, в шести легионах должно было быть всего 360 центурионов].

Сам Цезарь рассказывал об этом случае¹. Рассказывали также, что арверны повесили меч Цезаря в своем храме как священный дар. Все эти рассказы очень показательны для настроений после Герговии: самому Цезарю лишь случайно удалось сохранить жизнь, а его меч — в глазах кельтов, конечно, вместилище враждебного демона! — попал «в плен» к галльскому божеству.

Во всяком случае, Цезарь отказался от осады, считая при этом, что «сделано достаточно для принижения галльской хвастливости и укрепления духа воинов»² — достаточно странная оценка далеко не благоприятной для римлян ситуации, особенно если брать первую половину этой фразы! Цезарь отошел от Герговии, причем Веркингеториг не последовал за ним и направился к эдуям (BG, VII, 53), где, как ему сообщали, появились уже ясные признаки отпадения.

И действительно, Виридиомар и Эпоредориг, предводители эдуйской конницы, которые отправились в поход якобы для того, чтобы усмирить мятежных соотечественников, напали на город Новиодун на реке Луаре (Невер, департамент Ньевр), где Цезарь разместил всех галльских заложников, обоз и казну провинции, истребили римских чиновников и купцов, уничтожили запасы зерна и сожгли город долла (BG, VII, 55). Очевидно, что события под Герговией отнюдь не вызвали «принижения галльской хвастливости»: наоборот, их считали тяжелым

¹ Точно неизвестно, действительно ли этот случай произошел под Герговией. Все попытки объяснить слово *caesar* на основании галльского языка остаются неудовлетворительными, и еще менее — объяснения на основе германских языков (DAG 245, S. 1325f.). Нужно исходить из того, что эта история была задокументирована очень поздно (Сервий жил около 400 г. н.э.), то есть в то время, когда имя «Цезарь» уже давно [не] произносилось как [*kesar*]. Если за этой историей действительно что-то кроется, тогда этот корень, скорее всего, имеет отношение к древнеирландской глагольной основе *-cesu-* «шадить» (какая-то пасивная форма на *-r* — «пусть он будет понижен»?). Однако этот корень в индоевропейском начинался с лабиовелярной гласной (IEW S. 641, со ссылкой на RG II, S. 486, § 681 = CG S. 350, § 518), которая в галльском фигурирует в основном как лабиальная [Сервий говорит, что реплика врага была «оскорбительной» (*insultans*) и поэтому вполне возможно, что тот, кто взял Цезаря в плен, огодедствил это имя вовсе не с глаголом «отпускать», как утверждает Сервий, а с каким-то бранным словом и понял эту реплику, как «(брось) эту дрянь», — что, конечно, еще более затрудняет отождествление этого слова с какими-либо кельтскими основами].

² Caesar, S. 183 (VII, 53).

поражением римлян. Можно было ожидать, что Цезарь уйдет в Нарбоннскую Галлию, однако этому помешали как его самолюбие, так и трудность перехода через Севенны и тревога о войсках, которые Лабиен повел против сенонов и паризиев.

Цезарь перешел Луару через брод и нашел на полях достаточное зерно, а также скота, чтобы прокормить войско (BG, VII, 56). О каком зерне (*frumentum*) здесь может идти речь, мне не совсем ясно. Неужели озимые уже созрели на тот момент, когда на Луаре в результате таяния снега еще шло половодье (BG, VII, 55)?

Между тем паризии собрали свои войска вокруг Лютеции (Париж) на острове посреди Сены и вручили командование ими пожилому, но опытному авлерку Камулогу («сыну [бога войны] Камула»). Из-за непроходимых болот вокруг Парижа Лабиен повернул к Метгоседу (Мелюн, департамент Сена-и-Марна) и взял этот город. Построив понтонный мост, он перешел на другой берег Сены к Парижу. Однако галлы оставили Лютецию и сожгли ее. Когда Лабиен узнал об этом и о том, что белловаки открыто готовятся к войне, а опасность растет день ото дня, он разработал план наступления, удачно сразился с объединенными войсками противника немного вниз от Парижа по течению Сены и поспешил со своим войском навстречу Цезарю (BG, VII, 62).

Между тем об отпадении эдуев стало известно всем. За исключением ремов и лингонов, по-прежнему остававшихся верными Риму, а также впутавшихся в войну с германцами тревров, теперь практически все галльские племена объединились против Рима. На общем собрании галлов в Бибракте Веркингеториг единогласно был избран главнокомандующим и ему был доверен *imperium*. Это был первый и последний раз, когда галльские племена и народы, забыв о своих частных интересах, столь единодушно объединились. Своего рода символический жест Истории: галльская война началась при Бибракте с уничтожения гельветов и почти завершилась созданием «галльского союза» под предводительством Веркингеторига. Но вскоре уже возникли трения. Эдуи почувствовали себя обманутыми, поскольку от них ушла руководящая роль. Снова и снова Веркингеториг требовал, чтобы все сами уничтожили свое зерно и сожгли свои дома. К восстанию присоединились племена Аквитании и те, что обитали по соседству с Провинцией, прежде

всего аллоброги. Им на юге прогивостоял легат Луций Цезарь с 22 когортами (13 200 воинов; BG, VII, 63 сл.).

Войска Веркингеторига состояли из пехотинцев, а также из кавалерии в количестве около 15 000 человек, что значительно превышало численность кавалерии Цезаря. Цезарь вызвал из-за Рейна германскую конницу и легковооруженную пехоту, которые, как уже известно читателю, обычно сражались вместе. Галльская кавалерия образовала своего рода «клятвенный союз», где всадники должны были «подтвердить святейшей клятвой, что тот не должен входить под крышу и не должен подходить ни к детям, ни к родителям, ни к супруге, кто дважды не проедет через вражеские ряды»¹.

Дело дошло до столкновения конных отрядов, которое благодаря лучшей тактике Цезаря закончилось для римлян благоприятно: три вождя эдуев — Кот, Каварилл и какой-то Эпоредориг (не тот, который взял Новиодун) — попали в руки римлян. Веркингеториг с пехотой и всем обозом отошел к Алезии (Ализ-Сен-Рен на Мон-Оссау, департамент Кот-д'Ор)² в области племени мандубиев, примерно в 20 километрах от культового центра у истоков Сены. Здесь Цезарь решил взять его в осаду (BG, VII, 68).

Проводившиеся там земляные и окопные работы стали наиболее масштабными за всю галльскую войну и одними из наиболее дорогостоящих в античности. Еще до прихода Цезаря галлы выкопали ров со стеной из глины и гравия, а Цезарь воздвиг пояс осадных сооружений окружностью в 15 километров и диаметром около 5 километров. Вдоль этой линии был расположен лагерь и построены 23 опорных пункта, в которых можно было днем и ночью вести наблюдение за галлами (BG, VII, 69). В ходе первого кавалерийского сражения, уже внутри римской оборонительной линии, германская конница понесла такие тяжелые потери, что Веркингеториг решил (BG, VII, 70) ночью, тайно отпустить по домам всю галльскую конницу с настоящей

¹ Caesar, S. 190 (VII, 66).

² Место, где находилась Алезия, было, вне всяких сомнений, определено еще при Наполеоне III с помощью стратегических выкладок и раскопок подковника Э.К. Стоффеля; ср. Napoléon III, II, S. 299ff. [Название Sainte-Reine происходит от имени святой мученицы Ренины, которая была казнена (принесена в жертву языческим богам?) в Алезии предположительно в III–IV вв.].

просьбой — завербовать подкрепление. Судя по всему, Веркингеториг полностью осознал опасность своего положения. Не в последнюю очередь беспокоила его проблема снабжения. Съестных припасов на 80 000 человек должно было хватить только на один месяц! Сегодня действия Веркингеторига пытаются объяснить тем, что зона для маневров кавалерии была слишком узкой, а то и усматривают здесь какой-то иррациональный, может быть религиозный, аспект галльского ведения войны. В конечном счете, отсылка нескольких сотен людей оказалась достаточной. Почему же лошадей остальных всадников не забили и не использовали для пропитания осажденных? Может быть, здесь речь шла о каком-то религиозном табу?¹

Цезарь отреагировал на это постройкой новых укреплений: «Он провел ров в двадцать футов шириной с отвесными стенками, так что ширина его основания равнялась расстоянию между верхними краями; а все прочие укрепления устроил в четырехстах футах позади этого рва. Так как пришлось по необходимости занять очень большое пространство и всю линию укреплений нелегко было заполнить сплошным кольцом солдат, то такая система имела целью помешать неожиданным или ночным массовым неприятельским атакам на укрепления и, с другой стороны, предохранить в течение дня назначенных на работу солдат от неприятельского обстрела. На упомянутом расстоянии он провел два рва в пятнадцать футов ширины и такой же глубины; в средний из них, находившийся на ровной и низменной местности, он провел воду из реки. За ними выстроены были плотина и вал в двенадцать футов вышиной, который был снабжен бруствером и зубцами, причем на местах соединения бруствера с валом выдавались большие рогатки, чтобы затруднять врагам восхождение на вал, а вся линия укреплений была опоясана башнями в восьмидесяти футах одна от другой»².

Пока сооружались эти постройки и легионеры были заняты работой в разных местах, Веркингеториг часто пытался делать вылазки, и Цезарь был вынужден прибегать к постройке дополнительных укреплений, «чтобы все укрепления можно было

¹ Ср. Wackernagel (1959), S. 129.

² Caesar, S. 194 (VII, 72). Остатки этих укреплений были обнаружены археологами; Hatt (1970a), S. 172 [Перевод М.М. Покровского цитируется по изданию: Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о галльской войне. М., 1991. С. 148].

защищать меньшим количеством солдат. С этой целью срубались стволы деревьев или очень прочные сучья, их верхушки очищались и заострялись; затем проводились один за другим рвы в пять футов глубиной. В них устанавливались эти стволы и, чтобы их нельзя было вырвать, снизу они скреплялись, причем сучья выдавались наружу. Они образовали по пять рядов, связанных и сплетенных друг с другом. Кто попадал туда, тот наткался на острия стволов. Их называли «могильными столбами» [сippus]. Перед ними выкапывались косыми рядами в виде пятерки ямы в три фута глубины, постепенно суживавшиеся книзу. В них опускались гладкие стволы толщиной в человеческое бедро, заостренные и обожженные сверху и выдававшиеся над поверхностью не более, чем на четыре дюйма. Чтобы придать им полную устойчивость, каждый из них у основания закапывали на один фут землей и утапывали ее; а остальную, верхнюю, часть ямы прикрывали прутьями и хворостом, чтобы скрыть ловушку. Такого рода ям было проведено по восемь¹ рядов в трех футах друг от друга. По сходству с цветком их называли «лилиями» [lilium]. Перед ними целиком вкапывались в землю кольца в фут длиной с железными крючками; они были устроены в разных местах на небольшом расстоянии друг от друга. Их называли «стрекалами» [stimulos]. По окончании всех этих работ Цезарь выбрал, насколько позволяла местность, самую ровную полосу и провел по ней совершенно такую же линию укреплений в четырнадцать миль в окружности, но обращенную наружу, именно против ожидаемого извне неприятеля, чтобы он даже в очень большом количестве [если после ухода конницы дело дойдет до того]² не был в состоянии окружить со всех сторон его караульные отряды³.

Археологические изыскания и раскопки, начатые еще при Наполеоне III и продолженные уже в XX веке, особенно в последние десятилетия, подтвердили достоверность сообщений Цезаря. Во рвах под Мон-Реа были обнаружены остатки человеческих скелетов и кости лошадей, это заставляет предполагать, что погибшие, которые остались лежать во рвах вместе со своими конями, были просто засыпаны землей. Однако раскопки

¹ [В переводе М. М. Покровского «пять»].

² [В русском переводе этих слов нет; они отсутствуют и в некоторых латинских изданиях].

³ Caesar, S. 194f. (VII, 73f.). [Перевод М. М. Покровского, *ibid.*, с. 148–149].

показали и некоторые различия в отдельных деталях: местами, вопреки рассказу Цезаря, имеется третий ров, а осадные башни стоят гораздо чаще, чем можно понять из текста. Обнаруженные археологически «стрекала» и «лилии» были расположены не в том порядке, о котором говорил Цезарь, а вперемежку, что делало эти препятствия еще более эффективными¹.

Между тем галлы начали формировать войско, которое должно было снять осаду. Во время общегалльского собрания (*concilium*) отдельным племенам было предписано выставить определенные контингенты. Всеобщая мобилизация, которой хотел Веркингеториг, не состоялась, поскольку многие считали, что нельзя будет ни руководить таким огромным количеством людей, ни прокормить их. Вокруг отдельных ведущих племен образовывались конгломераты войск — видимо, на основании старых отношений зависимости, клиентских отношений и родства. Таково было войско эдзев с подчиненными им сегусиавами (из области Фера, департамент Луара), амбиваретами², авлерками, бранновиками (все вместе должны были выставить около 35 000 человек); арвернов вместе с элевтеями, кадурками, габалами и веллавиями (ср. Веле, область в департаменте Верхняя Луара); секванов, сенонов, битуригов, сантонов (ср. Сент и Сентонж, область в департаменте Приморская Шаранта)³, рутенов, карнутов (каждое племя должно было выставить 12 000 человек). Число «вспомогательных» племен было столь велико, что проще перечислить те племена, о чьих вспомогательных войсках ничего не говорится. Кроме ремов, лингонов и треверов,

¹ Об археологических данных см. Napoléon III; Hatt (1970a), S. 172; в последнее время Reddé et al. (1995) и Praxis Geschichte, S. 28ff.

² В этой форме они фигурируют только в ВГ, VII, 75. Однако ранее упоминаются обитавшие по ту сторону Мааса *Ambivariti* (ВГ, IV, 9), а Орзий (VI, 8, 8), цитируя ВГ, III, 9, вместо *Ambiliatos* дает *Ambivaritos* (AcS I, Sp. 123). Если предложенное Хольдером сопоставление с валлийским *gwared* «онокать» верно, то *Ambivareti* может быть «богатейшей» с фонетической точки зрения формой (< пракеель. **Ambi-u(p)u-ret-*, причём *ret-* сопоставляется с *rhedaf* валл. «я бету», ср. лат. *suc-curro* < **sub-curro*). Я полагаю, что между амбиваретами и амбиваритами на Маасе существовал тесный союз и это предполагаемое совпадение имен имеет свои корни в древнем переселении.

³ Именно в область этого племени хотели прорваться гельветы (ВГ, I, 10). Страбон подчеркивает кельтскую принадлежность сантонов и битуригов-винсков, живших среди некельтских «небродных» аквитанских народов (Strabon IV, 2. 1).

это менапии; уничтоженные Цезарем годом раньше эбуроны с их сторонниками; белловаки, которые желали защищать лишь свою собственную землю, а также народы Британии. В общем и целом собралось 8 000 всадников и около 250 000 пехотинцев — несколько больше численности войск антинаполеоновской коалиции в «битве народов» при Лейпциге! Ими командовали уже известные нам эдуи Виридомар и Эпуредориг (тот, что взял Новиодун), арверн Веркассивеллаун, двоюродный брат Веркингеторига и бывшее доверенное лицо Цезаря в Британии и у моринов — атребат Коммий (BG, VII, 76).

Между тем в Алезии подошли к концу съестные припасы, а вспомогательного войска все не было видно. Когда стали совещаться о том, чтобы сдать или попытаться прорваться, некий Критогнат, представитель высшей арвернской знати, произнес якобы речь, которую Цезарь в силу ее «необыкновенной и нечестивой жестокости» (*singularem ac nefariam crudelitatem*) решил сообщить нам почти дословно. Речь увенчивает следующая фраза: «Что же, следовательно, я советую? Сделать то, что сделали наши предки во время войны с кимврами и тевтонами, которая была не чета нынешней: они, загнанные в города и оказавшиеся под бременем той же нужды, поддержали свою жизнь с помощью тел тех, кто в силу своего возраста представлялся неспособным к войне, и не сдались врагу».

Эта речь, переданная Цезарем с галльской точки зрения со всеми признаками отвращения, несмотря на странную и неприятную для нас тему каннибализма, точно отражает существовавшие в то время отношения. В конце Критогнат говорит:

«Кимвры, опустошив Галлию и наделав больших бед, все-таки однажды вышли из наших пределов и направились в другие страны, а права, законы, поля, свободу нам оставили. А римляне? Что они ищут, что им еще надо, как, руководясь завистью, не осадить в их собственных полях и городах и не увести в вечное рабство все народы, о которых до них дойдет слава, что они благородны и сильны в бою? Только для этой цели они и вели войны. А если вы не знаете, что творилось в далеких странах, то посмотрите на соседнюю Галлию, которая стала частью провинции:

права и законы там поменялись, и она, покорившись секирам¹, задавлена рабством!»²

Было принято достаточно нелогичное решение — перед тем, как освоить предложенный Критогнатом метод, сначала отослать из города всех стариков и неспособных к бою. Плачущие жены мандубиев с детьми также были выгнаны из своего собственного города; римляне их также выпроводили (BG, VII, 78).

Между тем появилось вспомогательное войско, которым командовали Коммий и его товарищи. Оно окружило осаждавших. Значительно уступавшие им по численности войска Цезаря (в общем и целом около 70 000 человек) оказались в кольце. Опасность угрожала им с обеих сторон: изнутри угроза исходила от лагеря Веркингеторига, где было около 80 000 человек, снаружи — от всего вспомогательного войска галлов, в котором насчитывалось около 250 000 человек. Однако это войско отделяла от лагеря римской кавалерии река Бренн и напасть на лагерь можно было, только обойдя с севера весь комплекс осадных сооружений. В последовавшем кавалерийском сражении, после того как победа клонилась то в одну, то в другую сторону, удалось достичь прорыва — опять-таки ирония судьбы! — именно с помощью германских вспомогательных войск Цезаря (BG, VII, 80).

Всего лишь день спустя стоявшие снаружи войска попытались прорваться внутрь кольца окружения, в то время как Веркингеториг, со своей стороны, также попытался сделать вылазку. Каждый легионер стоял на отведенном ему посту. Несмотря на темноту особенно действенными оказались римские военные машины. Здесь особенно отличился в качестве легата сторонник Цезаря Марк Антоний. Поскольку было темно, вкопанные в землю ловушки («могильные камни», «лилии» и «стрекала») сослужили римлянам свою службу, и с наступлением дня вспомогательное войско отступило (BG, VII, 81 сл.).

В полдень следующего дня римляне оказались в очень трудном положении. Вспомогательное войско под командованием Веркассивеллауна обнаружило плохо защищенное римлянами место и предположительно с 60 000 воинов пошло в атаку на

¹ [Имеются в виду секиры ликторов, сопровождавших проконсула, управлявшие-го провинцией].

² Caesar, S. 197 (b. G. VII, 77).

стоявшие там два легиона (около 10 000 человек). Одновременно галльские войска стали штурмовать римский лагерь, а Веркингеториг снова попытался сделать вылазку. Вскоре галлы засыпали рвы и ловушки и бросились на штурм. Цезарь командовал своими войсками и, соблюдая «принцип подвижных резервов», бросал в бой то тут, то там когорты Лабиена везде, где была нужда в людях. Последующее описание битвы у Цезаря весьма искусно построено и представляет полководца и его участие в сражении в особенно ярком свете, так что кажется, будто именно благодаря его тактике битва имела для римлян победоносный исход. В то же время я бы не стал говорить, что это не так, поскольку мы знаем, что и сам полководец, и его «счастье» (*fortuna*) были окружены почти суеверным почитанием. Все — и друзья, и враги — узнавали Цезаря по (нам неизвестному) цвету его плаща. Шекспир («Юлий Цезарь», III, 2) развивает мотив этого плаща в речи Марка Антония и утверждает, что привычка носить этот плащ в бою появилась у Цезаря после сражения с нервиями (видимо, речь идет о сражении при Сабисе в 57 году).

Однако решительный перелом произвела внезапно появившаяся в тылу у кельтов римская конница. «Враги обратились в бегство. Бегущие натыкались на всадников. Произошла большая резня»¹. Вспомогательная армия в панике бежала. Многие были убиты, остальные разбежались и отправились домой. Люди Веркингеторига, которые должны были видеть разгром со стен стоявшего высоко на холме города, полностью потеряли мужество. Римляне захватили в бою 74 вражеских знамени. На следующий день Веркингеториг поставил своих соратников перед выбором: или убить его, или выдать врагу. Цезарь потребовал сдачи оружия и выдачи. Перед стеной «привели князей, выдали Веркингеторига, бросили оружие. Пошаднили эдучев и арвернов [их-то почему? — Г.Б.], чтобы посредством этого попытаться снова перетянуть общины на свою сторону»². Из остальных пленных каждому воину было роздано по одному³ в виде трофея». Плутарх (Caes. 27) рассказывает, что Веркин-

¹ Caesar, S. 202 (VII, 88).

² Caesar, S. 203 (VII, 89).

³ Можно подсчитать, что по этому случаю около 60 000 галлов были обращены в рабство (Caesar, S. 249).

геториг взял свое лучшее оружие и надел на лошадь праздничную сбрую. Описав круг вокруг Цезаря¹, он спрыгнул с коня и бросил оружие на землю. Эту деталь мы находим и у Луция Аннея Флора (III, 10), в то время как Дион Кассий (XL, 41) сообщает, что Веркингеториг неожиданно появился перед Цезарем и, не говоря ни слова, с умоляюще поднятыми руками бросился к его ногам.

Можно удивляться тому, что Веркингеториг сам не покончил с собой, однако, судя по всему, он считал, что сам приносит себя в жертву и что эта добровольная сдача должна отвлечь гибель от его племени. Его судьба была печальной: в Риме его держали в плену в течение шести лет, в 46 году провели в триумфальном шествии Цезаря как живой трофеей, а затем, согласно древним римским обычаям, задушили в самой нижней камере Мамертинской тюрьмы на Капитолии. Наполеон III, который придал памятнику Веркингеторига в Ализ-Сен-Рен свои собственные черты, с сожалением говорил о том, что Цезарь не проявил по отношению к арвернскому князю своего обычного «милосердия» (*clemence*)², а Теодор Моммзен удостоил Веркингеторига звания мужа, «чьи громкие подвиги и великодушное самоотвержение совершились в течение одного короткого лета. Древний мир не знает другого подобного человека, рыцаря как по своим внутренним качествам, так и по внешнему виду. Но не рыцарем должен быть человек, а тем более государственный деятель»³. Мне кажется невероятным, чтобы Цезарь мог простить Веркингеторига и примириться с ним. Если бы арвернский князь не сдался сам, то в лучшем случае его ожидали годы призрачного существования вечно преследуемой жертвы, находящейся в постоянном страхе быть преданной, словом, жизнь «в подполье», как позднее, возможно, случилось с «Цезарем» Юлием Сабинном, или же он просто бесследно и бесславно исчез бы со страниц истории, как вождь эбуронов Амбиориг.

Эдуи и арверны со слезами молили о прощении, которое

¹ Сегодня нам очень интересно было бы узнать, схал ли он при этом посольник или противосольник, то есть по или против часовой стрелки.

² Napoléon III, II, S. 315.

³ [Русский перевод цитируется по изданию: Моммзен Т. История Рима. Т. III: от смерти Суллы до битвы при Тапсе. СПб., 1995. С. 192].

Цезарь даровал им в обмен на большое количество заложников. Затем он распределил легионы по различным зимним квартирам, особенно бдительно наблюдая при этом за племенем белловаков. В ответ на великий призыв Веркингеторига и Коммия они прислали всего 2 000 человек, хвастливо заявив, что собираются вести войну с римлянами на свой собственный страх и риск (BG, VII, 75). Сам Цезарь до 29 декабря 52 года (BG, VIII, 2) оставался в Бибракте (BG, VII, 90) — одном из немногих не разрушенных в течение этого решающего года войны городов.

Восьмую и последнюю книгу «Записок о галльской войне» написал Авл Гирций, ближайшее доверенное лицо Цезаря и его «секретарь» или «начальник канцелярии», по настоянию своего друга. В ней рассказывается о нескольких последующих небольших войнах, которые были своего рода «повторными толчками» после землетрясений — событий при Бибракте, Атватуке, Герговии и Алезии. Однако и эти столкновения отнюдь не были безобидными стычками. От событий 52 года они отличались в основном тем, что в них участвовали только отдельные племена или более мелкие объединения. Теперь тактикой галлов стало начинать войну одновременно в нескольких отдаленных друг от друга местах: они считали, что численность римского войска не позволит охватить такое большое пространство.

Цезарь передислоцировал отдельные части своих войск, которые разместились теперь в богатой стране битуригов, где уже пробивались ростки нового восстания. Действуя быстро, Цезарь сумел опередить события и вынудил битуригов просить о мире (BG, VIII, 3). Поскольку такие походы среди зимы (январь-февраль) были особенно утомительны для легионов, он обещал каждому легионеру награду «в виде трофея» (*praedae nomine*) в размере 200 сестерциев, в то время как каждый центурион должен был получить 1 000 сестерциев. Замирные битуриги теперь попросили помощи против карнутов. Когда Цезарь подошел к сожженному за год до того Кенабу, галлы пустились бежать, однако их преследовали и выслеживали в лесах, пока, понеся большие потери, они не разбежались окончательно и не рассеялись по другим племенам (BG, VIII, 5).

Как и ожидалось, белловаки под предводительством Коррея — фанатичного врага римлян — и атребата-перебежчика Коммия

стали готовиться к войне. От пленных Цезарь узнал, что белловаки собрали вокруг себя некоторые прибрежные племена и разбили лагерь на окруженной болотом высоте, в то время как Коммий отправился просить подкреплений у германцев. Возможно, речь идет о Мон-Сен-Марк в Компьенском лесу (департамент Уаза). Снова началась позиционная война и небольшие перестрелки между союзной армией белловаков и солдатами, посланными за фуражом. При этом князь ремов Вертиск попал в руки врага. «Хотя из-за своего возраста он едва мог держаться на коне, тем не менее, по галльскому обычаю, не стал отказываться от командования, ссылаясь на возраст, и не хотел, чтобы сражались без него»¹.

Мало-помалу галлы стали опасаться такой же осады и разгрома, как при Алезии, и ночью отослали всех стариков, слабых и безоружных вместе с обозом — здесь (BG, VIII, 14) мы узнаем, что обычно галльское войско сопровождало некоторое количество повозок. Цезарь так ловко окружил их, что нечего было и думать о бегстве. Тут белловаки разработали гениальную стратегию. Образовав длинную цепь, они стали передавать из рук в руки связки соломы и хвороста и, таким образом, построили линию, которую ночью одновременно, по сигналу, подожгли. Поднялась стена огня и густого дыма, которая заслонила хитрых беглецов от римских глаз и римских кавалеристов. Однако в последующем сражении римской кавалерии и пехоте удалось нанести решительное поражение белловакам; их отважный вождь Коррей нашел свою смерть в сражении (BG, VIII, 18 сл.). Атребату Коммию удалось своевременно найти убежище у германцев — в 52 году Тит Лабием, дабы убрать его с дороги, послал к нему римское посольство, которое должно было убить его в ходе переговоров. Однако покушение не удалось: Коммий был лишь тяжело ранен и с тех пор питал отвращение ко всяким тесным контактам с римлянами (BG, VIII, 23).

Цезарь снова распределил легионы по различным областям Галлии. Сам он опять отправился в область эбуронов, «дабы разорить и превратить в пустыню страну Амбиорига, поскольку он уже не надеялся вернуть запуганного беглеца под свою власть и считал наиболее соответствующим своему достоинству

¹ Caesar, S. 212 (VIII, 12).

ву очистить его земли от жителей, строений и скота, чтобы из-за ненависти соплеменников (если только таковые остались) Амбиориг после таких бедствий никоим образом уже не мог бы вернуться в свою общину»¹.

Между тем часть пиктонов восстала против союзника римлян Дурация (он был римским гражданином и чеканил свою собственную серебряную монету)², а вождь андов Думнак осадил его в городе Лемоне (Пуатье, департамент Вьенна). Легат Гай Фабий разгромил восставших. Так погибло более 12 000 вооруженных галлов (BG, VIII, 29).

Еще за год до того сенон Драппет и кадурк Луктерий собрали войско из «пропавших людей, разбойников и рабов», чтобы напасть на Провинцию. Теперь они отошли в город Укселлодун («Высокая крепость»), оппидум в стране кадурков³, местоположение которого точно не известно (BG, VIII, 32). Город взял в осаду сначала Гай Каниний Ребил, а позже — сам Цезарь. Однако Укселлодун был так хорошо обеспечен припасами, что осада казалась просто тратой времени. К тому же обитатели оказывали чрезвычайно ожесточенное сопротивление. С помощью довольно масштабных земляных работ Цезарю удалось лишить город водоснабжения, перехватывая и отводя источники. Поскольку эта работа проводилась в подземных шахтах и осажденные не могли явственно наблюдать ее, то они восприняли иссякание источников как гнев богов и сдались (BG, VIII, 43). Теперь Цезарь хотел показать всем поучительный пример. Демонстрируя свое милосердие и в то же время не подвергаясь опасности показаться слишком жестоким по натуре, полководец сделал одно не слишком милосердное исключение: он приказал отрубить руки всем, кто носил оружие, но «подарил им жизнь, чтобы более очевидным стало наказание нечестивым»⁴.

¹ Caesar, S. 218 (VIII, 24).

² Монеты с легендой *DVRATIVLLIOS*; см. Blanchet (1905), I, S. 65, 67, 88, 117, 298 (Fig. 182).

³ По большей части предполагают, что речь здесь идет о Пюи-д'Иссоли близ Мартеля, расположенном на высоком правом берегу реки Турмант (департамент Ло); Caesar, S. 250.

⁴ Caesar, S. 227 (VIII, 44).

Нарушитель порядка Луктерий попал в руки союзника римлян арверна Эпаснакта, который выдал его Цезарю (BG, VIII, 44). Еще до этого попал в плен Драппет (BG, VIII, 36). Теперь и карнуты, в земле которых находилась священная роща друидов¹ и откуда распространилось восстание 52 года, впервые в своей истории попросили Цезаря о мире. Тот потребовал, чтобы они выдали ему их предводителя Котуата (это прочтение выглядит более вероятно, чем *gutuator* — титул некоего духовного лидера «верховных друидов»). Так и случилось: подобно Аккону, он был засечен до смерти и обезглавлен (BG, VIII, 38). Лабием свирепствовал в земле треверов, убил там достаточно много треверов и германцев, захватив при этом и отважного вождя эдуев Сура (BG, VIII, 45).

В начале зимы 51 года Цезарь распределил легионы по всей стране на зимние квартиры. Сам он остановился у Марка Антония в Неметоценне (возможно, сегодняшний Аррас в департаменте Па-де-Кале). Здесь он узнал, что Коммий вновь, помышляя о мести, бродит кругом с бандой разбойников и грабит транспорты с продовольствием. Теперь Антоний послал начальника конницы Гая Волузена Квадрата (того самого, который в 52 году уже получил задание убить Коммия, однако не смог до конца выполнить поручение начальства и, очевидно, получил за это нагоняй), чтобы тот наконец разделался с мятежным атребатом. Ненависть навела Волузена на мысль попытаться захватить Коммия живым. Римлянин стал преследовать Коммия, однако свита князя, памятуя о позорном покушении на его жизнь и о ранении своего вождя, атаковала Волузена. Началась схватка, в которой Коммий собственноручно пронзил копьем бедро своего противника, нанеся ему опасную для жизни рану. Теперь Коммий послал послов к Антонию и запросил мира. Он обещал предоставить заложников и объяснил, что готов проживать в том месте, где ему укажут, при одном лишь условии: он никогда не должен попасться на глаза ни одному римлянину. Пирций считает это своеобразное условие признаком трусости (BG, VIII, 48). Однако могло быть и наоборот: это было свидетельство неутолимой ненависти и непреодолимого разочарования.

¹ Об этом см. подробно у Zecchini (1984), S. 48ff.: предполагают, что она находилась в Сен-Бенуа-сюр-Луар, в Флери-сюр-Луар или в Суэвре (департамент Луар-и-Шер); Markale (1989), S. 28.

Один из нередких иррациональных моментов в поведении противника: Антоний без лишних слов простил того самого Коммия, который еще при Алезии был одним из главных противников Рима. Так бывший друг Цезаря и ожесточенный противник римлян вышел из игры.

«Когда Цезарь зимовал в стране белгов, у него была одна цель: сохранять мир между общинами, чтобы не было никакой возможности или повода для военных действий. Меньше всего он хотел незадолго до своего отъезда оказаться перед необходимостью вести войну, чтобы тогда, когда войско будет выведено, не оставалось никакой опасности новой войны, ведь Галлия, не имея перед собой непосредственной опасности, охотно могла бы вновь начать военные действия. Итак, с почтением обращаясь к общинам, раздавая князьям огромные подарки и не налагая никаких новых повинностей, он легко удержал в мире Галлию, измученную столькими несчастными сражениями, поскольку, когда она подчинилась, условия там стали лучше»¹.

В мировой истории появилась новая арена. Впервые средиземноморская империя расширилась на северо-запад, за пределы средиземноморского пространства. Кельтская независимость на континенте исчезла безвозвратно, а покорение Британии, по крайней мере, началось. Галлия между Рейном, Средиземноморьем и Атлантикой была, как говорил Саллюстий, подчинена полностью «за исключением непроходимых болот» (hist. I, 1). Новая богатая провинция с многочисленными возможностями развития получила название «Косматой Галлии» (*Gallia Comata*, из-за выразительных причесок галлов) в противоположность Нарбоннской Галлии (*Bracata*).

С завоеванием Галлии был почти повсеместно положен конец и самостоятельной чеканке монет — только в Британии кельтские монеты (например, монеты Кунобелина) первоначально были в обращении наряду с римскими деньгами, а в Арморике венеты чеканили крошечные бронзовые монеты, которые, видимо, были в обращении одновременно с римской валютой как разменная монета². Некоторое время и нерви

¹ Caesar, S. 230 (VIII, 49).

² Galliou — Jones (1991), S. 76.

сохраняли свою собственную чеканку¹. С финансовой точки зрения завоевание оправдало себя: ежегодно налоги приносили 40 миллионов сестерциев². Галлия была одной из богатейших провинций Империи.

Цезарь также не ушел с пустыми руками: если верить Светонию, основным мотивом для всего этого предприятия были честолюбие и жадность (Iul. 54). Удовлетворив последнюю, Цезарь начал из своей собственной доли добычи строить новый форум, один фундамент которого, как говорили, стоил более 100 миллионов сестерциев (Iul. 26). Уже к концу войны жалование легионеров удвоилось (теперь уже постоянно) и по крайней мере один раз каждый воин получил из добычи одного раба (BG, VII, 89)³.

Рим считал своей всемирно-исторической задачей умиротворение и покорение человечества. Понятие о «римском мире» (*pax Romana*) было чем-то очень патетическим. Завершилось вечное соперничество за право взимать таможенные сборы между эдуями и секванами, поскольку теперь все были под властью Рима (Strabon IV, 3, 2; 4, 2). Так Марк Антоний в своей речи над телом убитого Цезаря мог сказать: «Галлия... процветает почти так же, как сама Италия; корабли идут уже не только к Роне и Соне, но и к Маасу, Луаре и самому Рейну и Океану. Места, в существование которых мы не верили, даже если слышали их названия, теперь подчинены нам...»⁴.

Охота за головами теперь была запрещена, как и гадание о будущем по предсмертным судорогам принесенного в жертву человека (Strabon IV, 4, 5). Межплеменные войны и столкновения остались далеко позади. Страбон говорит, что аллоброги некогда ходили на войну с многотысячным войском, а теперь они обрабатывают поля на равнинах и в альпийских долинах.

¹ Alfen (1980), S. 80.

² То есть в 400 000 раз больше того, что Цезарь дал одному отдельно взятому легионеру в качестве премии за победу, или в десять раз больше того, что Цезарь выплатил в виде премии своим приблизительно 40 000 легионерам. Для столь большой и богатой страны, как «Большая Галлия» (с Бельгией и Аквитанией), сумма вполне допустимая.

³ О финансовой стороне этой охоты за рабами см., например, Will (1992), S. 102f.

⁴ Cass. Dio XLIV, 42 = GLQFM III, S. 286ff.

Теперь они стали жить селами (а не на хуторах отдельными родами и кланами), а самые знатные — даже в настоящем городе, Виенне (Вьенн), который застроили и превратили в богатую метрополию (Strabon IV, 1, 11). О каварах и вольках он говорит, что они уже не варвары, а по своему языку и образу жизни стали настоящими римлянами (Strabon IV, 1, 12, 14)¹. Многие племена, такие как вольки в окрестностях Тулузы и Нима и воконтии между Приморскими Альпами и Роной, сохранили или получили определенную автономию (Strabon IV, 6, 4). В общем и целом при рах Romana все унифицировалось, что, конечно, принесло самим галлам не только вред. «Римский образ жизни» вступил в свои права. После завоевания римская колонизация основывалась не только на одной грубой силе, но прежде всего и на нацеленной на местную знать стратегии убеждения в превосходстве римской цивилизации.

Во всех римских провинциях (будь то Галлия, Испания или Британия) возникновение административного деления (в основном по старым регионам расселения племен, *gentes*), урбанизация, исходящая от военных лагерей, поселений ветеранов, кельтских опидумов и «дунов» (*dunum*), наряду с социальной стратификацией в городском самоуправлении и образовании высшего слоя, представители которого могли занимать различные должности, а также римское проникновение в религиозную жизнь посредством *interpretatio Romana* и культа императора — стали ключевыми факторами в первичном процессе приобщения кельтов к античной цивилизации². Землю измерили и разделили на податные единицы согласно римским нормам. Галльские дороги были укреплены, а зачастую и покрыты мостовыми. Быстро развивались торговля и транспорт, и культурная жизнь также приобретала римско-средиземноморский облик. Об этом свидетельствуют не только появившиеся повсюду бани и термы, но также и более ста театров, построенных в Галлии³. Сконцентрировавшимся в городах населением было легче управлять. Страбон ярко очерчивает отношения города и деревни, когда говорит о кельтиберах то, что в принципе было верно для всех

¹ Ср. Dirkzwager (1975), S. 87.

² Ср. Galsterer (1979), S. 456ff.

³ Thevenot (1948), S. 18.

римских провинций: «жители сельских мест отличаются дикостью (*ágríoi*)... и даже сами города не в состоянии легко привить своим жителям цивилизацию в случае, если обитатели лесов там преобладают численно во вред своим соседям» (III, 4, 13).

Члены галльских аристократических семей, как правило, сохраняли свой особый статус. Из них впоследствии выходили участники общегалльского собрания в Лугдуне, а также сенат (*senatus*) и всадническое сословие (*ordo*) племени. То, что кельтские понятия о стоимости сохранились с употреблением римских предметов роскоши и оружия (*gladius*) и в эпоху римских провинций, показывает инвентарь треверских всаднических могил А и В раннеавгустовской эпохи из Гёбланге-Носпельта (Люксембург), которые, видимо, относились к расположенному неподалеку оппиду на Тительберге (Тётельбирг близ Петанге в Люксембурге)¹. Здесь с началом римского владычества не наблюдается никакого экономического спада, даже наоборот — заметен расцвет. То, что жители сумели поладить с господствующей властью, очевидно хотя бы из того, что теперь там чеканились монеты с изображением Авла Гирция. Мастерские на территории треверов приспособлялись к средиземноморским художественным вкусам и даже изготавливали пользовавшуюся спросом *terra sigillata*². Высокую способность треверской знати к аккультурации особенно ясно показывает погребальный инвентарь так называемой «дамы из Гёбланге-Носпельта». Здесь были не только импортные итальянские изделия из керамики и металла, но и амфора с рыбным соусом из Бетики³, который, судя по всему, был у треверов в таком же почете, как у нас лет пятьдесят назад ворчестерширский соус и кетчуп.

В общем, покоренные галлы стали римскими подданными — со всеми выгодами и невыгодами, которые давало строго управлявшееся, четко организованное бюрократическое государство, сохранив при этом свою свободу (насколько она у них была), свое имущество и, естественно, как члены римского правового

¹ J. Metzler, in: *The Celts* (1991), S. 520f.

² Metzler (1995), S. 45 | *Terra sigillata* — общепринятое название украшенной орнаментом посуды из красной глины, изготавливавшейся в Римской Империи и особенно популярной в период с 50 г. до н.э. — до 50 г.н.э. Место изготовления этой керамики обычно бывает легко определить по штампу мастерской).

³ Metzler-Zens et al. (1995), S. 52.

го сообщества право на защиту частной собственности. Многие, кроме того, получили и римское гражданство. Уже Цезарь набрал легион в Заальпийской Галлии, и из-за султанов на племах легионеров этот легион прозвали галльским словом *alauda* — «жаворонок». Легионеры получили римское образование и, поскольку во время Гражданской войны они в высшей степени засвидетельствовали свою боеспособность, Цезарь даровал всем им римское гражданство (Sueton. Iul. 24). Наиболее выдающиеся бойцы, награжденные Цезарем, могли даже принять родовое имя Цезаря, и так появилась новая аристократия провинциальных Юлиев. В таких названиях мест, как Юлих (< *Iuliacum*), эти фамилии сохранились до сих пор. Жителям некоторых городов, которые были основаны для расселения ветеранов, с самого начала даровали римское гражданство¹, как, например, в Арелате (Арль)², или *Colonia Iulia Equestris* (Нион на Женевском озере), или *Colonia Raurica* (позднее Августа Раураков, сегодня Кайзераугст близ Базеля). В то же время были и такие города, как Немаус (Ним)³, который обладал *ius Latii* — «латинским правом» (Strabon IV, 1, 12), которое давало нечто большее, чем обычные права покоренных городов, но не было полностью сопоставимо с правом римского гражданства, причем правом гражданства награждались только члены городского самоуправления. Уже и в самом римском сенате, как говорят, слышался галльский язык, а Цезаря упрекали в том, что он даже пригласил сенаторов из новой провинции, и сочиняли издевательски-лаконичные стихи: *Galli bracas deposuerunt, latum clavum sumpserunt* — «галлы отложили штаны и надели [как знак senatorского достоинства — Г.Б.] пурпурные полосы» (Sueton. Iul. 80).

Жизнь в провинциях после Цезаря и дальнейшая судьба континентальных кельтских языков

Теперь посмотрим на области Галлии, ставшие благодаря Цезарю частью римского государства. В этом обзоре мы будем основываться на новом административном делении, установ-

¹ Ср. Kornemann в RE IV, Sp. 528ff.

² Rivet (1988), S. 190ff.

³ Rivet (1988), S. 162ff.

ленном Августом после его многолетнего (39/38 и 27–25 гг. до н.э.) пребывания в Галлии. Итак, образовались¹:

Нарбоннская Галлия. Она простиралась от Приморских Альп на Востоке до Женевского озера на севере. На Роне самой северной ее точкой был Лион; на севере граница провинции проходила по главному хребту Севенн и у впадения Тарна в Гаронну поворачивала на юг, доходя до Пиренеев. На юго-востоке Нарбоннская Галлия граничила с Марсельским заливом. Столицей, административным и религиозным центром этой провинции был Немаус (Ним)². К западу от этой провинции находилась

Аквитания. Она в общем и целом охватывала территорию сегодняшней Оверни, *Aquitania prima* и *Aquitania secunda* — область Пуату и Приморской Шаранты. Южная часть Аквитании (к югу от Гаронны), начиная с Диоклетиана, получила название *Regio novem populana*. Столицей Аквитании была *Бурдигала* (Бордо). К северу от Аквитании находилась

Лугдунская Галлия. Ее восточной границей служило верхнее течение Роны, столицей был Луг(у)дун (Лион). Южная граница проходила к югу от Луары, следуя параллельно течению реки. На западе Лугдунская Галлия доходила до моря, охватывая Бретань, Нормандию и устье Сены. Впоследствии эта огромная провинция была разделена на четыре административных округа, из которых первый включал область к северу от Лиона, второй — область устья Сены, третий — Прованс и его окрестности и четвертый — Иль-де-Франс с Лютецией (Париж). К северу от Лугдунской Галлии находилась

Бельгийская Галлия (или просто *Бельгика*). На северо-востоке она соприкасалась с морем между Соммой и устьем Шельды и в основном охватывала сегодняшнюю Фландрию и Брабант. На юге ее границей было течение Марны, а на востоке она включала сегодняшний Саарланд и верхнее течение Мозеля до самой Августы Треверов (Трира). Столицей провинции и резиденцией ее наместника был город ремов Дурокортор (Реймс).

Аквитанию, Лугдунскую Галлию и Бельгику вместе называли «Три Галлии» (*Tres Galliae*) или «Косматая Галлия» (*Gallia comata*).

К северу от Женевского озера, начиная примерно с террито-

¹ Ср. карту в Collis (1984), S. 29. Краткий обзор, созданный почти что современником, можно найти у Аммиана Марцеллина (XV, 11).

² Rivet (1988), S. 162ff.

рии сегодняшних Швейцарии и Бургундии, простирались германские провинции (*Germaniae*), отделенные от Бельгии при Домициане. На юге по обеим сторонам Рейна находилась Верхняя Германия (*Germania Superior*). Все участвовавшие нападения германцев (прежде всего нашествия хаттов в 50, 69 и затем в 88/89 и 96 годах) вынудили императора Домициана построить новую пограничную стену с палисадом и цепью пограничных башен (*limes*) между римским экономическим регионом и «Свободной Германией», что привело к расцвету крупных гарнизонных городов наподобие Ниды (Хеддернхайм близ Франкфурта) или Висбадена. При Адриане (117–138) лимес (система пограничных укреплений в Римской империи. — Н. Ч.) был подновлен и доведен до северной границы Реции, до самого Дуная, с которым он соприкасался у Хинхайма (примерно в 12 километрах вверх по течению от Кельхайма). С этого места границей был сам Дунай. В 213 году Каракалла дополнительно обезопасил лимес в Реции, соорудив там каменную стену (так называемая «чертова стена») длиной 166 километров, а на верхнегерманском секторе был построен окоп с частоколом шириной 6 метров. Часть Верхней Германии между Рейном, Майном и Некаром, которую с севера защищал лимес, называлась «Декуматскими полями» (*decumates agri*). Эта область была своего рода собственностью легионеров, которые владели здесь лагерными деревнями (*vici*), но не имели городов. Только Ары Флавиевы (*Arae Flaviae*, Роттваиль) обладали правом муниципия. Землю обрабатывали кельтские арендаторы, которые, как говорят, поселились здесь на так называемой «гельветской пустоши» (*deserta Helvetiorum*) после отступления севов¹. После ухода римской армии в эпоху Великого переселения народов на этой территории появились раннесредневековые деревни.

К северу от Бельгии находилась Нижняя Германия, которая по левую сторону Рейна прилегал к Верхней. Границу с Верхней Германией образовывала речушка с древним, докельтским названием Обринка, теперь Винкстбах (название происходит от латинского *finis* «границы»), которая впадает в Рейн в 10 километрах вверх по течению от Андернаха. Самым северным из крупных городов Верхней Германии на Рейне был (*ad*)

¹ Об этом см. Tomaschitz (1994). S. 229f.

Confluentes (Кобленц)¹. Нижняя Германия тянулась по левому берегу Рейна до самого устья реки, ее южную границу с Бельгийской образывали Арденны или Арденнский лес.

На юге от Бельгии и к востоку от Женевского озера были образованы четыре альпийские провинции, которые тянулись на юг полосой шириной примерно в 100 км, доходя до Тирренского моря близ *Trophaeum Augusti* (Ля-Турби над Монте-Карло)². Это были (с севера на юг) Пенинские, Грайские, Коттиевы и Приморские Альпы. Последняя из этих провинций — Коттиевы Альпы — возникла только в 69 году н.э. Король *Комтий* и после завоевания Галлии продолжал в одиночку оказывать сопротивление в непроходимой горной стране, однако затем примирился с Августом и в знак своей лояльности решил усовершенствовать подъезд к альпийским перевалам, построив новый, более короткий путь сообщения (Амм. XV, 10, 2). Эти провинции были, как подчеркивает Аммиан Марцеллин (XV, 10), важны именно благодаря альпийским перевалам (Малому и Большому Сен-Бернару, Шплюгену, Септимеру и Юлиеру). Из их кельтского населения некогда, видимо, набирались гезаты. Можно считать, что в этих горных альпийских долинах галльский язык существовал дольше, чем в более доступных районах Галлии.

К востоку от этих провинций после победы Друза и Тиберия — зятьев императора Августа — летом 15 г. до н.э. появилась провинция *Реция*, которая была названа так по ее некельтскому населению. Страбон причисляет к ретам также *каммунов* (над Лагод'Изео) и *леонтиев*, которые (как нам теперь, кажется, известно) говорили на кельтском языке, в области Тессина и в уже упоминавшихся альпийских провинциях. Реция охватывала центральную альпийскую область Швейцарии, а также значительную часть Швабии и Верхней Баварии (Винделикия). Река Инн была ее границей на востоке. Среди *винделиков* выделялись *клаутенати* и *ликаты* (возможно, «живущие близ Леха») со своей (пока не идентифицированной) столицей *Дамасией*, а также *бригантии* с их главными населенными пунктами

¹ [Латинское название означает «У слияния (рек)»].

² Надпись, процитированная Плинием (N.H. III, 136), перечисляет 46 частично кельтских, частично докельтских названий покоренных Августом альпийских народов.

Бригантием (Брегенц) и *Камбодуном* (Кемптен). Столицей Рецины была *Августа Винделиков* (Аугсбург).

На востоке, по ту сторону Инна, начиналась образованная Клавдием провинция *Норик*. У нориков (этим именем называли все народы, обитавшие в восточной части Альп до Адриатики) выделялось племенное подразделение *карнов*, чье имя сохранилось в названии «Карнийские Альпы». Важнейшими городами карнов были Аквилея и Тергесте (Триест), в округе которых лежали их поселения (Strabon, IV, 6, 9). Однако формально оба эти города находились вне пределов Норика. Норик охватывал также территорию сегодняшней Австрии, за исключением Тироля и Форарльберга, занимая при этом часть Словении и западной Венгрии до *Пелсо* (Балатон/Платтензее). Важными городами там были *Савария* (Сомбатели/Штайнамангер), *Скарбантия* (Шопронь/Оденбург) и столица Норика *Вирун* (близ Магдаленсберга).

В начале I века самая восточная часть Норика была присоединена к вновь образованной в 8 году н.э. провинции Паннония, которая, в свою очередь, делилась на административные области Верхняя Паннония (*Pannonia superior*) и Нижняя Паннония. Здесь, в долине Дуная, вокруг Вены до Карнунта и Пресбурга и на юг — до Балатона, поселились *бойи* (то есть то, что от них осталось после нашествия даков). Эта область носила характерное название «пустыня бойев». Далее на восток обитали *арависки* (или *эрависки*) с явственно кельтскими именами (такими, как Брогимар, Адие тумар; CIL III 4580; 10867), а к югу — племена, которые еще в античности считались кельтизированными иллирийцами (Strabon IV, 6, 10), среди которых были часто упоминавшиеся *яподы* или *япиды* с совершенно некельтским названием горы — *Окра* (речь идет о Бирнбаумском лесе между Лайбахом и Триестом — словенское *Hrušica*)¹; далее к востоку — тавриски, и еще восточнее, уже на границе провинции Мезия и по соседству с огромным народом фракийцев (к которому также относились даки и геты) — могущественные скордиски. В 6 году н.э. в Паннонии дело дошло до грандиозного восстания, которое перекинулось и на Далматию, однако было подавлено Тиберием в 8 году. Согласно Веллею Патеркулу, который сам будучи офицером принимал участие в подавлении

¹ AcS II, Sp. 829.

бунта, общее количество восставших доходило до 800 000 человек. Вожди носили отнюдь не кельтские имена — Батон и Пиннес, и принадлежность к кельтам, видимо, не играла в восстании никакой роли. Интересно, однако, замечание Веллея, что в его время уже вся Паннония понимала латинский и многие жители умели читать и писать (II, 110). Очень может быть, что кельтский язык, который в Паннонии был явлением сравнительно недавним, именно поэтому быстрее, чем в других областях, уступил место латыни. Мы уже говорили, что наличие кельтских имен в надписях не столь уж показательно. По словам Диона Кассия (XLIX, 36), Паннония была одной из беднейших земель и ее жалкие и убогие обитатели жили лишь на ячмене и просе. Дион, который был правителем этой провинции, утверждает, что паннонцы — презирающие смерть, кровавые люди именно потому, что им нечего терять.

Вне этого пространства, в провинциях Далматия, Верхняя и Нижняя Мезия, Фракия и, естественно, в малоазийской провинции Галатия, обитали более или менее изолированные небольшие кельтские общины. Далее их историей, о которой практически ничего не известно, кроме личных имен (если, конечно, не считать галатов), мы заниматься не будем. То, что эти области были кельтскими, можно предполагать только по кельтским личным именам, что при небольшом числе этих имен — таких, как Бригомар, Венимар (оба в *CIL*, III, 13975), Лигомар (*CIL*, III, 14632) — является лишь косвенным доказательством.

На юге к Нарбоннской Галлии и Аквитании примыкала Испания с ее провинциями — Тарраконской Испанией, Лузитанией (на территории сегодняшней Португалии) и сенатской провинцией Бетика. Британия (без Шотландии) образовывала провинцию Британния.

Британния

Из области белгов римляне продвинулись до самой Британии, и в результате завоеваний Цезаря на пятом году галльской войны (54 год до н.э.) после военного противостояния с королем катувеллаунов Кассивеллауном племена белгов на юге Британии формально стали союзниками Рима, которые должны были

постоянно платить ему дань. Однако до подчинения острова было еще далеко, и поэтому Тацит мог сказать, что божественный Цезарь показал подход к стране, однако не овладел ей (Agr. 13).

Страбон разъяснял, что британская политика Рима в эпоху Августа, когда римляне даже отказались от взимания дани¹, имела экономико-политическую основу: британцы так легко согласились на высокие экспортные и импортные пошлины, наложенные Римом, что римляне предпочли удовлетворяться налогами, полученными от этих пошлин, чем располагать на острове гарнизон, что могло только привести к беспорядкам при взимании дани. Среди основных статей римского импорта Страбон называет цепи и ожерелья из слоновой кости, лигурийские геммы из янтаря, стеклянные сосуды и тому подобные предметы роскоши (Strabon, IV, 5, 3). О наличии импортных товаров свидетельствуют и археологические находки: амфоры для вина вместе с содержимым, рыбный соус (гарум), растительное масло, бронзовые кастрюльки и сита (для приготовления вина с пряностями), серебряные кубки и высококачественная керамика (*terra sigillata*). Из Британии вывозили зерно, скот, золото, серебро, железо, шкуры, рабов и боевых собак (Strabon, IX, 5, 2)². Основным перевалочным пунктом для этих товаров были устье Темзы и Лондиний, которые уже обошли старую гавань в Хенгистбюри-хед (близ Борнемута), возможно, в результате дружественных отношений Рима с обитавшим на территории Кента племенем триновантов. Не следует забывать и о том, что в то время в Форест-оф-Дин³ и суссекском Вилде⁴ уже существовала процветающая черная металлургия, которая имела большое значение и при римских императорах⁵.

¹ У Гальфрида Монмутского в его «Истории Британии» (середина XII в.) мы находим интересное утверждение: король Купобелни якобы платил дань добровольно, хотя и мог бы отказать в этом Риму (IV, 11).

² Ср. Cunliffe (1991b), S. 579.

³ [Форест-оф-Дин – лес на западе Англии в современном графстве Глостер между реками Северн и Уай].

⁴ [Вилд (Weald) – обширный лес на юго-востоке Англии, который некогда занимал значительные части территории графств Кент, Суррей, Восточный и Западный Сассекс].

⁵ Reiner (1995), S. 188. См. также доклад Р. Плейнера «Железо и границы», прочитанный на Международном симпозиуме по добыче и обработке металла вагичности (в основном железа) в Цветле 4–7 декабря 1995 года (пока не опубликован).

На реверсе золотых монет короля атребатов Верики, относящихся к эпохе императора Тиберия (14–37), показан виноградный лист – своего рода «предварительная заявка» на готовность приспособиться к римскому образу жизни¹. На кладбище эйлсфордской культуры в Лексдене близ Колчестера (Эссекс) в большом кургане рядом с останками умершего был обнаружен железный складной стульчик, железная броня, подставка для статуи, бронзовый купидон и – возможно, как символ власти – медальон с изображением императора Августа. Очевидно, перед нами могила какого-то весьма преданного римлянам князя². Сначала римляне не столь открыто подавляли политическую независимость бриттов; однако в диктовавших моду кругах знати уже начал пробивать себе дорогу «римский образ жизни», и старинные порядки оказались под угрозой.

Политическая история Британии в период между Цезарем и Клавдием определялась борьбой за первенство между *атребатами* (обитавшими вокруг Силчестера к западу от Лондона) и *катувеллаунами* (в Хартфордшире и Кембриджшире). Король катувеллаунов *Кунобелин*, сын *Таскиована* (царствовал между 10 и около 40 г. н.э.) был другом римлян и чрезвычайно ловким дипломатом; память о нем продолжала жить – от «Истории» Гальфрида Монмутского (IV, 11 сл.) до пьесы Шекспира «Цимбелин»³. При нем образовалось единое катувеллаунское королевство, где чеканились великолепные монеты⁴; оно, однако, не пережило кончины своего основателя (40 н.э.). После присоединения триновантов в Эссексе владения Кунобелина простирались от центральных графств Англии (Нортгемптоншир) до восточного берега. Столицей королевства был Камуллун (Колчестер).

Спланированное еще Августом и Калигулой военное завое-

¹ Stead (1991b), S. 594, 593 (илл.).

² Cunliffe (1991d), S. 138; Stead (1991b), S. 593.

³ В «Цимбелине» Шекспир даже не пытается сообразоваться с исторической правдой. Это – сказка-новелла, в которой кельтский элемент не играет никакой роли, и римляне фигурируют здесь лишь постольку поскольку пленение ими Цимбелина в конце ускоряет развязку запутанного сюжета.

⁴ Allen (1978), S. 70, илл. 98–100. Монетные легенды см. в AcS I, Sp. 1194f; об экономических условиях см. в Collis (1984), S. 155ff.

вание¹ южной Англии осуществилось между 43 и 47 годами при императоре Клавдии (откуда прозвище *Британник*)², после чего Авл Плавций с четырьмя легионами подчинил мелких властителей. По приказу Клавдия на Марсовом поле в Риме было разыграно помпезное театрализованное «Покорение королей Британии», в котором участвовал сам Клавдий в плаще полководца (Suet. Claud. 21).

Высказывались предположения, что захват Мейден-касла близ Дорчестера в Дорсете — столицы дуротригов («королей крепости»?) — и наиболее внушительного «дуна» (*dunum*) Британии был связан именно с этой военной кампанией. Возможно, этот город уже был племенным центром белгских поселенцев, а может быть, и наоборот — укреплением, построенным как раз против них местными племенами-старожилами, которые собрали здесь громадный запас камней для метания. Как бы то ни было, захват его был настолько быстрым и внезапным, что около 38 000 камней даже не успели пойти в дело. Несмотря на все это, павшие были должным образом (хотя и не очень богато) похоронены³. Широко известна одна из находок: защитник крепости, видимо, получил ранение в позвоночник сзади (во время бегства?); когда скелет обнаружили, в нем все еще находился застрявший наконечник стрелы⁴. Уцелевших жителей Мейден-касла переселили в Дурноварию (Дорчестер)⁵.

После покорения племен юга Англии возникла провинция

¹ См. военные детали со всеми визуальными аспектами «практической археологии» в увлекательной, захватывающе написанной книге Peddie (1987). Естественно, о романизации Британии существует литература, обозреть которую практически невозможно. Здесь я называю только: Webster — Dudley (1965) и очень интересную как с культурной, так и экономической точки зрения книгу Salway (1984).

² [Полученное сыном Клавдия].

³ Иллюстрацию, где показано это кладбище со вскрытыми могилами, см. в Peddie (1987), S. 150, илл. 57; Cunliffe (1991d), S. 509.

⁴ Berg — Rolle — Seemann (1981), S. 18, Abb. 10; Peddie (1987), S. 149, Abb. 56.

⁵ См., например, N. Sharples, Maiden Castle, Dorset, Britain, in: The Celts (1991), S. 607. Alcock (1972), S. 170ff., однако, считает, что Мэйденкасл был разрушен в 70-х годах, при Веспасиане [Речь, скорее всего, идет о том, что будущий император Веспасиан (если верить его биографу Светонию) принимал участие в завоевании Британии Клавдием в качестве одного из старших офицеров, причём взял штурмом несколько десятков оплудумов].

Британния, первым правителем которой стал сам победоносный Плавций (Cass. Dio LX, 21). Знать вступила в соглашение с римлянами и зачастую аристократам удавалось добиться небывалого благополучия, как показывают величественные погребальные курганы в Бартлоу (Восточная Англия); они, очевидно, продолжают старинную традицию¹. Однако завоевание все еще продолжается и в последующие десятилетия, прежде всего на западе и востоке. После утомительного покорения племени *силуров* в Южном Уэльсе наместник Светоний Паулин смог в 61 году усмирить оседлое племя *ордовиков* («воинов с молотами») на севере Уэльса. При сражении у пролива Менай, которое впечатляющим образом описал Тацит (ann. XIV, 30; ср. Agr. XIV), проявилось то большое значение, которое имели женщины-воительницы и друиды. С разгромом ордовиков сопоставляют завершение жертвенных приношений в озере Лин Керриг Бах. В дальнейшем римляне обосновались также и в Уэльсе к западу от линии между большим гарнизонным городом Дева (Честер) и Вентой Силуров (Каэрвент в графстве Монмутшир)².

Римляне следовали определенной стратегии: вначале они оставляли в покое небольшие королевства, пока были живы их короли, подчинив их, правда, бриттскому королю Когидубну, который действовал как римский легат. Самостоятельная монетная чеканка королевств, вступивших в союз с римлянами, сначала была демонстративно оставлена в неприкосновенности. Во всех внутрикельтских разногласиях римляне стали важным и стратегически выгодным центром силы, как показывает пример княгини Картимандуи, которую Клавдий поставил королевой племени бригантов (Tac. Ann. 12, 36ff.). В 51 году она выдала римлянам Каратака, предводителя мятежного племени силуров в юго-восточном Уэльсе. Римляне были ей благодарны, и это позволило бригантам расширить свои границы.

¹ Chadwick (1963), S. 36f., Abb. 1; Salway (1984), S. 605, 700.

² Ср. карту у Nash-Williams (1954) и точное описание отдельных лагерей (около 30). Карта показывает, что в большинстве случаев лагеря сосредоточивались там, где в эпоху железного века было наибольшее скопление хиллфортов; однако есть и некоторые места, прежде всего Пемброкшир и Ллейн, которые, несмотря на большое количество хиллфортов, римская стратегия обошла стороной.

И когда собственный супруг Картимандуи Венутий поднялся против римлян, она также встала на их сторону. Затем она заключила новый брак с Веллокатом, одним из дружинников ее мужа. В 69 году Венутий снова восстал против Картимандуи и римлян, и на сей раз за ним последовало практически все племя бригантов. Тогда римляне осознали, что на Картимандую больше нельзя полагаться, и после того как восстание было подавлено, вынудили ее отречься от престола.

Как только со смертью короля (*regulus*) племя оставалось без владыки, оно включалось в римскую провинцию. В 61 году н.э. оказалось, что такая тактика не всегда срабатывала успешно. После кончины короля Прасутага, короля племени икенов, обитавшего в Норфолке и Суффолке (чтобы обеспечить благоволение римлян к своей семье, он назначил императора одним из наследников), его воинственная супруга Боудикка не захотела оставаться под римским ярмом — оскорбление, нанесенное ее дочерям, переполнило чашу терпения королевы. Так она стала предводительницей знаменитого восстания; до сего дня «королева Боадичея» остается самой славной бритт(ан)-ской героиней. Описания этих событий у Тацита (*Agr.* 15f.; *Ann.* 14, 31ff.) и Диона Кассия (*LXII*, 2ff.) дают нам важные культурно-исторические сведения и показывают кельтскую женщину прежде всего в роли воительницы. К столь опасному для римлян восстанию присоединились и другие племена, например, обитавшие в Эссексе тринованты. Крупные города, такие, как ставший икенским Камулодун (Колчестер), катувеллаунский Веруламий (Сент-Олбанс) и Лондиний, один из крупнейших городов племени кантиев, уже были захвачены Боудиккой; ею был разбит римский легат Петилий Цериал. Только тогда поспешившему на помощь с Англии Светонию Пауллину удалось подавить мятеж.

Позднее, в эпоху Флавиев, римские легаты, как, например, Секст Юлий Фронтин и в особенности Гней Юлий Агрикола, наместник провинции Британния в 78—85 годах и позднее тесть историка Тацита, старались расширить провинцию на север, подчинив северобританское племя бригантов (к северу от Хамбера) и обеспечить безопасность северных границ. В 80 году Агриколе удалось дойти до устьев Клайда и Форты в область племен вотатинов и селговиев. Возникли такие стратегически

важные римские форты, как Далсуинтон и Ньюстед. От Эра Агрикола уже ясно видел берега северной Ирландии и серьезно подумывал о переправе туда. Поскольку по тогдашним географическим представлениям считалось, что «Гиберния» находится примерно в середине между Британией и Испанией, остров мог стать идеальной базой для флота на «Галльском море». Были известны «почва, погода, нрав и образ жизни ее обитателей», которые «мало чем отличаются от знакомым нам по Британии; подходы к Гибернии и ее порты известны благодаря торговле и купцам». Далее Тацит пишет: «Агрикола приютил у себя одного из правивших ее народом царьков, который был изгнан на чужбину внутренним переворотом, и под предлогом дружеского участия на всякий случай держал его при себе. Я не раз слышал от самого Агриколы, что силами одного легиона с приданным ему относительно небольшим количеством вспомогательных войск можно овладеть Гибернией и укрепиться на ней...»¹.

Хотя завоевание Ирландии и могло бы дать стратегические преимущества в Британии, Агрикола отказался от этой мысли и отложил проект на потом (Тас. Агр. 24). Однако, скорее всего, он так и не был осуществлен². В последующее время римлянам и так пришлось немало потрудиться, подавляя восстания бриттов и пиктов и отражая нападения скоттов в Шотландии. При всем при этом Агрикола отдал приказ об осуществлении первого плавания вокруг Британии (ср. Cass. Dio LXVI, 20).

Хотя Ирландия так и не стала римской провинцией, не следует считать, что она осталась в стороне от охватывавшей почти весь мир римской торговли. Конечно, многие римские предметы могли попасть в Ирландию в составе коллекций любителей старины уже в новое время. Однако есть и достаточно материала несомненно римской эпохи, особенно в районе Дублина и на побережье графства Антрим. Речь идет о черепках керамики, о встречавшихся повсеместно сосудах для приготовления вина с пряностями, о ценных предметах, принадлежавших варварским офицерам на римской службе, а также предметах культовых³. Особенно интересен штамп окулиста

¹ [Цитата приводится в переводе А.С. Бобовича].

² Мы говорим «скорее всего» потому, что слова Ювенала (II, 160) позволяют прийти к выводу о краткосрочном военном вторжении в Ирландию, которую тот называет «Юверния» (Iuverna).

³ Salway (1984), S. 689.

Марка Тутиана с рецептом мази. Такие «штампы окулистов» находят часто — прежде всего в Британии. Конечно, нельзя решить, указывает ли наличие этого предмета на то, что глазной врач со вполне кельтским именем (возможно, обучавшийся в Британии ирландец?) держал свою практику в Голдене (графство Типперери), или он был армейским глазным врачом, который сопровождал в Ирландию римский экспедиционный корпус¹.

С юга Агрикола наступал в горы Пертшира, где разбил свой зимний лагерь в Инчтутхилле (между Данкелдом и Пертом); позднее он был застроен и стал важнейшим опорным пунктом армии в этом регионе². В 82 году Агрикола пересек Стратмор, направляясь на север. Дальнейшие события нам неизвестны. Судя по всему, в следующем году полководец продвинулся до Мориферта (близ Инвернесса); в любом случае, он достиг долины Спея, который впадает в море примерно в 10 километрах к востоку от Элгина³. В конце лета 83 года или в начале 84-го он получил известие о том, что под предводительством славившегося своей отвагой и знатностью Калгака (первый известный нам по имени «шотландец»!) возле «горы Граупий» (*Mons Graupius*) собралась большая группа каледонских воинов — примерно 30 000 (Тас. Агр. 29ff.)⁴. Точное местоположение «горы» до сих пор является спорным. Предполагалось, что речь идет о Райдиксе близ Стоунхевена (к югу от Абердина)⁵ или об окрестностях Инверури (к северо-западу от Абердина) с господствующей вершиной Беннахи⁶. После долгих речей (Тацит вложил в уста красноречивого кельта отчаяние человека, сражающегося за последнее, что у него осталось, — жизнь) последовало столкновение. Хорошо организованные римские войска — основную часть войска, пехоту, окружала кавалерия — столкнулись с боевыми колесницами

¹ Raftery (1994), S. 214ff.

² Keppie (1990), S. 11.

³ Предполагают, что самым северным местом расположения римского лагеря является Белли при устье Спея в Спея-бэй; Keppie (1990), Abb.89.

⁴ В издании «Агриколы» 1470 года название горы было напечатано как «Грамний» (*Grampius*). Поэтому восточная часть шотландских гор до сих пор вполне официально именуется «Грампианскими горами»; появилось даже «Грампианское телевидение»! И все в результате одной опечатки! Ср. Keppie (1990), S. 11.

⁵ Dillon — Chadwick (1967), S. 28.

⁶ Ritchie — Ritchie (1981), S. 124; Keppie (1990), S. 11.

бриттов. Несмотря на неудобство местности, римская стратегия одержала победу над героизмом варваров; не потребовалось даже вводить в сражение остававшихся в резерве легионеров. На 360 погибших римлян пришлось 10 000 убитых каледонцев. Тацит трогательно описывает отчаяние побежденных — одни предавали пламени свои дома, другие убивали собственных жен и детей (Agr. 38).

После победы при горе Граупий император Домициан отозвал Агриколу обратно в Рим. Его преемник, имя которого нам неизвестно, продолжал строить укрепления и дороги в области, завоеванной Агриколой. Однако вскоре последовал кризис. Беспорядки на Дунае и война Домициана в Дакнии требовали большой концентрации войск на востоке. В 87 году лагерь в Инчтутхилле был оставлен; римляне были вынуждены отступить в область Чевинот-Хилс, которая теперь является границей между Нортумберлендом и Шотландией. В тот момент, перед тем как оставить лагерь, легионеры спрятали пять тонн железных гвоздей, которые никак не должны были попасть в руки наступавшему врагу. Очевидно, римляне планировали вернуться в Инчтутхилл в самое ближайшее время¹.

В 117 и 118 годах дело дошло до мятежей, которые вынудили императора Адриана в 122 году самолично посетить Британию. По его приказу была проведена северная граница: от Чевинот-Хилс она немного отодвинулась на юг и, по образцу лимеса в областях Рейна и Дуная, между Карлайлом и Ньюкаслем была построена знаменитая стена длиной 120 километров, защищенная сигнальными башенками, укреплениями и шестнадцатью большими лагерями. К 127 году на севере поднялся (а кое-где и до сих пор стоит!) величественный Адрианов вал из укрепленного обтесанными камнями щебня. Высота вала, по которому сверху можно было идти, составляла почти 7 метров, ширина — около 2,5. К северу параллельно валу прокопали рвы глубиной около 5 метров; из выкопанной из них почвы был построен еще один, земляной, вал со стороны противника. Адрианов вал был настоящей достопримечательностью, его даже изображали на

¹ R. Pleiner. Das Eisen und die Grenze; выступление на «Internationalen Symposium: Metallgewinnung und -verarbeitung in der Antike — Schwerpunkt Eisen» в Дрездене, 4–7 декабря 1995 года (пока не опубликовано).

сувенирах. Так, на кубке из Раджа (середина II в.) показан вал, снабженный зубцами, и указаны названия важнейших гарнизонов, точно так же, как на сковороде из Амьена¹.

Римские гарнизоны и лагеря жили своей активной, даже космополитичной жизнью. Военские подразделения из Сирии, Сарматии, Далмации, Германии смешивались с римскими и местными, кельтскими, легионерами. Точно так же многообразными были и почитавшиеся здесь божества: сирийский Юпитер Долихен стоял бок о бок с туземной Бригангией — даже в одной и той же надписи (RIB 1131), а германский бог войны и права — Марс Тинкс (RIB 1593) рядом с древним британским Антенокитиком (RIB 1327—1329). Все это затрудняет анализ некоторых имен божеств. Лучший пример — это бог (или божества?) под названием *Veteres, Veteri, Vitire, Hvitri* — как только не звучало это имя-хамелеон! Этот бог (божества) почитался (-лись) во многих местах, однако только бедными слоями населения. Пока невозможно даже решить, является ли это имя кельтским, латинским или германским².

При Антонине Пие (138—161) полководцу Лоллию Урбику снова удалось дойти до старой северной границы, и в 142/143 годах был построен Антонинов вал длиной 60 километров между Олд-Килпатрик на Клайде (около 30 километров к западу от Глазго) и Бо-Несс на Форте (около 30 километров к западу от Эдинбурга). Это событие было отпраздновано чеканкой особой серии монет³. На каменном фундаменте шириной около 4 м был сооружен вал из торфа высотой минимум 3 м. Параллельно валу шли (со стороны противника) широкие рвы, которые повышали безопасность сооружения. Судя по всему, через каждую милю (то есть через каждые 1,48 км), как и на Адриановом валу, стояли небольшие укрепления, из которых можно было подавать световые сигналы. На незначительном расстоянии друг от друга были расположены крепости для размещенных здесь вспомогательных войск, которые связывала друг с другом проходившая параллельно валу дорога. Широко

¹ Breeze (1993), S. 80. Pl. 7.

² Ср. форму и имен в указателе к RIB; Ross (1967), S. 372ff. с картой их распространения на S. 370; Webster (1986), S. 78f.

³ Keppie (1990), S. 13.

известны установленные через определенные промежутки на стене плиты (так называемые *distance slabs*), из которых мы узнаем о производительности труда строительных отрядов. Среди изображений на плитах — поверженные варвары; тут же богиня (видимо, сама Британия) венчает лавровым венком орлоносца двадцатого легиона¹. Две крупные дороги соединяли Антонинов вал с Адриановым; дороги также защищали крупные военные лагеря. Западная проходила через долину Аннана и примерно соответствовала сегодняшней дороге А 74; восточная шла от Корстопита на Адриановом валу на северо-запад; ей соответствует шоссе А 68. Небольшое число военных лагерей существовало и к северу от Антонинова вала². Среди точно идентифицированных лагерей наиболее северный находился в Гленмэйлен (к востоку от Хантли на дороге А 96, в 23 километрах к северу от Инверури); вероятно, он был заложен Агриколой еще в 82 или 83 году и, возможно, снова использовался уже позднее, при Севере³. Однако наиболее северный пункт походов Агриколы так и не был достигнут⁴.

В отдельных местах появились крупные лагеря. Так, в Бирсдене были обнаружены смоквы, семена кориандра и маковые зернышки — все это было импортировано из Средиземноморья⁵. В бассейне купальни была обнаружена изящно сработанная женская головка — богини или нимфы⁶. Данные по религиозной истории юга Шотландии относительно обширны. Наряду с уже упомянутыми римскими и средиземноморскими

¹ Keppie (1990), S. 139f., илл. 74f.; ср. также Ritchie — Ritchie (1981), S. 128, илл. 95.

² Среди них можно назвать Арлох в Пертшире (Keppie [1990], S. 144, илл. 79) и Кэйме-касл к северу от Ардоха (ibid. 146; см. также Breeze [1983]). К северо-востоку от Стрэйгита на Гаск-ридж (Breeze [1984] S. 235) располагался целый ряд сторожевых башен: Паркнойк, Рэт, Ардуни, Раундло, Киркхилл, Мур о'Фолд, Гаск-хауз, Уитч-поу, Мосс-сайд, Мидгейт, Вестмур; затем находки прерываются (ibid. S. 150ff.). Важным сторожевым постом была также Берта (в 3 км к северу от Перта) на Тэе (илл. 81); другие передовые посты находились в уже упомянутом Инчгуйхилле, Каргилле, Кардине на р. Айла, далее в Инверкахарити на Южном Эске, Стракатро на Северном Эске (илл. 85), а также Рэйдайкс в 5 км к северо-западу от Стоунхевена (ibid. S. 167); ср. о фортах также Breeze (1984).

³ Keppie (1990), S. 169.

⁴ Keppie (1990), S. 16.

⁵ Ritchie — Ritchie (1981), S. 127; Keppie (1990), S. 138.

⁶ Keppie (1990), S. 136f. с илл. 71—73.

божествами, вроде того же Юпитера Долихена и местной племенной богини Бригантии — покровительницы североанглийского племени бригантов в Блатобулгии (Бирренс в Дамфриршире), особенно почитался, судя по всему, и «юный бог» Мэлон. В этой области мы находим немало топонимов, предположительно связанных с почитанием этого бога (Лохмабен в Дамфриршире)¹. Напротив, Банна (Бьюкасл в Камберленде) находилась в центре культа Кокидия. Трапрэйн-Ло (в Ист-Лотиане) был столицей вотадинов, племени, видимо, связанного с римлянами союзными отношениями; здесь был найден крупнейший серебряный клад севера Британии, столовое серебро (отчасти порубленное на куски), относящийся ко времени императора Гонория². Некоторые находки из Трапрэйн-Ло интересны и с точки зрения истории религии (как, например, металлические рога)³. Важной культовой постройкой была разрушенная в 1743 году «Артурова печь» («Артурс-Оун») — круглый храм близ Кэмлона.

Однако прошло лишь несколько десятилетий после римской экспансии, и около 180 года Адрианов вал снова стал северной границей Римской империи. Последовал еще короткий эпилог, когда Септимий Север (193—211) в сопровождении своих сыновей Каракаллы и Геты снова попытался продвигаться в Шотландию.

Император выступил в поход против племени меатов: в 209 году он повел в шотландские горы около 40 000 человек и, возможно, вывел их на северный берег Шотландии. Успех похода побудил Севера принять прозвище «Британник». На монетах, отчеканенных в честь этого события, показана Победа с трофеями (*spolia*) и надпись — *Victoriae Britannicae*⁴. Однако уже вскоре начались мятежи, которые ненадолго удалось подавить. Когда после смерти отца на трон вступил Каракалла, у него оказалось гораздо больше важных дел в Риме, чем на самой

¹ Birkhan (1974), S. 438ff.; Ross (1967), S. 464ff.; на картах 9 и 10 показаны наиболее важные имена богов в окрестностях Адрианова вала.

² Ritchie — Ritchie (1981), S. 142ff.; Armit (1997), S. 46ff., 101ff., 116ff.

³ Chadwick (1963), S. 40, 95f., 140f., Abb. 15; Ross (1967), S. 188, 212, 418f.

⁴ Keppie (1990), S. 51.

отдаленной северо-западной границе Империи¹. При этом было подсчитано, что для защиты обоих пограничных валов, а также для поддержания сообщения по связывавшим их дорогам понадобилось бы от 16 до 20 тысяч человек².

Римляне отказались от военных амбиций в Шотландии и сконцентрировались на защите Адрианова вала, который дополнительно охранялся с помощью выдвинутых на территорию врагов укреплений для пограничных патрулей (*exploratores*), таких, как Бьюкасл, Райзингем, Незерби.

При адмирале римского флота на Ла-Манше — Каравзии из племени менапиев (убит в 293)³ — Британия на краткое время (286—297) стала независимым государством (Aurel. Vict. 39, 20). Однако Констанций, отец императора Константина (Констанций Хлор), снова завоевал ее⁴. В 306 году он пал в Эбораке (Йорк) во время войны с пиктами — народом, который лишь несколько лет назад (297) вышел на свет мировой истории⁵. Само возникновение на севере пиктского королевства, которое в IV веке пережило свой первый расцвет, возможно, объясняется именно напором римлян с юга⁶. Панегирист Евмений восхвалял временное замирение: «Беда, которая поразила Британию, была, конечно, не меньшей, чем если бы она была поглощена океаном. Освобожденная из глубочайшей пучины бедствий, она вознеслась, дабы видеть сияние римского света»⁷.

Нападения пиктов — как с земли, так и с моря (на *curucis* — куррахах)⁸, ирландцев (скоттов), а также германских племен

¹ Kerrie (1990), S. 17f.

² Dickinson (1977), S. 22.

³ Макферсон придал своему «Оссиану» временную глубину, изобразив там Каракалла и Караузия в виде «Каракула» («сына короля мира») и «Кароса»: Ossian, I, S. 28f., 210; II, S. 1.

⁴ В анонимном панегирике так описано поле боя после победы Константина: «Как я слышу, все поля и холмы там были покрыты трупами мерзких врагов. Эти тела варваров или тех, кто подражал варварам своей одеждой и длинными волосами, некогда рыжих, но теперь покрытых грязью и кровью, лежат там, скрючившись в разных позах, словно пораженные болью от своих ран»; Paneg. Lat. VIII, 16 = GLQFM III, S. 380ff.

⁵ В одном панегирике галльского ученого ритора Евмения, где пикты упоминаются наряду с обитателями Гибрнии как основные враги бриттов: AcS II, Sp. 993f.

⁶ Ritchie — Ritchie (1981), S. 141.

⁷ Paneg. Lat. IX, 18 = GLQFM III, S. 384f.

⁸ Так у Гильды; у Вегиция есть указания на партизанскую войну на море, ср. Dillon — Chadwick (1967), S. 32.

проходят красной нитью через весь IV век и достигают своего апогея в 367 году (Амт. XXVII, 8, 1). Однако императору Валентиниану снова удалось отогнать пиктов и других варваров обратно, за Адрианов вал. В 394 году в бой здесь вступил вандал Стилихон¹. Однако затем северную границу стало уже невозможно удерживать, и поэтому, после того как в 406 году германцы перешли Рейн, император Гонорий в 410 году официально объявил, что вынужден отказаться от защиты провинции, а тем самым — и от нее самой. В том же самом году готы под предводительством Алариха заняли Рим. Тем самым Британия снова стала независимой страной, в которой, как и до прихода Цезаря, властвовали кельтские князья. В конце римской эпохи кельты в Британии снова обратились к латенскому образу жизни. Оставленные ранее в римскую эпоху крепости на холмах снова были заселены и перестроены в «дуны» латенского типа. Самый знаменитый пример такой эволюции — это Кадберикасл (графство Сомерсет), резиденция князей племени дуротригов, которую многие отождествляют с артуровским Камелотом. Около 70 г. н.э. это укрепление было уничтожено, а его жители насильственно переселены. Во II веке там появляются монеты, что, возможно, связано с постройкой храма (как и в Мэйден-касле), хотя никаких следов такого храма пока не найдено². В противоположность Мэйден-каслу, который уже никогда не был вновь отстроен, оказалось, что в 460–70 годах Кэдбери переживает внезапный расцвет (стадия «Кэдбери II»)³.

К концу римской эпохи возрождаются и пережившие ее старые погребальные обряды, примером чего служат погребения детей и «ведьм» в Лэнкхиллсе (близ Винчестера) и в Дорсете. Монеты же, напротив, перестают чеканиться. Как и в древней Ирландии, единицей стоимости стал скот и рабыни⁴. Обращает на себя внимание, что древневаллийское *aghell* «рабыня», служившее единицей стоимости, является заимствованием из латинского *ancilla*⁵. Подобный откат назад мы наблюдаем и в

¹ Dickinson (1977), S. 20.

² Alcock (1972), S. 170ff.; в Мэйден-касле, напротив, такие находки были, что указывает на то, что это было не только укрепление, но и значительный центр культа; Ross (1967), S. 69, 86, 175, 230, 277f.

³ Alcock (1972), S. 131ff., 159ff.; Alcock (1982), S. 358ff.

⁴ Только Хоуэлл Добрый (X в.) снова ввел денежное обращение; Dillon - Chadwick (1967), S. 108f.

⁵ Ср. Zimmer (1995), S. 282, со ссылкой на Д.Т. Кука (J. T. Koch).

Бретани: старофранцузское обозначение стоимости *solt* «су» (от латинского *solidus*) перешло в бретонский со значением «корова» (новобретонское *saout*). В связи с этим Леон Флерио говорил о «возрождении обычаев и традиций латенской эпохи»¹.

В V веке бриттские племена подвергались угрозе с различных сторон. Ирландские переселенцы из племени Дал Риада (*Dál Riada*)² в Аргайле и Кинтайре и обитавшие там издревле пикты попытались взять в свои руки политическое господство. Вместе с этими переселенцами, которые сами себя называли *Scot(t)i*, на северо-западе Европы появился новый центр силы, который достиг пика своего могущества в IX веке, с объединением шотландского и пиктского королевств Кеннетом мак Алпином (ум. 858).

Мелким бриттским королевствам, таким, как Стратклайд и Регед, пока удавалось выживать, в то время как другие племена, такие, как вотадины, оказывали отчаянное сопротивление, которое воспевал бард Анейрин в своей эпической элегии «Гододдин». Здесь о герое по имени Гвенабви ваб Гвен говорится, что он «гневно занес свою руку в боевой перчатке над варварами, гойделами и пиктами» (*Gododdin* XLIV B, 491f.)³. После катастрофического разгрома элитных войск бриттов при Катраэте (римский Катарактоний неподалеку от Ричмонда на р. Суэйл, Йоркшир, Северный Райдинг) вотадинам пришлось уйти в северный Уэльс⁴.

Восточному берегу угрожали германцы — сначала отдельными нападениями; а после того как бриттский князь Вуртигерн (*Vurtigernus*), которого чаще называют «Вортигерном» (по-валлийски Гуртейрн), «Верховный господин» по доброму римскому обычаю, привел в свою страну англосаксов в качестве федератов, они там поселились⁵. Напор германцев и стремительное наступление саксов на юго-запад явились, видимо, основной причиной эмиграции групп населения юга и юго-запада Британии в Арморикю. Однако это отнюдь не бесспорно, поскольку, если верить Прокопию Кесарийскому (B. Goth. IV, 20), переселение

¹ Fleuriot (1980a), S. 37.

² Ср., например, Powell (1958), S. 203; подробности в: Donaldson — Morpeth (1977).

³ Roedel (1989a), S. 78f.

⁴ Ср. Powell (1958), S. 197ff., с план. (карта) 135.

⁵ О нем см. Dillon — Chadwick (1967), S. 46f.

было вызвано перенаселением Британии. Согласно Гильде (De Excidio Britanniae, 22), который называет целый ряд причин, одной из них была свирепствовавшая в Британии чума. Ученые нового времени считают, что свой вклад внесло и давление со стороны пиктов и ирландской Дал Риады. Видимо, действительно имелся целый ряд причин, которые вынудили людей оставить родину¹. На других, уже средневекowych традициях, которые связывают эти события с легендой о короле Артуре, здесь я останавливаться подробно не могу².

Судя по всему, первые поселенцы появились в Арморике уже в середине IV столетия — как предполагают сегодня на основании раскопок погребений в Сен-Юрнель-ан-Пломер (департамент Финистер)³. Однако широкомасштабные миграции начались примерно в середине V века, и переселение продолжалось до начала VII. Две кульминационных точки этой волны эмиграции, очевидно, следует связывать с вторжениями саксов в область к западу от острова Уайт, а также в Девон и Корнуолл, дата которых в общем и целом поддается определению⁴. Так имена Британии и Корнуолла (корнское *Kernow*) были перенесены на континент: об этом говорит само слово «Бретань» (впервые у Прокопия) и среднебретонское *Kerneo* «Корнуай» (в департаментах Финистер и Морбиан) — по названию бриттского племени корновиев⁵.

В северный Уэльс вторглись ирландские фении (*Féni*)⁶; ирландцев из Лейнстера, прежде всего племя десси, мы находим на юго-западе Уэльса, в позднейшем королевстве деметов (Дивед, теперь Дайвед), прежде всего в области графства Пемброкшир⁷. И сегодня весьма показательные названия мест, а также многочисленные огамические надписи свидетельствуют о присутствии

¹ Loth (1883); Durelle (1947), 1, S. 38ff.; Waquet (1950); Rebillon (1957); Chadwick (1965), S. 258ff.; Galliou - Jones (1991), S. 130f.

² Galliou - Jones (1991), S. 141.

³ Galliou - Jones (1991), S. 129.

⁴ Powell (1958), S. 203f.

⁵ Об этом см. Webster (1975).

⁶ Это название, однако, не имеет ничего общего с валлийским названием средневекового королевства Гвинедд, как, судя по всему, думает Powell (1958), S. 198.

⁷ Ср. O'Rahilly (1924), S. 62ff.; Kenney (1929), S. 148f., 169ff.; Collingwood - Myres (1937), S. 282f., 316.

ирландской воинской элиты и даже о гойдельско-бриттском двуязычии (*uiririsch-altbritannische Zweisprachigkeit*)¹. Самый знаменитый пример — это воздвигнутый около 550 года мемориальный камень на кладбище в Кастелл-Дуиран (Кармартеншир). На нем латинскими буквами написано: *MEMORIA VOTECORIGIS PROTICTORIS*, в то время как огамическая надпись сверху на камне называет бритта Вотепорига в типично гойдельской форме — *VOTECORIGAS* (родительный падеж!). Этот камень дает нам и другую ценную для истории языка информацию, а именно то, что в какой-то степени латынь все еще продолжала употребляться и что местные государи правили в традициях римских чиновников («протекторов»)². В последующее время в Уэльсе возникли мелкие королевства, постепенно объединявшиеся под властью одной династии, которая возводила себя к полумифическому королю IV или V века Кунедде (Кунедагию) из южношотландского Гододдина (вотадины). Из нее вышел Родри Маур (Родерик Великий), который в IX веке стал повелителем всего Уэльса³.

Провинциально-римская культура Британии, которая особенно пышно расцвела в III—IV веках, была обязана этим расцветом прежде всего присутствию римских войск в таких важных гарнизонах, как Иска Силуров (Карлеон — «Город легионов»; находившийся там римский амфитеатр в средневековье считался «двором Артура»), Иска Думнониев (Экзетер — самый восточный город римской Британии), Эбурак (Йорк) и Дева (Честер). Значительное благосостояние этой римской провинции отражается еще в сохраненной Прокопием (ум. после 562) традиции, согласно которой Британия разделена длинной стеной (Адриановым валом?) на две совершенно непохожие друг на друга части. По одну сторону — цветущая и плодородная земля, а к северу простирается настоящее царство смерти.

Главным городом Британии был Камулодун (Колчестер) — резиденция наместника и религиозный центр, где находился

¹ Dillon — Chadwick (1967), S. 39; ср. McManus (1991), S. 48f.

² Chadwick (1963), S. 41, табл. 10; LHEB S. 149ff., особенно S. 154, 158 (*IUSTINI CONSULIS* von 540), 169f. (надпись Вотепорига) с подробным обещанием этого памятника. См. также McManus (1991), S. 52, 90, 98, 104, 114, 122.

³ Dillon — Chadwick (1967), S. 103.

храм Клавдия. Между римлянами и кельтами во многом сформировался тесный симбиоз, о чем можно судить хотя бы по весьма значительному количеству латинских заимствований в валлийском¹. Латынь была официальным языком администрации, армии, права и образования. Планомерное империалистическое подавление языка (языков) побежденных существовало и в античности, как и усилия националистов в колониях любой ценой сохранить свой язык (языки).

В римской Британии нашло для себя плодородную почву и христианство. Патрик, ставший позднее апостолом Ирландии, настоящее имя которого было Сукат (*Sucat* = валл. *hygad* «хороший» + «битва»), был сыном римского чиновника и пресвитера и происходил именно из бриттской христианской среды. Кроме того, и имя самого прославленного бриттского «национального героя» раннего средневековья — Артур — возможно, связано с римским родом Арториев (*gens Artoria*), существование которого засвидетельствовано надписями. Во II веке (около 184 года) некий Луций Арторий Каст был префектом лагеря размещенного в Эбораке VI легиона — как можно понять по надписи из Стобреза (к югу от Сплита в Хорватии; *CIL*, III, 1919 и 12791)². Под искаженным именем «Передур ваб Эвраук» появляется в героическом эпосе «претор из Эборака», соответствовавший позднейшему Персевалю/Парцифалю. Римский магистрат (?) Геронтий в сагах фигурирует в виде «Гереинта», чему соответствует французский «Эрек». Латинский Максенций превратился в героя саг Максена, Амвросий — в Эмриса. Несколько правителей по имени Константин слились в немаловажного персонажа саг — Кустеннина. Последняя агония римской власти и краткий период кельтско-бриттской реставрации и прежде всего противостояние нападениям англов, саксов, ютов и фризов, которые для современных историков

¹ Среди латинских заимствований в валлийском есть и слова из первичного словарного запаса, например, названия частей тела («тело», «рука», «рот», «борода» и т.д.); об этом см. Schmidt (1991), S. 4.

² Ср. Fleurbaey (1980a), S. 47f.; Arthur (1991), S. 5ff. Можно обдумать и возможность заимствования имени Артур из ирландского языка. Однако, судя по всему, засвидетельствованные там личности с этим именем, как например Артурий, сын Аздана, сына Габрана (р. ок. 570), носили имя «Артур» уже в честь знаменитого бриттского вождя.

стали «темными веками» (dark ages), послужили фоном для британской легенды о короле Артуре.

Следует кратко задаться вопросом — оставил ли кельтский язык следы в англосаксонском и затем — и сегодняшнем английском. В любом случае, этого следовало ожидать на основании исторических событий. Однако наши ожидания не оправдываются. Весьма немногие имена нарицательные, которые являются очевидными заимствованиями, означают почти исключительно предметы повседневной жизни; в том числе три из них — зверей¹. Среди названий животных — новоанглийское *ass* «осел», *brock* «барсук» и *hog* «свинья», названия повседневных предметов — *bin* «ларь», *brat* «лоскут», *crag* «скала», *dun* «темно-коричневый» и *mattock* «мотыга», а также входящие в состав названий мест — *combe* «долина» и *torr* «вершина, острие». (О словах, связанных с христианством, таких, как ирландские заимствования *cross* «крест», *curse* «проклятие», *clock* «часы», мы здесь не говорим.) Несколько более многочисленны заимствованные личные имена, которые теперь фигурируют в качестве фамилий (я уже не говорю о таких очевидно кельтских именах, как Эванс, Гриффит, Ллойд и Оуэн). В лондонской телефонной книге, например, нередко встречаются такие фамилии, как Бьюэн, Блойд, Боуэн, Баньян, Крэддок, Дэви, Мэддок, Пауэлл, Причард, Тюдор; при этом имена, начинающиеся с *B-* или *P-*, являются производными от имени отца. Так, например, Блойд (*Bloyd*) — это *ab Lloyd* «сын седого». Объяснения для этого бросающегося в глаза недостатка заимствований пока не найдено. Конечно, мы не можем принять точку зрения некоторых шовинистически настроенных английских авторов, которые считают, что кельтская культура стояла на таком низком уровне, что у англосаксов, соответственно, и не возникало нужды заимствовать у них слова. То же можно сказать и о представлении, согласно которому англосаксы напали на Британию в таком огромном количестве, либо уничтожив кельтов, либо изгнав их в Уэльс и Корнуолл, что у кельтского языка не было никаких шансов оказать существенное влияние на английский².

¹ Förster (1921), S. 120.

² Baugh (1951), S. 86; Chapman (1992), S. 84ff. (критически).

Однако этому скромному числу нарицательных и собственных имен можно противопоставить существенное количество топографических названий¹. Назову лишь Темзу, Северн (< *Sabrinā*), Ди (< *Dēvā* «богиня»), Уорф (от имени богини Вербейн близ Илкли в Йоркшире) или Лондон (от кельтско-латинского *Londinium*, валл. *Llundain*), Дорчестер (<англосакс. *Dumnicarana ceaster* «лагерь дурновариев»). Этот список можно продолжить. Что касается названий рек, то после работ Айлерта Эквала различают четыре зоны встречаемости кельтских имен: начиная с восточной Зоны I, где господствуют преимущественно англосаксонские названия рек и кельтские имена ограничиваются Темзой, Тэймом, Трентом и Дарентом, через зоны II и III, где процент кельтских названий возрастает, до чисто кельтского региона гидронимов — зоны IV в Уэльсе и Корнуолле. Эти зоны отражают продвижение саксов в кельтские земли. В любом случае, между бриттами и англосаксами было достаточно контактов², так что непременно должны были иметься предпосылки для широкомасштабных заимствований.

В свете этих фактов точка зрения ряда англистов, согласно которой английский язык своей «прогрессивной формой» обязан валлийскому, выглядит достаточно странно, поскольку гораздо более вероятно, что заимствовались скорее слова, нежели синтаксические модели. Действительно, английское *I am going* [«я иду»] соответствует наличествующим в валлийском еще с древневаллийского периода конструкциям типа *yr ydwyf i'n mynd* [«я иду», буквально — «я есть в хождении»], причем *mynd*, *mynd* является отглагольным существительным, что можно сравнить с *going* (ср. северонемецкое *ich bin am Gehen* [буквально — «я есть при хождении»]. Трудность лишь в том, что это описательное спряжение, которое сейчас стало таким обычным, появляется только в XVI веке; у Шекспира, например, оно практически отсутствует, и если оно действительно заимствовано из валлийского (что мне кажется очень сомнительным), то это заимствование должно было произойти при совершенно других политических и культурных условиях, нежели заимствования в англосаксонском в V–VII веках. Мне

¹ Об этом см, например, LHEB S. 198ff., особенно 219ff.; Reaney (1961), S. 66ff.; Rivet — Smith (1979).

² LHEB S. 219ff. с картой.

кажется, скорее можно предполагать, что счет по ночам, как в английском *fortnight, sennight* (< *seven nights*)¹, может иметь кельтское происхождение, однако и здесь еще надо доказать, что такого счисления не было у германцев.

Остатки пиктского языка сохранились только в названиях местностей. Наиболее известные — это шотландские топонимы с элементом *Pit-*, что по большей части означало небольшой участок земли и, таким образом, соответствует гэльскому *baile* (англо-ирландское *bally*), например, Питмикларди — «участок Маклаверти», Питкенни — «ферма Кеннета», Питлохри — «каменистый участок» и многие другие, прежде всего в графствах Банфшир, Абердиншир, Кинкардиншир, Ангус, Файф, Кинросс и Пертшир, а также в южной Шотландии, где такие названия встречаются буквально сотнями².

Внутреннее развитие провинций на континенте

В Нарбоннской Галлии после Цезаря греческое влияние Массалии, или, как говорили римляне, Массилии, было быстро преодолено. В Арелате (Арль)³, Араузионе (Оранж)⁴, Валенции (Валанс)⁵ и Форуме Юлия (Фрежюс)⁶ возникли поселения ветеранов. Древние кельтские центры торговли, такие как Немаус (Ним), столица вольков-арекомиков и Толоса (Тулуза)⁷, древняя столица вольков-тектосагов, были пышным образом перестроены. Об этом свидетельствует хотя бы храм Цезаря в Ниме (сегодня известный как «Квадратный дом» — «*Maison Carrée*»), а также городские стены эпохи Августа⁸. Провинция, подчиненная с 22 г. до н.э. сенату, осталась таковой только по имени. Фактически она была настолько охвачена римской цивилизацией, что превратилась прямо-таки в часть Италии. Акведук из Юзеса в Ним с его Пон-дю-Гар⁹, длина которого

¹ [*fortnight* — «две недели», *sennight* — «неделя» (устаревшее)].

² Sutherland (1994), S. 64, 67ff.

³ Rivet (1988), S. 190ff.

⁴ Rivet (1988), S. 272ff.

⁵ Rivet (1988), S. 300ff.

⁶ Rivet (1988), S. 226ff.

⁷ Rivet (1988), S. 115ff.

⁸ Rivet (1988), S. 163f., m. Abb. 10–16.

⁹ Rivet (1988), S. 167, Abb. 17.

составляет 275 м, а высота — 49, является одним из высочайших достижений римского инженерного искусства. На Лез-Марти, поле в Монтань-Нуар (департамент Эро), проходила переработка железной руды, которая доставлялась с Эльбы. От 24 до 75 тысяч тонн железного шлака говорят о том, что здесь было произведено по меньшей мере 2000 тонн железа¹.

В Аквитании римляне интенсифицировали горные разработки, обнаружили целебные источники. В таких поселениях как Медиолан (город битуритов, теперь Сент) и в старой гавани по экспорту цинка Бурдигале (Бордо) образовались важные центры торговли. Во II веке Бурдигала стала столицей Аквитании. Бордо стал важнейшим центром виноделия, важной точкой пересечения дорог, городом, который был богато украшен постройками (форум, триумфальная арка и т.д.). В IV веке благодаря своему университету, славившемуся такими профессорами, как ритор Децим Магн Авзоний (ок. 310—395), воспитатель императора Грациана, остававшийся всю жизнь его доверенным лицом, Бурдигала приобрела всеобщее уважение как центр культуры. Многие преподаватели, которых воспел Авзоний, происходили из семей друидов. Образовались центры широкомасштабного производства римской керамики («terra sigillata»), такие как Кондатомаг (Ля Гроффесенк)², Лезу и Банассак, где уже в конце латенского времени производилась расписная керамика. Эти предприятия сохранили для нас ценнейшие свидетельства о кельтских языках в форме надписей на сосудах и черепках.

Мощный подъем пережил и Лион, который был столицей Лугудунской Галлии. Первоначально существовавшие два кельтских поселения племени сегусиавов, расположенные на судоходных реках Соне и Роне, в 43 году были удостоены звания римского города и заселены ветеранами. После этого значение города существенно возросло. Он стал местом проведения собраний органов местного самоуправления (*consilium Galliarum*), в которых участвовали представители 60 галльских племен,

¹ R. Pleiner. Das Eisen und die Grenze; выступление на «Internationalen Symposium: Metallgewinnung und — verarbeitung in der Antike — Schwerpunkt Eisen» в Цветтле, 4—7 декабря 1995 года (пока не опубликовано).

² Последние работы: Graufesenque (1988); Lambert (1995), S. 118ff., 129ff.; о керамике как таковой см. Tuffreau-Libre (1992).

названия которых были высечены на камне в храме Августа и Ромы. Мы еще увидим, как праздник обожествленного императора Меркурия-Августа и богини матери Майи Августы — 1 августа — заменил (с переосмыслением) праздник главного кельтского божества Луга (ср. ирл. *Lugnasad*). Город, который на короткое время не один раз становился резиденцией императоров, был важной точкой пересечения дорог, от которой отмерялись расстояния внутри самой Галлии, и, соответственно, был украшен прекрасными постройками. Лион, место рождения императоров Клавдия и Каракаллы, был также культурным центром и уже с середины II века (под руководством епископа Ириния Лионского) стал одним из первых центров распространения христианства. В борьбе против узурпатора Клодия Альбина император Север 19 февраля 197 года сжег и разрушил часть города. Лиону так и не удалось полностью обрести свое прежнее величие; отчасти его роль взял на себя Трир.

Уже со времен Августа оппидумы, которые нередко находились на горах и которые Вергилий (*Georg.* III, 477) называл *castella Norica in tumulis*, переводились на равнину или вообще основывались заново. Ниже Шопрона-Вархея (Оденбург-Бургсталь) находилась Скарбанция, у подножья Велема-Сентвида (Вайтсберг близ Гонса) — Савария (Сомбатеи-Штайнмангер), у подножья Магдаленсберга из норикского торгового города Вирина возник новый Вирин. Все еще неисследованной остается ситуация в районе Вены¹. На западе примерами могут служить Бибракте на Мон-Боврэ, чьи жители-эдуи были переведены во вновь основанный «Августоград» (Августодун, теперь Отен), а также Мэйден-касл, обитатели которого были переселены в лежащий в долине Дорчестер. За всем этим, конечно, стояли стратегические соображения. Неукрепленные, лежащие в долине города было в любом случае легче контролировать и держать под постоянной военной угрозой. Их было легче включить в транспортные сети. Нетрудно было ввести и римский уровень жизни — с канализацией, банями, театрами и

¹ Долго существовавшая точка зрения, что кельтское поселение на Леропольсберге в долине Дуная было переведено туда, где возникла римская Виндобона (Вена), сегодня уже не поддерживается археологами ввиду большого пробела в находках между концом поселения на горе и древнейшими памятниками римской Виндобоны (в 3 округе Вены, Ландштрассе).

амфитеатрами (галлы были просто-таки фанатичными поклонниками гладиаторских боев и травли зверей)¹. Не в последнюю очередь разрыв непрерывности поселения ослаблял эмоциональные и «национальные» чувства. С другой стороны, римляне были достаточно умны, чтобы оставлять в горах там и сям старые святилища с их богами — нередко в *interpretatio Romana*, — однако и здесь они старались ввести «национальные» особенности в определенное русло, а не подавлять их. Галльский континуитет — конечно, в умеренных дозах — даже поощрялся. Поэтому на гладиаторских играх появилось даже два национальных «вида спорта»: бой колесниц с отрядами гладиаторов-*эсседариев* и *андабатты* — «слепые бойцы». Так назывались гладиаторы, которые сражались в шлемах без отверстий для глаз², что, конечно, не могло быть реальной, применявшейся на войне формой боя, но, видимо, использовалось как некое средство гадания (*iudicium belli*).

На примере руководителя восстания Гая Юлия Виндекса, который происходил из аквитанского королевского рода и отцом которого был римский сенатор, мы уже видели, насколько старая галльская аристократия продолжала оставаться опорой римской власти в провинциях. Без подобных посредников, распорядившихся в собственном племени, управление такой огромной областью было бы гораздо более затруднительным. Кроме того, администрации нужны были и определенные инфраструктуры, существовали грандиозные шоссе шириной от 5 до 8 м. Мильные камни на них указывали расстояние до ближайшего административного центра. Отчасти дороги прокладывали заново, однако чаще использовались старые, доримские дорожные сети, по которым уже войскам Цезаря удавалось проделывать от 45 до 50 км в день. Насколько впечатляющим казалось варварам строительство римских дорог, можно судить хотя бы по тому, что латинское обозначение мощеной дороги — (*via*) *strāta* — было заимствовано британскими кельтскими языками (валл. *ystrad*) и, как известно, германскими. Наоборот, галло-римское *camminus* «путь» проникло в большинство романских языков (франц. *chemin*). Весьма интересно, что, начиная с Траяна, в качестве меры длины все чаще и чаще использовалась галльская

¹ Kenner (1951), S. 578.

² W.-H. I. S. 46; DAG 220, S. 884f.; Gemia (1981), S. 103.

leuga «лига» (франц. *lieue*, исп. *legua*, новозангл. *league*)¹ длиной около 1,5 римских миль, то есть около 2 200 м. С 202 года в Галлии и Германии она стала официальной нормой. Государственная почта (*cursus publicus*), которая еще со времен Цезаря базировалась на конных курьерах (*tabellarii dispositi*), была реорганизована Августом и со временем еще усовершенствовалась благодаря смене лошадей и почтовым станциям. О том, на какой тарабаршине объяснялись люди на дорогах, свидетельствует наше немецкое слово *Pferd* «лошадь», которое фактически происходит от «латинского» *paraverēdus* — «запасная лошадь». Обозначало оно, собственно, запасную почтовую лошадь, которую вели с собой рядом; в этом названии сочетаются галльское *verēdus* «легкая курьерская или охотничья лошадь» и греческая приставка *παρά*. Другое смешанное греческо-галльское слово — *epi-raedium*, что означало «тяж в повозке»². Известна поездка в колеснице Тиберия к своему заболевшему в Германии брату Друзу: в один день и одну ночь он преодолел 296 километров (NH. VII, 84). При наличии системы перекладных курьеры (а вместе с ними — и новости) в случае необходимости могли путешествовать со скоростью более 150 км в день; это показывает, с какой скоростью могло происходить «неформальное» распространение новостей с помощью обыкновенной переключки в Галлии во время Цезаря. Горячая новость могла путешествовать со скоростью около 20 километров в час! Движущей силой была почти болезненная любовь галлов к новостям, о чем Цезарь упоминал неоднократно (BG. IV, 5; VII, 42), а в определенных случаях — и стремление к сопротивлению римлянам (BG. VII, 3).

Цветущие города создают впечатление мощной экономической жизни и всеобщего благосостояния. Последнее, однако, лишь отчасти соответствует действительности: благосостояние во многом зависело от налогов и других сборов, которые были чрезвычайно велики и угнетали жителей. Веллей Патеркул говорит (II, 39), что размеры налогов в Галлии соответствовали налогам во всех других провинциях вместе взятых. Уже в 12 году до н.э., то есть в эпоху Августа, завышенные налоги и коррупция чиновников привели к мятежу (Liv. Epit. CXXXVII). Вскоре все

¹ W.-H. I, S. 787; DAG 158, S. 462; 178, S. 571; Gemia (1981), S. 111.

² [Тяж — «ремень или верёвка от переднего конца оглобли (от гужей) до конца передней оси; этими тяжами порочается передок, ось» (Даль)].

общины оказались обременены долгами из-за римских ростовщических процентов, что уже в 21 году н.э. вызвало еще одну, хотя и осторожную попытку свержения римского господства. Ее предприняли тревр Юлий Флор и эдуй Юлий Сакровир (Тас. *Ann.* III, 40). Однако при Августодуне, как отныне называлась новая столица эдув, Сакровир и его мятежники были разбиты.

В эпоху тирании Нерона, в 68 году, поднял восстание уже упомянутый Гай Юлий Виндекс. Он объединился со стоявшим в Испании полководцем Гальбой, которого провозгласил новым императором. Виндексу удалось привлечь на свою сторону государственные войска числом более ста тысяч человек. Крупные племена — эдуи, арверны и секваны — присоединились к обоим мятежникам. Однако и здесь снова проявился типичный кельтский партикуляризм: северные галлы и белги и знать ничего не хотели о бунте против римлян. Виндексу противостояли войска из Верхней Германии. В решающем сражении при Везонтионе (Безансоне) пало 20 000 восставших, а Виндекс покончил с собой.

Однако самым опасным для римлян стало великое восстание, которое поднял на севере провинции вождь батавов Юлий Цивилис (Тас. *Hist.* IV, 12ff.). Цивилис был германцем, однако происходил с нижнего Рейна; для этих мест был характерен кельтско-германский симбиоз. Поэтому к нему присоединились не только германцы — батавы, хавки и фризы, — но и кельтизированные германцы и германизированные кельты в Бельгике и Нижней Германии — такие племена, как канинефаты, узипы, хатты, убии, тувгры, сунуки, батазии, нервии, тревры и граничившие с ними с юга лингоны (Лангр). Неоднократно в этих противостояниях важную роль играла кельтская провидица Веледа, с которой был связан Цивилис. Друиды распространяли новости о пожаре Капитолия: казалось, что конец Римской империи уже близок. Одноглазый вождь батавов, который отращивал волосы на варварский лад и красил их в рыжий цвет (Тас. *Hist.* IV, 61), в 70 году использовал в своих мятежных планах лингона Юлия Сабина, которого завлек идеей «галльской империи» (*imperium Gallorum*) — то есть в результате борьбы за свободу должна была возникнуть некая кельтско-германская монархия. Так начались массовые мятежи германских и кельтских вспомогательных войск. Но и теперь

согласие было не всеобщим: на этот раз юг, в частности племя секванов, не принимал участия в восстании. Однако в том же 70 году они одержали победу под предводительством «цезаря» Юлия Сабина, о котором рассказывают замечательную историю: чтобы инсценировать собственную гибель, Сабин поджег свое поместье и бежал. В течение девяти лет он вместе с верной супругой Эпониной — чье имя происходит от лошадиной богини-матери Эпоны — скрывался в подземных покоях (Tac. Hist. IV, 67). (Из Плутарха мы узнаем [Mog. 770, D-771 C], что она родила Сабину еще двоих сыновей — до того, как в 79 году Веспасиан приказал казнить ее и Сабина.) Мне лично кажется, что в этом замечательном предании скрываются остатки веры в возвращение после смерти, то есть представление о неумирающем культурном герое, как в преданиях о Залмоксисе у Геродота и Фрейре у Снорри Стурлусона.

Наконец Цивилис и его сторонники были разбиты римским полководцем Петилием Цериалом, которому он был вынужден сдаться. Из этого опасного эпизода Рим извлек один урок: никогда не размещать войска на их родине, но отправлять их в как можно более отдаленные части империи. Теперь мы находим бриттов (*Britones*) то в Иллирике, то в североафриканской Фиваиде, то в Швейцарии (*Premtugay*)¹, а при Антонине Пие (145/6) часть римского лимеса, которая проходила через Оденвальд, была занята бриттами из южной Шотландии (*Brittones, Caledonenses*), которые оставались здесь до середины III века². О размещении II легиона — *Legio II Augusta Britannica*, который, возможно, был набран в Рутупии (Ричборо, Кент), напоминает и до сего дня название места близ Майнца — Бретценхайм (в 773 — *Brittanorum villa*)³. Напротив, на Адриановом валу стояли отряды сирийцев и тунгров, которые почитали здесь своих местных богов.

В течение примерно 100 лет между царствованием Нервы (96) и убийством Коммода (193) Галлия переживала величайший

¹ Meyer (1946), S. 20. Относительно широкого распространения элемента *Britt{an}-* в именах (ср. также *Britania* в старой части Трира) можно поразмыслить и о том, не являются ли такие названия возникшими независимо друг от друга производными працельтского корня **brit-*.

² Об этом см. подробно у Fleuriot (1980a), S. 401f.

³ Fleuriot (1980a), S. 43.

экономический подъем¹. Наряду с городами во II и III веках особенно вырастает значение такой экономической единицы, как латифундия. Господский дом превращается в дворец-виллу со своими банями, отапливаемыми полами, мозаиками и даже домашним святилищем (как, например, в Отранг-Флиссене, Обервайссе и других местах). Уже в I веке мы почти повсеместно видим превращение кельтских поселений в помещичьи дома с ризалитами² и портиками³. В качестве образца часто приводятся дома в Майене и Боллендорфе на территории тревуров⁴ и деревенская вилла (*villa rustica*) в Лауффене на Неккаре⁵. В слово «вилла» отнюдь не следует вкладывать современный смысл, и не надо представлять их себе как виллы римской знати. Провинциальные виллы были агломерациями, которые охватывали не только господский дом, но и виллу в целом, в том числе такие хозяйственные элементы, как кузница, которая делала виллу экономически независимой, а также бараки батраков и рабов, где продолжались многие местные традиции и откуда они снова распространялись. Основываясь на провинциальном римском погребальном инвентаре в британских виллах, Элинор Скотт

¹ В начале этой фазы возникли, по мнению археологов, какие-то беспорядки, следами которых являются разрушенные постройки на территории Декуматских полей; Haas (1970a), S. 15.

² [*Rizalitum* — часть здания, выступающая за основную линию фасада].

³ Ср. Gallion — Jones (1991), S. 88ff., с илл. 15; Liversidge (1968), S. 236ff.; Rivet (1969).

⁴ Oelmann (1928), особенно S. 82ff. о кельтской ферме, находившейся ниже римской виллы; об этом см. технические выкладки H. Mylius, *ibid.* S. 141ff. и табл. IV — IX.

⁵ [Древние римляне различали понятие «деревенской» (*villa rustica*) и «городской» виллы (*villa urbana*). «Городская» вилла примерно соответствовала понятию «подмосковная» в николаевской России: это было поместье, предназначенное только для отдыха и развлечения хозяев и приема гостей, расположенное, как правило, в месте с красивыми видами и охотничьими угодьями. Здесь производили продукты только для хозяйского стола, выращивали салы, производили декоративных животных, цветы. «Деревенская» вилла, напротив, производила товар (хлеб, вино, масло) на продажу. Хозяин мог и не жить в таком поместье, доверив все дела управляющему (виллику). «Латифундиями» в российской исторической литературе принято называть крупные экономически независимые виллы, о которых далее говорит Г. Биркхан. В отличие от «деревенской» виллы латифундия чаще всего не была ориентирована на рынок].

показала, что неоднократные находки совместных захоронений молодых животных и маленьких детей говорят о существовании жертвоприношений уже в III веке¹. От деревни (*vicus*) вилла отличалась прежде всего тем, что она не была *res publica*, то есть не имела своей собственной администрации².

Поденщики, арендаторы и мелкие крестьяне жили, как правило, в деревнях. Хотя деревни и были самоуправляемыми, собственного политического значения они не имели. Следующим по размеру типом поселения на севере Галлии были *con-ciliabula* «места собрания», которые служили местами сбора товаров и предоставляли возможность социальной интеграции в более крупной группе³ прежде всего благодаря храмам, баням, форумам и театрам. Далее шли провинциальные города (*municipia, fora*), обитатели которых пользовались римским или латинским правом. Смысловый объем всех этих латинских терминов не всегда ясен. Особенно проблематично слово *vicus*, которое может обозначать и городской квартал — прежде всего если подумать, что, например, в Бельгии, где были крупные и важные общины (менации, морины, нервии), имелись, судя по всему, только *vicus*'ы. Столица адуатуков Тонгр также была всего лишь *vicus* 'ом⁴. Могла ли такая крупная область существовать без единого муниципия, с одними лишь только 30–40 *vici*? Насколько широко следует понимать слово *vicus*, и чем он отличался от *castellum, conciliabulum* ивиллы? Мы не можем подробно касаться здесь этих проблем, которые горячо обсуждаются и до сего дня, поскольку для истории кельтов они имеют лишь второстепенное значение, прежде всего как результат римского провинциального управления, которое принимало либо не принимало во внимание старые *civitates*.

Поместья могли быть такими большими, что для жатвы на огромных полях применялось даже нечто вроде жатки — *vallus*. Согласно Плинию (N.H. XVIII, 72), он состоял из большой рамы на двух колесах, которую тянули волю; ее край был снабжен серпами. Серпы срезали злаки так, что колосья падали в раму,

¹ Scott (1991).

² Cp. Le vicus, S. 2, 34.

³ Galliou — Jones (1991), S. 93ff.

⁴ Cp. доклад на конгрессе R. P. A. Wankenne, S.J., «Les vici de Belgique», в: Le vicus, S. 32ff.

которая, возможно, была обтянута тканью. Незадолго до того изобретенный колесный плуг был сравнительно дорогостоящим, но очень эффективным орудием, с помощью которого, имея в распоряжении упряжных животных, можно было обрабатывать большие поверхности. Это говорит о том, что первые колесные плуги применялись в крупных латифундиях.

Сельскохозяйственным рабочим нередко приходилось владеть жалкое существование. Поэтому неудивительно, что значительные социальные беспорядки начинались прежде всего в среде земельного пролетариата. Возможно, именно здесь лежали корни восстания Матерна (185–188), которое охватило Лугдунскую Галлию и Испанию и имело своей целью убийство императора Коммода (Herodian 1, 15. 11, 5; Vita Commodi 16, 2)¹. Вполне серьезно выглядела и крестьянская война, которая, согласно Евтропию (IX, 4), бушевала с 239 по 251 год в отдельных районах Галлии. Восставшие были подавлены Мессием Траяном Децием. Однако источников об этом практически нет.

Широкомасштабное восстание *багаудов* (283/4 до 286) при императоре Карине было, очевидно, вызвано нуждой земельного пролетариата. Это галльское слово, которое еще встречается в VI веке как личное имя² и означает, собственно говоря, «боец»³, понималось как «разбойник». Очень возможно, что это было название какого-то племени. Когда речь шла о названиях «кимвры» и «амброны», мы уже наблюдали, как названия племен могут превращаться в нарицательные имена с отрицательным значением. Во всяком случае, *багауды*⁴ состояли из обедневших арендаторов, батраков и пастухов, которых налоги и угнетение со стороны землевладельцев вынудили взбунтоваться. По всей стране гуляли разбойничьи шайки и партизанские отряды *багаудов*. При этом земледельцы играли роль пехотинцев, в то время как пастухи стали «кавалерией». Для древней кельтской общественной организации, следы которой все еще сохранялись, представляется весьма типичным, что восставшие выбрали двоих вождей (*duces*) – Элиана и Аманда.

¹ Fleuriot (1980a), S. 19; Galliou – Jones (1991), S. 118.

² AcS I, Sp. 33.

³ IEW S. 115; DAG 178, S. 549.

⁴ Ср. цитаты из античных авторов, приведенные в AcS I, Sp. 329ff.

Наконец Каравзий (позднее — правитель Британии) и Максимианиан разбили багаудов от имени Диоклетиана. Однако с корнем истребить их не удалось. В середине V века Сальвиан (*De gubern. Dei* 5, 22) говорил о багаудах как об отдельном народе или племени в Испании, похожем на готов и других варваров; еще в 407 году они, судя по всему, контролировали альпийские перевалы.

Настоящий упадок Галлии был вызван нашествиями германцев, первое из которых произошло еще при императоре Марке Аврелии (161—180). Постоянные беспорядки на границах, вторжения варваров (франки уже прошли до самой Испании, опустошив по дороге Галлию и заняли Тарракон) и грабежи пиратов вызвали необходимость в сильной руке. И такой человек в Галлии появился. Это был Кассиан Латин Постум, который (скорее всего, в июне или июле 260 года) самочинно провозгласил себя императором наравне со слабым Галлиеном. Похоже, что Постум был признан не только во всей Галлии, но и в Британии и Испании; он открыто намеревался объединить эти провинции в единую державу, которая была бы организована по образцу самой Римской империи. Постум учредил свой собственный сенат, двух консулов (одним из которых был он сам) и различные должности магистратов; он окружил себя преторианской гвардией. После пяти крупных побед над германцами он принял почетное имя «Германский величайший» (*Germanicus maximus*). Этот император успешно правил в течение десяти лет (в 268 году он был убит) и пользовался в Галлии всеобщей любовью. Это очевидно, с одной стороны, из того, что страна была умиротворена и пережила новый подъем, свидетельством чему служит обильная чеканка монет, а с другой — из того, что Постум, скорее всего, взывал к «национальному чувству» кельтов, поскольку он, по меньшей мере частично, возвратился к кельтской чеканке¹. Не случайно во время большой угрозы со стороны германцев и последней прославленной победы над ними были воздвигнуты гигантские колонны Юпитера, которые запечатлевали в камне заветную мечту испуганной провинции: божественный император сокрушал врагов под копытами своего коня. Большое разнообразие

¹ RE III, Sp. 1665.

этих памятников говорит о том, что колонны были воздвигнуты на частные средства скромных граждан, а не как часть централизованной идеологии римского императорского культа. Стержни колонн могли быть гладкими или с каннелюрами, их венчали разные изображения (гигантский всадник или сидящий на троне Юпитер); портреты богов на цоколе также не следовали единой схеме¹.

Возможно, отчасти происходило возрождение старой религии. Это с большой долей вероятности (как уже говорилось) можно утверждать относительно Британии. В качестве континентального примера Жан-Жак Ат (Hatt) приводит историю Митреума в Маквайлере-Маквиллере (департамент Нижний Рейн). Здесь уже в I веке н.э., видимо на старом фундаменте, было воздвигнут храм местному богу (*Genius loci*) по имени «Нарий Интраб» (*Narius Intarabus*), который был связан с почитанием священных источников. В середине II века владелец земельного участка построил храм Митры, из надписей в котором мы узнаем историю строительства; они также свидетельствуют о совместном почитании Митры и Нария Интраба. Во второй половине III века храм Митры был разрушен, и на его месте из сохранившихся фрагментов постройки был возведен традиционный галльский храм. Квадратное в плане здание соответствовало квадратной обкладке священного источника. Очевидно, что от культа Митры отказались в пользу старых местных кельтских божеств². Можно говорить о возрождении доримских традиций и религии и в других местах. По все возрастающему количеству друидических пророчеств видна и вспышка друидизма. Фактически отдельные императоры, как, например, Каракалла, Диоклетиан и Максимиан выступали в роли почитателей кельтского бога, а именно Белена из Аквилеи, где процветали прорицания (наследие друидов?). Еще император Константин до своего обращения в христианство выказывал особый интерес к галльской религии, то есть, собственно говоря, к тому, что в то время о ней знали³.

¹ Belirens (1932), S. 33.

² Hatt (1970a), S. 309f.; подробнее об этом в чрезвычайно интересном труде Ата: Hatt (1951).

³ Hatt (1970a), S. 311.

Это возрождение местных элементов особенно ясно выступает в статистическом анализе культа мертвых и прежде всего надгробных надписей, который проделал Жан-Жак Ат. В целом романизация работала против местного наследия (галльскому языку удержаться не удалось нигде), но в то же время, как свидетельствуют личные имена, доля местного элемента во II—III веках возрастает, по меньшей мере, в городах. Многие люди из деревень переселялись в такие города, как Отен, Реймс, Мец, Аугст, Лангр или Саверн. В I в. н.э. местные имена носили 10% жителей Отена, во II и III веках — 37%. В Аугсте их число возросло с 33 до 53 процентов, в Меце — с 18 до 39 и т.д. Даже в таком космополитическом административном центре, как Лион, число лиц с несредиземноморскими именами повысилось с 0% (I в.) до 6% (II в.) и 10% (конец II — начало III в.)¹. Это явление нельзя объяснять одним лишь бегством из деревни, поскольку в городе переселенцы могли романизоваться полностью всего лишь за одно поколение. Постоянный прирост местных имен говорит о том, что и у горожан возникло желание беречь местное наследие. Далее было сделано наблюдение, что галльский элемент в пределах трехчастной системы имен с имен и прозвищ переходит на галльские гентилиции, либо кельтский когномен отца может превращаться в фамилию². Так, сын белга по имени Нантоник Братон (*Nantonicus Bratronus*) именовал себя Братонием Касситалом (*Bratronius Cassitalus*). Сеник (*Senicous*) был сыном Сениксона (*Senixso*), Коттал (*Cottalus*) — сыном Котта (*Cottus*), Каратак (*Caratacus*) —

¹ Hatt (1951), S. 25ff., bes. S. 30f.

² [Автор имеет в виду традиционную римскую систему имен. Личное имя — рагномен (Гай, Марк, Луций) — употреблялось только близкими людьми; у женщины (по крайней мере, в историческое время) личных имен не было. Родовое имя, то есть, в нашем понимании, фамилию (помен) — Юлий, Корнелий, Лициний — носили все в роду, и мужчины, и женщины. Иногда такие фамилии называют *nomen gentile* или *гентилициями* (от латинского *gentilis* «родовой»). Прозвище (*cognomen*) могло отличать представителей одной ветви рода от другой (среди Лицинийев были Лицинии Макры («худые») и Лицинии Крассы («жирные»). Кроме того, прозвищем могло стать имя бывшего раба, после того как он получал свободу и фамилию хозяина, либо прежняя фамилия человека, которого усыновил представитель другого рода. Эти «три имени» (*tria nomina*) были непременной принадлежностью свободного римлянина вплоть до III в. н.э., когда эта система постепенно начинает исчезать].

сыном Карата (*Caratus*), Литумара (*Litumara*) — дочерью Литавикка (*Litaviccus*), а Даннимара (*Dannimara*) — дочерью Солимара (*Solimarus*). Отчетливо видно, насколько все это зависело от происхождения¹. Согласно доле местных имен в общем запасе Ат выделил четыре зоны кельтскости: в Зоне I кельтскими являются от 40 до 75% личных имен, большая часть которых состоит из простых кельтских имен и кельтских обозначений происхождения. К этой «партикуляристской кельтской среде» (*milieu celtique particulariste*) принадлежал округ Комменж (к юго-западу от Тулузы) и департамент Нижние Вогезы. Зона II включает «городскую кельтскую среду» (*milieu gaulois urbain*) с такими городами, как Лангр и Отен. Здесь доля кельтских имен составляет только от 25 до 40%, когномен отца наследуется как *nomen gentile*. Последняя, IV зона охватывает крупные космополитические города (Лион, Нарбонна), где кельтский элемент составляет менее 10%, господствует римский принцип «трех имен» и в когномене зачастую имеется религиозная составляющая².

После смерти Постума его наследникам Викторину и Эзувию (обратите внимание на это прекрасное кельтское имя!) Тетрику удалось еще в течение четырех лет поддерживать независимость восточных провинций от Римской империи. Затем Тетрик под давлением новых нашествий германцев и пиратов сам вынужден был присоединиться к империи, которой правил император Аврелиан. Так закончился этот интересный эпизод, который, однако, после воссоединения с империей едва ли не прославлялся, что очевидно из высокой оценки личности Постума и того факта, что он не был жертвой *damnatio memoriae*, как это обычно бывало с императорами-самозванцами. Не зря на монетах Постума были такие девизы, как *felicitas temporum* [счастливые времена] или *saeculi felicitas* [счастливая эпоха].

После сожжения Лиона в 197 году город на Роне утратил свое политическое и административное значение. Многие старые важные племенные центры лежали вне новой сети дорог, расположение которых, спланированное Агриппой, было обусловлено военно-административными соображениями. Такова была

¹ Hatt (1951), S. 34ff.

² Hatt (1951), S. 38f.

судьба треверского поселения на Тительберге (близ Петанге на самом юго-западе Люксембурга): оно оказалось «вне игры», и его руководящая роль, видимо, перешла ко вновь основанному Триру¹. Этот *urbis opulentissima* (Pomponius Mela III, 20), который со времен императора Постума станет ключевым пунктом пограничной обороны, после частичного разрушения Лиона превратился в резиденцию центральной администрации. Все возрастающее число местных личных имен² на надгробных надписях во II и III веках (до 44%) говорит как об иммиграции из деревни, так и о значительном осознании традиций. На известном нам по средневековым копиям календаре 354 года богиня города Трира показана в виде могучей амазонки, которая преследует варвара с окладистой бородой (наверное, в наши дни карикатурист изобразил бы этот сюжет почти так же)³. Город не только был спланирован в виде прямоугольной сетки широких улиц с колоннадами, аркадами и прекрасными виллами, но и снабжен водопроводом, системой канализации, банями, амфитеатром, а также мощным мостом через Мозель. Площадь города составляла 285 гектаров (однако площадь поселения Манхинг была равна 380 гектарам!); его окружала кольцом каменная стена, от которой и сегодня еще сохранились северные ворота (*Porta Nigra*), в то время как такие же ворота на южной стороне были разрушены в средневековье. Появился гигантский форум — копия классических построек, где была установлена статуя амазонки работы Фидия. При резиденции императора находился монетный двор, университет и величественные термы. В дворцовом комплексе была построена *Aula palatina* — «величайшее безопорное помещение римского мира»⁴.

Огромное значение Трира, которое проявилось и в том, что со времен Константина этот город был резиденцией ряда

¹ Metzler (1995), S. 45.

² Hait (1951), S. 30; на графике (S. 42) доля местных имён в Трире оказалась (видимо, по недосмотру) слишком низкой. Разница между подсчётами Ата и Вайсгербера может, видимо, объясняться тем, что Вайсгербер считает все имена, а не только те, что встречаются в надгробных надписях и относятся ко II—III вв.; он также устанавливает более строгий критерий «кельтскости». Если сложить 16,5% «кельтских» имён у Вайсгербера и его 20,5% вероятно не- или «докельтских», то мы приходим приблизительно к числу, полученному Атом; Weisgerber (1935), S. 300ff.

³ Wightman (1970), S. 65, Pl. 10.

⁴ Pauly V, Sp. 942.

императоров, становится понятным, если вспомнить, что после нашествия алеманнов (с 233) лимес на верхнем Рейне и в Реции потерял свое значение и при Галлиене, в 258 или 259 году, от него вообще отказались. Латифундии на Декуматских полях, находившиеся под контролем кельтов, перешли под власть германцев, граница Империи отодвинулась на юг и теперь проходила по Рейну, Иллери и Дунаю. Пограничное поселение Регенсбург (кельтское Ратисбона, затем Кастра Регина), Аугет (Аугуста Раурика) близ Базеля, Страсбург (Аргентората), Майнц (Могонтиак), Бонн (Бонна), Ксанген (Кастра Ветера) и Тонгерн (от названия племени тунгров) получили величайшее стратегическое значение. Другие города получили римское городское право, а зачастую и оборонительные стены, как, например, Ремаген (Ригомаг), Кобленц (Конфлуэнт), Вормс (Борбетомаг), Кельн (Колония Агрилпина) и другие. После сдачи лимеса все военные силы сконцентрировались на защите Галлии, причем император Галлиен (253–268) на своих монетах величал себя «восстановителем галльских провинций» (*restitutor Galliarum*) — что с большим правом можно было сказать о его противнике Постуме: это была чистая пропаганда. Такие города, как Мец или Вьенна, получили мощные укрепления, окружность которых, однако, при Юлиане (360–363) и Валентиниане I (364–375) была уменьшена; отчасти они снова превратились в военные лагеря, отчасти были перенесены на те возвышенности, где раньше, до того как при Августе они были переведены в низины, находились кельтские «дуны». Так что, как мы видим, пока подступы к столичному городу Триру охранялись замками (*burgi*) и укреплениями на возвышенностях, такими, как Эхтернах (*Epternacum*) и Пфальцель, деревенское население искало спасения в доисторических кольцевых укреплениях на возвышенностях, таких, как Хунсрюк, Зауэр и Килль. Местные святилища не только сохраняли свои функции, но и процветали, как показывают находки из источников Сены и долины Альтбаха близ Трира.

Нападения варваров все учащались, и Диоклетиан (284–305) ввиду нарастающей опасности разделил Галлию на небольшие провинции, которые были объединены в более крупные административные единицы — диоцезы (*dioceses*), которыми заведовал наместник. Главным городом южно-галльской области стала Вьенна, столицей северной, которая называлась просто

«Галлии», был Трир. Когда в 411 году оба диоцеза были объединены, новой столицей стал Арль, а северные провинции и области отныне заселили германцы как «союзники» (*foederati*) Империи. Однако даже после того, как и в южной Галлии в первой половине V века поселились вандалы, вестготы и бургунды, кельтские элементы кое-где сохранялись, как, например, у знати кельтского происхождения в северной Галлии, которая еще во время Григория Турского (583–594) составляла отдельную группу (*senatores*). В одной из областей Галлии в середине V века, когда переселенцы из южной Британии и Корнуолла начали заселять Арморик, произошла «рекельтизация» — так возникла «малая Британия», то есть Бретань.

Языковое расслоение в провинциях. Судьба островных кельтских языков

Трудно сказать, в какой степени были кельтизированы в ходе кельтской экспансии докельтские аборигенные языки захваченных ими областей. Там, где имелись кельтские поселения, названия мест в любом случае, а иногда — и названия рек стали кельтскими. Однако во многих областях имелся ощутимый докельтский субстрат, как, например, в области Трира. Наряду с именем Ритоны (*Ritona*), богини речных бродов и богини-матери, фигурирует и имя Притона (*Pritona*) в форме *Dea Ritona Pritona*¹, — своего рода двойное или «переводное» имя, которое, как мы уже видели, является кельтским только по своему вокализму, в то время как сохранение *P-* указывает на племенную группу, которая только отчасти участвовала в характерных для кельтского звуковых изменениях². К сожалению, мы слишком мало знаем об этом этносе. Возможно, археология, в которой культура Хунсрюка-Эйфеля занимает совер-

¹ У Gutenbrunner (1936), S. 397f.

² Обращает на себя внимание процитированная у Ольмстед (Olmsted, 1994, S. 410) оригинальная попытка Gutenbrunnера объяснить имя этой богини как богини «пролажи и покупки» (др.-ирл. *renaid* «продавать» и *crenaid* «покупать»). Однако это остроумное толкование не принимается во внимание связи богини с водными потоками и бродами.

шенно особое место, могла бы подкрепить это наблюдение¹. Можно вспомнить и об исследовании имен треверов, проведенным Лео Вайсгербером. Оказалось, что из 1150 имен 63% «средиземноморских», 16,5% произведены от кельтских корней и 20,5% выглядят не- или «докельтскими». Сравнение с именами племени медиоматриков показывает, что у них кельтский элемент (к) был сильнее, а средиземноморский (с) и некельтский (н) слабее (51%с : 32%к : 17%н)².

В письменный латинский язык попало около 200 кельтских слов, которые отчасти были заимствованы еще в эпоху переселения кельтов на юг как культурные термины. Это, например, слова, связанные с изготовлением повозок, с вооружением, украшениями и одеждой, к которым я еще вернусь. Они стали продуктом мирного культурного обмена и торговли, вошли в повседневный язык римлян и позднее, в ходе истории языка, разделили судьбу исконно латинских слов.

В императорскую эпоху во всех провинциях шла очень сильная языковая романизация, которая, однако, не могла полностью вытеснить все местные докельтские и кельтские элементы. Из Буковцы близ Лашко к югу от Целе (Словения) происходит надпись (CIL, III, 5145), посвященная Юпитеру Наилучшему Величайшему *Uxellim(o)*, то есть «Высочайшему», что, как понимал уже Хольдер (AcS III, Sp. 61), является не чем иным, как испорченной латинской передачей галльского **Uxellisamos*, которое изменилось отнюдь не в соответствии с законами языка — его совершенно несообразно «обкорнали».

Распространение римских обычаев и образа жизни проявилось также в появлении римско-средиземноморских имен в некоторых семьях (как мы уже видели на примере союзников римлян, германского племени убиев). Наряду с погоней за модой мы наблюдаем и провинциальный консерватизм, а может быть,

¹ Hatt (1989), S. 152ff. Вайсгербер, которого цитирует Ат, считал, что в почитании Марса Лена и Марса Лукетия прослеживаются пережитки докельтского элемента. С этим, пожалуй, можно было согласиться, но когда Ат (S. 154) из якобы очень римской постройки их храма и римского характера жречества делает вывод, что докельтское население этой области было «аналогично римскому», то есть, что позднейшие римляне переселились на италийский полуостров именно из этой области, — тут уж я пас.

² Weisgerber (1953), S. 273f.

и ограниченность. Яркий пример — это род некоего Курмисагия («искатель пива») из Геттлесбрунна (Айзенштадт, Бургенланд)¹. Редкое имя позволяет нам проследить всю историю его семейства (видимо, принадлежавшего к племени бойев). После того как Курмисагий женился на девушке из племени арависков по имени Ана, у них родилась дочь Кава, которая вышла замуж за человека по имени Флор; их сын с кельтским именем Троукилл упомянут вместе с матерью и отцом на надгробном камне из Айзенштадта. Что касается самого Флора, то его отец и дед носили кельтские имена, как и два сына Курмисагия и Аны².

В Британии латинский язык прочно обосновался в юго-восточной части острова. Вся западная и северная его части (к югу от Адрианова вала) оставались в основном кельтскими. При этом кельтский язык (как видно и сегодня на примере валлийского) заимствовал большое количество латинских слов.

На иберийском полуострове кельтиберский совершенно растворился в латинском, в то время как баскский, возможно связанный с иберским, сохранился до какой-то степени и сегодня.

В Галлии латинский в общем и целом победил, хотя к северу и северо-востоку романизация ослабевала и в отдаленных районах, таких, как Арморика, галльский держался дольше. Новые находки и интерпретации сегодня позволяют нам составить достаточно конкретное представление о том, как проходила романизация и о постепенном исчезновении галльского. Большая часть галльских надписей относится к императорской эпохе и уже само постепенное их распространение говорит о романизации. Из истоков Сены в Сеп-Жермен-Сурс-Сен (департамент Кот-д'Ор) происходит обнаруженный в 1953 году фрагмент каменной стелы, относящийся к середине или второй половине I века н.э. На ней высечен барельеф, изображающий портрет мужчины (только голова и шея) под треугольным фронтоном, который содержит две надписи на галльском языке. Одна, более длинная, выполнена латинскими буквами, более короткая, где упоминается каменотес Даголит, — греческими. Длинная надпись в переводе звучит так: «Жители Сены (*Aresequani*) и Арий (*Ariōs*, произносилось «арийос») посвятили Лукию

¹ [Бургенланд — федеральная земля Австрии со столицей в г. Айзенштадт].

² Kaas (1994).

(*Lucios* – «лукийос»), сыну Нертскомара» (*A/RHISI/IQVANIA/RHOSIOVRVS/LVCHONHRTICOMA*)¹. Упоминание латинского имени сына и кельтского имени отца напоминает галльскую надпись из Алезии (Ализ-сен-Рен), где речь идет о Марциале (*Martialis*), сыне Даннотала (*Dannotalos*). Весьма вероятно предположение, что благодарный город воздвиг этот камень в честь своего заслуженного гражданина Лукия². На портрете почетный гражданин показан со вполне классической римской прической. Словом, наглядная иллюстрация типичной «смены вех» переходного периода: римская прическа, латинское личное имя на кельтский лад плюс отчество – имя отца в родительном падеже (совсем не на римский лад), и все это в одной и той же надписи эпохи Флавиев на галльском языке, выполненной каменотесом, который нетвердой рукой обессмертил свое имя греческими буквами на стеле, поставленной в окрестностях одного из важнейших традиционных центров культа...

К императорской эпохе относятся и два фрагмента галльского календаря, а также очень значимые длинные надписи из Шамальера (около середины I в.) и Ларзака (около 100 г. н.э.). Примерно в то же самое время в непосредственной близости от Ларзака в рутенском городе Кондатомаге (Ла Грофесенк, департамент Авейрон) и также в Лезу (департамент Пюи-де-Дом) процветало производство «терра сигиллата». Граффити из Лезу – это несколько фрагментарных текстов, из которых мы узнаем прежде всего имена гончаров и, таким образом, можем составить себе представление о практике присвоения личных имен в низших слоях населения. А черепки из Ла Грофесенк позволяют нам взглянуть на языковую повседневность галло-римлян, где гончары пользовались для счета то галльским, то смешанным галло-ромапским языком, порою полностью выписывая порядковые числительные, вместо того чтобы сокращать их на обычный римский манер³.

Святой Ириней, который с 177 года был епископом Лиона, писал, что в его епархии приходится проповедовать на кельтском языке (*adv. haer.* I, *graef.* 3; III, 4, 1). Во второй половине

¹ Meid (1989), S. 32; альтернативный перевод у Lambert (1995), S. 97f.

² Lejeune, in: RIG I, S. 395ff.; а также в: RIG II/I S. 143 (Abb.).

³ Weisgerber (1931a), S. 151 и *passim*; DAG 89, S. 274ff.; теперь в: Graufesenque (1988); ср. Eska - Evans (1992), S. 38; Lambert (1995), S. 118ff., 129ff.

II века галльский все еще оставался живым языком, находившимся в повседневном употреблении, и существовали еще люди, владевшие только галльским и совсем не знавшие латыни. Особенно интересны свинцовые таблички с обращениями к нимфам источников, которые были обнаружены в южной Аквитании в 70-х годах. Эти тексты написаны на любопытной смеси латинского, галльского и «соротаптского» (Sorothaptisch), малоизвестного некельтского (но все же индоевропейского) местного диалекта¹. Перед нами — удивительная «моментальная фотография» процесса романизации². Тексты показывают, что латинский язык распространялся прежде всего благодаря письму, в то время как для местных языков никакой пригодной к употреблению системы письма разработано не было.

Теперь мы перейдем к более детальному обзору условий языкового взаимодействия в отдельных областях. Начнем с востока.

В альпийских областях все доримские языки исчезли. Об их существовании сегодня свидетельствуют только названия местностей и заимствованные имена нарицательные. Из древнейшего, докельтского слоя происходят, возможно, такие слова, как немецкое *Gemse* «серна» (познелатинск. *camox*, откуда в том числе итал. *camoscio*, фр. *chamois*, исп. *gamuza*, португ. *camurça*); французское *avalanche* «лавины» (савоярское *avalantse*, ломбардское *lavanca*) с совершенно нероманским словообразованием, как, например, **baranka* «горная сосна» (в Ампеццо — *baranča*, фриульское *barankli* и т.д.). Сюда же относятся лат. *ibex* «каменный козел» (древнепортуг. *iviçon*), **balma* «пещера» (старофр., прованс. *baime*, ломбардское *balma*)³, исп., португ. *barga* «хижина, крытая соломой» (обвальденское⁴ *barğa* «крытый вход в дом», тирольское *bark* «коровник на альпийском горном пастбище»), **brenga* «лиственница» (*brendze* в Валле дель Орка и т.д.), **brenta* «корзина для переноски винограда» и т.п. (нижневерхне-немецкое диалектное *Brente*, ладинское *brenta*, фриульское *brente*), **troju* «дорожка, тропинка» (в Греднере *troi*, венецианское

¹ [Некоторые лингвисты определяют этот язык как балтийский!].

² Coromines (1975), S. 40.

³ Weisgerber (1931a), S. 52.

⁴ [Обвальден — область (полукантон) в Швейцарии].

trodzo) и многие другие¹. Эти слова можно распознать по тому, что они, как правило, имеют только местное значение, по большей части относятся к горной области и не имеют латинской или кельтской этимологии. Многие из таких слов могут быть по происхождению индоевропейскими, как, например, **barga* и само название «Альпы» (*Alpes*), которое обозначает эти горы, как «белые» (**alb-*), однако римлянам эти термины были переданы через посредство языка, где, как в этрусском, чужое *b* заменялось на *p* (например, лат. Требоний, этрусск. Трепу)². Не только докельтскими, но и доиндоевропейскими считаются обозначения «камня», особенно основы **kar(r)-* и **pal-*, которые перешли в кельтский, и они фигурируют не только в топонимах, но и в другой лексике. Так, основа **kar(r)-* сохранилась в *Carantania* (Кариинтия), *Carnuntum* (Петропелл – немецкий Альтенбург, северная Австрия), а также в галльском *karnitu* «воздвигнул надгробный памятник»³, др.-ирл., валлийском *carri* «каменный курган» и т.д. **Pal-* (?) фигурирует в лепонтийском *pala* «камень» (?), др.-ирл. *ail, all* «скала», также с расширением⁴: **palisa-* (нем. *Fels*), например, в галльском «Алезия»⁵.

Особенно многочисленны такие следы в гидронимии и топонимии. Возьмем, в частности, совершенно случайный пример – район Зальцбурга⁶. Здесь среди прочих докельтскими считаются названия нижнего и верхнего течения Зальцаха (*[Lu]yarus, *Isonta*), *Заалах* (ранее: Зала), Альм (близ Мария-Альм), Ламмер, Мур, Арль, Гастайн, *Фриц-* и *Уришллубах*, имена

¹ Ср. сооставление у М.-L. S. 1180ff. и статью S. 74, 78, 80, 114ff., 144, 354, 390, 743.

² Издревле Альпы обозначались как «белые» с помощью индоевропейского корня **albh-* на что, как справедливо замечал уже Страбон (IV, 6, 1), указывают многие топонимы в южных предгорьях Альп. Неструктурированная форма этого имени сохранилась в нашем [австрийском] *Alm* (с.-в.-н. *albe*). Я не вижу никаких причин предполагать здесь доиндоевропейское обозначение гор.

³ Об этом см. Lejeune (1971), S. 93ff.; Meid (1991), S. 39f., Anm. 9; Eska - Evans (1992), S. 42.

⁴ [Расширением обычно называется суффикс, значение которого утратилось со временем, причём, как правило, такой, в котором нет гласных].

⁵ Lejeune (1971), S. 87ff.; Meid (1991), S. 39f. m. Anm. 9; Eska - Evans (1992), S. 44.

⁶ В следующих примерах я в основном основываюсь на: Reiffenstein (1991), S. 1805ff.

таких мест, как Динтен, Леоганг, Лофер, а также горная цепь Таурэн¹.

В весьма значительной мере сохранились до сего дня и кельтские названия рек и местностей в восточноальпийском пространстве. Имя племени обитавших в верхнем течении Зальцаха амбизонтов дошло до нас в названии «Пинцгау» (*Pinzgau*)². В окрестностях города Зальцбурга (*Iuvavum*) такие места, как Кухль (*Kuchl*), Аднет (*Adnet*), Гредиг (*Grödig*), Аниф (*Anif*), Морцг (*Morzg*), Гмайн (*Gmain*), Глас (*Glas*), Парш (*Parsch*), Лойг (*Loig*), а также реки Ойхтен (*Oichten*), Глан (*Glan*) и Глас (*Glas*) имеют кельтские названия. В окрестностях Зальцбурга вплоть до самой границы между Бургенландом и Венгрией мы видим широкий пояс названий мест и рек, которые указывают на наличие здесь некогда поселений кельтов или более древних, но кельтизированных обитателей, хотя позднее названия мест, как правило, заменяются германскими или преобразуются на германский лад. Я перечислю (с запада на восток) только некоторые: *Boiodurum* «Город бойев» (Байдербах — *Beiderbach* или Иннштадт — *Innstadt* в Пассау), *Stancum* (Энгельхартеццель), *Joviacum* (Ашах/Шлеген), *Lentia* — Лиц (Linz), *Lauriacum* — Лорх (Lorch), *Laciacum* — Франкенмаркт (Frankenmarkt), *Ovilava* — Велс (Wels), *Tergolape* — Шваненштадт (Schwanenstadt), *Gabromagus* («Козье поле») — Виндишгарстен (Windschgarsten), *Tutatio* — Кирхдорф/Кремс (Kirchdorf/Krems), реки: *Agira* — Агер (Ager), *Isela* — Ишль (Ischl), *Truna* — Траун (Traun), реки с названием «Кремс» (*Krems*), *Agista* — Айст (Aist), *Anisa* — Эннс (Enns), *Tragisama* («Текущая быстрее всех») — Трайзен (Traisen), а также *Kambos*, *Kampos* («Изогнутый») — Камп (Kamp), на котором в южном Вальдфиртеле обитали племена *Parmaikampoi* и *Adrabaikampoi*. Кельтское племя бойев

¹ К моей собственной датировке имен с элементом *Tauern* я сегодня отношусь не с полным отрицанием, но со скепсисом. В: *Der Name der Tauern*. In: *Disputationes ad Montium Vocabula ...* = 10. Internationaler Kongress f. Namenforschung, Wien, 1969, S. 345ff. Действительно удовлетворительного объяснения этого широко распространенного названия гор пока не найдено.

² Это типичное название пага, такое, как *Ambilici* (*Ambidraui*) «те, которые живут вокруг Леха (вокруг Дравы). Из таких географически структурированных групп племен возникали союзы племен более высокого порядка, такие, как *regnum Noricum* и т.д.

оставило свое имя в двух германских названиях: «Богемия» (*Böhmen*, с.-в.-н. *Bēheim*), собственно «родина бойев», и «Бавария», собственно «те, кто населяют область бойев (*Baia*)». К востоку сюда можно включить: *Commagium* — Тулльнерфельд (*Tullnerfeld*), *Mons Cētius* («Лесная гора») — Винервальд (*Wienerwald*), а также *Aelium Cētiūm* — Санкт-Пельтен (*St. Pölten*) и *Vindobona* или *Vindobóna* — Вена (*Wien*); под этим названием, возможно, первоначально имелось в виду кельтское поселение у или на Леопольдсберге. Возможно, так же обстояло дело и с Карнунтом-Альтенбургом (см. выше), расположенным напротив устья *Marus* — Марха (*March*), который, предположительно, получил свое название от горы Браунсберг, и с расположенной в Норике итальянской торговой факторией Вируном (*Virunum*), которая сначала лежала только на горе Магдаленсберг. И здесь, как мы уже говорили, в середине I тысячелетия н.э. у подножья горы был основан новый Вирун¹.

Далее на запад, в области винделиков и в Декуматских полях, мы также находим множество таких названий. Прежде всего это *Dānuvius* (с.-в.-н. *Tuonouwe* «Дунай» с германизированной фонетикой и германским словообразованием), но также и *Licca* — Лех (*Lech*), *Moenus* — Майн (*Main*), *Dubra* — Таубер (*Tauber*) и другие. Важное название немецкого среднегорья — Герцинский лес (*Hercynia silva*), который уже в рассказе Ливия о переселении кельтов был целью отряда Сеговеза, так же, как и название Рейна, уже очень рано было заимствовано германскими языками или же (с точностью определить это невозможно) сохранилось неизменным в форме д.-в.-н. *Fergunna*, *Firgunna* (название горной цепи между Ансбахом и Эльвангенем, то есть горы Фихтель или Рудные горы). Назову и другие важные места: *Eburodunum* («Тисовая крепость») — Ивердон (*Yverdon*), *Lousonna* — Лозанна (*Lausanne*), *Vindonissa* — Виндиш (*Windisch*), *Tarodunum* — Цартен (*Zarten*), *Lopodunum* — Ладенбург (*Ladenburg*), названия племен тигуринов (возможно, сохранившееся в таких названиях мест, как *Tegernau*, *Tegernbach*, *Tegernsee*) и веностов (ср. *Vintschgau*).

Многие названия местностей представляют собой сложные слова и содержат характерные корни. Некоторые из них мы должны здесь упомянуть: помимо уже названных *-briga*,

¹ Kenner (1951); G. Piccottini, в: *The Celts* (1991), S. 550f.

-*dānum*, -*durum*, -*magos*, -*bona* (с не совсем ясным значением, может быть, «поселение»), -*brīva* («мост»), -*ialum* («вырубка, новь, участок, расчищенный под пашню»), -*lanum* («долина»), -*nemetum* («священная роща, место культа»), -*randa* («граница»), -*rate*, («крепость»), -*ritum* «брод»¹.

По сравнению со всем этим изобилием, из которого я могу привести лишь небольшую выборку с ограниченной территории, следы кельтского языка в нарицательных именах нужно искать буквально под микроскопом. Два характерных примера пришли из области молочного хозяйства в Альпах: это *Senn* «альпийский пастух» (д.-в.-н. *senno*, энгадинское *sañ*, обвальденское *siñun*) может восходить к кельтскому слову (**san4o* < пракельтск. **span-* «молоко», которое лежит в основе нем. *Spanferkel* «молочный поросенок»; сюда же др.-ирл. *sine* «сосок у животных»), а также нем. *Zi|e|ger* «творожный сыр» (с.-в.-н. *ziger*, граубюндское [*t|sigrun* ...]), которое выводится из галльск. **dui-gros* «двукратное разогревание» (ср. итал. *ri-cotta*)². Если эти этимологии справедливы, то они показывают, что у кельтов было принято перегонять стада на летние пастбища, и что они также держали в альпийских областях скот на горных пастбищах, и что германцы, заселяя альпийские области в V веке, еще могли войти здесь в контакт с носителями галльского языка³. Иоганн Ульрих Хубшмид даже считал, что галльский язык сохранялся в отдаленных горных долинах Швейцарии вплоть до XII века. В основном доказательствами служат названия местностей, например, такие, как *Val d'Ossola* (немецкое название «Эшенталь» — *Eschental*), что возводится к галльск. **oskilā*, **oskilos* «ясень», которое, судя по всему, является прямым переводом с галльского без римского посредничества. Точно так же швейцарское слово *tobwald*, нарицательное название темного соснового бора (встречается уже в 1299 году: *silvas nigras que teutonice vulgo tobwelde appellantur*), чему отвечает романское *Les Noires Joux*. *Tobwald* — это частичный перевод галльск. **dubo-iuris*

¹ По: Lambert (1995), S. 37.

² EWD III, S. 1618, 2025; DWB s.v. zieger. Sp. 931; относительно *Senn* и *Ziger* см. Hubschmied (1936), S. 88ff.

³ Hubschmied (1938), S. 49.

или **iuris dubā* и т.п.¹. Мне кажется маловероятным, что галльский был живым языком вплоть до XII века, хотя, наверное, не будет ошибкой сказать, что в отдаленных альпийских долинах он оставался в употреблении вплоть до раннего средневековья.

Наряду с этими немногими заимствованиями, связанными с определенными местностями и сравнительно недавними, имелось и некоторое количество более значительных кельтских заимствований, которые сохранились более или менее во всех германских языках и которые попали в германский язык еще в латенское время. Они касаются организации общества, вооружения и ремесла. С этими словами мы уже познакомились. Они являются яркими свидетельствами культурной и цивилизационной высоты, на которой находились латенские кельты.

Обиходный латинский язык — «вульгарная латынь», — разумеется, заимствовал в кельтских провинциях значительное количество туземных слов, и многие из них также сохранились до сего дня там, где кельтские языки остались господствующими, прежде всего в пространстве трансальпийской Галлии. Изучение этих слов, на которое оказала длительное влияние вышедшая в 1884 году работа Рудольфа Турнейзена «Кельто-римские очерки» (*Kelto-romanisches*), до сего дня остается одной из важных задач романистики. Благодаря тем культурно-историческим выводам, которые можно сделать на основании исследования всех этих слов, эта тема остается захватывающе интересной, однако здесь мы можем коснуться ее лишь вскользь².

Если говорить о лексике всей Романии, то по осторожным подсчетам доля кельтских слов составляет около 7% (для сравнения — доля германских слов более чем в три раза больше)³.

¹ *Hauptsee* < *Pennolocus* (в «Равеннской географии» VIII в.); *Dubenschwarz*, название хутора близ Сурзее (Люперн) в болотистой местности на северном побережье озера Семпахер, должно быть переводом (конечно, только предполагаемого здесь) названия реки *Dubis*; Hubschmied (1938), S. 50f., 60f.; о том же (отрицательно) Weisgerber (1939), S. 45ff.

² Укажу на: Dottin (1920), S. 72ff.; Hubschmied (1936); Hubschmied (1938); DAG S. 68ff.; Fleuriot (1980a), S. 61ff. (с вопросом: что происходит из галльского, и что — из бретонского?); для Италии: Silvestri (1981); Campanile (1983b); для испанского: Corominas (1976).

³ Моя оценка базируется на количестве статей в M.-L.

Если мы оставим без внимания ранние заимствования в латинском языке, которые в романских языках фигурируют уже как настоящие, исконно латинские слова, то, говоря о заимствованиях в эпоху римских провинций (особенно галльских во французском), можно насчитать около 133 нарицательных имен и глаголов кельтского происхождения¹. Такие обычные романские слова, как *changer* «менять» (а также итал. *cambiare*, старонисп. *camear* и т.д.), *cheval* «лошадь» (а также итал. *cavallo*, исп. *caballo*, румын. *cal* и т.д.), *chemin* «дорога» (итал. *cammino*, исп. *camino*, португ. *caminho* и т.д.)², *chemise* «рубашка» (итал. *camicia*, исп., португ. *camisa*, румын. *cămașă* и т.д.), старофранц. *cervoise* «пиво» (исп. *cerveza*, португ. *cerveja* и т.д.), *mouton* «баранина» (фриульск. *molton*, каталанск. *molto* и т.д.), *lieue* «лье» (исп. *legua*, португ. *legoa* и т.д.), *pièce* «часть» (итал. *pezza*, исп. *pieza*, португ. *peça* и т.д.), происходят от галльских *cambiare* (tem pro te dare — «обменять одну вещь на другую» у Эндлихера) *caballus*, **kam|m|inos*, **kamisia*, **cērvisia*, **multōn*, **leuga*, **pettia*. Многие слова встречаются только во французском языке: *brasser* «варить пиво», *glaner* «собирать колосья после жатвы», *briser* «разбивать» (сюда же др.-ирл. *brissim* «я разбиваю» с экспрессивным удвоением), *tonne* «бочка», *chêne* «дуб», *arpent* «арпан» (мера площади) (< галльск. *arepennis*; сюда же др.-нем. *Fürhaupt*), *marne* «мергель» (< др.-франц. *marle* < галльск. *margila*, которое также было заимствовано, как д.-в.-н. *mergil* «мергель»), *sillon* «борозда», *quai* «набережная» (< *caio* у Эндлихера «оправа»), др.-франц. *mesgue* «сыворотка», *brèche* «соты», *lie* «барда», *boue* «грязь, слякоть», *grève* «гравий», вторичное значение — «забастовка», *caillou* «булыжник»... Во всех случаях речь идет о повседневных словах (иногда употребительных только в диалектах) из крестьянского, ремесленного и домашнего обихода. В основном это обозначения вещей и лишь изредка — слова.

Когда выше я говорил, что около 7% романского словарного

¹ Ср. Dottin (1920), S. 72ff.; Lambert (1995), S. 186ff. Если отбросить недостоверное, то остается около 120 более-менее достоверных галльских слов. Приведенные мной примеры я заимствую из M.-L., Vinot (1933), Wolf (1979), Lambert (1995). Указание на «новофранцузский» я опускаю.

² Ближайшего родственника предполагаемого галло-римск. **kammino*- мы находим в кельтиб. *Camnon*; Meid (1993), S. 89f.

запаса основано на кельтских корнях, я понимал это только в этимологическом смысле, принимая за основу не весь словарный запас как таковой, а только корни слов, но не их расширения и производные. Если бы мы взяли за точку отсчета действительно весь словарный запас, то процент «галльских слов» сильно снизился бы. Кроме того, в наших расчетах мы не учитывали частоту, то есть фактическую важность слов в зависимости от того, как часто они встречаются и применяются¹. В общем и целом слова германского происхождения занимают значительно более высокое место по встречаемости (*trop, guere, blanc, salle, garder, bout, franc, bord ...*)². Объяснение этому очень простое: западно-франкский не только более молодой и поэтому лучше сохранившийся слой: язык франков был престижным языком господ, сравнимым с латинским в его отношении к галльскому, и его словарный запас охватывал совсем другие области и поэтому, как язык элиты, оказался более жизнеспособным. Конечно, нельзя сказать, что галльское словарное наследие в современном французском не играет никакой роли, но нельзя сказать и что оно имеет основополагающее значение.

Как же обстоит дело с фонетикой и морфологией? Здесь можно подозревать, что по сути все грамматические признаки французского, которые нельзя понять только исходя из вульгарной латыни, пришли из кельтского субстрата. Прежде всего, заметное ослабление звуков в интервокальной позиции (между гласными), особенно заметное в западной Романии (то есть в северо-итальянском, ретороманском, франко-провансальском, французском, провансальском, каталонском, испанском и португальском), интерпретировалось как влияние галльского

¹ Если посмотреть с этой точки зрения, то получается совершенно другая и гораздо менее «благоприятная» картина. В современном французском частотном словаре, который подсчитывает частоту встречаемости 5082 слов, начиная с наиболее часто употребляемого слова № 1 (*le*) до 141 различных слов, встречающихся в корпусе текстов из 500 000 слов только 5 раз, обнаруживается лишь около дюжины слов кельтского происхождения. Самым частым из этих слов является *bee* «клов, носик» на 39 месте (65 раз), затем *pièce* на 507-м, *chemin* на 513-м, *grève* на 1436-м, *houe* на 2007-м, *briser* на 2264-м и *chemise* (18 раз) на 2368-м месте. Другие слова настолько редки, что их встречаемость уже незначительна; по Wolf (1979), S. 40. Я сомневался в достоверности этих данных, поскольку мне не верится, что *bee* употребляется чаще, чем *changer*.

² Wolf (1979), S. 47f.

субстрата. Например: лат. *maturu* > исп. *maduro*, прованс. *madur*, старофр. *mēur* (из **madur*) > новофр. *mûr* (>nlrz. *vie*); лат. *sēcūru* > исп. *seguro*, прованс. *segur*, старофр. *sēur* > новofранц. *sûr* (из промежуточной ступени с -g-); лат. *sapere* > исп. *saber*, прованс. *saber*, старофр. *saveir* > новофр. *savoir* (вопреки классическому итальянскому *maturu*, *sicuro*, *sapere*). Это ослабление согласных, которое относят к V веку, имеет явную параллель в Британии: галльск. (пракельт.) *litanos* «широкий» > валл. *llydan*, галльск. *dekan(tem)* «десятая часть» > кумт. *deg* «десять», лат. *cupidus* > валл. *cybydd* «скряга». Скептики возражают на это, что хорошо известная в британских языках лениция не была убедительно засвидетельствована в островных кельтских языках, в то время как для объяснения изменения в западнороманских языках она непригодна. Однако я считаю, что в галльском лениция уже имела и ее действие было сравнимо с действием древнебриттской лениции (ср. *Veleda* «провидица» как валл. *gweled* «видеть» из **yelet -*)¹, но в то же время, поскольку ассимиляция согласных в интервокальном положении встречается достаточно часто (например, в «домашнем» немецком², швабском, франконском, саксонском и в американских диалектах английского), следовательно, она могла возникнуть в Романии независимо. В любом случае, в отличие от островных кельтских языков, в континентальном кельтском в ходе такой факультативной и, возможно, ограниченной диалектами лениции не возникло никаких новых звуков со смыслоразличительной функцией (фонем). Мы уже видели, что характерная черта кельтской мутации состоит в том, что она работает и во фразовой фонетике через границу слова. С этим, пожалуй, можно фактически сравнить только фонетическое соседство в таких случаях, как франц. *ils ont* (с [z]) против *ils sont* (с [s]). Однако другие подобные явления у других согласных встречаются редко. Напротив, в испанском этот процесс в акцентах синтаксической группы проводится систематически у *b*, *d*, *g*: *ocho dias* (с [d]) против *los dias* (с [d])³. Проблема в том, что именно на иберийском полуострове следовало бы ожидать меньшего влияния кельтского языка, чем в

¹ GKAR S. 555ff.; обобщение в GPN S. 400ff.; Eska — Evans (1992), S. 41.

² [-Домашний] немецкий (Binnendeutsch) — немецкий язык, употребляемый в самой Германии (в отличие от немецкого языка Швейцарии и Австрии).

³ Terneš (1993), S. 304ff., с обширными примерами из иванских диалектов.

Галлии. Кроме того, это ослабление гласных переходит и на те области, в которых кельтский субстрат не мог играть никакой особой роли, как, например, Средняя и Южная Италия, включая Корсику. В тосканском также имело место это ослабление согласных, сравнимое с ирландской леницией, которое происходило не только внутри, но и по законам фразовой фонетики в начале слова: лат. *amica* > тосканское *amiXa*, лат. *illa carne* > *la Xarne*¹. Совершенно очевидно, что здесь о кельтском субстрате говорить не приходится.

Почти единодушно принято положение, что развитие лат. *u* во фр. *u* (соответственно [y]=*ū*) говорит о кельтском влиянии, поскольку в британской ветви островных кельтских языков прослеживается такое же развитие (лат. *mūru-* > фр. [my:r] как ср.-валл. [my:r]). Из галльского мы на этот счет ничего не знаем. То, что это явление встречается также и в Верхней Италии², что, как правило, считается доводом в поддержку гипотезы субстрата, в моих глазах, наоборот, ослабляет эту гипотезу. В-третьих, указывают на отчасти соответствующее развитию фонетической группы *-kt-* (*-ct-*), соответственно, *-Xt-*, лат. *noct-* > старофр. *nuit* как кельт. **noXt* (< пракельт. **nokt-*) > валл. *-noeth* (ср. также галльское *ambaXt-* «дружинник»: валл. *amaeth* «батрак»); но др.-ирл. *nocht*. Это еще один «подозрительный» в отношении субстрата момент, который удостоился благосклонного внимания Пьера-Ива Ламбера³.

Интересно, что во всех этих трех пунктах ирландский идет другим путем и сходство прослеживается только с британским, географически более близким и в целом ближе связанным с галльскими языками. Сейчас — по тем или другим причинам — стало немодным говорить о субстратах. Тем не менее, констатируется определенное «типологическое» кельтско-римское родство, то есть целый ряд признаков, которые отклоняются от «общеευропейского языкового типа». Сюда относится неоднократно упомянутая выше британская и галло-римская лениция⁴. Однако в этой модели общего языкознания никто не

¹ Lausberg (1967), § 362.

² См., например, Wolf (1979), S. 41.

³ Lambert (1995), S. 46f.

⁴ Teres (1993).

задается вопросом, откуда, со своей стороны, происходят эти «типологические отклонения».

К морфологии в широком смысле слова относится образование числительных. Здесь на самом деле между островной кельтской и французской системами счисления существует весьма поразительное сходство. Первоначально эта двадцатеричная система господствовала во французском, начиная с «сорока» (старофр. *dous vînz*), точно так же, как и в сегодняшних кельтских языках: валл. *deugain*, брет. *daou-ugent* «две двадцатки» (ср. древневалл. *douceint*, ср.-корн. *dev vgens*, др.-ирл. *dá fchit*). Вплоть до XVII века и «шестьдесят» называлось *trois vingts* (ср. валл. *trigain* < *tri ugain*, ирл. *trí fichid*). Начиная с «восьмидесяти», двадцатеричная система и сегодня является обязательной: *quatre-vingts* (ср. валл. *pedwar ugain* как и ирл. *ceithre fichid*). Французские формы *septante* «70», *huitante* «80» и *nonante* «90», конкурирующие с двадцатеричной системой, уже в XVII веке были заклеены как «нефранцузские» и сегодня остаются в употреблении только в Швейцарии и у валлонов. Соответствие распространяется и на промежуточные числа: «семьдесят» в старофранцузском было *treis vînz et dis* — как валл. *trigain a deg* «три двадцатки и десять» и «девяносто» — *quatre-vingts-dix* — как валл. *pedwar ugain a deg*. Но и здесь все не так просто, как кажется с первого взгляда. По древнейшим источникам двадцатеричная система строго проводится только в бриттских языках. В древнеирландском существуют древние индоевропейские числительные десятиричной системы наряду с более редкими числительными двадцатеричной, которые берут верх лишь позже. Из этого можно было бы сделать вывод, что двадцатеричной системы в галльском еще не было и что галльско-латинское (Abl. pl.) *tricontis* (CIL XIII 2494) «тридцать» (соответствует брет. *tregont*), как кажется, это подтверждает. Однако можно возразить, что, вероятно, двадцатеричная система, как и в старофранцузском, первоначально начиналась только с «сорока». Во всяком случае, помимо «тридцати» ни в одном бриттском языке нет остатков десятиричной системы, таких, как те, что сохранились в древнеирландском¹. А относительно

¹ KGT II, S. 129f. § 474; S. 134f. § 478, 2. 3; GOI S. 124 § 390.

числительных больше «десяти» — континентальные кельтские языки нас подводят.

Указывают на то, что и в германских языках есть отчетливые следы двадцатеричной системы¹. Нередко в связи с этим вспоминают датский язык. Число «60» передается здесь как *tresindstue* «трижды двадцать», а «70» как *halvfjerdsindstue* «половина-четырежды-двадцать» (то есть «три раза целая и на четвертый раз — половина двадцатки»). Однако уже сама этимология слова *tue* «двадцать» говорит о том, что первоначально оно обозначало десятки. Лежащее в его основе средненемецкое *tiughæ* обозначало «-дцать» и соответствовало ему этимологически, точно так же, как н.-в.-н. *Stiege*, которое также теперь обозначает «двадцать (штук)». В раннее Новое время этот «подсчет по веткам» (*Schneisen-Rechnung*)², пришедший из жаргона рыбаков, вытеснил унаследованные общегерманские образования, такие, как средненемецкое *siu-tyugh* (= *sieb-zig*). В английском, как известно, также существует счет по двадцаткам с помощью *scores*. Однако *score* — это скандинавское заимствование со значением «зарубка, трещина, куча; 400 штук», которое пришло в язык в среднеанглийский период.

Все это, конечно, не имеет ничего общего с кельтской и французской двадцатеричной системой и не помогает ее объяснению, особенно потому, что можно показать, как хозяйство и торговля привели к возникновению такой разработанной системы и способствовали ее закреплению. Является ли французская двадцатеричная система остатком галльского субстрата, зависит от того, можно ли считать островную кельтскую (прежде всего британскую) двадцатеричную систему такой же древней³.

Конечно, можно сказать, что кельтский оставил в языке французов (которые, как известно, любят называть себя «галлами») лишь скудные следы, но только если оставить без внимания

¹ Двадцатеричную систему счисления рассматривали также как субстратное влияние докельтского населения. В Индии также есть следы двадцатеричной системы, прежде всего в дондийских языках: J. Vendryes, *L'écriture ogamique et ses origines*, in: Vendryes (1952), S. 247ff., 271f.

² [По «веткам» (*Schneise*) считали насаженную на них мелкую дичь, рыбу или фрукты; как правило, по двадцать штук].

³ Совершенно абсурдно предположение Bruster (1986), S. 69f., согласно которому двадцатеричная система восходит к счёту по пальцам [рук и ног].

данные топонимии и гидронимии; точно так же обстоит дело с Рейнской областью, которая теперь является германскоговорящей. В отличие от территории Норика и Паннонии, где континуирует кельтско-романского языка, а также и поселения неоднократно прерывался (ср. *deserta Boiorum* у Плиния в «Естественной истории», III, 24), в Галлии и Германии это было отнюдь не так. В этих богатых, густонаселенных и плодородных провинциях мы до сего дня находим в больших количествах дошедшие до наших дней романизированные кельтские названия, которые сохранились даже там, где расселялись алеманны и франки¹. Я назову наугад несколько топонимов из Нижней Германии: *Bertunum* – Биртен (Birten), *Bonna* – Бонн (Bonn), *Caryium* – Хервен (Herwen), *Divitia* – Дейц (Deutz), *Lugdunum* – Лейден (Leiden), *Mediolanion* – Милен (Mülen) в Гельдерне in Geldern), *Noviomagus* («Новое поле») – Неймеген (Nijmegen), *Tolbiacum* – Цюльпих (Zulpich) и др. Крупнейшие реки этого региона – *Rhēnus* – Рейн (Rhein) и *Mosa* – Маас (Maas) до сих пор сохраняют свои кельтские имена.

Из Верхней Германии я назову: *Antunacum* – Андернах (Andernach), *Baudobriga* («Город славы») – Боллард (Boppard), *Borbetomagus* – Вормс (Worms), *Brisiacum* – Брайсах (Breisach), *Brocomagus* («Барсучье поле») – Брумат (Brumath), *Epmandudurum* – Манлер (Mandeure), *Isarnodurum* («Железный город») – Изернор (Izernore), *Luxovium* – Люзей (Luxeuil), *Moguntiacum* – Майнц (Mainz), *Noviodunum* («Новый город») – Нион (Nyon). Среди названий гор следует упомянуть Юру (*Iura* – «Лес») и *Vosegus* (древненем. Wasgau, сейчас Вогезы), из важнейших рек – *Dubis* («Черный») – Дуб (Doubs) и *Sequana* – Сена (Seine), которая также была божеством здоровья и материнства.

Собственно в Галлии, то есть на территориях современных государств Люксембург, Бельгия и Франция, кельтские топонимы встречаются тысячами². Как правило, это производные от личных имен (людей, племен и богов), иногда – имена нарицательные. От *Mārus* «большой» могло быть образовано *Māro-ialus*, что означало «Большое поле» или «Поле Мара». По Хольдеру, оно сохранилось в 26 названиях мест типа *Mareuil*,

¹ Весьма полное обобщающее изложение см. в DAG и особенно в Weisgerber (1958), S. 5ff.

² Введение в огромную литературу по этому вопросу можно найти в Duval (1971) I, S. 131ff.

а также в названиях мест, таких, как *Maroeuil, Mareil, Mareau, Mareugheol, Mareuge, Marvejols, Marolle und Maroilles*¹. Название *Vindobriga* «Белый город» или «Город Винда» живет в таких названиях мест, как *Vendeuvre, Vendocuvres, Vandoeuvre* (всего девять). В основе таких составных названий могло быть и римское имя, как показывают, например, топонимы, образованные с помощью элемента *Augusto-* (как *Augustonemetum* «Святынище Августа», ныне Клермон-Ферран или *Augustodunum*, ныне Огэн). Очень часты производные с кельтским суффиксом — *ācus, -ācum*, который в названиях мест сохранился в виде *-ai, -ais, -ay, -é, -as, -ac*, как, например *Vindiācus* — в *Vanzac, Vanzais, Vanzay, Vanzé, Vanzy*². О том, что этот тип образования пользовался особой популярностью, говорит и то, что такие названия образовывались и от латинских основ. Так, например, от имени «Юлий» (*Iulius*), родового имени Цезаря, было произведено название *Iuliācus*, которое сохранилось в *Juillac, Juillé, Juilley, Juilly, Jullié, Jully* и немецком *Jülich* (близ Аахена), в общем и целом более чем в двадцати местах³. От родового имени «Секундий» (*Secundius*) было произведено название *Secundiācus* (в: *Segny, Segonzac, Segozac, Segougnac*, а также итальянском *Secugnago*), от «Секундиний» (*Secundinius*) образовали *Secundiniācus* (в: *Secondigny, Secondigné*) и т.д.⁴. В качестве примера теофорного названия места можно привести формы *Blesmes, Blismes, Beleymas, Balesmes, Bellême*: все они содержат имя галльской Минервы Белисамы (*Belisama*)⁵. Особенно впечатляет то, как сохранились названия галльских племен, особенно на франкоговорящем пространстве: это показывает, что территорию города продолжали понимать как территорию местных *civitates*. И поэтому чрезвычайно многочисленны городские надписи с обозначениями лиц типа «X, гражданин *civitas* Y»: так, некий Региниан, который поставил надгробный камень своей супруге в Бордо, оговаривает, что он... *c(ivis) Coriosolis* («гражданин Корселя»: *CIL XIII 616*). Люди продолжали ориентироваться на древнюю племенную принадлежность;

¹ AcS II, Sp. 435.

² AcS III, Sp. 339, 345f. См. недавнюю обобщающую работу Buchmuller-Pfaff (1990).

³ AcS II, Sp. 86f.

⁴ AcS II, Sp. 1426f.

⁵ AcS I, Sp. 386f.; Wolf (1979), S. 38.

оставалось важным, является ли человек фактически карнутом, белловаком или каталауном. Цитирую по Х.Й. Вольфу (в скобках — древние названия племен): *Amiens (Ambiani)*, *Angers (Andecavi)*, *Arras (Atrebatas)*, *Auch (Ausci)*, *Avranches (Abrincatui)*, *Bayeux (Bodiocasses)*, *Bazas (Vasates)*, *Beauvais (Bellovaci)*, *Bourges (Bituriges)*, *Cahors (Cadurci)*, *Chalons (Catalauni)*, *Chartres (Carnutes)*, *Chorges (Caturiges)*, *Corseul (Curiosolites)*, *Dreux (Durocasses)*, *Evreux (Ebuovices)*, *Javols (Gabali)*, *Jublains (Diablinti)*, *Langres (Lingones)*, *Le Mans (Cenomanni)*, *Limoges (Lemovici)*, *Lisieux (Lexovii)*, *Meaux (Meldi)*, *Metz (Mediomatrici)*, *Nantes (Namnetes)*, *Nantua (Nantuates)*, *Paris (Parisii)*, *Perigueux (Petrucorii)*, *Poitiers (Pictavi)*, *Reims (Remi)*, *Rennes (Redones)*, *Riez (Reii)*, *Rodez (Rutheni)*, *Saintes (Santones)*, *Sééz (Sagii)*, *Sens (Senones)*, *Soissons (Suessiones)*, голландское *Tongeren (Tungri)*, *Tours (Turones)*, *Trier (Treveri)*, *Troyes (Tricasses)*, *Vannes (Venetes)*, *Vermand (Viromandui)*, *Vieux (Viducasses)*. Замечательно то, что большая часть этих городов имели другое, чаще всего латинское или латинско-кельтское название. Так, и Сент, и Эвре назывались *Mediolanum*, Реймс — *Durocortorum*, Тур — *Caesarodunum* («Город Цезаря»), Лимож — *Augustoritum* («Брод Августа»). Высказывались предположения, что эти названия были в IV веке заменены старыми названиями племен¹. Названия военных подразделений образовывались так же: размещенные среди озисмиев и набранные в Африке мавры получили образованное по-галльски прозвание *Osismiaci*, а не *Osismienses*². В общем и целом можно сказать, что большая часть французских, провансальских и валлонских названий водоемов, элементов ландшафта, полей и местностей или чисто кельтские или образованы по-кельтски из слов средиземноморского происхождения.

Много спорили о том, когда именно вымер континентальный кельтский (здесь я имею в виду галльский и галатский языки)³. В этой дискуссии очень важно замечание святого Иеронима (ок. 345–420), который в начале второй книги своего комментария на Послание к Галатам (386/7) говорит, что гала-

¹ Wolf (1979), S. 38ff.

² Galliou — Jones (1991), S. 115.

³ Из множества работ на эту тему я называю только Weisgerber (1939) и Fleuriot (1980a), S. 55ff. О вымирании кельтского языка в Верхней Италии см. в главе «Распространение кельтов на юг и юго-восток», кельтиберского — см. главу «Кельты на Иберийском полуострове».

ты имеют (наряду с употребительным на всем Востоке греческим) свой собственный язык, якобы почти такой же, как язык треверов (*Galatas excepto sermone Graeco, quo omnis oriens loquitur, propriam linguam eandem pene habere quam Treviros*). Конечно, можно было думать, что они несколько испортили (*corruperint*) свой древний язык точно так же, как африканцы изменили финикийский, да и сам латинский язык менялся в зависимости от времени и места¹. Представляется, будто это место показывает, что галльский язык сохранился в Трире, и — что намного более удивительно — язык галатов сохранился в Малой Азии. Критическая филология приняла это позднее свидетельство в штыки; говорили даже, что Иероним почерпнул свою информацию из сочинений ученого римского антиквара Варрона Реатинского (116—27 до н.э.), а тот — у Посидония. Однако доказать это невозможно². Следует при этом отметить, что сам Иероним побывал и у треверов (370), и у галатов (373/4)³. Другую, может быть более вероятную, возможность увидел Лео Вайсгербер: он считает, что высказывание Иеронима основано на данных, которые он мог извлечь из Лактанция, на которого он ссылается. В таком случае данные о языке галатов восходят к началу IV столетия⁴. Конечно, имевшаяся у святого информация могла быть и не совсем «актуальной», но то, что она просто была заимствована у Посидония, конечно, невероятно. О том, что галатский в христианскую эпоху был еще живым языком, свидетельствует

¹ S. Eusebii Hieronymi... *Commentariorum in epistolam ad Galatas libri tres*, in: PL 26, Sp. 382; об этом (скорее положительно) Naarhoff (1920), S. 17.

² Примерно так у Краппе (1929), S. 128. Однако и сам Иероним говорит, что Варрон очень много писал о галатах, но он, Иероним, воздерживается от использования этого источника, поскольку Варрон был язычником и Иероним не хотел «вводить необрезанного в храм Господень», и более не упоминает о работе Варрона (PL 26, Sp. 379). Конечно, это могло (но не обязательно) быть и ученым кокетством святого. Краппе представляет это так, что ссылка на Варрона и высказывание о галатском языке неотрывно следовали в тексте друг за другом и служили для того, чтобы прозвучать впечатлением на адресатов автора комментария — матрону Паулу и девушку Евстохию. Однако фактически между этими двумя местами есть еще четыре главы. Неопосредственно перед важным для нас местом Иероним упоминает об очевидце, который якобы бывал в Анкаре и там наблюдал пышный расцвет разных сект. Следы подобных глупостей (*stultitiae*) наблюдаются и сегодня. Одна из них — это сохранение старого языка, велед за чем и следует проинтерпретированное предложение.

³ Cp. Weisgerber (1939), S. 28f.

⁴ Weisgerber (1939), S. 29ff.

в первую очередь название христианской секты таскодругитов (*tasokodrouítai*), которое должно было происходить из местного языка (хотя передаваемое греческими авторами объяснение этого названия кажется не вполне верным)¹. Я лично не вижу ничего из ряда вон выходящего в утверждении, что во время Иеронима галатский язык был похож на язык треверов. Настораживает скорее то, что употребление галльского языка приписывается *civitas Treverorum*, в границах которого именно в это время находилась резиденция римских императоров². Если же говорить о галатском, то достаточно вспомнить, что готский язык в Крыму сохранился в окружении греческого, турецкого и татарского вплоть до XVI века, то есть существенно дольше, чем галатский в негостеприимных горах Анатолии! Почему же не мог и где-то в Галатии старый язык сохраниться как пережиток, а Иероним не мог об этом узнать?

Несколько по-другому, на мой взгляд, обстоит дело со свидетельствами сохранения кельтского языка в Галлии. Отправным пунктом здесь служат собранные Вольфгангом Мейдом свидетельства из созданного около 400 года магическо-медицинского трактата Марцелла из Бордо (*De medicamentis*) с заклинаниями, которые около 400 года должны были быть уже непонятны, и короткие надписи на пряслицах III или IV века, сам текст которых (типа «Приди, девушка, прими мой поцелуйчик» или «Милая девушка, дай пива»...) говорит о том, что галльский все еще был живым языком³. Для дальнейшего периода ссылаются на четырех авторов⁴: Сульпиция Севера (около 400), Сидония Аполлинария (вторая половина V в.), Венация Фортуната и Григория Турского (оба относятся ко второй половине VI в.).

Аквитанец Сульпиций в диалоге о жизни Мартина Турского (*diál. de víta Martini I, 26*) заставляет ученика святого отвечать риторическим общим местом: он, дескать, боится оскорбить уши великосветского аквитанского собеседника своей мало-

¹ Первый элемент — *tasoko-* понимали как «кол», второй — *droug-* как «нос, ноздри» и объясняли это слово так, что члены этой секты созерцателей якобы держали во время медитации палец у кончика носа, призывая к молчанию; AcS II, Sp. 1745ff.; Weisgerber (1931b), S. 162f.; KGP S. 276.

² Как справедливо говорит Weisgerber (1939), S. 30f.

³ Meid (1980), S. 10ff.; об этом Schmidt (1983); Meid (1996a).

⁴ Ср. Fleuriot (1980), S. 55ff.

грамотной латынью, на что аквитанец возражает: «...говори хоть по-кельтски или, если хочешь, по-галльски, только говори о Мартине!» (...vel Celtice aut si mavis Gallice loquere dummodo Martinum loquaris). В толковании этого места я не могу вполне присоединиться к Вайсгерберу, хотя в основном я разделяю его скепсис¹. «Кельтский» и «галльский» не должны здесь обозначать «мужицкий» галло-латинский говор Средней Галлии: скорее эти термины все же указывают на кельтские языки, и прежде всего потому, что для говорящего они должны бы быть трудными для понимания или совершенно непонятными. В такой ситуации мы могли бы в шутку сказать: «Да по мне говори хоть по-китайски, только скажи наконец...!», чтобы еще больше подчеркнуть нашу настойчивость.

Происходивший из Лиона Сидоний в датированном 471 годом письме к своему зятю Экдицию, сыну императора Авиты, говорит, что благодаря ему арвернская знать в своем стремлении «отбросить шелуху кельтской речи была напоена ораторским пером и даже напевами Камен» (*sermonis Celtici squamam depositura nobilitas nunc oratorio stilo, nunc etiam Camenalibus modis imbuebatur; epist. III, 3, 2*). Трудность здесь состоит в многозначности слова *sermo*, которое может означать как язык, так и манеру говорить или выражаться. *Sermo Celticus*, видимо, должно обозначать не «кельтский язык», но скорее все те неприглядные провинциализмы, солецизмы и стилевые ошибки, от которых можно было избавиться с помощью обучения риторике. Очевидно лишь то, что *sermo Celticus* противопоставляется латинскому риторическому стилю и речевому искусству, «напевам Камен»².

Венанций Фортунат (*Carmīna I, 9, 9f.*) в 564 или 565 году упоминает о языческом святилище, находившемся на месте позднейшей базилики Сен-Венсан близ Ажена (департамент Ло-и-Гаронна), и мимоходом замечает, что название *Vernemetis* «на галльском языке значит "огромный храм" (*fanum ingens*)» (*nomine Vernemetis voluit vocitare vetustias/ quod quasi fanum ingens Gallica lingua refert*). Здесь речь не столько о том, знал ли Венанций значение галльского слова *Vernemetis*, но скорее о том, говорит ли он об этом значении в настоящем времени. Подобным же образом обстоит дело и со свидетельством Григория Турского,

¹ Weisgerber (1939), S. 26f.

² Так же и Weisgerber (1939), S. 25ff.

который упоминает, что алеманнский король Хрок (*Crocus*) сжег дотла главное святилище арвернов (храм Меркурия Думиата), «который по-галльски называют *Vasso Galate*» (...*delubrum illud, quod Gallica lingua Vasso Galate vocant, incendit...*; *hist. Franc. I, 32*). Скорее всего, он должен был называться *Vassocaeltae* (об этом я еще скажу). Форма, приведенная у Григория, говорит о галльской лениции и о народно-этимологическом выделении имени «галаты». Однако здесь настоящее время «называют» (*vocant*), строго говоря, выражает только то, что святилище называлось так по-галльски, то есть имело галльское название, а не то, что галльский еще был в употреблении как живой язык. Это то же самое, что на основании фразы «Кельн, который по-латыни называется *Colonia Agrippinensis...*» делать вывод, что в Кельне до сих пор говорят по-латыни!¹

Точно известно одно: нельзя быть таким наивным, чтобы полагать: вот галльский язык сегодня был, а завтра уже вымер. Исчезновение галльского как живого языка, безусловно, происходило в ходе длительного периода двуязычия и все более и более значительной замены галльского латинским. На это указывают многие из прокомментированных Вольфгангом Мейдом надписей на прислицах, а также проанализированное им место из жития святого Симфориана (ум. ок 305)².

Четыре свидетельства, которые мы проанализировали выше, конечно, имеют различную ценность. Из слов Сульпиция и Сидония практически ничего нельзя вывести, а Венанций и Григорий говорят только о языковой принадлежности обозначения места культа, однако из этого опять-таки не следует, что галльский все еще был живым языком. Однако если Иероним мог сказать, что в его время у треверов в окрестностях императорской резиденции — Трира — все еще сохранялся кельтский язык, то, конечно, он мог сохраняться еще полтора столетия спустя в районе Ажена и на Пюи-де-Дом и еще вероятнее — в середине V века в сравнительно отдаленной Арморике!³

Хотя в течение многих десятилетий считалось, что бретонский язык был полностью основан на языке поселившихся в

¹ Противоположный вывод делает Fleuriot (1980a), S. 56f., который придает формам настоящего времени *refert* и *vocant* доказательную силу.

² Meid (1980), S. 12f.; Schmidt (1984).

³ Ср. Fleuriot (1980a), S. 57.

Арморике корнцев¹, и еще со времен Жозефа Лота (1883) полагали, что галльский язык полностью вымер, каноник Франсуа Фалькхун в 1962 году выдвинул предположение, что бретонский, прежде всего ваннский диалект, восходит к континентальному кельтскому, на котором еще продолжали говорить во время корнского расселения, и, таким образом, как «современная форма галльского» является наследником языка Верцингеторига и друидов. Эта гипотеза, которая была отвергнута другими учеными, такими, как Кеннет Х. Джексон, и модифицирована Леоном Флерио, все же мало-помалу пробивает себе дорогу². По всему тому, что было сказано выше, в предположении, что в самых отдаленных местностях Галлии (к которым определенно принадлежала Арморика) во время корнского переселения все еще продолжали говорить на галльском, нет ничего из ряда вон выходящего. Археологические находки также показывают, что Арморика на тот момент, когда там селились британцы, ни в коей мере не была опустошенной, обезлюдившей землей, хотя в конце IV века здесь и наблюдается определенный экономический упадок. Его причины (нападения германских племен, таких, как фризы и саксы, или грабеж британских пиратов) кажутся пока неясными. В любом случае страна была заселена так неплотно, что позднее переселенцы из Британии нашли здесь достаточно места, чтобы обосноваться, но в то же время она и не была настолько безлюдной, чтобы галльский язык здесь совершенно вымер³. Для V и VI веков (то есть для эпохи бриттской иммиграции) число жителей Бретани оценивается не более чем в 200–300 тысяч человек⁴. Это соответствует примерно десяти жителям на квадратный километр. Сегодня численность населения там примерно в пятнадцать раз больше.

¹ Например, Chadwick (1969); Galliou – Jones (1991), S. 144ff. с хорошим обзором истории вопроса.

² Falckhün (1970), там, на S. 79ff., краткий личный спор с К. Джексоном, который посвятил канонику Фалькхуну свою НРВ, см. далее; например, Fleuriot (1980a); Evans (1986b), S. 109f.; Le Du (1986), S. 206; Galliou – Jones (1991), особенно S. 128 (о бретонцах в Британии), S. 143 (о языке); ср. недавнюю работу Schmidt (1991), S. 3, Ann. 3.

³ Fleuriot (1980a), S. 35ff.

⁴ Fleuriot (1980a), S. 23f.

Проблема состоит лишь в том, как можно выделить эти галльские реликты, поскольку, конечно, недопустимо все различия между бретонским и корнским относить лишь на счет галльского субстрата. Следовательно, должны быть какие-то языковые признаки континентального кельтского языка, которые чужды островному кельтскому. Если бы бретонский был лишь поверхностно «островизированным» продолжением галльского, то следовало бы ожидать от него существенного вклада в истолкование недавно найденных галльских надписей из Шамальера и Ларзака, чего, однако, не наблюдается. Ввиду предполагаемой сравнительно интенсивной коммуникации между Корнуоллом и Арморикой¹, должны были бы найтись лексические параллели, в которых принимали бы участие только галльский, бретонский и корнский языки (последнее — как результат галлизации протокорнского в результате обратного движения переселенцев), и в редких случаях такие параллели обнаруживаются, как, например, обозначения «долгой жизни» (галл. *cotto*, брет. *koz̄h*, корн. *cōth*) или глагол «есть» (галл. *depro-*, брет. *debriʃ*, корн. *dybry*) и другие². Однако они могут, естественно, оказаться случайно сохранившимися докельтскими реликтами. Неясен и вопрос, могут ли такие формы, как *Rennes* < *Rédones*, *Nantes* < *Námnetes*, *Vannes* < *Vénetes* против *Redônes* > *Roadon*, *Namnètes* > *Naoned*, *Venéti* > *Gwened* как древние акцентные дублеты считаться свидетельством в пользу той или другой гипотезы³. В итоге можно сказать, что последнее слово в данном вопросе еще далеко не сказано и что «окончательное» исследование должно дать лишь количественное подтверждение того, что уже предполагалось на основании исторического правдоподобия: прибыв в Галлию, британцы оказались не в вакууме, а в сравнительно редко заселенной стране, где говорили на галльском диалекте, пронизанном влиянием латыни, который должен был смешаться с островным кельтским языком, родным для переселенцев.

¹ Fleuriot (1980a), S. 13f.

² Fleuriot (1980a), S. 63.

³ Fleuriot (1980a), S. 65ff.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

На континенте

Приимерно в эпоху гибели микенской цивилизации, в XIII веке до н.э., во Франции и одновременно в швейцарской культуре свайных поселений, а также в южной Германии возникла культура полей погребений (Urnfelderkultur). Около 1000 года мы встречаемся с ней на Нижнем Рейне, около 900 года до н.э. ее можно наблюдать в Испании¹. Уже с 1200 года она прослеживается в Чехии, Моравии и Силезии (там прежде всего в лужицкой культуре). Обсуждался даже вопрос, не возникла ли она именно там, поскольку выработка металла уже больше не была ориентирована на микенский и хеттский рынок, а направлена скорее на запад и юго-запад.

В конце VIII века северо-восточную границу того мира, который позднее стал кельтским, потрясло вторжение киммерийцев. Этот племенной союз, обитавший в южнорусских степях, очутился (возможно, это было косвенное следствие ухудшения климата) под давлением скифов (Геродот, IV, 11ff.)². Одна группа киммерийских конников пересекла Кавказ и обрушилась на Анатолию (о ней упоминается в ассирийских текстах), другая группа, судя по всему, продвинулась по Дунаю на запад вплоть до самой Баварии. Обычно считается, что на Балканах к ним присоединились и фракийские племена, поэтому и говорят о «фракийско-киммерийском» вторжении. «Ведущей окаменелостью» для этой группы захватчиков считается определенный тип лошадиной уздечки с набором, которая появляется в погребениях Баварии и даже Бельгии (Кур-Сен-Этьен)³. Однако не следует представлять себе вторжения и тем

¹ Совершенно по-особому шло развитие в среднем бронзовом веке на Британских островах, где, судя по всему, продолжались автохтонные традиции позднего неолита.

² Piggott (1965), S. 190, илл. 106, где показана экзпансия скифов.

³ Piggott (1965), S. 177ff. (с картой их распространения); Hart (1970a), S. 86f.; Kemenczei (1980).

более расселения больших групп «фрако-киммерийцев». Это все равно, что в наши дни на основании повсеместного появления джинсов и бутылок кока-колы в Европе делать вывод о североамериканском «нашествии». Культурные влияния касались прежде всего моды и были обусловлены высоким престижем воинов-всадников. Это влияние основывалось и на торговле, что выражается также в появлении новой породы лошадей. Дрессировка лошадей, верховая езда и использование колесниц¹, судя по всему, стали некоей эмблемой статуса, так что использование в переносном смысле нашего слова «рыцарь» для обозначения вновь возникшей аристократии в чем-то оправдано. Можно вспомнить и знаменитую поговорку *omnis nobilitas ab equo* — «всякая знатность от лошади»².

Из культуры полей погребений, пропитавшейся культурными достижениями с Востока (прежде всего, перенявшей восточные традиции езды верхом и на колесницах)³, выросла — без какого-либо культурного перелома — гальштатская культура (750—500). Гальштатцы преимущественно практиковали ингумацию, причем мне кажется сомнительным, что это было возвращение к традициям существовавшей за полвека до того курганной культуры, как это часто утверждают⁴. Разумеется, кое-где, например на юге Франции, культура полей погребений существовала и позднее, вплоть до VI века до н.э.⁵ Нигде не практиковалась либо кремация, либо ингумация, как единственный способ избавления от трупа.

Гальштатская эпоха стала временем расцвета во многом благодаря выплавке и переработке железа, а также добыче соли (пракельт. **salīno-*: в др.-ирл. *salann*, валл. *halen*, брет.

¹ Об этом подробно с археологической точки зрения пишет Хауен (1983); см. также прекрасную книгу Piggott (1992). Об изготовлении колес см. Kimmig (1983b), S. 20ff.

² Bruckner (1964/65), S. 181; Reitingner (1980), S. 24f., 30; ср. также Hafner (1992a), особенно S. 51ff., о боевых колесницах и уздечке с набором в княжеских погребениях культуры Хунсрюк-Айфель.

³ Конечно, можно предполагать, что уже в период культуры полей погребений колесница имела ритуальное значение. Об этом говорит как повозки с котлами, так и остатки сожженной вместе с телом колесницы в гробнице из Харга на Альпе (Верхняя Бавария); Powell (1962), S. 111 с примеч. 1; Piggott (1992), S. 122ff.

⁴ Filip (1982), S. 34.

⁵ Schule (1979), S. 201; Kruta (1986), S. 36.

c'hoalen)¹ и торговле этими товарами. Норикское железо (*ferrum Noricum*) вошло в поговорку и ценилось вплоть до эпохи римских императоров (NH, XXXIV, 155). Археологи убедительно объясняют огромное богатство и самого давнего название этой культуре Гальштата (Восточная Австрия), и находки в Миттелькирхене в Махланде (Восточная Австрия)² контролем над соляной торговлей, которая шла вниз по Дунаю³. Норикское железо (в чем состояли его металлургические особенности — мы до сих пор не знаем) производилось в до- и раннеримское время в различных местах в Бургенланде⁴, Каринтии и Штирии — но еще не из сидерита штирийских Рудных гор! — и его поставляли через Магдаленсберг (Каринтия) на юг. Большой некрополь гальштатской эпохи в Сумтале в районе Виса (Штирия) мог быть связан с горными разработками, а может быть, и с торговлей солью в этом регионе. Южане, видимо, расплачивались вином, как можно понять из Гомера (II, VII, 472f.). То, что на вино обменивали и соль, можно заключить из находки сосуда, наполненного более чем 120 литрами красного вина в гробнице княгини из Миттеркирхена.

Вторым важным местом выработки соли был Дюрнберг над городом Халляйн (Зальцбург). На кругом склоне Рамзауэркопф находилось укрепленное поселение, а в долине Рамзау поселились ремесленники. Гигантское кладбище относится лишь к последней фазе гальштата (D); зато оно просуществовало до латена С. Здесь наблюдается значительный континуитет, и для латенской эпохи это кладбище важнее, чем для гальштатской⁵. Около 100 года до н.э. соляные копи Дюрнберга резко утратили свое значение, и около 15 года до н.э. были почти совершенно заброшены. Предполагалось, что от Дюрнберга главенство перешло к Райхенхаллю, вблизи которого находился также значительный монетный двор в Карлштайне.

Относительное единство гальштатской культуры можно, скорее всего, объяснить, принимая во внимание обширные

¹ Schmidt (1983), S. 761.

² Общий очерк в Kroner (1959).

³ Perlwieser, в: Prunkwagen, S. 65.

⁴ Kaus (1981), S. 78ff., специально о мастерских в Бургенланде (округ Обернудлердорф).

⁵ Общий очерк в Moosleitner — Pauli — Penninger, особенно Pauli (1978).

контакты знатных родов, которые предусматривали обмен посольствами, заключение союзов с дипломатическими подарками и брачными союзами. Было бы неверно говорить о культурной замкнутости гальштатского и латенского времени. Еще во времена Цезаря Ариовист привез сестру короля Норика Вокциона почти за 700 км к себе на верхний Рейн! Если бы, например, эта неизвестная нам дама произвела там фурор своими норикскими нарядами и украшениями, ювелиры стали бы подражать мотивам ее украшений, а эти украшения дошли бы до нас, — то сегодня мы бы начали думать о «норикском элементе» в районе Страсбурга. В этом случае мы можем вспомнить о тех отношениях, которые связывали европейские правящие дома в средневековье и в новое время, — постоянных взаимных визитах и обменах подарками. В противном случае гальштатская и латенская культуры не могли бы быть столь космополитичными.

В это время значительно оживляются также завязавшиеся еще в VIII веке контакты с югом (прежде всего с итальянскими культурами Эсте и Вилланова)¹. Некоторые ученые, опираясь на литературные свидетельства о кельтах начиная с Геродота, склонны считать этих варваров, чья дикость и жестокость скорее принадлежат к области этнографических клише, чем-то вроде «первобытного» народа. Однако этому противоречит интенсивный контакт со средиземноморским пространством и очевидная по археологическим находкам способность носителей гальштатской культуры к аккультурации². Греки считали варварами прежде всего неэллинов, вне зависимости от того, принадлежали ли они к высокой и удивительной культуре, как например персы, или же жили в бесписьменном, «варварском», «диком» обществе, как народы севера. Понятие о варварстве всегда содержало в себе что-то, что делало свою культуру не абсолютной, а следовательно, нечто беспокоящее, нечто опасное, то, что нужно было оценить и отнестись к этому с пренебрежением и, таким образом, обезвредить. К таким «северным варварам» принадлежали, по понятиям средиземноморских народов, и кельты, которые, с точки зрения греков, стояли на том же культурном уровне, что скифы и фракийцы.

¹ Hart (1970a), S. 91ff.; Wells (1985), S. 69ff.

² Важные культурно-морфологические соображения на эту тему см. у Добеша: Dobesch (1983); Dobesch (1995).

В каком ряду стояли для греков кельты как варвары показывают античные предания, которые сравнивают их с титанами и гигантами. Кельты были синонимом всего хаотичного, демонического, богопротивного.

Возможно, именно от кельтов латенского — или даже еще более «ранних» или «протокельтов» гальштатского — времени германцы узнали свое обозначение железа, а может быть, и само железо, или, по меньшей мере, улучшенный метод восстановления руды, или определенные места ее добычи. Древнее германское обозначение железа, которое считается кельтским заимствованием, продолжает существовать в финно-угорских языках (например, финн. *rauta*, эст. *raud*) как явное заимствование из прагерманского. Ранее я уже подробно разбираю обозначения железа и отсылаю здесь читателя к этому анализу¹. Трудность состоит, с одной стороны, в том, что в кельтских языках встречается несколько обозначений, которые невозможно привести к одному знаменателю (галльск. **īsarno-*, др.-нрл. *īarn*, *īarn*, но валлийск. *haearn*, др.-корн. *hoern*, др.-брет. *houarn*). С другой стороны, и в германских языках существует три формы обозначения железа, две из которых трудно связать друг с другом (нем. *Eisen*, *eisern*, но древнесканд. *járni*). Из этого очевидно, что мы имеем дело с чрезвычайно сложным взаимовлиянием, которое, однако, в данном случае сводится к тому, что все германские обозначения, в конечном счете, происходят из языка гальштатского или латенского культурного пространства, то есть из кельтского языка². Насколько высок был престиж железа у кельтов, явствует из того, что обозначение «железа» встречается в личных именах, прежде всего у островных кельтов, а также, соответственно, и в бретонском³.

¹ GKAR S. 128ff. Я считаю, что германцы уже в период бронзового века знали железо и даже сталь (последнюю только как материал для изготовления инструментов) и уже умели восстанавливать железо до того, как влияние гальштата принесло с собой технические усовершенствования.

² Что касается этимологии кельтского обозначения железа, то мой друг Альфред Баммесбергер указывает мне на предположение Уоррена Коутилла, согласно которому оно происходит от слова «кровь» (кельт. **īsarno-* < **ēspno-* «кровоавий»), что могло обозначать или красную железную руду или ржавчину (Histor. Sprachforschung 110 [1997], 312f.).

³ Об обозначении железа см. GKAR S. 134ff.; Evans (1982), S. 250; Polomé (1983), S. 288.

Другое германское слово, тесно связанное с металлургией, — это [немецкое] *Ofen* «печь» (гот. *auhns*, древнедатск. *ogn*, древне-норв. *ofn*, англ. *oven*), которое имеет свое соответствие в бретонском *offen* «каменное корыто» (< др.-кельт. **urnā*). Однако здесь все еще сложнее: возможно, речь идет о бродячем слове, которое не должно и не может возводиться к единой форме с лабиовелярным¹. Современные археологи обнаружили множество характерных типов восстановительных печей, принадлежавших латенским кельтам, — «вагранки», «доменные печи» и полузаглубленные печи в форме горшка. Та или другая форма этого слова легко могла изменить значение и начать обозначать «каменное корыто». Железо, изготавливавшееся в галыштатскую эпоху, — а оно было очень большой степени чистоты — нередко оказывалось слишком мягким. Посредством науглероживания при высокой температуре и очистки начиная с латенского времени из него изготавливали сталь. Интересно, что в островных кельтских языках не было специального слова, обозначающего сталь, и поэтому такое слово и не было заимствовано германцами: германское **stahla-* «сталь» (собственно: «стойкое оружие») представляет собой древнее местное образование².

Конечно, для выработки железа была пригодна не всякая руда (др.-кельт. **men/min-*, от которого происходит и наше слово *Mine* [рудник])³. Если в руде было высокое содержание фосфора, то при восстановлении получалось сравнительно твердое железо, которое, однако, почти нельзя было науглеродить, чтобы получилась сталь. Для этой цели была нужна руда с высоким содержанием марганца. Бруски мягкой стали вытягивали в прутья, которые переплетали и проковывали, с помощью чего получалась так называемая «неподлинная дамасская сталь»⁴. Все эти процессы, разумеется, имели свой символический и религиозный смысл.

¹ GKAR S. 142f.; Polomé (1983), S. 288f.; ср.-ирл. обозначение печи *tenlach*, которое обсуждается у Schmidt (1983), S. 760, означает только «очаг» и, конечно, не является древним названием плавильной печи.

² GKAR S. 125ff. Металлургические изыскания показали, что гравированные орнаменты северного серебряного века могли быть изготовлены только с помощью стального инструмента: чекан из мышьяковой или другой бронзы здесь не подошел бы. Высказывалось предположение, что мастерские северного серебряного века располагали таким специальным оружием из стали, которое было импортировано из средиземноморского региона.

³ Schmidt (1983), S. 757f.

⁴ Vgl. Hatt (1970a), S. 130; Fischer (1983), S. 41; Pleiner (1993).

Следует упомянуть, что производство железа (наряду с изготовлением керамики) вело к обширной вырубке леса на больших площадях (например, на всем острове Эльба). На каждый период работы печи, при котором вырабатывался 1 кг сырого железа, требовалось около 5 м³ (=1 тонна) древесного угля, то есть 25 м³ дерева!¹ Еще в XVI веке горняк мог написать такие стихи:

Сталевщик руду просушит
и разложит скоро печь,
топке уголь надо кушать,
чтоб железо пережечь².

Труд угольщика, о работе которого исследователи зачастую забывают, несомненно, имел огромное значение³. Во всех крупных центрах металлургического производства — Ле-Марти (департамент Эро), в Перигоре, близ Буржа, в долине Йонны, в Бельгии, в Норике и Паннонии собирались огромные отвалы шлака, по некоторым оценкам — от 1 до 2 миллионов тонн⁴.

Помимо железа, важнейшими металлами были золото, древнекельтское название которого нам неизвестно — его вытеснило латинское заимствование (др.-ирл. *ór*, ср.-валл. *eur* из лат. *aurum*)⁵, серебро (галльск. *argantio-*, др.-ирл. *argat*, ср.-валл. *argan*)⁶, бронза (др.-ирл. [*créd]umae*, валл. *efydd*)⁷ и известная по древнеирландским сагам *findruine* «белая бронза» (?), которая

¹ Любезно сообщено доцентом, дипломированным инженером д-ром Герхардом Шперлем (Леобен), на международном симпозиуме «Metallgewinnung und -verarbeitung in der Antike — Schwerpunkt Eisen» in Zwettl, 4–7 Dezember 1995.

² Mittermüller (1994), S. 15. «Сталевщик» (Drossger) — это старое словенское обозначение сталевара, «тонка» (Grametl) — это «стойло для обжига» (печь), в которую складывали попеременно шестью-восемью слоями руду и уголь.

³ Древнекельтское обозначение «древесного угля» должно было звучать как **geulo/goulo-* (отсюда и наше *Kohle*), однако обозначения «угольщика» мы не знаем; Schmidt (1983), S. 755, 758.

⁴ R. Pleiner, Das Eisen und die Grenze, auf dem «Internationalen Symposium: Metallgewinnung und -verarbeitung in der Antike — Schwerpunkt Eisen» in Zwettl, 4.–7. Dezember 1995 [пока не опубликовано. — Г.Б.].

⁵ Об этом см. Schmidt (1983), S. 758.

⁶ Об этом см. Schmidt (1983), S. 758. В общем и целом серебро сильно уступает по своей значимости золоту. В Ирландии серебряные украшения появляются в основном с раннего средневековья, хотя в сагах нередко упоминают оружие, украшенное серебром; Mallory (1992), S. 137.

⁷ Schmidt (1983), S. 758.

по стоимости стояла между золотом и бронзой¹ и, возможно, представляла собой нечто вроде «белого золота» (электрона) или «потина» (Potin). Германский корень **silubra-* «серебро» Х. К. Д. Коуэн еще в 1959 году вывел из иберийского (ср. баск. *silharr*), хотя эта идея и не нашла широкой поддержки². Надпись из Боторриты (первая) свидетельствует о существовании кельтиберского обозначения серебра *silapur*³. Интересно слово, обозначавшее свинец, которое в древнекельтском должно было звучать как **loudjom, -iā* (др.-ирл. *luide* «свинец») и, видимо, обозначало («легко» текущий металл) (восходит к и.-е. **pleud-* «течь» с потерей *p-*). К другому варианту этого слова **loudom* должно восходить германское **lauda-* «свинец», англ. *lead*, нем. *Lot*. Это указывает на то, что в древности кельты умели искусно паять⁴. Сплав свинца и серебра, а может быть, изначально и олово, обозначались островным кельтским словом **stagnom*, которое было заимствовано в латинский язык как *stagnum* (позднее *stannum*), но при этом сохранилось в валл. *ystaen*, брет. *sten* «олово». Происхождение этого слова (в общем и целом индоевропейского) совершенно неясно.

Особое значение в позднюю гальштатскую эпоху имели этруски (или *Rasenna*, как они сами себя называли). Их культура, которой был свойственен высокий уровень жизни, достигла в V веке высочайшего расцвета. Своим величием этруски во многом были обязаны тому умению, с которым они объединяли свои собственные традиции с элементами греческой культуры. Через посредство этрусков греческая культура смогла войти в среднюю Европу до самой Чехии⁵. И здесь железо было источником богатства. Однако в этом регионе месторождений железа не было, хотя, вероятно, здесь перерабатывался вывозившийся из области Норика чугуны; позднее одним из центров стал Ком (Комо на озере Комо). Также железо и железная руда в

¹ DII. S. 306d., Sp. 138f.

² Cowan (1959), S. 19ff.; vgl. GKAR S. 123, Anm. 59.

³ Fleuriot (1979a), S. 181; Beltrán – Tovar (1982), S. 37; Schmidt (1991), S. 11f.; Meid (1993), S. 113f.; Meid (1994), S. 19.

⁴ GKAR S. 147f.; Schmidt (1983), S. 757.

⁵ Ср. последние обобщающие работы: von Hase (1992); Kimmig (1992); Gran-Aymerich (1992), S. 336ff.; Bouzek (1992).

огромных количествах вывозились с Эльбы и перерабатывались в Популонии, расположенной на берегу напротив острова. Позднее эта индустрия переместилась в Нарбоннскую Галлию. Этруски владели различными важными ремесленными приемами (например, грануляцией золота и особым мастерством пайки)¹, которые были у них переняты и заальпийскими народами. Возможно, техника лужения и серебрения с помощью ртути, которую Плиний (NH XXXIV, 48) приписывает галлам², также происходит с юга, если не из самой Этрурии. Благодаря случайности мы знаем о том, что гельветский ремесленник Эликон жил в Риме и там, безусловно, мог познакомиться с южными производственными методами, которые затем, вероятно, привез на Север. Вероятно, такое случалось неоднократно³. Такие бывалые, много путешествовавшие ремесленники пользовались особым авторитетом в своих общинах и у них, видимо, были подражатели. Как сказал Винсент Мегау: «Можно себе представить, что, вернувшись домой, кельтские «гастарбайтеры» повышали свой статус в собственных общинах, только в то время этому способствовал не подержанный «Мерседес», а кувшины с носиком и ситилы «мейд-ин-Итали»⁴». В общем и целом распространению ремесленных приемов (особенно в работе по металлу) благоприятствовал сам характер аристократической гальштатской культуры, где столь многое зависело от дорогих и престижных подарков. Можно предполагать, что князья обменивались и самими ремесленниками или перекупали их друг у друга.

Около 400 года этруски уже дошли до Альп. Об этом и сегодня напоминает само название этих гор, которое мы получили от римлян, заимствовавших его, в свою очередь, именно в этой фонетической форме от этрусков. Этруски, которые приспособили для своего письма греческий алфавит, передали его альпийским народам, где он употреблялся для ретийских и кельтских надписей и также был использован в германской надписи на шлеме.

¹ Kimmig – Rest (1954), S. 202ff.; Chr. Jaggy in: Helvetier (1991), S. 46; Genevieve Luscher, *ibid.* S. 68f.

² Ср. Hatt (1970a), S. 130.

³ Ср. Pauli (1985), S. 37.

⁴ Megaw (1985), S. 168; о технике изготовления этруских кувшинов с носиком и кельтских подражаниях см. Vogt (1992).

Согласно наиболее распространенной сейчас точке зрения, «североэтрусский» алфавит послужил основой и для германского рунического письма. Многие находки в так называемых «княжеских» могилах галыштатской культуры говорят об этрусской заграничной торговле или же просто о влиянии этрусского стиля и мотивов на греческой основе. Это и бронзовые шкатулки для драгоценностей с лежащими сфинксами на крышке из Кастенвальда близ Аппенвайхера в Бадене, кумский тренажник и котел из Сен-Жоломб-сюр-Сен (департамент Кот-д'Ор), гидрия из Майркирх-Грехвиля близ Берна, «оглядывающийся зверь» на раннелатенской чечевицеобразной фляжке из Мацхаузена, округ Неймаркт/Оберпфальц¹ и многие другие.

По меньшей мере столь же, если не более важными, были морские пути сообщения, по которым греческие товары прибывали в основанную около 600 (или 540) года фокейскую колонию Массалия (Марсель)². Кельты вокруг этого основанного в 600 или 540 году³ города оказались в зоне греческого культурного влияния, которое распространялось на всю южную Галлию⁴. Хотя у кельтов с массалиотами и возникали некоторые трения, в общем и целом отношения были дружескими, почему кельты, как можно понять из слов историка Эфора (около 400 до н.э.), и считались друзьями греков⁵. Это особенно очевидно в том, что касается торговли. Подводные археологи обнаружили близ Ле-Гран-Конглуэ остатки потерпевшего крушение торгового корабля, который около 150–130 годов до н.э., видимо, плыл с Делоса через Сицилию в Массалию⁶. Из Массалии товары шли вверх по Роне и по Соне и далее, через Бургундию, — в области галыштатской культуры. Путь этих товаров легко нанести на карту⁷. Однако здесь, как подчеркивал

¹ Uenze (1980); Maier (1994), S. 229; Helvetier (1991), S. 119, илл. 43; Kimmig (1992).

² Об этом см. также Kimmig (1983b), S. 15f. Торговые пути и предметы роскоши нанесены на карту в Piggott (1965), S. 188.

³ Nash (1985), S. 61ff.

⁴ О распространении этого влияния ср. Haarhoff (1920), S. 4ff.; Ebel (1976), S. 29ff.

⁵ FGrl list. 70 frag. 131; Dobesch (1995), S. 28ff.

⁶ Hatt (1970a), S. 137.

⁷ Collis (1984), S. 42; Krita (1986), S. 36.

Рене Жоффруа¹, играл свою роль и перевал Большой Сен-Бернар. Это рисует в новом свете находки импортной греческой керамики из Ютлиберга на Цюрихском озере, которые указывают на существование позднегалльштатской княжеской резиденции².

Главным предметом торговли было вино. Об этом говорят и находки амфор. Посидоний писал, что вино везли водным путем — вверх по судоходным рекам, а также по земле на повозках. О том, какие ценности ставились здесь на карту и насколько богаты были кельтские князья, говорит хотя бы то, что за одну амфору вина кельты готовы были отдать одного раба (Diod. V, 26). Как предмет торговли кельтские и германские рабы попадали в Рим еще задолго до завоевания Галлии; в ходе восстания Спартака (73—71 до н.э.) отличился кельтский раб Крикс (*Crixus*, «кудрявый») (Sall. hist. III, 69D). Греческий сосуд мог попасть за Альпы³ в южную Германию и при посредничестве этрусков либо греков (через Массалию). Значение этой греческой колонии нельзя недооценивать.

В кельтско-лигурской пограничной области южной Франции можно наблюдать несколько волн урбанизации (во второй половине VI в., в конце V — начале IV и с конца IV до II в. до н.э.), которые знаменовались отчетливым влиянием греческого элемента Массалии. Среди важных поселений можно назвать Ле-Пег близ Карпентра (департамент Воклюз), Рокепертюз близ Вело, Антремон — древний Глан (*Glanum*) близ Сен-Реми-де-Прованс (все в департаменте Буш-дю-Рон), Мальяк (департамент Од), Рокеморе (департамент Гар), Мальпа (департамент Дуб) и Энзерун (департамент Эро) на кельтско-иберийском пограничье⁴.

По Роне и Соне уже в латенское время к секванам, эдуям и гельветам попадали не только экспортные товары из Средиземноморья, но и греческие или обученные по-гречески ремесленники. Греческие буквы позволили соединить части кратера из Вика⁵. Хотя надпись греческими буквами *KOPICIOC*

¹ Joffroy (1980).

² Kimmig (1983c).

³ О значении альпийских перевалов см. Collis (1984), S. 163.

⁴ Hall (1970a), S. 132ff.

⁵ Filip (1961), S. 39.

(*Korisios*) на согнутом дья принесения в жертву мече из Порт-Нидау (кантон Берн) трудно датировать¹, в любом случае во время Цезаря (BG, VI, 14), примерно спустя четыреста лет после Викса, греческое письмо уже было во всеобщем употреблении. В надписях на галльском языке также используются греческие буквы, а согласно Страбону, контракты также составлялись «по-гречески» (Strabon IV, 1, 5)². Если верить Цезарю, то у гельветов была даже своеобразная «демографическая статистика», зафиксированная греческим письмом (BG, I, 29)³, однако в силу своего варварства они противились дальнейшему распространению письма. Даже из города винделиков Манхинга до нас дошли свидетельства употребления греческих букв — фрагменты греческого алфавита. В том же Манхинге были обнаружены фрагменты гладкого глиняного сосуда, на котором было начертано *BOIOS* «бой» (представитель племени бойев). Однако эта надпись была, как показывает конечное *S*, написана латинским шрифтом. Обе находки из Манхинга относятся к I веку до н.э.⁴ Более древним (III—II вв.), возможно, является пока еще не расшифрованный фрагмент надписи на глиняной табличке из Дюрнберга близ Халляйна. Но здесь речь идет уже о греческом письме.

Распространявшиеся из Массалии греческие культурные ценности перенимались столь интенсивно, что позднее, в эпоху римских провинций, могло показаться, что не греки переехали в Галлию, но что галлы перенеслись в Грецию (Just. XLIII, 4)⁵. От Страбона (IV, 1, 5) мы знаем, что галлы (в окрестностях Массалии) были настолько эллинизированы, что городская администрация оплачивала софистов, как в других городах — врачей (ср. IV, 1, 8).

В курганах Миттеркирхена (VII в.) греческая керамика практически отсутствует и греческие ремесленные приемы

¹ Последняя фаза латена: F. Muller, в: *The Celts* (1991), S. 528; иллюстрация в F. Muller, в: *Helvetier* (1991), S. 73, Abb. 17; RIG I G-280; S. 419f.

² Об этом Dirkzwager (1975), S. 51ff.

³ Применение греческих букв, конечно, не говорит о поголовном знании греческого. Например, Цезарь пользовался греческим языком, чтобы посылать своему легату Квинту Туллию Цицерону письма, содержание которых должно было оставаться в тайне от галлов (V, 48).

⁴ Eichner (1989), S. 18ff.

⁵ Haerhoff (1920), S. 7ff.

чувствуются лишь косвенно¹, и поэтому значение греческого экспорта выступает со всей очевидностью, если мы посмотрим на относящуюся примерно к 550–500 годам до н.э. позднегалльштатскую могилу «князя» из Эбердингена-Хохдорфа (около 15 км к северо-западу от Штутгарта)². Здесь был обнаружен большой греческий бронзовый котел (500 литров), верхний край которого украшен тремя бронзовыми львами (два импортных, третий — местного производства), а также позолоченная кушетка (*kline*) из бронзы длиной в 2,75 м, ножки которой снабжены колесиками. Ее изогнутые ручки и спинка напоминают о мебели стиля бидермайер или чиппендейл. И здесь нельзя не признать, что эта вещь происходит косвенно или непосредственно из Греции или же Этрурии. Вот что можно сказать о посреднической роли этрусков и греков и связи кельтов с Югом.

Что же касается Севера, где еще царил поздняя фаза северного бронзового века, то есть ранняя фаза культуры Ясторф, то там наблюдалось четкое разграничение, которое очевидно как по инвентарю находок, так и по ремесленной технике и которое в очень упрощенной форме можно сформулировать так: на севере бронзовые сосуды отливали, а на юге — чеканили³. На севере горшечник изготавливая стенки сосуда вручную, на юге начиная с гальштатского времени использовался медленно вращающийся, а с позднегалльштатского и раннелатенского — быстро вращающийся гончарный круг⁴. Сегодня мы должны избегать того, чтобы на основании таких явлений делать выводы «о культурном уровне» народов. Языковые данные показывают, что помимо общего индоевропейского наследия между

¹ Например, в форме покрытого белой глазурью на греческий манер глиняного сосуда, который, однако, расписан местными мотивами и является предметом местного производства.

² Об этом см. Biel (1995).

³ Уважаемый коллега Отто Г. Урбан указывает мне на то, что и в гальштатском пространстве многие предметы, такие, например, как секиры, отливали.

⁴ Ср. карту распространения керамики, изготовленной на гончарном круге у Collis (1984), S. 9. Первые следы применения быстро вращающегося гончарного круга мы находим в керамике с желобками из поздних фаз Хёнебурга. Ср. о гончарном производстве и чеканке также Künzig (1983b), S. 25ff. Естественно, обычные горшки для повседневного употребления нередко изготавливались и без круга.

кельтами и германцами в древности не существовало никакой тесной связи, то есть никаких более древних контактов между кельтами и германцами не было. Затем, где-то во время появления железа, то есть прежде всего в гальштатское и латенское время, начались интенсивные контакты как мирного, так и военного характера, которые отразились в целом ряде общих корней¹. Зачастую даже нельзя сказать, в какой из двух групп они первоначально возникли. Назову лишь некоторые: *frei* «свободный»² (валл. *rhÿdd*), *Geisel* «заложник» (др.-ирл. *gíall*), *Erbe* «наследство» (др.-ирл. *orbe*), гот. *liugan* «жениться»³, *Eid* «клятва» (др.-ирл. *oeth*), *wert*, *Wert* «ценный, цена» (валл. *gwerth*), *Beute* «добыча» (др.-ирл. *búaid* «победа»), *Rhein* «Рейн» (др.-ирл. *rían* [море]), *Heer* «войско» (др.-ирл. *cuire*), англосакс. *hwet* «котел» (др.-ирл. *coire*), *Balg(en)* «мех, шкура» (др.-ирл. *bolg*), *Latte* «планка» (валл. *llath*), др.-сканд. *dálkr* «булавка, кинжал»⁴, д.-в.-н. *jih* «свидетельство»⁵, *reiten* «ехать (верхом)», *Reim* «рифма»⁶, *Rune* «руна»⁷, древненижнефранконское *nimidaz* «лесное святилище» (галльск. *nemeton*), *Flur* «луг»⁸, *Hag* «ограда», *Hecke* «изгородь» (валл. *cae* «огороженное место», «поле»), ср.-н.-н. *lÿppe* «сок растений, яд» (др.-ирл. *luib* «трава»), *wild* «дикий» (валл. *gwyllt*). С большей уверенностью на основании фонетических критериев можно утверждать, что в латенское время такие

¹ Последнюю подборку надежных примеров см. у Samranile (1970).

² [Если не оговорено иначе, то пример взят из родного для Г. Биркхана немецкого языка].

³ Это слово, засвидетельствованное только в готском, соотносится с др.-ирл. *luge* «клятва, обет» и, возможно, с именем бога Луга.

⁴ Это связано с англосакс. *dalc* «пряжка» из н.-е. **dhelg-* «колоть, булавка», с которым связано как генетически родственный этимон также др.-ирл. *delg* «колючка, пряжка для плаща»; IEWS. 247. Специальное значение «фибула» является общим для германских и кельтских языков.

⁵ Из **jekit-* «говорить» в нем. *Gicht* «болезнь как результат магического заговора» в ср.-валл. *ieith*, ново-валл. *iaith* «язык».

⁶ Д.-в.-н. *rīm* и родственные ему слова обозначали «число», как др.-ирл. *rīm*, валл. *rhif*. Обычное для немецкого языка значение «рифма» (*Reim*) — это особое общегерманское развитие; LEIA R-30f.

⁷ Др.-ирл. *rīn*, валл. *rhin* имеют основное значение «тайна, волшебство», точно так же, как и германское обозначение рун; LEIA R-53f.

⁸ В смысле «почва, пол» возводится к др.-ирл. *lár*, валл. *llawr* «пол»; утрата *p-* в кельтском (< **plāro-*) свидетельствует о генетическом родстве слов.

слова, как например *reich* (*Reich*) «богатый» («царство»), *Zaun* «палисад», др.-герм. *trustis* «дружина», были заимствованы из кельтского языка в германские, а не наоборот. Однако на этом основании нельзя говорить о том, что кельты господствовали над германцами, или о кельтской торговой монополии, своего рода «кельтской Ганзе», которая отделила последнюю фазу северного бронзового века от гальштатского пространства.

До Цезаря Рейн отнюдь не был непреодолимой границей между народами. Как показывает древнеириландское соответствие *gíap* «путь; океан, море»¹, самым важным для этой великой реки было ее значение как транспортной магистрали, по которому ей и дали имя; точно так же греческое *λίμνος* «море» неразрывно связано с латинским *pons* «мост». О том же говорит и старое правило географической антропологии — «горы разделяют, вода объединяет». Германцы переняли название Рейна (др.-герм.) в то время, когда на раннекельтском языке он еще именовался **Reinos*. Когда река замерзала, то она превращалась не только в природный мост, но и на всем своем протяжении — в дорогу, которую забрасывали соломой или соломенной сечкой, чтобы не поскользнуться. Замерзание таких больших рек, как Рейн и Дунай, не только дивило античных авторов, но и стало популярной темой в литературе (Diod. V, 25; Martial. X, 7, 4f. и т.д.).

Граница германского пространства (если вообще можно делать такие обобщения) отнюдь не была непроницаемой. К III веку до н.э. относится крупная находка оружия в болоте Йортепринг на Альсене (Дания), которая показывает, что определенные типы кельтского оружия перенимались в южной части Германии. Речь идет прежде всего о больших четырехугольных деревянных щитах с закругленными углами и шишкой в виде зерна, кораблика или длинного ромба, который, судя по всему, уже успел вытеснить более древний германский круглый щит, а также панцирь из колец (*Vrinnen* «кольчуга»): они были найдены как в Ла Тене, так и в местах жертвоприношений в болотах — Торсберге и Вимозе. Судя по всему, они были столь же прочно интегрированы в германский контекст, как и кельтское слово **brunnijo-*, которым они первоначально обозначались: др.-ирл.

¹ DIL S. 506, Sp. 57f.

brünne, ср.-валл. *bryn(n)* означает, правда, только «грудь, холм», а не «панцирь для груди». Это кельтское заимствование стало в германском языке важным существительным и составной частью личных имен (**brunnjō-* в гот. *brunja*, англосакс. *byrne*, л.-в.-н. *brunja*, др.-сканд. *brynja*; ср. имя *Brynhildr* «Брунгильда», западнофранконское *Brunichilde* и т.д.)¹. Если в случае с *Brünne* мы можем более-менее уверенно предполагать, что это слово восходит к древнему культурному контакту с кельтами, и указать, к какому, также заимствованному, предмету оно относится, то с другим словом, которое также, очевидно, является ранним заимствованием, сделать это не удастся. Я имею в виду заимствование вызывающего очень большие сомнения слова *Leder* «кожа» (из др.-герм. **lepra-*), которое должно происходить из кельтского **letra-* (с потерей *p-* из и.-е. **ple-tro-* или **plet-ro-*; связано с немецким *Fell* « мех », *Filz* « войлок » и т.д.) и сохранилось в др.-ирл. *lethar*, валл. *lledr*, брет. *ler*². Наряду с янтарем и рабами меха издавна были одной из главных статей экспорта германцев, так что вряд ли можно себе представить, что они не владели искусством дубления кожи. Если слово действительно является заимствованием, тогда, видимо, речь шла о каком-то новом виде дубления или обработки кожи, о котором мы не можем знать в силу отсутствия соответствующих археологических материалов.

Истинным центром гальштатской культуры была южная Германия наряду с восточно-альпийским регионом (вместе с Гальштатом), Чехия и со временем во все большей и большей мере — северо-восток Франции, где еще сильнее чувствовался приток средиземноморских товаров из Массалии. Находки гальштатского типа распространяются на юго-запад, на Иберийский полуостров, а также на запад — на Британские острова, где примерно с 600 года до н.э. бронза уступает место железу³. Здесь элементы гальштатской культуры смешиваются с

¹ О находках в «Оленьем источнике» см. Krämer (1949/50); Jankuhn в: Much (1967), S. 143f., 490f.; GKAR S. 157f., 161f.

² Evans (1982), S. 250.

³ Я не могу решить вопрос, действительно ли в этом принимали участие, как принято считать, в частности, племена с Юры, области швейцарских озер и западных Альп; Powell (1962), S. 113f. Собственно территория гальштатской культуры в строгом смысле этого слова гораздо уже, см. Angeli (1970a), S. 25 (Abb. 1).

местными, и в результате возникают самобытные явления, которые отклоняются от дальнейшего пути развития гальштатской культуры в средней Европе¹. Однако и в самой средней Европе гальштатская культура отнюдь не едина. В ней можно выделить западный и восточный ареал, причем граница между двумя культурными кругами проходит через Австрию, почти по течению Эннса. Самое восточное ответвление западногальштатского ареала (характеризующегося захоронениями с колесницами) в Австрии — это недавно открытое погребение с колесницей из Миттеркирхена в Махланде (Восточная Австрия), где незначительные следы восточного гальштата проявляются только в керамике². Чешские погребения с колесницами в области верхнего течения Эльбы, как, например, кладбище в Граденине (близ Колина), также принадлежат к западногальштатскому ареалу³. Четырехколесные повозки из пещеры Бичи-Скала (около 15 км к северу от Брно) часто считаются прототипом колесниц из погребений (которые могли сжигаться или не сжигаться)⁴.

Особое место принадлежит самому Гальштату⁵. Здесь имеются два вида находок и два места находок. Оба расположены над гальштатским рынком в узкой долине Зальцберга, доступной только по крутому подъему. Одно место находок — это знаменитое кладбище, другое — соляной рудник в «Языческой горе» (Heidengebirge), иначе «Старик» (Alten Mann). О выработке соли заметим лишь, что уже горняки бронзового века довели свои круто спускавшиеся вглубь штольни в так называемом «Коллоредокер» (Colloredokehr) «северной группы» до глубины 215 м. Затем эта копь, как кажется, планомерно разрабатывавшаяся, была заброшена. В раннегальштатскую эпоху (VIII в. до н.э.) добыча соли началась снова, на сей раз скорее в восточной части «Старика», где работа велась в почти горизонтальных

¹ Ср. Raftery (1991), S. 555.

² Perlwieser (1987), S. 54; Perlwieser и: Prunkwagen, S. 63.

³ Powell (1962), S. 111; Soudska (1980).

⁴ Kimmig (1983a), S. 164. Abb. 100; о Бичи-Скала см. в Parzinger (1995); Poichystal (1995).

⁵ Об этом см. в обобщающей работе Angeli (1970a); Barth (1970); обзор: Vlasta Tovornik und F. E. Barth, в: Prunkwagen, S. 9ff.

штольнях. Широко известен использовавшийся в то время метод разработки, который заключался в «выцаранивании» больших сердцевидных кусков соли; воспроизвести его во всех его особенностях до сих пор не удастся¹. До сих пор сохранилась утварь горняков того времени — бронзовые кирки с рукоятками из сосны, сосновые лучины, остатки ткани, колпаки и береты из меха, связанные лыком в пучки листья белокопытника лекарственного (*Petasites hybridus*)², кожаные перчатки, «рюкзак» (в бронзовом веке — с «опрокидывателем» в форме деревянного рычага, который клали на правое плечо) и сделанные из шкур животных переноски, в которых куски соли доставлялись на-гора. Все это создает ясное представление о работе под землей³. Страшный обвал (видимо, это случилось в IV в.) положил конец работе в «восточной группе». При этом, видимо, и завалило того горняка, который был обнаружен в 1734 году; к сожалению, его останки не сохранились: они погребены на кладбище Гальштата⁴. Горные разработки переместились отныне в менее опасную «западную группу», где продолжались еще в первые века н.э. С течением времени соляная порода снова «заросла», и сегодня доступны уже не все старые разработки⁵.

Однако характерные для гальштатской эпохи и культуры находки происходят в основном с кладбища, в котором с 1846 по 1863 год было обнаружено 980 могил. Дальнейшие раскопки позволили обнаружить новые данные. Уже совсем недавно под руководством Антона Керна были начаты новые раскопки, которые показали, что кладбище исследовано еще далеко не полностью⁶. На данный момент исследованы и в большинстве

¹ Barth (s. a.), S. 24.

² Для чего они были нужны, до сих пор неизвестно, — вопреки предположению Barth (1970), S. 50.

³ Barth (1970), S. 47ff.; Barth (s. a.), S. 24f.

⁴ Kromer (1980), S. 207. Была еще одна находка в XVI веке и для находки в Дюрриберге близ Халльина (1576, 1616). Эти открытия нашли свое художественное воплощение в «историческом» романе Людвига Гангофера «Человек в соли» (*Der Mann in Salz*), в котором, однако, погибший горняк играет лишь второстепенную роль.

⁵ Barth (1970), S. 45. Он считает, что северная группа древнее восточной (S. 48).

⁶ Я благодарю за это указание уважаемого коллегу Отто Х. Урбана.

своим сохранены находки из более чем 1270 погребений¹. Речь идет о величественных сосудах из листовой бронзы (ситулах), ребристых урнах, ковшах и кубках, ценной керамике (которая, однако, плохо сохранилась в сырой почве), о древнейших стеклянных сосудах к северу от Альп (хотя они и импортированы из Верхней Италии), большом количестве кинжалов и мечей (среды них один с изображением «борцов с кольцами» и множестве другого оружия с рукоятками из слоновой кости и накладками из янтаря (очень интересны маленькие резные топоры, пики и, что особенно замечательно, наконечники копий), о бронзовом шлеме, выкованном из одного куска металла, фрагментах брони, украшениях, инструментах и многом другом². Делались попытки выделить вклад различных этнических компонентов и тем самым определить первоначальную родину поселенцев, погребенных в Гальштате³. Поскольку могилы детей и женщин явно отсутствовали, предполагали, что на кладбище были захоронены только работавшие здесь горняки; теперь от этой мысли, судя по всему, отказались⁴. Мне лично кажется, что погребения принадлежат отнюдь не обычным, рядовым горнякам; здесь

¹ Первые раскопки здесь проводил императорский королевский горный советник Й. Г. Рамзауэр; дневники его раскопок (поскольку не все находки сохранились) должны представлять сегодня большой интерес. Рамзауэр (который получал мало, да к тому же Господь благословил его 24 детьми) присвоил некоторые находки и, посылая их вельможным господам, например принцу Баварскому, надеялся получить финансовую поддержку (и получал ее); Pauli (1975a), S. 7. Подлинный дневник раскопок Рамзауэра теперь утрачен, и все современные исследователи вынуждены зависеть от копий, которые заказал сам горный советник. Важнейшая из них вышла в 1932 году у одного венского антиквара. Поскольку находки, которых было великое множество, были инвентаризированы только через 30 лет после поступления в Венский музей естественной истории, поэтому вокруг них много сомнений и путаницы, которые К. Кромер пытался прояснить, ср. Кромер (1959), S. 6ff. В 1972 году (благодаря некоему неизвестному) была найдена ещё одна частичная копия заметок Рамзауэра, которая, видимо, была заказана для Леопольда Баварского; с ее помощью Паули (Pauli, 1975a) удалось обобщить методологические трудности, касающиеся оценки гальштатских находок; общая информация в Barth (s. a.), S. 26. Об истории исследования Гальштата и возникновении понятия «гальштатская эпоха» см. Angeli (1970a), S. 14ff.

² Хороший обзор дает Барг: Barth (s. a.), S. 27ff. со множеством иллюстраций отдельных типов находок.

³ Ср. Pauli (1975a), S. 15.

⁴ Angeli (1970a), S. 21ff.

лежали представители высшего слоя, управители, занимавшиеся торговлей, а также войны (в 26% могил было найдено оружие) и крупные купцы. При этом представляется, что кремация была связана с большим престижем, чем ингумация. Самых же горемык-шахтеров, которые жили в нужде, питаясь бобами, вряд ли ожидали столь роскошные похороны.

Для западного варианта гальштатской культуры были характерны курганы с деревянными погребальными камерами¹, которые напоминают «скифские» погребения юга России. Помимо самого тела, в них находят остатки четырехколесных повозок, а также роскошную конскую упряжь из бронзы, меч и погребальные дары — принадлежности для праздничного пира (столовая утварь и приборы, рога для питья, котлы), а также керамику с геометрическим рисунком или резьбой². В противоположность скифскому погребальному обычаю в гробницу умершего не клали лошадь; в латенское время этого также не делали³. В случае удачи дерево из погребальной камеры позволяет получить дендрохронологическую датировку. Так, согласно последним исследованиям, центральная погребальная камера из Магдалененберга близ Виллингена была построена в 616 году до н.э.⁴

¹ Следует упомянуть, что сооружение дорогостоящих погребальных камер из тесаного дерева продолжалось и в латенскую эпоху; последним их представителем стала гробница некоего гревенского аристократа предцезаревского времени (около 80—60 до н.э.). В этой гробнице в Клеманен (Люксембург) было обнаружено минимум 10 амфор, кампанские глиняные сосуды, но к тому же и четыре молочных поросенка. Очевидно, речь шла о влиятельном аристократе, который был похоронен «по отповекому обычаю». Завернутое в мелкую шкуру тело было сожжено; Metzler-Zeiss et al. (1995), S. 50.

² Например, богатые находки керамики из Миттеркерхена у Perlwieser (1987), S. 52ff.; тарелка из Гомалингена-«Штернберга» (Вюртемберг) у Megaw — Megaw (1989), S. 29; расписанный красным и черным сервиз из Неннвингена, *ibid.* S. 44; сосуды из Ново-Место (Южная Словения) с белыми инкрустированными свастиками; Knez (1980), S. 249f.

³ Ср. Joffroy - Bretz-Mahler (1959), S. 26. Напротив, этот обычай (видимо, как реликт германского культового обычая) продолжал преявлять себя от времени к времени в погребениях воинов вплоть до меровингского времени; Brückler (1964/65), S. 183; *vgl.* S. 187.

⁴ Как любезно сообщил мне уважаемый коллега Д. Коллиз (Шеффилд). Раньше дендрохронологические изыскания указывали как на предположительную дату на позднюю осень и начало зимы 577; E. Hollstein, в: Spindler (1976), S. 105; Spindler (1980).

Огромное богатство этих погребений, которые, по аналогии с погребениями в Микенах, часто называют «княжескими», указывает на что угодно, только не на эгалитарное общество. Женское погребение X/1 из Миттеркирхена содержало чрезвычайно ценную парадную колесницу раннегалльстатского времени¹. В гробнице в Хохмихеле близ Хенебурга под Хундерзингеном (на Дунае, к востоку от Зигмарингена), которая относится примерно к 650 году до н.э., был найден древнейшей в средней Европе кусок шелка², а также остатки индийской парчи³. Погребальный инвентарь с боевым и охотничьим оружием указывает на существование воинской аристократии, статус которой в позднегалльстатское время, как кажется, значительно упрочился, что очевидно хотя бы потому, что находившееся среди погребальных даров оружие предназначено уже не столько для войны, сколько для охоты и для спорта. Теперь богатство основывалось на полезных ископаемых и торговле. Мы должны представить себе множество небольших княжеских укреплений и поместий знати, наряду с которыми имелось незначительное количество политически более важных центров власти. То же самое можно сказать и о других погребениях «группы Хохмихеле» и о гробницах вблизи Хенебурга⁴, княжеской резиденции, представлявшей собой фактически укрепленный замок.

Хенебург — особенно впечатляющий пример такого укрепления с множеством сложных строительных фаз, прежде всего с позднегалльстатским «Хенебургом IV», где первые известные нам кирпичи (по крайней мере, в Подунавье) опять-таки указывают на средиземноморские влияния. Кирпичная облицовка стен была возведена на высоту по меньшей мере 4 м; так же были обложены и квадратные сторожевые башни. Прототипы таких сооружений можно отыскать в Сицилии или в Македонии;

¹ Pertlwieser (1987); Pertlwieser, in: Prunkwagen, S. 61ff.

² Ср. Piggott (1965), S. 183; и последняя обобщающая работа: W. Kimmig, в: *The Celts* (1991), S. 114ff. Первоначальное предположение, согласно которому шелк происходит из Китая, теперь следует пересмотреть.

³ Kimmig (1983a), S. 192.

⁴ Gersbach (1980); Filip (1982), S. 36; Kimmig (1983a), S. 161ff.; Kimmig (1983b), S. 16ff.

можно также говорить о присутствии средиземноморских мастеров и, конечно, о высокой готовности местной знати к аккультурации; это становится тем яснее, если вспомнить, что высушенные на воздухе кирпичи, которые применялись на этом строительстве, в таком дождливом регионе отнюдь не давали никакого строительного-технического преимущества и их даже приходилось штукатурить¹. О том же самом говорит и весь комплекс находок — остатки амфор и греческая чернофигурная керамика². Мощное укрепление, располагавшееся на холме над Дунаем, занимало площадь в 3 гектара и достигло своего высочайшего расцвета в VI веке (согласно данным дендрохронологии, около 520)³. Его древнее название нам неизвестно. Внутри некогда очень важного укрепленного города были обнаружены остатки домов и мастерских. В V веке укрепление было сожжено; в то же самое время приходит к концу и расписная красно-белая керамика с конусообразным горлышком. При попытках отстроить город заново применялась обычная местная техника⁴.

Среди других важных находок гальштатской эпохи — курган из Хиршландена близ Дитцингена (Баден-Вюртемберг) с архаичным, диспропорциональным изображением воина — с ним соотносится погребение на гессенской Плауберг, относящееся к рубежу гальштата и латена; гораздо более древняя могила «кельтского князя из Франкфурта» (около 700 до н.э.)⁵, «Бюргле» в Буххайме (курган объемом 21 600 м³) и уже упоминавшийся могильный курган Магдалененберг с его более чем 100 впускными погребениями (объем — 46 000 м³) близ Виллингена в Шварцвальде (оба в Баден-Вюртемберге)⁶ и оба диаметром около 120 м. Украшения в последнем некрополе показывают определенную местную специфику: очевидно, насколько ошибочным было бы оценивать богатство погребений только по импортным вещам и металлическим изделиям. Наряду с бочкообразными бронзовыми браслетами, сплошь отделан-

¹ Ср. Pauli в: *Etrusker*, S. 276.

² Filip (1961), S. 35ff.; Dehn (1958), S. 140ff.; Kimmig - Hell (1958), S. 38ff.; Kimmig (1983a).

³ Friedrich - Hennig.

⁴ Filip (1982), S. 35f.

⁵ Willms (2002).

⁶ Spindler (1976), S. 25f.

ными с помощью пуансона и штамповки, похожими на небольшие открытые с обеих сторон вазочки, здесь были обнаружены и бочкообразные браслеты шириной до 10 см, выточенные из дорогого материала — гагата (разновидность смолистого угля, которая добывается, например, в швабских Альпах), из которого в отполированном виде получают элегантные черные украшения¹. Количество золота во многих гробницах огромно. Среди известных примеров — погребение в Капелле на Рейне близ Лара (Баден-Вюртемберг), где был найден золотой торквес весом в 160 грамм², богатое погребение девушки из Сирнау близ Эслингена и погребение из Гунцвила-Адисвила (округ Люцерн) с шейными кольцами из золотых трубочек³.

Среди других важных княжеских резиденций можно назвать Ипф близ Бопфингена и неподалеку от него — Гольдберг над долиной Сехты в Нордлингер-Рисе, далее — Мюнстерберг близ Брайсаха, Нагольд в округе Каув, Урах в округе Ретлинген, Лохенштайн в приходе Хаузен на Танне (Баден-Вюртемберг) и, естественно, Хохенасперг (к северо-западу от Штутгарта), резиденцию, кладбищем которой, видимо, служил раннелатенский курган Кляйнаспергле.

Основным средством транспорта для гальштатской культуры была повозка, запряженная лошадьми. Возможно, остатки колесницы из Бичи-Скала позволят сделать вывод о том, с какой скоростью двигались четырехколесные гальштатские повозки. Здесь на спицах колес были укреплены различные ребристые бронзовые манжетки, которые при вращении колеса давали иллюзию спирали, что, однако, можно было воспринимать оптически только тогда, когда колесница двигалась со скоростью более 15 км/ч⁴. Однако четырехколесные повозки были отнюдь не единственным типом. На орнаментированных ситулах VI—V веков⁵, которые происходят из области цизальпийских культур Голасекка и Эсте, но при этом обнаруживаются также в Крайне⁶ и по эту сторону Альп, в Гальштате и Нижней

¹ Spindler (1976), S. 76ff.

² Kimmig — Rest (1954), S. 191ff.

³ Kimmig — Rest (1954), S. 192.

⁴ Kromer (1981), S. 294; Piggott (1992), S. 164.

⁵ О них и их распространении см. Piggott (1965), S. 170f., Abb. 93; недавняя работа Frey (1992d).

⁶ [Крайна — историческая область в Словении].

Австрии и с известной долей условности приписываются кельтам¹, среди многих других весьма «жизненных» (то есть «реалистичных»)² изображений можно видеть как большие четырехколесные транспортные повозки, так и маленькие, легкие двухколесные спортивные коляски и двухколесные боевые колесницы³. Высказывались предположения, что такие повозки были в употреблении и у знати к северу от Альп. В погребениях западного ареала гальштатской культуры, как правило, находят четырехколесные повозки, и это, видимо, связано с тем, что этот тип употреблялся в ходе самого ритуала похорон в похоронной процессии. Иногда на ситулах изображены и всадники, правда, еще без седел. Воины носили длинный меч (важное завоевание гальштатской эпохи), который, однако, начиная с VI века, в так называемую «эпоху кинжалов», сменяется изящным, роскошно отделанным коротким мечом (так называемый «кинжал с антеннами») длиной примерно с охотничий нож. Сейчас его считают не столько оружием, сколько признаком статуса⁴. Таким кинжалом перепоясан обнаженный (кроме кинжала, на нем ничего нет) воин на стеле из Хиршландена.

В восточном ареале гальштата колесницы в погребениях, как правило, отсутствуют. В восточноальпийской области восточногальштатского ареала лишь однажды, во Фреге (Каринтия), была обнаружена «погребальная колесница», которую можно считать таковой лишь в качестве курьеза: это 10-сантиметровая модель четырехколесной повозки из свинца⁵. В самом Гальштате умерших зачастую клали в большие плоские глиня-

¹ Ср. этрусскую надпись на ситуте в Провидене (Род-Айленд); Lucke – Frey (1962), S. 85ff., Taf. 4. Носителями «искусства ситул» были этруски, реты и позднегоальпийские «кельты». Недолговечное единство этого художественного ремесла подчеркивает Kossack (1980), S. 43f. Ср. Также Frey (1992d), S. 97, который, вопреки греческим и этрусским элементам подчеркивает местные, восточноальпийские моменты.

² Lucke – Frey (1962); об этом см. исключительно увлекательную работу Eibner (1980), который, основываясь на античной традиции, объясняет многие сцены как культовые праздники.

³ Lucke – Frey (1962), Taf. 63 (ситула Арноальди, Болонья), 65 (ситула Бенвенути, Асте), 66 (Морицинг), 72 (Тейлиц), 73 (Ваче), 75 (Куффари); Urban (1989), S. 167; Piggott (1992), S. 178ff.

⁴ Barth (1970), S. 43; Sievers (1980). Такие кинжалы можно увидеть в любом историческом музее. Особенно прекрасные образцы происходят из Магдаленберга; Spindler (1976), S. 88ff.

⁵ Abgeb. Urban (1989), S. 194.

ные «ванны» (чем-то похожие на противни)¹ безо всяких повозок. В этом горном, расположенном на крутой вершине, месте в использовании повозок, конечно, не было необходимости. Однако ясно, что кто-то из «соляных воротил» имел в своем распоряжении колесницу. Так, в кремированном погребении №507, относящемся к эпохе Гальштата С, принадлежавшем, очевидно, богатому человеку (там также был найден меч с накладкой из слоновой кости на рукоятке), были обнаружены — видимо, вместо сгоревшей повозки — четыре колесничные чеки, концы которых были украшены кольцами и пластинками-погремушками, которые при движении повозки должны были постоянно издавать легкий звон. Подобные чеки известны также в Чехии и на Магдалененберге близ Виллингена², а самые изящные среди них принадлежат колеснице с горы Вейзел близ Вейхена (неподалеку от Неймегена). Здесь оси были искусным образом завершены антропоморфными изображениями-гайками с петлями, в которые некогда было вставлено кольцо, в котором висели еще три кольца, так что в общем и целом на четырехколесном вагоне висело 48 звенящих колец³.

Погребальный инвентарь в восточногальштатском ареале представляется несколько более скромным, хотя курганы зачастую и достигают значительных размеров. Курган Лееберг в Гросмугле (Нижняя Австрия) достигает высоты в 16 м при диаметре в 56 м и объеме в 14 000 м³. Столь же внушительно выглядят и курганы Чонеггер-Когаль и Визенкайзер в некрополе в долине Сульма (Штирия)⁴. Здесь, в Штирии и Каринтии, восточногальштатский ареал получил своеобразную форму, которой соответствуют и юго-восточные альпийские варианты. Корни восточного варианта гальштатской культуры лежат в использовавшихся металлом прогрессивных культурах верхней Адриатики, связанных с культурой Вилланова в верхней Италии. Особенно своеобразный вид гальштатская культура приобрела в Словении (прежде всего Крайне)⁵, где гигантские курганы по соседству с поселениями, окруженными валами, видимо, служили кладби-

¹ Barth (1970), S. 42.

² Spindler (1976), S. 37; Piggott (1992), S. 161, m. Abb. S. 160, Nr. 99.

³ Harrison (1986b), S. 252f.

⁴ Dobiat (1980); cp. Urban (1989), S. 187ff.

⁵ Spindler (1976), S. 83f.

шем для целых родов. Процветающая индустрия производства железа, прежде всего в Ваче и Подземели, обеспечивала заметное благосостояние, которое отражалось в импорте апулийской керамики, этрусской бронзы, янтаря и стекла. Я полагаю, что именно это железо и считалось «норийским». Впечатляет роскошная, большая (длиной около 15 см) «драконовая фибула» с гротескными рожками, заканчивающимися луковицами. Такая вещь должна была по Дунаю попасть в Шварцвальд, где она была обнаружена в погребении 81 на Магдалененберге¹.

Воин не вступал в битву на колеснице, но сражался верхом, используя боевой топор, копье, а также лук и стрелы, что говорит о скифском влиянии из области Карпат². В керамике в общем и целом господствовали те же строгие геометрические узоры, что и в западногалыштатской области, однако здесь орнамент становится более «обильным»; вместо нарисованных линий и точек он выполнен с помощью насечек, ребер, валиков и шишек. Орнамент получали, нажимая на керамику пальцами перед обжигом. Особенно очевидный пример — это керамика с Календерберга близ Медлинга (Нижняя Австрия); календербергскую керамику даже можно определить как «первобытное барокко». Предполагают, что по центрам производства календербергской керамики можно определить и центры политической власти³. Этот новый стиль распространился на средний и нижний Рейн, Франконию, Гессен и Саксонию⁴.

К концу галыштатской эпохи на севере Франции, в Лотарингии, Сааре (Райнхайм) и области Хунсрюк-Айфеля (Вальдальгесхайм) скопились значительные богатства, возможно, связанные со знаменитыми месторождениями лотарингской железной руды — «минетт»⁵. Продукция рудников продавалась

¹ Spindler (1976), S. 83f.

² См. об этом Bukowski (1980).

³ Kaus (1980).

⁴ Ср. Coblenz (1980), S. 328f.

⁵ Эта идея, высказанная Pittioni (1959), как кажется, не получила поддержки в более новой литературе. Однако в ее пользу можно многое сказать, что подтверждают и исследования Р. Плейнера на примере Богемии и Моравии, которые показывают, что рудные месторождения и возникновение оппидумов могут быть связаны; Collis (1984), S. 173. То же самое можно сказать и о люксембургской Титтельберт: Ср. об этом также Fischer (1983), S. 36f. О рудных месторождениях между княжескими могилами Шварценбаха и крепостными сооружениями Оттенхаузена (район Санкт-Вендель, Саарланд) см. Haffner (1992a), S. 38, Abb. 11.

в виде слитков с двойным концом. Позднегалльштатская культура северо-западных Альп, как кажется, послужила прототипом раннего латена в Хунсрюке и Айфеле. Об этом говорит прежде всего четырехколесная повозка с поворотным кругом из Белла в округе Зиммерн (Рейн-Пфальц)¹. Находки из мастерских плавильщика и кузнеца на Тительберге (Люксембург) со всей очевидностью показывают, что эта столица треверов разбогатела на выплавке и переработке чугуна². Но и эта крупномасштабная торговля с Югом проходила по старым торговым путям, по которым, к примеру, олово из Корнуолла попало через Арморикю в средиземноморский мир и стало основой значительного богатства. Все то, что шло вверх по Роне и Соне и через сообщение по верхнему Мозелю достигало Ардени, могло с таким же успехом быть продано на запад, в Шампань, или на восток, к Рейну.

Сама латенская культура, быстро приобретающая своеобразные черты, получила свое название по месту находок на озере Невшатель в западной Швейцарии. Когда в XIX веке на многих швейцарских реках выпрямляли русла и строили шлюзы, на некоторых озерах уровень воды опустился, в том числе и на Невшателе. Здесь в 1857 году в месте под названием Ла Тен («Неглубокое») Фридрих Шваб обнаружил огромное количество предметов, судя по всему служивших в качестве ритуальных приношений, главным образом оружия³. Из-за чрезвычайного богатства этой находки период позднего железного века получил название «латенского». Эдуар Дезор стал первым, кто в 1865 году предложил деление железного века на периоды галльштата и латена. Оно было принято Якобом Хайерли в его «Первобытной истории Швейцарии» (*Urgeschichte der Schweiz*, 1901) и вскоре стало общеупотребительным⁴. То, что латенская культура является кельтской, первым показал, видимо, Габриэль де Мортилье (1821–1891), директор Музея национальных

¹ Haefliger (1992a), S. 32f., с илл. 2, 3.

² Metzler (1995), S. 44; Metzler-Zens et al. (1995), S. 48, 50.

³ Обзор численности найденных предметов (более 2500) в: *Celtes dans le Jura*, S. 117. Например: 166 мечей с ножами и без них, 269 наконечников копий, 382 фибулы, 29 унбонов, 4 колеса со спицами из дерева, 52 шпичиков для вытергивания волов, 25 бритв и т.д.

⁴ Ср. <http://www.snl.ch/dhs/externe/protect/textes/D8253-1-141.html>.

древностей. Он также распознал проникновение кельтов в область культуры Голасекка в Марцаботто и тем самым заложил основания для понимания того, что лепонтийский язык является одним из континентальных кельтских языков¹.

Значительные центры этой средневропейской латенской культуры, которая получила признание как своеобразная форма стиля и культуры, находились в долинах Марны, Мааса, Мозеля, Рейна, Майна и Неккара. Тем самым культурное, политическое и религиозное «силовое поле» переместилось еще дальше на Запад. Для мировой истории это было событие огромного значения, последствия которого ощущаются вплоть до сего дня.

Для различных областей была выработана различная периодизация латенской культуры. Само собой разумеется, что приведенные ниже даты очень приблизительны и что при определенных обстоятельствах отдельные периоды могли пересекаться, так что тот или иной предмет в свое время мог казаться супермодным или, наоборот, устаревшим. Французские исследователи выделяют три стадии (I: 450–300, II: 300–150, III: 150 – начало н.э.), немецкие – четыре (A: 500–400, B: 350–250, C: 250–100, D: 100 – начало н.э.). Примерно до 1970 года британские исследователи выделяли два периода (железный век A: 700–400, железный век B: 400 – начало н.э.), причем немецкие галыштан C (750–600) и D (600–500) оставались в «железном веке A». Последние фазы железного века B именовались также «(кельтским) железным веком C». В последнее время различают «ранний доримский железный век» (750/700 – 100/50 с границей между «древнейшим» и «ранним» около 450/400) и «поздний доримский железный век» (100/50 до н.э.–43 н.э.)². В любом случае на Британских островах там, куда не дошла провинциальная римская культура (прежде всего в Ирландии), вплоть до эпохи христианизации (V–VI вв.) можно говорить о «(кельтском) железном веке».

В общем и целом периодизация основывается на формах фибул. В Германии она впервые была разработана Отто Тишлером

¹ G. Jacob-Friesen (1980): я благодарю за это указание коллегу Герхарда Томелли (Итсебрук).

² Collis (1994), S. 124ff.

(1843–1870) и Паулем Райнеке (1872–1958), во Франции – Жозефом Дешелеттом (1862–1914), на Британских островах – Кристофером Хоуксом (1905–1992) из Оксфорда, а новая периодизация восходит к Рою Ходсону (1960) из Кембриджа. Во многих случаях внутри латенской культуры выделяются особые местные формы. На континенте таковыми считаются культура **Хунсюрк-Айфель, марнская** (примерно с 350 г. до н.э.); в Британии – культура **Литл-Вудбери** и как специфические варианты латена – **аррасская** и **эйлсфордская** культуры; в Словакии же это культура Пухов, принадлежавшая добывавшему железо племени котинов (Тас. Germ. 43), а в Южной Польше – некая «пограничная» культура со своими характерными памятниками¹.

Латенская культура выросла из галыштатской и не отрекалась от ее традиций². Находки в таких местах, как Шопрон-Бургсталл и Шопрон-Краутакер (Венгрия), показывают непрерывный континуитет от культуры полей погребений до последней фазы латена³. У существенных для латена предметов материальной культуры были в галыштатское время свои предшественники (как, например, у *muris Gallicus*) или же они просто продолжали употребляться, как, например, пара железных подставок для дров (англ. *firedogs*), которые еще с галыштатского времени были непременной принадлежностью очага с открытым огнем (точное их предназначение, однако, неизвестно). Иногда высказывались даже фантастические предположения, что они представляют собой «лунные идолы». Особенно прекрасные экземпляры происходят из Доннерскирхена (Бургенланд) и Шопрона⁴. Толчком для их производства, возможно, послужили греческие образцы. Характерно, что подставки оформлялись в виде голов баранов, иногда – быков. Другие значительные экземпляры происходят из Орлеана (козлы из глины), Ле Пега (департамент Дром), Нидерурселя (близ Франкфурта-на-Майне),

¹ Ср. Joachim (1969); Haffner (1976); Pieta (1982).

² Ср. Kruta (1986), S. 37.

³ Patck (1980); Jerem (1980).

⁴ Reitinger (1980), S. 19; Patck (1980), S. 98; Kramer (1980), S. 179f.; этому посвящен доклад L. Nebelsik на конгрессе «Die Kalenderbergkultur» (Sopron 1995), в печати.

Кэйпел-Гармон (Дербишир) с головами быков, Бартона (Кембриджшир) и Стэнфорда (Бедфордшир)¹.

Гальштатское население развилось в латенское без какого-либо перелома². Так что и на латенскую культуру опять-таки весьма существенно повлияли контакты с югом — греками и этрусками, а также с евразийской степной культурой скифов на востоке³. Особенно важен был путь по Соне и Роне от Марселя. Племена, которые жили вдоль этого пути, становились могущественными и богатыми, что очевидно на примере эдуев.

Примером может послужить самая известная из всех позднегальштатских или раннелатенских гробниц — раскопанная в 1953 году гробница с колесницей из Вика (в исторический период — территория племени лингонов). Она относится примерно к 500 году до н.э. От других погребений Вика отличает лишь богатство — по своему типу его можно сравнить с расположенными неподалеку курганами «де-ля-Гаренн» и «де-ля-Бютт» в Сен-Коломб-сюр-Сен или в Апремоне (департамент Верхняя Сона). Так же, как Хохмихеле близ Хенебурга, гробница из Вика расположена близ Мон-Лассуа (департамент Шатийон-сюр-Сен), княжеской резиденции конца VI века, исключительно богатой различными находками, прежде всего аттической чернофигурной керамикой. Мон-Лассуа был расположен на важном торговом пути с севера на юг. Сена здесь также судоходна. В гробнице «княгини» (или «жрицы»? или и то и другое?), помимо греческой керамики и неперменной четырехколесной повозки⁴, был обнаружен гигантский сосуд для смешивания вина (кратер) греческого происхождения, а также золотая диадема (предположительно скифской работы) весом в 460 грамм,

¹ Ср. Fox (1958); Moreau (1961), S. 78 m. Taf. 76; Piggott (1965), S. 191, 248 (карта распространения), pl. 48.; Fischer (1983), S. 42; GC S. 10; Megaw — Megaw (1989), S. 160.

² Вопреки Nash (1985), которая характеризует кельтов как воилское сообщество, захватившее каким-то образом мирных гальштатцев. Дискутировать с предположениями и следствиями подобного представления об истории я здесь не буду. Напротив, ср. антропологические изыскания Klug (1986) и подчеркивание археологического континуитета у Fischer (1986), S. 215.

³ Ср. ориентализующие элементы (также, как цветы лотоса, «древо жизни», «повелитель зверей») на пряжках от поясов и об их распространении у Kruta (1986), S. 39f.

⁴ Kimmig (1983a), S. 164ff.; Piggott (1992), S. 145f., 164ff. (о технических деталях колес).

аттическая чернофигурная чаша, изготовленная примерно в 530—520 годах, бронзовое зеркало и косметический набор из Этрурии, этрусский кувшин с носиком и другие изготовленные там же сосуды. Гигантский кратер привезли в Вике в разобранном состоянии и там он снова был собран ремесленником — при помощи греческих букв, которыми были отмечены прилегающие друг к другу части сосуда¹. Возможно, это — еще одно свидетельство присутствия средиземноморских ремесленников из области Массалии. Далее у нас еще будет случай поговорить об отдельных предметах из этого погребения.

Одно из важнейших погребений раннего латена — гробница Кляйнаспергле (к югу от Хохенасперга близ Штутгарта). В погребальной камере были найдены золотые украшения, сфинкс из слоновой кости, импортные бронзовые сосуды, кувшин с носиком и расписная греческая керамика. Очевидно, речь идет о погребении князя, обитавшего в соседнем Хохенасперге. Другие известные княжеские погребения того времени были обнаружены в том числе в Вайскирхене (Саарланд), Армсхайме (к северу от Альцея), Бад-Дюркхайме, Роденбахе близ Кайзерлаутерна и в Шварценбахе близ Идар-Оберштайна (все — Рейнланд-Пфальц).

С 1994 года проводятся раскопки княжеского кургана на Глауберге — одном из отрогов гор Фогельсберг, расположенном в Веттерау к северо-западу от Франкфурта-на-Майне². Опубликованные на данный момент находки настолько сенсационны, что здесь мы должны рассказать о них во всех подробностях. Сначала были обнаружены длинные валы, относящиеся к времени позднего гальштата — раннего латена. Огороженная ими территория площадью около 20 гектаров не была укрепленным поселением наподобие замка, но представляла собой нечто вроде оппидума. Хенебург (включая «посады») также занимал площадь около 20 гектаров.

Глауберг был крупной княжеской резиденцией, о чем говорят и раскопки погребального кургана, расположенного примерно в

¹ Filip (1961), S. 39; о кратере и дальнейшая литература у Kimmig (1992), S. 316.

² Авторитетные публикации осуществили F.-R. Herrmann и O.-H. Frey, оба в: *Keltenfürst vom Glauberg. Zur Statue des «Fürsten vom Glauberg»*; см. предварительное сообщение в Herrmann (1996b). Последняя обобщающая работа: *Rätsel der Kelten*.

250 метров от вала. Диаметр кургана составлял около 48 м; он был окружен круговым рвом шириной в среднем 10 м и глубиной от 2,20 до максимум 3,70 м (разница в глубине обусловлена неровностью местности). От кургана отходит в юго-восточном направлении полоса земли, окруженная двумя мощными сопутствующими рвами (шириной в 6, 10–7, 60 м, глубиной в 2, 60–3, 15 м); ее называли «дорогой процессий». В конце «дороги процессий» сопутствующие рвы расходятся (примерно в восточном и западном направлении, то есть под тупым и под острым углом). На северо-западном конце кругового рва находится еще один ров, ведущий на север, длина которого составляет около 38 м (для простоты я буду называть его «аппендиксом»). На том месте, где он соединяется с круговым рвом, находится расположенный по касательной к последнему еще один, пока мало изученный прямой ров, который ведет в северо-восточном направлении. Примерно в 40 м к западу от кругового рва расположен прямоугольный ров (почти квадратный), в ходе раскопок которого ничего не было обнаружено.

На конце «аппендикса» находились два погребения — ребенка и взрослого с браслетом на правом запястье. А там, где «аппендикс» соединяется с круглым рвом, была обнаружена сенсационная «находка века» — похожее на стелу изображение мужчины чуть больше чем в натуральную величину (186 см); его ноги были отбиты чуть выше лодыжки, и подошвы оказались утраченными. От второй стелы были найдены лишь незначительные фрагменты. Статуя, которая получила название «князь из Глауберга», очень похожа на статую воина из Капестрано и на героическую стелу из Хиршландена. С первой ее объединяет положение рук, которое совпадает до мельчайших подробностей — только глаубергский князь левой рукой (которую из-за этого не видно) держит у середины тела крошечный овальный щит с зерновидным шишаком и металлическим краем, в то время как правая лежит на ключице. О воине из Хиршландена, напротив, напоминают излишне подчеркнутые бедра и голени, а также диспропорциональная, плоская верхняя часть тела, похожая на толстую доску; руки и плечевые суставы выглядят на ней совершенно не анатомически и кажутся как будто приклеенными спереди, хотя плечи глаубергского воина подняты не так

высоко, как у хиршландского, а положение рук почти зеркально. В противоположность хиршландцу, воин из Глауберга не обнажен: на нем льняной или кожаный составной панцирь, такой, какой носили в Средиземноморье в VI–V веках до н.э. Этот очень ранний пример кельтского панциря служит дополнением к другим известным нам кельтским образцам. На правой стороне подвешен меч с антропоморфной рукояткой, как-то неестественно прижатый к бедру. На обратной стороне статуи показана обратная сторона панциря, который сверху заканчивался чем-то вроде «подбородника» для защиты шеи. На безымянном пальце «князь» носил кольцо, на запястье — браслет и еще один — на левом предплечье. Голова статуи была обработана существенно лучше, она больше и реалистичнее, чем у хиршландского изображения. Это «латенское лицо» типа I с типичными выпуклыми глазами, клинообразным носом и опущенными уголками рта. Оно поразительно похоже на головы со стелы из Пфальцфельда. Здесь мы встречаем также похожий на берет головной убор со стрелками и прежде всего «уши Микки-Мауса», которые (может быть, неверно) именуют «корона из листьев»: очевидно, они представляют собой какую-то существенную часть этого головного убора или же изображают начесанные волосы. Как и у голов из Пфальцфельда, у глаубергского князя был длинный закругленный подбородок (напрашивается мысль о бородке клинышком). Не в последнюю очередь замечателен торквес с шишкообразными украшениями. Фигура из трех шишек под подбородком голов на стеле из Пфальцфельда, которые я как-то назвал «бородой-пальметкой», возможно, также представляет собой «сокращенную» форму подобного торквеса с тремя шишечками.

Курган, высота которого на момент раскопок составляла всего 70 см, содержал два погребения: погребение 1 (ингумация) и погребение 2 (кремация). Под оба погребения были подведены деревянные доски; в виде блока они были извлечены из кургана в построенном вокруг них ящике и доставлены в Висбаден для лабораторного исследования. Поскольку при захоронении ряд предметов был обернут в ткани, то можно было надеяться осуществить лабораторную обработку остатков текстиля.

Помимо скелета, в погребении 1 были обнаружены железные наконечники копий, железная обивка от щита, золотой

торквес, бронзовый крючок для пояса, бронзовые кольца, золотой браслет, золотое кольцо, железный меч с бронзовой отделкой ножен, множество бронзовых фибул и колец, а также бронзовый кувшин с носиком. Из всего этого особенно замечателен торквес, на котором было три бронзовых привеска-шишечки, напоминавших торквес на статуе. Однако торквес на самом деле был гораздо более сложным, чем его изображение в камне (песчанике), поскольку между шишечками находились орнаментированные пластинки из листового металла и сбоку от первой и второй шишечки — еще две пластинки, на которых были изображены стилизованные человеческие фигуры с огромными глазами. Само кольцо торквеса наполовину состоит из стилизованных большеглазых лиц. Там, где заканчивается эта гротескная чеканка и начинается гладкий золотой лист торквеса, на одной стороне находится замысловатый замок, повернув который можно было открыть торквес. Наличие золотого кольца и браслета также подтверждает предположение, что стела должна была изображать самого умершего — князя из Глауберга; возможно, это было связано с культом предков.

Особенно важен бронзовый кувшин с носиком, который наиболее близко соответствует знаменитому кувшину из Дюрнберга. На момент захоронения в нем содержался медовый напиток, возможно, нечто вроде медовухи. В противоположность кувшину из Дюрнберга, ручку которого подпирало чудище, проглатывающее человеческую голову, ручка кувшина из Глауберга состоит из тонкого, ничем не усиленного металлического листа; поэтому, скорее всего, было невозможно поднять полный кувшин только за ручку, не поддерживая его другой рукой. Возможно, это говорит о том, что кувшин и не был предназначен для повседневного употребления, а только лишь для церемонии похорон, и подтверждает то, что выше было сказано о таких кувшинах. На верхнем краю кувшина восседает фигура в «буддийской» позе (в буддийской терминологии это *прайянкасана* — «поза героя» или *вирасана* — «поза аскета»). Руки опираются на колени; поверх туники с короткими рукавами надет составной панцирь. Спереди и сбоку голову сидящего украшают стилизованные локоны, которые делают его похожим на эфеба. Слева и справа от «эфеба» мы видим двух

кудрявых сфинксов, которые повернули свои головы назад, к нему, как будто бы он — повелитель этих существ.

Размеры и инвентарь погребения 2 — гораздо более скромные. В нем содержится железный меч с бронзовыми накладками для ножен, крюк и кольца для пояса, бронзовая фибула и бронзовый трубообразный кувшин. Здесь мы также сталкиваемся с тонкой ручкой; от верха ручки отходит цепочка, которая соединяет ее со стоящим на крышке сказочным зверем. Это крылатый лев; его голова с раздутыми ноздрями напоминает лошадиную. Зверя можно сравнить с изображением на бронзовой фибуле из погребения 1. В общем и целом кувшин находит свое точное соответствие в кувшине из Вальдальгесхайма, крышку которого, однако, украшает лошадка.

Даже непосвященный легко может оценить значение находок из Плауберга. Отметим лишь некоторые аспекты. находка статуи «князя» позволяет взглянуть на статую из Хиршландена другими глазами. Новая находка подтверждает предположение, что надгробные стелы изображали умерших как героев. Представляется, что и стела из Хиршландена в первую очередь была связана с самим умершим и на ней не было показано какое-то определенное божество.

Поразительное соответствие обоих глаубергских кувшинов и кувшинов из Дюрнберга и Вальдальгесхайма открывает перед нами картину широких «международных отношений» в позднегалльштатское и раннелатенское время. Особенно впечатляют глаза и изображения черепов на золотой пластинке торквеса, которые говорят скорее не об охоте за головами и культе черепов, а о всевозможных демонических представлениях, связанных с одноглазостью.

Плаубергская находка с ее специфически кельтским инвентарем интересна и для лингвистов, поскольку само название «Гессен» в конечном счете не является германским, но связано с группой племенных названий, содержавших кельтский элемент **kass-* и распространенной от Нормандии (*Bodiocasses*) до хаттов (*Chatti*); так Тацит передает название этого племени, и варианты этого названия в рукописях указывает на то, что фактически речь здесь идет о *dd/ss*, то есть о *Tau Gallicum*¹.

¹ Об этом см. Birkhan (1967). Последняя работа Rubekeil (2002), особенно S. 49ff., 104ff.

Как мы уже говорили, исследователи видят период позднего гальштата в благоприятном свете. Это было время большого благосостояния, которое было разделено между множеством маленьких княжеских резиденций и дворов знати. Кинжал, который не следует считать настоящим боевым оружием, стал скорее символом высокого положения. В общем и целом, в тот период царил мир: интересы знати были сосредоточены на спорте и охоте. Численность «кельтского населения» около 500 года до н.э. оценивается примерно в 3 миллиона человек, и эта цифра представляется мне заниженной¹.

Переход от княжеских погребений гальштата и раннего латена к латенским погребениям воинов можно представить себе таким образом. Эксплуатация подданных гальштатскими «феодалами», а также относительное перенаселение вынудили отдельные группы переселяться уже в гальштатское время. Для «феодалов» это был своего рода «предохранительный клапан», через который могло выходить наружу недовольство. Поэтому они способствовали этому процессу, если сами не стояли во главе переселенцев, как это случилось с племянниками Амбиката у Ливия (V, 34). Эксплуатация остававшихся на месте жителей приводила к нужде и нищете, а возможно — и к революциям. Можно представить себе даже крестьянскую войну². Людвиг Паули указывает на то, что и большие княжеские могилы уже не считались священными: несмотря на все существовавшие тогда суеверия и табу, они были взломаны и разграблены³. Во главе боевых содружеств встали воины, которые теперь вовлекали целые племена в разбойничьи походы и, соответственно, в переселения. Хорошим примером тому служит легенда о предводительнице Ономариде (подтвердить которую исторически вряд ли возможно). В этом случае социальная напряженность, которая была вызвана угрозой самому существованию низшего слоя (слоев), вызвала желание переселяться. Поскольку знать, которая, естественно, должна была бы принять на себя руководство, игнорировала этот проект, появилась

¹ Chapman (1992), S. 79.

² Fischer (1986), S. 220.

³ Pauli (1985), S. 33.

женщина с (видимо, некельтским) именем Ономариды, которая перевела воинов через Дунай, захватила там землю и основала царство, где правила как королева¹.

Очевидно, часть латенской эпохи была отмечена социальными неурядицами. Так, в Виксе континуитет поселения прервался, святилище 500–450 годов до н.э. было разрушено, культовые статуи обезглавлены и разбиты². Роскошные «княжеские погребения» эпохи гальштата уступили место новому типу – погребению воина с двухколесной боевой колесницей. Боевая колесница, столь важная для кельтов, здесь в первый раз входит в историю.

Первыми индоевропейскими народами, пользовавшимися колесницами, были хетты, арийцы и микенские греки; употребление их в любом случае восходит к середине II тысячелетия до н.э.³ Хотя мы и говорим о происхождении кельтов также из индоевропейской группы племен, племена бронзового века, которые позднее стали кельтами, и их соседи гальштатского времени, судя по всему, первоначально не обладали боевыми колесницами – или же отказались от них. Причиной тому, возможно, были сами земли средней Европы, изобиловавшие лесами и болотами. Точно так же боевых колесниц не было и у германцев. Однако в южногальштатской области, как показывают изображения на ситулах, боевые колесницы всегда были хорошо известны, и, возможно, именно этим путем из средиземноморской области они попали в начале латенского времени на север Франции.

До сих пор обнаружено более 200 таких погребений с колесницами⁴. В качестве образцов могут служить погребения с

¹ Об этом см. Tomaschitz (1994), S. 102ff., где выдвинуто заманчивое предположение, что речь может идти о представительнице племени скординов. Текст воспроизведен в: Tomaschitz (1994), S. 102, no: *Scriptores rerum mirabilium Graeci*, ed. A. Westermann, Braunschweig, 1839, S. 218 [Перевод этого отрывка см. в: *Политн. Стратегемы / Под общей редакцией А. К. Нефёдкина*. СПб., 2002. С. 576. Об имени «Ономарида» (Ономара, Ономарис) см. в: *Ellis Evans D. Onomaris: Name of Story and History? // Hddnuch iildirech. A Festschrift for Proinsias Mac Cana / Ed. by J. Carey, J.T. Koch, P.-Y. Lambert. Andover & Aberystwyth, 1999. P. 27–37].*

² Chaume et al. (1995), S. 47, 50.

³ См. резюме у Zimmer (1990), S. 38.

⁴ Карта распространения, на которой показаны только самые впечатляющие находки, есть у Piggott (1965), S. 208; Piggott (1992), S. 199ff. с картой распространения 120, S. 200.

колесницами из Ла-Горж-Мейе близ Сомм-Турб, из Сомм-Бинн, их Жоншери-сюр-Сюипп, из Купперли (все в департаменте Марна), из Шассеми (департамент Эна) и из Нантерра (департамент О-де-Сен); все они характерны для «марнской культуры»¹. Плоские погребения со скелетами глубоко вкопаны в мягкий меловой грунт. Среди характерного погребального инвентаря — оружие и пища, видимо, «кусок героя». В основном речь идет о свинине и говядине². Торквесы находят почти что только в погребениях женщин. Эти погребения особенно богаты керамикой: речь идет об изготовленной на гончарном круге керамике с острыми ребрами, которая безошибочно свидетельствует о средиземноморском влиянии. Необычайно часто встречаются могилы с парными захоронениями умерших разного пола, что позволило многим археологам говорить о том, что жена должна была следовать за умершим мужем, приводя при этом в пример цитату из Цезаря (BG, VI, 19). Однако у Цезаря речь идет только о сожжении и прежде всего о любимых рабах и клиентах умершего.

Такой тип погребения был распространен от Шампани по всей Северной Франции до самого Рейна. Могилы культуры Хунсрюк-Айфель (как, например, погребение в Хундхайме в округе Зиммерн, Рейн-Пфальц или курган 6 из Бешайда, прозванный «У пригорка», вблизи Трира) указывают на то, что легкая двухколесная колесница была символом статуса погребенного³.

Во всяком случае, можно говорить о возникновении некоего слоя военной знати или «рыцарства». Меч стал одним из важнейших элементов погребального инвентаря; такой инвентарь обнаруживается иногда в 30% погребений. Разумеется, поскольку этот процесс происходил в течение длительного времени, мы не должны предполагать, что 30% погребенных обязательно должны были владеть мечом⁴.

Укрепления галльготского времени потеряли свое значение или были заброшены. Некоторые из них, те, что ранее успели достигнуть значительных размеров, служили убежищами для больших групп населения. Видимо, это случилось с Хенебургом

¹ Piggott (1992), S. 203ff. с дальнейшими примерами погребений с колесницами.

² Joffroy – Bretz-Mahler (1959), S. 28.

³ Haffner (1992a), S. 33f., 48ff.

⁴ Pleiner (1993), S. 165f.

в ходе фаз перестройки, а также с гигантским комплексом укреплений близ Зависта (около Збраслава к югу от Праги). Этот комплекс относится к концу бронзового века, однако в эпоху латена А (около 500—400 до н.э.) он был заново перестроен как укрепление на холме с каменными стенами. Затем это сооружение снова утратило свое значение, но в последнее столетие до н.э. опять стало одним из важнейших укреплений¹. Конец укреплений в начале и во время латена В в Чехии, Австрии и на юге Германии можно сопоставить с великим нашествием кельтов, о котором говорят историки (в 387 на Рим и около 300 — на Балканы). Кельты, ушедшие на Восток, перенесли принцип постройки убежищ/народных крепостей на свою новую восточную родину. Так, галатское племя тектосагов воздвигло на горе Магаба (возможно, Элмада к юго-востоку от Анкары) убежище, укрепленное кольцевым валом, в котором жители в 189 году до н.э. укрылись во время войны с Гнеем Манлием Вульсоном (Liv. XXXVIII, 19. 24 ff.; Florus I, 27, 5). Однако во многих местах упадок крепостей на холмах мог иметь причины, вызванные чисто местными условиями. Нельзя и говорить о том, что это явление было повсеместным: например, культура Хунсрюк-Айфель составляет исключение.

Уже на рубеже XIX—XX веков названия мест стали использовать для реконструкции переселений кельтов². Прежде всего речь идет об обозначениях резиденций вождей³, крепостей-убежищ и ранних протогородских центров. Выясняется, что из трех элементов названий мест: *-briga* «укрепление» *-dūnom*, «укрепление, оппидум» и *-magos* «поле», первый охватывает область расселения кельтов, в том числе и Иберийский полуостров, но при этом отсутствует на Британских островах, в то время как *-dūnom*, позднее *dūnon* (латинизированное *dūnum*) часто встречается в Галлии и на Британских островах, однако отсутствует на Иберийском полуострове, и элемент *-magos*, хотя часто встречается в Галлии, в Британии появляется лишь

¹ Filip (1982), S. 38.

² Schulten (1914), S. 23, Anm. 5; см. названия на *briga-* на Карте I (ibid.); более новая карта у Rix (1954), S. 104; Piggott (1965), S. 172.

³ О ранних кельтских княжеских резиденциях, особенно Хёнебурге и Мон-Лас-суа, см. обобщение в Filip (1961), S. 34ff.

изредка, а в Испании отсутствует вообще¹. Так же, как с *-magos*, дело обстоит и с *-durom* «дверь, ворота, крепость»² (как, например, в названии города *Autessiodurum*, сегодня *Auxerre*, Оксерр). Такое распределение топонимов по типам может представлять различные волны расселения, проходившие именно в таком порядке. Этому соответствует и появление в конце II века до н.э. оппидумов и обширных крепостных сооружений (палисадов и т.п.) и, соответственно, названий на *-dūnum* (по типу *Thun*; *Eburodūnum* > фр. *Yverdon* = нем. *Iferten*). Однако, как показывает история «хиллфортов» на Британских островах, это слово должно было употребляться для обозначения укреплений на холмах самое позднее начиная с IV века. Это полностью соответствует тому факту, что др.-кельт. **dūnom* было заимствовано в древнегерманский и пережило там последний акт «германского передвижения согласных», так что наряду с унаследованным словом *Düne* (а также англ. *Downs* как название холмистой местности) имеется и кельтское заимствование *Zaun* (англ. *town*), из чего, между прочим, следует, что постройка палисада (*Zaun*) была существенным элементом постройки укрепления типа *dūnom*; это подтверждает и археология³. Названия на *-briga-*, напротив, явно относятся к древнейшей волне расселения, а именно к той, с которой кельты переселились на Иберийский полуостров. Это древнейшее обозначение поселения было также заимствовано германским языком (где имелось унаследованное слово *Burg*), как и более новые (*magos* и *durom*).

Что же касается переселений кельтов⁴, то распространение

¹ См. карты в Rix (1954), S. 103ff.; воспроизведено в: Piggott (1965), S. 172ff. Abb. 95–97; ср. Tovar (1986), S. 70f. Примеры: в Испании *Arubriga* у устья Тахо, *Brigaiciana* «Бенапента/Эсла», *Brigantion* «Ла-Корунья», *Segobriga* «Сегорбе» (Валенсия); общий обзор образований на *-briga-* см. в: AcS I, 533. Относительно *-dunum* см., например, различные места под названием *Lug(u)dunum* — Лион, Лейден. Монлаю (департамент Дром), Лаон, Лудон (департамент Сарта), Лолун (департамент Гар), Монлозюн (департамент Ло) и многие другие, ср. AcS II, Sp. 341ff.; общий обзор названий на *-dunum-*: AcS I, Sp. 1375ff.; *Borbetomagos* «Ворме», *Gabromagos* «Виндлингартен», *Vindomagos* = валл. *Gwynfa* = ирл. *Findmhagh* (графство Антрим); общий обзор названий на *-magos-* в: AcS II, Sp. 384f.; Rix (1954), S. 106.

² Об этимологии см. IEW S. 278.

³ Collis (1984), S. 117ff.

⁴ Обобщающая работа о переселениях на восток, которая помогает ориентироваться в вопросе: Szabó (1986), S. 60ff.

легко поддающихся перевозке предметов, например, украшенных и предметов повседневного обихода, следует рассматривать с осторожностью, поскольку они вполне могли быть предметом торговли. Отнюдь не все, кто в наше время носит бейсболки, считают себя американцами или просто говорят по-английски, и какой бы глубокой ни казалась американизация в сегодняшней Европе, европейцы отнюдь не отказались от своего этнического (в данном случае национального) своеобразия. Находки отдельных предметов лишь тогда могут служить свидетельством переселений и колонизации (то есть присутствия кельтов), когда это можно подтвердить историческими свидетельствами. Если бы экспансия галатов в Малую Азию не была подтверждена историческими источниками, то одни только находки среднелатенских фибул из бронзовой проволоки из Кайсери, Мерсина и Приены (Пирены) не могли бы служить основанием для вывода о кельтском переселении. То же можно сказать и об оценке культурного «обратного тока» как вторичного свидетельства таких переселений. Ими могут оказаться определенные варваризованные типы монет из области Средиземноморья, в то время как более поздние находки латенского времени из Дании скорее должны считаться чем-то вроде культурного «обратного тока» после похода кимвров и тевтонов, нежели свидетельствами того, что какая-то кельтская аристократия, других свидетельств существования которой мы не находим, якобы господствовала над германцами (как гласила так называемая «теория супрематии» в начале XX века)¹.

В эпоху латена В кельты также распространялись по всем направлениям. Через Словакию они дошли до Силезии и Карпатской дуги, через Нижнюю Австрию добрались до позднейшей территории Паннонии, где присутствие кельтов проявилось в богатых находках и погребениях с колесницами² племени арависков. Часть кельтов пошла дальше, на Балканы и в Малую Азию. Несколькими путями они преодолели Альпы и

¹ Об этом Elston (1934), S. 48ff.; GKAR S. 58f.; также Evans (1982), S. 237, 243, 253ff.

² Szabó (1992), S. 107.

вторглись в Верхнюю Италию. На Западе они уже распространились по большей части сегодняшней Франции (святилища с жертвоприношениями «пикардийского типа» считаются свидетельством переселения в начале III века до н.э.)¹, пересекли Ла-Манш и Ирландское море и принесли в Британию обозначение *dūponi*. На юго-западе экспансия латенского времени достигла Аквитании. Однако Испания, которую охватила волна поселений в галлытатскую эпоху, уже не «латенизировалась».

На севере и северо-востоке кельты столкнулись с германцами. Пограничным кельтским племенем в древние времена были вольки (тектосаги?), которые осели в германском среднегорье. Цезарь говорит о них (BG, VI, 24), что они, в силу своей военной доблести и справедливости, пользуются огромным уважением (*quae gens... summam... habet iustitiae et bellicae laudis opinionem*). В любом случае это племя оказало такое влияние на германцев, что само его название было заимствовано еще до германского передвижения согласных, и впоследствии все кельты и обитатели Юга, в том числе позднее и римляне, обозначались этим именем. Так возникло древнегерманское **walhaz*, д.-в.-н. *Walha* (встречается также во многих топонимах, как, например, *Wels*, *Seewalchen* и т.д.) и наше *welsch*, а также англосакс. *Wealhas* «кельты», которое сохранилось в таких словах, как *Wales* «Уэльс», *Welsh* «валлийский», *Cornwall* «Корнуолл», англосаксонское *wealhstōd* «переводчик»; др.-сканд. *Valir* («кельты» и «римляне»), далее такие наименования, как «валлоны» в Бельгии и «валахи» в Румынии. Здесь не место далее распространяться об этом весьма продуктивном корне. В любом случае, первоначально это слово имело отчетливую коннотацию, как можно понять по некоторым словам в англосаксонском, однако затем его значение оказалось размытым и в конце концов оно могло обозначать «слуга, раб»². Вопрос о том, насколько исторически «правильно» изложенное у Ливия сказание о переселении кельтов, где он посылает часть битурнигов в Герцинский лес, пока остается открытым, поскольку именно среднегорье, в котором Тацит помещает бойев и гель-

¹ Brunaux (1995), S. 56.

² Birkhan (1968), S. 113f., 116, 122ff.; Rabekeil (1992), S. 61ff., который, однако, привлекает не все германские данные.

ветов (Germ. 28), могло принадлежать и к первоначальной территории поселения кельтов¹.

Кельты должны были также граничить с «третьими народами», древнего имени которых мы не знаем, в языковом отношении еще не германизированными. Позднее они послужили основой для образования *Germani cisrhenani* [германцев по эту сторону Рейна] и так называемого «северо-западного блока». С языковой точки зрения эти племена не были ни кельтами, ни германцами. В их археологических памятниках видны отзвуки культуры Ясторф², однако они либо показывают весьма примитивный культурный уровень, как, например, «убогая керамика» (Эрнет Шпрокхофф), либо относятся к латенской культуре. Происходили смешения, результатом которых явились белги, хотя детали этногенеза белгов как до так и после этого покрыты мраком неизвестности³. Представляется, что среди белгов могли быть две отчетливо различавшиеся друг от друга различными деталями группы. Южная группа характеризовалась, к примеру, керамикой в форме кубка (*pedestal urns*), которая появилась также на юге Англии, и распространением кремации, чего в северной группе не было. Можно поразмыслить над тем, не связаны ли уже упоминавшиеся «пикардийские» святилища, такие, как Гурнэ-сюр-Аронд, с этногенезом белгов.

С IV по II век до н.э. жители Кельтики не строили больших курганов, а хоронили умерших в простых плоских могилах. Такие кладбища, в которых было от 100 до 250 могил, были обнаружены, например, в Мюнзингене (кантон Берн), Манья (Словакия) и Поттенбрунне/Ратцерелорфе (Нижняя Австрия). Между тем известны сотни таких кладбищ. Обычный инвентарь погребений этого воинского слоя состоял из длинного железного меча, который, как правило, был привязан к поясу цепочкой, а также копья и щита. В противоположность греческому круглому щиту, это были (относительно) «длинные», «подобные дверям» щиты (*θυρεοί*) с умбоном в форме ячменного зерна⁴, который встречался уже в самом Ла Тене. Этот тип

¹ Ср. Tomaszczak (1994), S. 202.

² Общий очерк находок см. в: Hachmann – Kossack – Kuhn (1962).

³ Ср. Evans (1982), S. 235, 238.

⁴ Об этом типе см. у Krieger (1949/50); щиты вообще были недостаточно высокими, чтобы закрыть человека целиком.

погребений составляет около 10–20% плоских могил¹. Отдельные авторитетные вожди, «князья» или «царьки» обладали более дорогостоящим инвентарем (например, мечами с антропоморфной рукояткой, такими, как меч из кургана 6 в Бешайде близ Трира)². Иногда могила вождя могла быть обособленной, окруженной рвом и т.п. Украшения в женских погребениях этой категории свидетельствуют о том, что погребенные были состоятельными дамами. Остальные могилы достаточно бедные, что говорит в пользу «теории эксплуатации». Впрочем, к концу латенского времени на первый план начинает выступать кремация, и, согласно Цезарю, она преобладала повсеместно, что, однако, не вполне соответствует археологическим данным³. Более крупные, укрепленные поселения у кельтов тогда, в эпоху экспансии, имелись не повсюду. Только в конце II века возникает, как уже упоминалось, множество знаменитых больших oppidumов⁴. Одновременно с их появлением постепенно исчезают воинские погребения латенского времени, то есть в могилах перестает появляться достойный упоминания погребальный инвентарь. Возможно, это явление имеет какую-то религиозно-историческую подоплеку, но какую — сказать мы с уверенностью не можем.

С одной стороны, в Центральной Европе развитие этих «городов» является результатом переселения племен. Так, в 186 году до н.э. вторгшиеся в Верхнюю Италию заальпийские кельты сначала основали в области венетов, в районе Аквилеи, oppidum. С другой стороны, oppidumы предположительно были результатом возрастающей угрозы, на которую они реагировали совершенно индивидуально — фортификацией или перенесе-

¹ Filip (1982), S. 41; распространение плоских гробниц см. в Collis (1984), S. 48. Интересная статистика погребального инвентаря у Lorenz (1985). Из статистики на S. 118 можно сделать вывод о резкой социальной дифференциации высшего и низшего слоя.

² Haffner (1992a), S. 50, Abb. 25.

³ Collis (1984), S. 49 (карта распространения кладбищ с кремациями).

⁴ Относительно северной Франции к такому выводу можно прийти по работе Wheeler — Richardson (1957). Теперь это отдельная научная область; см. Collis (1984); на эту обобщающую и на данный момент заключительную работу я здесь лишь укажу. Ср. также Meduna (1980) и Kruta (1986), S. 49. О понятии *oppidum* в научной литературе см. Fischer (1983), S. 34ff.

нием поселения в другое место¹. К концу II века до н.э. Кельтика — не говоря уж о постоянных столкновениях между племенами — почти со всех сторон оказалась под давлением. Галаты на юго-востоке уже давно были изолированы, однако теперь они были еще и вынуждены уступить авангарду даков², наступавших на север у Карпатской дуги; германцы с севера теснили кельтские племена бойев, гольветов и племенную группу белгов. На юге римляне также разбили кельтов Верхней Италии, и вскоре в стране кельтов возникла провинция Нарбоннская Галлия. В то время распространяются уже упоминавшиеся, хорошо укрепленные крупные крепости, которые латинские авторы называли «оппидумами», а сами кельты — *dūnom/dūnon*. Нередко они были расположены в излучинах рек или на какой-либо труднодоступной высоте. Эти оппидумы — густонаселенные, напоминавшие города образования с их специализированными, основанными на разделении труда ремесленными мастерскими — простираются от Британских островов через Францию, Рейнскую область, Швейцарию, Баварию, Австрию, Богемию и Моравию до самого бассейна Карпат, где еще можно найти отдельные из них. Когда Цезарь время от времени называет оппидумы «городами» (*urbes*), эти поселения, конечно, еще нельзя сравнивать со средиземноморскими городами, организованными на базе письменной культуры с их «великой архитектурой». Города были всего лишь большими деревнями, рынками или крепостями³.

Постройку укреплений можно назвать важнейшим архитектурным достижением кельтов. При этом, пожалуй, самой замечательной кельтской особенностью была «галльская стена» [*murus Gallicus*], чьи корни, однако, как показали раскопки на Виттнауэр Хорн близ Фрика (кантон Аргау)⁴, лежат еще в гальштатской эпохе. Стена такого типа состояла из деревянных столбов, земли и камней. Ее постройку Цезарь описывает следующим образом (BG, VII, 23):

«На землю кладутся во всю длину прямые и цельные бревна параллельно друг другу с промежутком в два фута; они свя-

¹ Collis (1984), S. 83f.

² Párvan (1928), S. 114ff.

³ Ср. Meduna (1980); Fischer (1983); Dobesch (1995), S. 15.

⁴ Hatt (1970a), S. 131.

зываются внутри (поперечными балками) и густо покрываются землей; а спереди указанные промежутки плотно заполняются большими камнями. Положив и связав их, на них сверху кладут другой ряд с соблюдением того же расстояния между бревнами; однако бревна (верхнее и нижнее) не приходится одно на другое, но каждое из них в пределах того же расстояния крепко сдерживается каменной кладкой. Так рядами выводится вся постройка, пока стена не достигнет надлежавшей высоты. Это сооружение имеет в общем довольно приятный и разнообразный вид вследствие правильного чередования бревен и камней, лежащих рядами по прямым линиям; но, кроме того, оно вполне целесообразно в смысле успешной обороны городов, так как от огня защищает камень, а от тарана деревянная кладка, которую нельзя ни пробить, ни вытащить, ибо она состоит из цельных бревен — обыкновенно в сорок футов длиной — и внутри надлежащим образом связана»¹.

Когда эти стены поджигали, то при благоприятном ветре можно было достичь такой температуры, что камни, встроенные с внешней стороны между концами бревен, покрывались «глазурью». Такие *vitrified forts* нередко встречаются на Британских островах. Хорошие примеры — это форт в Кэстло близ Абернети (примерно в 18 километрах к востоку от Перта, Тэп-о'-Нот (Западный Лотиан) и Финэйвон (Ангус). Что происходило при «обжиге» стены со встроенными в нее деревянными балками, совершенно неясно. Сухость, благоприятный ветер и высокая температура воспламенения служили предпосылкой для «глазирования» камней, которые спекались в единое целое. То, что во всех случаях это было делом рук врага², выглядит совершенно неправдоподобно. Скорее нужно предполагать, что пожары намеренно организовывались самими строителями, чтобы спеканием камней укрепить каменную стену, хотя Цезарь прямо об этом не говорит. В любом случае, после затухания пылающего моря огня раскаленная стена такого укрепления на холме должна была еще несколько ночей представлять собой поистине феерическое зрелище. Я уже давно ношусь с идеей, что представление о «колеблющемся пламени» (др.-сканд. *vafrilogi*) в пес-

¹ Иллюстрации в Moreau (1961), Taf. 29.; см. текст на S. 40, 80; Piggott (1965), S. 216f.; Collis (1984), S. 108, который приводит иллюстрации других стен и типов укреплений. Перечень литературы о *muris Gallicis* в Kimmig (1983b), S. 19, Anm. 18.

² Piggott (1982), S. 67.

нях «Эдды», где рассказывается о пробуждении валькирии на высокой скале, восходит к таким горящим крепостям; можно думать, что необычное слово является заимствованием из англосакс. *wæfrelieg* (с тем же значением).

В материальном плане «галльская стена» гораздо легче поддается изучению. О ее наличии говорит огромное количество не только дерева и камня, но и гвоздей, скреплявших деревянные балки. На крепость Манхинг с ее «галльской стеной» длиной в семь километров ушло следующее количество материалов: «11 800 погонных метров дерева для внутренней рамы, две тонны железных гвоздей для ее закрепления, 6 900 м³ известняка для покрытия внешней стены, а также 90 000 м³ земли и щебня для заполнения стены»¹.

У континентальных кельтов из стен этого типа состояли, к примеру, укрепления в Аварике, Бибракте, Базеле/Мюнстерском холме, на Узком полуострове близ Берна², на Тительберге³, а также «Кольцо гуннов» близ Отценхойзена (округ Санкт-Вендель, Саарланд). Стены «Кольца гуннов» достигали высоты в 6 м. В 1957 году во Франции было известно 26, в Германии и Швейцарии вместе взятых — 5 таких сооружений⁴. Самая восточная «галльская стена» — это стена вокруг Манхинга. Далее к востоку, в Австрии, Богемии и Словакии, господствует тип бревенчатой «стены с просветами», где речь также идет о деревянном сооружении, не скрепленном, однако, гвоздями, которое укреплено в выступающей на поверхность скальной породе с помощью конструкции из столбов. Обнаруженное недавно сооружение в Шварценбахе в Буклинген Вальн (Нижняя Австрия) представляет именно такой тип укрепления⁵. Таких стен нет у восточных кельтов (скордисков) в паннонском Подунавье — возможно, из-за нехватки камней (?)⁶, однако они послужили основой для дакских укреплений из необожженного кирпича в Карпатах⁷. Входные ворота через вал и стены укрепления иногда

¹ Ср. Praxis Geschichte, S. 47 и уже у Fischer (1983), S. 39.

² Collis (1984), S. 79; Furger-Gunti (1984), S. 50ff. с аэрофотосъемкой Taf. 72.

³ Metzler (1995), S. 43.

⁴ Общий обзор можно найти в Wheeler — Richardson (1957), S. 159ff. (von M. A. Cotton). Новое обобщение в Collis (1984).

⁵ Дружеское сообщение коллеги Отто Г. Урбана.

⁶ Jovanović — Popović (1991), S. 340. Ранее предполагалось существование такого сооружения в крепости скордисков Жидовар; Wheeler — Richardson (1957), S. 215.

⁷ Párvan (1928), S. 119f.

устроены так, что входящий подходит к настоящей двери через сужающийся проход; это обозначается термином «ворота-клещи»¹. Примерами могут служить Бибракте и, возможно, *dupum* в Братиславе (Словакия).

Теперь попытаемся составить представление о некоторых важнейших оппидумах. Давайте начнем с северо-востока!²

Самый известный оппидум в Богемии — это город бойев Страдонице, важный центр чеканки монет с таким огромным кладбищем, что, как говорят, остатки скелетов, которые в XIX веке были переработаны на костяную муку, заполнили 30 железнодорожных вагонов³. Среди других важных крепостей следует назвать Завист, поселение бойев вблизи Праги⁴, Тржисов на крутом холме близ слияния Кремса и Влтавы с остатками восьмиугольного святилища⁵, Гразани и Невезице на Влтаве⁶, а также Старе-Градиско вблизи Простеева в Моравии, процветание которого было основано на торговле янтарем⁷. Другим значительным (в силу того, что там чеканились монеты) городом должна была быть Братислава (Прессбург), которая вместе с гибелью племени бойев (около 44 г. до н.э.) и возникновением «бойской пустоши» (*deserta Boiorum*) была значительно разрушена. Мощное поселение бойев на вершине холма Оберляйзерберг (Вайнфиртель, Нижняя Австрия) было оставлено еще до н.э. Лишь часть старого поселения Девин (Тебен к запа-

¹ Collis (1984), S. 6, 110 с иллюстрацией, показывающей «воротка-клещи» из Отценхаузена, Манхинга и Юэльгоата; сам термин стал популярен благодаря основополагающей работе W. Dehn.

² К этому карта распространения у Szabó (1992), S. 48.

³ J. Bren, в: *The Celts* (1991), S. 541. По поводу следующего см. обзор у Collis (1984), S. 151, 191ff., на данный момент лучший обзор — это Drda — Rybová (1995); о Страдонице см. уже Pič (1906).

⁴ Karla Motyková et al., in: *The Celts* (1991), S. 542f.

⁵ J. Bren, в: *The Celts* (1991), S. 544.

⁶ Drda — Rybová (1995), особенно S. 121ff.

⁷ J. Meduna, в: *The Celts* (1991), S. 546f. Собственной кельтской традиции о янтаре мы не знаем, в то время как все, что об этом рассказывают (Hom. Od. XV, 459f.; Hes., theog. 337f.; Hdt. III, 115; Apoll. Rhod. IV, 603ff.; Diod. V, 23; Plin. nat. IV, 94, 97, 103, XXXVII, 35ff.), указывает скорее на германское происхождение. Утверждение Апполония Родосского (Apoll. Rhod. 611f.), что кельты считают янтарь слезами Лето, конечно, нельзя считать за подлинную кельтскую этимологию. Напротив, предположение Lambert (1995), S. 86, что имя *Vebriumāros* содержит обозначение янтара (валл. *gwefr*), вполне правдоподобно.

ду от Братиславы) на каменном отроге у слияния Дуная и Моравы оставалась заселенной до I века н.э. В Паннонии важное поселение бойев на холме должно было находиться в районе Карнунта на Браунсберге, напротив Девина¹. Здесь находился стратегически важный брод через Дунай и Мораву на старом янтарном пути. Дальше на юго-восток наиболее существенный оппидум — это центр племени арависков на Геллертберге (Геллертедь) в Будапеште. На юге Паннонии крупнейшие оппидумы принадлежали скордискам, как, например, Градина на Босуте, Гомолава на Саве. Не забудем и обитаемый до сего дня древний Сингидун — Белград².

На территории Австрии особое место занимал находившийся в области Каринтии Магдаленсберг — древний Вирун, поскольку здесь образовалась древняя римская торговая фактория в стране кельтов, затмившая основные центры производства норикского железа. Конечно, здесь сохранилось определенное кельтское население, однако со столь значительными римскими напластованиями, что следов латена практически не осталось, и поэтому этот город лишь с большими оговорками можно называть кельтским оппидумом. Среди прочих — столица нориков в Норее, которая до сих пор четко не локализуется, а также важный город Теурния (Санкт-Петер в Хольце, Каринтия), Флавия Сольва (Фрауэнберг), альпийско-кельтское поселение на Дюррнберге близ Халляйна³, название которого остается нам неизвестным, город винделиков Манхинг (близ Ингольдштадта на Дуная) с его круговой стеной длиной в 7 км и диаметров около 2 км — один из крупнейших и важнейших кельтских городов⁴; древний Камбодун (Кемптен/Аллгау) и Хайденграбен близ Ураха (Швабская Юра). Продвигаясь дальше к западу, мы подходим к Альтбургу близ Бунденбаха в Хунсрюке⁵, к «Гуннскому кольцу» на Дольберге близ Отценхойзена в Сааре⁶ и к Тительбергу в Люксембурге (где не так давно была

¹ L. Zachar, в: *The Celts* (1991), S. 548f.; O. Urban, в: *Neugebauer* (1992), S. 122ff.

² Jovanović — Popović (1991), S. 337f., 340ff.

³ Общий очерк у Pauli (1978).

⁴ См. обобщающую работу F. Maier, *The oppidum of Manching*, в: *The Celts* (1991), S. 530f.

⁵ Maier (1994), S. 15; Abb. в: *Praxis Geschichte*, S. 18 Abb. 1, S. 21 Abb. M2 — M4.

⁶ Collis (1984), S. 218.

найдена четырехугольная ограда площадью около 10 гектаров¹; возможно, оба последних были значительными оппидумами треверов², но кельтского названия большинства этих городов мы не знаем. Здесь речь идет о мощных сооружениях. Длина вала на Тительберге составляет более 2700 м.; она охватывает площадь в 43 гектара. Стена достигала высоты в 10 м при ширине основания в 40–50 метров³. Судя по всему, этот оппидум был главным местом чеканки треверских монет⁴. В ряду других оппидумов можно говорить, что это была огороженная с помощью строительных мер княжеская резиденция или же нечто вроде «акрополя».

Галльские оппидумы уже знакомы читателю. Напомню о Герговии, городе арвернов (ныне Мон-Гергуа к югу от Клермон-Феррана, департамент Пюи-де-Дом), городе эдуев Бибракте (Мон-Боврэ близ Отена, департамент Ньевр), который нередко приводят как пример оппидума⁵, Аварике, городе битуригов (Бурж), окруженном болотами, Лютеции (Париж) на острове посреди Сены, Алезии (Ализ-Сен-Рен на Мон-Оссау, департамент Кот-д'Ор) в земле мандубиев и Везонтионе (Безансон, департамент Ду), столице секванов (классический случай – оппидум на горе в излучине реки)⁶. О британских хиллфортах, как, например, Дэнбери (Хэмпшир), мы еще поговорим.

Однако отнюдь не все оппидумы были столь велики и не все имели городской характер. В одной лишь Галлии имелось, по видимому, около 200 оппидумов; только у гельветов их было якобы двенадцать. Число наиболее крупных оппидумов городского типа (таких, как Аварик и Бибракте) оценивается в Галлии примерно в тридцать. Расширению некоторых оппидумов

¹ Metzler (1995), S. 44f.

² Илл. у Moreau (1961), Taf. 28f.; Powell (1958), S. 96f.; A. Haffner, в: *Heiligtümer und Opferkulte*, S. 37.

³ Metzler (1995), S. 43.

⁴ Metzler (1995), S. 44.

⁵ Collis (1984), S. 7 и passim; J. P. Guillemet, в: *The Celts* (1991), S. 519; Maier (1994), S. 44.

⁶ Сооружение на Одилленберге в Эльзасе, которое Hatt (1970a), S. 131f. считает оппидумом, с его шиклопическими стенами, сложными «сковороднем» (лясточкиным хвостом), теперь считается позднепермским (дружеское сообщение коллегки Джона Коллиза).

(как, например, очень значимого в силу того, что там чеканилась монета, Карлштайна близ Райхенхалля, Верхняя Бавария) препятствовало их горное расположение.

Даже там, где Цезарь употребляет слово «город» (*urbs*) и тем самым подчеркивает городской характер поселения в собственном смысле этого слова, мы не всегда должны представлять себе город в средиземноморском смысле этого слова. Раскопки (как, например, в Алезии) обнаружили небольшие, углубленные в почву на глубину до 2 метров и разбросанные, судя по всему в совершенно произвольном порядке, элементы, функции которых спорны, но которые, скорее всего, служили не как жилые помещения, а как мастерские, склады или погребца. Остатки домов показывают, что расположение улиц было весьма запутанным, почти без всякой планировки. Отчасти то же самое можно сказать и о кельтиберах. В Нуманции были обнаружены подобные же небольшие, глубоко вкопанные в землю «подземелья», которые зимой закрывали, в то время как в течение лета жили «над землей», в трех квадратных помещениях со стенами длиной 2,5–3 м. Таким образом, площадь дома составляла 24–27 м² плюс площадь погребца¹. В Манхинге величина домов колебалась от 4 × 5 до 12 × 5 м. Был даже и большой дом площадью около 100 квадратных метров.

Наряду с такими кельтодигурскими городами, как План, Рокепертюз и Антремон, Бибракте был построен ближе всего к «средиземноморскому» типу. Здесь раскопки показали, что территория города была разделена на кварталы. Близ городских ворот находились мастерские ремесленников, работавших по металлу, кузнецов, мастеров бронзового литья и изготовителей эмали. В центре города располагалась большая рыночная площадь, включавшая в себя места собрания и культа. Была выложена замощенная улица длиной в 70 м, в середине которой посреди жилого квартала находился, ко всеобщему удивлению археологов, овальный декоративный пруд размером 10 на 4 м³. Дома, на архитектурный стиль которых уже явно повлиял Рим, были снабжены галереями и аркадами, и все

¹ Schulten (1914), S. 185. О Треровин: Collis (1984), S. 115.

² Collis (1984), S. 109; ср. о территории Моравии Meduna (1980).

³ Илл. в Goudineau - Peyre (1993), S. 401Г.

в целом было тщательно спланировано¹. Определенную структуру согласно городскому плану имел также и Манхинг. На заложенной в IV веке основе (из культового ареала этой эпохи происходит позолоченное культовое дерево), в III и II веках до н.э. вырос крупный город, который мог практически беспрепятственно разрастаться на плоском, защищенном от разливов вод насыпным холме у Дуная. Здесь «галльской стеной» длиной примерно в 7 км было огорожено пространство примерно в 380 гектаров, образуя круг диаметром более 2 км. В город можно было попасть через большие крытые ворота с двухколейным проездом. Первоначально через территорию города протекали два ручейка. Их направление изменили, так что теперь перед городом образовалось дополнительное препятствие в виде наполненного водой рва. Наряду с несколькими храмами имелись и другие общественные здания, а также огороженные палисадами городские кварталы, в которых находились или конюшни и склады, или магазины и мастерские. При этом не может не удивлять то, что и внутри кольца городских стен находились пахотные и пастбищные земли. Должно быть, это городское планирование было делом рук князя или совета городских старейшин. Об этом мы знаем столь же мало, как и о причинах упадка этого большого города и его конца во второй половине I века до н.э.²

Если отвлечься от таких впечатляющих шедевров подземного строительства, как так называемые «жертвенные шахты» или «колодцы», а также от «галльских стен», то получается, что у кельтов и не было архитектуры, по крайней мере такой, которая могла бы стоять на равных с их работами по металлу. Кельтские храмы были деревянными постройками, которые первоначально мало чем отличались от других домов. Хутора и дома в укрепленных или неукрепленных поселках, как правило, в плане были прямоугольными. Страбон упоминает о том, что у белгов были и круглые дома, которые были распространены на Британских островах и у кельтиберов (IV, 4, 3) — «большие и куполообразные» (θολοειδέης), однако к востоку от Рейна их, судя по всему, не было, и поэтому они считаются типичным

¹ Collis (1984), S. 114; vgl. Fischer (1983), S. 48, а также J.-P. Guillaumet, in: The Celts (1991), S. 519; Maier (1994), S. 44.

² Lorenz (1986); Sievers (1993); Praxis Geschichte.

«атлантическим элементом»¹. Как правило, неглубокие ямы от столбов, стоящих на небольшом расстоянии друг от друга, показывают очертания внешней стены дома. Эти столбы, оплетенные прутьями и обмазанные глиной, образовывали стену. Крыша, обычно, видимо, из соломы, камыша или тростника, после дождя могла стать очень тяжелой, и непрочные столбы внешней стены уже не могли бы ее удержать. Поэтому крыша опиралась на прочный остов из бревен во внутренней части дома и, фактически образуя своего рода карниз для стока воды, нависала над стеной дома². Обычно дверь, которую запирали на крючок, находилась в середине боковой стены дома. В середине жилого помещения был выложенный камнями очаг. Дым выходил через двери. Как правило, скот жил с людьми под одной крышей. Величина дома могла быть очень разной: площадь самых маленьких хижин была от силы 4 × 2 м, а самые большие дома могли достигать 30 м² (около 3 × 10 м).

Наряду с такими домами, где крыша не лежала на балках стены, имелись и другие дома со стойками, на которые могла опираться крыша. Перегородки между стойками заполнялись отчасти плетенкой³, отчасти балками или досками, так что получалось нечто вроде «фахверка», а иногда и камнями. Доски изготовляли, раскалывая бревно с помощью клинзев. С пилами кельтов, видимо, впервые познакомили римляне⁴. Здесь плетеные стены также должны были обмазываться глиной. Существовали и срубные дома, наподобие наших альпийских домиков, как, например, на Дюррнберге близ Халляйна⁵. Еще один тип построек — это дом из поперечных «шпал» (Schwellriegelhaus), который встречается в Хенебурге уже в раннем периоде. Здесь в землю вкапывали тяжелые угловые столбы и затем соединяли их на земле продольными бревнами наподобие шпал⁶.

Этой форме дома предшествовала еще более древняя: полностью подземные погреба, которые мы встречаем на Британских

¹ Ross — Feachem (1970), S. 88.

² Ср. старую и очень тщательную реконструкцию Оэльманна и Миллуса в Oelmann (1928), S. 99ff., 141ff. с иллюстрациями.

³ Pauli (1978), I, S. 261ff.

⁴ Об этом подробно у Egger (1961b), S. 49ff.

⁵ Spindler (1976), S. 38.

⁶ Karl (1996), S. 128.

островах, в Бретани¹, а также в Центральной Европе, или такой тип постройки, при котором дом был заглублен так, что боковых стен как таковых вообще не имелось, а дом был обшит изнутри толстыми досками или брусьями, которые не давали земле обваливаться. Подавляющее большинство раскопанных до сих пор в Нижней Австрии домов латенского времени принадлежит именно к этому типу, хотя это может объясняться еще и тем, что заглубленные дома легче обнаружить из-за разницы в уровне и поэтому легче распознать и исследовать. В исключительных случаях глубина ямы составляет до 1,8 м. В таком случае боковая стена, конечно, могла отсутствовать. В большинстве случаев, однако, ямы значительно менее глубоки (до 0,4 м), и тогда над земляной стеной вплоть до нижнего конца крыши возводилась плетеная стенка с обмазкой из глины или без нее. Иногда боковые стены строили и из сухого камня². Интересно, что и у заглубленного дома вход, как правило, находился с боковой стороны, хотя удобнее было бы сделать его с торца, где не мешала крыша³. Ремесленное поселение Зибенлинден в Роттенбург-Некаре состояло из нескольких таких землянок, зачастую миниатюрных размеров (1,60–2,30 м × 3,90–4,20 м), в которых, видимо, пахотились кузницы, прядильные мастерские и тому подобное.

Что касается крыш, то они могли быть как двухскатными (щипцовыми), так и четырехскатными (шатровыми), что можно определить исходя из различного расположения ям от столбов. В незаглубленных домах нередко использовалась простейшая конструкция крыши — навес. Приблизительно квадратный в плане дом может указывать и на наличие пирамидальной крыши. Пол чаще всего был самой простой — из утоптанной глины (самана), но иногда встречаются полы, устланные корой или хворостом либо дощатые⁴.

¹ Об армориканских «подземельях» в Бретани железного века см. Galliou — Jones (1991), S. 40ff. с картой распространения.

² Neugebauer (1992), S. 25f. (Abb. 5/3); Karl (1996), S. 99f.; мало или почти не заглубленные дома с низкими (менее 1 метра) стенами из сухого камня, на которых покоилась крыша, имелись и в Британия, хотя, как правило, эти дома круглые: Fox (1954), S. 96, 98, с илл.

³ Karl (1996), S. 103f.

⁴ Karl (1996), S. 102.

Среди ремесел¹ наиболее видное место занимала обработка металлов. Именитый кузнец, который иногда, подобно *Коринию*, подписывал свое имя на прославленном мече и ставил в высшей степени оригинальное клеймо своей мастерской, занимал в древнекельтском обществе отнюдь не последнее место. Точно не известно, идет ли здесь речь о клеймах мастерских, которыми помечали определенные высококачественные товары, или же о магических знаках, которые должны были повышать боееспособность меча². Богатые находки инструментов в оппидумах, как, например, в Манхинге (где существовала весьма значительная индустрия по производству стеклянных колец), свидетельствуют о значительной специализации орудий производства. Многие инструменты имеют такую форму, что их едва ли можно отличить от тех, что использовались у нас всего лишь 50 лет назад. Ножи, крюки для подвешивания котлов, ножницы (того типа, которые и сегодня употребляются у нас для стрижки овец и травы), ключи, напильники, дуршлагаи, кернеры³, зубила, стамески, буравы (галлоримск. *turatum*)⁴, клещи, скорняжные ножи, топоры, крючки...⁵ Другие инструменты применялись для уже забытых сегодня техник производства, и нам они неизвестны. В общем и целом в Манхинге было обнаружено более 200 типов железных инструментов, из которых 20 были предназначены для обработки металлов.

На Магдаленберге в Каринтии было обнаружено около 300 надписей на стенах. В этой римской фактории и надписи уже были латинскими, однако они столь ранние, что могут помочь нам завершить живую картину деятельности в древнем торговом городе. Здесь с педантичной аккуратностью перечисляются товары торговца скобяными изделиями или кузнеца — наковальни, кольца, топоры, крючки, котлы, тарелки, кубки и еще многое другое. Надписи говорят нам и о торговле, прежде

¹ Предположительные древнекельтские обозначения ремесел у Schmidt (1983), S. 752ff.

² Fischer (1983), S. 41.

³ [Кернер — инструмент в виде стального стержня с коническим острием для разметки деталей].

⁴ Schmidt (1983), S. 758.

⁵ О ремесленниках и их инструментах см. Megaw (1985), S. 172ff.; ряд изображений важных инструментов у Cunliffe (1992), S. 124f.

всего с Италией, о кредитах и залогах. Производились два типа топоров разные по весу, которые экспортировались в Рим тоннами. находка большого склада горного хрусталя заставляет предполагать, что торговали и драгоценными камнями¹.

Бронзовое литье также занимало видное место. Такие мастерские известны нам в Хенебурге и в Гасседж-Олл-Сэйнтс (Дорсет). Бронзолитейщик изготовлял украшения, накладки для колесниц, сбрую, сосуды для косметики и всякую «точную механику». Кузнец, работавший по бронзе, изготовлял чеканные предметы, такие, как котлы, ситуты, цисты и т.п. Для изготовления ситуты, украшенной чеканкой, требовались прежде всего большие металлические листы, размером около 60 × 70 см. Чеканка здесь не годилась — их можно было изготовить только с помощью отливки. Для этого служили металлические формы для отливки. Затем листы соединяли заклепками, получая таким образом нужную форму; края загибали вокруг вставленного основания, для чего имелись деревянные матрицы специальной формы. С помощью таких матриц формовали и стенки ребристых цист. Для обрезки листа и изготовления изображений и орнамента пользовались множеством самых различных зубил и гравировальных резцов². Особенно тяжело было изготовлять бронзовые манжеты, удерживавшие спицы гальштатских парадных колесниц, как, например, колесницы из пещеры Бичи-Скала. Их не выгибали по кругу из четырехугольного листа металла, а выковывали как цельное изделие из бронзовой трубки. Исходная форма представляла собой или литую трубу, или кольцо, край которого выковывали в стенку трубы. Затем это тонкостенное кольцо надевали на искусно выточенные спицы и прибивали молотом, то есть прикрепляли.

Декоративные гвозди, которые прежде всего в гальштатское время являлись существенным элементом украшения, отливали целиком и затем проковывали. В парадном вагоне дамы из

¹ Kenner (1951); Egger (1961a); дружеское сообщение д-ра Хаймо Доленца, М.А. (Виллах) (Villach) на «Internationalen Symposium: Metallgewinnung und -verarbeitung in der Antike - Schwerpunkt Eisen» в Шветтеле, 4–7 декабря 1995 года.

² Для находок из Вальдальгесхайма см. точное исследование следов работы инструментов: молоточка для чеканки, различных пунсонов, игл и резцов в Driehaus (1983), S. 57ff.

Миттеркирхена было более 40 000 гвоздей из белой бронзы длиной около 0,5 см. Здесь из бруска, выкованного в тонкий прут, изготовлялся «гранулированный» брусок: с помощью бойка молота металл на точно определенных расстояниях утончали на наковальне с круглой верхушкой, затем обрубали и изготовляли шляпки гвоздей самой различной формы с помощьюковки. Проволока изготовлялась не с помощью протяжки, а с помощью проковки металлического бруска до тонкости. (Точно так же обстояло дело и с золотом: из «гранулированной» проволоки изготовляли гранулы, или же скручивали гладкую проволоку в шнуровую и накладывали ее.) Для всех этих работ требовалась бронза нужного состава, которая изготовлялась при более низких температурах, чем сегодня, причем сегодня при таком же соотношении олова и меди уже невозможно повторить использованные тогда приемы работы¹. Легко представить себе, каким почетом пользовался среди Племен Богини Дану работавший по бронзе кузнец Крейдне, который сделал для Нуаду протез руки!

Имелись, конечно, и ремесленники², которые изготовляли дорогие футляры и одежду из кожи, текстильщики, которые еще с гальштатского времени³ владели сложными техниками ткачества, токари, изготовлявшие из дерева мебель с металлическими накладками, а из кости, янтаря, гагата, сапропелита (сапропель — органический ил, напоминающий уголь, который находят на Швабской Юре, а также в Богемии) сосуды⁴ и украшения (как бочкообразные браслеты гальштатской эпохи из Магдаленберга). Были и колесные мастера, которые производили дорогостоящие парадные и боевые колесницы. В латенскую эпоху появились мастера-стекольщики⁵, которые делали биссер, стеклянные шарики и стеклянные браслеты; еще позднее появились мастера, чеканившие монету. К тому же в оппидумах были различные магистраты, как, например, *platiodynamos* («наблюдатель за мощением улиц»[?]), судьи, барды и друиды.

¹ Впечатляющее и вполне понятное изложение этих приемов см. в Drescher (s. a.).

² Хороший обзор даёт Fischer (1983).

³ Ср. Hundi (1959), (1960), (1967), который анализирует находки из Гальштата. О находках шелка в Хохмихеле уже говорилось.

⁴ Capelle (1983).

⁵ Об этом см. Fischer (1983), S. 38; Geiß-Dreier (1992); Maier (1994), S. 145.

К середине I века до н.э. большинство оппидумов утратили свое значение — в Галлии после побед Цезаря, в южной Германии и Богемии, возможно, в результате нападений германцев — маркоманнов и квадов, в Паннонии — в результате иллирийского похода Августа и других военных предприятий. Упадок, обусловленный политическими катастрофами, проявлялся и в том, что люди все больше и больше стали прятать свое добро. Находки кладов светского содержания могут служить мерилем политической стабильности эпохи. Там, где римляне сохраняли старые центры, они, как правило, переносили города с гор и холмов в долину. На горе теперь оставалось лишь старинное святилище, как, например, Вассокалетий (*Vassocaletis*) у арвернов и другие культовые места подобного рода.

Теперь перейдем к другим важным «приметам» латенского искусства и вместе с тем — к материальной культуре кельтов.

Важнейшим элементом латенского художественного ремесла, без сомнения, является **орнаментика**. Это — отдельная область, которая в нашем сознании настолько тесно связана с «кельтами», что современные «кельтские» художники и ремесленники, само собой, прибегают к латенскому орнаменту. Строгий геометрический стиль гальштатской культуры уступает другому, богатому изгибами, которые разворачиваются в растения (например, пальметки, «усики», лотосы...), круги, изгибы в форме буквы S, спирали, трискеле, «пельты», «иньян», «косички», «восьмерки», «лиры», «трубы» и «рыбьи пузыри»¹, а иногда превращаются в используемые орнаментально головы (маски) зверей и людей. Такая орнаментика появляется почти на всех украшениях и бытовых предметах, будь то шлем, ножны, браслет, кольцо, отделка колесницы, кольцо для повольев, трензель, сосуд для хранения припасов, кувшин для вина, колесная чека, торквес, золотое кольцо, которое мужчины носили² как знак своего положения, оковка щита и многое другое — словом, что бы то ни было. Иногда латенский орнамент наносили и на камни. Ряд элементов орнамента происходит из греческого искусства (как, например, пальметки, усики и «пель-

¹ «Грамматику» этих элементов орнаментики см. в Fox (1958), S. 147f.; Duval (1989), S. 23ff.; Szabó (1992), S. 188f.; Frey (1992a).

² Haffner (1992d).

ты»). У кельтов кривые «интенсифицируются», орнаменты становятся «полнее», словно бы «увеличиваясь в объеме»¹. Кельты перенимали отнюдь не все, но только то, что хотели, и, по своим понятиям, превращали это в нечто новое. Особенно очевидно это в случае антропоморфной пластики, где реалистические греческие образцы послужили всего лишь основой для впадавших в абстракционизм и редукционизм производных кельтских форм.

Среди археологов существуют две противоположных школы. Одни приписывают всем этим элементам исключительно религиозное значение, в то время как другие считают их «essentially decorative» (в основном декоративными)². Правда должна находиться где-то посередине. То, что каждая спираль, каждый круг и каждое колесико представляют собой «символ солнца», так же маловероятно, как и то, что такими символами являются все аналогичные знаки-талисманы на современных крестьянских резных сундуках. И орнамент, в котором содержится крест, не обязательно связан с христианством! Сегодня с полным правом стилевой особенностью определенных фаз кельтского искусства считается склонность превращать абстрактные орнаменты, образованные из проведенных циркулем кругов, в живые образы (человеческие головы и рожи, демонов, зверей и т.д.) — этот процесс чаще всего обозначается английским словом *transmogrify*. Весьма выразительный пример — это два кольца из уздечки в «пластическом стиле»³, обнаруженные в Сен-Жермен-ан-Ле (иллюстрацию дает Якобсталь). В связи с этим Якобсталь говорит: «Такие маски и звери украшали предметы, использовавшиеся во время еды, на войне, для украшения; благодаря им все эти сосуды, торквесы, броши, заколки, детали колесниц стали обиталищем демонов и чудовищ. Переселяясь из одной страны в другую, они сохраняют свою внешнюю форму, но меняют суть. Поскольку у нас нет письменных свидетельств о кельтской религии в этот ранний период, мы не можем определить, что они означали для кельтов; но что-то они безусловно означали»⁴. Для этих высывающихся отовсюду

¹ Kenner (1951), S. 586ff. с примерами сравнения субструктуры греческого и кельтского орнамента.

² GC S. 5.

³ Jacobsthal (1941), Pl. 6.

⁴ Jacobsthal (1941), S. 19.

мордочек Якобсталь придумал — с моей точки зрения, очень удачный — термин «стиль Чепширского кота» (в честь известного ухмыляющегося кота из «Алисы в стране чудес»)¹. К этому оживлению и «демонизации» орнамента (как своеобразному «одушевлению вещей») добавлялось еще и цветовое воздействие латенской орнаментики посредством инкрустации кораллами², о чем знал еще Плиний (N.H., XXXII, 11), и эмалью в технике выемчатой («шанлеве») или перегородчатой («клуазонне») эмали³.

Введением в историко-искусствоведческую периодизацию латена по сей день служит работа Пауля Якобстала (1944). В этой работе прежде всего ясно устанавливается связь кельтских элементов орнамента с греческими, особенно в том, что касается пальметок и мотива цветов лотоса⁴. Нередки также геометрические и выполненные с помощью циркуля орнаменты. Именно это отличает раннекельтский стиль («Early Celtic Style»), расцвет которого относится к 480–350 годам⁵. Он представлен погребальным инвентарем из Кляйнаспергле (Вюртемберг), торквесом из Бессерингена (Саарланд)⁶, золотым

¹ Ср. Megaw — Megaw (1989), S. 135f.; Duval (1978), S. 312; особенно прекрасный пример там же, S. 139ff.; ср. также «короны морды» на золотом торквесе из Франле-Бюесеналь (Бельгия); Clarke (1954), Taf. VI.

² Об этом см. Champion (1976); Wigg (1992b). Кораллы приходили с Иерских и Липарских островов, Сицилии, окрестностей Неаполя и других мест. К эпохе Плиния кораллы из-за их высокой цены уже не обрабатывались прямо на месте, а экспортировались.

³ Ср. Wigg (1992b). Илл. в: Megaw — Megaw (1989), Pl. 1 из форта Поуден-Хилле.

⁴ Об этом специально у Frey (1992a), S. 19ff.

⁵ См. подробный анализ мотивов пальметок и нарисованных с помощью циркуля дуг в Schwarrach (1976). О распространении раннекельтского стиля см. Ktula (1976). Иллюстрации в Megaw — Megaw (1989), S. 60ff. Поскольку связь латенского искусства с греческим несомненна, напрашивается идея сравнить стили греческого искусства с кельтским. Уже вскоре после появления работы Якобстала (1944) такая попытка была предпринята К. Шефолдом, который выделил в раннекельтском стиле «строгую» фазу, «пышную» фазу, а также «контрастную ступень» в параллель греческой высокой классике, богатому стилю греческого искусства между 420 и 380 гг. до н.э. и «скромному» стилю греков во второй четверти IV в.; Schefold (1949/50), S. 12. К «строгому стилю» относятся Кляйнаспергле, к «богатому», например, Бессеринген и Роденбах, к «контрастной ступени» относятся Вайскирхен и Дюррнберг. Как мы видим, классификация Шефолда переходит временные и стилистические рамки, установленные Якобсталем.

⁶ Megaw — Megaw (1989), S. 90.

колье из Бад-Дюркхайма, чашей из Шварценбаха (оба в Рейн-Пфальде) с их золотой оправой и прежде всего – открытой в 1954 году гробницей «княгини» из Райнхайма (близ Санкт-Ингберта в Саарланде). Наряду с браслетами из золота, стекла и гагата¹ там было найдено бронзовое зеркало с антропоморфной ручкой в мешочке из тонкой ткани, всевозможные украшения из янтаря, металла и стекла, а также приборы для еды и питья. Торквес с эртфельдского «Рибителера» (кантон Ури) также принадлежит к раннекельтскому стилю².

После «гротескной» переходной фазы, которая показывает сильное влияние скифского искусства (образцом могут служить кувшины из Басс-Ютца, департамент Мозель)³, с середины IV до середины III века до н.э. появляется – как апофеоз художественного мастерства кельтов – **вальдальгесхаймский стиль**, который отличает переосмысление и развитие пальметок в двойные изгибы в виде буквы S, спирали, звездочки и круги⁴. Этот стиль получил свое название по местечку Вальдальгесхайм над Бингеном (Рейн-Пфальц), где в 1869 году было обнаружено богатое погребение (в том числе остатки двухколесной колесницы)⁵, и прежде всего золотые торквесы, золотые браслеты, бронзовый цилиндрический кувшин и конская упряжь. Точный анализ следов инструментов, проведенный Юргеном Дрихаусом, показал, что изготовлением предметов, найденных в Вальдальгесхайме, занимались, по меньшей мере, восемь ремесленников-специалистов⁶. Из той же области на левом берегу Рейна, вблизи крупных месторождений железной руды, происходят и знаменитые находки из Вайскирхена (Саарланд) и Роденбаха⁷, в которых, однако, все еще отражаются последствия «гротескного» стиля переходной фазы. Яснее проявляется классический кельтский вальдальгесхаймский стиль на золотом торквесе из погребения 2 в Санта-Паоллине-ди-Филоттрано близ Анконы⁸, в кувшине с

¹ Keller (1955), S. 37ff.; Megaw – Megaw (1989), S. 90f.

² См. илл. в: Helvetier (1991) Farbfafel VII, XXIII, Abb. 4 und Kat. Nr.59–65.

³ Ср. опять-таки «греческую» периодизацию (1949/50), S. 13f., к «контрастному» стилю которого относится ориентализирующий переходный период. Иллюстрации по ориентализирующей фазе см. в Megaw – Megaw (1989), S. 65ff.

⁴ Об этом см. Frey (1976) с картой распространения вальдальгесхаймского стиля.

⁵ Piggott (1992), S. 201.

⁶ Driehaus (1983), S. 65.

⁷ Megaw – Megaw (1989), S. 89.

⁸ Илл. в Landolfi, in: The Celts (1991), S. 286.

носиком из Дюррнберга близ Халляйна (Зальцбург)¹ и — с особенной очевидностью — на шлеме из Амфревилля (департамент Эр)². Там, где на предметах из самого Ла Тена фигурируют орнаментальные украшения, речь идет именно о вальдальгесхаймском стиле³.

За вальдальгесхаймским в III веке до н.э. последовал пластический стиль, в котором трехмерность орнаментов и, следовательно, игра света и тени стали господствующим принципом. Этот стиль иногда даже называют «диснеевским» или «стилем Микки-Мауса», поскольку здесь, как и в современных карикатурах, минимальное количество линий все же создает узнаваемую картинку⁴. Однако это сравнение кажется мне не вполне удачным, поскольку вся суть диснеевских рисунков состоит именно в том, что они плоские, а не пластичные и объемные — в полную противоположность «пластическому стилю» латена. Классический пример этого фигурного искусства — элегантные бронзовые накладки из Маломержице (близ Брно)⁵, протомы в виде быков и маски сов с котла из Бро (Восточная Ютландия)⁶. «Улиточные» орнаменты придают украшению барочный вид; возможно, они также обладали апотропеической функцией. Известный пример — это бронзовый браслет («браслет-улитка») из департамента Тарн, на котором 8 выступающих шишковатых трискеле кончатся «улиточками»⁷. Чрезвычайно вычурным кажется золотой браслет из Орийяка (департамент Канталь), который буквально усыпан «улитками»⁸. В эту эпоху обеднения погребений делались попытки имитировать золотую филигрань в бронзовом литье. Нередко экономили и при изготовлении бронзы, как можно меньше используя дорогостоящее олово или вообще заменяя его галмем (различная цинковая руда), так что изготовленную таким образом «бронзу», пожалуй, правильнее было бы назвать латуною.

¹ Илл. в Moosleitner (1991), S. 171.

² Например, у Moreau (1961), Taf. 84.

³ Ross — Feachem (1970), S. 181.

⁴ Megaw (1970b); Megaw — Megaw (1989), S. 139.

⁵ Илл. в J. Meduna, in: The Celts (1991), S. 376f. и каталог.

⁶ Илл. в P. Mortensen, in: The Celts (1991), S. 375.

⁷ Илл. в Jacobsthal (1944), II, S. 275, Pl. 150; Moreau (1961), Taf. 70; Hawkes (1976), S. 15, Fig. 10 с неперекрестным соответствием; Megaw — Megaw (1989), S. 147.

⁸ Moreau (1961), Abb. 71.

При изготовлении различных украшений, где прежде всего нужно было получить золотисто-желтый цвет, это было совсем не лишним.

Параллельно пластическому стилю развивался (по определению Якобсталя) **стиль венгерских мечей (Ungarische Schwertstil)**. Имеются в виду ножны мечей, покрытые богатой и пышной чеканкой и гравировкой. Этот стиль достиг своего расцвета в венгерской культуре латена, однако отнюдь не только здесь (поэтому правильнее было бы, наверное, говорить просто о **стиле мечей**), как и (реже) травление и дамаскирование клинков, на которых опять прослеживаются мотивы и образы скифского искусства¹. К концу этого периода, в эпоху больших оппидумов, под влиянием Рима на предметах повседневного обихода появляется новый, резко геометрический и абстрактный стиль, который часто называют «суровым» (*style sévère*). Ему недостает и многозначности «пластического стиля», и характерной для него неясности в разграничении декора и фона. Теперь мотивы, которые могли бы иметь самые разнообразные формы, четко очерчены на фоне. Вершиной этого нового, одномерного стиля стали монеты².

Далее я упомяну некоторые предметы, в которых особенно отчетливо проявляется кельтское чувство стиля и которые служат, так сказать, «ведущими окаменелостями» для латенской культуры и искусства:

1. Латенский орнамент особенно ясно выступает на **фибулах, брошах и декоративных дисках**. Он часто принимает барочные³ и гротескные формы с антропоморфными мотивами (например, фибула из Райнхайма, фибула из Парсберга в Верхнем Пфальце⁴, фибулы с масками из Словенске-Правно близ Нитры)⁵ или звериными мордами⁶. В ирландских героических

¹ Pleiner (1993), S. 152f.; Szabó (1992), S. 125ff.; Haflner (1992b), S. 131ff.

² О «строгом стиле» см. Duval (1989), S. 110ff.

³ И насчет величины: Конайре Великий посыл фибулу-колесо, которая доходила от подбородка до пупка; IHN S. 646.

⁴ Оба показаны на илл. в: Moreau (1961), Taf. 31, 36. Weitere: Megaw – Megaw (1989), Pl. VIII: S. 84ff.

⁵ Илл. в. Szabo (1992), S. 115.

⁶ Megaw – Megaw (1989), S. 128.

сагах такие фибулы со звериными арабесками (др.-ирл. *mílech* от *míl* «зверь»)¹ носят герои. Фибулы-«английские булавки» пришли в Среднюю Европу еще в эпоху раннего гальштата. В гробницах из Миттеркирхена VII века до н.э. есть только одна скромная булавка-«очки» и в то же время некоторое количество брошей; с археологической точки зрения, они лежат «прямо под горизонтом фибул»². Будучи аксессуарами костюма, фибулы были особенно подвержены моде, так что они, как мы уже говорили, являются в латенской культуре одним из основных критериев для датировки находок³. Тысячи известных нам латенских фибул сводятся к нескольким важным типам (это целая наука!). Это позднегальштатские фибулы-«змен» (или «пиявки»), «литавры» и фибулы типа «Вайдах»⁴, этруская фибула из Чертозы, латенские фибулы из Мардзаботто, Дуксера, Тутулуса и Наухайма. Фибула из Чертозы в особенности может считаться «родоначальницей» целой группы дальнейших кельтских вариантов. Праформой другой, более поздней группы латенских фибул считается фибула из Наухайма, из вариантов которой возник другой новый тип. Однако особенно известный тип — это фибула из Дуксера. Около 2000 таких фибул были обнаружены в бронзовом котле в качестве жертвенного приношения божеству целительного источника в Духцове (к юго-западу от Теплице); другое очень важное место находок — Страдонице⁵. Хотя эти гротескные фибулы и изготовлялись в определенных мастерских, однако они не делались так серийно, как в похожих на фабрики римских мануфактурах; при этом отдельные пряжки для одежды зачастую отражают характер индивидуума. При этом отнюдь не каждая из этих «английских булавок» представляла собой такое маленькое произведение искусства, как может показаться по иллюстрациям, где, конечно, чаще всего фигурируют предметы роскоши.

Декоративные диски и накладки из золота, серебра (реже) или бронзы известны с самого начала латенской эпохи. В Кляй-наспергле были обнаружены греческие сосуды краснофигурной

¹ [Заметим, что в ряде случаев слово *míl* означает «червь»].

² Pertwieser (1987), S. 54.

³ Наглядная иллюстрация в Collis (1984), S. 61; обзор форм фибул в Miron (1992).

⁴ [*Baidax* — деревушка в Альпах, близ которой были найдены фибулы этого типа].

⁵ J. Bren, в: *The Celts* (1991), S. 541.

фазы, которые украшены (и, соответственно, залатаны) добавочными золотыми пластинками. На других декоративных дисках и накладках нередко показаны головы с другими приметами стиля, такими, как «большие уши», пальметки и т.п.¹. Однако во многих случаях орнаменты совершенно не-иконические, как, например, на необыкновенно прекрасном декоративном диске из Сен-Жан-сюр-Турб (департамент Марна)² или на разбитых декоративных дисках из Паннонии в музеях Дойч-Альтенбурга (Нижняя Австрия) и Вены. Интерпретированная Хедвиг Кеннер бронзовая трубочка из Лауриака (Верхняя Австрия) явно показывает превращение «стиля Чеширского кота» в ажурную работу³.

2. **Кувшины с носиком**⁴. Здесь нам наглядно видна связь с импортированными предметами из Этрурии, которые, со своей стороны, в конечном счете являются местными репликами греческой керамики. Было подмечено, что кувшины с носиком, обнаруженные в составе погребального инвентаря, как и другие средиземноморские импортные товары, находятся в хорошем состоянии, то есть на них мало следов употребления⁵. Это отнюдь не означает, что предметы были положены в могилу вскоре после изготовления, а скорее то, что в повседневной жизни эти престижные вещи не употреблялись – ведь и сегодня нередко дорогая фарфоровая посуда больше стоит за стеклом, а не на столе.

Особенно интересна пара кувшинов из Басс-Юца (департамент Мозель) с перегородчатой эмалью⁶, кувшины из Диденхофен-Тионвилля (департамент Мозель) и Кляйнаспергля (Баден-Вюртемберг)⁷, Вайскирхена (Саарская область) и особенно

¹ Илл. в Megaw – Megaw (1989), S. 58.

² Megaw – Megaw (1989), S. 105.

³ Kenner (1951), S. 590ff., m. Abb. 20ff.

⁴ Карта распространения кувшинов с носиком у Collis (1984), S. 45; о происхождении от этрусских форм, в конечном счете, укорененных в греческих, см. Schefold (1949/50), S. 14f.; Born (1992) о технике изготовления с современными методами исследования металла. О кувшинах с носиком в Богемии см. Bouzek (1992), S. 362ff.

⁵ Schefold (1949/50), S. 16f.

⁶ Илл. в: Megaw – Megaw (1989), Pl. III, IV; монография на эту тему: Megaw – Megaw (1990).

⁷ Илл. в: Megaw – Megaw (1989), S. 55.

элегантный кувшин из Дюррнберга близ Халляйна (Зальцбург)¹. Можно проследить развитие от простых сосудов с носиком до кувшинов; на конце этого ряда стоят кувшины с длинными узкими носами, как, например, из Вальдальгесхайма (Рейн-Пфальц)², кувшин из Райнхайма³ и из Сен-Жан-сюр-Турб (департамент Марна).

3. Что касается колец, то в первую очередь следует упомянуть открытое шейное кольцо или **торквес**. Утолщения на концах торквесов могли иметь самую разнообразную форму, однако чаще всего они выполнены в стиле латенского орнамента и нередко закручены (в том числе в виде остроугольной спирали)⁴. Островные обозначения этого украшения (др.-ирл. *muin-torc*, ср.-валл. *torch*) являются заимствованиями из лат. *torquēs*; древнее кельтское слово звучало как **uēra* (< **uēi*- «сгибать»), что сохранилось в латинско-кельтиберском *viriae*, галло-римском *viriolae* («браслеты»), но было заимствовано и германскими языками, откуда др.-в.-н. *wīara* «украшение из золотой или серебряной проволоки», в то время как в островных кельтских языках это слово имеет только общее значение «косой, кривой» (и сохранилось в др.-ирл. *fiar*, ср.-валл. *gwŷr*, брет. *goar*)⁵. Мода носить дорогие шейные кольца появилась в эпоху позднего гальштата и продолжалась в течение всех следующих веков, вплоть до эпохи римских провинций. Торквесы носили и мужчины, и женщины, однако на изображениях он является исключительно атрибутом мужчин⁶, как в кельтской пластике — например, на полуфигуре бога из Эффинье (департамент Верхняя Марна) или у головы из Мшецке-Жегровице близ Нове-Страшеци (около 30 км. к

¹ Megaw — Megaw (1989), Pl. V, VI.

² Илл. в: Megaw — Megaw (1989), S. 50.

³ Keller (1955), S. 39ff.; Megaw — Megaw (1989), S. 101; Frey (1992b). На крышке стоит лопатка с бородатым человеческим лицом, которая очень напоминает реверс треврских монет!

⁴ Ср. Cordie-Hackenberg (1992b), S. 173, Abb. 3.

⁵ Об этимологии см. GKAR S. 153ff.

⁶ Ср. Joffroy — Bretz-Mahler (1959), S. 28; исключениями из этого «правила торквесов» является, например, прекрасный и хорошо сохранившийся деревянный бюст молодой женщины с торквесом, обнаруженный в источнике в Рош-а-Шамальер и относящийся к первой половине I в. н.э. Pelletier (1984), Abb. 1, и недавно обнаруженный фрагмент каменной фигуры из Вика; Chaume et al. (1995), S. 49f. m. Abb. 43.

западу от Праги), в торевтике, как, например, на фигуре бога с Гундеструпского котла; это шейное украшение показано и на галльских монетах. Как типичный признак «кельтскости» торквес показан на изображениях кельтов античного Средиземноморья, как, например, на шее «Умирающего галла». Римский полководец *Тит Манлий Торкват* получил свое прозвище (которое после него носили все члены этого рода) в честь торквеса, который завоевал около 360 года до н.э., сражаясь в поединке с кельтским вождем (Liv. VIII, 6f.). При всем том, хотя посетителями торквеса и представляются исключительно мужчины, это украшение в мужских погребениях встречается гораздо реже, чем в женских. Торквесы известны нам как из светских, так и из культовых кладов. Особенно впечатляет находка 1962 года из Эрстфельда (кантон Ури) с четырьмя необыкновенно красивыми торквесами из чистого золота (94%) в «раннем стиле», а также находка 175 целых торквесов или их фрагментов на «золотом поле» в Снеттисхэме (Норфолк); это сокровище считается даже «крупнейшим золотым и серебряным кладом Европы железного века»¹.

4. Среди других характерных колец латенской культуры можно назвать (по форме и материалу)² в первую очередь тяжелое и массивное полое рельефное кольцо, то есть основу³, которую оборачивали кожей (как в Гинген-ан-дер-Бренц, Баден-Вюртемберг) и носили на шиколотке, «спортивные» кольца, кольца-спирали и в особенности кольца, выточенные из гагата и сапропелита, а также часто встречающиеся сплошные кольца из разноцветного стекла. Для их изготовления использовался простой и в то же время изящный метод. Еще текучую стеклянную пасту наматывали на палочку. Затем палочку вращали, отверстие постепенно расширялось, и при этом толщина стеклянного обода становилось все меньше. Искусство ремесленника состояло в том, чтобы не разорвать стеклянный обод и сохранить цельное, круглое кольцо⁴. Его украшали, расплавляя и припаявая стеклянные нити другого цвета. Ремесленная мастерская по изготовлению таких стеклянных колец была обнаружена в Манхинге.

¹ Stead (1995), bes. S. 110.

² Ср. Cordie-Hackenberg (1992c); Cordie-Hackenberg (1992d).

³ Megaw – Megaw (1989), S. 139, 149.

⁴ Geiß-Dreier (1992).

5. И по длине, и по функции меч в латенское время пережил значительную эволюцию от короткого колющего меча до длинного рубящего меча из железа или стали. К концу латенской эпохи проявляются определенные тенденции в изготовлении клинков и их украшении, причем не только мечей, но и наконечников копий, которые, как, например, находка из Будапешта¹, могли быть покрыты искусной гравировкой. Имелись и парадные копья с несоразмерно большими наконечниками, богато украшенными ажурными узорами. Они, видимо, служили для ритуальных целей и встречаются как в самом Ла Тене (теперь в МАН), так и в особенно прекрасной модели из Маннерсдорфа на Лайтагебирге (Нижняя Австрия)². Особенно нарядными были ножны, которые роскошно украшали еще в галлстатскую эпоху, и их оковка (нижний конец ножен). Широко известны, например, ножны из Бернкастель-Виттлиха (здесь изображены наклонившие головы быки среди «рыбных пузырей» и пальметок)³, ножны из Манхинга⁴, ножны из Римавска-Собота (Чехия)⁵, из Мокронога (Словения)⁶, из Шимановице (Сербия)⁷, Поттенбрунн-Ратцерсдорфа (Нижняя Австрия)⁸, Гебланге-Носпельта (Люксембург)⁹, меч и ножны из Уэтвагт-Слэк в английской аррасской культуре¹⁰. В «венгерской группе» есть тонкие различия, которыми мы здесь заниматься не будем. Главное то, что нигде нет таких сложных линейных орнаментов, как в так называемом «венгерском стиле мечей» (прежде всего на территории Франции и самой Венгрии). Среди важных примеров находки из Соба (с весьма неправильным плетеным орнаментом), Мадьярсердахеи, Сремски-Карловци (с симмет-

¹ Szabó (1992), S. 121.

² Neugebauer (1992), S. 81f., с илл. 31, 6.

³ Megaw – Megaw (1989), S. 59; Haffner (1992b), S. 132, Abb. 34.

⁴ Megaw – Megaw (1989), S. 118.

⁵ Megaw – Megaw (1989), S. 129, с весьма точным соответствием в Серпюи-сюр-Коль (департамент Марна).

⁶ Megaw – Megaw (1989), S. 131.

⁷ Megaw – Megaw (1989), S. 196.

⁸ Szabó (1992), S. 128.

⁹ Megaw – Megaw (1989), S. 184; Haffner (1992b), S. 136, Abb. 37.

¹⁰ Илл. Megaw – Megaw (1989), S. 195.

ричными мотивами) и ножны из Талиандерегда (со стоящими друг против друга драконами¹).

6. **Антропоморфная пластика эпохи латена**, в особенности изображения голов без туловищ (*tête courée*), мыслилась не столько пространственно, сколько как перенесение в камень орнаментальных голов на металлической чеканке, как отчетливо показывает сравнение пфальцфельдских голов с орнаментальными головами с фалеры из Горжовички близ Подборжан в Богемии (относящимися примерно к тому же времени)².

Человеческое лицо изображается в двух весьма различных формах³. В первом варианте характерной приметой этого стиля являются выпуклые или «вытарашенные» глаза («*protruding eyes*», «*oeil à la fleur de tête*») и дугообразный рот с опущенными уголками. Нередко в орнаментальном изображении встречаются «рыбы пузыри» и пальметки («большие уши», «уши Микки-Мауса»), которые можно видеть, например, на голове латенской стелы из Плацфельда (из Санкт-Гоара в Хунсрюке), датированной примерно 500–400 годами до н.э.⁴, или на золотой маске из Шварценбаха⁵. Классический пример такого типа «латенского лица» показывает знаменитая головка (высота 24 сантиметра) из Мшецке-Жегровице, которая должна была, видимо, изображать какого-то князя, героя или бога⁶.

В другом типе лица, особенно чисто представленном на двулицкой, более чем в натуральную величину, стеле из Хольцгерлингена⁷, глаза сильнее, если не полностью, исчезают в

¹ Megaw – Megaw (1989), S. 126f. с четким соответствием в Марне (департамент Сона-и-Луара). Много других иллюстраций в Szabó (1992), S. 126ff.

² Илл., например, в: Filip (1961) Taf. VIII, Fig. 3; The Celts (1991), S. 141. Фалеры – это металлические пластинки, которыми украшали лошадей, прикрепляя их к ремням сбруи. Где именно (на лбу, например?) – неизвестно.

³ Ср. прекрасный обильный очерк на эту тему у Ross (2001), S. 67ff., 83ff.

⁴ Иначе Hatt (1970a), S. 128, который пытается приписать этому маленькому обелиску характерные черты вальгалгесхаймского стиля.

⁵ Egger (1961b), S. 197, Abb. 110. Дальнейшие примеры у Megaw – Megaw (1989), S. 70ff.

⁶ Ее изображение можно найти в любой работе по теме. Назову лишь Megaw – Megaw (1989), Pl. XVII. О месте находки см. недавнюю монографию Venclová (1998).

⁷ Kelten in Baden-Württemberg, S. 96f. (mit Abb.); Megaw – Megaw (1989), S. 75.

глазных впадинах, а черты лица практически сводятся к трем господствующим линиям: состоящие из одной линии брови, длинный клинообразный нос, почти беззубый, или с тонкими губами, рот. Известные примеры – двойная голова из Рокепертюза¹, головы на деревянной бадье из Эйлефорда (Aylesford bucket)² и многочисленные вотивные головы из источника Сены³.

Большинство типично местных, возникших под кельтским влиянием пластических изображений являются, однако, смешанными формами этих двух типов лиц, причем особенно часто выпученные глаза сочетаются с узким ртом, как, например, у головы «Великанши» из Санкт-Доната-на-Цолльфельде (Каринтия)⁴, у голов деревянных посвячительных статуй из Монбуа (департамент Луаре)⁵ или у кельтиберских изображений голов, на которые указывает Хосе Мария Бласкес⁶.

Говоря об истории круглой пластики, мы должны вернуться к более-менее антропоморфным стелам из Кильхберга, Стокаха, Стаммхайма, Роттербурга-на-Некаре и города Калв (все в Вюртембергском краеведческом музее) и, естественно, особенно внимательно присмотреться к «Воину из Хиршландена» и к княжеской стеле с Глауберга. При этом со всей очевидностью встает вопрос, проявляется ли здесь неумение камнесекача или же какой-то более глубокий замысел. Выполненная в греческом духе проработка бедер и икр на непропорциональных ногах говорит о существенных знаниях и о попытке стилизации, которая напоминает относящуюся примерно к тому же времени статую воина из Капестрано. Несообразно слабая верхняя половина тела князя из Хиршландена на фоне поднятых плеч, все то, что сегодня любой ортопед классифицировал бы как грубую ошибку, тоненькие ручки и слишком маленькая,

¹ Megaw – Megaw (1989), S. 168; Lesclure (1995), S. 76.

² Megaw – Megaw (1989), S. 186.

³ Например, Martin (1963), S. 10, Pl. 5f., S. 33.

⁴ Kenner (1951), S. 573f. с илл. 5; Kenner (1961), S. 440f., Abb. 1f. Kenner предполагал, что «великанша» первоначально была изображением богини земли Норейп, которую стилизовали под образ Кибеллы или Фортуны Августы (s. 445, 455).

⁵ Илл. у Moreau (1961), Taf. 77.

⁶ Blázquez (1958), S. Taf. 1, Abb. 1, Taf. 2, Abb. 6, 7, 9.

почти обезьянья головка¹ с остроконечной шляпой в хохдорфском стиле — ни в коем случае не подходят к нижней половине тела. Следует ли думать, что камнерез начал высекать статую с ног без всякого предварительного планирования и, перейдя к верхней части тела, обнаружил, что у него слишком мало материала? Я лично не могу себе такого представить. А может быть, стела была работой двух мастеров — одного из Средиземноморья и одного местного, учителя и ученика? Если же это не так, тогда «художник», резко выделяя ноги, преследовал какую-то цель. Какую? В принципе, можно думать, что чисто случайно сохранившиеся древние каменные скульптуры и в свое время не считались шедеврами. Инстинктивно мы склонны преувеличивать художественную ценность столь древних и редких находок². Однако стела с Плауберга показывает, что гипертрофированные бедра и ноги являются выражением какого-то художественного намерения; чтобы лучше понять его, можно вспомнить описание Одиссея («Одиссея», XVIII, 67 сл.) с его «крепкими ляжками». Но эта параллель будет радовать нас только, если мы не прочитаем стих 68 до конца, поскольку дальше там говорится: «широкие плечи, твердая грудь, жиливатые руки...». «Чахлая» верхняя половина тела этих гальштатских стел до сих пор остается загадкой. Плаубергская стела показывает, что изображение из Хиршландена не является плодом художественной несостоятельности или неудачным результатом переработки более древней статуи. Остается открытым вопрос, не связано ли подчеркивание ног с представлением о власти, о «вступании на путь» во время инаугурации короля или с идеей попираания врагов.

Стелы хольцгердингенского типа, которые в латенское время засвидетельствованы лишь в небольшом количестве находок или, скорее, фрагментов, считаются главным доказательством существования доримской, автохтонной древнекельтской

¹ Я не думаю, что при том, как сейчас выглядит это похожее на карикатуру лицо, можно говорить о выветривании камня. Это не объясняет, например, выпяченный подбородок. Я даже считаю, что изначально лица вообще не было видно — его покрывала металлическая маска, никаких следов которой, однако, не сохранилось, ср. Kimmig (1983b), S. 23.

² Kimmig (1983b), S. 22, говорит о «мастере» и «шедевре», однако в кавычках. Против «гипотезы двух мастеров»: Reifinger (1980), S. 16f.

скульптуры, которая поднималась над примитивными деревянными стелами с налетом антропоморфности, в традиции которых также были выполнены многие votивные скульптуры из источника Сены и другие посвячительные изделия того же рода¹. Пауль Якобсталь проследил в формах искусства латенского времени стилистическое развитие, которое весьма очевидно, если мы сравним стелу из Пфальцфельда с головой с деревянной бадьи из Эйлефорда в Кенте (I в. до н.э.). Сохранившиеся частично пластические изображения из Южной Франции, как, например, воин из Грезана (департамент Гар) IV или III века и скульптура из Сен-Анастази (департамент Гар)² того же времени, «отрубленные головы» из Антремона (III в.), портик и изображения богов из Рокепертюза³, «чудище из семейства кошачьих» из Нова (все в департаменте Буш-дю-Рон) — все говорят (что не удивительно ввиду близости Массалии) о влиянии греческого, а потом и римского изобразительного искусства. То же влияние видно и на бронзовой маске из Гарансьер-ан-Бос (департамент Эр-и-Луар)⁴ и бронзовых статуэтках людей и животных из Неви-ан-Суйя (департамент Луаре)⁵, а также прекрасной деревянной скульптуре из Сурс-де-ля-Рош в Шамальере (департамент Пюи-де-Дом)⁶, изображающей женщину в торквесе: при всей своей кельтской своеобразности они уже служат мостиком к провинциальному римскому искусству. Относительно бога с оленьими ногами (Кернунна?) из Бурэ (департамент Сена-и-Уаза) также предполагали, что он относится к римскому времени⁷.

Итак, мы уже не можем безоговорочно разделить более

¹ Обширный обзор и богатая информация у Deys (1983). См. об этом также Braemer (1985); ср. также Martin (1963), S. 10ff.; Martin (1965), S. 248ff.; Dillon — Chadwick (1967), S. 298f. Очень похожи статуи богов из Женевы и Вильнева, которые, помимо, были украшены торквесами; Helvetier (1991), S. 149, Abb. 230.

² Илл. в Moreau (1961) Tafel 48.

³ Об этом недавняя работа Lescure (1995).

⁴ Moreau (1961) Tafel 65.

⁵ Илл. в Moreau (1961) Tafel 66–69.

⁶ Илл. в Megaw — Megaw (1989), S. 172. Типично кельтской является трактовка области глаз, как показывает сравнение с «головой Антепокигика» из Бенвелла (Нортумберленд).

⁷ Илл. в Megaw — Megaw (1989), Pl. XVIII.

ранний приговор (прежде всего Пауля Якобсталя)¹, согласно которому кельтское искусство не было иконическим. С другой стороны очевидно, что кельты были сильны скорее в орнаменте и мелкой пластике, нежели в фигурной крупной пластике, особенно если мы будем считать средиземноморскую реалистическую пластику, которая, впрочем, служила образцом и для кельтов — мерой всех вещей.

О живописи латенского времени у нас нет никакого четкого представления (если не принимать во внимание замечательную расписную керамику южной Галлии). Достойные упоминания, однако не совсем четкие фрагменты занимавшей обширную площадь росписи были в последнее время обнаружены благодаря флуоресцентному исследованию на фрагментах архитрава портика из Рокепертюзы. Видимо, здесь была изображена змея и лошадь с рыбьим хвостом. В этом случае можно думать о тесной связи с этрусским искусством. Во всяком случае, селадоново-зеленая минеральная краска была импортирована из Вероны².

7. Далее, «ведущей окаменелостью» латена является мелкая пластика, на которой мы снова встречаем образцы демонических человеческих и звериных лиц, в том числе «чеширских котов», как, например, на застёжках³ и крючках от пояса, фалерах от сбруи, осевых чеках, как те, что были найдены в Оберндорфе/Эбене-Унтеррадльберге близ Санкт-Пельтена (Нижняя Австрия) или чеки в виде птичьих голов из Манхинга⁴, украшения ручек горшков, сосудов и кувшинов⁵, кольцах для поводьев и особенно элегантно-гротескных бронзовых накладках из Маломержице в Моравии⁶. Кроме того, имеются выступающие изображения быков, как, например, на происходящем из

¹ Jacobsthal (1941), S. 19.

² Lescure (1995), S. 80f.

³ Megaw — Megaw (1989), Pl. XV.

⁴ Илл. в: Megaw — Megaw (1989) фронтиспис. Особенно замечательны «большие уши» в лучших образцах латенского искусства. Пример из Манхинга там же, S. 145.

⁵ Megaw — Megaw (1989), S. 149 (горшок из Балатонэдерича, Веспрем). Украшения на кувшинах на таких знаменитых образцах, как кувшин из Басс-Юна, являются антропоморфными.

⁶ Илл. в: Filip (1961) Taf. XXIII; The Celts (1991), S. 376f.; Megaw — Megaw (1989), S. 142.

Дании жертвенном котле из Бро¹, Софиенборга и Ринкебю, а также изображения сов на котле из Бро и различные рогатые украшения для рогов для питья, как, например, из Кляйнаспергле, относящиеся к V веку².

8. Латенская керамика на континенте — это, как правило, керамика, изготовленная на гончарном круге. Сосуды, сделанные вручную, встречаются в сельских поселениях и в оппидумах, но лишь как повседневная посуда. Наряду с изготовленной на гончарном круге расписной на красном фоне керамикой в обширных областях Кельтики встречается также изготовленная на гончарном круге керамика из графитной глины. При ее изготовлении к глине подмешивали графит. Это было новшество, поскольку в гальштатское время знали только керамику, покрытую графитом. В ее распространении действует основное правило: красная расписная керамика была популярна у западных кельтов, керамика из графитной глины считалась более обычной у восточных кельтов и была у них чем-то вроде моды³. Это правило действительно для графитной керамики, поскольку она не встречается западнее Вюртемберга, но распространена по всей Богемии, Австрии, Венгрии, Словении вплоть до скордисков. Однако все же есть и достаточно широкие области, в которых, как в верхней Австрии и в районе Зальцбурга, красная керамика встречается очень часто, в то время как в других местах, таких, как Богемия и район Будапешта, есть лишь отдельные ее островки. Та же картина и в Манхинге, где оба типа керамики встречаются бок о бок⁴.

Типы и формы керамики не зависят от материала. Важный и очень элегантный тип — это «чечевицеобразная фляжка», сплюснутый сосуд в форме линзы с выступающей длинной шейкой в центре круга⁵. Наряду с ним имеются также большие глиняные горшки, сосуды для хранения запасов, вазы, кубки и т.д. К редким формам принадлежит тип плоской «солдатской фляжки» («pilgrim flask») ⁶. Бронзовые кувшины с длинным

¹ Megaw — Megaw (1989), S. 143.

² Abgeb. Megaw — Megaw (1989), S. 52.

³ Fischer (1983), S. 47.

⁴ См. об этом Kappel (1969); Maier (1970). О распространении обеих разновидностей керамики см. карту в Praxis Geschichte, S. 8, Abb. 9.

⁵ Megaw — Megaw (1989), S. 94.

⁶ Megaw — Megaw (1989), S. 97.

носителем по этрусскому образцу были важным предметом престижа и, соответственно, имитировались и в керамике¹. Удивительно, что встречаются и сосуды в форме туфли — предшественники наших пивных бокалов в форме сапожка². Орнамент рисовали или выцарапывали (вырезали): в нем встречаются обычные латенские мотивы — пальметки, спирали, усики, «рыбьи пузыри» и т.п. Наряду с этим попадаются также и изображения фигур, прежде всего зверей. В Галлии встречается особая форма керамики по образцу римской *Terra sigillata*. В Британии гончарный круг вошел в употребление только в I веке до н.э. Поразительно, но на определенно кельтской территории Ирландии (с III в. до н.э.) не известно никакой керамики вообще.

9. **Латенские монеты**³ — едва ли не самое оригинальное из всего, созданного кельтами. Чрезвычайно жаль, что мы не знаем, как кельты называли деньги. Монеты появились в Галлии и Средней Европе в III веке, в долине По — уже в IV веке до н.э.⁴, предположительно как результат возвращения домой кельтских наемников. Здесь принадлежавшие к культуре Голасекки лепонтийцы уже чеканили монету в небольшом объеме («дидрахимы Популонии») ⁵. Конечно, кельтские монеты являются варваризацией греческих (изредка римских) образцов, однако при этом они показывают совершенно особенное, чарующее чувство формы, а также чрезвычайно интересное с точки зрения истории религии отображение местных представлений в определенных изобразительных схемах. Лежащее в основе этой варваризации художественное чувство «латенизации» поразительно едино, и его результаты в общем и целом одинаковы. Монеты дальней Арморики, точно так же, как монеты скордисков, живших в районе Белграда, выражают одни и те же

¹ Nonnmann (1992), S. 122, Abb. 24.

² Kovács (1980), S. 71ff.; Megaw — Megaw (1989), S. 97, 151; об их значении в качестве погребального инвентаря см. в Meier (1950), S. 141ff.; обувь и ногу как амулет обсуждает Pauli (1975b), S. 162.

³ Хорошие иллюстрации в: Pink (1949); Moreau (1961); Megaw — Megaw (1989), S. 177; Gruel (1989); Ziegau (1994); Dembski (1998).

⁴ См. об этом хронологический обзор у Kellner (1986), S. 230ff.; Arslan (1990), S. 74ff.

⁵ Arslan (1990), S. 73.

тенденции — из-за чрезмерного подчеркивания суставов лошадь распадается на отдельные члены, волосы на голове Зевса диким образом вылезают на передний план, монограмма под двухколесной колесницей превращается в колесо и это колесо то парит над лошастью, то залезает ей под брюхо, к голове самой лошади прилажен утиный нос — такая вот монета с «утконосом»¹. Лев на монетах Массалии в руках шизальпинских галлов превращается в какую-то собранную из отдельных деталей насекомообразную тварь или в призрачное существо с выпученными глазами².

Кельтская нумизматика уже давно превратилась в отдельную, высокоспециальную ветвь нумизматики, так что ее данные нельзя представить за один раз в виде белого очерка. Я ограничусь лишь тем, что кратко упомяну о нескольких исходных прототипах и об их варваризации и превращении в особо интересные типы монет: назову лишь армориканские чеканки, в которых слышатся отзвуки островного героического эпоса, монеты бойев с «катыщимся зверем» и «радужные мисочки» вольфов.

В возникновении галльских монет сыграли свою роль многие факторы. Во-первых, это была служба кельтов в качестве наемников: она, как предполагал Карл Пинк, привела к тому, что кельты переняли серебряные тетрадрахмы Филиппа³. Точно так же добрались до Галлии и сицилийские монеты. Второй путь — путь торговли, и здесь, возможно, сыграл свою роль распад македонского царства, которое передало Риму некоторые свои золотые богатства. В любом случае, торговля была важна для заимствования монет греческих торговых городов на восточном берегу Испании — Эмпорий (Ампуриас) и Родос (Розас) через аквитанцев и кельтиберов — и массалийских драхм, которые были распространены в Верхней Италии, части Галлии и Швейцарии⁴; им подражают даже британские бронзовые монеты, найденные в кладе в Снеттисхэме (Норфолк)⁵; важна была торговля также для «статиров Алкида» (см. с. 416).

¹ Jovanovic — Popović (1991), S. 338f.

² Arslan (1990), Pl. II, Nr. VII, VIII, IX...; Pl. V, Nr. XXV.

³ Pink (1974), S. 5.

⁴ Pink (1974), S. 11f., 14.

⁵ R. H. M. Dolley, in: Clarke (1954), S. 77f.

Говоря о технической стороне дела, следует сказать, что монету изготавливали с помощью чеканки между двумя штемпелями посредством удара молота из заготовок одинакового веса из благородного металла, которые отливали в глиняных формах, похожих на блюда с ячейками¹. При этом могло случиться так, что многие монеты по форме становились выпуклыми, наподобие мисочек (откуда и так называемые «радужные мисочки»). Само собой разумеется, что данные нумизматики всецело зависят от точного сравнения штемпелей. Здесь для Галлии Кольбер де Больё своим точным сравнением «характероскопии» сделал работу, которая произвела переворот в науке и заложил целую научную школу². Поскольку в процессе чеканки использовались сравнительно мягкие штемпели, их приходилось вырезать снова и снова. Роберту Гёблю удалось после тщательного анализа этих дополнительных нарезков на штемпеле в ходе скрупулезной детективной работы установить последовательность чеканов и тем самым получить надежную относительную хронологию денежных эмиссий³. Возможно, *argantodannos* должен был следить за весом монет — этот титул несколько раз встречается на монетных легендах⁴. — в то время как мастер-монетчик, который отвечал за сам процесс чеканки, мог называться *argantocomaterecus*. Кельты чеканили монеты из золота, серебра и «электрона», белого золота — сплава обоих. Бронза и медь использовались лишь изредка. К западу от линии Марх — Дунай — Инн чеканили преимущественно золотые монеты, к востоку — серебряные. Естественно, и здесь действовал закон Грешема о постоянном ухудшении монет, так что с течением времени металл становился все менее и менее ценным, а сами монеты становились меньше и тоньше⁵. Появлялись и фальшивки. Распространенным способом подделки была «монета с подкладкой»: тоненькие пластиночки благородного металла прибивались на ядро из обычного. В отдельных случаях даже можно задаться

¹ О распространении оппидумов и плавке монеты см. Fischer (1983), S. 44f. с илл. I.

² Colbert de Beaulieu (1973).

³ Göbl (1972).

⁴ Lambert (1995), S. 182.

⁵ См. общий очерк в Kellner (1986), S. 23.

вопросом, не были ли такие фальшивки официальными выпусками монет¹.

Как мы уже говорили, золотой статир Филиппа II имел на Западе богатое и весьма своеобразное продолжение. На аверсе этой монеты показана голова Аполлона, на реверсе — царь Филипп в запряженной двумя конями боевой колеснице (биге). Под ними имя македонского короля, а также монограмма «альфа-ро» и изображение белемнита. Кельтские монеты, изготовленные по этому образцу, были распространены на огромном пространстве, простиравшемся от Швейцарии на востоке вплоть до атлантического побережья к северу от Шаранты, на севере до Британии (западной и северной границами являются реки Северн и Хамбер), на юге — до Оверни².

Нумизматики выделяют несколько этапов рецепции и варваризирующего усвоения образцов³. Первый отличается тем, что все еще сохраняется имя македонского царя греческими буквами, а также монограмма и белемнит под бигой. Однако постепенно монограмма AP превращается в трискеле, в трезубец, в кубок или в стоящую на голове лиру. Одновременно суставы лошади все более и более разрабатываются, становясь узловатыми, и ноги коней оказываются стилизованными. Чеканятся половинные и четвертные статиры с такими же изображениями, и появляется уже первое имя кельтского князя (*EIQITIVICO*).

На втором этапе мастера отступают от образца. Имя Филиппа превращается в псевдолегенду, вторая лошадь вообще исчезает, и все большую важность приобретают новые символы. Постепенно пропадает и колесница. Колесничий начинает парить над лошадыю, которая уже — у тревверов — превращается в кентавра. Вместо надписи под лошадыю появляется труп. Отдельные части головы на аверсе также начинают жить своей собственной жизнью. Пышные локоны Аполлона становятся все более и более взъерошенными или превращаются в прическу-«перчинку».

На третьем этапе происходит «скрещивание» с другими, менее распространенными образцами, такими, как статир из

¹ Behrens (1949/50), S. 338.

² Allen (1978), S. 68ff.; Fischer (1991).

³ В своем изложении я следую Allen (1980), S. 70ff.

Тарента. На аверсе у него была показана Деметра под покрывалом, на реверсе — юный всадник. Процесс «скрещивания» проходил в середине II века до н.э. В Арморики на реверсе появляется обнаженная всадница. В некоторых случаях штемпель оказывался (видимо, сознательно) практически уничтоженным из-за царапин и рисунок становился почти неразличимым. Из-за «скрещивания» с сиракузскими чеканками Дионисия¹ на аверсе появляются два дельфина выше и ниже рта. Они превращаются в ленты, затем в ожерелья или цепи, на которых находятся маленькие человеческие головы, так что это дает нам тип «монеты Огмия». В голове Аполлона уже нельзя больше узнать голову, поскольку разросшаяся прическа покрыла все орнаментом, как у белгов.

В четвертый период, который в Галлии начинается с последней четверти II века и кончается эпохой Цезаря, отдельные племена разрабатывают почти национальные чеканки, так что монеты во многих случаях можно отнести к определенным племенам или, по меньшей мере, территориям. Еще чаще на монетах встречаются теперь имена князей, так что в некоторых случаях даже можно выстроить целый ряд, как, например, у арвернов: *ATER, CAMULO, SENO-OMODON, CAS, VERCINGETORIX*. Прежде всего на северо-западе очень часто встречается лошадь с человеческой головой. На монетах пиктонов перевернутая лира, встречавшаяся на первом этапе, снова изображается прямо, однако теперь она превращается в руку. Особенно изысканной оказывается прическа Аполлона на аверсе монет Арморики, а его локоны на монетах бодиокассов отдают должное названию племени. На монетах редонов лира превращается в колесо, изображенное под лошадью. На том же самом месте у других племен, таких, как андекавы, появляется павший воин со шитом и копьем. По сути дела, развитие монет у армориканских племен было наиболее смелым и оно полностью отрывается от первоначального образца. Ноги лошади вылетают из суставов, над ее спиной появляется нечто похожее на заднюю часть гуся. У авлерков-эбуровиков появляется кабан с взъерошенной щетиной. Монеты белгов, которые на аверсе наиболее далеко продвинулись в направлении абстракции,

¹ О чём Allen (1980) не упоминает.

обнаруживаются – в связи с культурой Эйлсфорда – также и в Британии, однако только те, что были в ходу в области Соммы и на севере, а также у амбианов в районе Амьена и у атребатов Арраса, но не монеты эбурунов и белловаков. Кудрявые волосы Аполлона в царстве счастливого сакрального короля Кунобелина превратились в ячменный колос¹.

Я уже говорил, что римские чеканки с Алкидом в форме варварских серебряных монет сохранились у бойев в Богемии. На них рисунок оказался полностью разрушенным, причем на реверсе появилось нечто вроде отпечатка раковины, почему их и стали называть «ракушечные статеры» (*Muschelstatère*)². Эти золотые «ракушки» были в ходу в Богемии, Моравии, Словакии, Венгрии и на северо-востоке нижней Австрии, пока в середине I века до н.э. в районе Пресбурга и Вены их не заменили большие серебряные монеты с легендой *VIATEC*. Кроме того, в Богемии появились так называемые варианты «статера Алкида», на которых на аверсе был показан воин с поднятым мечом, а на реверсе – кабан со вздыбленной щетиной. Возможно, имелось в виду убийство кабана как героический поступок, придающий определенный статус, или же кабан символизировал властителя.

По какой-то уже непонятной нам причине «ракушечные статеры» в результате сочетания со скифским мотивом змеи (возможно, змеи с бараньими рогами) превратились в «статеры с катящимся зверем», процесс, который, возможно, произошел среди бойев³. Из него развился – после того, как «катящийся зверь» преобразился в торквес и на реверсе появилось несколько шишечек – особенно широко распространенный тип кельтских монет: так называемые «радужные мисочки» (*Regenbogenschüsselchen*).

Как и «статеры с катящимся зверем», «радужные мисочки» также представляют собой маленькие золотые монетки, кото-

¹ Иллюстрация в Megaw – Megaw (1989), S. 205.

² Allen (1980), S. 63ff.

³ Allen (1980), S. 66. Илл. (прорисовка) статера с «катящимся зверем» в Forrer (1908), Taf. 26, Nr. 485. Фото у Pink (1974), Taf. II, Abb. 36. Здесь итрихи, изображающие гребень на спине, идут внутрь, так что змея становится похожей на сорокопужку. Об их распространении ср. Gobl (1992), S. 19; в Страдоннице: J. Bren, в: *The Celts* (1991), S. 54.

рые в ходе чеканки приобрели форму мисочек; в среднем они (в крупнейшем из до сих пор обнаруженных кладов из Иршинга, Бавария, где было около 1000 таких монеток) весят около 7,5 граммов¹. Название их основано на народном поверье, что такие золотые монеты можно найти там, где в землю уперлась радуга. Эти широко распространенные «радужные мисочки» в основном приписывают волькам². Мы уже видели, что монеты обладали высоким престижем и их название, заимствованное германскими языками, говорило, прежде всего, о том, что в цивилизаторском отношении — в том числе и посредством чеканки монет — кельты стояли выше. Если в прагерманском языке слово *walhakurne* («валлийское зерно») выступало как обозначение «золота», тогда, возможно, оно относится именно к «радужным мисочкам», которые шутиливо называли «зерном»³. Эти маленькие золотые монеты должны были долгое время употребляться в качестве платежного средства по всей кельтике. Они были распространены в Юре, Шварцвальде, к северу от Дуная, в немецком среднегорье и на правой стороне Рейна, а также на среднем Рейне. Отдельные такие монеты (возможно, привезенные кимврами) обнаружены близ Верчелли, в то время как самой северной точкой их распространения на континенте (недавняя находка) оказалась Вестфалия⁴. В немного другой форме этот тип монеты обнаруживается в кладах в департаменте Приморская Шаранта и даже в Шотландии (в кладе из Киркада, Пиблшир⁵).

Однако «радужные мисочки» были не единственными монетами вольков. Союз племен тектосагов, богатая переселениями история которых привела их в Галатию, а на их галльской территории лежали знаменитые торговые города Нарбонна и Тулуза, чеканили серебряные монеты, которые были подражанием

¹ В. Overbeck, в: *The Celts* (1991), S. 533.

² См. карту в Allen (1980), S. 66.

³ Birkhan (1968), S. 113; в Birkhan (1971b) я пытался объяснить само слово *Pfennig*, исходя из внешнего вида этих монет-мисочек, похожих на сковородки (*Pfanne*), которые были переняты некоторыми германскими племенами, как, например, марсами (*Marsern*).

⁴ Н.-Е. Joachim, в: *The Celts* (1991), S. 532.

⁵ Allen (1980), S. 67.

драхмам Родоса. На аверсе этих монет показана стилизованная голова нимфы, на реверсе четырехлепестковая «роза» Родоса. С течением времени эта роза, упростившись, превратилась в крест и потому сегодня эти чеканки известны как тектосагские «крестовые монеты». Поскольку некоторая часть тектосагов обитала и в Южной Германии, откуда они (как я полагаю) и происходили первоначально, то «крестовые монеты» встречаются и на их старой родине в Бадене, вокруг Боденского озера, в Вюртемберге и западной Швейцарии. На них основываются мелкие золотые монеты бойев, а также многочисленные монеты Норика — совсем малюсенькие денежки весом лишь в 0,65 грамма¹, — однако в повседневной жизни они, конечно, были важнее, чем большие золотые статеры и серебряные тетрадрахмы. Кельтские монеты в меровингское время просверливали и носили как талисманы². Совершенно удивительно, что значительное число кельтских типов сохранилось в аламаннской монетной чеканке средневековья. Так, тип «голова на лошади» возрождается на бернском пфенниге 1230 года, крестовые монеты вольков и раураков в аламаннском пфенниге около 1200 года, «тип Огмия» на пфенниге из Брейсгау XII и XIII веков, «катыющийся зверь» — на пфенниге из Рейнау около 1300 года³.

О котле из Гундеструпа

Совершенно особое место в истории кельтского искусства занимает вещь, которую отнюдь нельзя безоговорочно отнести к латенскому стилю. Речь идет о серебряном котле, который был обнаружен в разобранном виде 28 мая 1891 года в «Лисьем болоте» (Ревемосе) близ Гундеструпа (Химмерланд, Дания); захоронен он был, очевидно, с религиозными целями. Котел из Гундеструпа (диаметр — 65 см, вес — 8, 89 кг) считается одним из самых, если не самым значимым, хотя и не самым ясным изобразительным источником по кельтской религии. Сейчас он находится в Датском национальном музее в Копенгагене.

¹ Pink (1974), S. 13.

² Behrens (1949/50), S. 336.

³ Wielandt (1959), с. илл.

В этом произведении искусства почти все — загадка. Даже датировка его колеблется в пределах почти 600 лет — от 300 года до н.э. до 300 н.э. Несомненен религиозный характер котла и его высокая ценность, которую подчеркивают остатки золотого покрытия и следы стеклянной эмали в глазах богов. То, что это именно изображения богов, — также никем не оспаривается, во всяком случае, относительно семи почти квадратных пластинок на внешней стороне (восьмая пластинка была, видимо, утрачена еще до захоронения котла). Внутренняя сторона состоит из пяти пластинок. Круглая пластинка-основание явно слишком мала, чтобы первоначально принадлежать этому котлу, однако, видимо, уже в древности она употреблялась в этом качестве.

Ради полноты следует упомянуть, что в сентябре 2001 года два ныряльщика вблизи Бадестранд-Исинга на Химзе обнаружили золотой котел весом в 10,5 кг, который явно представлял собой копию котла из Гундеструпа. Однако как то, что листовое золото было прокатано машинным способом, так и довольно безжизненный стиль самой работы позволяют говорить о том, что это — подделка, возможно, связанная с идеологией «Аненербе» в Третьем Рейхе. Посему этот предмет не принадлежит к ряду древних свидетельств о религиозной истории кельтов и является лишь одним — хотя и весьма впечатляющим — примером того, как воспринимали кельтов в XX веке¹.

Как мы уже говорили, на семи внешних пластинках находятся погрудные изображения богов, причем были представлены и ладони и руки (как функционально важная деталь). Три изображения представляют собой женские божества, как можно предположить по отсутствию бороды и показанным где-то у ключиц сосцеобразным грудям. По меньшей мере в двух случаях изображение представляет, судя по всему, одну и ту же богиню. У мужских божеств четко различающиеся аккуратные бородки и прически. За единственным исключением, все божества на котле носят торквес, в одном случае он, возможно, скрывается за окладистой бородой. Изображения богов не находятся ни в какой

¹ Научной публикации об этой находке как таковой пока еще не было в связи с юридической проблемой — кому принадлежит этот котел, стоимость которого составляет около 100 000 евро? О том, как был спрятан котел, рассказывали газеты и еженедельники в Германии и Австрии.

органической связи с латенским искусством того времени: пальметки, «цветы лотоса», мотивы «рыбьего пузыря», спирали, «усики», «трискеле» и «трубы» здесь отсутствуют. Боги носят не только усы, но и окладистые бороды. Отождествление этих богов в качестве «Ареса», «Геракла», «Эза», «Тараниса», «Диониса», «Ригани», «Ану», «Кибелы» и т.д. всегда более или менее произвольно и ни в одном случае не может считаться окончательным и неоспоримым.

На пяти внутренних пластинках показаны еще два «бюста» божеств, однако небольших и окруженных зверями: богиня, видимо, тождественная той (тем), что представлена (или одной из представленных) на внешней пластинке, окружена двумя слонами, двумя грифами; здесь же фигурирует какой-то хищный зверь, похожий на собаку. На другой пластинке показан бог с колесом, напротив него — человек в рогатом шлеме. Здесь же мы видим с обеих сторон двух собакообразных хищников, в ряду под ними — трех грифов и змею с рогами барана, которая встречается на котле целых три раза. На другой внутренней пластинке стоят в ряд трое мужчин, которые, подняв мечи, сражаются с быками и с собакообразными зверями. Две последние внутренние пластинки легче всего поддаются хоть какому-то толкованию. На одной изображен рогатый бог Кернунн (*Cernunnos*) в качестве «повелителя зверей» с торквесом и змеей с бараньими рогами в окружении всевозможных зверей: оленей, быков, собак, кабанов, стоящих спиной друг к другу, играющих львов¹. Показан и человек верхом на дельфине. Здесь напрашиваются широкие возможности для интерпретации, вплоть до изображений на печатях культуры долины Инда, где показан сидящий на согнутых ногах трехликий бог с рогами буйвола; его также окружают звери — слон, тигр, носорог и бык². На другой пластинке мы видим знаменитую сцену инициации или «оживления», к которой я еще вернусь. На дне котла изображен лежащий или, скорее, упавший без сил бык с четко выделяющейся мошонкой и хвостом в виде колоса, под

¹ Между прочим, как раз они послужили поводом для курьезной пометки Олмстеда связать изображения на котле с неким прообразом «Похищения быка из Кушныге»; Olmsted (1994), S. 270 и далее неоднократно.

² Schneider (1989), S. 84.

которым видно небольшое изображение человека с поднятым мечом, сидящего на корточках. Судя по выразительно обрисованным грудям, это женщина (амазонка?); во всяком случае, на ней доспехи с соответствующими выпуклостями и сосками (наподобие античных нагрудных панцирей), напоминающие гальштатские нагрудные панцири из Кляйн-кляйна (Штирия) или Ново Место (южная Словения). В то же время у относящегося к эпохе римской провинции танцующего обнаженного юноши из Неви-ан-Суйя (департамент Луаре)¹ грудь выполнена также очень по-женски. Перед персонажем с мечом изображена собака, напоминающая шпица, а под ногами животного — длиннохвостое четвероногое, показанное сверху; оно немного похоже на рептилию, хотя это не совсем очевидно — но, во всяком случае, это не лев². Несмотря на вроде бы женское изображение, речь тут, скорее всего, идет о каком-то, очень близком к культу Митры³, обряде, подразумевавшем ритуальное убийство быка⁴. Возможно, здесь представлен подвиг вонтельницы вроде предводительницы скор-дисков (?) Ономары. С другой стороны, можно сомневаться в том, что этот женский персонаж вообще собирается убивать быка. Точно так же можно предположить, что речь идет о *ταυροκαθάρια* — сальто и других акробатических трюках над и на спине быка, которые нам известны как в крито-микенской культуре, так и в «Похищении быка из Куальнге».

В последнее время ученые пришли практически к единодушному согласию, что котел из Гундеструпа происходит из восточно-кельтского пространства — возможно, из зоны

¹ Moreau (1961), Taf. 66f.

² Как считают Kaul et al. (1991), S. 83.

³ Так позволяют считать собака, хвост быка, заканчивающийся пшеничным колосом и восторженная прическа или головной убор человека, убивающего быка, который выглядит как связанный с культом Митры фригийский колпак в непонятой или переосмысленной форме.

⁴ В «Похищении быка из Куальнге» бурый бык убивает белорогую, а потом его сердце не выдерживает. Предположение, что здесь изображена смерть обоих быков, лишено всяких оснований, особенно потому, что другой стиль горевания для котла делает по меньшей мере спорным, принадлежало ли оно к котлу изначально.

кельтско-фракийских контактов — или же вообще является фракийской работой¹.

На это указывают прежде всего технические детали, как, например, работа по металлу пуансоном или изображения зверей. В конце концов, сомнительно даже, действительно ли котел стоит вообще рассматривать в связи с латенским временем и его искусством. Я также полагаю, что он происходит с Востока, однако я не хотел бы (вместе с Флеммингом Каулем, Иваном Маразовым, Ианом Бестом и Нанни де Фриз) заходить так далеко, чтобы считать, что все изображения можно вывести из фракийского культа Кибелы. Сцена убийства быка на дне котла, несмотря на приводившиеся иллюстративные (якобы) параллели, не может быть объяснена таким образом вполне убедительно². Неясным остается и то, почему вместо «хозяйки зверей» представлен мужчина-хозяин («Орфей») с оленьими рогами, а змея с рогами барана, которая фактически должна иметь скифско-фракийское происхождение, не является пар-

¹ Другую точку зрения в последнее время высказывают только Pittioni (1984) и Nashmann (1990), причем первый думает, что котел был изготовлен в Массалии. Однако единственное его доказательство тому — экзотические животные, всадники на дельфинах и т.п. — основано на греческом элементе и, естественно, с таким же успехом могло быть замечено в восточно-кельтском пространстве, как и в Массалии. Совершенно нереальна датировка котла эпохой Ганнибала на том только основании, что на нем изображен слон, поскольку, прежде всего, кельты должны были уже видеть слонов раньше на востоке, например, в войске Александра, в «битве слонов» (275/74), в битве при Лисимахии, и, конечно, по многим другим поводам. Львы были известны еще с галльитатской эпохи (Эбердинген-Хохдорф); Megaw — Megaw (1989), S. 43. Как известно, обозначение «слон» (точно так же, как, по моему мнению, и слова «гриф» и «обезьяна» — *Greif, Affe*) было заимствовано германскими языками еще до германского передвижения согласных (то есть в IV–III вв. до н.э.). Если германцы на дальнем севере знали этих животных, то почему же кельты, которые непосредственно граничили со средиземноморской культурой, должны были их не знать. Нам известно, что, по крайней мере, одна обезьяна добралась из северной Африки до Эмайн Махи и дальнего Ольстера. Что касается того, как должна выглядеть «настоящая кельтская» чеканка, то это можно видеть на фрагментах «чая из Марлборо» в Уилтшире, ср. также прически, которым поразительно соответствуют изображения на монетах; Fox (1958), Pl. 34ff.

² I. Marazov и: Kaul et al. (1991), S. 72f.; J. Best, *ibid.*, S. 83, с илл. 17, 24; Nanny de Vries, *ibid.*, S. 10.

ной¹. Оргиастический культ этой богини с ее жрецами, которые сами себя кастрировали, и шумной музыкой также плохо вяжется с торжественными фигурами на котле, хотя галаты фактически были носителями культа Кибелы в Пессинунте и, казалось бы, самой судьбой были предназначены к тому, чтобы передать верования, связанные с культом Кибелы, своим обитавшим дальше на Западе соплеменникам. Иан Бест справедливо допускает, что один из трех предположительно принимавших участие в изготовлении котла художников изобразил фракийского «Орфея» в виде Кернунна сидящим в типично кельтской позе, с кельтским торквесом и т.п. Равным образом его охота на кабана, священный брак, «древо жизни» (которое я называю «лириодендром») и котел оживления являются «кельтскими проявлениями» фракийских сакральных тем². Специалисты признают существование наряду с фракийским и кельтского элемента в изображениях и полагают, что котел возник в пограничной области между фракийским племенем трибаллов и кельтским племенем скордисков. Это предположение кажется мне вполне очевидным, хотя я и не стал бы следовать за процитированными выше авторами в деталях объяснения изображений в свете мифа о Кибеле.

В общем и целом можно сказать, что фасон и художественный инвентарь котла прежде всего, как показывают такие восточные звери, как слоны и грифы, с очевидностью демонстрирует, что его следует считать восточно-кельтской работой, созданной под влиянием фракийцев, или же фракийской работой, созданной под восточно-кельтским влиянием, и что в основе этой художественной программы должны были лежать синкретические религиозные представления и культы. Поэтому: 1) сомнительно, что котел из Гундеструпа следует считать одним из главных свидетельств существования особого стиля латенского искусства; 2) недопустимо именовать на основе

¹ Kaul et al. (1991), S. 95f., 103, Abb. 44. Я считаю, что причиной неаппетитности змей с бараньими рогами служит то, что они представляют собой индивидуальных божеств счастья, а не орнаментальный мотив, который можно повторять несколько раз.

² Kaul et al. (1991), S. 81, особенно, 87f.

чисто ассоциативных представлений фигуры богов «Таранисом», «Эзом» или «Ригани», как, к сожалению (вследствие спекуляций Жан-Жака Ата), происходит на многих музейных выставках и в популярных работах.

В то же время мне представляются убедительными высказанные в последнее время соображения относительно времени создания котла (около 100 до н.э.)¹, а также гипотеза, по которой этот культовый предмет попал сюда в результате возвращения участников похода кимвров в Данию — точнее, в Химмерланд, на родину кимвров, возможно, в связи с кельтскими ремесленниками². Более древнюю фазу латенского влияния мы уже видели в находках из Йортспринга. Более новая фаза, возможно, проявилась в накладке со звериным фризом из Торсбергского болота (Ангельн), где между рядом отрубленных голов показаны звери, изображенные в скифско-фракийском стиле (гиппокамп, козерог, кабан и другие), которые весьма напоминают стиль кельтско-фракийских серебряных пластин, одна из которых нашла себе применение в качестве дна гундеструпского котла³.

Неподалеку от Ревемосе находится Борремосе, относящееся к эпохе кимвров поселение в болоте с замощенной улицей (что совершенно необычно для Свободной Германии), как бывало в кельтских оппидумах (например, в Старе-Градиско в Моравии)⁴. Среди плоской болотистой земли, на которой возвышаются маленькие и средние холмики, Борремосе и сегодня выглядит как кельтский *dūnom* в миниатюре. В Борремосе мы находим — что также весьма необычно для Германии — масштаб, в основе которого лежит не греческий или римский фут и не германский локоть и который указывает на мастеров, применявших эту меру длины и, возможно, бывших кельтами⁵. Об этом говорят и

¹ На дату I в. до н.э. или латен D как *terminus ante quem* не указывает и изображение всадника со шпорами (дружеское сообщение уважаемого коллеги Отто Х. Урбана, Вена); ср. инжоры, например, из среднегерманской группы позднего латенского времени у Haffner (1992a), S. 59 Abb. 35.

² Kaul et al. (1991), S. 35ff.

³ Krüger (1949/50), табл. 9: толкование Крюгера на основании германской мифологии, конечно, совершенно фантастично!

⁴ Ср. J. Meduna, в: *The Celts* (1991), S. 546.

⁵ S. GKAR S. 166f., Anm. 232, S. 174, Anm. 258.

другие предметы, о которых здесь я упомяну лишь кратко, хотя они достойны весьма подробного описания: четырехколесные культовые повозки¹ и торквесы с шарообразными концами. В Крагхеде, Фредберге, Данкирке, Дайберге (все в Ютландии) и Ланго (Фюн) были найдены остатки шести четырехколесных повозок, из которых лучше всего сохранилась одна из двух, найденных в Престегормосе близ Дайберге (к юго-востоку от Рингкебинга). Повозку разобрали и опустили в болото в качестве приношения; уже на тот момент она была старой и изъеденной червями, без поворотного круга и с неподвижным дышлом; как в технических деталях (шины) так и в орнаментальном декоре она выглядит как кельтская работа («латенские лица» с выпученными глазами и усами, инкрустация из красной эмали, трискеле, орнаментальные заклепки в виде голов в «пластическом стиле» и другое). Хотя эта знаменитая «повозка из Дайберга» отчетливо показывает связи с латеном, ее тип скорее напоминает позднегалльштатскую эпоху, чем время ее предполагаемого изготовления (I в. до н.э.). Поскольку остатки других пяти колесниц выполнены в том же стиле, то сейчас скорее склонны полагать, что эти колесницы были изготовлены в Дании², чем считать, что во всех случаях перед нами трофеи из Рейнской области или Галлии.

То же самое можно сказать и о торквесах с шарообразными концами, которые были найдены в Дании (Зеландия), средней Швеции и Норвегии. Речь идет о бронзовых торквесах, четырехугольные изогнутые концы которых кончаются большими шарами, несомненно указывающими на «пластический стиль» (по определению Пауля Якобсталя). Благодаря этим шарам можно было носить кольца на шее. Торквесы с шарообразными концами являются чисто скандинавской особой формой, которая, очевидно, происходит из латенского искусства. Можно выделить и галльштатские элементы³. То же самое можно сказать и о типе четырехколесной культовой повозки, и о котлах с протомами в «пластическом стиле», как, например, образцы из Ланго (Фюн), Бро (Восточная Ютландия, возможно, III в. до н.э.), которые стилистически сочетают элементы вальдальгесхаймского

¹ Hayen (1983), S. 457ff.; Piggott (1992), S. 225ff.

² См. Fl. Kaul, in: *The Celts* (1991), S. 536f.

³ Об этом см. также Fl. Kaul, in: *The Celts* (1991), S. 540.

стиля с «пластическим»¹, Софиенборга (Северная Зеландия, ок. 100 до н.э.) и Ринкебю (Фюн, ок. 100 до н.э.), которые также — по своему типу — относятся к гальштатскому времени, но по исполнению являются латенскими изделиями². Из всего этого можно сделать вывод о существовавшей у германцев еще с позднегальштатского времени «кельтской моде», которая сначала видна по импортным вещам, а с эпохи кимвров также и по «кельтским мастерским» в Дании. При этом, очевидно, предметы старомодного, гальштатского, типа исполнялись в современной латенской манере.

Островные кельты

Мы уже говорили о том, что на Британских островах около 600 года до н.э. железо вытеснило бронзу в качестве важнейшего материала для изготовления инструментов, оружия и т.д.³. В островной кельтской традиции переход от бронзового века к железному символизируется тем, что *fairies*, которые в саге представляют более древние слои населения, принадлежат еще к культуре эпохи бронзы. Это очевидно из того, что они не относятся к железу «нормально»: они избегают его, над ними можно получить господство с помощью железа или же, напротив, они неуязвимы для железа. Переход к культуре железного века растянулся на длительное время. Однако еще долго железо применялось далеко не везде: в Ирландии наконечники копий делали из железа, но сделанные в форме пуговицы накладки на тупую сторону копья (подтоки, *spearbutts*) продолжали изготавливать из бронзы. Когда Айлиль и Медб во вступлении к «Похищению быка из Куальнге» оценивают и выставляют напоказ сокровища друг друга, они приказывают принести и железные сосуды (*iarn-lestair*); это говорит о том, что для автора саги сосуд из железа (в противоположность сосуду из бронзы) не был чем-то повседневным, или, во всяком случае, он хотел

¹ Ross — Feachem (1970), S. 182, предполагают, что котел был изготовлен в Богемии или Моравии.

² См. об этих «котлах изобилия» (*cauldrons of plenty*) Megaw — Megaw (1989), S. 174ff.

³ Точные исследования на эту тему см. в недавней работе Scott (1990).

сказать, что это было так в эпоху, когда происходили рассказанные им события¹.

Волнения между 900 и 500 годами до н.э. могут быть связаны с ухудшением климата около 800 года, которое привело к затоплению обширных территорий и распространению болот, но они были вызваны также и контактами с юго-востоком (в пределах гальштатского пространства и вне его), в ходе которых железо, а возможно и сами кельты, начали свое победное шествие. При этом предполагается, что исходной точкой послужило голландское побережье Атлантики, в особенности Нижний Рейн и область к западу от нижнего течения Мааса. К этому следует прибавить влияние северной культуры бронзы Северной Германии и Скандинавии; степень этого влияния оценивается различно². Гипотеза о том, что на Британских островах имело место массовое вторжение носителей гальштатской культуры (как считалось в науке раньше)³, кажется настолько же мало оправданной, как и для Испании. Единственное массовое переселение, которое можно считать «переселением народов», относится к эпохе культуры колоколовидных кубков в эпоху бронзы (около 1900 г. до н.э.). Зачастую оно связывается с индоевропеизацией — а не кельтизацией! — Британии и Ирландии⁴. К этой индоевропеизации У.Ф.Х. Николайсен возводит индоевропейские, но не кельтские названия рек Шотландии (*Farrar, Adder, Ness* и другие)⁵. О кельтах в начале II тысячелетия до н.э., разумеется, никакой речи быть не может. Как я уже сказал, и предположение о кельтском языке эпохи гальштата отнюдь не беспорно.

И сегодня еще перед нами стоят три главных вопроса в изучении древней истории и языка островных кельтов, удовлетворительного ответа на которые до сих пор нет⁶: 1) когда кельты или кельтский язык пришли на территорию Британских островов; 2) какова могла быть языковая ситуация до появления

¹ ТВС (Windisch), S. 10f.

² Powell (1962), S. 114f.

³ Например, Pokorny (1940), S. 239ff.; Powell (1962), S. 118f.

⁴ Например, у Harbison (1976), S. 226.

⁵ Обобщающая работа Sutherland (1994), S. 202f.

⁶ Новый обзор исследований на эту тему см. в Evans (1986b).

кельтского языка, и 3) как и когда кельтский язык разделился на две ветви — гойдельскую и бриттскую.

Конечно, в Новое время исследователи продолжали попытки связать легендарную доисторию «Книги захватов Ирландии» с событийной историей, как мы ее понимаем, и сопоставить перечисленные в этой средневековой книге вторжения с фактическими историческими событиями — метод, который, по моему мнению, напоминает вторичное историзирование мифов в «Ланднамабок». Своего апогея эти исследования достигли в *magnum opus* Томаса Ф. О'Рахилли (ЕИМ). Эта книга, вышедшая в 1946 году, вызвала волну как протестов, так и сочувствия, и до сих пор перепечатывается без всяких изменений значительным числом изданий. ЕИМ — это шедевр научного обзора, исторической реконструкции из мифологии, древнеирландских саг, этимологии и ономастики, однако, по мнению большинства сегодняшних кельтологов и археологов, ни на чем не основанный, ибо археология никак не подтверждает выводов ученого. Однако благодаря авторитету своего воинственного автора работа имела значительное влияние, и изложенные в ней положения до сих пор пользуются большой популярностью в кругах образованных ирландцев. Невозможно, да и не нужно, отдать этой книге должное во всех деталях, однако невозможно и умолчать о ней вовсе¹.

Отправным пунктом для рассуждений О'Рахилли послужила «География» Птолемея. Автор показывает, что в пассаже, посвященном Ирландии, встречается множество *p*-кельтских названий. Ведь древние обитатели Ирландии и Британии назывались *Pritani*, и это имя неотделимо от названия самой Британии (*Britannia*, валл. *Prydain*), и его побочная форма **Priteni* сохранилась в названии пиктов — др.-ирл. *Cruthin*, валл. *Prydyn*, *q*-кельтским соответствием которого и является *Cruthin*². Для О'Рахилли это древнейший слой. Таким образом, первое вторжение

¹ Хотя в общем и целом теория О'Рахилли не пользуется признанием, в этой книге содержится множество интересных идей и подходов, и поэтому, как показывает большое количество изданий, она до сих пор на вооружении у исследователей доисторической Ирландии.

² ЕИМ S. 444ff; напротив, Vendryes (1940b) доказывал, что **Pritano-* (**Priteno-*) и **Britton-* (**Brittano-*) нельзя объединять: первоначально они имели совершенно разное значение и оказались связанными только в результате вторичной ассоциации.

было вторжением *Priteni*. В результате второго на острове появились *p*-кельтские Фир Болг (др.-ирл. *Builg*), которых называли также *Erainn* («ирландцы»). Они прибыли из области континентальных белгов через Британию. Третье вторжение привело группу *p*-кельтских племен, которых О'Рахилли называл «завоеватели-лагены» (*Laginian invaders*) от *Lagin* «Лейнстер»; с ними прибыли также *Domnainn* и *Galiain*. Это вторжение исходило из Бретани. Четвертым и последним было вторжение *q*-кельтских гойделов, язык которых и закрепился в Ирландии. Они пришли прямо из Галлии, точнее (как показывает название племени *Quariates*) из южной Галлии. Таким образом, вторжение Фир Болг должно было произойти в V веке, лагенов и гойделов — между 325 и 50 годами до н.э. Следует обратить внимание, что, таким образом, О'Рахилли считал, что вторжение гойделов произошло очень поздно, незадолго до Цезаря¹.

Предположение, что первые кельты в Ирландии говорили на *p*-кельтском, иногда встречается и сейчас², но оно, мягко говоря, практически ничем не подтверждено. Нельзя спорить с тем, что в Ирландии имеются отчетливые следы *p*-кельтского языка. Вопрос лишь в том, действительно ли они относятся к древнейшему слою переселенцев, — ведь чем дальше мы будем идти в глубь времен в поисках этих первых завоевателей, тем более вероятным будет, что мы достигнем языковой стадии, когда в языке-предшественнике более позднего «*p*-кельтского» еще был старый лабиовелярный. Поэтому *q*-кельтские (кельтиберские) названия, такие, как (*Aquae*) *Querquernae* в Испании, говорят не о приходе кельтиберов, но лишь о том, что на момент «галыштатизации» по меньшей мере те кельты, которые дошли до Испании, еще имели старую фонетическую систему³. Хотя О'Рахилли не дает никаких дат для своего вторжения *Prita(e)ni*, однако надо считать, что оно произошло несколько раньше вторжения Фир Болг в эпоху раннего латена, и здесь отсутствуют исходные данные для существования *p*-кельтского. Если гойделы действительно являются посетителями *q*-кельтского, то тогда они или должны были прийти из области, где

¹ EHM S. 15ff., 419f.

² EHM S. 15ff. und passim; Randkulturen, S. 2; Powell (1962), S. 123f.; Ritchie - Ritchie (1981), S. 89; ср. об этом Evans (1986b), S. 105.

³ Ср. Pokorny (1940), S. 241.

говорили на *q*-кельтском диалекте, и это также могло произойти относительно поздно, что принимал уже О'Рахилли, или это должно было случиться в такое время (возможно, в эпоху гальштата), когда лабиовеллярный еще господствовал повсеместно. Таким образом, попытка О'Рахилли четко разделить вторжения и там, где это возможно, связать их с легендарными волнами завоеваний в древнеирландской «Книге захватов Ирландии» и у Ненния¹, остается всего лишь — сегодня в основном оставленной — попыткой.

Вернемся же к археологическим фактам!

Сначала познакомимся с Британскими островами с их собственной (естественно, «докельтской») культурой бронзы. Прекрасным примером служит шит из Очмаледди (Абердиншир)². Около 600 года до н.э. начинаются первые контакты с культурой гальштата, и клад из Ллин Фавр (Гламорганшир), ситулы из Даддингстон-лох и Кардросса (Аргиллшир), а также небольшие чаши из Ардо и Башмананнера³ уже говорят об интенсивных контактах с гальштатом-С, но, конечно, не о вторжении гальштатцев. Другие подобные находки происходят прежде всего из юго-восточной Англии⁴. В Шотландии вплоть примерно до 500 года до н.э. находок практически нет. Затем находки кладов из Брэс-оф-Гайт (Абердиншир) и Вестер-Орда (Росс) с их бронзовыми украшениями говорят о широких связях с более древней стадией культуры Хунсерук-Айфель (гальштат D)⁵. В общем и целом эти находки не кажутся импортными: видимо, они были произведены уже на месте в гальштатском стиле.

Начиная с VII века отдельные находки железных предметов есть и в Ирландии. Однако, как и в Британии, представляется, что большинство из них не были импортированы из областей гальштатской культуры, но являются местными подражаниями гальштатским формам⁶. Число действительно типичных гальштатских (а также латенских) предметов очень невелико⁷.

¹ Критика этого у Harbison (1976), S. 228f.

² Ritchie — Ritchie (1981), S. 80, Abb. 59.

³ Powell (1962), S. 115.

⁴ Raftery (1991), S. 555; Collis (1994), S. 135.

⁵ Powell (1962), S. 118.

⁶ Raftery (1991), S. 555.

⁷ Mac Eoin (1986), S. 162.

Появляются признаки выплавки. Однако этот местный результат — островная гальштатская культура — значительно зависит от среднеевропейских гальштатских форм. Характерно для британских островов то, что от эпохи поздней бронзы и всего железного века в общем сохранилось сравнительно мало такого, что ясно свидетельствовало бы о господствовавшем обряде погребения. Тем не менее особенность этой культуры проявляется и в том, что, как и на иберийском полуострове, и тут сохранился обряд кремации и отсутствует столь характерный для западногальштатской области обряд погребения с колесницей. Из незначительного числа находок погребений следует, между прочим, и то, что большая часть дошедших до нас металлических изделий позднегальштатского и латенского времени являются преимущественно находками из рек или болот, в большинстве случаев предположительно жертвенными приношениями¹. Именно этого и следовало бы ожидать, если после сожжения тела пепел не хоронили, а бросали в реку, как и сегодня принято у индуистов; вполне можно себе представить, что в этом случае те предметы, которые должны были положить в гробницу, бросали в воду. Пока археологи занимаются исключительно исследованием погребений, области, где практиковалась кремация, при которой обряд требовал бросать пепел умершего в воду, должны казаться «пустыми» и ненаселенными. Однако в последнее время все больше и больше становятся известны находки поселений, причем не только величественных крепостей на холмах, но и неукрепленных деревень. Археология развилась из археологии погребений в археологию поселений².

Хотя с тем, что распространенная в бронзовом веке кремация (о существовании которой можно сделать вывод на основании случайных находок) продолжала существовать на Британских островах, можно согласиться лишь *cum grano salis*, во многих местах наблюдаются особые формы, укорененные в религиозных представлениях. Прежде всего мы обратимся к ним и при этом познакомимся с двумя культурами, где континентальные кельтские истоки лежат на поверхности. Хотя обе эти культуры принадлежат уже к латенскому времени, их своеобразие во времени

¹ Ср. Collis (1994), S. 135.

² В *opus magnum Cunliffe* (1991d) гробницы играют совершенно второстепенную роль на фоне форм домов и поселений.

и пространстве так легко показать, что если я кратко опишу их, это будет способствовать пониманию всей картины.

Одна из них – это так называемая «аррасская культура»¹, названная по Аррасу близ Маркет-Уайтона к северо-западу от Кингстона-на-Халле (Йоркшир, Восточный Райдинг). На сравнительно небольшом пространстве, которое определяется через местечки Бертон Флеминг, Радстон, Гартон Слэк и Ветвэнг Слэк и собственно Аррас, являющиеся важными центрами этой культуры, в области, заселенной еще с неолита, были обнаружены тысячи погребений, в том числе и значимый для нас важнейший тип прямоугольного или квадратного погребального кургана (square barrows). Автор раскопок предположил, что в этой необычной форме кургана отражается континентальная форма четырехугольного дома, от которой уже отказались в пользу круглого островного, но продолжали отражать ее в виде символического архаизма². Благодаря археологическим находкам, данным аэрофотосъемки и поискам с помощью металлодетекторов, уже с 1960-х годов начала складываться картина весьма своеобразного и сравнительно однородного общества; относящиеся к нему погребения засвидетельствованы с IV (если не с V)³ до I века до н.э. На основании примерно десятка погребений с колесницами этой культуры можно наблюдать социальную дифференциацию. В этом отношении напрашивается сравнение с относящейся к тому же времени северофранцузской марнской культурой Шампани и латенской культурой среднего Рейна. В классическом погребении этого типа находятся остатки разобранной колесницы, кости колесничего, его вооружение и кнут. Разрубленная свиная голова, видимо, должна была служить господину пищей в ином мире⁴. Но имеется и существенная разница: в аррасской культуре умерших погребали в скорченном положении, на континенте – в вытянутом; кладбища находятся на

¹ Brewster (1976), S. 109ff.; Cunliffe (1991d), S. 77ff., 499ff. с картой распространения погребений на S. 501.

² Brewster (1976), S. 110.

³ Важным критерием датировки служит так называемая «фибула из Мардзботто», которую находят в цеглубоких древнейших погребениях (как любезно указал мне коллега Джон Коллиз); ср. Collis (1994), S. 135.

⁴ Brewster (1976), S. 110.

равнинах (в Шампани — на вершинах); в противоположность континентальным культурам среди погребального инвентаря мало оружия и керамики, которая имеет ярко выраженный островной характер¹.

При этом мы точно не знаем, как назывались носители аррасской культуры. Но скорее всего, их следует отождествить с восточными соседями бригантов — паризиями, самое раннее упоминание о которых содержится у Птолемея (II, 3, 10)². Когда это племя, видимо, первоначально идентичное с паризиями в Иль-де-Франс, переселилось в Британию (в IV в. до н.э.?)³ и наложилось на местное население, также известное нам по курганам, остается пока неясным. Их главный город Петуария («Четвертая») теперь отождествляется с Бро-на-Хамбере.

Еще до аррасской культуры, как сегодня обычно считается, главная перевалочная гавань Хенгистбери-Хед в Хэмпшире (к востоку от Борнемута) стала решающей для торговых контактов⁴. Однако насколько древним было ее значение, в весьма значительной степени зависит от этапов торговли оловом. В то время как Геродот (III, 115) еще открыто признается, что ничего точно не знает о происхождении олова, к эпохе Тимея из Тавромения, в IV веке, более конкретные знания уже были. К Тимею восходит пассаж из Плиния («Естественная история», IV, 16), согласно которому олово находили на острове *Mictis*, располагавшемся в шести днях пути от Британии. Это замечание пока еще не удалось удовлетворительным образом объяснить, и, возможно, оно основано на недопонимании. Гораздо ближе к истинному положению вещей подходит Диодор (V, 22), который сообщает, что жители мыса Белерион (то есть Корнуолла) особенно гостеприимны к чужеземцам и якобы стали такими цивилизованными из-за общения с купцами: вот они-то и добывают олово. Диодор вполне правильно описывает этот процесс. Восстановленное и очищенное олово поступало в продажу в форме,

¹ Collis (1994), S. 136.

² Так уже и в Dillon - Chadwick (1967), S. 22.

³ Hawkes (1976), S. 11 считает: «Несомненно, начиная примерно с 400 г. можно рассматривать в контексте восточного берега, при распространении от Темзы сначала к Уошу и затем к Хамберу». Cunliffe (1991d), S. 79, говорит о периоде с V по III в.

⁴ Collis (1984), S. 154; Cunliffe (1991a), S. 574ff. (с илл. и схемами); Cunliffe (1991d), S. 434; Stead (1991b), S. 593 полагает, что около середины I в. до н.э. Хенгистбери-Хед утратил своё значение как прибрежная гавань Эссекса и Кента.

которая напоминала «бабки» (ἀστραγάλων ῥύθμοις) — что бы тогда себе при этом ни представляли. Затем олово привозили на остров, который при отливе был доступен посуху и назывался Ἴκτις, а оттуда через Ла-Манш его переправляли на континент. Затем металл транспортировали по суше на запряженных лошадьми повозках далее к устью Роны, куда он попадал через 30 дней. Естественно предположить, что лежащий перед Британией остров, который назывался также *Vectis*, следует отождествлять с островом Уайт. Однако доступность во время отлива указывает скорее на гору Св. Михаила близ Пензанса¹. Кажется также, как будто олово сначала привозили туда, а затем морем вдоль берега в Хенгистбери-Хед. При поездке на восток Уайт был вполне естественной промежуточной остановкой. А может быть, действительно торговля изначально, то есть во время Пифея и Тимея, проходила с Уайта на континент, и только в IV веке до н.э. Хенгистбери-Хед превзошел остров в роли удобной гавани, о чем Диодор и Плиний еще не знали.

Торговля — как показывает антропоморфная ручка меча из Баллишэиннон-Бэй (графство Донегал) — достигала и Ирландии. Эта ручка весьма точно соответствует типу, известному из Шатене-Машерон, Шомон (департамент Верхняя Марна)². Однако не все торговые пути в Ирландию проходили через Британию. Должны были существовать и прямые контакты между Бретанью и Ирландией. В любом случае бросается в глаза, что предметы с наиболее отчетливыми признаками латенской культуры обнаруживаются именно в Северной Ирландии, куда они предположительно могли попасть через посредство аррасской культуры южной Шотландии. Однако ни в коей мере не ясно, должны ли носители аррасской культуры в первую очередь счи-

¹ O'Neill Hencken (1932), S. 176ff. Если Корбилон (Меан близ Сен-Назер-сюр-Луар в департаменте Нижняя Луара) действительно имел то значение, что приписывает ему Хенкен, то следует считать, что переправа действительно шла от горы Св. Михаила. Однако этому противоречит теперь уже признанное большое значение Хенгистбери-Хед, и само собой напрашивающееся этимологическое сближение Ἴκτις: *Vectis* остается открытым. Представляется также, что гора Св. Михаила действительно была только местом торговли и собраний. Возможно, существовало множество гаваней, смотря по тому, из какого пункта на континенте отправлялись.

² Raftery (1991), S. 565; *Irische Kunst* (1983), S. 24 (Abb.), 104; Megaw - Megaw (1989), S. 165.

таться главными передатчиками латенской культуры¹. Тем не менее кажется очевидным, что в лице этой культуры мы впервые встречаемся на Британских островах определенно с кельтами и в лингвистическом смысле этого слова. Психологически вполне понятно, что именно британские археологи с негодованием отвергают² саму мысль о вторжении на их остров, и им достаточно легко удается археологически очевидное распространение определенных предметов объяснить как результат торговли (или браков, любви к путешествиям, религиозных паломничеств), однако язык, в том числе грамматическая морфология, а не только отдельные или многие слова, не может передаваться только через торговцев. Ведь и сами британцы навязали английский язык своим колониям не только посредством торговли! Но язык может передаваться через военную аристократию и без массового вторжения, однако это длительный процесс, который предполагает в том числе и готовность покоренных к тому, чтобы усвоить язык высшего слоя. В нашей якобы столь эгалитарной культуре, где слово «элита» зачастую является ругательным, само представление о том, что аристократическая военная элита могла выступать в роли двигателя истории, временами вызывает идеологически обоснованную защитную реакцию. Эта идиосинкразия наблюдается и в представлениях о распространении индоевропейцев, о возникновении кельтиберского языка, а также и о кельтизации Британских островов.

К югу от arrasской культуры была распространена более молодая культура кремнированных погребений, которую мы лишь кратко охарактеризуем.

Контакты с континентом никогда не прерывались, особенно контакты между восточным Кентом и областью белгов, где в самом узком месте Ла-Манша возможен даже зрительный контакт между островом и континентом, в области искусных мореходов — моринов (Caes. BG, IV, 21); контакты, видимо,

¹ Raftery (1991), S. 565; *Irische Kunst* (1983), S. 24 (Abb.), 104; Megaw — Megaw (1989), S. 165.

² Megaw — Megaw (1991), S. 285ff. Сомнения в роли носителей arrasской культуры как посредников кратко выражает Джон Колинз.

стали особенно интенсивными в конце II и в I веке до н.э. Цезарь говорит, что кроме купцов никто не осмеливается ездить в Британию (*temere*), но купцы все же ездят, хотя и не продвигаются вглубь страны (BG, IV, 20). Эти контакты проявились не только в заимствовании гончарного круга для производства керамики¹, но и в прочем импорте средиземноморских изделий.

На это время приходится также последний этап переселения из области белгов, который имел место незадолго до Цезаря². Эти белги поселились вдоль берега, в то время как «изначальные обитатели» (*natos in insula*; BG V, 12) отступили вглубь страны, при чем, конечно, происходили военные столкновения. Они, между прочим, привели к тому, что к 100 году до н.э. оппидум Дэнбери (Хэмпшир) утратил свое политическое значение³, а значение густонаселенного Мэйден-Касл (Дорсет) возросло⁴. Еще Цезарь заметил, что значительное количество названий племен по эту и по ту сторону Ла-Манша совпадает (Caes., BG, V, 12), что показывает: некогда часть племени переселилась, в то время как другая часть осталась на старой родине. Поэтому вполне понятно, что, по крайней мере, некоторые племена все еще находились под властью континентальных белгских князей, а именно Дивициака (Caes., BG, II, 4), что белгский атребат Коммий мог служить в Британии дипломатическим посредником (BG, IV, 21) и что белги Британии оказывали континентальным белгам военную поддержку и предоставляли убежище (BG, II, 14) «белгским военным преступникам» (BG, IV, 20). Эти белгские племена также перенесли в Британию из Галлии чеканку монеты⁵ (хотя и раньше посредством торговли оловом на острове то тут то там оказывались греческие и карфагенские монеты) — прежде всего так называемые «монеты-зеркала» в Кенте, долине Темзы и у иценов, изготовлявшиеся из сплава меди и олова (Potin), о которых утверждали, что они происходят прямо от массалиотских

¹ О керамике в Британии см. обзор в Megaw — Simpson (1988), S. 398ff.

² Об этом ср. RaN. Sharples, in: The Celts (1991), S. 607dford (1954), S. 20f.; Tomaschitz (1994), S. 206.

³ Cunliffe (1983), S. 172ff.; B. Cunliffe, in: The Celts (1991), S. 606; Cunliffe (1991d), S. 494f.

⁴ Brewster (1976), S. 110.

⁵ Stead (1991b), S. 591ff. (с илл.).

образцов¹, что сейчас, однако, оспаривается²; кроме того, золото армориканского племени кориосолитов было в обращении в районе Борнемута³. В Ирландию деньги в виде монеты как обычного средства платежа в древности так и не попали.

Это белгское вторжение традиционно связывается с «эйлсфордской культурой»⁴. Она получила свое название по кентской деревне, расположенной к северу от Мэйдстона на шоссе M20, в которой в конце XIX века было открыто множество кремнированных погребений, где наряду с бронзовыми сосудами и фибулами была обнаружена также знаменитая деревянная бадья с бронзовыми накладками (Aylesford bucket)⁵. Эти незаметные кремнированные погребения, которые были обнаружены только случайно, находятся в графствах Кент, Эссекс и Хертфордшир, а также к востоку и северу от Лондона. Важные места находок — Лексден близ Колчестера (Эссекс), Кинг-Харрилэйн в Сент-Олбансе, Уэлвин-Гарден-сити и Бэлдок (к северу от Сент-Олбанса на шоссе A1) — все три в Хертфордшире. Находки этой эйлсфордской культуры относятся к I веку до н.э., и в них столько сходства с современной им латенской культурой континента (в Бельгии и Северной Франции), что мне гипотеза о вторжении кажется неизбежной. Конечно, обряд кремации мог быть заимствован и без переселения, и еще легче — элементы культуры, в том числе гончарный круг, «урны с пьедесталом» и чеканка монеты, однако тогда связи, о которых говорит Цезарь, остаются непонятными, а ведь создается впечатление, что Цезарь основывался на живой традиции. Если считать, что эти переселения действительно произошли за поколение до Цезаря, тогда существовавшие еще в тот момент чувство общности, возможность политического влияния и отдельные совпадения в названиях племен становятся понятны. Известные сегодня племена с определенно совпадающими названиями расположены, однако, к западу от области эйлсфордской культуры⁶.

¹ R. H. M. Dolley, в: Clarke (1954), S. 72ff.; Cunliffe (1991b), S. 576; Cunliffe (1991d), S. 431. Галльские и другие монеты как показатель торговли оловом: O'Neill Hencken (1932), S. 166f.

² Дружеское сообщение коллеги Д. Коллиза.

³ Cunliffe (1991b), S. 578; Cunliffe (1991d), S. 110ff.

⁴ Об этом Cunliffe (1991d), S. 134ff., 510.

⁵ Илл. в Megaw - Megaw (1989), S. 185.

⁶ Collis (1994), S. 138.

Атребаты обитали не только в сегодняшней Фландрии (Артуа), но также и к западу от Лондона; их столица Каллева — сегодняшний Силчестер (Хэмпшир). Воспоминание о самих белгах сохранилось в древнем имени Винчестера (Хэмпшир) — *Venta Belgarum*, которое происходит от названия племени, именовавшего себя просто «белги»¹. Следует ли связывать катувеллаунов (*Catuvellauni*) Сент-Олбанса (Cassius Dio LX, 20; Ptol. II, 3, 11) с каталаунами (*Catalauni*), которые дали свое название Шалонусюр-Марн (департамент Марна) в Белгике, точно неизвестно — из-за неясности в делении этого имени². Катувеллауны были единственным племенем, территория которого находилась в области эйлсфордской культуры.

К характерным находкам эйлсфордской культуры, наряду с элегантной керамикой типа кубков — «урн с пьедесталом» — и фибулами, относятся также треугольные бритвы, искусно орнаментированные дамские зеркала и другие предметы туалета. В погребениях обнаруживают подставки для дров, сосуды для питья и (конечно, некогда наполненные) винные амфоры — все они, несомненно, были импортированы из Италии или Галлии; из оружия — только защитное вооружение (щиты и кольчуги). Особенно интересна знаменитая гробница из Бэлдока, где находилась амфора старого стиля (Дрессель I А), бронзовый котел, пара подставок для дров, две деревянных бадьи с бронзовыми накладками и две бронзовых чаши. По амфорам это погребение должно датироваться временем до Цезаря. Богатая и вызвавшая сенсацию могила из Уэлвин-Гарден-сити содержит, напротив, шесть амфор более нового типа (Дрессель I В), множество столовых приборов и как особую ценность — набор из 24 необыкновенно красивых стеклянных игровых фишек³. В обеих могилах умерший перед погребением был завернут в медвежью шкуру (это видно по остаткам ногтей) — вообще

¹ AcS I, Sp. 378 и III, Sp. 829.

² Далее см. в AcS I, Sp. 864f. О трудности толкования второго элемента см. GPN S. 274ff. Я сам считаю, что это «имя превосходства» типа *Ver-cingetorix* наряду с *Cingetorix*, *Ver-cassivellaunus* наряду с *Cassivellaunis*; я выводил бы *vellauno-* из *verlauno-*, как *Yelloudius* (СН. XII 3288) должно происходить от (*Mars*) *Ol(i)-loudius*. Однако все это, конечно, не говорит о связи между этими двумя племенами.

³ Cunliffe (1991d), S. 510; Stead (1991b), S. 593, 591 (Abb.).

весьма замечательная находка, которая необыкновенно напоминает гробницу эпохи позднего гальштата из Клеманси (Люксембург).

Таковы две точки отсчета, по которым можно установить тесные связи с континентом, и эти связи можно считать результатом вторжения какой-то — пусть немногочисленной, но боеспособной — элиты. Со всем, что лежит вне области этих двух культур, дело обстоит не так просто. Следует предполагать, что было несколько, если не множество, мелких вторжений и, соответственно, небольших очагов кельтской «общей зараженности» Британских островов. Аррасская и эйлсфордская культуры являются лишь наиболее конкретными примерами. Например, в южной Англии еще до прихода белгов поселились такие кельтские племена, как дуротриги (в Дорчестере), думноны (с центром Касл-Дор в Корнуолле) и добунны (вокруг Сиренчестера в Котсволдсе)¹. И конечно, происходило множество внутрикельтских стычек между уже обосновавшимися здесь племенами и кельтскими пришельцами.

Что касается Ирландии, то здесь снова всплывает предположение о прямом вторжении из Арморики. Честь колонизации «Зеленого острова» приписывали прежде всего умелым мореходам-венетам. Однако здесь аргументы основываются не на ономастике, как в работе О'Рахилли, но на стиле латенского искусства; при этом указывают на определенные соответствия в украшенных орнаментом стоячих камнях². Однако большинство археологов относятся к этому скептически.

Гальштат D («эпоха кинжалов») в Британии также представлена кинжалами, но здесь, как показывают находки из Темзы, преобладает особая местная форма. Тем не менее становится очевидным, что существовали тесные контакты с континентальным гальштатским пространством, которые подробно рассмотрел Кристофер Хоукс³. Предварительно то же самое можно сказать о керамике и фибулах. Однако эти параллели фактически ограничиваются немногими местами находок и

¹ Radford (1954), S. 10ff.

² Rynne (1995).

³ Hawkes (1976), S. 4ff.

предметами (из Темзы и таких мест, как Уорт и Дил на британском берегу Ла-Манша). Ирландия в этот период находится в некоторой изоляции, которая отчетливо проявляется в скудости находок. Причина этого (ухудшение климата?) пока неизвестна, однако развитие острова на протяжении двух или трех столетий ускользает от глаза археолога¹. Затем находки снова появляются. Они показывают прежде всего, что Ирландия посредством целой сети мастерских и интенсивного товарообмена была тесно связана с Британией и даже со средиземноморским пространством и северной Африкой, как свидетельствует череп обезьяны из Наван-Форта. Латенская эпоха продолжалась в Ирландии как «кельтский железный век» еще и тогда, когда и на континенте и в Британии ее уже давно вытеснила провинциальная римская культура императорского времени. Отдельные элементы этого искусства сохраняются даже в раннесредневековую эпоху святых.

Совершенно непонятно, как и когда произошла в древности колонизация «белгских» или даже, как их называют, прагерманских племен. Во всяком случае, на восточном берегу Ирландии имеются три названия мест, упомянутых у Птолема (II, 2, 8), которые находят свои соответствия среди более поздних названий племен и мест, в том числе в области белгов и германцев². Само собой понятно, что для О'Рахилли эти названия были главным свидетельством более ранних *p*-кельтских вторжений³. Можно думать, что местами морские разбойники захватывали территории и основывали небольшие колонии, которые, скорее всего, будет невозможно проследить археологически. Тацит (Агрикола, 28) рассказывает о дезертирстве когорты узипетов в 83 году н.э.: долгое время они вели пират-

¹ Raftery (1991), S. 556.

² Речь идет о следующих именах: Μανόβιοι (позднее *Fir Managh*, сейчас *Fermanagh*), Καλκοί (позднее название племени *Uí Chúiaich*) и Κορῶνδοι (позднее название области *Cúirenríge* < **Korjondorigion*), которые должны соответствовать белгским *Menapii*, германским *Chauci* и германскому нарицательному имени **Harjondizū* «собирающиеся в войско, пираты»; об этом см. MacNeill (1911), S. 61f.; Steinhäuser (1940), S. 78ff.; Wenskus (1961), S. 220f.; Birkhan (1974), S. 427f., 440f. Что касается *Καλκοί*, то высказывалось предположение, что после завоевания земель хавков на Нижнем Рейне Друмом в 12 г. н.э. часть племени бежала в Ирландию; *Randkulturen*, S. 9.

³ EHM S. 30ff.

скую жизнь, разбойничая по всему Северному морю, пока ошибка в навигации и голод, превративший их в каннибалов, не заставил их сдаться (ср. Cass. Dio LXVI, 20). Когда подобные авантюры удавались, это могло привести к завоеванию в миниатюре уже в гальштатскую эпоху. В тех же местах Птолемей упоминает и бригантов¹, которые, скорее всего, были ветвью большого племени с тем же названием в Нортумберленде. О них можно сказать то же самое.

Британия в общем и целом переживает эволюцию латена, которую можно сравнить с континентальной. И здесь мы встречаемся со значительно дифференцированной аристократической элитой, которая уже с VII или VI века до н.э. живет в своих крепостях². Но, как показывает отсутствие названий на *briga-* в Британии и Ирландии, этот тип укреплений следует датировать более древним, докельтским временем и возводить его к укреплениям «атлантического бронзового века», который оставил свои следы также в испанских культурах Дуэро и Кастро. К его особенностям принадлежит такой бросающийся в глаза элемент, как укрепление с помощью острых каменных клиньев (ранее, возможно, это были заостренные деревянные колья), которые были вбиты в землю так, что стояли вертикально или были направлены в сторону врага. Вбитые с достаточной частотой, они серьезно затрудняли подход для конных и пеших. Эти защитные сооружения (функционально сравнимые с современными «рогатками»), которые называются «chevaux-de-frise», встречаются в Испании (но не в Галисии), отдельные примеры — в Галлии, затем в Британии, Шотландии и Уэльсе, и в Ирландии — одно в графстве Мэйо, одно в графстве Клэр и два на Аранских островах, где островное укрепление Дун Энгус на Инишмор (графство Голуэй) и сегодня считается лучшим и наиболее впечатляющим образцом этих «фризских лошадей» (с его поднимающимися примерно на 1 метр от земли каменными столбами и заостренными камнями)³.

¹ Ptol. II, 2, 6. 8; AcS I, Sp. 535.

² Ritchie — Ritchie (1981), S. 89.

³ B. Raftery, в: The Celts (1991), S. 613, где упоминается островная фибула позднего латена из Дун Энгуса. О связи с высадкой Фир Болг в «Книге захватов Ирландии» см. у Harbison (1976), S. 230f.

Отметим, что особенно важным типом крепости является укрепление на холме («хиллфорт»), которое в Британии встречается очень часто: в одной Великобритании (не считая Северной Ирландии) не меньше трех тысяч таких сооружений. Один археолог назвал их «ярчайшим наследием железного века в нашем пейзаже»¹. В особенно больших количествах они встречаются в широком поясе, протянувшемся от Сассекса через Хэмпшир в Дорсет и оттуда через Котсволдские холмы и валлийско-английское пограничье вплоть до северного Уэльса. Частота этих сооружений на Британских островах особенно бросается в глаза по сравнению с относительной редкостью хиллфортов в Бельгии и северной Франции². Многие из этих укреплений на холме восходят к постройкам еще догальштатского времени. Такие укрепления на холмах сооружали еще в эпоху неолита, как свидетельствует Бургстолл, на Гластонбери-Торр с его похожим на лабиринт входом. Континуирует с эпохи позднего каменного века существует, например, на Крикли-Хилл (к востоку от Глостера)³ и Мейден-Касл (Дорсет)⁴. Дальнейшие фазы строительства прослеживаются в среднем (около 1300 до н.э.) и позднем бронзовом веке (между 1000 и 800 до н.э.). С VIII века («железный век А») на плоских холмах появляются гигантские валы: примерами служат Хартинг-Бикон в Саут-Даунс (Сассекс) и Ярнбери (Уилтшир)⁵ или Дэнбери (Хэмпшир), которые считаются укреплениями для народа, куда во время опасности могло бежать все племя вместе со своими стадами. Другой известный, хотя и поздний, пример — это укрепления Стэнвика (Йоркшир, Северный Райдинг), который считается оппидумом бригантов и относится к I веку н.э.⁶ Хороший шотландский пример — это мощное сооружение Трапрэйн-Ло (Восточный Лотиан) — в римское время центр племени вотадинов⁷. Континентальная параллель —

¹ Megaw — Simpson (1988), S. 355.

² Harding (1976); Cunliffe (1991c), S. 581; Cunliffe (1991d), S. 312ff. (печерывающее изложение проблематики хиллфортов).

³ Иллюстрации в Powell (1958), S. 95.

⁴ N. Sharples, в: The Celts (1991), S. 607.

⁵ James — Rigby (1997), фронтиспис. Здесь особенно хорошо видно более древнее маленькое сооружение в центре более позднего.

⁶ Dillon — Chadwick (1967), S. 21f.

⁷ Chadwick (1963), S. 40, 95f., 140f., Abb. 15.

так называемый «Лагерь Артура» близ Юэльгоата (департамент Финистер)¹. Наряду с этим имелись и мощно укрепленные поместья, такие, как Хайдаун-Кэмп в Сассексе.

Новым кульминационным моментом в истории укреплений на холмах стал VI век до н.э. Теперь мы можем, наверное, действительно называть эти хиллфорты «кельтскими», если откажемся от языкового определения «кельтского» и ограничимся культурными связями с латенским пространством. В центре внимания на тот момент находилось укрепление уже существовавших сооружений, особенно положение стены и вала, которые, как правило, должны были находиться в необходимом и осмысленном сочетании. Прекрасным примером служит относящийся к более позднему периоду Олд Освестри (Шропшир)². Укрепления со стеною и валом следует отличать от систем с множеством валов. Сама стена, сверх того, могла быть укреплена деревянной надстройкой и/или палисадом со стороны врага. С помощью деревянной обкладки или, еще лучше, каменной облицовки наружная стена могла стать вертикальной, причем возникали широкие ramпы или стены. Хороший пример этого — уже упомянутый Дун Энкус: он несколько древнее, однако в основе своей является чем-то вроде хиллфорта. С течением времени рвы становились все глубже и приобретали форму буквы V; расстояние от дна рва до высшей точки стены могло достигать до 10 метров³. Крепости воздвигали в основном на каких-то выдающихся местах: на горе, в выступе скалы, на вершине холма, даже если этот холм был довольно плоским. Укрепления следовали очертаниям ландшафта. Особое внимание строители уделяли тому, чтобы сделать недоступным входы, которых первоначально было два, и они были потенциально слабыми местами крепости. Поэтому один вход ликвидировали, а другой несколько углубили в стену с тем, чтобы контролировать тех, кто приближается к нему. Иногда встречается континентальный тип «ворот-клещей», как, например в Брендон-Хилл-кэмп (Уорчестершир). Местами у ворот строили еще контрольный пункт, который нужно было пройти: так дело обстояло в Рэйнсборо (Нортхэмптоншир)⁴.

¹ См. подробнее Wheeler — Richardson (1957).

² Иллюстрация в Powell (1958), S. 92.

³ Cunliffe (1991c), S. 582; Cunliffe (1991d), S. 313ff.

⁴ Megaw — Simpson (1988), S. 355ff.

Среди часто называемых образов таких хиллфортов — Мэйден-Касл к юго-западу от Дорчестера и Дэнбери (Хэмпшир), а также Кэдбери-Касл¹ — относительно густонаселенные поселения на холмах, которые уже можно назвать оппидумами и которые были разрушены только в римское время. Раскопки в этих хиллфортах показали, что в них существовали дома как прямоугольные в плане, так и круглые, причем критерий для предпочтения той или иной формы выделить не удается. Кроме того, были обнаружены «ямы для запасов» и другие углубления в земле, которые служили как ямы для приношений. Дэнбери особенно хорошо исследован, но вокруг него немало споров. Многие ученые указывают на скромный образ жизни обитателей этих хиллфортов и считают их не большими торговыми поселениями, а местами для складирования запасов на случай нужды. Однако то, что Дэнбери был символом статуса для всей племенной общности, никем не оспаривается².

Такое поселение, как Мэйден-Касл, было не только крепостью на холме и местом убежища, но в первую очередь престижной резиденцией, центром культа и власти племени дуротригов («королей крепости»); конечно, наряду с этим оно было и экономическим центром. Следы ремесленной деятельности указывают на определенную автаркию. Должна была существовать и *res publica*, своего рода администрация, возможно, нечто вроде «сената» с его главой, который занимался, например, организацией работ на укреплениях и обороной в случае войны. В таких крепостях находились и сооружения типа храмов, в плане прямоугольные. В Мэйден-Касле на этом месте позднее был построен римский храм³. Особый случай — это Аффингтон-Касл (Оксфордшир), который вместе с находившейся рядом с ним «Белой Лошадью», возможно, был местом культа богини власти и земли.

Вероятно, вследствие племенных междоусобиц⁴ в IV веке

¹ Aleock (1972), S. 135ff.

² Collis (1994), S. 131.

³ Cunliffe (1991e), S. 582; Cunliffe (1991d), S. 313ff.

⁴ Согласно более старой теории, напротив, из-за вторжения воинской элиты в латенское время, чьи погребения мы вроде бы имеем в аррасской культуре (Powell [1962], S. 119). Однако тогда относящиеся к этому периоду хиллфорты должны были бы концентрироваться в соответствующей части Йоркшира, чего мы не наблюдаем.

возникали новые хиллфорты, в то время как укрепления старых были усилены. И здесь примером служит Мэйден-касл¹ с его быстрым приростом жителей (численность населения форта оценивают около 4000 человек)². Из первоначальных двух ворот в стене остались только одни; их «монументализировали»³, превратив в нечто вроде портала; то же самое мы можем наблюдать и в Аффингтоне⁴. Этот тип хиллфортов (который встречается и на острове Мэн и распространен на север до территории брохов, о которых я еще буду говорить)⁵ нередко был окружен чем-то вроде⁶ *muris Gallicus*: из-за ее глазурованных и почти спекшихся в результате обжига камней такие сооружения называют «остекленными фортами»⁷. Особенно хорошими примерами таких хиллфортов являются Уайт и Браун Катертхан (Форфар); «остекление» особенно хорошо видно в шотландских хиллфортах Тэп-О-Нот (Западный Лотиан) и Нокфэррил (Стратпеффер)⁸.

Были и такие оппидумы, которые лежали полностью на равнине и не были хиллфортами: в таких случаях зачастую неясно, были ли они укреплены и если да, то как. Исследование этих сооружений затрудняется еще и тем, что в эпоху римских провинций они были снова застроены и поэтому следы более древнего строительства выделить очень трудно. Классический пример такого оппидума – это Камулодун (Колчестер), столица триновантов⁹.

В Ирландии особенно часто встречается тип укреплений,

¹ N. Sharples, в: *The Celts* (1991), S. 607; еще один впечатляющий пример – Кисебери (Суссекс), иллюстрация в Powell (1958), S. 93.

² Moreau (1961), S. 79.

³ Cunliffe (1991c), S. 584; B. Cunliffe, в: *The Celts* (1991), S. 606; Cunliffe (1991d), S. 330ff.

⁴ Илл. в Powell (1958), S. 94.

⁵ Kinvig (1975), S. 65, илл. напротив.

⁶ Мой уважаемый коллега Джон Коллиз указал мне на то, что в шотландских сооружениях нет никаких следов характерных для *muris Gallicus* в строгом смысле этого слова гвоздей. Коллиз и Иэн Рэлстон называют такие сооружения без гвоздей «типом Эранга».

⁷ Карту распространения хиллфортов, «остекленных» фортов и брохов см. в Child (1935), S. 274f.; Powell (1962), S. 121f.

⁸ Ср. илл. в Sutherland (1994), S. 18.

⁹ Megaw – Simpson (1988), S. 374ff.

именуемых «рингфортами» (в то же время это общее название для сооружений, которые будут описаны ниже)¹. Таких кольцевых укреплений имеется от тридцати до сорока тысяч, и их постройка датируется временным промежутком более двух тысяч лет. В общем и целом это круглые постройки со внутренним диаметром в среднем 25 метров. Сама большая численность этих сооружений показывает, что речь идет не о резиденциях знати, а об обычных крестьянских дворах. Время их возникновения неясно, однако ни один из до сих пор известных рингфортов нельзя с уверенностью датировать латенским периодом.

Здесь речь пойдет только о «кельтских» сооружениях, типы которых имеют континентальные параллели латенского времени и которые именуется *dūnom* или *rate/rātis*² (др.-ирл. *dún, rá(i)th*). (Конечно, сами эти обозначения сегодня в Ирландии не являются критерием древности, поскольку так называют вообще все подобные сооружения.)

Первый термин обозначал большой или маленький форт, состоявший из одного или нескольких домов, окруженных земляным валом и рвом. Могли быть также палисады и — как читали мы у Цезаря о Британии (BG, V, 21) — нечто вроде защитного леса и засеки. Все в целом имело приблизительно форму круга или же соответствовало по форме особенностям ландшафта.

Второй тип назван по кольцевой стене (в форме окружности). Это обозначение сохранилось, например, в названии *Ráth Crúachain* (*Ratheroghan* в графстве Роскоммон), резиденции королей Коннахта, и многих современных названиях мест, таких, как Ратфарнам, Ратмор, Ратмаллан. Можно сравнить это с названиями из континентальных кельтских языков, такими, как Аргентората (Страсбург), Карпантората (Карпентра, департамент Воклюз), Рата (Иль-де-Ре, Приморская Шаранта). Метонимически название стены прилагалось и к самому городу, защитой которого заведовала богиня-мать Рата (*Ratis*) из Бирдосвальда (Камберленд) и Честера. Термин «*dūnom*» соответствует позднейшей фазе кельтского крепостного строительства и

¹ В своей наиболее простой форме они встречаются и с позднего бронзового века в Восточной Англии от Кента до Йоркшира; Cunliffe (1991c), S. 582; Cunliffe (1991d), S. 529.

² Lambert (1995), S. 59, 93.

может обозначать как большие оппидумы, так и — как в Шотландии¹ — маленькие крепости.

Среди рингфортов различают постройки с одной стеной, которые находятся в основном на востоке Ирландии, и постройки с несколькими стенами, которые встречаются в основном на Западе. Классическим примером последних служит уже упомянутый Дун Энгуса, а также крупнейший из всех фортов Могэн (графство Клэр). К сооружениям с одной стеной принадлежат те, которые соответствуют британским хиллфортам², такие, как Нокбрэк (графство Дублин), Корнаши (графство Фермана) или Раффин (графство Мит). Эти укрепления, как резиденции сакральных королей, видимо, служили и ритуальным целям³. Точно так же дело обстоит и с расположенными на открытой косе над морем (как Данбег, графство Керри) или на выступающих из плоской земли скалах так называемыми *promontory forts* (как, возможно, Дун в графстве Донегал). Особенно впечатляет такой форт на острове Тори (графство Донегал), расположенный на полоске земли шириной не больше 10 метров и защищенный тройной стеной и валом: сага связывает его с фоморами.

Более ясна датировка, а иногда и строительная история некоторых королевских резиденций с одним валом, как, например, Тара и Эмайн Маха (Наван-Форт в графстве Арма), археологические остатки которых отчасти совпадают с описаниями в сагах. В Таре есть сооружение, которое называют «королевской оградой» («Ráth na Ríogh») со рвом в форме буквы V глубиной в 3 метра в сочетании с палисадом⁴, что напоминает об укреплениях классических британских хиллфортов.

В «фортах с каменными стенами» («stone-walled forts») земляной вал был заменен сложенной без раствора каменной стеной, в которую иногда были встроены ступеньки и комнаты наподобие «дунов с галереями» на Гебридах. Классические примеры — Стэйгью-Форт (графство Керри), Кахермакнахтен

¹ Ritchie — Ritchie (1981), S. 108 (например, Леккамор в Аргайлшире).

² Об этом см. работу Harding (1976), которая из-за важных новых находок для Ирландии несколько устарела, поскольку авторам были неизвестны новые находки из Раффина и т.д. Главы о Дун Айллише (S. 319ff.) и Таре (S. 331) кажутся мне менее устаревшими.

³ Raftery (1994), S. 80f.

⁴ B. Raftery, in: The Celts (1991), S. 612.

(графство Клэр) или «Грианан» («Светлица») Айлеха (графство Донегал). Такие сооружения иногда назывались *cathair* (англизованное *caher*) или *caisel* (англизованное *cashel*)¹.

Эти резиденции королей и знати Ирландии, были ли они более древнего происхождения или воздвигнуты заново, продолжали существовать и в «кельтское» время.

Волна строительства крепостей в латенское время вызвала появление на Британских островах интересных особых форм, соответственно увеличилась и численность более древних сооружений в таких формах, прежде всего в Шотландии².

Самые интересные формы – кранног, фогу, брох и «дом-колесо».

Кранног – это поселение на искусственном или частично искусственном острове, которое воздвигалось с достаточно большими затратами из камней, балок, мелкого кругляка и так далее. А именно: сначала из необделанных бревен строили нечто вроде огромного плота, который закрепляли с помощью вбитых в него дубовых стволов. Затем его нагружали деревом и камнями, пока он не тонул. Потом над угонувшим ставили новый плот, снова нагружали его и так далее, пока над поверхностью воды не возникал остров. Возможно, именно эту работу имел в виду Дион Кассий, когда писал, что каледонцы выносят при скудном питании пребывание целый день по шею в болотной воде (LXXVII, 12). Искусственный остров величиной примерно 13 на 20 метров затем покрывали дубовыми бревнами, а на них клали глину и торф³. Он был со всех сторон окружен водой и доступен только с одной стороны, по мосткам. Кранноги были обитаемы начиная с бронзового века вплоть до XVII столетия⁴. Этот вид укрепленного двора и резиденции князя не ограничивался Шотландией, но встречался также в Ирландии

¹ Естественно, обозначение *caisel* (< lat. *castellum*) несколько более позднее. Для слова *cathair* LEIA C-48f. не дает никакой убедительной этимологии. Я бы предпочел связать это слово с *cathair* (< lat. *cathedra*) «кресло, престол епископа», поскольку его с помощью смелых комбинаций можно связать с валл. *caer* «крепость, город», хотя я и осознаю фонетические трудности.

² Об этом кратко и наглядно в Reid (1993), S. 3ff.

³ Childe (1935), S. 21ff.

⁴ Cunliffe (1991d), S. 290f.; Raftery (1994), S. 18ff.; Sutherland (1994), S. 19f.

(например, Лиснакрогер в графстве Антрим)¹ и Англии, где островное поселение в Пластонбери также должно попадать в эту категорию². Кранноги, не реконструированные в качестве туристского аттракциона (как в Краггоуен, графство Клер), сегодня выглядят на озерах как заросшие деревьями в основном удивительно круглые островки, как, например, на озере Лох-Гар в графстве Лимерик.

Корнским словом «фогу» обозначают подземелья, землянки или «подклети». Их находят на континенте, прежде всего в Бретани³, Шотландии, Англии и Корнуолле, но чаще всего в Ирландии⁴. Речь идет об искусственных пещерах, которые сообразно геологическим условиям просто вырывали в земле или вырубали в мягкой скале. В некоторых случаях они были прикрыты видимой снаружи надземной кровлей, в большинстве случаев — каменными плитами или ложным сводом наподобие главной камеры в кургане Ньюгрейндж, либо клоханов или «хижин-ульев» (beehive huts) на западном побережье Ирландии. В Корнуолле такой поземный дом был обнаружен в кургане (или часовне) Ивни⁵. «Подклеть» была полностью подземной, вход в нее было трудно найти и зачастую в нем были узкие места или «ловушки», которые облегчали защиту сооружения. В основном вход был не выше 60 сантиметров и таким же узким. В конце коридор расширялся в продолговатую изогнутую комнату шириной около трех метров, но не выше 1,50–1,80 м. Обычно, но не всегда подземелье было связано с укреплением, являясь, очевидно, последним убежищем его обитателей (хороший пример — это сооружение в Данбеге, графство Керри). В некоторых других случаях он мог быть и основным жильем или служить только кладовой. Некоторые ирландские сооружения, как, например, в Каше (графство Лимерик), восходят к позднему бронзовому веку; корнские «фогу» начинаются в раннем железном веке, как и weems (< шотл.-гэльск. *uamh* «пещера») или wags (< шотл.-гэльск. *uaigh* «свод, пещера»), которых

¹ Ritchie — Ritchie (1981), S. 110ff.; O Riordain (1987), S. 46ff.

² Childe (1935), S. 212; O Riordain (1987), S. 54; Megaw — Simpson (1988), S. 374; Cunliffe (1991d), S. 241; Reid (1993), S. 25f., 55.

³ Карта распространения для Корнуолла; Бретань — у Cunliffe (1991d), S. 183.

⁴ O Riordain (1987), S. 27ff.; Ritchie — Ritchie (1981), S. 115ff.

⁵ O'Neill Hencken (1932), S. 131, 139ff.; Childe (1935), S. 213.

сводами. Как «вимы», так и «дома-колеса» строились в областях, где нет деревьев, и поэтому при сооружении крыши приходилось обходиться без дерева. «Дома-колеса» почти никогда не стоят поодиночке и нередко связаны с «видами». Многие такие здания хорошо сохранились на Южном Уйсте (Внешние Гебриды) в районе Дримора, где они были занесены песком, как «A Cheardach Mhór» и «A Cheardach Bheag» или «Tigh Talamhanta» близ Алласдейла на острове Барра¹.

Последние из названных типов более или менее укрепленных поселений переходят в укрепленную деревню или хутор, которые в британской археологии обозначаются как *enclosure* («ограда»), в Корнуолле — *rounds*, в то время как ирландский рингфорт может подразумевать как ограду, так и хиллфорт. Термин «ограда» имеет то преимущество, что он не навязывает никаких представлений о величине и форме этих сооружений. Фактически он может охватывать все — от укрепленного двора в ограде размером 20х30 метров до большой деревенской общины, которая по размерам приближается к хиллфорту. Сама ограда может состоять из одного или нескольких земляных валов со рвами или просто из ограды-палисада. Форма также может быть совершенно различной: ограда бывает круглой, овальной, более или менее квадратной, в форме скошенного прямоугольника или совсем неправильной формы². Многие поселения, такие, как Литл-Вудбери, не имеют никакого укрепления, кроме рва; бывают случаи, когда по отношению к домам стена проходит снаружи, а ров — внутри³.

Некоторые из этих оград сейчас раскопаны настолько хорошо, что перед нами раскрывается вся их история с континуитетом поселения на протяжении многих сотен лет. Эту историю нельзя обобщить или пересказать вкратце, однако в основе своей это постоянная смена домов, обычно круглых, поскольку деревянные постройки, очевидно, имели не очень большой срок службы⁴. Точно так же обстоит дело с огороженными дво-

¹ Ritchie - Ritchie (1981), S. 116ff.

² Ср. илл. в Megaw - Simpson (1988), S. 372f.

³ Сообщение в письме от коллеги Джона Коллиза.

⁴ Различные формы домов кратко обобщаются у Reid (1993), S. 42ff. Хороший пример постоянных изменений внутри хиллфорта даёт Молл-н-Гар (Клайд): *ibid.* 47f. с илл. 29.

рами. В основном имеется одно или несколько маленьких строений, рядом с ними — хранилище для зерна (оно же — яма для жертвоприношений) и, возможно, загоны для домашних животных¹. Изредка в ограде находится одно большое здание, такое, как круглый дом, который мог занимать около 700 квадратных метров. Круглый дом восходит, по меньшей мере, к бронзовому веку и появляется уже в древнейших восточно-английских «оградах», далее — в аррасской культуре, в Гартон и Уэтванг-Слэк, а также и в хиллфорте, как, например, в Кэдбери-Касл² или в Дэнбери³, где круглые дома окружают ямы для запасов. Деревянные круглые дома подновлялись или строились на одном и том же месте до шести раз⁴. В круглых домах жили в таком важном поселении как Литл-Вудбери (Уилтшир), которое было обитаемо на протяжении 700 лет, и в Гас-сэдж-Олл-Сэйнте (Дорсет), деревне, где была сделана такая значительная находка, как мастерская бронзолитейщика, относящаяся к периоду между 150 и 70 годами до н.э.⁵ В диаметре круглые дома, такие, как в Литл-Вудбери, имеют чуть больше 15 метров⁶. Но были и дома поменьше, как в аррасской культуре (10–13 метров)⁷, и такие, которые достигали только от 5 до 7 метров; это в основном были мастерские. В середине круга или сзади напротив входа (который в аррасской культуре был всегда направлен на юго-восток)⁸ обычно находился очаг; дым выходил без всякой дымовой трубы через отверстие в соломенной крыше над очагом, которое обычно было укреплено внутренним кольцом столбов⁹. Во многих местах, как, например, в Кастелл-Хенлиис (Дивед), этих столбов могло и не быть,

¹ Хлеба и запасы сена, видимо, не играли очень большой роли, поскольку большинство животных в начале зимы и в конце сезона пастьбы забивали; Applebaum (1954), S. 105.

² Alcock (1972), S. 135ff.

³ Reid (1993), S. 55f. с илл. 36.

⁴ Cunliffe (1983); Cunliffe (1991c), S. 582ff.; B. Cunliffe, в: *The Celts* (1991), S. 606; Cunliffe (1991d), S. 245.

⁵ Jennifer Foster, в: *The Celts* (1991), S. 608; ср. также круглый дом с мастерской и жилым помещением кузнеца в Раунд-Паунд близ Кистора (Дартмур); Fox (1954), S. 97 с Fig. 6.

⁶ Ross — Feachem (1970), S. 86, Abb. 31, 88.

⁷ Brewster (1976), S. 109.

⁸ Brewster (1976), S. 109.

⁹ Ср. изложение Fox (1954), bes. S. 91ff.

и крыша диаметром около 10 метров не обваливалась¹. Были и такие поселения, где встречались бок о бок все возможные типы домов, как в Тре'р Кейри (Карнарвоншир)² или в укрепленной деревне Дин-Ллигви (Англси), которая, однако, относится только к позднему римскому периоду³.

Неукрепленные дома, естественно, археологам найти труднее всего, однако они должны были встречаться повсюду в большом количестве. Хороший пример — это Ти Маур на Холихед-Маунтин (Англси)⁴. Неукрепленные дома сохранились лучше всего там, где они были построены из камня, как в Дартмуре или Корнуолле. Здесь можно к концу железного века различить четыре типа поселений: прямоугольные в плане отдельные хижины; деревня, состоящая из домов с внутренним двором (courtyard-houses); смесь домов с внутренним двором и круглых хижин и дома с внутренним двором, расположенные вокруг круглой площади⁵. Наиболее впечатляющее на сегодняшний день из известных мне поселений было открыто археологами в Чисостере⁶ примерно в 10 километрах к северу от Пензанса: эта деревня с покрытыми соломой круглыми домиками должна была издали походить на что-то вроде африканского крааля. Как показывает обнаруженный здесь кусок металлического олова, это поселение также участвовало в торговле оловом.

Поселения были каким-то образом связаны между собой дорогами. Через болота, возможно, вели гати, которые пока еще не найдены. Иное дело — «парадная дорога» из дубовых бревен близ Корли (графство Лонгфорд) в Ирландии, которая, судя по всему, имела только ритуальную функцию и никакой практической. В разных местах находят крестьянские орудия, как, например, остатки сохи вблизи дороги в Корли и несколько деревянных сосудов⁷, прежде всего в ирландских торфяниках,

¹ Reid (1993), S. 48, с илл. 30. Ср. реконструкцию типов домов на S. 21, Abb. 9.

² Chadwick (1963), S. 91, Abb. 23.

³ Chadwick (1963), S. 94f., Abb. 26.

⁴ Reid (1993), S. 48.

⁵ Wakelin (1975), S. 48ff.; Reid (1993), S. 49ff. с чертежом реконструкции Чисостера (Корнуолл), илл. 32.

⁶ См. об этом O'Neill Hencken (1932), S. 133ff.

⁷ Ср. др.-ирл. *rinde* «короб, деревянный сосуд», которое, возможно, связано с нем. *Rinde* [кора]; но см. также LEIA R-33. Находки у Raftery (1996), S. 263ff.

что делает, по-видимому, полное отсутствие керамики¹ в железном веке Ирландии возможным, но отнюдь его не объясняет. Так что же подвигло ирландских кельтов к тому, чтобы в конце бронзового века и вплоть до раннехристианской эпохи отказываться от широко распространенного гончарного ремесла и почти тысячу лет жить без керамики? В то же время эти негативные данные отражаются и в языке, поскольку в древнеирландском нет незаимствованного слова для обозначения гончара². Но возможно, что по какой-то причине кельтская керамика Ирландии еще не найдена. При современном состоянии исследований мы должны, однако, исходить из того, что пищу варили в кожаных и металлических сосудах (на первом месте стоял котел) или в ямах в земле под названием *fulachta*, о которых я сейчас расскажу, а ели и пили из деревянных, каменных или кожаных сосудов.

Не относятся непосредственно к поселениям встречающиеся довольно редко в Британии, но в Ирландии, особенно на юге, достаточно часто ямы для варки пищи, которые по-ирландски называются *fulachta fiann* «очаги фениев» или *fulachta fiadh* «очаги для красной дичи», хотя датированные образцы таких очагов восходят к бронзовому веку³, то есть существенно древнее саг о Финне. Поскольку около них нет никаких следов поселений, считается, что их использовали только летом компании охотников. Они представляют собой деревянное корыто, вставленное в прямоугольную яму в земле. Корыто заполняли водой и доводили ее до кипения, бросая туда камни, которые раскаляли на соседнем очаге. Таким образом из дичи готовили одновременно и первое, и второе: наверное, отсюда и берет свое начало ирландское рагу⁴.

Еще одно весьма замечательное строение в Ирландии — это

¹ Она представлена только грубой керамикой без украшений в основном в форме горшка-бадьи, дата изготовления которой лишь с некоторым сомнением может быть отнесена к рассматриваемому периоду. Кроме того, имеются каменные сосуды, некоторые из которых могли служить лампами; Herity - Eogan (1977), S. 238ff.; Raftery (1994), S. 116. Обзор керамики см. уже в Joyce (1913), II, S. 68ff.

² EINH S. 442. В эпоху раннего металла, напротив, ирландская керамика играла большую роль; Wooding (1988/90), S. 12f.

³ Mallory (1992), S. 129.

⁴ Herity - Eogan (1977), S. 229 (Grundriß?), 232; Harbison (1988a), S. 110ff. с илл. 65 (S. 111).

линейные укрепления, так называемые *dyke*. Известно много таких сооружений; важнейшие среди них — это «Дорси» и «Вал черной свиньи» — система укреплений, состоящая из двух валов с лежащим между ними рвом, который тянется на километры на фоне пейзажа Северной Ирландии. Цель постройки этих сооружений, которые с помощью радиоуглеродной датировки датируются периодом между IV и I веками до н.э. (многие дубовые стволы в «Дорси» были повалены в 95 году до н.э., то есть в эпоху культовой постройки Наван-Форты), нам неизвестна. Новая датировка позволила также отбросить предположение, что «Дорси» и «Вал черной свиньи» были построены по образцу римских стен Британии. Гипотеза, согласно которой эти титанические земляные сооружения должны были служить защитой от угона скота, остается всего лишь гипотезой¹.

Островная кельтская культура знати латенского времени оставила после себя важные типы археологических находок: мечи с богато украшенными ножнами, наконечники копий, парадные щиты, шлемы, наборные уздечки, остатки колесниц, торквесы, воротники, чаши, декоративные пластинки, зеркала и изделия из камня (называю лишь важнейшие). Кроме того, имеются образцы и других изделий, как, например, керамика, работы по дереву, стеклу и кости и, прежде всего, указания на изготовление текстиля. Особенно интересна мастерская бронзолитейщика в Гассэддж-Олл-Сэйнтс (Дорсет), где изготавливались металлические накладки для колесниц, железные чеки для колесниц с бронзовым покрытием и наборные уздечки. Более 7000 фрагментов литейных форм говорят об оживленной работе мастерской примерно между 150 и 70 годами до н.э. Они также говорят о том, что сравнительно небольшая крестьянская община могла себе позволить содержать собственную бронзолитейную мастерскую². Помимо Южной Англии, важные мастерские имелись, судя по всему, в восточном Йоркшире (аррасская культура), Северном Уэльсе (находки из Ллин Керриг Бах) и в северо-восточной Ирландии³.

¹ Herity — Eogan (1977), S. 230; Mallory — McNeill (1991), S. 150ff.; Mallory (1992), S. 106f.; Raftery (1994), S. 83ff.

² Jennifer Foster, в: The Celts (1991), S. 608.

³ Fox (1946); Raftery (1991), S. 562f.

Как и следовало ожидать, на Британских островах господствовали многие характерные черты стиля континентального латена, такие, как пальметки, цветы лотоса, пельгы, «усики», «рыбьи пузыри», трискеле и так далее¹. В такой находке, как фрагменты бронзовых пластинок от подвесной чаши (или от крышки сосуда) из Керригидруидион (около 60 км от Лландавно в Клайде) IV века до н.э., отчетливо прослеживаются связи с континентальной керамикой — как с культурой Марны, так и с Бретанью². Наличествуют и вальдальгесхаймский, и «пластический» стиль (первый только в Британии), однако в несколько иной, даже «островной» форме, причем не только мастерские Британии и Ирландии получали импульс с континента, но происходило взаимное влияние и обогащение. И здесь Ирландское море скорее объединяло, чем разделяло. Хотя это и не всегда так: в том, что касается производства железа, бросается в глаза, что более производительная шахтная печь, которая уже давно укоренилась в Британии, так и не попала в Ирландию, возможно, из-за недостатка контактов между кузнецами. Однако есть некоторая разница: перенимался ли стиль либо новый, но очевидный способ изготовления или же новый метод, результат которого так просто перенять было нельзя³.

Для большей части островных латенских изделий характерно сочетание гравировки и рельефа на одной и той же вещи. В I, возможно, уже во II веке в Британии появилась определенная мода на работу с эмалью. Вещи из Норфолка и Суффолка экспортировались даже на континент, где они всплыли в Пайаре (департамент Уаза)⁴. Следует только добавить, что латенские орнаменты и в римское время продолжали применяться и развиваться, по меньшей мере, в Ирландии и в независимой Шотландии. «Усики», трубы и трискеле вновь появляются в раннехристианском искусстве, а также на ирландских «высоких крестах» и на страницах рукописей⁵, а иногда и на пиктских «символических камнях».

¹ Хороший обзор археологической терминологии, такой, как «coils», «knobs», «trumpet», «lobed trumpet» и т.п. см. у Fox (1958), S. 147f.

² Raftery (1991), S. 561 (Abb. S. 560); Cunliffe (1991b), S. 576; Cunliffe (1991d), S. 431ff., 505.

³ Scott (1990), S. 155ff., 213.

⁴ Raftery (1991), S. 569.

⁵ Megaw — Megaw (1989), S. 243ff.; Henry (1933); Henry (1954); Henry (1964).

Обратимся же к важнейшим типам археологических находок!

Железные мечи и ножны из бронзы находят в Ирландии реже, чем в Британии, где предметы, относящиеся к латену А, такие, как ножны из Минстер-Дитч (Оксфордшир), еще показывают стилистическую связь с геометрическими гальштатскими орнаментами¹. Ножны, найденные в Темзе близ Стэндлейка (Оксфордшир), стилистически соответствуют вальдалыгесхаймскому стилю²; двое ножен из Темзы (близ Хаммерсмита) демонстрируют также обычных для континентального искусства (ок. 300) стоящих друг напротив друга змей³; такие сильно стилизованные змеи фигурируют и на ножнах из Фовэнта (Уилтшир)⁴. Из Уитхэма близ Линкольна происходят ножны, искусная гравировка и ченканка на которых напоминает так называемый «стиль венгерских мечей»⁵. Богато гравированные ножны происходят и из области аррасской культуры в Йоркшире. Особенно элегантен меч из Киркберна со своей рукояткой из красной перегородчатой эмали⁶. Ирландские мечи и ножны происходят из уже упомянутого болота в Лиснакрогер (графство Антрим) и реки Банн в графстве Даун. Ножны с тонкой гравировкой напоминают мастерские аррасской культуры, однако заполнение сегментов, «рыбьи пузыри» и «пельты» — типично ирландские⁷.

Особенностью Ирландии и Шотландии, видимо, является форма spearbutts — подтоков (насадок для копий)⁸ — цилиндрическая или в форме дверной ручки: эта бронзовая деталь надевалась на противоположную наконечнику тупую сторону древка копья⁹. Наряду с трензелями это самая частая находка ирландского латенского века: реже они встречаются в Шотландии, где,

¹ Raflery (1991), S. 560f. с дальнейшими примерами.

² Raflery (1991), S. 561 (с илл.).

³ Raflery (1991), S. 561f., Abb. (S. 563).

⁴ Raflery (1991), S. 563 (с илл.).

⁵ Megaw — Megaw (1989), S. 196; Raflery (1991), S. 563. Прекрасный обзор «стиля венгерских мечей» см. у Szabo (1992), S. 124ff.

⁶ Raflery (1991), S. 563; Stead (1991a), S. 589f. (с илл.).

⁷ Raflery (1984), Pl. 21, 26, 29ff.; Megaw — Megaw (1989), S. 195; Raflery (1991), S. 563f., Abb. (S. 565).

⁸ [Подток — стар. оковка пятки ратониша, древка (В.И. Даль)].

⁹ Raflery (1984), S. 110ff. mit Pl. 33, 34f., 37f.

однако, были обнаружены глиняные формы, свидетельствующие, что их там отливали. Мне вспоминается Дион Кассий, который пишет (LXXVII, 12), что каледонцы на конце древка копья укрепляют бронзовый шар, который, когда они потрясают копьями, звенит и своим звоном пугает врага. Видимо, такое круглое «яблоко» на конце копья показано на пиктском орнаментальном камне с изображением «Человека из Коллесси» (Файф)¹. Уже Ливий упоминал о том, что галл, бросивший вызов Марку Валерию Корву, стучал копьем по щиту (VII, 26). Металлические насадки должны были увеличивать акустический эффект. Что касается копий и дротиков, замечательно, что, согласно античным историкам, настоящих, метательных копий у кельтов почти или совсем не было, и то, что находят археологи, — это скорее лезвия ударных копий (пик), чем настоящие наконечники метательных копий. В ирландской традиции метательное копье является оружием Племен Богини Дану, которое затем обозначается словом *gae*. Насколько важным было копье, можно понять из общего ирландского термина, обозначающего оружие — *gaisced*, которое составлено из *gae* «копье» и *sciath* «оружие». Джеймс П. Мэллори указывает на необыкновенно обширный и богато дифференцированный древнеирландский словарь для обозначений копий и дротиков; однако археологические находки соответствуют этому лишь в весьма скудной степени. Классическое латенское искусство видно на наконечнике копья из Темзы (Лондон) с бронзовой инкрустацией в так называемом «стиле зеркал»².

Сравнительное исследование **ОКОВОК ЩИТОВ** в их типологической генеалогии, наряду с первоначальными континентальными формами, провел Хьюберт Сэйвори. Конечно, очень впечатляюще выглядят парадные щиты. Прежде всего следует упомянуть об оковке щита из Уошингборо (к востоку от Линкольна) из Уитхэма. На щите было очень абстрактное изображение кабана на четырех ножках-веретенах, каждая из которых в длину такая же, как все тело животного. Очертания этого ныне утраченного «тотемного животного» (Энн Росс) отчетливо прослеживаются по пятнам и отверстиям от заклепок на бронзе. На месте утраченного кабана была сделана накладка, которая с

¹ Sutherland (1994), S. 174f.

² Raftery (1991), S. 565 (с илл.).

ее гравированными усиками-спиралями, пластическими «рыбьими пузырями» и инкрустацией из красных кораллов считается выдающимся шедевром латенского искусства¹. Плиний, который считает кораллы растениями («Естественная история», XXXII, 11), говорит об их красных ягодах, которые выглядят как садовый кизил. Другие знаменитые щиты были найдены в Темзе. Один из них — щит из Чертси (графство Суррей) — напоминает знаменитый тип континентальных щитов с умбоном в виде «ячменного зерна»². То же можно сказать и об оковке щита из Лин Керриг Бах, где в четырех кругах показаны мотивы, видимо, производные от трискеле³. Умбон из Темзы, найденный в Уандсворте близ Лондона, изображает голову с угрожающим выражением лица⁴ — возможно, это дальний родственник щита Артура, *Wynebgwrthucher*, второй щит, найденный в том же месте, украшен двумя очель абстрактными хищными птицами, которые раскинули крылья, изображенные с помощью текучих «усиков»⁵. Самый, наверное, знаменитый щит — этот тот, что был найден в Темзе близ Баттерси (Лондон)⁶. Это одна из самых элегантных и лучше всего сохранившихся археологических находок с Британских островов. Чеканка, весьма напоминающая щит из Уандспорта, украшена красной перегородчатой эмалью. Помимо таких парадных щитов, имелись и четырехугольные щиты из дерева, обтянутые кожей, с длинным умбоном, как, например, щит, изображенный на «милевом камне» из Бридженесса на Антониновом валу⁷, и маленькие круглые щиты, которые, согласно Тациту (Агрикола, 36), носили каледонцы в битве при горе Граупий.

Шлемы встречаются достаточно редко. Самый знаменитый пример — это относящийся примерно к рубежу нашей эры бронзовый шлем, обнаруженный в Темзе близ моста Ватерлоо в Лондоне. К шлему прикреплены с помощью заклепок два прочных и величественных рога из бронзовых пластин. Сам

¹ Ross (1967), S. 394f.; Stead (1985), Pl. 14; Megaw - Megaw (1989), Pl. XIX; Raftery (1991), S. 563, Abb. (S. 562).

² Raftery (1991), S. 563; Moreau (1961), Taf. 5.

³ St. Green, в: *The Celts* (1991), S. 609.

⁴ Об этом Jope (1976) mit Abb. S. 171, Fig. 3.

⁵ Stead (1985), Pl. 15; Raftery (1991), S. 563, 558 (илл.).

⁶ Stead (1985); илл. также у Moreau (1961), Farbtaf. IV.

⁷ Raftery (1995).

шлем весьма скупо украшен очень элегантным мотивом, который явно родственен как мотивам на зеркалах того же времени, так и мотиву на декоративной пластине с Англии, а также инкрустирован стеклом¹.

Уздечки с набором также известны в Ирландии, где большое количество и качество находок указывают на большую престижность лошадей. Речь при этом идет о составных трензелях, которые отчасти демонстрируют «пластический стиль» (по Якобсталу)², а также кольцах, через которые пропускали вожжи³. Для ирландской упряжи, прежде всего для уздечки, характерны бронзовые предметы в виде буквы Y (pendants)⁴, назначение которых неизвестно. В I веке до н.э. — а может быть, и раньше — уздечки в Британии украшали разноцветной эмалью, как показывают находки из Полден-Хиллс (графство Сомерсет)⁵, Сэнтонна (графство Норфолк) и Уэстхолла (графство Суффолк)⁶.

В связи с упряжью следует упомянуть совершенно необычный предмет, известный как «Наглавник из Торреса» (по Торрес-Фарм) в приходе Келтон близ замка Дуглас, Киркадбрайтшир), — это бронзовая «маска» для лошади (может быть, для игрушечной), которая относится к III-II векам до н.э. Она украшена в «пластическом стиле» — элегантными спиральными завитками и «рыбьими пузырями». Два бронзовых рога, которые первоначально, возможно, не принадлежали маске, показывают те же мотивы орнамента, только исполненные в гравюре, которые выглядят почти как стиль «модерн». Рога заканчивались утиными головами (как мы знаем прежде всего по рогам для

¹ Moreau (1961), S. 259, Taf. 100; Megaw — Megaw (1989), S. 217; Raftery (1991), S. 567, 569 (Abb.).

² Raftery (1984), S. 16ff.; Megaw — Megaw (1989), S. 224.

³ Megaw — Megaw (1989), S. 225.

⁴ Raftery (1984), S. 45ff.; Raftery (1991), S. 558. Их длина составляет от 30 до 40 см, и ширина вилки примерно такая же, как у трензеля от одного бокового кольца до другого. На концах обеих ветвей Y находятся петли. «Ствол» Y заканчивается тяжелым, массивным бронзовым шариком. По моему осторожному предположению, концы «вилки» прикреплялись к боковым кольцам трензеля (расстояние между ветвями Y примерно соответствует ширине челюсти лошади). В силу тяжести конечного шарика Y всегда висело вертикально и мешало лошади пасть.

⁵ Megaw — Megaw (1989), S. 218.

⁶ Raftery (1991), S. 569, 571 (илл. изображает фрагмент упряжи из Полден-Хиллс); Megaw — Megaw (1989), Pl. I.

питья), которые на одном из них еще сохранились¹. Высокий рельеф и мотивы этой чеканной бронзовой маски напоминают североирландские работы, прежде всего пластины на концах бронзовых рогов.

Важнейшие остатки **колесниц** — это от 10 до 22 боевых колесниц, обнаруженных в озерном «кладе» в Ллин Керриг Бах на Англси. Они позволили автору раскопок, сэру Сирилу Фоксу, убедительно восстановить такую боевую колесницу². Цезаря (BG, IV, 33) мы прежде всего должны благодарить за пластическое описание виртуозного обращения с такой повозкой. Монеты как по эту, так и по ту сторону Ла-Манша наглядно показывают описанное Цезарем. Боевая или военная колесница могла иметь две основные функции. На ней воин мог прибывать на место событий. В этом случае он спускался, выходил на поле боя и сражался пешим, в то время как колесничий «парковал» колесницу где-нибудь в сторонке, чтобы снова забрать на нее воина. Вторая функция соответствовала функции кавалерии или современных танков — колесница сама использовалась как оружие. У античных авторов несомненно засвидетельствована только первая из этих двух функций. Вторая функция приписывается прежде всего «колеснице с серпами», о которой мы еще поговорим.

Британские погребения с колесницами известны нам по аррасской культуре Йоркшира. Речь идет о двухколесных повозках, которые были особым образом разобраны и положены в гробницы умерших — как мужчин, так и женщин. До сих пор найдено около дюжины погребений с колесницами — в самом Аррасе, вблизи Уэтванг-Слэк, в Гартон-Слэк, Гартон-Стейшн и Киркберне. Наряду с обычной бронзовой уздечкой в Уэтванге, в Гартон-Стейшн были обнаружены две бронзовые осевые чеки: похожие на печатки пластинки на их концах украшены мотивом трискеле, который отчетливо напоминает трискеле из Ллин Керриг Бах. Однако если вспомнить о тысячах до сих пор открытых погребений, погребальный инвентарь которых весьма скро-

¹ Однако их лишь изредка называют рогами для питья, как, например, в Powell (1962), S. 120.

² Fox (1946), S. III с илл. 13; изображение реконструированной повозки часто воспроизводится, см., например Moreau (1961), Taf. 100. О боевой колеснице ср. Brunaux — Lambot (1987), S. 115.

мен и никаких следов боевых колесниц в них нет, то можно считать, что боевая колесница также — и прежде всего — была символом статуса, которым владела определенная группа лиц, что можно видеть и по ирландским сагам¹. Не следует представлять целое войско бойцов на колесницах².

Что касается Ирландии, то находки колесниц там (всегда это лишь части оковки) исключительно редки и при этом зачастую неоднозначны³, что чрезвычайно удивительно, если принять во внимание огромное значение боевой колесницы в древнеирландских сагах, прежде всего в сагах уладского цикла. Однако в массе обнаруживаются трензели: они являются почти самым распространенным металлическим предметом в Ирландии той эпохи. Известно более 140 колец, через которые пропускали вожжи, — однако не в Ольстере, как следовало бы ожидать⁴, — и остатки ярма, однако было ли все это частью именно боевой колесницы? Погребений с колесницей пока обнаружено не было. Можно указать только на одну сагу, где упоминаются и боевая колесница, и погребение с колесницей — это «Разрушение Динн Риг» — свидетельство весьма слабое, если вообще свидетельство. Было бы, действительно, странно, если бы столь распространенная в Британии боевая колесница не добралась до Ирландии, однако данных об этом у нас нет. Изображения боевых колесниц, которые иногда встречаются на «высоких крестах», восходят ко времени не раньше IX века. Нет недостатка в скептиках, которые полагают, что саги уладского цикла на самом деле описывают ситуацию на континенте или в Британии, однако и эти скептики не знают точно условий этого «британизма». Конечно, четырехколесные повозки имелись в Ирландии уже давно. Следует ли считать, что вопреки тому, что говорится в сагах, боевая колесница, например Кухудина, была фактически четырехколесной, наподобие галыштатской боевой колесницы с вооруженным мечом

¹ Cp. Brewster (1976), S. 110.

² Могло, конечно, быть и так, что погребение с колесницей было привилегией знати, в то время, как другим владельцам боевых колесниц это было запрещено или они не хотели нести лишних расходов. Все-таки в Ирландии колесница стоила столько же, сколько рабыня или 10 коров.

³ Raftery (1984), S. 57ff.

⁴ Mallory — McNeill (1991), S. 157.

воином, изображенной на спинке ложа из Хохдорфа?¹ Мы так привыкли связывать саги уладского цикла с гомеровским эпосом, что нам трудно представить себе такую боевую колесницу, хотя Хохдорф мог бы дать нам в этом случае пример. Можно было бы также высказать критическое замечание, что земля, которая в такой значительной степени покрыта болотами, была не совсем удобна для обширного применения боевых колесниц. Однако то же самое можно было бы сказать и об Уэльсе и других районах Британии; кроме того, из чтения саг создается впечатление, что поездки героев уладского цикла на их повозках проходили по «дорогам», и соответственно и сражения, ведь броды находились там, где «дороги» переходили через реки. Но эти «дороги» отнюдь не были дорогами в нашем смысле этого слова; такой сети дорог, которая соответствовала бы тому, что описано в саге «Опьянение уладов», конечно, не было. Мне представляется, что авторы и редакторы саг считали большие доисторические постройки, такие, как земляные валы — *dykes* (особенно так называемый *Black Pig's Dyke*), «дорогами» героев-гигантов и следами их колесниц.

Если боевая колесница сама по себе весьма проблематична, то еще более проблематична «колесница с серпами». И она встречается, естественно, только в литературных источниках^{2,3}. Однако знают о ней и историки. Четырехколесные «колесницы с серпами» засвидетельствованы для галатов, и даже Цезарь (согласно Фронтину, который сам был правителем Британии) познакомился с ними на Британских островах⁴, хотя сам он в «Записках о галльской войне» ничего об этом не говорит. Помпоний Мела также упоминает о серпоносных колесницах бриттов, хотя и не уточняет, были ли они четырех- или двухколесными. Через всю дальнейшую литературу проходит терминологическая пуганица: следует ли называть такую серпоносную колесницу *biga*, *essedum*, *currus* или *covinnus*? Тот факт,

¹ Megaw — Megaw (1989), S. 41; Biel (1995), Taf. 25ff.

² Ср. Evans (1986b), S. 104f.

³ [Детально вопрос о серпоносных колесницах у кельтов рассмотрен в работе: Нефедкин А.К. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI—I вв. до н.э.). СПб., 2001. С. 359–374].

⁴ [II, 2, 18. Фронтин ничего не говорит о том, что дело происходило на Британских островах, и говорит он о галлах, а не о британцах; ряд исследователей, в том числе и А.К. Нефедкин, полагают, что тут вообще имелись в виду азиатские галаты].

что такие повозки имелись в Галатии и Британии, нельзя оспаривать. То, что они не прослеживаются археологически, может объясняться их редкостью, поскольку серпоносная колесница отнюдь не была универсальным и подходящим для всех случаев оружием и могла в битве представлять опасность для собственных бойцов, прежде всего тогда, когда воин спускался с колесницы и сражался пешком или же когда в результате несчастного случая он падал с колесницы¹. Я считаю весьма правдоподобным, что боевая колесница — возможно, лишь в весьма ограниченных количествах — могла иметься и в Ирландии, видимо, в весьма примитивном исполнении, с тяжелым кузовом, громоздкими колесами и т.п.². Серпоносная колесница приписывается только Кухулину, и ничто не заставляет нас верить в ее фактическое существование.

Среди наиболее значительных **торквесов** в Ирландии — торквес из Клонмакнойса (графство Оффали), относящийся к III веку до н.э., и торквес в кладе из Бройтера (графство Лондондерри) I века до н.э. Первый считается одним из немногих изделий эпохи раннего латена в Ирландии и показывает кельтскую версию средиземноморского *nodus Herculis*, якобы изобретенного Гераклом прочного узла, который в качестве специального талисмана должен был защищать невесту, — мотив, излюбленный прежде всего в *Gallia cisalpina*. Здесь «узел Геракла» скрывает утонченный механизм замка, который позволял надевать кольцо³. Золотой торквес из Бройтера с его глубоким резным орнаментом из усиков, спиралей и нарисованных с помощью циркуля кругов является классическим образцом ирландского латенского стиля, хотя золотые гранулы указывают на континентальную технику⁴. Торквес из Клонмакнойса, сделанный из золотой проволоки с его концами-буферами, также считается импортной вещью из Рейнской области в раннем «пластическом стиле»⁵. Кроме того, винтовое кольцо (скру-

¹ О босвых и «серпоносных» колесницах см. Piggott (1992), S. 233ff.

² В этом направлении идут также реконструкции у Raftery (1994), S. 106.

³ Raftery (1984), S. 175ff.; Pl. 59f.

⁴ Илл. см. в Raftery (1984), S. 188, Pl. 62; Raftery (1991), S. 569; R. B. Warner, в: *The Celts* (1991), S. 617; Harbison (1988a), S. 176f.

⁵ Raftery (1991), S. 561 m. Abb. (S. 560); *Irische Kunst* (1983), S. 101f. (с илл.).

ченный золотой торквес примерно того же времени) также было обнаружено в Клонмакнойсе¹.

В Британии важнейшие торквесы происходят из области племени иценов в восточной Англии. Прежде всего они сохранились в кладах из Ипсвича (графство Суффолк) и Снеттисхэма (графство Норфолк)². Почти во всех случаях речь идет об открытых кольцах из скрученных золотых брусочков, кончающихся петлями. Неоднократно этот способ применялся на нескольких заготовках, а именно — восемь скрученных кусков золотой проволоки сплетали наподобие плетеного шнура в толстый торквес. И здесь кольцо заканчивается роскошными большими шарообразными петлями, которые украшены в пластическом стиле. Наряду с часто встречающимися концами-петлями (124 штуки), в Снеттисхэме есть и концы-печатки (42 штуки), далее — концы в виде колец, «клеток» и катушек — почти все это особые островные формы³. Клад из Снеттисхэма — практически богатейший кельтский клад из благородных металлов — содержит 175 целых или фрагментарных торквесов⁴.

Декоративные **броши** из бронзы с концами-петлями в классическом стиле являются характерной особенностью ирландского железного века. По меньшей мере в некоторых случаях эти петли содержали вставку из красной эмали⁵.

Золотые **воротники** в бронзовом веке были «гвоздем сезона». В железном веке их значение упало, и их функция как признака статуса, возможно, перешла к торквесам. Однако есть и несколько примеров тому, что и в кельтском железном веке воротники не совсем вышли из употребления. Здесь примером может служить знаменитый бронзовый воротник из Стичилла (Рокебургшир) I или II века н.э.: его мотивы труб отчетливо связаны с декоративными пластинами и дисками, о которых речь пойдет ниже⁶.

¹ *Tische Kunst* (1983), S. 102 (m. Abb.); *Raftery* (1984), S. 178. Уже по II тысячелетию до н.э. в Ирландии существовали скрученные кольца («ribbon torcs»). Считается даже, что между этими ранними вещами и предметами латенского времени существовал определенный континуитет; *Eogan* (1983), S. 92.

² *Clarke* (1954); *Megaw – Megaw* (1989), S. 216; *Raftery* (1991), S. 565ff., 568 (Abb.).

³ *Stead* (1995), с илл. 95–108.

⁴ *Stead* (1995), S. 108.

⁵ *Raftery* (1995).

⁶ *Megaw – Megaw* (1989), S. 231; *Raftery* (1991), S. 571, 570 (Abb.).

Чаши из бронзы весьма элегантной формы с ручками в виде птичьей головы были найдены в ирландском Сомерсете (графство Голуэй), а также в Кешкэрригане (графство Литрим). Им суждено было стать очень популярными в раннеирландской работе по металлу¹.

Одни из важнейших **декоративных пластинок** происходят из жертвенного клада в Ллин Керриг Бах (Англси). Золотая декоративная пластина в форме полумесяца украшена нарисованными с помощью циркуля трискеле, причем две ветки двух стоящих друг напротив друга трискеле соприкасаются. В возникшем таким образом почти круглом пространстве изображено еще одно трискеле, верхняя ветвь которого превращается в начальную ветвь нового трискеле. Этот рисунок с его замечательной несообразностью, который так трудно описать, напоминающий сильно стилизованную птицу и иногда повторяющийся в похожей форме, относится ко II или I веку до н.э.² В Ирландии латенская чеканка достигает своего расцвета в изготовлении круглых декоративных пластинок из бронзы, непосредственное значение которых от нас ускользает. Поскольку эти пластинки находят парами, то предполагали, что их закрепляли по бокам боевой колесницы³ — если таковая вообще имела!

Чеканка в высоком рельефе напоминает концы бронзовых рогов (труб или тромбонов), которые состояли из двух изогнутых металлических желобов, соединенных заклепками по длине, как те, что были найдены вместе с человеческими черепами в озере, куда они были брошены в качестве приношения недалеко от форта в Эмайн Махе, в Ардбрине (графство Даун) и в небольших фрагментах также в Роскри (графство Типперери)⁴. Конечно, эти декоративные пластинки по своему орнаменту еще дальше продвинулись в сторону щедрой простоты и элегантности. Это можно наблюдать на декоративном диске из Монастеревина (графство Килдэр), где из основания не испол-

¹ Raftery (1984), S. 214f.; Raftery (1991), S. 568, 570 (Abb.).

² Megaw — Megaw (1989), S. 200; Raftery (1991), S. 565, Abb. (S. 566).

³ *Irische Kunst* (1983), S. 108 (также илл.).

⁴ *Irische Kunst* (1983), S. 28 (Abb.), 105f.; Megaw — Megaw (1989), S. 197; Raftery (1991), S. 564f. Обнаруженный в Ардбрине латенский рог, в который еще можно дуть, имеет 1,4 метра в длину и изогнут, но лишен «рупора», в середине прохода (die lichte Weite) около 2 см.; Mallory — McNeill (1991), S. 160.

не концентрически расположенного внутреннего круга выходят вверх две спирали с утолщенными концами (мотив трубы); их концы соприкасаются с расположенными друг напротив друга маленькими полумесяцами¹. Из-за удвоения мотива неискушенному зрителю может показаться, что перед ним лунообразное лицо с большими глазами-шариками. В общем и целом орнамент подкупает своими ясными крупными линиями. Такое же впечатление лица создается и при взгляде на слегка вогнутые боковые пластины несколько более поздней «Короны Петри» (II в. н.э.). Здесь вместо ассиметрично поставленного кольца мы видим декоративное полушарие, из верха которого опять-таки выходят две спирали, которые образуют глазки-шарики и кончаются утиными головами. Слева и справа от полушария находятся большие трискеле, два конца которых доходят до краев диска, в то время как третий, направленный вверх, своим концом соприкасается с началом спирали с «глазками»². На обратной стороне этого слегка вогнутого декоративного диска припаян открывающийся вниз конус из орнаментированной бронзовой пластины. Второй аналогичный декоративный диск с несколько другими мотивами связан с первым с помощью бронзовой скобы и на нем, как показывают следы пайки, первоначально находился бронзовый рог. Напрашивается весьма убедительное предположение, что «Корона Петри» являлась ритуальным украшением короля или жреца. Таким образом, носительница или носитель этого предмета изображал некое рогатое существо. Из Корка происходит еще одно головное украшение, состоявшее из трех бронзовых рогов, связанных между собой кожаной обшивкой. Это ритуальное украшение I или II века н.э. также должно было превращать того, кто его носил, в существо с тремя рогами или лучами на голове³. Гравировка на этих конусах из бронзовых листов («рогах») с ее мотивами труб и птичьих голов выполнена в том же стиле, что и на декоративных дисках.

Зеркала из бронзы, одна сторона которых была отполирована до блеска, а другая богато украшена мотивами из нарисо-

¹ *Irische Kunst* (1983), S. 108 (с илл.); *Raffery* (1984), S. 276ff., Pl. 88ff.; *Megaw - Megaw* (1989), S. 237; *Raffery* (1991), S. 571 (с илл.).

² *Irische Kunst* (1983), S. 108f. (с илл.) и S. 29 (Farbtafel); *Raffery* (1984), S. 268ff., Pl. 85ff.; *Harbison* (1988a), S. 180; *Raffery* (1991), S. 569, 571.

³ *Raffery* (1984), S. 268ff., Pl. 84; *Harbison* (1988a), S. 181; *Raffery* (1991), S. 569, 571.

ванных с помощью циркуля дуг¹, характерны для искусства британского латена и обнаруживаются в гробницах². Грубо гравированные («теневые») поверхности перемежаются со слегка выпуклыми полированными поверхностями в форме пельт, полумесяцев, глаз и чечевиц. Знаменитейшие образцы этого местного искусства изготовления зеркал, которое достигло своего расцвета в I веках до и после н.э., например, зеркала из Десборо (Нортгемптоншир)³, Бирдипа (Глостершир)⁴ и прежде всего так называемый «майер», зеркало неизвестного происхождения в Мерсисайд-каунти-музеум (Ливерпуль)⁵. Не совсем понятно, почему эти зеркала появляются более сорока раз начиная с VI века н.э. на знаменитых пиктских символических камнях, очевидно, в качестве какого-то условного знака в то время, когда в этой форме они уже не употреблялись ни у пиктов, ни в Британии. То, что в таких изображениях, как, например, на камне «Данробин I», речь идет действительно об изображении зеркала (а не о кастрюле с ситом) можно заключить хотя бы из того факта, что «зеркало» почти всегда встречается в сочетании с легко узнаваемым двусторонним зубчатым гребнем⁶.

О живописи нельзя себе составить никакого представления. Хотя что-то можно узнать о ней только по рассказам античных авторов о татуировке и росписи тела, но тут нет ничего настолько четкого, чтобы мы — сегодня уже привычные и к «боди-пэинтингу», «пирсингу» и татуировке — могли бы что-то с этим сделать. В связи с этим я могу указать на само имя *Picti*, о которых Клавдий Клавдиан говорил, что на них были *figuras*, которые якобы были «вырезаны железом» (то есть, очевидно, с помощью уколов и/или надрезов), — замечание, которое привело к возникновению весьма любопытных представлений о внешнем виде татуированных пиктов в эпоху Ренессанса, когда художники,

¹ Об их производстве ср. Lowery — Savage (1976); Megaw — Simpson (1988), S. 436, 439. В зависимости от того, как ручка зеркала расположена в пространстве по отношению к орнаменту, пыгались (полунуги) вынести, висело ли зеркало на стене или же служанка держала его перед сидящей за туалетом дамой.

² Обзор находок зеркал можно найти у Fox (1958), Pl. 53ff.; Cunliffe (1991d), S. 509.

³ Megaw — Megaw (1989), Pl. XXI; Raftery (1991), S. 566 (Abb.).

⁴ Moreau (1961), S. 259, Taf. 101; Dillon — Chadwick (1967), S. 301, Taf. 26.

⁵ Ср. Dillon — Chadwick (1967), S. 301; илл. у Megaw — Megaw (1989), S. 212, где можно найти и другие, не упомянутые здесь зеркала. Ср. также тонкое описание этого стиля и Kenner (1951), S. 589f.

⁶ Ср., например, Sutherland (1994), S. 75 (Abb.), 76, 119f.

опираясь на этнографические сообщения из Нового Света, реконструировали весьма смелые татуировки для пиктов и бриттов¹. Сегодня можно считать, что под *figurae* понимался латенский орнамент в самом широком смысле этого слова или же какие-то предвестники «абстрактных» рисунков («зеркало», «изогнутый символ», «ветка в форме буквы Z», «очки», «пиктский зверь»...) с более поздних «символических камней», возникновение и генезис которых столь же загадочны, как и их значение. Уже давно высказывалась заманчивая идея, что их изобразительный репертуар следует возводить к раскраске тела и татуировкам. И для таких абстрактных мотивов имеются этнографические параллели². В последнее время ученые много занимаются своеобразными реалистическими пиктскими изображениями зверей; было показано, что здесь имеются поразительные параллели с островной книжной иллюстрацией, как, например, между тельцом в Евангелии Эхтернаха (VII в.) и волком на камне из Ардросса (ок. 600), прежде всего в художественной трактовке линий плеч и бедер³.

Среди скульптур следует в первую очередь упомянуть орнаментальные ирландские камни — фаллосы и омфалосы типа камней из Туро, Маллагмаста, Каствлстрэнджа и Килликлаггина. По меньшей мере, относительно камня из Туро считается практически общепринятым, что его орнамент с трискеле, усиками, трубами и пальметками, разделенный на четыре поля, имеет большое сходство с орнаментом на уже упоминавшемся бронзовом зеркале, что указывает как на дату создания па I век до н.э.⁴ Кроме того, были выявлены параллели с мотивами на армориканских камнях и даже с продуктами «венгерского стиля мечей» в бывшей Югославии и Франции. Указывали на особенное родство с камнем из Кермарья (департамент Финистер), где доминирует тот же угловатый орнамент-меандр, напоминающий ирландские мельничные жернова в форме плетеных ульев⁵.

¹ Ср., например, Ritchie (1994), F. 1.

² Это очевиднейшим образом показано у Jackson (1989), S. 11ff. Он считает, что символы имели генезологическое значение, однако гипотеза Джексона, насколько я понимаю, не была принята, ср. о символах у Ritchie (1993), S. 17ff.

³ Ср. Sutherland (1994), S. 78.

⁴ Henderson (1972).

⁵ Duignan (1976); Raftery (1984), S. 291ff.; Megaw — Megaw (1989), S. 208; B. Raftery, в: *The Celts* (1991), S. 616.

⁶ Rynne (1995).

Особенно замечателен камень из Деррикигана (графство Антрим), чьи мотивы поразительно точно совпадают с образованными с помощью циркуля резными узорами на костях, найденных в позднем подзахоронении в неолитической коридорной гробнице Лох-Крю (графство Мит)¹.

Еще вполне в традиции антропоморфных стел выполнена, видимо, женская фигура из тиса из Ралагана (графство Каван)², в то время как трехликая голова из Корлека (графство Каван) кажется несколько более продвинутой³. Оба лица принадлежат ко второму типу «латенских лиц». Наряду с ними имеются и множество поразительно примитивных работ, как те, что можно увидеть, перелистывая соответствующие альбомы. Стоит только посмотреть на так называемого «Марса Лена» из Чедуорта (Глостершир)⁴. Сегодняшнему зрителю кажется вполне «современной» диспропорциональная голова из Каэрвента (Гвент); сильное впечатление производит тщательно проработанная мужская голова из глины из Карлайла (Камберленд); видимо, своей прической (в которой я не вижу никаких следов рогов)⁵ замечательна и голова юноши из храма Антенокитика (*Antenociticus*) в Бенвелле (Нортумберленд). В последней очевидно влияние средиземноморского искусства обработки камня, но в то же время (прежде всего в трактовке глаз) продолжает проследиваться латенский стиль. Совершенно необычным шедевром является «голова Мапона» из Корбриджа, которая чудесно передает выражение лица умершего старика, избавившегося от забот⁶. Чрезвычайно впечатляет рогатая каменная фигура из Тандераги (графство Арма), которая могла бы изображать искалеченного Нуаду, но производит впечатление какой-то карикатуры на хвастливых героев уладского эпоса⁷. Я лично представляю себе Коналла Кернаха, который хвастается, что всегда спит только на отрубленной голове врага.

¹ Raflery (1984), S. 251ff., 295; Pl. 80f.; Megaw – Megaw (1989), S. 207, 209; Raflery (1991), S. 567f.

² Megaw – Megaw (1989), S. 227.

³ Ross (1967), S. 77.

⁴ Webster (1986), S. 100f. d, e.

⁵ Против этого Ross (1967), S. 163, илл. на S. 84, Nr. 51; Webster (1986), Pl. 16 [правда, я видел только иллюстрации! – *Г. Б.*].

⁶ См. иллюстрацию у Webster (1986), Pl. 17.

⁷ Megaw – Megaw (1989), S. 227; Mallory – McNeill (1991), S. 163.

СОКРАЩЕНИЯ В ТЕКСТЕ

Языки:

- англ.* — английский
англо-ирл. — англо-ирландский
англосакс. — англосаксонский
арабск. — арабский
баск. — баскский
брет. — бретонский
бритт. — бриттский
валл. — валлийский
галатск. — галатский
галлором. — галло-романский
галльск. — галльский
герм. — германский
гойдел. — гойдельский
д.-в.-н. — древневерхненемецкий
др.-бретонск. — древнебретонский
др.-бритт. — древне-бриттский
др.-валл. — древневаллийский
др.-инд. — древнеиндийский
др.-ирл. — древнеирландский
др.-кельт. — древнекельтский
др.-сканд. — древнескандинавский
з.-франк. — западно-франкский
и.-е. — индоевропейский
инд. — индийский
ирл. — ирландский
исп. — испанский
ит. — итальянский
итал. — италийский
кельт. — кельтский
кельтибер. — кельтиберский
корн. — корнский
ладин. — ладинский (диалект ретороманского)
лат. — латинский
лепонт. — лепонтийский
н.-англ. — новоанглийский
н.-брет. — новобретонский
н.-в.-н. — нововверхненемецкий
н.-валл. — нововаллийский
н.-ирл. — новоирландский
н.-фр. — новозападнофранцузский
нем. — немецкий
огам. — огамический, написанный огамическим письмом
пикт. — пиктский

порт. — португальский
прагерм. — прагерманский
праирл. — праирландский
пракельт. — пракельтский
прованс. — провансальский
роман. — романский
рум. — румынский
с.-в.-н. — средневерхненемецкий
словен. — словенский
ср.-англ. — среднеанглийский
ср.-брет. — среднебретонский
ср.-валл. — средневаллийский
ср.-ирл. — среднеирландский
ср.-лат. — среднелатинский
ст.-франц. — старофранцузский
фр. — французский
фрак. — фракийский
этрусск. — этрусский

Библиографический указатель

Древние авторы:

Amm. — Ammianus Marcellinus
Apoll. Rhod. — Apollonios Rhodios
App. Celt. — Appianos bella Celtica
App. Ib. — Appianos bella Iberica
App. Samn. — Appianos bella Samnitica
App. Syr. — Appianos bella Syriaca
Apul. met. — Apuleius metamorphoses
Aristot. meteor. — Aristoteles meteorologica
Aristot. pol. — Aristoteles politica
Aristot. eth. Nic. — Aristoteles ethica Nicomachea
Aristot. eth. Eud. — Aristoteles ethica Eudemia
Arr. an. — Flavius Arrianos anabasis
Arr. kyn. — Flavius Arrianos Kynegitika
Athen. — Athenaios
Aur. Vict. — Aurelius Victor
Caes. (b. G.) — Caesar de bello Gallico
Cass. Dio — Cassius Dio
Catull. — Catullus
Cic. Att. — Cicero epistulae ad Atticum
Cic. de or. — Cicero de oratore
Cic. Deiot. — Cicero pro rege Deiotaro
Cic. div. — Cicero de divinatione
Cic. Font. — Cicero pro M. Fonteio
Cic. nat. — Cicero de natura deorum
Cic. prov. — Cicero de provinciis consularibus
Cic. rep. — Cicero de re publica

- Cic. Tusc.* – Cicero Tusculanae disputationes
Claud. b. Goth. – Claudius Claudianus de bello Gothico
Claud. Stil. – Claudius Claudianus de consulatu Stilichonis
Colum. – Columella de re rustica
Diod. – Diodoros (Diodorus Siculus)
Eutr. – Eutropius
Flaccus de verb. sign. – Verrius Flaccus de verborum significato z.T. bei Paul. Fest
Flor. – Florus epitoma de Tito Livio
Galen. – Galenus
Gell. – Aulus Gellius
Gratt. – Grattius Cynegetica
Greg. Tur. – Gregorius Turonensis (Gregor von Tours)
H. A. – Historia Augusta
Herodian. – Herodianos
Hes. theog. – Hesiodos theogonia
Hdt. – Herodotos
Hier. – Hieronymus
Hom. Il. – Homeros Ilias
Hom. Od. – Homeros Odyssea
Hor. c. – Horatius carmina
Hor. c. s. – Horatius carmen saeculare
Ios. bell. Iud. – Flavios Iosephos bellum Iudaicum
Iren. adv. haer. – Irenaeus (= Eirenaïos) adversus haereses
Iust. – M. Iunianus Iustinus historiae philippicae
Iuv. – Iuvenalis
Kall. h. – Kallimachos hymni
Lact. – Lactantius
Liv. – Livius ab urbe condita
Lucan. – M. Annaeus Lucanus de bello civili
Martial. – M. Valeris Martialis
Mela – Pomponius Mela
Oppianos Kyn. – Pseudo-Oppianos Kynegetika
Oros. – Orosius
Ov. fast. – Ovidius fasti
Ov. met. – Ovidius metamorphoses
Paul. Fest. – Pauli Diaconi epitoma Festi
Paus. – Pausanias
Phil. mech. – Philon mechanike sy'ntaxis
Plin. nat. – Plinius maior naturalis historia
Plut. – Plutarchos vitae parallelae
Plut. mor. – Plutarchos moralia
Pol. – Polybios
Polyain. – Polyainos strategemata
Prok. b. Goth. – Prokopios de bello Gothico
Rhet. Her. – Rhetorica ad C. Herennium
Sall. hist. – Sallustius historiarum fragmenta
Salvian. de gubern. dei – Salvianus de gubernatione dei
Script. hist. Aug. – Scriptores historiae Augustae
Serv. Aen. – Servius commentarius in Vergilii Aeneida

Serv. georg. — Servius commentarius in Vergilii georgica

Serv. ecl. — Servius commentarius in Vergilii eclogas

Sidon. — Apollinaris Sidonius

Sil. Pun. — Silius Italicus Punica

Solin. — Solinus

Stat. silv. — Papinius Stadius silvae

Strab. — Strabon

Suet. — Suetonius

Sulp. — Sulpicius Severus

Tab. Peut. — Tabula Peutingeriana

Tac. Agr. — Tacitus Agricola

Tac. ann. — Tacitus annales

Tac. Germ. — Tacitus Germania

Tac. hist. — Tacitus historiae

Tert. — Tertullianus

Theop. — Theopompus

Trog. — Pompeius Trogus historiae Philippicae

Val. Flac. — Valerius Flaccus

Val. Max. — Valerius Maximus

Varro l. l. — Varro de lingua Latina

Varro rust. — Varro res rusticae

Vell. — Velleius Paterculus

Ven. Fort. — Venantius Fortunatus

Verg. Aen. — Vergilius Aeneis

Xen. hell. — Xenophon, hellenika

Современные авторы, журналы, рукописи, тексты:

AcS — A. Holder, Alt-celtischer Sprachschatz, 3Bde, Leipzig 1896–1907 (= Nachdruck Graz, 1961).

AE — L'Année épigraphique. Revue des publications épigraphiques relatives à l'antiquité romaine, Paris.

AEW — J. de Vries, Altnordisches etymologisches Wörterbuch, Leiden, 1962.

AH — Archaeologia Helvetica.

AIB — Académie des Inscriptions et Belles-lettres. Comptes rendus, Paris.

Aim — Airm. Bulletin of the Ulster Place-Name Society, Belfast.

ALH — Acta Linguistica Halniensia.

LAAS — Acta Sanctorum, ed. J. Bollandus et alii, Antwerpen 1643ff.; 21734ff.; 31863ff.

BBCS — The Bulletin of the Board of Celtic Studies, Cardiff.

Bealoideas — Bealoideas. The Journal of the Folklore of Ireland Society.

BJ — Bonner Jahrbücher.

BMC — Catalogue of the Irish Manuscripts in the British Museum I (ed. S. H. O'Grady), London, 1926; II (ed. R. Flower), London, 1926.

BNF — Beiträge zur Namenforschung.

Brennos — Brennos. Studia Celtica Austriaca, hg. Brennos. Verein für Keltologie, Wien [ab 1996].

Carinthia — Carinthia.

Celtica — Celtica. Institiuid ard-leinn Bhaile atha Cliath (ed.), Dublin.

CG – H. Lewis – H. Pedersen, A Concise Comparative Celtic Grammar, Göttingen, 1961.

Chamalieres – s. Lejeune–Marichal, (1976/77).

CIC – R. A. S. Macalister, Corpus Inscriptionum Insularum Celticarum, 2 Bde, Dublin 1945, 1949.

CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum.

CMCS – Cambridge (j. Cambrian) Medieval Celtic Studies.

Cymmrodorion Transactions – Transactions of the Honourable Society of Cymmrodorion, London.

DAG – J. Whatmough, Dialects of Ancient Gaul, Cambridge/Mass. 1971.

[*dBSt*] – freundlicher Hinweis von Patrizia de Bernardo Stempel.

DIL – Dictionary of the Irish Language, Compact Edition (RIA), Dublin, 1983.

Dottin – G. Dottin, La langue gauloise, Paris, 1920.

EC – Etudes Celtiques.

Eigse – Eigse: A Journal of Irish Studies, Dublin.

EIHM – T. F. O'Rahilly, Early Irish History and Mythology, Dublin, 1946 [mehrere Nachdrucke].

Fire (Irish Studies) – Eire (Irish Studies), ed. by the Japan-Ireland Society, Tokyo.

Endlicher – Глоссарий Эндлихера (см. главу «Кельтские языки»).

Eriu – Eriu. Founded as the Journal of the School of Irish Learning, Dublin.

Esp. – E. Esperandieu, Recueil général des bas-reliefs, statues et bustes de la Gaule Romaine, I–XIV, Paris, 1907–1955.

EWD – Etymologisches Wörterbuch des Deutschen, hg. W. Pfeifer, 3 Bde., Berlin, 1989.

FFC – Folklore Fellows Communications.

FGHst – Die Fragmente der griechischen Historiker, hg. F. Jacoby, Berlin–Leiden 1923ff.

FHRC – s. Zwicker (1935).

Fi – H. Finke, Neue Inschriften, BRGK 17 (1927), S. 1ff; 198ff.

Frisk – Frisk, Hjalmar, Griechisches Etymologisches Wörterbuch, 3 Bde., Heidelberg, 1960–1972.

Gallia – Gallia, Paris.

GC – Miranda Green, The Gods of the Celts, Dover (USA) 1993 (= Stroud 1986).

Germania – Germania.

GKAR – H. Birkhan, Germanen und Kelten bis zum Ausgang der Römerzeit. Der Aussagewert von Wörtern und Sachen für die frühesten keltisch-germanischen Kulturbeziehungen (= SB d. osterr. Ak. d. Wiss., phil.-hist. Kl. 272), Wien, 1970.

GLQFM – Griechische und lateinische Quellen zur Frühgeschichte Mitteleuropas bis zur Mitte des 1. Jahrtausends u. Z., hg. J. Herrmann, 4 Bde, Berlin, 1988–1992.

GOI – R. Thurneysen, A Grammar of Old Irish, Dublin, 1946.

GPC – Geiriadur Prifysgol Cymru. A Dictionary of the Welsh Language, Caerdydd 1950ff.

GPN – E. Evans, Gaulish Personal Names. A Study of some Continental Celtic Formations, Oxford, 1967.

GRM – Germanisch-romanische Monatsschrift.

Hirschberg2 – Neues Wörterbuch der Völkerkunde, hg. W. Hirschberg, Redaktion Marianne Fries, Berlin, 1988.

Hoops2 – Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Begründet von J. Hoops, hg. H. Beck et al., Berlin, 1973ff.

IBK – Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft.

IBS – Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft.

IEW – J. Pokorny, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, 2Bde, Bern – München, 1959–1969.

IF – Indogermanische Forschungen.

IHK – R. Thurneysen, Die irische Helden- und Königsage bis zum siebzehnten Jahrhundert, Halle, 1921.

ILTG – P. Wuilleumier, Inscriptions latines des trois Gaules (France) (= 17. supplement a Gallia), Paris, 1963.

IPEK – Jahrbuch für prahistorische und ethnographische Kunst.

ITS – Irish Texts Society.

JbRGZM – Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Mainz.

JCHAS – Journal of the Cork Historical and Archaeological Society, Chorcai.

JIES – Journal of Indo-European Studies.

KG – H. Pedersen, Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen, 2 Bde, Göttingen, 1909, 1913.

KGP – K. H. Schmidt, Die Komposition in gallischen Personennamen, in: ZcPh 26 (1957), S. 33ff. (auch als Sonderdruck erschienen).

Kluge – Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 23 bearbeitet v. E. Seebold, Berlin–New York, 1995.

KR – J. de Vries, Keltische Religion, Stuttgart, 1961.

Larzac – s. Lejeune (1985).

LEIA – J. Vendryes, Lexique etymologique de l'Irlandais ancien, Paris, 1959ff.

LHEB – K. H. Jackson, Language and History in Early Britain, Edinburgh, 1953.

LL – Leabhar Laigneach («Лейнстерская книга»).

LU – Lebor na h-Uidre («Книга Бурой Коровы»).

M.-L. – W. Meyer-Lubke, Romanisches etymologisches Wörterbuch, 5, Heidelberg, 1972.

Mann – St. E. Mann, An Indo-European Comparative Dictionary, Hamburg, 1984/87.

MLH – Monumenta linguarum Hispanicarum, hg. J. Untermann, 3 Bde in 5 Teilen, Wiesbaden, 1975–1990.

MM – Madrider Mitteilungen. Deutsches Archäologisches Institut, Abteilung Madrid.

MMIS – Mediaeval and Modern Irish Series.

NoB – Namn och Byggd.

Pauly – Der Kleine Pauly. Lexikon der Antike. Auf der Grundlage von Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft... hg. K. Ziegler – W. Sontheimer, 5 Bde, Stuttgart 1969ff.

PBA – Proceedings of the British Academy.

PKM – Pedair Keinc y Mabinogi allan o Lyfr Gwyn Rhydderch gan Syr Ifor Williams, 2, Caerdydd, 1951.

PL – Migne Patrologia latina.

- PPS* – Proceedings of the Prehistoric Society, Cambridge.
Pr – Prehistoire, Paris.
PRIA – Proceedings of the Royal Irish Academy
PZ – Prähistorische Zeitschrift.
RAE – Revue Archéologique de l'Est et du Centre-Est.
RE – Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, Neue Bearbeitung, Berlin, 1894ff.
REL – Revue des études latines.
RGA – Reallexikon der Germanischen Altertumskunde, hg. H. Beck – H. Jankuhn – H. Kuhn – K. Ranke – R. Wenskus, Berlin–New York, 1973ff.
RGK – Römisch-Germanische Kommission.
RhVB – Rheinische Vierteljahrsblätter.
RIB – R. G. Collingwood – R. P. Wright, The Roman Inscriptions of Britain, Oxford, 1965.
RIG – Recueil des Inscriptions Gauloises. Vol. I: Textes gallo-grecs, par M. Lejeune, Paris 1985; Vol. II/1: Textes gallo-etrusques. Textes gallo-latins sur pierre, par M. Lejeune Paris 1988; Vol. III: Les Calendriers (Coligny, Villards d'Heria), par P.-M. Duval – G. Pinault, Paris, 1986.
RR – Romanic Review.
SCJ – Studia Celtica Japonica.
TBC – Tain bo Cuailnge.
Thes. Pal. – Thesaurus Palaeohibernicus.
TLS – Todd Lecture Series. Royal Irish Academy.
TPC – T. P. Cross, Motif-Index of Early Irish Literature, (= Indiana University Publications, Folklore Series 7), Bloomington s.a.
TPG – Thesaurus Palaeogermanicus (= Schriftenreihe der Kommission für Altgermanistik d. österr. Akd. d. Wiss.) Bd. 1/1: H. Reichert, Lexikon der altgermanischen Namen, Wien 1987; Bd. 1/2: Register (erstellt von R. Nedoma – H. Reichert), Wien, 1990.
TYP – Rachel Bromwich, Trioedd Ynys Prydein. The Welsh Triads, Cardiff, 1961.
WAGAPh – Wiener Arbeiten zur germanischen Altertumskunde und Philologie.
WG – J. M. Jones, A Welsh Grammar, Oxford, 1913.
WH – A. Walde – J. B. Hofmann, Lateinisches etymologisches Wörterbuch, 4 2 Bde. Heidelberg, 1965.
WPZ – Wiener prähistorische Zeitschrift.
ZcPh – Zeitschrift f. celtische Philologie.
ZfdA – Zeitschrift f. deutsches Altertum.
ZfdPh – Zeitschrift f. deutsche Philologie.
ZRGZM – Zeitschrift des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Mainz.
ZrPh – Zeitschrift f. romanische Philologie.
ZssA – Zeitschrift für schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Albertos (1979)* – Maria Lourdes Albertos, La onomastica de la Celtiberia, in: Jorda (1976), S. 131ff.
- Alcock (1972a)* – L. Alcock, «By South Cadbury is that Camelot...». The Excavation of Cadbury Castle 1966–1970, London, 1972.
- Alcock (1972b)* – L. Alcock, Arthur's Britain, 2, London, 1972.
- Alcock (1982)* – L. Alcock, Cadbury – Camelot: A Fifteen-year Perspective, in: PBA 68 (1982), S. 354ff.
- Allen (1978)* – D. Allen, An Introduction to Celtic Coins, London, 1978.
- Allen (1980)* – D. F. Allen, The Coins of the Ancient Celts, Edinburgh, 1980.
- Andre (1985)* – J. Andre, Noms de plantes gaulois ou pretendus gaulois dans les textes grecs et latins, in: EC 22 (1985), S. 179ff.
- Angeli (1970a)* – W. Angeli, Die Erforschung des Gräberfeldes von Hallstatt und der «Hallstattkultur», in: Krieger und Salzherren, S. 14ff.
- Angeli (1970b)* – W. Angeli, Zur Deutung der Funde aus der ByFi skala-Höhle, in: Krieger und Salzherren, S. 139ff.
- Applebaum (1954)* – Sh. Applebaum, The Agriculture of the British Early Iron Age as exemplified at Figheldean Down, Wiltshire, in: PPS 20 (1954), S. 103ff.
- Armit (1997)* – Ian Armit, Celtic Scotland, London, 1997.
- Arslan (1990)* – E. Arslan, Le monnaie celtique de la plaine du Po (1Ve-1er siecles avant J.-C.), in: EC 27 (1990), S. 71ff.
- Arthur (1991)* – The Arthur of the Welsh. The Arthurian Legend in Medieval Welsh Literature, ed. Rachel Bromwich – A. O. H. Jarman – B. F. Roberts, Cardiff, 1991.
- Arthurian Bibliography I* – Arthurian Bibliography...vol. I. for the Years 1922–1929, ed. J. Parry, New York, 1931.
- Arthurian Bibliography II* – Arthurian Bibliography...vol. II for the Years 1930–1935, prepd. J. Parry – Margarete Schlauch, New York, 1936, Dazu maschinegeschriebene Ergänzungen bis, 1939.
- Arthurian Bibliography* – The Arthurian Bibliography, ed. C. E. Pickford – R. Last – Christine R. Barker, 2 vols. (= Arthurian Studies III, VI), Cambridge, 1981.
- Arthurian Tapestry* – An Arthurian Tapestry. Essays in Memory of Lewis Thorpe, ed. K. Varty, Glasgow, 1981.
- Aspects* – Aspects of the Tain, ed. J. P. Mallory, Belfast, 1992.
- Ball – Fife (1992)* – M. J. Ball – J. Fife (ed.), The Celtic Languages, London – New York, 1992.
- Barber (1972)* – R. Barber, The Figure of Arthur, London, 1972.
- Barth (1970)* – F. E. Barth, Salzbergwerk und Gräberfeld von Hallstatt, in: Krieger und Salzherren, S. 40ff.
- Barth (s. a.)* – F. E. Barth, Das prähistorische Hallstatt – Bergbau und Gräberfeld, in: Prunkwagen, S. 21ff.
- Baugh (1959)* – A. C. Baugh, A History of the English Language, 2, London, 1959 (viele Nachdrucke).
- Beazley (1947)* – J. D. Beazley, Etruscan Vase-Painting, Oxford, 1947.
- Beckmann (1930)* – F. Beckmann, Geographic und Ethnographie in Caesars Bellum Gallicum, Dortmund, 1930.

Bednarczuk (1986) – L. Bednarczuk, The Italo-Celtic Hypothesis from the Indo-European Point of View, in: Proceedings (1986), S. 175ff.

Behrens (1932) – G. Behrens, Zur Frage der Jupitergigantensäulen, in: Germania 16 (1932), S. 28ff.

Behrens (1949/50) – G. Behrens, Kelten-Münzen im Rheingebiet, in: PZ (Berlin) 34/35 (1949/50), S. 336ff.

Bellen (1985) – H. Bellen, Metus Gallicus – Metus Punicus, Zum Furchtmotiv in der römischen Republik, in: Abh. d. Akad. d. Wiss. u. d. Lit., geistes- u. sozialwiss. Kl. Jg. 1985, Nr. 3, Mainz, 1985.

Beloch (1886) – J. Beloch, Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt, Leipzig, 1886.

Beltran – Tovar (1982) – A. Beltran – A. Tovar, Contrebia Belaisca (Botorrita, Zaragoza), 2 Bde: I. El bronce con alfabeto «berico» de Botorrita; II. Gu. Fatas, Tabula Contrebiensis, Zaragoza, 1982.

Beltran et al. (1996) – Fr. Beltran – J. de Hoz – J. Untermann, – El tercer bronce de Botorrita (Contrebia Belaisca), Zaragoza, 1996.

Berg – Rolle – Seemann (1981) – St. Berg – Renate Rolle – H. Seemann, Der Archäologe und der Tod. Archäologie und Gerichtsmedizin, München – Luzern, 1981.

Biel (1995) – J. Biel, Der Keltenfürst von Hochdorf, 3 Stuttgart, 1995.

Bienkowski (1908) – P. Bienkowski, Die Darstellung der Gallier in der hellenistischen Kunst, Wien, 1908.

Billy (1993) – P.-H. Billy, Thesaurus Linguae Gallicae, Hildesheim – Zürich – New York, 1993.

Billy (1995) – P.-H. Billy, Atlas Linguae Gallicae, Hildesheim, 1995.

Birkhan (1967) – H. Birkhan, Das gallische Namenselement *cassi- und die germanisch-keltische Kontaktzone, in: Beitr. Indogermanistik u. Keltologie, S. 115ff.

Birkhan (1968) – H. Birkhan, Falcons and Catuvolcus, in: Studia Celtica 3, (1969), S. 106ff.

Birkhan (1971a) – H. Birkhan, Die «boiischen» Personennamen des BIATEC-Großsilbers, in: Die Sprache 17 (1971), S. 23ff.

Birkhan (1971b) – H. Birkhan, Pfennig, in: Numismatische Zeitschrift 86 (1971), S. 59.

Birkhan (1974) – H. Birkhan, Niederrheinisch-Friesisches in Schottland und das Alter des germanischen a-Umlautes von u, in: Antiquitates, S. 427ff.

Birkhan (1976) – H. Birkhan, Der Name der Tencteri, in: Festgabe f. O. Holler (=Philologica Germanica 3), Wien, 1976, S. 15ff.

Birkhan (1984) – H. Birkhan, Der Gepide Trapstila, der Römer Drusus, der Kelte Tristan und ihre Sippschaft, in: Philologische Untersuchungen [Fs. Elfriede Stutz], Wien, 1984 (=Philologica germanica 7), S. 51ff.

Birkhan (1989) – Keltische Erzählungen vom Kaiser Arthur (übers. H. Birkhan), 2 Bde, Essen, 1989 (=Erzählungen des Mittelalters 1).

Blanchet (1905) – A. Blanchet, Traités des monnaies gauloises, 2 Bde, Paris, 1905.

Blazquez (1958) – J. M. Blazquez, Sacrificios humanos y representaciones de cabezas en la Península Iberica, in: Latomus 17 (1958), S. 27ff.

Bock (1996) – A. Bock, Der Linguizid am Bretonischen, in: Brennos 1 (1996), S. 17ff.

- Born (1992)* – H. Born, Zum Forschungsstand der Herstellungstechniken keltischer und etruskischer Bronzeschnabelkannen, in: Meisterwerke, S. 67ff.
- Bosch-Gimpera (1941)* – P. Bosch-Gimpera, Les Celtes et la civilisation des urnes en Espagne, in: Pr 8 (1941), S. 121ff.
- Bouzek (1992)* – J. Bouzek, Die Etrusker und Böhmen, in: Etrusker, S. 361ff.
- Bradley (1967)* – R. Bradley, Rock Art and the Prehistory of Atlantic Europe. Signing the Land, London – New York, 1997.
- Braemer (1985)* – F. Braemer, Le bois sculpté à l'époque romaine, in: Le bois dans la Gaule, S. 91ff.
- Breeze (1983)* – D. J. Breeze, The Roman Forts at Ardoch, in: From the Stone Age, S. 224ff.
- Breeze (1984)* – D. J. Breeze, The Roman Fort on the Antonine Wall at Bearsden, in: Scottish Antiquity, S. 32ff.
- Breeze (1993)* – D. J. Breeze, The Northern Frontiers of Roman Britain, London, 1993.
- Brekilien (1982)* – Y. Brekilien, La Bretagne, Paris, 1982.
- Brewster (1976)* – T. C. M. Brewster, Garton Slack, in: Current Archaeology 5, Nr. 51 (1976), S. 104ff.
- Broderick (1993)* – G. Broderick, Sprachkontakt und Sprachgeschichte der Insel Man im Rahmen ihrer Ortsnamen, in: Symposium, 1992, S. 57ff.
- Bromwich (1983)* – Rachel Bromwich, Celtic Elements in Arthurian Romance: a General Survey, in: Legend of Arthur, S. 41ff.
- Brown (1916)* – A. C. L. Brown, From Cauldron of Plenty to Grail, in: Modern Philology 14 (1916), S. 65ff.
- Brown (1943)* – A. C. L. Brown, The Origin of the Grail Legend, Cambridge/Mass. 1943 (Nachdruck New York, 1966).
- Brown (1996)* – Celticism, ed. Terence Brown, Amsterdam, 1996.
- Bruce (1923)* – J. D. Bruce, The Evolution of Arthurian Romance from the Beginnings down to the Year 1300, 2 Bde, Gottingen, 1923.
- Bruckner (1964/65)* – W. Bruckner, Roß und Reiter im Leichenzeremoniell, in: Rheinisches Jb. f. Volkskunde 15/16 (1964/65), S. 144ff.
- Brunaux – Lambot (1987)* – J.-L. Brunaux – B. Lambot, Guerre et armement chez les Gaulois. 450–52 av. J.-C., Paris, 1987.
- Brunaux (1988)* – J.-L. Brunaux, The Celtic Gauls: Gods, Rites and Sanctuaries, London, 1988.
- Brunaux (1995)* – J.-L. Brunaux, Die keltischen Heiligtümer Nordfrankreichs, in: Heiligtümer und Opferkulte, S. 55ff.
- Brunot (1933)* – F. Brunot, Histoire de la langue française des origines à nos jours, I, Paris 1933 (Nachdruck, 1966).
- Buchmuller-Pfaff (1990)* – Monika Buchmuller-Pfaff, Siedlungsnamen zwischen Spätantike und frühem Mittelalter. Die (i)acum-Namen der römischen Provinz Belgica Prima (= Beihefte zur Zs. f. romanische Philologie), Tübingen, 1990.
- Bukowski (1980)* – Zb. Bukowski, Die westliche Ausdehnung der sog. skythischen Einwirkungen in Mitteleuropa und ihr Charakter, in: Hallstattkultur, S. 333ff.
- Burillo Mozota (1988)* – F. Burillo Mozota, Territorio, instituciones políticas y organizacion social, in: Celtiberos, S. 179ff.

Caesar – C. Iulius Caesar. Der Gallische Krieg, übers. mit einer Einführung und Erläuterungen versehen v. O. Schönberger, Zürich – München, 1991.

Campanile (1970) – E. Campanile, Sulle isoglosse lessicali celtogermaniche, in: AION-L 9 (1970), S. 13ff.

Campanile (1983a) – E. Campanile, Le Restsprachen e la ricerca indoeuropeistica, in: Le lingue indoeuropee di frammentaria attestazione. Die indogermanischen Restsprachen, ed. E. Vincis, Pisa, 1983, S. 211ff.

Campanile (1983b) – E. Campanile, I Galli nella Cisalpina e i dialetti galloitalici, in: E. Campanile (hg.), Problemi di sostrato nelle lingue indoeuropee, Pisa, 1983, S. 27ff.

Capelle (1983) – T. Capelle, Zur Produktion hölzerner Gefäße im vor- und frühgeschichtlichen Mittel- und Nordeuropa, in: Handwerk (1983), S. 397ff.

Caridad Arias (1999) – J. Caridad Arias, Cultos y divinidades de la Galicia Prerromana a treves de la toponimia, La Coruna, 1999.

Carmina Gadelica – Carmina Gadelica. Hymns and Incantations, collected by A. Carmichael, 6 vols., Edinburgh–London, 1928–1971.

Carver (1999) – M. Carver, Surviving in Symbols. A Visit to the Pictish Nation, Edinburgh, 1999.

Celtes dans le Jura – Les Celtes dans le Jura. L'âge du Fer dans le massif jurassien (800–15. J.-C.), ed. Ph. Curdy et al., s. I. 1991.

Celtic World – The Celtic World, ed. Miranda Green, London, 1995*.

Chadwick (1963) – Nora K. Chadwick, Celtic Britain (=Ancient Peoples and Places 34), London, 1963.

Chadwick (1965) – Nora K. Chadwick, The Colonization of Brittany from Celtic Britain (= Sir John Rhys Memorial Lecture), in: PBA 1965, S. 235ff.

Chadwick (1969) – Nora K. Chadwick, Early Brittany, Cardiff, 1969.

Chadwick (1970) – Nora K. Chadwick, The Celts, London, 1970.

Chambers (1964) – E. K. Chambers, Arthur of Britain, 2, London, 1964.

Champion Megaw (1985) – Settlement and Society: Aspects of West European Prehistory in the First Millenium BC, ed. T. C. Champion – J. V. S. Megaw, Leicester, 1985.

Champion (1976) – Sara Champion, Coral in Europe: Commerce and Celtic Ornament, in: Duval – Hawkes (1976), S. 29ff.

Chapman (1992) – M. Chapman, The Celts. The Construction of a Myth, New York, 1992.

Chaume et al. (1995) – B. Chaume – L. Olivier – W. Reinhard, Das keltische Heiligtum von Vix, in: Heiligtümer und Opferkulte, S. 43ff.

Childe (1935) – V. G. Childe, The Prehistory of Scotland, London, 1935.

Clarke (1954) – R. R. Clarke, The Early Iron Age Treasure from Snettisham, in: PPS 20 (1954), S. 27ff.

Coblentz (1980) – W. Coblentz, Bemerkungen zur Hallstatt- und zur westlichen Lausitzer Kultur, in: Hallstattkultur, S. 315ff.

Colbert de Beaulieu (1973) – J. B. Colbert de Beaulieu, La caractériscopie, in: Traité de numismatique celtique I, Paris 1973, S. 40ff.

Collingwood – Myres (1937) – R. G. Collingwood – J. N. L. Myres, Roman Britain and the English Settlements, 2, Oxford, 1937.

Collis (1984) – J. Collis, Oppida. Earliest Towns North of the Alps, Sheffield, 1984.

Collis (1994) – J. Collis, The Iron Age, in: Building on the Past. Papers celebrating 150 Years of the Royal Archaeological Institute, London, 1994.

Collis (1995) – J. Collis, «George Buchanan and the Celts of Britain» (noch ungedruckter Vortrag am «10th International Congress of Celtic Studies», Edinburgh, 1995).

Consciousness – The Celtic Consciousness, ed. R. O'Driscoll, Portlaoise – Edinburgh, 1982.

Cordie-Hackenberg (1992a) – Rosemarie Cordie-Hackenberg, Tracht und Schmuck, in: Meisterwerke, S. 145ff.

Cordie-Hackenberg (1992b) – Rosemarie Cordie-Hackenberg, Halsringe, in: Meisterwerke, S. 171ff.

Cordie-Hackenberg (1992c) – Rosemarie Cordie-Hackenberg, Armringe, in: Meisterwerke, S. 185ff.

Cordie-Hackenberg (1992d) – Rosemarie Cordie-Hackenberg, Fingerringe, in: Meisterwerke, S. 189ff.

Corominas (1976) – J. Corominas, Elementos prelatinos en las lenguas romances hispanicas, in: Jorda (1976), S. 87ff.

Coromines (1975) – J. Coromines, Les Plombes Sorothaptiques d'Arles, in: ZrPh 91 (1975), S. 1ff.

Coungy (1986) – Extrait des auteurs grecs concernant l'histoire et la géographie des Gaules, trad. E. Coungy, Paris, 1986.

Court (1985) – Arnelia Court, Puck of the Droms. The Lives and Literature of the Irish Finkers, Berkeley–Los Angeles–London, 1985.

Cowan (1959) – H. K. J. Cowan, Phonostatistical Diagnosis of Loanwords, in: Studia Linguistica 13 (1959), S. 19ff.

Cram (1955) – K.-G. Cram, Iudicium belli. Zum Rechtscharakter des Krieges im deutschen Mittelalter, Münster – Köln, 1955.

Cross – Slover (1969) – T. P. Cross – C. H. Slover, Ancient Irish Tales, 2, Dublin, 1969.

Cunliffe (1983) – B. Cunliffe, Danebury. Anatomy of an Iron Age hillfort, London, 1983.

Cunliffe (1991a) – B. Cunliffe, Die Kelten und ihre Geschichte, 3 Bergisch Gladbach, 1991.

Cunliffe (1991b) – B. Cunliffe, Maritime Traffic Between the Continent and Britain, in: The Celts (1991), S. 573ff.

Cunliffe (1991c) – B. Cunliffe, Hillforts, in: The Celts (1991), S. 581ff.

Cunliffe (1991d) – B. Cunliffe, Iron Age Communities in Britain. An Account of England, Scotland and Wales from the seventh century BC until the Roman Conquest, London, 1991.

Cunliffe (1992) – B. Cunliffe, Die Kelten und ihre Geschichte, Bergisch Gladbach 1980, 4 1992.

Daire (1991) – Marie-Yvane Daire, Armorica, in: The Celts (1991), S. 237ff.

Darrah (1981) – J. Darrah, The Real Camelot. Paganism and the Arthurian Romances, London, 1981.

De Bernardo Stempel (1994) – Patrizia de Bernardo Stempel, Zum gallischen Akzent: eine sprachinterne Betrachtung, in: ZcPh 46 (1994), S. 14ff.

de Hoz (1986) – J. de Hoz, Hispano-Celtic and Celtiberian, in: Proceedings (1986), S. 191ff.

de Hoz (1988) – J. de Hoz, La lengua y la escritura de los celtiberos, in: Celtiberos, S. 145ff.

de Hoz (1992) – J. de Hoz, Lepontic, Celt-Iberian, Gaulish and the Archaeological Evidence, in: EC 29 (1992), S. 223ff.

de Kerckhove (1982) – D. de Kerckhove, Asterix against de Romans, in: *Consciousness*, S. 585ff.

de Puydt (1993) – C. de Puydt, Essai de synthese bibliographique sur les Celtes de Galatie, in: *Ollodagos* 5 (1993), S. 227ff.

Dehn (1958) – W. Dehn, Die Heuneburg an der oberen Donau und ihre Wehranlagen, in: *Neue Ausgrabungen in Deutschland*, Berlin 1958, S. 127ff.

Delamarre (2003) – X. Delamarre, Dictionnaire de la langue gauloise. Une approche linguistique du vieux-celtique continental, 2 Paris, 2003.

Dembski (1998) – Gunther Dembski, Münzen der Kelten, Wien, 1998.

Der arthurische Roman – Der arthurische Roman, hg. K. Wais (= *Wege der Forschung* 157), Darmstadt 1970, darin: R. Sh. Loomis, König Arthur und die Antipoden, S. 112ff.

Deutsche, Kelten und Iren – Deutsche, Kelten und Iren, 150 Jahre deutsche Keltologie. Gearoid MacEoin zum 60. Geburtstag gewidmet, hg. Hildegard L. C. Tristram, Hamburg, 1990

Deyber (1987) – A. Deyber, La guerilla gauloise pendant la guerre de Gaules (58–50 avant J.-C.), in: EC 24 (1987), S. 145ff.

Deyts (1983) – Simone Deyts, Les bois sculptés des sources de la Seine (= 42e supplement a «Gallia»), Paris, 1983.

Dickinson (1977) – W. C. Dickinson, Scotland from the Earliest Times to 1603, 3 revised and ed. A. A. M. Duncan, Oxford, 1977.

Dillon – Chadwick (1967) – M. Dillon – Nora K. Chadwick, The Celtic Realms, London, 1967.

Dinzelbacher (1986) – P. Dinzelbacher, The Way to the Other World in Medieval Literature and Art, in: *Folklore* 97 (1986), S. 70ff.

Dinzelbacher (1989a) – P. Dinzelbacher, Mittelalterliche Visionsliteratur. Eine Anthologie, Darmstadt, 1989.

Dinzelbacher (1989b) – P. Dinzelbacher, Der Anteil der keltischen Phantasie an den mittelalterlichen Jenseitsvorstellungen, in: *Irish-keltische Mystik nordlich der Alpen*, hg. U. Müller, Salzburg, 1989, S. 19ff.

Dirkzwager (1975) – L. Dirkzwager, Strabo über Gallia Narbonensis (= *Studies of the Dutch Archaeological and Historical Society* VI), Leiden, 1975.

Dobesch (1982) – G. Dobesch, Die Kimbern in den Ostalpen und die Schlacht bei Noreia, in: *Mitteilungen der österreichischen Arbeitsgemeinschaft für Ur- und Frühgeschichte* 32 (1982), S. 51ff.

Dobesch (1983) – G. Dobesch, Historische Fragestellungen in der Urgeschichte, in: *Griechenland, die Agais und die Levante während der «Dark Ages» vom 12. bis zum 9. Jh. v. Chr.* (= SB d. österr. Ak. d. Wiss., phil.-hist. Kl. 418), Wien, 1983.

Dobesch (1989a) – G. Dobesch, Caesar als Ethnograph, in: *Wiener humanistische Blätter* 31 (1989), S. 16ff.

Dobesch (1989b) – G. Dobesch, Zur Einwanderung der Kelten in Oberitalien, in: *Tyche* 4 (1989), S. 35ff.

Dobesch (1992) – G. Dobesch, Die Kelten als Nachbarn der Etrusker in Norditalien, in: *Etrusker*, S. 161ff.

Dobesch (1993a) – G. Dobesch, Die Kelten in Österreich nach den ältesten Berichten der Antike, Wien–Köln–Weimar, 1993 [nur im Titel veränderte Neuauflage eines Werkes von 1980].

Dobesch (1993b) – G. Dobesch, Anmerkungen zur Wanderung der mitteleuropäischen Boier, in: *Tyche* 8 (1993), S. 9ff.

Dobesch (1995) – G. Dobesch, Das europäische «Barbaricum» und die Zone der Mediterrankultur. Ihre historische Wechselwirkung und das Geschichtsbild des Poseidonios (= *Tyche*, Supplementband 2), Wien, 1995.

Dobiat (1980) – Cl. Dobiat, Die Hallstattnekropole bei Kleinklein im Sulmtal, in: *Hallstattkultur*, S. 185ff.

Donaldson Morpeth (1977) – G. Donaldson – R. S. Morpeth, A Dictionary of Scottish History, Edinburgh, 1977.

Dottin (1920) – G. Dottin, La langue gauloise. Grammaire, textes et glossaire, Paris, 1920.

Drda Rybova (1995) – P. Drda – Alena Rybova, Les Celtes de Bohême, Paris, 1995.

Drescher (s. a.) – H. Drescher, Hallstattzeitliche Blechschmiede, Drechsler und Wagenbauer, in: *Prunkwagen*, S. 41ff.

Driehaus (1983) – J. Driehaus, Gerätespuren und Handwerksgerät. Ein Beitrag zur Metallbearbeitung während der späten Hallstatt- und frühen Latenezeit, in: *Handwerk* (1983), S. 50ff.

Duignan (1976) – M. Duignan, The Turao Stone: its place in insular La Tène art, in: *Duval – Hawkes (1976)*, S. 201ff.

Dumezil (1964) – G. Dumezil, Quæstiunculæ indo-italicæ 17–18.; Le «sacrifice humain» de 46 av. J. Chr., in: *REL* 41 (1964), S. 87ff.

Durtelle (1947) – E. Durtelle de Saint-Sauveur, Histoire de Bretagne, 4 2 Bde, Rennes, 1947.

Duval (1952) – P.-M. Duval, La vie quotidienne en Gaule pendant la Paix Romaine (1er – 3e siècles après J.C.), Paris, 1952.

Duval (1957) – P. M. Duval, Les dieux de la Gaule, Paris, 1957.

Duval (1971) – P.-M. Duval, La Gaule jusqu'au milieu du Ve siècle, 2 vols., Paris, 1971.

Duval (1977) – P.-M. Duval, Les Celtes, Paris, 1977.

Duval (1978) – P.-M. Duval, Die Kelten, München, 1978.

Duval (1987) – P. M. Duval, Monnaies Gauloises et mythes celtiques, Paris, 1987.

Duval (1989) – A. Duval, L'art celtique de la Gaule au Musée des antiquités nationales, Paris, 1989.

Ebel (1976) – Ch. Ebel, Transalpine Gaul. The Emergence of a Roman Province, Leiden, 1976.

Egger (1961a) – R. Egger, Die Stadt auf dem Magdalensberg: ein Großhandelsplatz, Wien, 1961.

Egger (1961b) – R. Egger, Die Ausgrabungen auf dem Magdalensberg 1958–1959, in: *Carinthia* I 151 (1961), S. 3ff., darin: Hedwig Kenner, Kleinfunde römischer Art, S. 74ff.

Eibner (1980) – Alexandrine Eibner, Darstellungsinhalte in der Kunst der Hallstattkultur, in: *Hallstattkultur*, S. 261ff.

Eichner (1989) – H. Eichner, Damals und heute: Probleme der Erschließung des Altkeltischen zu Zeußens Zeit und in der Gegenwart, in: *Erlanger Gedenkschrift für Johann Kaspar Zeuß* (= *Erlanger Forschungen*, Reihe A, Geisteswissenschaften, Bd. 49), Erlangen, 1989.

Eisengewinnung – Eisengewinnung und -verarbeitung in der Frühzeit. Vorträge, gehalten anlässlich der Tagung des Fachausschusses für Montange-

schichte des Bergmannischen Verbandes Österreichs in Reichenau an der Rax, Niederösterreich, 22 bis 24. September 1977 (= Leobener Grüne Hefte, NF Heft 2), Wien, 1981.

Ellis (1974) – P. Berresford Ellis, *The Cornish Language and its Literature*, London – Boston, 1974.

Elston (1934) – G. S. Elston, *The Earliest Relations between Celts and Germans*, London, 1934.

Eogan – Herity (1977) – G. Eogan – M. Herity, *Ireland in Prehistory*, London–Henley–Boston, 1977.

Eogan (1983) – G. Eogan, *Ribbon Tores in Britain and Ireland*, in: *From the Stone Age*. S. 87ff.

Eska – Evans (1992) – J. F. Eska – D. E. Evans, *Continental Celtic*, in: *Celtic Languages (Ball)*. S. 26ff.

Esposito (1988) – M. Esposito, *Latin Learning in Mediaeval Ireland*, ed. M. Lapidge, London, 1988.

Esposito (1990) – M. Esposito, *Irish Books on Learning in Mediaeval Europe*, London, 1990.

Ethnogenese – *Ethnogenese europäischer Völker aus der Sicht der Anthropologie und Vor- und Frühgeschichte*, hg. W. Bernhard und Anneliese Kandler-Palsson, Stuttgart–New York, 1986.

Etrusker – *Etrusker nördlich von Etrurien (= Akten des Symposiums von Wien – Schloß Neuwaldegg 2.–5. Oktober 1989, hg. Luciana Aigner-Foresti (= SB der österr. Ak. d. Wiss., phil.-hist. Kl. 589), 2 Bde (Text- und Bildband), Wien, 1992.*

Evans (1979a) – D. E. Evans, *On the Celticity of some Hispanic personal names*, in: *Tovar et. al. (1979)*, S. 117ff.

Evans (1979b) – D. E. Evans, *The labyrinth of Continental Celtic*, in: *PBA 65 (1979)*, S. 497ff.

Evans (1982) – D. E. Evans, *Celts and Germans*, in: *BBCS 29 (1982)*, S. 230ff.

Evans (1986a) – D. E. Evans, *Celtic Origins*, in: *Proceedings (1986)*, S. 209ff.

Evans (1986b) – D. E. Evans, *The Celts in Britain (up to the formation of the Brittonic languages): history, culture, linguistic remains, substrata*, in: *Geschichte und Kultur*, S. 102ff.

Evans (1994) – D. E. Evans, *Some Remarks on the Study of Old Celtic Proper Names*, in: *Indogermanica et Caucasia. Festschrift für K. H. Schmidt zum 65. Geburtstag*, Berlin – New York, 1994, S. 306ff.

Falc'hun (1970) – F. Falc'hun, *Les noms de lieux celtiques. Problèmes de doctrine et de méthode. Noms de hauteurs*, Rennes, 1970.

Fatas (1982) – Gu. Fatas, *Contrebia Belaisca (Botorrita Zaragoza). II. Tabula Contrebiensis*, Zaragoza, 1982.

Filip (1961) – J. Filip, *Die keltische Zivilisation und ihr Erbe*, Prag 1961.

Filip (1982) – J. Filip, *Early History and Evolution of the Celts: the Archaeological Evidence*, in: *Consciousness*, S. 33ff.

Fischer (1972) – F. Fischer, *Die Kelten bei Herodot*, in: *MM 13 (1972)*, S. 109ff.

Fischer (1983) – F. Fischer, *Das Handwerk bei den Kelten zur Zeit der Oppida*, in: *Handwerk (1983)*, S. 34ff.

Fischer (1986) – F. Fischer, *Die Ethnogenese der Kelten aus der Sicht der Vor- und Frühgeschichte*, in: *Ethnogenese*, S. 209ff.

- Fischer (1991)* – Brigitte Fischer, Les différents monétaires des premières imitations du statère de Philippe II de Macédoine, in: EC 28 (1991), S. 137ff.
- Fleuriot (1979a)* – L. Fleuriot, La grande inscription celtibère de Botorrita. Etat actuel du déchiffrement, in: Jorda (1976), S. 169.
- Fleuriot (1979b)* – L. Fleuriot, Note additionnelle sur l'inscription de Chamalières, in: EC 16 (1979), S. 135ff.
- Fleuriot (1980a)* – L. Fleuriot, Les origines de la Bretagne. L'émigration, Paris, 1980.
- Fleuriot (1980b)* – L. Fleuriot, La Tablette de Chamalières. Nouveaux Commentaires, in: EC 145 (1980), S. 145ff.
- Food in Antiquity* – Food in Antiquity, ed. J. Wilkins et al., Exeter, 1995.
- Forrer (1908)* – R. Forrer, Keltische Numismatik der Rhein- und Donaulande, Straßburg, 1908.
- Forster (1921)* – M. Forster, Keltisches Wortgut im Englischen, in: Texte und Forschungen zur englischen Kulturgeschichte (Festgabe f. F. Liebermann), Halle/Saale, S. 119ff.
- Fox (1946)* – C. Fox, A Find of the Early Iron Age from Llyn Cerrig Bach, Anglesey, Cardiff, 1946.
- Fox (1954)* – Aileen Fox, Celtic Fields and Farms on Dartmoor, in: PPS 20 (1954), S. 87ff.
- Fox (1958)* – Sir Cyril F. Fox, Pattern and Purpose: a Survey of Early Celtic Art in Britain, Cardiff, 1958.
- Frazer (1920)* – Sir James Frazer, The Magic Art and the Evolution of Kings, 2 Bde, London, 1920.
- Frey (1976)* – O.-H. Frey, Du Premier style au Style de Waldalgesheim: Remarques sur l'évolution de l'art celtique ancien, in: Duval – Hawkes (1976), S. 141ff.
- Frey (1992a)* – O.-H. Frey, Kunst und Kunsthandwerk der Kelten, in: Meisterwerke, S. 13ff.
- Frey (1992b)* – O.-H. Frey, Die bronzene Röhrenkanne aus dem «Fürstengrab» von Reinheim, in: Meisterwerke, S. 105ff.
- Frey (1992c)* – O.-H. Frey, Keltische Eulen. Zum Bedeutungswandel eines antiken Motivs, in: Fs. f. Erika Simon, Mainz, 1992, S. 53ff.
- Frey (1992d)* – O.-H. Frey, Beziehung der Situlenkunst zum Kunstschaffen Etruriens, in: Etrusker, S. 93ff.
- Fs. MacNeill* – Feil-sgríbhinn Eoin Mhic Neill, Essays and Studies presented to Professor Eoin MacNeill..., ed. J. Ryan, S.J., Dublin, 1940.
- Furger-Gunti (1984)* – A. Furger-Gunti, Die Helvetier. Kulturgeschichte eines Keltenvolkes, Zürich, 1984.
- Gabrovce (1966)* – St. Gabrovce, Zur Hallstattzeit in Slowenien, in: Germania 44 (1966), S. 1ff.
- Galliano (1985)* – Genevieve Galliano, De supellectile..., in: Le bois dans la Gaule, S. 137ff.
- Galliou – Jones (1991)* – P. Galliou – M. Jones, The Bretons, Oxford, 1991.
- Galsterer (1979)* – H. Galsterer, Bemerkungen zur Integration vorrömischer Bevölkerungen auf der iberischen Halbinsel, in: Tovar et al. (1979), S. 453ff.
- Gedl (1991)* – M. Gedl, Die keltischen Grabenobjekte [sic! Под «могильными объектами» («Grabobjekte») имеется в виду «погребальный инвентарь»] in Südpolen, in: EC 28 (1991), S. 157ff.

Geiß-Dreier (1992) – Regina Geiß-Dreier, Keltischer Glasschmuck. Zur Geschichte und Herstellungstechnik des Glases, in: Meisterwerke, S. 193ff.

Gensler (1995) – O. Gensler, Typology and pre-Celtic substrata: A new approach to the problem of Insular Celtic and Hamito-Semitic (noch ungedruckter Vortrag am «10th International Congress of Celtic Studies», Edinburgh, 1995).

Gernia (1981) – M. L. P. Gernia, Gli elementi celtici del latino, in: Campanile (1981), S. 97ff.

Gersbach (1980) – E. Gersbach, Neue Aspekte zur Geschichte des späthallstatt-frühatenezeitlichen Fürstensitzes auf der Heuneburg, in: Hallstattkultur, S. 357ff.

Geschichte und Kultur – Geschichte und Kultur der Kelten. Vorbereitungskonferenz 25.-28. Oktober 1982 in Bonn. Vorträge. Hg. K. H. Schmidt – R. Kodderitzsch, Heidelberg, 1986.

Gobl (1972) – R. Gobl, Neue technische Forschungsmethoden in der keltischen Numismatik, in: Anz. d. phil.-hist. Kl. d. österr. Ak. d. Wiss. 109 (1972), S. 491ff.

Gobl (1992) – R. Gobl, Münzprägung und Geldverkehr der Kelten in Österreich (= SB d. phil.-hist. Kl. d. österr. Ak. d. Wiss. 597 = Veröffentlichungen der Numismatischen Kommission 28), Wien, 1992.

Gobl (1994) – R. Gobl, Die Hexadrachmenprägung der Groß-Boier, Wien, 1994.

Goudineau – Peyre (1993) – Chr. Goudineau – Chr. Peyre, Bibracte et les Eduens. A la découverte d'un peuple gaulois, Paris, 1993.

Gran-Aymerich (1992) – J. Gran-Aymerich, Les matériaux étrusques hors d'Etrurie: le cas de la France et les travaux en cours a Bourges-Avaricum, in: Etrusker, S. 329ff.

Graufesenque (1988) – R. Marichal, Les graffites de la Graufesenque (=Editions du CNRS), Paris, 1988.

Gregor (1980) – D. B. Gregor, Celtic. A comparative Study of the Six Celtic Languages... seen against the Background of their History, Literature and Destiny, Cambridge, 1980.

Grenier (1945a) – A. Grenier, La Gaule celtique, Paris, 1945.

Grenier (1945b) – A. Grenier, Les Gaulois, Paris, 1945.

Gricourt (1958) – J. Gricourt, L'Esus de Petron, in: Latomus 17 (1958), S. 102ff.

Grierson (1901) – F. Grierson, The Celtic Temperament And Other Essays, New York – London, 1901 (Wiederabdruck 1970).

Grilli (1980) – A. Grilli, La migrazione dei Galli in Livio, in: Studi di Onore di Ferrante Rittatore Vonwiller, ed. P. Maggi, Como 1980, II, S. 183ff.

Gruel (1989) – Katherine Gruel, La monnaie chez les Gaulois, Paris 1989.

Gutenbrunner (1936a) – S. Gutenbrunner, Der Name des Ubiers Dregenius, in: ZcPh 20 (1936), S. 394ff.

Gutenbrunner (1936b) – S. Gutenbrunner, Die germanischen Götternamen der antiken Inschriften (= Rheinische Beiträge und Hüllsbücher zur germ. Philologie und Volkskunde 24), Halle, 1936.

Haarhoff (1920) – Th. Haarhoff, Schools of Gaul. A Study of Pagan and Christian Education in the last Century of the Western Empire, Oxford, 1920.

Hachmann – Kossack – Kuhn (1962) – R. Hachmann – G. Kossack – H. Kuhn, Völker zwischen Germanen und Kelten. Schriftquellen, Bodenfunde

und Namengut zur Geschichte des nördlichen Westdeutschlands um Christi Geburt, Neumünster, 1962.

Hachmann (1990) – R. Hachmann, Gundestrup-Studien, in: BRGK 71 (1990), S. 565ff.

Haffner (1976) – A. Haffner, Die westliche Hunsrück-Eifel-Kultur, Berlin, 1976.

Haffner (1992a) – A. Haffner, Die keltischen Fürstengräber des Mittelrheingebietes, in: Meisterwerke, S. 31ff.

Haffner (1992b) – A. Haffner, Das Schwert der Latenezeit, in: Meisterwerke, S. 129ff.

Haffner (1992c) – A. Haffner, Zum Gürtel der Latenezeit, in: Meisterwerke, S. 151ff.

Haffner (1992d) – A. Haffner, Goldscheiben vom Typ Weiskirchen. Schmuck und Statuszeichen des Mannes, in: Meisterwerke, S. 209ff.

Hallstattkultur i. Osten Österr.s – Hallstattkultur im Osten Österreichs, hg. L. D. Nebelsick, Alexandrine Eibner, E. Laueremann, J.-W. Neugebauer (=Wissenschaftl. Schriftenreihe Niederösterreich 106–109), St. Pölten, 1997.

Hallstattkultur – Die Hallstattkultur. Frühform europäischer Einheit (= Katalog der Internationalen Ausstellung des Landes Oberösterreich vom 25. April bis 26. Oktober 1980, Schloß Lamberg, Steyr), Linz, 1980.

Harbison (1976) – P. Harbison, Celtic Migrations in Western Europe, in: Actas (1976), S. 225ff.

Harbison (1988a) – P. Harbison, Pre-Christian Ireland: from the earliest settlers to the early Celts London, 1988 (=Ancient Peoples and Places 104).

Harbison (1988b) – P. Harbison, The Medieval Pilgrimage to St Patrick's Purgatory Lough Derg and the European Tradition, Enniskillen (Clogher Historical Society), 1988.

Harding (1976) – D. W. Harding (ed.), Hillforts. Later Prehistoric Earthworks in Britain and Ireland, London – New York – San Francisco, 1976.

Harmand (1985) – J. Harmand, La Gaule, César et la forêt, in: Le bois dans la Gaule, S. 140ff.

Harrison (1986a) – A. Harrison, Tricksters and Entertainers in the Irish Tradition, in: Proceedings (1986), S. 295ff.

Harrison (1986b) – F. Harrison, Celtic musics: characteristics and chronology, in: Geschichte und Kultur, S. 252ff.

Hartland (1909) – E. S. Hartland, Primitive Paternity. The Myth of Supernatural Birth in Relation to the History of the Family, 2 Bde., London, 1909.

Hatt (1951) – J.-J. Hatt, La tombe Gallo-Romaine, Paris 1951 (Nachdruck, 1986).

Hatt (1970a) – J.-J. Hatt, Kelten und Galloromanen, Genf, 1970.

Hatt (1970b) – J.-J. Hatt, Les croyances funéraires des Gallo-Romains d'après des tombes, in: RAE 21 (1970), S. 7ff.

Hatt (1989) – J.-J. Hatt, Mythes et dieux de la Gaule. I. Les grandes divinités masculines, Paris, 1989.

Hawkes (1972) – Chr. Hawkes, «Cumulative Celticity» in Pre-Roman Britain, in: EC 13 (1972), S. 607ff.

Hawkes (1976) – Chr. Hawkes, Celts and Cultures: Wealth, Power, Art, in: Duval – Hawkes (1976), S. 1ff.

Hayen (1983) – H. Hayen, Handwerklich-technische Lösungen im vor- und frühgeschichtlichen Wagenbau, in: Handwerk (1983), S. 415ff.

- Heiligtümer und Opferkulte* – Heiligtümer und Opferkulte der Kelten, hg. A. Haffner, Stuttgart, 1995
- Helvetier (1991a)* – Gold der Helvetier. Ausstellungskatalog von A. Furger und F. Müller, Schweizerisches Landesmuseum Zürich, 1991.
- Henderson (1967)* – Isabel Henderson, *The Picts*, London, 1967.
- Henderson (1972)* – G. Henderson, *Early Medieval: Style and civilization*, Penguin, Harmondsworth, 1972.
- Henry (1933)* – Françoise Henry, *La Sculpture irlandaise*, Paris, 1933.
- Henry (1954)* – Françoise Henry, *Early Christian Irish Art*, Dublin, 1954.
- Henry (1964)* – Françoise Henry, *L'art irlandais*, 3 Bde., s.l. (Yonne), 1963f.
- Herity – Eogan (1977)* – M. Herity – G. Eogan, *Ireland in Prehistory*, London–Henley–Boston, 1977.
- Herrmann (1996a)* – F.-R. Herrmann, *Der Fürstengrabbügel und seine Erforschung*, in: *Keltenfürst vom Glauberg*, S. 8ff.
- Herrmann (1996b)* – F.-R. Herrmann, *Die Statue eines keltischen Fürsten vom Glauberg*, in: *Denkmalpflege in Hessen 1&2 (1996)*, S. 2ff.
- Hitz (1999)* – H.-R. Hitz, *Eine Analyse der Glozel-Schrift und deren Lexik*. Deutsche Fassung des Vortrags, gehalten am 2. Internationalen Kolloquium in Vichy: «Neue wissenschaftliche Erkenntnisse von Glozel», Vichy 16. Mai 1999, Ettingen, 1999.
- Hubert (1950a)* – H. Hubert, *Les Celtes et l'expansion celtique jusqu'à l'Époque de la Tène*, 2, Paris, 1950.
- Hubert (1950b)* – H. Hubert, *Les Celtes depuis l'époque de la Tène et la civilisation celtique*, 2, Paris, 1950.
- Hubschmied (1936)* – J. U. Hubschmied, *Ausdrücke der Milchwirtschaft gallischen Ursprungs*, in: *Vox Romanica* 1 (1936), S. 88ff.
- Hubschmied (1938)* – J. U. Hubschmied, *Sprachliche Zeugen für das späte Aussterben des Gallischen*, in: *Vox Romanica* 3 (1938), S. 48ff.
- Hundt (1959)* – H.-J. Hundt, *Vorgeschichtliche Gewebe aus dem Hallstätter Salzberg*, in: *JbRGZM* 6 (1959), S. 66ff.
- Hundt (1960)* – H.-J. Hundt, *Vorgeschichtliche Gewebe aus dem Hallstätter Salzberg*, in: *JbRGZM* 7 (1960), S. 126ff.
- Hundt (1967)* – H.-J. Hundt, *Vorgeschichtliche Gewebe aus dem Hallstätter Salzberg*, in: *JbRGZM* 14 (1967), S. 38ff.
- Irische Kunst (1983)* – *Irische Kunst aus drei Jahrtausenden*, Ausstellung in Köln, Wallraf-Richartz-Museum 28. Februar–2. Juni 1983 und Berlin, Staatliche Museen Stiftung Preussischer Kulturbesitz 25. Juni–23. Oktober 1983, hg. H. Hellenkemper, Mainz, 1983.
- Jackson (1969a)* – K. H. Jackson, *The Gododdin. The oldest Scottish Poem*, Edinburgh, 1969.
- Jackson (1969b)* – K. H. Jackson, *The Irish Language and the Languages of the World*, in: *A View of the Irish Language*, ed. B. Ó Cuiv, Dublin 1969, S. 1ff.
- Jackson (1989)* – A. Jackson, *The Pictish Trail. A Traveller's Guide to the Old Pictish Kingdoms*, Edinburgh, 1989.
- Jacob-Friesen (1980)* – G. Jacob-Friesen, *Ein Jahrhundert Chronologie der vorrömischen Eisenzeit in Mittel- und Nordeuropa*, in: *BJ* 180 (1980), S. 1ff.
- Jacobsthal (1941)* – P. Jacobsthal, *Imagery in Early Celtic Art.* (= *The Sir John Rhy 157s Memorial Lecture*), London, 1941.
- Jacobsthal (1944)* – P. Jacobsthal, *Early Celtic Art*, 2 Bde., Oxford, 1944.

- Jahrtausend* – Das keltische Jahrtausend, hg. H. Dannheimer – R. Gebhard (= Ausstellungskataloge der Prähistorischen Staatssammlung 23), Mainz, 1993.
- James – Rigby (1997)* – S. James – Valery Rigby, Britain and the Celtic Iron Age, London, 1997.
- James (1993)* – S. James, Exploring the World of the Celts, London, 1993.
- Jarceva (1986)* – Viktorija N. Jarceva, Celtic and comparative studies, in: Geschichte und Kultur, S. 25ff.
- Jenkins (1990)* – D. Jenkins, gwalch: Welsh, in: CMCS 19 (summer 1990), S. 55ff.
- Jerem (1980)* – Erzsebet Jerem, Zur Späthallstatt- und Frühlatenezeit in Transdanubien, in: Die Hallstattkultur. Symposium Steyr 1980, Linz, 1981, S. 105ff.
- Joachim (1968)* – H. E. Joachim, Die Hunsrück-Eifel-Kultur am Mittelrhein, Köln – Graz, 1968.
- Joffroy – Bretz-Mahler (1959)* – R. Joffroy – Denise Bretz-Mahler, Les tombes à char de la Tène dans l'est de la France, in: Gallia 17 (1959), S. 5ff.
- Joffroy (1980)* – R. Joffroy, Die Handelswege in Gallien in der frühen Eisenzeit im Lichte der letzten Entdeckungen, in: Hallstattkultur, S. 417ff.
- Johnston (1934)* – J. B. Johnston, Place-Names of Scotland, 3 London, 1934.
- Jope (1976)* – E. M. Jope, The Wandsworth Mask Shield and its European Stylistic Sources of Inspiration, in: Duval – Hawkes (1976), S. 167ff.
- Jorda (1976)* – F. Jorda, J. de Hoz, L. Michelena (hg.), Actas del I coloquio sobre lenguas y culturas prerromanas de la península ibérica (Salamanca, 27–31 mayo 1974), Salamanca, 1976.
- Jovanovic – Popovic (1991)* – B. Jovanovic – P. Popovic, The Scordisci, in: The Celts (1991), S. 337ff.
- Joyce (1913)* – P. W. Joyce, A Social History of Ancient Ireland, 2 2 vols, London, 1913.
- Jufer – Luginbuhl (2001)* – Nicole Jufer – Thierry Luginbuhl, Répertoire des dieux gaulois. Les noms des divinités celtiques connus par l'épigraphie, les textes antiques et la toponymie, Paris, 2001.
- Jullian (1919)* – C. Jullian, Gallia. Tableau sommaire de la Gaule sous la domination Romaine, 5, Paris, 1919.
- Jullian (1926)* – C. Jullian, Histoire de la Gaule, 8 Bde, Paris, 1908–1926.
- Kalb (1979)* – Philine Kalb, Die Kelten in Portugal, in: Actas (1976), S. 209ff.
- Kappel (1969)* – Irene Kappel, Die Graphittonkeramik von Manching, Wiesbaden, 1969.
- Karl (1996)* – R. Karl, Latenezeitliche Siedlungen in Niederösterreich. Untersuchungen zu Fundtypen, Keramikchronologie, Bautypen, Siedlungstypen und Besiedlungsstrukturen im latenezeitlichen Niederösterreich (= Historica–Austria 2 und 3), Wien, 1996.
- Kaul et al. (1991)* – Fl. Kaul – I. Marazov – J. Best – Nanny de Vries, Thracian Tales on the Gundestrup Cauldron, Amsterdam 1991 (Najade Press, Publications of the Holland Travel University 1)
- Kaus (1980)* – K. Kaus, Herrschaftsbereiche der Kalenderbergkultur, in: Hallstattkultur, S. 149ff.
- Kaus (1981)* – K. Kaus, Lagerstätten und Produktionsstätten des «Ferrum Noricum», in: Eisengewinnung, S. 74ff.
- Kaus (1994)* – K. Kaus, CVRMISAG – ein keltischer Biertrinker, in:

Burgenländische Forschungen Sonderband XIII (Fs. H. Prickler), Eisenstadt, 1994, S. 201ff.

Keller (1955) – J. Keller, Das Fürstengrab von Rheinheim, in: *Germania* 33, (1955), S. 33ff.

Kellner (1986) – H.-J. Kellner, Die Forschungssituation zum Münzwesen der Kelten, in: *Geschichte und Kultur*, S. 216ff.

Kelten – Römer–Kelten–Römer. 1000 Jahre Kunst und Kultur in Gallien, hg. M. Pöbe, Olten s.a., [1962].

Kelten in Baden-Württemberg – Die Kelten in Baden-Württemberg, hg. K. Bittel, W. Kimmig, S. Schiek, Stuttgart, 1981.

Kelten in Bayern – Die Kelten in Bayern. Haus der Bayerischen Geschichte, hg. R. Gebhard – A. Lorentzen (= Hefte zur Bayerischen Geschichte und Kultur 15), München, 1993.

Kelten in den Alpen – Die Kelten in den Alpen und an der Donau. Akten des Internationalen Symposions St. Pölten, 14–18. Oktober 1992 (hg. Ersebet Jerem – Alexandra Krenn-Leeb – J.-W. Neugebauer – O. H. Urban), Budapest–Wien, 1996.

Kelten in Gallien – Die Kelten in Gallien. Katalog der Ausstellung «Die Kelten in Gallien», Museum f. Völkerkunde, Wien, 18. Oktober 1978–14. Jänner 1979, Wien, 1979.

Kelten in Mitteleuropa – Die Kelten in Mitteleuropa. Kultur, Kunst, Wirtschaft. Katalog der Salzburger Landesausstellung 1. Mai – 30. September 1980, Keltenmuseum Hallein, Salzburg, 1980.

Kelten in Nederland – Kelten in Nederland? Catalogus bij de gelijknamige tentoonstelling in het Allard Pierson Museum, 23 april t/m 11 juni 1993, Amsterdam, 1993.

Keltenfürst vom Glauberg – Der Keltenfürst vom Glauberg. Ein frühkeltischer Fürstengrabhügel am Hang des Glauberges bei Glauburg-Glauberg, Wetteraukreis (= Archäologische Denkmäler in Hessen 128/129), Wiesbaden, 1996.

Keltologen – Kelten & keltologen. Inleidingen over de Keltische talen en hun letterkunde met een catalogus (ed. Kees Veelenurf), Amsterdam, 1993.

Kemenczei (1980) – T. Kemenczei, Ostungarn in der Zeit der Frühhallstattkultur, in: *Hallstattkultur*, S. 79ff.

Kenner (1951) – Hedwig Kenner, Zur Kultur und Kunst der Kelten, in: *Carinthia* I 141 (1951), S. 566ff.

Kenner (1961) – Hedwig Kenner, Drei antike Sitzstatuen in Kärnten, in: *Carinthia* I 151 (1961), S. 439ff.

Kenney (1929) – J. F. Kenney, The Sources for the Early History of Ireland: Ecclesiastical, New York 1929 [Nachdruck Dublin, 1993].

Keppie (1990) – L. Keppie, Scotland's Roman Remains, 2 Edinburgh, 1990.

Kimmig – Hell (1958) – W. Kimmig – H. Hell, Vorzeit an Rhein und Donau, Lindau – Konstanz, 1958.

Kimmig – Rest (1954) – W. Kimmig – W. Rest, Ein Fürstengrab der späten Hallstattzeit von Kappel am Rhein, in: *JbRGZM* I (1954), S. 179ff.

Kimmig (1983a) – W. Kimmig, Die Heuneburg an der oberen Donau (= Führer zu vor- und frühgeschichtlichen Denkmälern in Baden-Württemberg 1), 2 Stuttgart, 1983.

Kimmig (1983b) – W. Kimmig, Zum Handwerk der späten Hallstattzeit, in: *Handwerk* (1983), S. 13ff.

Kimmig (1983c) – W. Kimmig, Frühe Kelten in der Schweiz im Spiegel der Ausgrabungen auf dem Uetliberg, Zürich, 1983.

Kimmig (1992) – W. Kimmig, Etruskischer und griechischer Import im Spiegel westhallstattlicher Fürstengräber, in: *Etrusker*, S. 281ff.

Kinwig (1975) – R. H. Kinwig, *The Isle of Man. A Social, Cultural and Political History*, 3. Liverpool, 1975.

Kittredge (1916) – G. L. Kittredge, *A Study of Gawain and the Green Knight*, Cambridge, 1916.

Klug (1986) – St. Klug, Die Ethnogenese der Kelten aus der Sicht der Anthropologie, in: *Ethnogenese*, S. 225ff.

Knez (1980) – T. Knez, Novo mesto in der Hallstattzeit, in: *Hallstattkultur*, S. 241ff.

Koch (1990) – J. T. Koch, Bran, Brennos: An Instance of Early Gallo-Brittonic History and Mythology, in: *CMCS 19 (1990 Winter)*, S. 1ff.

Kodderitzsch (1993) – R. Kodderitzsch, Keltisch und Thrakisch, in: *Symposium 1992*, S. 139ff.

Kossack (1980) – G. Kossack, Gedanken zur Periodisierung der Hallstattkultur, in: *Hallstattkultur*, S. 35ff.

Kovacs (1980) – T. Kovacs, Bronzezeitliche Tradition in der hallstattzeitlichen Kunst Transdanubiens, in: *Hallstattkultur*, S. 65ff.

Krahwinkler (1994) – H. Krahwinkler, Spuren von Iren im frühmittelalterlichen Mitteleuropa, in: *Slovanske Studie 1 (1994)*, S. 50ff.

Kramer (1949/50) – W. Kramer, Zur Zeitstellung der hölzernen Schilde des Hirschsprungfundes, in: *PZ 34/5 (1949/50)*, S. 354ff.

Kramer (1980) – D. Kramer, Zur Problematik der sogenannten «Ostnrischen Retentionskultur» in der Steiermark, in: *Hallstattkultur*, S. 173ff.

Krappe (1929) – A. H. Krappe, Sur le temoignage de Saint Jerome sur le Celtique parlé en Gaule, in: *RC 46 (1929)*, S. 126ff.

Kremer (1994) – B. Kremer, Das Bild der Kelten bis in augusteische Zeit: Studien zur Instrumentalisierung eines antiken Feindbildes bei griechischen und römischen Autoren (= *Historia. Einzelschriften 88*), Stuttgart, 1994.

Krieger und Salzherren – Krieger und Salzherren. Hallstattkultur im Ostalpenraum. Ausstellung des Naturhistorischen Museums Wien im Römisch-Germanischen Zentralmuseum Mainz 1. Juli bis 20. September 1970, Mainz, 1970.

Kromer (1959) – K. Kromer, *Das Gräberfeld von Hallstatt*, Firenze, 1959.

Kromer (1980) – K. Kromer, *Die ersten Europäer*, Innsbruck, 1980.

Kromer (1981) – K. Kromer, ByFi Skala, in: *Hoops 2 IV*, S. 293f.

Kruger (1949/50) – E. Kruger, Das Tierfries-Beschlagstück aus dem Moorfund von Thorsberg, in: *PZ 34/5 (1949/50)*, S. 112ff.

Kruta (1976) – V. Kruta, Le Premier Style en Bohême, in: *Duval – Hawkes (1976)*, S. 111ff.

Kruta (1986) – V. Kruta, Les Celtes des Gaules d'après l'archéologie, in: *Geschichte und Kultur*, S. 33ff.

Kultur der Kelten – Die Kultur der Kelten. 1. St. Veiter Historikergespräche, 16–18. Juni 1988, hg. Institut f. Geschichte d. Univ. Klagenfurt, Klagenfurt, 1989.

Kulturen im Norden – Kulturen im Norden. Die Welt der Germanen, Kelten und Slawen 400–1100 n. Chr., hg. D. M. Wilson, München, 1980.

Kunzl (1971) – E. Kunzl, Die Kelten des Epigonos von Pergamon (= *Beiträge zur Archäologie 4*), Würzburg, 1971.

Kuter (1986) – L. Kuter, Pan-Celtism: Past and Future, in: Proceedings (1986), S. 577ff.

Laing – Laing (1993) – I.I. Laing – Jennifer Laing, The Picts and the Scots, London, 1993.

Lambert (1994) – P.-Y. Lambert, La langue Gauloise, 2, Paris, 1994.

Landolfi (1991) – M. Landolfi, I Senoni dell'Adriatico dopo la battaglia di Sentinum, in: EC 28 (1991), S. 219ff.

Lange (1972) – W.-D. Lange, Keltisch-romanische Literaturbeziehungen im Mittelalter, in: Grundriß der romanischen Literaturen des Mittelalters, I, Heidelberg 1972, S. 163ff.

Laubscher (1987) – H. P. Laubscher, Ein prolemäisches Gallierdenkmal, in: Antike Kunst 30 (1987), S. 131ff.

Lausberg (1967) – H. Lausberg, Romanische Sprachwissenschaft, 2 Bde. Berlin, 1967 (Sammlung Goschen).

Le bois dans la Gaule – Le bois dans la Gaule romaine et les provinces voisines. Actes du Colloque 1985 (= Caesarodunum 21), Paris, 1985.

Le Du (1986) – J. Le Du, Bretagne: histoire et culture, in: Geschichte und Kultur, S. 201ff.

Le vicus – Le vicus gallo-romain. Actes du Colloque (= Caesarodunum [keine Bandzahl]), Paris, 1986.

Legend of Arthur – The Legend of Arthur in the Middle Ages, Studies presented to A. H. Diverres, Cambridge, 1983.

Lejeune – Marichal (1977) – M. Lejeune – R. Marichal, Textes Gaulois et Gallo-Romains en Cursive Latine, in: EC 15 (1976-77), S. 151ff.

Lejeune (1955) – M. Lejeune, Celtiberica (= Acta Salmanticensia. Filosofia y Letras 7, n. 4), Salamanca, 1955.

Lejeune (1971) – M. Lejeune, Lepontica, Paris, 1971.

Lejeune (1985) – M. Lejeune et al., Le plomb du Larzac, in: EC 22 (1985), S. 88ff.; auch als Monographie: Le plomb magique du Larzac et les sorcières gauloises, Paris, 1985 (zitiert nach diesem Jahrgang).

Lequenne (1959) – F. Lequenne, Les Galates, Paris, 1959.

Les Gaulois en Provence – Le temps des Gaulois en Provence (ed. J. Chausserie-Lapree), Martignes, 2000.

Lescure (1995) – Brigitte Lescure, Das kelto-ligurische «Heiligtum» von Roquepertuse, in: Heiligtümer und Opferkulte, S. 75ff.

Lewis (1932) – C. B. Lewis, Classical Mythology and Arthurian Romance, London, 1932.

Liversidge (1968) – Joan Liversidge, Britain in the Roman Empire, London, 1968.

Livius – Livius, Die Anfänge Roms (Römische Geschichte I – V), übers. mit einer Einführung und Erläuterungen versehen v. H. J. Hillen, Zürich – München, 1991.

Loomis (1927) – R. Sh. Loomis, Celtic Myth and Arthurian Romance, New York, 1927 (Nachdruck, 1967).

Loomis (1938) – R. Sh. Loomis, Arthurian Legends in Medieval Art, New York, 1975 (Nachdruck von 1938).

Lorenz (1985) – H. Lorenz, Regional organization in the western Early La Tène province: the Marne-Mosel and Rhine-Danube groups, in: Champion – Megaw (1985), S. 109ff.

Lorenz (1986) – H. Lorenz, Rundgang durch eine keltische Stadt, Pfaffenhofen, 1986

Loth (1883) – J. Loth, L'Émigration bretonne en Armorique du Ve au VIIe siècle de notre ère, Rennes 1883 (Nachdruck mit Vorwort von B. Tanguy, Paris, 1980).

Lowery – Savage (1976) – Ph. Lowery – R. Savage, Celtic Design with Compasses as seen on the Holcombe Mirror, in: Duval–Hawkes (1976), S. 219ff.

Lozachmeur (1981) – J.-Cl. Lozachmeur, Par la tête de Bran à l'hostie du Graal: pour une théorie des origines celtiques du mythe, in: Arthurian Tapestry, S. 275ff.

Lucke – Frey (1962) – W. Lucke – O. H. Frey, Die Situla in Providence (Rhode Island) (= Römisch-germanische Forschungen 26), Berlin, 1962.

Luzel (1887) – F. M. Luzel, Contes populaires de Basse-Bretagne, Paris, 1887.

Mac Eoin (1986a) – G. Mac Eoin, The Decline of the Celtic Languages, in: Proceedings (1986), S. 589ff.

Mac Eoin (1986b) – G. Mac Eoin, The Celticity of Celtic Ireland, in: Geschichte und Kultur, S. 161ff.

Macalister (1937) – R. A. St. Macalister, The Secret Languages of Ireland, with special reference to the origin and nature of the Shelta Language London, 1937 (Nachdruck Norwood, 1978).

Macalister (1940) – R. A. St. Macalister, The Inscriptions and Language of the Picts, in: Fs. MacNeill, S. 184ff.

Macaulay (1992) – D. Macaulay (ed.), The Celtic Languages, Cambridge, 1992.

MacCulloch (1903) – Sir Edgar MacCulloch, Guernsey Folklore. A Collection of Popular Superstitions, Legendary Tales..., ed. Edith F. Carey, London – Guernsey, 1903.

MacNeill (1911) – E. MacNeill, Early Irish Population Groups, in: PRIA 29C, S. 59ff.

Maier (1970) – F. Maier, Die bemalte Spätlatene-Keramik von Manching, Wiesbaden, 1970.

Maier (1994) – B. Maier, Lexikon der keltischen Religion und Kultur, Stuttgart 1994, in englischer Übersetzung: Dictionary of Celtic Religion and Culture, Woodbridge, 1997.

Malitz (1983) – J. Malitz, Die Historien des Poseidonios, München, 1983.

Mallory – McNeill (1991) – J. P. Mallory – T. E. McNeill, The Archaeology of Ulster from Colonization to Plantation, Belfast, 1991.

Mallory (1992) – J. P. Mallory, The World of Cu Chulainn: The Archaeology of the Tain BO Cuailnge, in: Aspects, S. 103ff.

Marco Simon (1988) – F. Marco Simon, La religiosidad celtiberica, in: Celtiberos, S. 171ff.

Martin (1963) – R. Martin, Sculptures en bois découvertes aux sources de la Seine, in: RAE 14 (1963), S. 7ff.

Martin (1965) – R. Martin, Wooden Figures from the Source of the Seine, in: Antiquity 39 (1965), S. 247ff.

McCone (1985) – K. McCone, OIr. Oic, Luch- and IE *wABk-os, *luk-os «wolf», in: Eriu 36 (1985), S. 171ff.

McCone (1986) – K. McCone, Werewolves, Cyclopes, Diberga, and Fianna: Juvenile Delinquency in Early Ireland, in: CMCS 12 (winter 1986), S. 11f.

McManus (1991) – D. McManus, A Guide to Ogam (= Maynooth Monographs 4), Maynooth, 1991.

Medialität (1992) – Medialität und mittelalterliche insulare Literatur, hg. Hildegard L. C. Tristram (=ScriptOralia 43), Tübingen, 1992.

Meduna (1980) – J. Meduna, Die latenezeitlichen Siedlungen in Mähren, Praha, 1980.

Megaw – Megaw (1989) – Ruth Megaw – V. Megaw, Celtic Art. From its Beginnings to the Book of Kells, London, 1989.

Megaw – Megaw (1990) – J. V. S. Megaw – M. Ruth Megaw, The Basse-Yutz Find: Masterpieces of Celtic Art. The 1927 Discovery in the British Museum, London 1990 (Reports of the Research Committee of the Society of Antiquaries of London Nr. 46).

Megaw – Megaw (1991) – J. V. S. Megaw – M. Ruth Megaw, The Earliest Insular Celtic Art: Some Unanswered Questions, in: EC 28 (1991), S. 283ff.

Megaw – Simpson (1988) – J. V. S. Megaw – D. D. A. Simpson, Introduction to British Prehistory, Leicester, 1988.

Megaw (1970a) – J. V. S. Megaw, Art of European Iron Age, New York, 1970.

Megaw (1970b) – J. V. S. Megaw, Cheshire Cat and Mickey Mouse. Analysis, interpretation and the art of the La Tène Iron Age, in: PPS 36 (1970), S. 261ff.

Megaw (1985) – J. V. S. Megaw, Meditations on a Celtic hobby-horse: notes toward a social archaeology of Iron Age, in: Champion – Megaw (1985), S. 162ff.

Meid – Anreiter (1996) – Die größeren altkeltischen Sprachdenkmäler. Akten des Kolloquiums Innsbruck, 29. April – 3. Mai 1993, hg. W. Meid – P. Anreiter (= IBK Sonderheft 95), Innsbruck, 1996*.

Meid (1980) – W. Meid, Gallisch oder Lateinisch. Soziolinguistische und andere Bemerkungen zu populären gallo-lateinischen Inschriften (= IBS, Vorträge 24), Innsbruck, 1980.

Meid (1989) – W. Meid, Zur Lesung und Deutung gallischer Inschriften (IBS, Vorträge 40), Innsbruck, 1989.

Meid (1991) – W. Meid, Aspekte der germanischen und keltischen Religion im Zeugnis der Sprache (= IBS, Vorträge und Kleinere Schriften 52), Innsbruck, 1991.

Meid (1992) – W. Meid, Gaulish Inscriptions (=Archaeolingua. Series Minor 1), Budapest, 1992.

Meid (1993) – W. Meid, Die erste Botorrita-Inschrift. Interpretation eines keltiberischen Sprachdenkmals (IBS 76), Innsbruck, 1993.

Meid (1994) – W. Meid, Celtiberian Inscriptions (=Archaeolingua. Series Minor 5), Budapest, 1994.

Meid (1996a) – W. Meid, Heilpflanzen und Heilssprüche. Zeugnisse gallischer Sprache bei Marcellus von Bordeaux (= IBS Vorträge und Kleinere Schriften 63), Innsbruck, 1996.

Meid (1996b) – W. Meid, Kleinere keltiberische Sprachdenkmäler (= IBS Vorträge und kleinere Schriften 64), Innsbruck, 1996.

Meier (1950) – J. Meier, Ahnengrab und Rechtsstein. Untersuchungen zur deutschen Volkskunde und Rechtsgeschichte (= Veröffentlichungen d. Komm. f. Volkskunde d. Dt. Ak. d. Wiss. zu Berlin 1), Berlin, 1950.

Metzler (1991) – J. Metzler et al., Clemency et les tombes de l'aristocratie en Gaule Belgique, Luxembourg, 1991.

Metzler (1995) – J. Metzler, Le Titelberg Oppidum des Trevires, in: Luxembourg, S. 42ff.

Metzler-Zens et al. (1995) – Nicole Metzler-Zens – J. Metzler – R. Bis, Les sépultures du deuxième âge du Fer, in: Luxembourg, S. 48ff.

Meyer (1946) – E. Meyer, Schweiz im Altertum, Bern, 1946.

Miron (1992) – A. Miron, Die Fibel, in: Meisterwerke, S. 159ff.

Mitchell (1993) – St. Mitchell, Anatolia: Land, Men and Gods in Asia Minor. I. The Celts in Anatolia and the Impact of Roman Rule, Oxford, 1993.

Mittermuller (1994) – Fr. Mittermuller, Holzkohle für Innerberg. Zur Brennstoffversorgung eines Reviers vom 16. bis zum 19. Jahrhundert (= Diplomarbeit Universität Graz), Graz, 1994.

Mommsen (1904) – Th. Mommsen, Römische Geschichte, 9 3 Bde., Berlin, 1904.

Moosleitner – Pauli – Penninger, – F. Moosleitner – L. Pauli – E. Penninger, Der Durnberg bei Hallein, 3Bde. München, 1972–1978.

Moosleitner (1991) – F. Moosleitner, The Durnberg near Hallein: A Center of Celtic Art and Culture, in: The Celts (1991), S. 167ff.

Moreau (1961) – J. Moreau, Die Welt der Kelten, Stuttgart, 1961.

Morlet (1927) – A. Morlet, Les Vases inscrits de Glozel, Paris, 1927.

Much (1967) – R. Much, Die Germania des Tacitus, 2 hg. W. Lange unter Mitarbeit von H. Jankuhn, Heidelberg, 1967.

Muhlmann (1985) – W. E. Muhlmann, Ethnogenie und Ethnogenese. Theoretisch-ethnologische und ideologiekritische Studie, in: Studien zur Ethnogenese (= Abh. d. Rhein.-Westfal. Ak. d. Wiss., Bd. 72), Opladen, 1985, S. 9ff.

Nachtergaele (1975) – G. Nachtergaele, Les Galtes en Grece et les Soteria de Delphes. Recherches d'histoire et d'epigraphie hellenistiques, Bruxelles, 1975.

Napoleon III – Napoleon (III). Histoire de Jules Cesar, 2 vols, Paris, 1865f.

Nash (1985) – Daphne Nash, Celtic territorial expansion and the Mediterranean world, in: Champion – Megaw (1985), S. 45ff.

Nash-Williams (1954) – V. E. Nash-Williams, The Roman Frontier in Wales, Cardiff, 1954.

Nedoma (1995) – R. Nedoma, Die Inschrift auf dem Helm B von Negau (= Philologica Germanica 17), Wien, 1995.

Neugebauer (1992) – J.-W. Neugebauer (et al.), Die Kelten im Osten Österreichs, 2 St. Pölten – Wien, 1992.

Neumann – Seemann (1992) G. Neumann, Der Name der Sveben, in: G. Neumann – H. Seemann, Hg. Beiträge zum Verständnis der Germania des Tacitus, Teil 2, Abhdlg. d. Akademie d. Wiss. Göttingen, Phil.-hist. Klasse 1992, S. 153–166.

Nicolaisen – W. F. H. Nicolaisen, Scottish place-names: their study and significance, London, 1976.

Nicoll (1995) – A Pictish Panorama, hg. E. H. Nicoll, Forfar, 1995.

Niketas Choniates 1 – Niketas Choniates, Abenteuer auf dem Kaiserthron, übers. F. Grabler (= Byzantinische Geschichtsschreiber 8), Graz–Wien–Köln, 1958.

Niketas Choniates 2 – Niketas Choniates, Die Kreuzfahrer erobern

Konstantinopel, übers. F. Grabler (= Byzantinische Geschichtsschreiber 9), Graz-Wien-Köln, 1958.

Nortmann (1992) – H. Nortmann, Herstellung und Zierweise keltischer Keramik, in: Meisterwerke, S. 119ff.

O Duilearga (1981) – S. O Duilearga, Sean O Conaill's Book. Stories and Traditions from Iveragh, Dublin, 1981.

O Riordain (1987) – S. P. O Riordain, Antiquities of the Irish Countryside, 5 London – New York, 1987.

Oelmann (1928) – F. Oelmann, Ein gallorömischer Bauernhof bei Mayen, in: BJ 133 (1928), S. 51ff.

O'Leary (1988) – P. O'Leary, Honour-bound: the Social Context of Early Irish Heroic Geis, in: Celtica 20 (1988), S. 85ff.

O'Leary (1994) – Philip O'Leary, Ideology and Innovation: The Prose Literature of the Gaelic Revival, 1881–1921, Dublin, 1994.

Olmsted (1994) – G. Olmsted, The Gods of the Celts and the Indo-Europeans (= Archaeolingua 6 = IBK), Budapest, 1994.

O'Neill Hencken (1932) – H. O'Neill Hencken, The Archaeology of Cornwall and Scilly, London, 1932.

O'Rahilly (1924) – Cecile O'Rahilly, Ireland and Wales, London, 1924.

Ortalli (1990) – J. Ortalli, Nuovi dati sul popolamento di eta celtica nel territorio bolognese, in: EC 27 (1990), S. 7ff.

Poichystal (1995) – A. Poichystal, Geschichte des Fundes aus der ByFi skala-Höhle und die neueste Erkenntnisse, in: PravNk N" 5 (1995), 11ff.;

Parvan (1928) – V. Parvan, Dacia. An Outline of the Early Civilizations of the Carpatho-Danubian Countries, Cambridge, 1928.

Parzinger (1995) – H. Parzinger et al., Die ByFi skala-Höhle, Mainz 1995

Pascal (1964) – C. B. Pascal, The Cults of Cisalpine Gaul (=Collection Latomus 75), Bruxelles, 1964.

Patek (1980) – Erzsebet Patek, Die Anfänge der Siedlung und des Gräberfeldes von Sopron-Burgstall, in: Hallstattkultur, S. 93ff.

Paton (1903) – Lucy Allen Paton, Studies in the Fairy Mythology of Arthurian Romance, New York, 1903 (Nachdruck, 1970).

Pauli (1975a) – L. Pauli, Die Gräber vom Salzberg zu Hallstatt. Erforschung – Überlieferung – Auswertbarkeit, Mainz, 1975.

Pauli (1975b) – L. Pauli, Keltischer Volksglaube. Amulette und Sonderbestattungen am Durnnberg bei Hallein und im eisenzeitlichen Mitteleuropa (= Veröffentlichungen der Kommission zur archäologischen Erforschung des spätromischen Raetien d. bayer. Ak. d. Wiss., Münchener Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte 28), München, 1975.

Pauli (1978) – L. Pauli, Der Durnnberg bei Hallein III, in: Moosleitner – Pauli – Penninger, Auswertung der Grabfunde (= Veröffentlichungen der Kommission zur archäologischen Erforschung des spätromischen Raetien d. bayer. Ak. d. Wiss., Münchener Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte 18), 2 Bde., München, 1978.

Pauli (1985) – L. Pauli, Early Celtic Society: two centuries of wealth and turmoil in central Europe, in: Champion–Megaw (1985), S. 23ff.

Pauli (1992) – L. Pauli, Die historische Entwicklung im Gebiet der Golasecca-Kultur, in: Etrusker, S. 179ff.

Peddie (1987) – J. Peddie, Invasion. The Roman invasion in Britain in the

year AD 43 and the events leading to their occupation of the West Country, Gloucester, 1987.

Pelletier (1984) – A. Pelletier, La femme dans la société gallo-romaine, Paris, 1984.

Pelletier (1985) – La médecine en Gaul. Recueil de textes parus sous la direction de A. Pelletier, Paris, 1985.

Pelletier (1993) – A. Pelletier, La civilisation gallo-romaine de A à Z, Lyon, 1993.

Pertlwieser (1987) – M. Pertlwieser, Frühhallstattzeitliche Herrschaftsgräber bei Mitterkirchen (Oberösterreich), in: Antike Welt 18 (1987), S. 48ff.

Pertlwieser (s. a.) – M. Pertlwieser, Frühhallstattzeitliche Wagenbestattungen in Mitterkirchen, in: Prunkwagen, S. 55ff.

PiF (1906) – J. L. PiF, Le Hradischt de Stradonitz en Bohême, Leipzig, 1906.

Pieta (1982) – K. Pieta, Die Puchov-Kultur, Nitra, 1982.

Piggott (1965) – St. Piggott, Ancient Europe, from the Beginnings of Agriculture to Classical Antiquity, Edinburgh, 1965.

Piggott (1975) – St. Piggott, The Druids, London, 1968 (Nachdruck, 1975, 1993).

Piggott (1982) – St. Piggott, Scotland Before History, with a Gazetteer of Ancient Monuments by Gr. Ritchie, Edinburgh, 1982.

Piggott (1989) – St. Piggott, Ancient Britons and the Antiquarian Imagination, London, 1989.

Piggott (1992) – St. Piggott, Wagon, chariot and carriage: symbol and status in the history of transport, London, 1992.

Pinet (1977/78) – Chr. Pinet, Myths and Stereotypes in «Asterix le Gaulois», in: Canadian Modern Language Review 34 (1977/78), S. 149ff. *

Pink (1949) – K. Pink, Die Münzprägung der Ostkelten, Budapest, 1949.

Pink (1974) – K. Pink, Einführung in die keltische Münzkunde, 3 Wien, 1974.

Pittioni (1959) – R. Pittioni, Zum Herkunftsgebiet der Kelten (= SB d. österr. Ak., phil.-hist. Kl. 233/3), Wien, 1959.

Pittioni (1984) – R. Pittioni, Wer hat wann und wo den Silberkessel von Gundestrup angefertigt? (= Denkschriften d. österr. Ak. d. Wiss., phil.-hist. Kl. 178 Bd. = Veröffentlichungen d. kelt. Kommission Nr. 3), Wien, 1984.

Pleiner (1993) – R. Pleiner, The Celtic Sword, Oxford, 1993.

Pleiner (1995) – R. Pleiner, Early Bloomeries in Central Europe, in: La siderurgie ancienne de l'Est de la France dans son contexte européen. Colloque de Besançon, 10–13 Novembre 1993 (= Annales littéraires de l'Université de Besançon 536, Serie Archeologique 40), Besançon, 1995.

Plinius – Pliny, Natural History. With an English transl. by H. Rackham et al., 10 Bde (= Loeb Classical Library), London – Cambridge/Mass, 1958ff.

Ploß (1956) – E. Ploß, Die Färberei in der germanischen Hauswirtschaft, in: ZfdPh 75 (1956), S. 1ff.

Pokorny (1940) – J. Pokorny, Eriu and the Coming of the Goidels, Fs. MacNeill, S. 237ff.

Polome (1983) – E. Polome, Celto-Germanic Isoglosses (Revisited), in: JIES 11 (1983), S. 281ff.

Pool (1975) – P. A. S. Pool, The Death of Cornish (1600–1800), Penzance, 1975.

Popovic (1991) – P. Popovic, Les celtes orientaux et la formation des Scordisques: aspects archéologiques, numismatiques et chronologiques, in: EC 28 (1991), S. 339ff.

Powell (1958) – T. G. E. Powell, The Celts, London, 1958 (=APP 6).

Powell (1962) – T. G. E. Powell, The Coming of the Celts, in: Prehistoric Peoples, S. 105ff.

Power (1991) – P. C. Power, The Book of Irish Curses, 3, Dublin, 1991.

Praxis Geschichte – Westermann, Praxis Geschichte: Kelten, 10. Jg., Heft 3, Braunschweig, Mai 1996.

Proceedings (1988) – Proceedings of the First North American Congress of Celtic Studies, Ottawa, 1988.

Prosdocimi – Solinas (1991) – A. L. Prosdocimi – Patrizia Solinas, The Language and Writings of the Early Celts, in: The Celts (1991), S. 51ff.

Prunkwagen – Prunkwagen und Hugelgrab. Kultur der frühen Eisenzeit von Hallstatt bis Mitterkirchen (= Kataloge des o.o. Landesmuseums N.F. Bd. 13), Linz (s.a.).

Radford (1954) – C. A. Raleigh Radford, The Tribes of Southern Britain, in: PPS 20 (1954), S. 1ff.

Radke (1965) – G. Radke, Die Götter Altitaliens, Münster, 1965.

Raftery (1984) – B. Raftery, La Tène in Ireland. Problems of Origin and Chronology (= Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg, Sonderbd. 2), Marburg, 1984.

Raftery (1991) – B. Raftery, The Island Celts, in: The Celts (1991), S. 555ff.

Raftery (1994) – B. Raftery, Pagan Celtic Ireland, London, 1994.

Raftery (1995) – B. Raftery, «Ireland and Scotland during the Iron Age» (noch ungedruckter Vortrag am «10th International Congress of Celtic Studies», Edinburgh, 1995).

Raftery (1996) – B. Raftery, Trackway Excavations in the Mountdillon Bogs, Co. Longford, 1985 – 1991 (= Irish Archaeological Wetland Unit, Transactions vol. 3), Dublin, 1996.

Randkulturen – Abriss der Geschichte antiker Randkulturen, hg. W.-D. v. Barloewen, München, 1961.

Rätsel der Kelten – Das Rätsel der Kelten vom Glauberg. Glaube – Mythos – Wirklichkeit. Eine Ausstellung des Landes Hessen in der Schirn Kunsthalle Frankfurt, 24. Mai – 1. September 2002, Stuttgart, 2002.

Reaney (1961) – P. H. Reaney, The Origin of English Place-Names, 2, London, 1961.

Rebillon (1957) – A. Rebillon, Histoire de Bretagne, Paris, 1957.

Redde et al. (1995) – M. Redde – S. von Schnurbein – Susanne Sievers, Neue Ausgrabungen und Forschungen zu den Belagerungswerken Caesars um Alesia (1991-1994) (= Bericht d. RGK 76), Frankfurt/M., 1995.

Reid (1993) – M. L. Reid, Prehistoric Houses in Britain (= Shire Archaeology), Princes Risborough (Buckinghamsh.), 1993.

Reiffenstein (1991) – I. Reiffenstein, Sprachgeschichte: Ortsnamen, Schreibsprachen und Mundarten im Land Salzburg, in: H. Dopsch, Geschichte Salzburgs. Stadt und Land, II. Neuzeit und Zeitgeschichte, Teil 3, Salzburg, 1991, S. 1803ff.

Reitinger (1980) – J. Reitinger, Die Hallstattkultur Mitteleuropas, in: Hallstattkultur, S. 7ff.

- Ritchie – Ritchie (1981)* – G. Ritchie – Anne Ritchie, Scotland. Archaeology and Early History, London, 1981
- Ritchie (1993)* – Anna Ritchie, Picts, 4, Edinburgh, 1993.
- Ritchie (1994)* – Anna Ritchie, perceptions of the Picts: from Eumenius to John Buchan, Inverness (Groam House), 1994.
- Rivet – Smith (1979)* – A. L. F. Rivet – C. Smith, The place-names of Roman Britain, London, 1979.
- Rivet (1969)* – A. L. F. Rivet, The Roman Villa in Britain, London, 1969
- Rivet (1988)* – A. L. F. Rivet, Gallia Narbonensis. Southern France in Roman times, with a chapter on Alpes Maritimae, London, 1988.
- Rix (1954)* – H. Rix, Zur Verbreitung und Chronologie einiger keltischer Ortsnamentypen, als Anhang zu: W. Kimmig, Zur Urnenfelderkultur in Südwesteuropa, in: Goessler-Fs., Stuttgart, 1954, S. 99ff.
- Rockel (1989a)* – M. Rockel, Taliessin – Aneirin. Altwalisische Heldendichtung, Reclam, Leipzig, 1989.
- Rockel (1989b)* – M. Rockel, Grundzüge einer Geschichte der irischen Sprache (= SB d. osterr. Ak. d. Wiss., phil.-hist. Kl. 519. Veröffentlichungen der keltischen Kommission Nr. 9), Wien, 1989.
- Rockel (1990)* – M. Rockel, Zur Gegenstandsbestimmung der Keltologie, in: Deutsche, Kelten und Iren, S. 55ff.
- Ross – Feachem (1970)* – Anne Ross, Everyday Life of the Pagan Celts. Drawings by R. W. Feachem, London–New York, 1970.
- Ross (1967)* – Anne Ross, Pagan Celtic Britain. Studies in Iconography and Tradition, London – New York, 1967 (Nachdruck, 1974).
- Ross (2001)* – Anne Ross, Folklore of Wales, Stroud, 2001.
- Rubekeil (1992)* – L. Rubekeil, Suebica. Volkernamen und Ethnos (= IBS 68), Innsbruck, 1992.
- Rubekeil (2002)* – L. Rubekeil, Diachrone Studien zur Kontaktzone zwischen Kelten und Germanen, Wien, 2002
- Russel (1995)* – P. Russel, An Introduction to the Celtic Languages, London–New York, 1995.
- Rynne (1995)* – E. Rynne, Early Iron Age pillar-stones in Ireland (noch ungedruckter Vortrag am «10th International Congress of Celtic Studies», Edinburgh, 1995).
- Salway (1984)* – P. Salway, Roman Britain, Oxford–New York, 1984.
- Sasel Kos – Scherrer (2002)* – The Autonomous Towns of Noricum and Pannonia. Die autonomen Städte in Noricum und Pannonien, hg. Marjeta Sasel Kos – P. Scherrer, Ljubljana, 2002.
- Schefold (1949/50)* – K. Schefold, Die Stilgeschichte der frühen keltischen Kunst, in: PZ 34/5 (1949/50), S. 11ff.
- Schmidt – Kodderitzsch (1977)* – Indogermanisch und Keltisch, Kolloquium der Indogermanischen Gesellschaft am 16. und 17. Februar 1976 in Bonn. Vorträge hg. K. H. Schmidt – R. Kodderitzsch, Wiesbaden, 1977.
- Schmidt (1967)* – K. H. Schmidt, Keltisches Wortgut im Lateinischen, in: Glotta 44 (1967), S. 151ff.
- Schmidt (1979)* – K. H. Schmidt, Probleme des Keltiberischen, in: Tovar et al. (1979), S. 101ff.
- Schmidt (1983)* – K. H. Schmidt, Handwerk und Handwerker in altkeltischen Sprachdenkmalern, in: Handwerk (1983), S. 751ff.

Schmidt (1984) – K. H. Schmidt, «Meid Wolfgang. Gallisch oder Lateinisch?» [Rezension von Meid (1980)], in: IF 88 (1983), S. 335ff.

Schmidt (1986a) – K. H. Schmidt, Keltiberisch Tocoitos/Tocoitei und galisch Ucuete/Ucuctin, in: ZcPh 41 (1986), S. 1ff.

Schmidt (1986b) – K. H. Schmidt, On the Reconstruction of Proto-Celtic, in: Proceedings (1986), S. 231ff.

Schmidt (1986c) – K. H. Schmidt, History and Culture of the Celts. Draft plan of a comprehensive survey, in: Geschichte und Kultur, S. 14ff.

Schmidt (1991) – K. H. Schmidt, Latin and Celtic: Genetic Relationship and Areal Contacts, in: BBCS 38 (1991), S. 1ff.

Schmidt (1993) – K. H. Schmidt, Stand und Aufgabe der deutschsprachigen Keltologie, in: Symposium 1992, S. 1ff.

Schmidt (1994) – K. H. Schmidt, Galatische Sprachreste, in: Forschungen in Galatien, hg. E. Schwertheim (= Asia Minor Studien 12), Bonn, 1994, S. 15ff.

Schmoll (1959) – U. Schmoll, Die Sprachen der vorkeltischen Indogermanen Hispaniens und das Keltiberische, Wiesbaden, 1959.

Schneider (1989) – U. Schneider, Einführung in den Hinduismus, Darmstadt, 1989.

Schneiders – Veelenturf (1992) – M. Schneiders – K. Veelenturf, Celtic Studies in the Netherlands: a bibliography, Dublin, 1992.

Schoepperle-Loomis (1913) – Gertrude Schoepperle-Loomis, Tristan and Isolt. A Study of the Sources of the Romance, 2 vols., Frankfurt/M., 1913 (Nachdruck New York, 1970).

Schule (1979) – W. Schule, Die Keltiberer, archäologisch gesehen, in: Actas (1976), S. 197ff.

Schulten (1914) – A. Schulten, Numantia, I: Die Keltiberer und ihre Kriege mit Rom, München, 1914.

Schwappach (1976) – F. Schwappach, L'art ornemental du «Premier Style» Celtique, in: Duval – Hawkes (1976), S. 61ff.

Schwerteck (1979) – H. Schwerteck, Zur Deutung der großen Felsinschrift von Penalba de Villastar, in: Tovar et al. (1979), S. 185ff.

Scott (1990) – B. G. Scott, Early Irish Ironworking, Belfast, 1990.

Scott (1991) – Eleanor Scott, Animal and Infant Burials in Romano-British Villas: A Revitalization Movement, in: Garwood et al. (1991), S. 115ff.

Sievers (1980) – Susanne Sievers, Die mitteleuropäischen Hallstattdolche, in: Hallstattkultur, S. 399ff.

Sievers (1993) – Susanne Sievers, Das Oppidum von Manching, in: Archäologie in Deutschland, Heft 3 (1993), S. 32ff.

Silvestri (1981) – D. Silvestri, I primi studi scientifici sul sostrato celtico in Italia, in: Campanile (1981), S. 123ff.

Soudska (1980) – Eva Soudska, Das Gräberfeld in Manetin Hradek, in: Hallstattkultur, S. 137ff.

Spindler (1976) – K. Spindler, Der Magdalenenberg bei Villingen. Ein Fürstengrabhugel des 6. vorchristlichen Jahrhunderts (= Führer zu vor- und frühgeschichtlichen Denkmälern in Baden-Württemberg 5), Stuttgart–Aalen, 1976.

Spindler (1980) – K. Spindler, Zur absoluten Chronologie der Hallstattzeit, in: Hallstattkultur, S. 47ff.

Stafford (1988) – Fiona J. Stafford, The sublime Savage. A Study of James Macpherson and The Poems of Ossian, Edinburgh, 1988.

- Stahelin (1907)* – F. Stahelin, Geschichte der Kleinasiatichen Galater, 2, Leipzig, 1907.
- Stead (1985)* – I. M. Stead, The Battersea Shield, London, 1985.
- Stead (1991a)* – I. M. Stead, The Arras Culture, in: The Celts (1991), S. 587ff.
- Stead (1991b)* – I. M. Stead, The Belgae in Britain: The Aylesford Culture, in: The Celts (1991), S. 591ff.
- Stead (1995)* – I. M. Stead, Die Schatzfunde von Snettisham, in: Heiligtümer und Opferkulte, S. 100ff.
- Steinhauser (1940)* – W. Steinhauser, Altgermanisches im Trentum, in: Anzeiger d. Ak. d. Wiss. in Wien, phil.-hist. Kl., Jg. 1940, S. 61ff.
- Sterckx (1990–91)* – Cl. Sterckx, Manuel élémentaire pour servir à l'étude de la civilisation celtique, in: Ollodagos 2 (1990–1901), S. 1ff.
- Stoll (1978)* – A. Stoll, «Asterix». L'épopée burlesque de la France, Bruxelles, 1978.
- Strobel (1991)* – K. Strobel, Die Galater im hellenistischen Kleinasien, in: Hellenistische Studien 1991, S. 101ff.
- Studien* – Studien zum indogermanischen Wortschatz, hg. W. Meid (= IBS 52), Innsbruck, 1987.
- Sutherland (1994)* – Elizabeth Sutherland, In Search of the Picts. A Celtic Dark Age Nation, London, 1994.
- Symposium 1992* – Akten des Ersten Symposiums deutschsprachiger Keltologen (Gosen bei Berlin, 8.-10. April 1992), hg. M. Rockel – St. Zimmer = Buchreihe der ZfcPh 11, Tübingen, 1993.
- Szabo (1986)* – M. Szabo, Archéologie des Celtes continentaux: contribution à une division dans le temps et dans l'espace, in: Geschichte und Kultur, S. 57ff.
- Szabo (1991a)* – M. Szabo, Le monde celtique au IIIe siècle avant J.-C. Rapport sur les recherches récentes, in: EC 28 (1991), S. 11ff.
- Szabo (1991b)* – M. Szabo, The Romanization of the Danubian Countries, in: The Celts (1991), S. 514ff.
- Szabo (1992)* – M. Szabo, Les celtes de l'Est. Le second âge du fer dans la cuvette des Karpates, Paris, 1992.
- Szoverffy (1957)* – J. Szoverffy, Irisches Erzählgut im Abendland, Berlin, 1957.
- Tacitus* – Cornelius Tacitus, Sämtliche erhaltene Werke. Unter Zugrundelegung der Übertragung von W. Botticher neu bearbeitet von A. Schaefer, Essen s.a.
- Tatlock (1950)* – J. S. P. Tatlock, The Legendary History of Britain, Berkeley – Los Angeles, 1950 (Nachdruck New York, 1974).
- Ternes (1982)* – E. Ternes, The Grammatical Structure of the Celtic Languages, in: Consciousness, S. 69ff.
- Ternes (1993)* – E. Ternes, Italo-keltisch heute: typologische Gemeinsamkeiten der keltischen und romanischen Sprachen, in: Symposium 1992, S. 301ff.
- The Celts (1991)* – The Celts [=Katalog der Keltenausstellung im Palazzo Grassi 1991], Milano, 1991.
- Thevenot (1948)* – E. Thevenot, Les Gallo-Romains, Paris, 1948.
- Thevenot (1960)* – E. Thevenot, Les Eduens n'ont pas trahi, Bruxelles, 1960.

Thomson (1986) – D. S. Thomson, Scotland: history and culture, in: Geschichte und Kultur, S. 175ff.

Thraker und Kelten – Thraker und Kelten beidseits der Karpaten. Keltenmuseum Hochdorf/Enz. Sonderausstellung vom 14. September 2000–20. April 2001, Eberdingen, 2000/2001.

Thurneysen (1914) – R. Thurneysen, Die Kelten in ihrer Sprache und Literatur. Eine akademische Rede gehalten am Geburtstag S. M. des Kaisers den 27. Januar 1914, Bonn 1914 = Thurneysen (1991), II, S. 159ff.

Thurneysen (1937) – R. Thurneysen, Zum ogom, in: PBB 61 (1937), S. 188ff. = Thurneysen (1991), II, S. 292ff.

Tierney (1959/60) – J. J. Tierney, The Celtic Ethnography of Posidonius, in: *PRIA C/4 60* (1959/60), S. 189ff.

Tomaschitz (2002) – K. Tomaschitz, Die Wanderungen der Kelten in der antiken literarischen Überlieferung, Wien, 2002.

Tovar (1986) – A. Tovar, The Celts in the Iberian Peninsula: archaeology, history, language, in: Geschichte und Kultur, S. 68ff.

Tovar et al. (1979) – A. Tovar – M. Faust – F. Fischer – M. Koch (ed.), Actas del II coloquio sobre lenguas y culturas prerromanas de la peninsula iberica, (Tubingen 17-19 junio 1976), Salamanca, 1979.

Treasures (1977) – Treasures of Early Irish Art 1500 B. C. to 1500 A. D. from the collections of the National Museum of Ireland. Royal Irish Academy, Trinity College, Dublin, New York, 1977.

Tristram (1990) – Hildegard L. C. Tristram, 150 Jahre deutsche Hibernistik, in: Deutsche, Kelten und Iren, S. 11ff.

Tuffreau-Libre (1992) – M. Tuffreau-Libre, La ceramique en Gaule romaine, Paris, 1992.

Uenze (1980) – H. P. Uenze, Zu einigen bildlichen Darstellungen der Hallstattzeit aus Nordbayern, in: Hallstattkultur, S. 375ff.

Ulidia – Ulidia. Proceedings of the First International Conference on the Ulster Cycle of Tales. Belfast and Emain Macha 8-12 April 1994 (ed. J. P. Mallory – G. Stockman), Belfast, 1994.

Untermann – Villar (1993) – Lengua y cultura en la Hispania Prerromana, Actas del V Coloquio sobre lenguas y culturas prerromanas de la Peninsula Iberica, ed. J. Untermann – F. Villar, Salamanca, 1993.

Untermann (1975) – J. Untermann, «Kelten», in: Pauly V, Sp. 1612ff.

Untermann (1980) – J. Untermann, Die venetische Sprache, in: Glotta 58 (1980), S. 281ff.

Untermann (1987) – J. Untermann, Lusitanisch, Keltiberisch, Keltisch, in: Studia Palaeo-hispanica. Actas del IV Coloquio sobre lenguas y culturas paleo-hispanicas (=Veleia 2-3), Vitoria-Gasteiz 1987, S. 57ff.

Urban (1989) – O. H. Urban, Wegweiser in die Urgeschichte Österreichs, Wien, 1989.

Urban (1994) – O. H. Urban, Keltische Hohensiedlungen an der mittleren Donau. I: Der Freienberg, in: Linzer Archäologische Forschungen 22 (1994), S. 15f.

Van Tieghem (1917) – P. van Tieghem, Osson en France 2 Bde, Paris, 1917.

Vendryes (1937) – J. Vendryes, La Position linguistique du celtique (= The Sir John Rhŷs Memorial Lecture), London, 1937.

Vendryes (1940b) – J. Vendryes, Prydain et Britanni, in: Fs. MacNeill, S. 160ff.

Vendryes (1948) – J. Vendryes, La religion des Celtes (= «Mana». Les Religions de l'Europe ancienne 111), S. 237ff. Paris, 1948.

Vendryes (1952) – J. Vendryes, Choix d'études linguistiques et celtiques, Paris, 1952.

Verweyen (1991) – A. Verweyen, Das Phänomen Asterix – Trivialisierung der Geschichte?, in: Zs. f. Kulturaustausch 2 (1991), S. 288ff. *

Vielle (1994) – Chr. Vielle, The Oldest Narrative Attestations of a Celtic Mythical and Traditional Cycle, in: *Ulidia*, S. 217ff.

Von Hase (1992) – F.-W. von Hase, Etrurien und Mitteleuropa. Zur Bedeutung der ersten italisch-etruskischen Funde der späteren Urnenfelder- und frühen Hallstattzeit in Zentraleuropa, in: *Etrusker*, S. 235ff.

Vulić (1926) – N. Vulić, Les Celtes dans le nord de la péninsule balkanique, in: *Musee Belge* 30 (1926), S. 231ff.

Wackernagel (1959) – H. G. Wackernagel, Das Ausscheiden der Kelten aus der Weltgeschichte, in: *Altes Volkstum der Schweiz. Ges. Schriften zur hist. Volkskunde* 2 (= *Schriften der Schweizerischen Ges. f. Vkte* 38), Basel 1959, S. 117ff.

Wagner (1971a) – H. Wagner, The Origin of the Celts in the Light of Linguistic Geography, in: *Studies in the Origins of the Celts and of Early Celtic Civilisation*, Belfast–Tübingen, 1971.

Wagner (1971b) – H. Wagner, Studies in the Origins of Early Celtic Civilisation, in: *Studies in the Origins of the Celts and of Early Celtic Civilisation*, Belfast–Tübingen, 1971.

Wagner (1982) – H. Wagner, Near Eastern and African Connections with the Celtic World, in: *Consciousness*, S. 51ff.

Wainwright (1955) – J. T. Wainwright (ed.), The Problem of the Picts, London, 1955.

Wakelin (1975) – Martyn F. Wakelin, Language and History in Cornwall. Leicester University Press, 1975.

Waquet (1950) – H. Waquet, Histoire de la Bretagne, Paris, 1950.

Webster – Dudley (1965) – G. Webster – D. R. Dudley, The Roman Conquest of Britain. London, 1965.

Webster (1975) – G. Webster, The Cornovii, London, 1975.

Webster (1986) – G. Webster, The British Celts and their Gods under Rome, London, 1986 = *Celtic Religion in Roman Britain*, Totowa/New Jersey, 1987.

Wedekin (1993) – Chr. Wedekin, Abschluß der archäologischen Untersuchungen der prähistorischen Wallbefestigung «Burg» bei Schwarzenbach, in: *Archäologie Österreichs* 4 (1993), S. 26f.

Weisgerber (1931a) – L. Weisgerber, Die Sprache der Festlandkelten, in: 20. Ber. RGK, Frankfurt/M. 1931, S. 147ff. = Weisgerber (1969), S. 111f.

Weisgerber (1931b) – L. Weisgerber, Galatische Sprachreste, in: *Natalicium Geffcken*, Heidelberg, 1931, S. 151ff.

Weisgerber (1935) – L. Weisgerber, Sprachwissenschaftliche Beiträge zur frührheinischen Siedlungs- und Kulturgeschichte I, in: *Rheinisches Museum für Philologie* 84 (1935), S. 289ff. = Weisgerber (1969), S. 103ff.

Weisgerber (1939) – L. Weisgerber, Zur Sprachenkarte Mitteleuropas im frühen Mittelalter, in: *RhVB* 9 (1939), S. 23ff. = Weisgerber (1969), S. 150ff.

Weisgerber (1953) – L. Weisgerber, Die sprachliche Schichtung der Mediomatrikernamen, in: *RhVB* 18 (1953), S. 249ff. = Weisgerber (1969), S. 213ff.

Weisgerber (1958) – L. Weisgerber, Erläuterungen zur Karte der römischzeitlich bezeugten rheinischen Namen, in: *RhVB* 23 (1958), S. 1ff. = Weisgerber (1969), S. 317ff.

Weisgerber (1968) – L. Weisgerber, Die Namen der Ubier, Köln-Opladen, 1968.

Weisgerber (1969) – L. Weisgerber, Rhenania Germano-Celtica, Bonn, 1969.

Wells (1985) – P. S. Wells, Mediterranean trade and culture change in Early Iron Age central Europe, in: Champion – Megaw (1985), S. 69ff.

Wenskus (1961) – R. Wenskus, Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes, Köln–Graz, 1961.

Wer sind die Kelten? – Wer sind die Kelten? Beiträge zur gleichnamigen Vortragsreihe an der Volkshochschule Wien – Margareten im Herbst 1987, hg. Roisin O Mara, Wien, 1988.

Weston (1906) – Jessie L. Weston, The Legend of Sir Perceval, 2 vols., 1906–1909.

Weston (1913) – Jessie L. Weston, The Quest of the Holy Grail, London, 1913.

Weston (1920) – Jessie L. Weston, From Ritual to Romance, Cambridge, 1920.

Wheeler – Richardson (1957) – W. Wheeler – K. M. Richardson, Hill-Forts of Northern France. With an Appendix on muri gallici by M. A. Cotton, London, 1957.

Wielandt (1959) – Fr. Wielandt, Keltische Motive auf alemannischen Mittelaltermünzen, in: Studien zur Kunst des Oberrheins (Fs. f. W. Noack), Konstanz – Freiburg i. Brsg., 1959, S. 9ff.

Wigg (1992a) – Angelika Wigg, Schmuck aus Bernstein, Tonschiefer, Lignit und Gagat, in: Meisterwerke, S. 203ff.

Wigg (1992b) – Angelika Wigg, Koralle und Email als Einlage bei Metallarbeiten, in: Meisterwerke, S. 207ff.

Wightman (1970) – Edith M. Wightman, Roman Trier and the Treveri, London, 1970.

Wilde (1852) – Sir William R. Wilde, Irish Popular Superstitions, Dublin, 1852 (Nachdruck, 1972).

Will (1992) – W. Will, Julius Caesar. Eine Bilanz (= Urban Taschenbucher 448), Stuttgart–Berlin–Köln, 1992.

Willms (2002) – Der Keltenfürst aus Frankfurt. Macht und Totenkult um 700 v. Chr., hg. Chr. Willms, Frankfurt am Main, 2002.

Wolf (1979) – H. J. Wolf, Französische Sprachgeschichte, Heidelberg, 1979.

Women and Sovereignty – Women and Sovereignty, hg. Louise Olga Fradenburg, Edinburgh, 1992 (= Cosmos 7).

Wooding (1988/90) – J. M. Wooding, What Porridge Had the Old Irish? E Ware and Early Irish History, in: ACJ 1 (1988), S. 12ff.

Wucher (1968) – A. Wucher, Theodor Mommsen. Geschichtsschreibung und Politik (= Gottinger Bausteine zur Geschichtswissenschaft 26), 2 Göttingen – Zürich–Berlin–Frankfurt/M., 1968.

Zecchini (1984) – G. Zecchini, I Druidi e l'opposizione dei Celti a Roma, Milano, 1984.

Zeller (1995) – K. Zeller, Der Durrnberg bei Hallein. Ein Zentrum keltischer Kultur am Nordrand der Alpen (= Archäologische Berichte aus Sachsen-Anhalt 1995/1), S. 293ff.

Zeuß (1837) – K. Zeuß, Die Deutschen und die Nachbarstämme, München, 1837 (Nachdruck 1925).

Ziegaus (1994) – Das Geld der Kelten und ihrer Nachbarn. Sammlung Josef Schorghuber, Einführung und Katalog B. Ziegaus, München, 1994.

Zimmer (1990) – St. Zimmer, Ursprache, Urvolk und Indogermanisierung (= IBS, Vorträge und Kleinere Schriften 46), Innsbruck, 1990.

Zimmer (1993) – St. Zimmer, Das Projekt eines keltischen Namenbuches, in: Symposium 1992, S. 385ff.

Zimmer (1995) – St. Zimmer, Zu einigen kulturhistorischen Problemwörtern, in: Iran und Turfan. Beiträge Berliner Wissenschaftler Werner Sundermann zum 60. Geburtstag gewidmet, Wiesbaden, 1995, S. 277ff.

Zirra (1991a) – V. V. Zirra, Entre l'utile et l'art. Les fibules lateniennes en Roumanie, in: EC 28 (1991), S. 451ff.

Zirra (1991b) – V. V. Zirra, The Cemetery of Ciumesti and the Chieftain's Tomb, in: The Celts (1991), S. 382f.

Zwicker (1936) – J. Zwicker, Fontes Historiae Religionis Celticae, Berlin – Bonn, 1934–1936.

Популярные работы, беллетристика, эзотерика и курьёзы (избранное)

A Celtic Reader – A Celtic Reader. Selections from Celtic Legend, Scholarship and Story, compiled and edited J. Matthews, London – San Francisco, 1991.

Beyerlein (1994a) – Gabriele Beyerlein, Entscheidung am Heiligen Felsen, 2, Würzburg, 1994.

Beyerlein (1994b) – Gabriele Beyerlein, Am Berg des weißen Goldes – eine Geschichte aus der Zeit der Kelten, Hamburg, 1994.

Brustle (1986) – O. Brustle, Neue Wege der linguistischen Paläontologie, in: Grazer Linguistische Studien 25 (1986), S. 67ff.

Dali (1982) – S. Dali, Trajan and the Celtic Consciousness, in: Consciousness S. 517.

Der Gral – Der Gral. Artusromantik in der Kunst des 19. Jahrhunderts, Katalog zur Ausstellung des Bayerischen Nationalmuseums München 25. Oktober 1995 – 21. Januar 1996, hg. R. Baumstark – M. Koch, Köln, 1995.

Dietler (1994) – M. Dietler, Our Ancestors the Gauls, in: American Anthropologist 94 (1994), S. 584ff.

Ganghofer – L. Ganghofer, Der Mann im Salz, 1906.

Gottner-Abendroth (1980) – Heide Gottner-Abendroth, Die Göttin und ihr Heros, München, 1980.

Graves (1962) – R. Graves, The White Goddess: A Historical Grammar of Poetic Myth, 2, London, 1961.

Gray (1925) – T. Gray, Cuchulainn. An Epic-Drama of the Gael, Cambridge, 1925.

Herder Ideen – J. G. Herder, Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit, hg. M. Bollacher, in: J. G. Herder Werke Bd. 6 (= Bibliothek deutscher Klassiker 41), Frankfurt/M., 1989.

Herm (1991) – G. Herm, Die Kelten. Das Volk, das aus dem Dunkel kam, Augsburg, 1991.

Hope (1990) – M. Hope, Magie und Mythologie der Kelten. Das rätselhafte Erbe einer Kultur (im Original: «Practical Celtic Magic»), 2, München, 1990.

Irischer Lebenslauf – Flann O'Brien [eigentl. Brian Nolan], Irischer

Lebenslauf. Eine arge Geschichte vom harten Leben..., Frankfurt/M., 1984 (Suhrkamp taschenbuch 986)

Kolb (1993) – P. Kolb, Wer waren die Kelten?. Juniorkatalog Museums-Pädagogisches Zentrum, München, 1993.

Lengyel (1991) – L. Lengyel, Das geheime Wissen der Kelten, enträtselt aus druidisch-keltischer Mythik und Symbolik, 6 Freiburg/Brsg, 1991.

Lewis (1995) – C. W. Lewis, Iolo Morganwg, Carnarfon, 1995.

Macrae (1995) – A. F. Macrae, W. B. Yeats. A Literary Life, London, 1995.

Markale (1976) – J. Markale, King Arthur. King of Kings, Paris, 1976.

Markale (1989) – J. Markale, Brocéliande et l'énigme du Graal, Paris, 1989, в серии «Тайная история Франции» (!)

Markale (1989) – J. Markale, Die Druiden. Gesellschaft und Götter der Kelten, München, 1989.

Markale (1991) – J. Markale, Die keltische Frau. Mythos, Geschichte, soziale Stellung, München, 1991.

Matthews – Gorden – J. Matthews – M. Gorden, Lexikon der keltischen Mythologie (= Reihe Heyne Sachbuch 9/280), München, 1994.

Nemec – Birkhan (1989) – H. Nemec – H. Birkhan, Irland. Insel der Heiligen, Mattersburg, 1989.

Obermüller (1979) – W. Obermüller, Deutsch-Keltisches, Geschichtlich-Geographisches Wörterbuch zur Erklärung der Fluss-, Berg-, Orts-, Gau-, Völker- und Personalnamen Europas, Westasiens und Nordamerikas im allgemeinen, wie insbesondere Deutschlands, 2 Bde, Leipzig, 1868, 1872 (Nachdruck 1979).

O'Leary (1994) – P. O'Leary, The Prose Literature of the Gaelic Revival 1881 – 1921: ideology and innovation, Univ. Park/Penna, 1994.

O'Shea (1994) – Pat O'Shea, Die Meute der Morigan, 2, Stuttgart, 1994.

Ossian (1926) – The Poems of Ossian, transl. by J. Macpherson, Edinburgh, 1926.

Ossian (1995) – The Poems of Ossian and Related Works, hg. H. Gaskill mit einer Einleitung von Fiona Stafford, Edinburgh, 1995.

Ossian – Ossian's Gedichte. Rhythmisch übersetzt von J. G. Rhode, 3 Tle in einem Band, Wien, 1827.

Raabe – W. Raabe, Keltische Knochen, 1864.

Resch-Rauter (1992) – Inge Resch-Rauter, Unser keltisches Erbe. Flurnamen, Sagen, Märchen und Brauchtum als Brücken in die Vergangenheit, Wien, 1992.

Richter (2002) – G. J. Richter, Keltische Wurzeln in europäischen Sprachen, Leipzig, 2002.

Schertler (1999) – O. Schertler, Die Kelten und ihre Vorfahren. Burgenbauer und Stadtgründer, Augsburg, 1999.

Sills-Fuchs – Martha Sills-Fuchs, Wiederkehr der Kelten, München, 1986.

Tolstoy (1987) – N. Tolstoy, Auf der Suche nach Merlin. Mythos und geschichtliche Wahrheit, München, 1987.

Ulysses – J. Joyce, Ulysses, übers. H. Wollschlager, Frankfurt/M., 1981 (=Suhrkamp NF 100).

Vescoli (1988) – M. Vescoli, Keltischer Baumkreis, Zürich, 1988 (edition kurz).

Vischer – F. Th. Vischer, Auch einer [darin: eine «Pfähldorfgeschichte»], 1878.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Источники

Авиен Руф. Описание морского берега /Пер. С.П. Кондратьева// ВДИ, 1939, № 2.

Александрийская поэзия. Пер. с древнегреч. / Сост. и предисл. М. Грабарь-Пассек. М., 1973.

Аппиан. Римские войны/Ред. Л.Ю. Лукомский. СПб., 1994.

Аристотель. Сочинения. В 4-х тт. М., 1976–1984.

Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида / Пер. с лат. М., 1971.

Африей. Пир мудрецов. В пятнадцати книгах. Книги I–VIII/Изд. подг. Н.Т. Голипкевич и др. М., 2003.

Диодор Сицилийский. Историческая библиотека: Книги IV–VII. Греческая мифология /Пер. с древнегреч., вступ. ст. и комм. О.П. Цыбенко. СПб., 2005.

Ливий Тит. История Рима от основания Города/Пер. под ред. М.Л. Гаспарова, Г.С. Кнабе. Т. I–III. М., 1989–1993.

Лукап. Фарсалия или поэма о гражданской войне/ Пер. Л.Е. Остроумова. Ред., статья и комм. Ф.А. Петровского. М., 1951, репр. 1993.

Марк Манилий. Астрономика. (Наука о гороскопах)/Пер., вступ. статья и комм. Е.М. Штаерман. М., 1993.

Навсаний. Описание Эллады / Пер. и вступ. статья С.П. Кондратьева. Т. 1–2. М., 1938, 1994.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания / Изд. Подг. С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, С.П. Маркиш. Т. 1–2. М., 1994.

Полибий. Всеобщая история /Пер. Ф.Г. Мищенко. Т. 1–3. СПб., 1994.

Полиэн. Стратегемы / Под общей ред. А. К. Нефедкина. СПб., 2002.

Страбон. География в семнадцати книгах /Пер., статья и комм. Г.А. Стратановского. М., 1964, 1994.

Тацит. Сочинения / Изд. подг. А.С. Бобович, Я.М. Боровский, М.Е. Сергеевко. М., 1993 (и другие издания).

Цезарь. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей / Пер. и вступ. статьи М.М.Покровского. М., 1948, 1993 (и другие издания).

Цицерон. Избранные сочинения /Сост. и ред. М.Л. Гаспарова и др. М., 1975.

Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» / Пер. А. А. Деконского и М. И. Рижского // ВДИ, 1954, № 2–4; 1955, № 1 (и другие издания).

C. Julii Caesaris Commentarii de Bello Gallico. Текст с объяснительным словарем и приложением карты Галлии/ Изд. для употребления в гимназиях М. Блюс. М., 1914.

Литература

Брюно Ж.-Л., Бюкзениц О. Новые исследования кельтской цивилизации во Франции// Вестник древней истории. 1990. № 3.

Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества/Пер. и примеч. А.В. Михайлова. М., 1977.

Гете И.-В. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Т. 1. Стихотворения. М., 1975.

Кретьен де Труа. Эрек и Энида, Клижес /Изд. подг. В.Б. Микушевич, А.Д. Михайлов, Н.Я. Рыкова. М., 1980.

Левин Ю.Д. Оссиан в русской литературе. Конец XVIII – первая треть XIX века. Л., 1980.

Майлз на Гапальн (Бриан О'Нуаллан). Поюшие Лазаря, или На редкость бедные люди/Пер. А. Коростелевой. СПб., 2003.

Макферсон Д. Поэмы Оссиана/ Изд. подг. Ю.Д. Левин. Л., 1983.

Маммзен Т. История Рима. Т. III: от смерти Суллы до битвы при Тапсе. СПб., 1995.

Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 1996.

Нефедкин А.К. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI–I вв. до н.э.). СПб., 2001.

Прелания и мифы средневековой Ирландии/Сост., пер., вступ. статьи и комм. С.В. Шкунаева. М., 1991.

Росс Э. Кельты-язычники (Ross A. Everyday Life of the Pagan Celts). М., Центрполиграф, 2005.

Хендерсон И. Пикты (Henderson I. The Picts). М., 2004.

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
<i>Введение</i>	8
Кельты глазами античных авторов	29
Кельты, галлы, галаты: определение понятия «кельты»	39
Кельтские языки	62
Событийная история	
Распространение кельтов на юг и юго-восток	98
Кельты на Иберийском полуострове	168
Завоевание Галлии по ту сторону Альп	191
Жизнь в провинциях после Цезаря и дальнейшая судьба континентальных кельтских языков	271
Британния	276
Внутреннее развитие провинций на континенте	296
Языковое расслоение в провинциях. Судьба островных кельтских языков	312
Археологические данные	
На континенте	337
О котле из Гундеструпа	418
Островные кельты	426
<i>Сокращения в тексте</i>	472
<i>Библиография</i>	479

Эта книга — первый том
обширного труда «Кельты»
крупнейшего
австрийского ученого
Гельмута Биркхана.

Она посвящена
археологическим исследованиям,
истории кельтских народов и
системе кельтских языков.
Столь фундаментальный труд
публикуется на русском языке
впервые.

/// АГРАФ

ИСТОРИЯ И
КУЛЬТУРА

КЕЛЬТЫ

БИРКХАН